

Министерство образования Новосибирской области
Государственное бюджетное учреждение дополнительного профессионального образования
Новосибирской области «Областной центр информационных технологий»
Государственное автономное учреждение дополнительного образования
Новосибирской области «Областной центр развития творчества детей и юношества»
Издательский Дом «Историческое наследие Сибири»

Народная ЛЕТОПИСЬ

НОВОСИБИРСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Новосибирск
2020

Инициаторы проекта

К.К. Гиберт

Руководитель проекта

С.В. Федорчук

Координатор проекта

Р.О. Вершинин

Составитель и главный редактор

Н.А. Александров

Оргкомитет:

Л.Г. Албутова, О.В. Бушмакина, Е.П. Быкова, А.С. Галстян, Е.Г. Гридчина, Е.Н. Гудова, Т.Н. Егорушкина, Е.М. Жаркова, С.Н. Заика, И.Л. Звягинцева, А.А. Киселёва, Л.А. Кислых, Н.В. Клименко, Т.В. Колтышева, Е.А. Лавреньев, Ю.В. Лисина, А.В. Лукан, О.К. Макаренко, С.В. Марченко, Е.В. Мосеевская, Т.Д. Ольховик, С.Н. Поварова, Л.В. Потеряева, Л.А. Пыхтеева, К.А. Рахимова, Н.В. Савостеева, Т.А. Степнова, М.В. Сударева, А.С. Фурсова, О.А.Шарапова

Научный консультант

Доктор исторических наук, член-корреспондент РАН

В.А. Ламин

Экспертный совет

О.Н. Вялкова, В.И. Кирпиченко, О.М. Мазаева, А.В. Польникова

*Информационно-программное сопровождение
и техническое обеспечение*

В.Г. Перкова, Э.Э. Сапрыкин

Н 30 Народная летопись. Новосибирская область : [краеведческая художественно-публицистическая хроника : исторические статьи] / составитель проекта Н. А. Александров. – Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2020. – 472 с. : ил.

В Летопись вошли статьи о местных легендах, уникальных природных уголках, памятниках археологии и архитектуры, знаменательных событиях, знаменитых людях, героях войны и труда. В книге использованы фотоматериалы из личных архивов участников проекта, а так же из фондов краеведческих и школьных музеев.

НАШЕ ДОСТОИНСТВО

Наши отцы и матери совершили много славных подвигов, оставив нам в наследство великую и богатейшую страну. Какое удивительное сочетание неустанного физического труда и высоких нравственных устоев, но ведь только такие люди и могли победить тех, кого объединяет надуманная высокомерная исключительность и превосходство над другими людьми.

Наш народ во всём многонациональном разнообразии обладает удивительной тайной благородного духа в стремлении жить мирно, общими и справедливыми интересами, а если потребуется, – готовыми защищать честь и достоинство всех и каждого, независимо от их расовой принадлежности, религиозных предпочтений или материального положения.

В Народной Летописи вы найдёте подтверждение наших высоких достоинств на примерах трагической и счастливой истории.

Чановский район

Девочка Катя, озеро Чаны и Чудище подводное

Жила-была девочка Катя. Исполнилось ей 12 лет. Как-то раз решили родители отправить свою девочку к бабушке и дедушке в деревню, неподалеку от озера Чаны. И вот настал заветный день, собрали вещи и поехали. По пути мама напутствовала девочке:

– Доченька, слушайся во всем бабушку и дедушку, не дерзи, не капризничай, не шали. Помогай по дому, подметай пол, мой посуду... Они старенькие и им очень трудно. – Итак всю дорогу!

– Маменька, – смиренно соглашалась Катенька, – я уже большая и все знаю, все будет хорошо.

Вскоре они въехали в деревню и вот он – родительский дом.

– Ой, батюшки! – воскликнула, выбежав старушка, – никак доченька приехала! Навестить стариков, оно и правильно, а то ты совсем нас забросила. Боженьки! И внучку привезла! Ой, ты чудо наше золотое! Ой, ты моя радость, солнце мое ненаглядное! – запричитала растроганная бабушка, поочередно обнимая и целуя то дочку, то внучку. – Проходите, проходите, гости дорогие.

Бабушка радостно суетилась, завела гостей в дом.

– Ухи вот похлебайте, только сварила, как чувствовала, что гости дорогие едут, дед рыбки наловил, – обрадованная старушка начала наливать по мискам наваристую уху.

– Мама, да я ненадолго. Вот решила оставить внучку погостить у тебя...

– Как, а ты разве не останешься? – оторопела бабушка, так и застыв с черпаком в руке.

– Нет, мама, прости, но меня машина ждет.

– Да, садись хоть ушицы поешь с дороги-то.

– Нет мам, некогда. Меня человек ждет, неудобно.

– Ну, хоть чайку попей, что ли.

– Мам, правда, мне некогда. Я побежала, – Катина мама поцеловала бабушку в щеку и убежала.

– Э-эх! Все жить торопитесь! Ну что, внученька, на, держи тарелочку, хоть ты поешь моей ушицы. Скоро дед с озера вернется. А ты вон с местными ребятами можешь поиграть. Дети у нас веселые, бойкие, не то что городские, полужаборенные. У нас озеро Чаны, самое большое в Западной Сибири. Слышала?

– Конечно, бабушка, я же уже в шестом классе учусь.

– Ну, и умница. Плавать-то умеешь?

Катя кивнула головой. Бабушка говорила, говорила, и казалось, что ей уже и неважно, слушает ее Катя или нет.

– Спасибо, бабуля за уху. Она у тебя вкусная. Чай пить не хочу. Пойду на улицу. С девчонками познакомлюсь, – чмокнув бабушку в щеку, Катя выбежала из дома.

– Э-эх, молодежь, все торопитесь... Молодая кровь, горячая. И побегать, и попрыгать нужно, – бабушка покачала головой. – Ну да ладно, приехали и то ладно, нужда в гости загнала.

Катя вышла на крыльцо, жмурясь от солнца, направилась к калитке. Вдруг калитка отворилась, и во двор вошел довольно пожилой мужчина.

– А никак внученька приехала! – дедушка обнял девочку. – Ну, здорово, здорово. Небось бабка заговорила, из дому бежишь? – дед лукаво подмигнул ей, Катя улыбнулась.

– Ну что ты, дедушка...

– Знаю, полста лет вместе, она кого хочешь, заговорить может. Ладно, уху-то поесть успела?

– Да.

Озеро Чаны

– Мать где?
 – Она привезла меня и уехала.
 – Э-ка! Отцу ни здрасти, ни досвидания! Лады, пойдем домой. Чайком побалуемся, он у нас вкусный, клубничный, такого в городе не найдешь.

Катя засмеялась:

– Пойдем.

– Ну, мать, привел я обратно внучку, наливай нам чаю, – повернулся к Кате, – а на улицу всегда успеешь. Давай, внученька, рассказывай, как живешь в городе, как учишься?

– Ой, бабушка, да у меня-то и рассказывать нечего. Каждый день одно и то же: школа – дом – музыкалка, и так каждый день – скучно. А у вас тут и ягода, и грибы, и озеро, и рыбалка, и трактора, и поля с пшеницей. Мы пока ехали все рассмотрели.

– А у нас тут весело, но знаешь ты не все! А потому послушай одну историю... Давным-давно, завелось в нашей озере Чаны чудище подводное, страшное и ужасное. Звери боялись подходить к озеру попить воды – сразу можно было поплатиться жизнью: высоко над водой взметался длинный чешуйчатый хвост и сбивал животное в озеро и пожирал его. Птицы боялись садиться на воду, под ними тут же образовывалась ужасная воронка, и пернатые, не успев даже взмахнуть крыльями и крикнуть, исчезали в огромной пасти прожорливого хищника. А подводным обитателям и того хуже: не было им спасенья во всем озере от этого чудища. Страхом и ужасом наполнилась жизнь людей, когда чудище, попробовало человеческого мяса.

Дед замолк, Катя испуганно огляделась, однако, бабушка хитро улыбалась, но молчала.

– Ну, ты дед, даешь, аж страшно стало, и что же было дальше?

– Вот, вижу ты сомневаешься, а это чудище дед Никодим, которому сто лет уже, видел и мне тогда совсем еще мальчонке, про него рассказал.

– Бабушка! А сейчас где это чудище?

– Уплыл, внученька, в далекие края. Но поговаривают, должен скоро вернуться.

– Что? Оно это чудище может вернуться и нами обедать?

– Не шути, внученька, люди напраслину не скажут.

– Ну, знаешь, бабушка! Все это... сказки. Я, между прочим, шесть классов закончила, и я этого вашего зверозавра не боюсь.

– Умничка, внученька, ну ступай. Познакомься, наконец, с нашей местной детворой, – дед улыбнулся, но если на озеро пойдете, далеко все-таки не заплывай. От греха подальше держись. Поняла?

– Хорошо, я пошла, – Катя задумчиво встала и вышла из дома. «А может, это правда. Да, правда! Нет, вряд ли. – так шла и размышляла Катя, – а может, дед просто хотел меня поугадать.

Она медленно шла по деревне и вдруг увидела широкую гладь озера.

– Ах, вот оно какое это озеро Чаны, удивилась Катя, потому что озеро было бескрайним и напоминало море, которое манило и влекло миллионом солнечных зайчиков и водяных бликов, таких ласковых и теплых.

И Катя решительно направилась к озеру. Берег был сухим и песчаным, она попробовала ногой воду, теплое, как парное молоко! Катя сбросила халатик, поправила купальник, заколола повыше волосы на голове, чтобы не намокли, вошла в воду и медленно поплыла. Вода была нежной, ласково щекотала шею, пахла цветущими водорослями и сияло калейдоскопом разноцветных бликов!

Вдруг вдаль озера Катя увидела какое-то пятно. Она сначала подумала, что это пароход. «Фу, чужь какая-то, откуда здесь пароход?!» Пятно тем временем увеличивалось. «О боже! – промелькнуло в голове у Кати. – Да, не может быть!» И вот она уже могла разглядеть голову, туловище того кого еще недавно называла зверозавром.

– Боже! Мамочка! Нет! – в голове панически путались мысли. – Больше никогда никого не буду обзывать. Прощай, мамочка, папочка, дед, бабулечка. Я вас люблю! Беги, беги. Плыви, отплывай, давай!

Катя хотела заорать, но голос пропал, она хотела плыть, но руки, ноги не повиновались ей. И вот оно чудище около нее. Оно немного было похоже на дракона, но у него не было видно

крыльев, но его длинный чешуйчатый хвост, то и дело показывался из воды.

Катя мысленно прощалась со всеми родными. Совсем не к месту она вспоминала, куда положила свои золотые сережки, которые не могла потеряла еще год назад. И Катя вдруг заорала, из ее груди вырвался какой-то неистовый вопль страха, угрозы и отчаяния.

– Я, конечно, понимаю, что я далеко не красавица, обиделось чудище, но и не настолько страшна, чтобы так орать.

– Да нет, вы вовсе не ужасная, даже красивая, просто... Ой, а вы умеете разговаривать? – удивилась Катя.

– Слушай, девочка, я не за комплиментами, я по делу к тебе. Мой маленький сыночек запутался в рыбацких сетях, и мне самой никак не освободить его. Помогите мне, пожалуйста.

– Конечно. Где он? Поплыли скорее, мы действительно теряем время на пустые разговоры.

Катя, конечно, была слегка не в себе, но и понятно, не каждый день встречаешь чудище подводное, но если нужно было кого-то спасти, Катя была готова всегда.

– А как мы поплывем – взволнованно спросила Катя.

– Цепляйся за мой хвост, а я легонько заброшу тебя на спину.

Перед Катей из воды появился зеленый хвост. Катя что есть силы ухватилась за него и на всякий случай зажмурилась. На ощупь хвост оказался теплым и немного шершавым и через миг Катя уже сидела на спине чудища. Катя поудобней уселась между двумя крыльями, которые только сейчас заметила, они были такими же зелеными, как и хвост. И чудище быстро поплыло по гладкому озеру, разрезая воду, буд-то огромный пароход.

– Послушай, а как тебя зовут? – ничего умнее Катя придумать не могла, но она решила, как всякий воспитанный человек, познакомиться.

– Несси.

– Как? Нелли?!

– Слушай, у тебя со слухом плохо. Я же сказала Несси, а моего деда звали Лох– Несс, слышала?

– Конечно! Очень приятно познакомится, Несси, а меня Катей зовут.

– Послушай, Несси, значит, вы и летать умеете? – Девочка с любопытством посмотрела на странные крылья, они были небольшого размера.

– Конечно, нам пришлось бы туго без них выжить в этом мире. Мы все умеем: и ходить, и летать, и по дну ползать, и, как видишь, плаваем тоже умело. Раньше здесь жил мой дед. Он был слегка прожорлив.

– Не то слово, легко сказано...

– Я на свет появилась на этом озере, и мой малыш первый свой вздох сделал здесь же. Как только он немного окрепнет, мы покинем это место, но мы вернемся, чтобы следующий наш детеныш появится здесь же. Ну, вот мы и приплыли.

Катя огляделась. Желтые камыши плотно обступили сушу. Сразу за камышом – высокий берег, а на берегу росли березы. Они были настолько большие и старые, что нижние ветки очень низко склонялись к земле.

– Где твой малыш? – Катя крутила головой во все стороны, но ничего похожего на маленького птицеявора не видела.

– Он там – ответила Несси и вышла из воды. Девочка легко спрыгнула со спины чудища и в нескольких метрах от воды, под плотным сводом березовых веток, лежал измученный детеныш Несси. Его тело плотно обвивала браконьерская сеть. Печальные глазки малыша были устремлены на маму.

– Да, дела. Просто так сеть не распутаешь, здесь нужен нож. Почему я об этом не подумала раньше, можно было сбежать в деревню, к бабушке. Он дал бы хороший острый нож.

– Здесь недалеко есть домик рыбаков, может в нем отыщется та вещь, которая поможет освободить моего малыша.

– Где этот домик? Говори скорее. Я сбегать.

– Это в той стороне, – и Несси кивнула вправо, – беги туда и ты скоро увидишь его.

Что есть силы, Катя бросилась бежать вдоль камышей в поисках рыбацкого домика. Вскоре она устала бежать и перешла на шаг, и тут вдруг из-за деревьев показалась избушка. Возле нее лежало несколько перевернутых

лодок. «Наверное, рыбацкий домик», – подумала Катя и окликнула: «Есть кто живой?» В ответ тишина. Девочка шагнула к дверям, потянула за ручку, и дверь со скрипом открылась. Катя вошла и огляделась. Маленькое грязное оконце, будто в подвал, пропускало мутный столб тусклого света. У окна – широкий стол, рядом несколько скамеек. На столе неприбранная посуда – чашки, кружки, ложки, но ножа не было. «Что же делать? Где взять нож?» Взгляд девочки скользил вдоль стены. В углу примостилась небольшая печь. А над печкой, о чудо, Катя увидела большой нож, он был воткнут в бревно. Катя дотянулась до него и попыталась выдернуть. Нож крепко сидел на своем месте. «Маловато силенок – подумала девочка, – но надо что-то придумать». Она подтянула скамейку, встала на нее и двумя руками ухватила за рукоятку ножа и снова потянула. Нож выдернулся, и Катя облегченно вздохнула.

– Ура! Я спасу малыша! – восторженно закричала девочка и бросилась бежать туда, где осталась Несси с детенышем. Обратный путь показался Катерине намного короче. Стараясь перевести дыхание, девочка подошла к малышу. Он лежал на боку и глаза его были по-прежнему печальны.

– Ты нашла нож! – обрадовалась Несси, – какая ты молодец, Катя.

– Сейчас, маленький, я тебе помогу! – прошептала Катя и принялась аккуратно разрезать сеть.

С трудом, медленно тело малыша освобождалось. Ну, вот и долгожданная свобода. Детеныш поднялся и пошатываясь поплелся к воде. Через некоторое время они вернулись. Малыш уже выглядел бодреньким и прятался за маму.

– Спасибо тебе, Катя! Ты спасла моего малыша! Скажи, чем я могу тебя благодарить.

– Ничего мне не надо, просто не ешьте людей, и все, ну, чтобы дети не боялись купаться в этом чудесном озере.

– Да мы и не едим, это было, но очень давно. Эту славу людоеда оставил нам дедушка. Обещаю, мы людей есть не будем.

Спасибо. Скажи, а как зовут твоего детеныша, почему он со мной не разговаривает?

– Ласси, его зовут Ласси. Он еще маленький, говорить по-человечески не умеет, но все понимает. Он благодарит тебя за свое спасение и приглашает немного с ним поплавать.

– Я очень рада! Пошли! Катя направилась к воде. Ласси последовал за ней. С озера долго доносились восторженные крики девочки. То Ласси катал её на спине, то они играли в «догонялки».

– Мне надо домой. – сказала Катя, – с вами здорово, но бабушка с дедушкой будут беспокоиться, искать меня.

– Я доставлю тебя к деревне, но вначале хотела тебя отблагодарить. В нашей семье есть семейная реликвия – медальон. Он хранит нас от всяких бед и напастей, и теперь он твой. Ты спасла нас. Теперь медальон будет хранить и оберегать тебя.

– Держи, – Несси надела на шею Кати медальон на цепочке.

– А теперь садись на меня верхом, я довезу тебя до твоего берега.

Не успев оглянуться, Катя оказалась на знакомом берегу. Так быстро они добрались до места. Девочка соскользнула со спины чудовища подводного.

– До свиданья, Несси, может, еще увидимся.

– Все может быть. До свиданья, Катя. Спасибо тебе за все.

Несси махнула хвостом и исчезла, а следом за ней и маленький Ласси,

как будто их никогда и не было. Катя постояла в недоумении. «А не привиделось ли мне все это, может я на солнце перегрелась» – подумала девочка, и рука машинально потянулась к шее. «Да нет же, вот он медальон, который подарила мне Несси» и Катя побежала домой.

Вскоре Катя уже сидела дома и, затаив дыхание, слушала новый дедушкин рассказ о чуде под водой.

– Все сказки говорит? – покачала головой бабушка.

– Не сказки, а легенды, – поправил ее дед.

Катя погладила медальон и подумала: «И не легенды, а самую настоящую правду». Она не стала рассказывать дедушке свою историю, она поведала ее нам с вами.

Надия Биктимирова

Болотнинский район

Дед Миша и зелёный змий

Шуга прошла ночью. С грохотом ломался, крошился лёд, гонимый мутной обской водой мимо Старобибеева, кое-где на берегах остались крупные льдины, сверкая белыми пятнами на черной весенней земле.

Дед Миша вышел в огород глянуть, не выдавила ли Шуга забор: река в этом году поднялась сильно, а огород краем выходил прямо на берег, и так не хотелось снова городить.

Старобибеево

Лед прошёл и река просела.

Дед закурил самокрутку, постоял немного, и пошёл собираться на рыбалку.

Сборы были долгими: нужно было просмолить обласок, привязать к сетям грузила, тут поправить, там подделать, так и день кончился.

После ледохода на затопленные весенней водой берега заходила нереститься щука, да такая, что одной рыбиной можно неделю кормить семью, а ещё икра солёная, да с чесночком, да на свежей горбушке белого хлеба – вкуснотища! Семья-то была небольшая у деда, детей Бог не дал, порой забежали племянники Катерины Ивановны, урождённой Черепановой, да соседи, но угощать то чем-то надо, а рыбалка и сама по себе дело увлекательное и нужное. Вот дед Миша потихоньку и браконьерил.

Ранним утром поехал он ставить сети, а вернулся бледный и сердитый.

Обычно дед говорил громко и так частил, что жена звала его сорокой, но тут, отчётливо разделяя каждое слово, рассказал, что видел на реке огромного Зелёного змея, который проплыл мимо, да так, что вода не колыхнулась.

Говорил дед тихо, будто боясь, что его кто-то подслушает, заглядывал в глаза своей Катерине и ждал, что обзовёт его старым дураком да спрячет подальше самогон.

Катерина внимательно его выслушала, а потом успокоила: мол, бояться этого змея не стоит, живёт он тут давно, и является только тем, кто добывает рыбу на прокорм, принося большую рыбацкую удачу.

Михаил Фёдорович не поверил своим ушам и глазам, и когда его такая разумная и деловитая жена поставила на стол самогон и тонкими пластиками нарезала сало для закуски.

Ночью дед Миша долго не мог уснуть: ворочался с боку на бок, все думал про свое видение, а спомнил его, только под утро, когда заголосили звонкие деревенские петухи.

Односельчанам дед Миша ничего не стал рассказывать, чтоб не крутили пальцем у виска. Однако в семье случай этот утаить не смог, и усаживая многочисленных потомков Титовых

и Черепановых за стол, рассказывал, что если не будешь жадничать в рыболовном деле, обязательно увидишь диковинного змея, приносящего удачу.

Жил дед Миша размеренно, ни с кем не ругался и на сплетни внимания не обращал.

Жена шила ему особенные широкие, как у запорожцев, штаны, за что прозвали его в деревне «шароваристый», а как он играл на балалайке, никто так не умел, и подпевала ему его Катерина.

Говорили в деревне, что даже в худой год, когда никакая рыба не ловилась, угощал он гостей вяленой щукой, а вот продать рыбу наотрез отказывался.

Прожил Михаил Фёдорович Титов долгую жизнь – 89 лет, а счастливую или нет – знал только он сам.

Многие помнят в деревне деда Мишу «шароваристого» и его жену Екатерину Ивановну, только про его встречу с Зеленым змеем знают только самые близкие, теперь и вы ее знаете.

Нина Михайлова

Маслянинский район

Певунья

Возле крохотной живописной речки Каменки давным-давно жила деревня Новопокровка. Сейчас об этом нам напоминает только заброшенное кладбище. Говорят, деревня была очень красивая, протянувшаяся в одну улицу на полтора километра. Дома утопали в зелени. И люди здесь жили талантливые. До сих пор помнят о знаменитом в округе горшечнике Кудине. Какой только формы и какого размера горшки он не делал!

По словам моего деда, Прудникова Николая Владимировича, последние жители покинули деревню в конце пятидесятых годов прошлого столетия, скорее всего, из-за удалённости деревни от центральных дорог.

Здесь в Новопокровке и жила девушка с длинными русыми волосами.

Говорят, что возненавидела ее молодую и прекрасную родная мать и прокляла. Дочь ушла из дому, и с тех пор

Пруд села Новопокровка

её никто не видел. Куда она ушла, неизвестно, только поговаривают, что пропала она у родника в плёсах.

Старожилы говорят, что родник был большой, глубокий, с чистой водой, такой чистой, что и сравнить её было не с чем. Вода из родника вытекала и попадала в небольшие озера-плёсы, никто не купался в них то ли из-за боязни, то ли из-за ледяной воды. Вокруг родника летом росла трава, расстилался мох мягкой скатертью. Работающие на полях женщины ходили сюда за студёной водой.

Поговаривают, что после исчезновения девушки в этих местах слышали пение какой-то женщины, а кому-то являлась незнакомка в белом одеянии с длинными волосами.

Повстречался с этим видением и Степаненко Александр Тимофеевич. С его слов, когда он был ребенком лет десяти и учился пахать на тракторе, он увидел сидящую на плуге женщину в белой одежде и с распущенными волосами. От страха он громко закричал и стал звать на помощь. Женщина спрыгнула с плуга и то ли запела, то ли заплакала, а потом исчезла.

С тех пор говорят местные жители, девушку в белом видели в тех местах все чаще.

За лесом
Новопокровка

Однажды весной прямские трактористы пахали поле недалеко от Каменки. Весна в тот год была дружная, и поэтому река сильно разлилась.

Тракторист Ковалев Константин с напарником решили пообедать возле реки и расположились на берегу. Пока доставали еду, увлеклись, так что не заметили, как к ним подошла женщина в странном белом одеянии с корзиной в руках. Поздоровавшись с ними, она предложила им угощение, мужчины оробели и отказались. Страх их охватил, когда они увидели, что уходя, женщина пошла по поверхности воды в сторону согры.

Эту женщину, которую прозвали «певунья», видели люди, когда метали сено недалеко от плёса.

Все эти события происходили до войны, и многие люди считают, что эти

Озеро Горькое

видения предупреждали о надвигающейся беде.

Деревни давно уже нет, а легенда о таинственной певунье все еще пугает местных жителей.

Виолетта Прудникова

Купинский район

Сказание о двух озерах

«У грозного султана Сибири Кучума жила-цвела младшенькая дочь Айгуль, – самая любимая, самая нежная. Стройна была, как степной ковыль. Прекрасна, как полярная звезда в чёрную ночь. Посватался к ней царевич из бескрайних степей. Статный батыр быстрее ветра скакал на коне, как стрела пел его аркан. Полюбили они друг друга. Да тут случилось несчастье, горе великое: злая колдунья из синей тайги навела на невесту порчу. Всё тело её покрылось древесной корой. Горючие слёзы лил жестокий султан. Полегли на землю травы от печали. Поумолкли птицы. В норах и берлогах поутихли звери дикие. Только злее выль ветер в непроходимых дебрях.

Призвал султан к себе шаманов. Дни и ночи гремели бубны, пламя костров вздымалось к тучам от неистовства сынов неба. Но ещё хуже прежнего стало Айгуль. Тело её почернело. Только глаза горели огнем. Из земли страшные голоса звали царевну к себе.

Суровый султан Сибири воскликнул:

– Одарю конями, несметными табунами того, кто вылечит мой драгоценный нефрит!

И тут подал голос нищий, ждущий подавния:

– Вылечу твою дочь, властитель! За дремучими лесами, за широким морем (оз. Чаны – авт.), в девяти конских переходах есть два озера среди ковыльной степи. Одно извивается змеей, желая ужалить младшую сестру, напоить её ядом. Другое – разлилось красотой полной луны и закрылось от змеиного жала земляным валом. В первом озере – вода мёртвая, то есть, пресная, во втором – вода живая, целебная.

Пошли своих людей за этой водой, окропи увядающий цветок сначала мёртвой, а потом живой. Омойвай до времени, пока луна по небу не пройдёт четверть своего пути. Кора опадёт с царевны, превратившись в пыль. Айгуль станет прекраснее прежнего!

Три дня и три ночи верный мурза Корыч спешил на коне вместе с воинами к тем заветным озёрам, выполняя волю своего господина. Он привёз воду – и мёртвую, и живую.

Верные слуги считали луны, проходящие по небу, омывая увядший цветок Айгуль. От воды мёртвой древесная кора перестала расти, замерла, окаменела. От воды живой – стала прахом, осыпалась. Травы стряхнули с себя сон и бисером утренней росы излучали счастье. Вновь защебетали птицы. Катались по траве от радости звери дикие.

Возликовав от великой милости неба, султан Сибири во всех подвластных стойбищах устроил пиршество.

Белой чайкой вспорхнула царевна Айгуль с золотой кошмы и на белом коне с серебряными копытами с юным батыром улетела за синюю тайгу, в беспредельные степи, где на сочных травах паслись неисчислимые табуны лошадей и стада скота, и под высоким жёлтым солнцем стояли юрты...»

Мы рассказали вам историю о двух озерах, которые находятся около нашего села Новоключи. А сохранили для

нас это легенду А. В. Киндяков в изложении Ф. Я. Никулина, мы же его воспроизвели без правок и купюр.

Татьяна Бернякович

Мошковский район

Гора Песошка

Село Белоярка расположено на правом, крутом берегу Оби.

Окрестности нашего села напоминают удивительный по своей красоте и разнообразию ландшафта пестрый ковер, сотканный самой природой. Сосновый бор перемежается светлыми березовыми перелесками, тихие речки омывают песчаные острова и пляжи Оби, балки, овраги и лощины хранят свои многовековые тайны здешних мест.

Около десяти-одиннадцати тысяч лет назад, после последнего ледникового периода, по берегам Оби бродили мамонты, шерстистые носороги и другие доисторические животные. Костные останки бизонов, древних лошадей, мамонтов до сих пор находят в толщах четвертичных отложений по долинам рек, где вода активно размывает слой глины и песка.

Так, в 1961 году, после сильного половодья был подмыт крутой берег Оби,

Гора Песошка

Находка останков мамонта на берегу р. Оби. 1961 год

и на поверхность выступили останки древних животных. В местном краеведческом музее хранятся череп бизона и бивень мамонта, найденные в окрестностях Белоярки.

В период последнего оледенения территория между Обью и Иртышем находилась между двумя огромными ледниками – Северным и Алтайским.

Потоки талых ледниковых вод несли большое количество песка, который постепенно накапливался на днищах ложбин, и образовалась большая песчаная гора, которую первые поселенцы называли Песошкой.

Это было безопасное место во время весеннего половодья, и возникли первые поселения.

Дары леса

С начала заселения данной территории в XVIII веке и до наших дней здесь добывают строительный песок, а по берегу реки было много глины. Позднее на залежах песках начали расти сосны, и возникло уникальное природное явление – ленточные боры, которых нет больше нигде в мире.

Лесная полоса протянулась вдоль сибирских рек, словно широкая лента.

В сосновом бору практически нет подлеска, а в низинах растут такие ценнейшие ягоды как брусника, клюква и черника.

Летом здесь много грибов: белых, маслят, рыжиков, волнушек, а, когда сойдет снег и солнце согреет почву, повсюду из-под хвои появляются мохнатые головы прострела или сон-травы, растения, занесенного в Красную книгу Новосибирской области.

Иван Сапронов

Тогучинский район

Улантова гора

Я родилась и живу в Дергоусово и заню все заветные места, природа вокруг села невероятно красива. С одной стороны, прямо за околицей, начинается хвойный лес. Там в основном растут сосны и ели, встречаются раскидистые берёзы, кустарники рябины, черёмухи и калины. Особенно красив лес осенью, когда на фоне темно-зеленой хвои со-сен яркими пятнами золотятся берёзы, изредка желтеют лиственницы и вспыхивают яркими огнями листья и гроздь рябины.

С другой стороны села за бескрайни-ми полями синеют далёкие горы, из-за которых ранним летним утром, когда всё вокруг находится в сонной дремоте, появляются ярко-рыжие солнечные лучи, озаряющие всё великолепие и красоту родного края. Синие горы, окруженные со всех сторон лесом, видны издалека – это отроги Салаирского кряжа.

Наше село расположено в низине, в окружении холмов, вдоль реки Чём.

Вид на него открывается сверху, так как дорога в село, от трассы Ленинск-Кузнецк, спускается вниз, как-бы рас-

секая сосновый бор. С возвышенности видны все окрестности: и поля, и синюющие дали, поросшие лесом, и как будто бесконечные луга, расположившиеся за деревней. Просматриваются даже отдельные улочки села.

Неподалёку от села находится удивительный природный памятник – Улантова гора – памятник областного значения. Высота горы 407 метров над уровнем моря, территория со всеми прилегающими пастбищами и сенокосами, склонами и лесами составляет 345,1 га.

Откуда произошло название горы не известно. Первое упоминание найдено в 16 томе «Россия. Полное географическое описание нашего отечества: настольная и дорожная книга для русских людей: [в 20 т.] / под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского; под общ. рук. П. П. Семенова-Тян-Шанского и В. И. Ламанского. – Санкт-Петербург: Издание А. Ф. Девриена, 1899–1914. «...Севернее «Тыргана» лежат ещё короткие перпендикулярные его направлению увалы, а затем идет слегка волнистая местность, постепенно понижающаяся к северу, т. е. к реке Ине. Впрочем, здесь же, близь границ Барнаульского и Кузнецкого округов, немного севернее самого кряжа поднимается вытянутая перпендикулярно к нему, среди волнистой равнины, издалека видна гора Булантова до 1, 378 футов высоты...». Булант в переводе с татарского – лось, то есть лосинная гора. В течение столетия название потеряло первую букву и получила название Улантова.

Улантова гора

На территории Улантовой горы обитает огромное количество представителей животного мира: бабочки Перламутровка, Аполлон, Махаон, Траурница, Дневной павлиний глаз. Официально зарегистрировано 58 видов птиц, такие, например, как: филин, неясыть, сова ушастая, дятел, тетерев, рябчик, глухарь, поползень и это лишь малая, но яркая часть представителей. У подножия горы и на склонах встречаются следы лося, косули и диких коз, а также бурого медведя. Зимой можно встретить следы лисы, зайца, колонка, ласки и даже рыси. Если не нарушать природный покой, то этих животных можно увидеть своими глазами. Разнообразен и мир растений, есть и те,

Вид с Улантовой горы

которые занесены в Красную книгу, например, кандык Сибирский, прострел раскрытый (сон-трава), девясил, гусинолук. У подножия горы весной можно увидеть целые поляны купальницы сибирской (огонёк), поднимаясь на самый верх встречаешь ковыль перистый, костенец рута постенная, горноколючник колючий, в народе молодило, всего насчитывается более 130 видов растений. В окрестностях Улантовой горы много березняка, околки ельника, пихты и сосны, реже встречаются вековые лиственницы. Осенью это место привлекает своими ягодниками черники, малины, смородины и кислицы.

Эти редкие и удивительные представители флоры и фауны интересны и важны не только местным жителям, многие экологические группы прокладывают свои туристические маршруты. Благодаря удаленности от Новосибирска и близлежащих поселений, природа Улантовой горы сохранила свой первозданный вид и красоту.

Как же прекрасно наблюдать за этим великолепием природы родного уголка с вершины горы, аж дух захватывает! И где бы я не была, любимые просторы останутся в моём сердце навсегда!

Нина Чукарова

Маслянинский район

Наше

На территории памятников природы запрещена любая хозяйственная деятельность, в том числе разведение костров, выжигание травы, заготовка древесины, предоставление участков под застройку, садоводство, отлов животных, разработка полезных ископаемых. На таких объектах складывается своеобразный животный и растительный мир, а потому они представляют собой особую ценность. Нам повезло, что мы живем в живописном месте Новосибирской области, – в Маслянинском районе, который богат необыкновенными памятниками природы областного значения.

Итак, на территории Маслянинского района находятся три памятника

природы: «Барсуковская пещера», «Петеневские ельники», «Елбанские ельники».

Барсуковская пещера

Объявления этого места памятником природы связано с необходимостью его сохранения, во-первых, – как места обитания крупнейшего в области скопления летучих мышей, а во-вторых, – как своеобразной комбинации в этом месте степных и лесных экосистем.

Этот памятник природы не имеет аналогов и представляет собой редкий элемент ландшафта для научно-исследовательских, эколого-просветительских и рекреационных целей.

Итак, «Барсуковская пещера» представляет собой непосредственно пещеру и окружающий ее участок склона в долину реки Укроп со скальными выходами, обрамленными березовыми и осиновыми лесами. Между скальными выходами расположены участки «степных сообществ».

Основной объект охраны в составе памятника – феномен многовидового скопления летучих мышей, что представляет большую редкость для Новосибирской области, а сами эти виды занесены в Красную книгу.

Для растительного покрова здесь характерна комплексность. На склоне, примыкающем к пещере, выявлено 59 видов растений, представляющих элементы степных сообществ. В составе этих сообществ присутствуют два краснокнижных вида растений: гусинолук Федченко и костенец северный (Красная книга Новосибирской области).

Барсуковская
пещера

Центральным звеном животного мира является скопление летучих мышей, в котором зарегистрировано 5 видов. Все они внесены в Красную книгу Новосибирской области: прудовая ночница, усатая ночница, ночница Бранта, северный кожанок, большой трубконос.

Однако животный мир памятника, несмотря на его малые размеры, не исчерпывается наличием только летучих мышей и нуждается в дальнейшем специальном изучении. Особенно это касается беспозвоночных животных, о которых известно, пока, крайне недостаточно. Тем не менее, при предварительном обследовании, здесь выявлено более 100 видов беспозвоночных, в том числе – редкая бабочка «Лента орденская голубая» (Красная книга СССР) и другие виды.

Петеневские ельники

В верховьях реки Бердь, расположено село Петени, в окрестностях которого находится памятник природы «Петеневские ельники». Территория в 589 гектаров была объявлена памятником природы 25 февраля 1999 года. Этот памятник представляет собой участки елового леса, вкрапленные в смешанные, мелколиственные леса и луга саляирских предгорий.

Еловый лес расположен на крутых бортах долины реки, и представлен следующими видами растительности: елово-березовый с соснами, разнотравьем и осокой, чистый ельник с осокой и разнотравьем, елово-пихтовый с осокой и разнотравьем, березняк с елью.

Уникальность ельника в Петенях обусловлена еще и тем, что под пологом берез, тянущихся к солнцу, можно наблюдать активное естественное возобновление ельников. Также активное развитие ельника можно увидеть и среди зарослей сосен, и в елово-березовом лесу.

Во всех ельниках распространены: рябина сибирская, карагана древовидная, черная смородина, спирея средняя, черемуха обыкновенная, жимолость татарская, шиповник коричный. Местами под пологом леса можно увидеть подрост пихты и, реже, – осины.

Отражением состояния лесного фитоценоза всегда является травостой

Петеневские ельники

как более мобильная система, быстро реагирующая на смену условий. Состав травостоя Петеневских ельников типичен для хвойных лесов, богат, разнообразен и свидетельствует о стабильном и, пока ещё, достаточно благополучном состоянии лесной формации.

Топографические особенности места расположения лесного массива повышают его экологическую неоднородность и обуславливают высокое разнообразие местной флоры и фауны, с множеством редких и реликтовых видов. Ельник относится к водоохраным лесам и имеет важное средообразующее значение. Среди редких растений Петеневского ельника встречается несколько видов, включенных в Красную книгу Российской Федерации. Это кандык сибирский, башмачки крупноцветный и настоящий, ятрышник шлемоносный.

Здесь произрастает ряд видов, занесенных в книгу «Редкие и исчезающие растения Сибири». Среди них горичвет весенний, касатик сибирский, купальница азиатская, Марьин корень (пион), лилия кудреватая.

Животный мир «Петеневского ельника» также богат и разнообразен. В результате экспедиционного зоологического обследования здесь обнаружены: сокол-чеглок, ястреб-тетеревятник, канюк, ронжа, козодой, лесной дупель и некоторые другие редкие и интересные птицы.

Всего в ельниках зарегистрировано 56 видов птиц и 605 видов беспозвоноч-

ных животных. Среди членистоногих здесь обитают 12 редких видов пауков-волков и кругопрядов, жуков-жужелиц, два очень редких и эндемичных для Южной Сибири вида стрекоз, красивые бабочки червонец огненный, желтушка-аврора, краеглазка Эверсмanna, тополевыи ленточник, а так же, занесенные в Красную книгу, шмель моховой, пчелы-плотники, бабочка-аполлон. Эти находки подтверждают богатство и самобытность фауны ельников.

Елбанские ельники

25 февраля 1999 года Елбанские ельники, общей площадью 689 гектаров, были объявлены Памятником природы. Этот памятник расположен в среднем течении речки Елбань (левый приток реки Бердь) близ одноименного села и представляет собой заболоченный еловый лес с богатым набором видов растений и животных.

В окрестностях села Елбань ельники произрастают в поймах, где необходимая влажность почв сочетается с их плодородностью. Здесь преобладают елово-березовые леса с примесью пихты. Очень своеобразны типы растительности, из которых преобладают следующие: разнотравно-осоково-папоротниковый, снытевый с кисличкой, высокотравный, разнотравный с купальницей азиатской.

В травостое распространены виды растений, типичные для зональных темнохвойных лесов, но редкие для

нашей области: кисличка, майник двулистный, недотрога обыкновенная, вороний глаз четырехлистный, волчегонник обыкновенный, двулепестник альпийский.

Подрост ели развит хорошо и равномерно, что свидетельствует о стабильности «Елбанских ельников». Кустарниковый ярус представлен, в основном рябиной сибирской, жимолостью татарской, бузиной сибирской и черемухой обыкновенной.

Наше внимание привлекло еще и то, что «Елбанские ельники» являются местом обитания целого ряда редких видов животных, в том числе включенных в Красную книгу. Это, прежде всего, виды растений из семейства орхидейных: башмачок крупноцветный и башмачок настоящий. Здесь же встречаются ветреница алтайская, лилия кудреватая, любка двулистная и целый ряд других редких растений, присутствие и сочетание которых позволяет предполагать, что данный ельник сохранил черты природных комплексов ледникового периода.

Животный мир елбанских ельников также богат и разнообразен. Здесь обитают такие редкие виды хищных птиц, как бородатая неясыть, филин, сплюшка, большой подорлик, ястреб-тетеревятник, эндемичный для Сибири длиннохвостый снегирь, редкие виды дятлов – трехпалый, черный и малый пестрый. Отмечено гнездование сравнительно редких для области двух видов лесных куликов – вальдшнепа и лесного дупеля. Из охотничье-промысловых видов – рябчик.

Особенно разнообразны здесь беспозвоночные животные. В коллекциях зоомузея Института систематики и экологии животных СО РАН хранятся экземпляры редких видов жуков усачей и кокцинелид, перепончатокрылых насекомых, ценнейших опылителей растений мух-сирфид, занесенная в Красную книгу бабочка-аполлон и другие редкие членистоногие, собранные в окрестностях села Елбань.

Елбанские ельники

Специальное зоологическое обследование «Елбанских ельников» летом 1998 года выявило обитание здесь более 500 видов насекомых и членистоногих. Среди них, занесенные в Красную книгу России, – шмель армянский, бабочки аполлон и голубянка Рима.

Наши уникальные памятники природы – это богатство. Их роль в нашей жизни многогранна, поэтому они должны быть сохранены в нетронутом виде! Ведь это – «наше».

Вера Смирнова

Колыванский район

Человек и Природа

Озеро Каменное

Колыванский район считается одним из самых красивых районов нашей области. Особый колорит и красоту создают конечно реки: Обь, Чаус, Вьюна, Уень, Шегарка, Бакса, Кашлам, Обь величественна и полноводна, а вот прочие реки у нас тихие, текут среди раскидистых вёتل и таинственного тальника, вода течет незаметно, только по наклону водорослей и догадаться о направлении воды, а потому вдруг плес или очаровательное озеро, и такие чудеса за каждым поворотом, между крутобоких холмов и среди бескрайних Васюганских болот в тайну нехоженных зверинных троп уходит тайные ручьи и реки. И нет ни одного повторяющего красотой или характером озера, они все разные и неповторимо красивые. Озеро Минзелинское считается «жемчужиной» нашего района, оно расположено в трех километрах на северо-западе от деревни Чёрный Мыс, на левом берегу Оби. На дне озера находятся многолетние отложения сапропеля около десяти метров, а вода и ил в нем обладают целебными свойствами.

А в самом поселке Колывань сохранились остатки древнего родникового озера, которое называлось немного чудно – Каменное.

Озеро возникло на месте множества ключей, пробивающихся сквозь пласты гранита, на котором, кстати, устойчиво

Озеро Каменное

и надежно стоит наш посёлок, и было это озеро когда-то любимым местом отдыха местных жителей.

Ключи всё ещё наполняют озеро, но с каждым годом оно становится все меньше. Трава и ил засорили источники, а всего лишь пятьдесят лет назад озеро было большим и чистым, его окаймляли раскидистые ивы, в ветвях которых отдыхало множество птиц и над гладью воды стоял их веселый перепев.

Сейчас оно совсем заросло, но каждый год сюда настойчиво прилетают дикие утки, будто тревожа и упрекая людей – зачем загадили, зачем засыпали сначала мусором, а потом нерадиво осушали?

Название свое озеро, вероятно, получило потому что дно его было чистым и твердым, в отличие от илистого Чауса. Гранит в этом месте выходил на поверхность и был лишь слегка прикрыт крупнозернистым песком.

Когда началась война, Каменное озеро никто не очищал, и оно постепенно начало зарастать. Позже повсюду проложили водопроводы, о родниковой воде Каменного забыли, по берегам организовали самодельные помойки, валили все и мусор и скотский навоз, и камыши и осока затянули берега. Озеро постепенно, но на наших глазах превратилось в болото.

Но не все забыли об озере. Жители Колывани – Снадин Владимир, Воробьев Николай, Владимиров Василий и Гриев Юрий попытались вернуть озеру былую красоту, при первой попытке очистить озеро они сняли слой ила и сразу освободили несколько родников. Помогали все, кто жил поблизости, вдоль берега дети насадили ивовых веточек. К сожалению, на одном энтузиазме восстановить озеро так и не удалось, а могло бы стать одним из туристических мест и одной из достопримечательностей Новосибирской области.

Очевидно его ожидает та же участь, что и большинство родниковых озер на территории Колывани – озеро на улице Кирова, озеро Московское, озеро Солдатское, от которых остались одни лишь названия в памяти местных жителей.

Берёзовая роща

Я живу в местности, где берёза растёт рядом с домом, или у дороги, или в поле – где только не растёт красавица береза. Береза – дерево удивительное, у неё единственной в мире белая кора. Она воспета писателями и поэтами. Чтобы сохранить природу и красоту в апреле 1996 года тогдашний глава района В. М. Ноздрихин издал распоряжение о создании вокруг населённых пунктов района 2-х километровых зелёных зон.

В рамках исполнения этого распоряжения около села Скала, по правой стороне, сразу после карьера, можно увидеть берёзовую рощу, которая красива особенно летом. Эта берёзовая роща является охранной зелёной зоной, не только потому что берёза – это символ нашей Родины, но и ещё, с давних времён славяне считали березу священным деревом, олицетворяющим свет, чистоту, женственность, но и потому что она защищает Скалу от карьерной пыли. Из поколения в поколение скалинцы чтят традиции, берегут свою берёзовую рощу, благодаря им 6 марта 1997 года депутаты Скалинского сельсовета при поддержке Главы администрации Скалинского сельсовета Н. Н. Южакова, на сессии рассмотрели вопрос по сохранности зелёной зоны с. Скала, д. Амба и д. Юрт-Ора, а 20 февраля 1998 года на седьмой сессии первого созыва вынесли решение – объявить берёзовую рощу со стороны карьера экологической зоной и памятником природы.

Берёзовая роща не единственная в Колыванском районе, которая защищена законом. Мы все еще пытаемся защитить Кудряшовский бор и Центральный заказник – заказники регионального значения. А также памятник природы регионального значения Мензелинский бор и Болото Минзелинское которые находятся в 4 километрах южнее села Новотроицк.

Природа вокруг нас такая красивая, сказочная, но такая беззащитная.

Лилия Потерева

Здвинский район

Черные березы

Все слышали о семи чудесах света, это прекрасные сооружения, ставшие образцом строительного искусства. Сегодня можно построить всё, что подскажет воображение архитекторов. Но есть чудеса, которые не построит ни один архитектор. Они находятся гораздо ближе к нам, мы привыкаем к ним, порой не замечаем их и не подозреваем, что они тоже достойны, называться чудом.

Черные березы

Наша сибирская земля щедро наделена множеством удивительных мест, которые своей красотой и необычностью вполне заслуживают носить статус памятников природы: это и суровые горные остроги, и неторопливые могучие реки. Но есть среди них и особые, единичные в своем виде представители природы.

Вот к одним из них можно отнести чёрные березы – самые таинственные и красивые деревья, которые растут в наших краях по дороге на Гривенские поля, на Потылицыно (так называлась земля на месте бывшей деревни Григорьевка, что находилась от села Новороссийское в семи километрах). Многие пытались объяснить феномен чёрных берёз, но объяснений так и не дали. И осталась эта тайна неразгаданной для всех старожилов села и для меня.

Впервые эти берёзы обнаружил пастух М. Агапов и написал о них на страницах газеты «Сельский труженик» в 1982 году. Оказывается, что по распространённой гипотезе чёрная береза – это сибирская реликтовая липа. Липа немного похожа на берёзу формой листьев и силуэтом дерева, отличаясь чёрным стволом. Ствол наших берёз, действительно, почти черный, а в остальном, дерево почти не отличается от своих белых родственниц.

Почему встречается такая аномалия? Эта тема до сих пор остается для ботаников предметом споров: одни считают, что это предковая форма обычных белых берёз, другие «обвиняют» во всем мутацию, третьи полагают, что черная береза – недавно возникший от-

дельный вид. Меня не покидала мысль о том, что если это один из видов берёз, то почему в наших краях только одна семья. И даже в лесах всего района нет таких. И тогда я решил выяснить, встречаются ли ещё где нибудь такие деревья.

Если взглянуть на туристическую карту области, то в самом ее центре, на восток от Убинского озера, можно прочесть надпись: «Реликтовая липовая роща». Расположена реликтовая роща в окрестностях поселка Верхне-Ровенский Каргатского района.

На острове-гриве посреди большого Сенченского болота в окружении берез и осин растет несколько десятков серо-черных деревьев. И этой роще – несколько миллионов лет. Но, почему-то, об этом месте в книгах по географии или краеведению Новосибирской области ничего не говорится.

В Сузунском районе тоже «не зарастает народная тропа» к берёзе с чёрным стволом.

И вот оказывается, что на такой большой территории нашей области всего лишь в нескольких местах можно встретить эти красивейшие деревья. Причём нигде почему-то они не образуют большие скопления, а в некоторых местах они единичны. По мнению учёных, эти деревья остались с тех времён, которые геологи называют третичным периодом, когда очертания материков были еще иными, а климат – много теплее. В наших местах жили носороги, жирафы, гигантские слоны – мастодонты, гиены и саблезубые тигры. На новосибирских землях росли американская секвойя, крымская туя, египетский лотос, европейские грабы, каштаны, дубы и, в числе прочего, – липа. Затем, примерно миллион лет назад, наступило похолодание, а следом – суровый ледниковый период.

В результате, природа Сибири приобрела почти современный облик. Теплолюбивые животные и растения вымерли, главными древесными породами Сибири стали таежные лиственница, пихта, сосна. Из лиственных – береза и чудом сохранившиеся остатки дремучих древних лесов. Вполне возможно, что и наши берёзки остатки тех далёких-предалёких времён...

А местное население тех районов, где произрастает такое дерево, слагает различные легенды, связанные с появлением этой красавицы. И чтобы там не говорили, будь это разновидность берёзы, либо её мутация, либо аномалия, но чудо – вот оно, рядом с нами, растет и зеленеет!

Наши чёрные берёзы растут семьёй. Их три, но в статье сельского труженика говорится о четырёх берёзках и молодой поросли. А сейчас этого нет. Что произошло не известно, может одна берёзка и молодая поросль погибли, а может, кто-то постарался?

Мне очень обидно за наши берёзки, ведь о чёрных берёзах других мест знают, их охраняют, а о наших берёзах никто не знает. Может, этой работой, я внесу маленькую лепту в доброе дело, и о наших берёзах тоже узнают, и о них напишут на страницах книг, и будут охранять.

А пока нужно подумать, как наши берёзки сберечь своими силами, ведь увеличить их численность невозможно. Многие лесники тех мест, где растут чёрные берёзы, несколько лет пытались получить потомство необычной красавицы, но из семян черной березы вырастали деревья обычные, с белым стволом.

Вадим Толстых

Тополь летом

Баганский район

Тополь

Я живу в селе с красивым и жизнеутверждающим названием Воскресенка. Образовалось оно в начале прошлого века, и жив ещё свидетель того времени – огромный, в три обхвата, красавец-тополь! Свидетелем жизни нескольких поколений моих односельчан стал этот богатырь. По-прежнему каждую весну он пробуждается к жизни, расцветает нежно-зелёной поволокой листвы, примеряет яркие сережки, окутывает пушистым белым облаком пуха улицы Воскресенки.

Мне стало интересно, кто посадил здесь тополь, какие люди здесь жили раньше? Известно, что наше село образовалось в 1907 году. Первой обосновалась в этих местах семья

зажиточного крестьянина Никифора Терентьевича Никитина, который приехал на сибирские свободные земли с Украины со своими сыновьями, а вслед за ними сюда приехали и обустроились семьи Шикова Кондрата, Иванчина Ивана и Маляренко. Росла деревня, но каждый крестьянин жил единолично, вёл своё хозяйство, строил себе избу.

Старожилы Воскресенки рассказали, что жители сажали много деревьев на своих усадьбах, а неприхотливые тополя сажали часто из-за их неприхотливости.

Есть две версии, откуда взялся дед-тополь в селе.

По первой версии, тополь посадил Гладышев Григорий, чтобы отделить свой участок, когда межевали землю, и было это более 115 лет назад.

По второй версии тополь посадила его дочь Маляренко (Гладышева) Акусинья Григорьевна приблизительно в 1915 году.

Возле её двора была огромная лужа и, чтобы её обойти, нужно было пробираться вдоль забора. Женщина она была скандальная, и часто ругалась с прохожими, обходящими лужу вдоль её участка, а потом взяла и посадила тополь прямо на тропинке, по которой ходили односельчане.

Столетний тополь
осенью

Из дневника путешественника:

26 марта 1721

« ... На следующий день, когда все было организовано, рано утром мы отправились отсюда на север, но вскоре мы свернули на северо-восток. Справа от нас находилась река Чаус. Проехав две версты, мы пошли через маленькую речушку Скала, которая выходила на юго-запад на востоке в реку Чаус. Рядом с этой рекой, на ее северной стороне находится большое село с таким же названием (Скала). Отсюда мы отправились направо от реки Чаус, затем свернули налево к северо-востоку, затем через 2 версты мы ехали недалеко от притока реки Уень, которая впадала в реку Чаус. Такое место татарами и русскими называлось «устье», где собирались три притока Уень, Чаус и маленькая река Атаяк, которая протекала с юго-востока и впадала в реку Чаус. От этих речушек до Оби мы прошли еще версту. Отсюда до Чаусской Слободы мы прошли поле, на котором росли березы. После того как мы проехали от устья 3 версты, мы снова увидели небольшие холмы, на которых росли ели и когда мы проехали эти холмы, мы прибыли в татарскую деревню, которая называлась Ор-Карагай. Некоторые произносили [первое слово] «Ур» и это означало «темный лес», а Карагай «ели». Эта деревня располагалась прямо у Оби, на левой стороне. Племя этих татар называлось «чатские», которые относили себя к хану Кучуму, который 150 лет назад был изгнан

Он быстро рос и превратился в огромного великана.

После было много хозяев у этого двора, но никто не тронул дерево, много пережил тополь за свой век: и гражданскую войну, и коллективизацию, и Великую Отечественную войну, перестройку – много чего повидал. Сегодня уже нет ни дома, в котором жила вредная Аксинья, ни забора, ни тропинки, а тополь так и стоит, как люди говорят, на перекрестке «семи ветров».

За последние годы у него появились болячки, не все ветки весной расцветают, но он по-прежнему встречает прохожих зеленью, удивляет своей красотой и величием, а прошлой весной, когда растаял снег, я увидела вокруг тополя-деда молодую поросль.

Пройдут годы, и на этом месте вырастут новые и новые тополя, а мы будем помнить нашего тополя-деда.

Ксения Поспелова

Колыванский район

**Исследователь Сибири
Мессершмидт**

В начале семнадцатого века по Сибири путешествовал знаменитый немецкий исследователь Даниэль Готлиб Мессершмидт. Мы заинтересовались его записками и сделали попытку перевести с немецкого языка его записки, касающиеся нашей области.

Историческая карта
Колыванского
района

Усадьба чатского
татарина

с Тобольска русскими. Они [чатские татары] говорят, что Кучум якобы остался жить недалеко отсюда, место, которое называется Кабау и располагается в 10 верстах вниз по Оби, на ее левой стороне. Там был городок или укрепление, и эти чатские татары из рода великого Чингиз хана, к роду которого восходит хан Кучум. Относительно названия «Чатские», они сказать не могут, но предполагают, они жили в том месте, где впадают 2 реки, такой полуостров назывался ими «Чат» (мыс) и отсюда название «Чатские». Здесь мы поменяли переднюю пару, который мы брали в Чаусском остроге и эти татары должны были дать также лошадей. Мы находились здесь пару часов, доктор купил здесь медвежью желчь и 3 пары кастореума. От Ор-Карагая мы долго шли от Оби через большой еловый лес (примерно 6 верст), после этого было поле и прошли еще версту направо. По дороге мы увидели курганы. После того как мы

проехали 4–5 верст, мы увидели большой заброшенный вал, где должен был быть городок или укрепление. Именно на этом месте жил здесь некоторое время хан Кучум, об этом напоминает это место. Мы увидели здесь упомянутую до этого реку Уень, у которой находились следующие деревни, Оеш, выше в 3 верстах отсюда, на южной стороне располагалась деревня Анба, у деревни проходил приток, который впадал в реку Уень, здесь проживали татары. Дальше располагалась деревня, Вьюна, где приток впадал в реку Уень, на расстоянии 20 верст. Далее располагался татарский юрт, который назывался Умарак, прямо у реки Уень (5 верст). Далее, после минуя место впадения реки в Обь деревня Ак-балык (означает белая рыба), которое получило название либо от притока или реки, здесь живут татары. У устья реки Уень располагается еще один татарский юрт Кургес. От упомянутого городка мы поехали вдоль Оби, и после того

Усадьба чатского
татарина

Умревинский острог.
Воссозданная
по описаниям
постройка

как проехали 20 верст в основном через поля, пересекли Обь и перейдя на другую сторону оказались у русской деревни Ташара, оттуда мы направились к Умревинскому острогу, куда мы прибыли вечером. До прибытия в острог, ехавший со мной крестьянин, которого звали Кондратий Шелков, рассказывал, что на той стороне Оби есть река которая называется Порош, где год назад добывали руду. Некоторые также сказали что они якобы находили красный песок, думали найти там золото. Также в этой реке якобы нашли красивые камни. Он обещал, такой песок найти, а также поехать в деревню Орда, где есть шайтан, о котором он упоминал ранее. Что касается острога, он был полностью разрушен, заграждение и деревянное сооружение в основном пришло в упадок. А слобода в которой проживали русские, представляла собой бедное и жалкое место, состояла приблизительно из 40–50 домов. Острог получил свое название от реки Умрева, которая протекала на северной стороне Оби. Здесь в этом остроге и слободе мы остались на ночь, заменили лошадей. Чаусская слобода располагалась на расстоянии 40 верст от Умревы. В этом остроге доктор купил медвежью желчь за 3 копейки».

27 марта 1721 г.

«На следующее утро, в понедельник, в 9 ч утра мы пошли отсюда на правый берег Оби. Наш путь пролегал к северу, немного в сторону востока. Затем мы снова поехали дальше и прибыли в деревню Каменка, которая расположена на правом берегу Оби и остановились в 12 верстах от Умре-

винского острога. Здесь мы оставались до обеда, в этой деревне были большие камни, они лежали на берегу Оби, отсюда брали камни для мельницы, за них платили 7–8 рублей. Напротив этой деревни, река Уень впадала в Обь, его приток, как мы думали, назывался Кургес. После обеда, мы поехали по правой стороне Оби и вечером мы прибыли в деревню Икса, в 10 верстах от Каменки. Эта деревня расположена на правой стороне Оби, именно у устья реки Икса, которая впадает в Обь, с северной стороны».

Мечеть в селе
Юрт-Ора

Мы сравнили географические названия, упоминаемые в записках немецкого исследователя, с названиями на современной карте и обнаружили, что многие из них сохранились. К примеру, если взять ныне существующие села Скала, Юрт-Акбалык, Оеш, получается им уже 300 лет! Из этих записей становится понятно, откуда возникло название «чат». В исторической литературе, встречается такое мнение, что чатские татары были союзниками хана Кучума. А иногда, пишут, что они были независимым народом. Здесь же утверждается, что чатские татары считали себя из рода Чингиз хана, поэтому восходят также к хану Кучуму. Интересно и то, что в дневниках упоминается добыча руды и это удивительным образом согласуется с новейшим временем – в 2016 году на территории Колыванского района найдено месторождение олова.

**Алсу Абульхасанова,
Модарис Абакиров**

Баганский район**Тайна саман-камня**

Я живу в селе Вознесенка Баганского района Новосибирской области – это юго-запад Западной Сибири. В нашем селе много зданий, сооружений и все они были построены до моего рождения. Самые старые из них – это дома и хозяйственные постройки из саманного кирпича. Мне стало интересно, как строились эти дома, каким способом и почему из этого материала.

Саманные
кирпичи

Появление саманного кирпича

Для многих народов, живущих в степных районах, древесина и камень оказались в большом дефиците, им пришлось искать другие строительные материалы. Около 6000 лет назад решение проблемы было найдено – из мокрой глины, перемешанной с соломой, создавались кирпичи, сушились на солнцепёке и из этого нехитрого конструкционного материала возводились здания.

Впервые формованные и обожжённые на солнце кирпичи появились в Древнем Египте – для их производства египетские строители извлекали глину со дна реки Нил. Впоследствии технология создания глиняных кир-

пичей была позаимствована у египтян народами Древней Персии, откуда распространилась по всей Азии, а затем, вместе с мавританскими армиями, проникла в Испанию. Кстати, именно арабские строители дали глиняному кирпичу название at-tob, спустя века изменённое испанцами до adobe — в России больше известно его тюркское название «саман».

Тайна саман-камня

Характер самана и изделий из него зависит от состава смеси и процентного содержания в ней лёгких наполнителей.

Плюсы саман-камня: дешевизна, экологичность, низкая теплоотдача, хорошая звукоизоляция и огнестойкость.

На привале

Минусы: слабая устойчивость к влажности, невозможность строить зимой, долгий период сушки, благоприятные условия для грызунов, насекомых и грибков.

Дом из самана строится дольше, чем дома из других материалов – больше времени требуется стенам для набора прочности. Однако итоговая смета расходов на строительство будет как минимум вдвое ниже, чем на постройку из строительного кирпича аналогичной площади.

Производство саманных кирпичей долгие годы было основной строительной «индустрией» в степной зоне и на юге лесостепи. Глину для кирпича брали в берёзовых колках, привозили на телегах. Основное замешивание глинистого состава производили лопатами, ногами людей и животных (гоняли лошадей) в специально отрытых в земле «ваннах». Для замешивания шли работать те, кто был не занят основной работой.

В нашем колхозе «Красный Спартак» были специализированные бригады, в каждую входили двое мужчин и 10 женщин. Руководил колхозниками бригадир Челобитченко Архип Иванович.

После замешивания глину заливали в специальные деревянные формы – ящики без дна, утрамбовывали её и подсушивали 3–4 дня.

После извлечения саманных кирпичей из форм их укладывали сначала на ребро, а потом в пирамиды для просушки на открытом воздухе или, если стояла слишком жаркая и солнечная погода, в специальных продуваемых сараях – клунях.

Крыша домов и помещений устраивалась двускатной, почти плоской, на центральных опорных столбах, соединённых центральной балкой-самцом и поперечными слегами, с покрытием тонким слоем плотного дёрна в форме кирпичей, реже озёрным или плосколиственным камышом (осокой). Стены из самана скрепляли жидкой жёлтой глиной для более плотного соединения.

До наших дней все производственные здания уже разрушены и пришли в негодность, а из домов в хорошем состоянии находится дом пенсионерки Поляковой Любови Николаевны, который располагается рядом со школой. Хотя домик и небольшой, но уютный и тёплый.

Дом Поляковой Л.Н. из самана в наши дни

Интенсивное строительство саманных построек шло в Вознесенке до 1965 года, затем на смену саманному пришёл глиняный обожжённый кирпич и деревянные брёвна. Село начало отстраиваться новыми материалами, стало краше и богаче.

Нарастающий интерес к строительству домов из самана или из соломы, установившийся за последние десятилетия в странах Европы и Америки, объясняется не только модой на экологическое жильё, но и постоянно растущей стоимостью зданий из современных материалов. Зачем влезать в долговую кабалу к банкам и застройщикам, если можно сэкономить и построить полноценный дом из природных материалов, в буквальном смысле лежащих под ногами?

Обобщая полученный материал, можно сказать, что традиционные формы домостроительной культуры переселенцев были практически без изменений перенесены на новые места хозяйственного освоения Сибири.

Светлана Мингалёва

Купинский район

Песнь о деревне Заозёрной

В шести километрах от села Копкуль, в южном направлении, в удивительно красивом месте, у озёр, была когда-то деревня Заозёрная. По словам местного жителя Панова Николая Константиновича Заозерная, появилась она здесь более трехсот лет назад.

Первые раскопки на территории Купинского района проведены 1929 году, научной экспедицией под руководством В. П. Левашовой, в ходе которых недалеко от деревни обнаружили курган, на который указал местный старожил – житель соседнего села Чумашки Николай Леонтьевич Чубаров. Переселенцы их называли – «бугры».

При раскопках кургана на глубине более одного метра, археологи обнаружили древнее оружие, украшения и рабочие инструменты, принадлежавшие людям, жившим на этой территории много тысячелетий назад до появления здесь первых переселенцев.

Старожилы говорили, что переселенцы первые свои мазанки начали строить за озером, так и появилось название деревни Заозёрное.

Из озера удобно было брать воду для питья и полива огородов, ею поили скот, ловили рыбу.

В деревне мирно уживались представители разных наций: украинцы, немцы, русские, казахи, татары.

В «Списках населенных мест Томской губернии» за 1899 год в составе Юдинской волости Каинского уезда зафиксированы следующие данные: Заозёрное – 94 двора, 164 мужчины и 159 женщин; три тысячи триста сорок пять десятин удобной земли, одна тысяча триста пятьдесят пять десятин неудобной.

При деревне складывались свои традиции и порядки, действовала школа грамоты и даже общественное питейное заведение. Сельские дети с семи лет приобщались к труду, учились пахать, сеять, ухаживать за скотом, помогали взрослым.

Избы ставились наземь, нижние венцы сруба засыпались землёй, образовывалась невысокая земляная насыпь вдоль стен дома – завалинка, пол в избах был глиняный или посыпался соломой. Жилище делилось на части, центральное место в нём занимал красный угол с образами и столом. Большое место в доме играла печь, она грела, кормила и лечила; на ней спали старики, в ней мылись.

За печью находился чулан, или «бабий кут» – бабий угол, где хранилась глиняная, плетёная, деревянная и реже стеклянная посуда. Мебели почти не было: лавки и сундуки. Спали взрослые на полу, дети – на полатях, старики – на печи.

Традиционная мужская одежда – это длинная рубаха – косоворотка и широкие штаны. Зимой носили зипуны, тулупы, войлочные шапки, валенки. Женская одежда – шерстяная домотканая юбка, длинная кофта, сарафан. В холодную погоду носили душегрейку, платки, валенки.

В деревне жили кержаки, особой веры. Одевались своеобразно. У женщин длинные широкие юбки, на голове обязательно платок, даже в жару. Мужики стриглись «под горшок». Бороды не брили. Они строго соблюдали праздники. На ногах чаще всего носили лапти, в отличие от всех сибиряков. Пол был земляной, топились сначала «по-чёрному», когда дым валил в окна, в дверь, затем стали делать печи и стелить полы.

С соседями ладили, только в гости не ходили, и сами не приглашали.

Стенд
в школьном музее

Коли кто зайдёт в избу воды попьёт, то после него кружку обязательно помоют, дверную ручку протрут. И если приходилось уходить в мир иной, то каждого хоронили на своём кержатском кладбище.

Режим питания в Заозёрье складывался под влиянием самых разных факторов – экономических, природных, религиозных. Главным первым блюдом были кислые щи, летом готовили окрошку из кваса и овощей, основу второго блюда составляли каши, пареные овощи и горох, блюда из мяса были редки, чаще из рыбы. Важными составляющими питательного рациона были хлеб из кислого теста, пироги с разнообразной начинкой, блины, оладьи.

В деревне праздники справлялись как языческие (проводы зимы, Масленица, караулье солнце, погребенье Ярилы), так и христианские (Рождество, Пасха, Святки, Радоница и др.). К этим дням старались сшить детям хоть какую-то обнову, готовили обед повкуснее, а самое главное, отпускали детей поиграть.

Сначала это была маленькая деревушка с одной улицей в сорок девять дворов. Земли было много, но избы строили вплотную, стараясь, быть ближе друг к другу.

Затем появилась и вторая улица в деревне.

Жили сельчане бедно. Крестьянская бедность не позволяла вовремя расплатиться с долгами по налогам, тогда приезжал агент, описывал живность и забирал всё. У кого были излишки, по полевой дороге возили на быках продавать на станцию за двадцать пять километров. Ездить далеко было небезопасно, крестьян часто грабили, особенно в зимнее время.

В 1911 году деревня Заозёрное считалась наиболее крупной – девяносто шесть дворов, двести одиннадцать женщин и двести сорок девять мужчин. Жили сельчане дружно, как одна семья, вместе работали, вместе гуляли в праздники, а в трудные минуты помогали друг другу, кто, чем мог. Богатство деревни – люди, у каждого из них своя судьба, свой путь. Вот о них и пойдёт речь.

Остались в памяти смельчаки, построившие ветряную мельницу в 1936 году Фёдор Шипицын и Павел Волгин, открыли маленькую начальную школу, в которой работала переселенка Власова Анна Савельевна. «Наша первая «зорянка» – так называют её старожилы, затем учительствовала Елизавета Михайловна, Сысоева Елена Константиновна, Любовь Филипповна Качулина, посвятившая обучению деревенских ребятишек двадцать два года своей жизни.

В этом же году деревня получила название хозяйства «Первое мая», и постепенно жизнь стала налаживаться. Появилось в Заозерном пять самоходных комбайнов, стали возделывать пашни, разводить хозяйство, появились рабочие места.

В 1961 году за большие надои молока, за образцовый порядок на ферме хозяйству торжественно вручили переходящее Красное знамя, благодаря таким замечательным людям, как Волгиной Анне Ивановне, Волгиной Валентине Ивановне, Волгиной Надежде Григорьевне, а доярку Сысоеву Лидию Афанасьевну наградили медалью «За трудовое отличие». Заслуженным почётом и уважением пользовались и механизаторы: Бочанов Николай Петрович и Иван Абакумович Переваров. Пастух Анатолий Васильевич Волгин во время войны осиротел, и в 12 лет пошёл работать на ферму, где проработал более 48 лет.

В Заозерном жили все, как одна большая и дружная семья, все давно породнились, и остались в деревне фамилии на слуху: Сысоевы, Волгины, Братцевы и Пономарёвы – местные старожилы.

Деревня Заозёрное пережила все исторические события, которые выпали на долю нашей страны: переселение крестьян в Сибирь, коллективизацию, раскулачивание, Гражданскую войну и самое труднейшее испытание для нашей страны – Великую Отечественную войну.

Неизгладимый след в памяти жителей оставила война. Из села забрали на фронт двадцать пять мужчин, а вернулось только пять человек. На обелиске, который стоит у школы, высечены

фамилии тех, кто не дожил до Победы. Помнят жители и о тех, кто вернулся с войны, о людях, принёсших добрую славу своей земле.

Наступила мирная жизнь, снова можно было слышать по вечерам пение деревенских девушек, пела гармонь, судачили старики на завалинке.

В 1971 году заканчивается бурение скважины, сбросная вода освежила озеро, что позволило запустить в водоём мальков, построили молокозавод, заработала на берегу озера птицеферма: вырастили одиннадцать тысяч молодняка и взрослых кур, продали восемьдесят с половиной тысяч штук яиц. Проложили дорогу от деревни до села Копкуль. Увеличили дойное стадо до ста девяноста шести голов, установлен механизированный доильный аппарат. К этому времени хозяйство стало считаться вторым отделением при колхозе имени «Чапаева», село Копкуль, появился магазин, начальная школа, сельский клуб.

Жили в Заозерном одной семьёй, как близкие родственники очень любили свою деревню. В 1977 году было шестьдесят два двора, сто двадцать восемь мужчин, сто тридцать женщин, сто сорок пять детей, из них восемьдесят два мальчика, шестьдесят три девочки. Неожиданно для сельчан встал вопрос о не перспективности деревни, такая была политика партии и правительства. Покидая родные места, люди плакали.

Из воспоминаний старожила Пономарёва Тимофея Петровича: «уезжали последними из деревни со своей женой и соседом Пановым Константином, ехали молча, тяжело вздыхая. Выехали за деревню, да как заголосили наши бабы, завыли как по покойнику. С родными местами прощались».

Сейчас от деревни остались лишь холмики, заросшие травой, да колки Кондрашиха, Качулиха, Белеткова, где когда-то были заимки первых переселенцев, разбросала судьба людей в разные стороны, в соседние сёла: Рождественку, Копкуль, в Купино, а кого и в другие районы, области.

Но душой и сердцем, люди там, где родились, где прошло их детство, молодость и большая часть жизни. Белеткова Татьяна Петровна рассказывает:

«волею судьбы я побывала на родной земле. Низко – низко поклонилась родному « пепелищу». Невозможно что-либо изменить, вернуть, увидеть, что когда-то окружало меня.

Всё также прекрасно озеро. Я подошла к самой воде. Какая она чистая, прозрачная и тёплая. И всё тот же горьковато – солёный вкус! Даже эта мелочь будоражит, будит далёкие воспоминания, переносит в прошлое, а вот улица исчезла. Когда-то здесь жили Сысоевы, Чайкины, Лобес, Вейде и многие другие. Побывала на кладбищах. Кустарники и одинокие деревья также охраняют покой усопших».

Оксана Михайлюк

Куйбышевский район

В ауле Бергуль есть улица Тукая...

*На свете много улиц славных,
Но не сменяю адрес я.
В моей судьбе ты стала главной
Родная улица моя.*

А. Фатьянов

Многие улицы наших сел и городов названы в честь героев войны и труда, писателей и поэтов, композиторов, знаменательных дат и праздников.

Я живу в небольшом ауле Бергуль, в котором всего три улицы, и решила выяснить историю названий улиц нашего села: Озёрная, имени Рапикова и Тукая.

Альфия Аглямевна Вахитова участвовала в наименовании улиц и помогла найти постановление о введении названия улиц и нумерации домов, а также рассказала, что название одной улице придумали быстро – Озёрная, она находится на живописном берегу небольшого озерка, а вот названия двух других выбирали долго.

Улица Тукая была названа в честь поэта Габдуллы Тукая. Он родился 26 апреля 1886 года в деревне Кушлавич. Когда мальчику было пять месяцев, умер его отец Мухамедгариф Мухамедгалимов, в 1900 году умерла мама Мәмдудэ, и Габдулла остался круглой сиротой.

Габдулла жил в городе Уральске, учился в медресе и посещал русский класс и был очень одаренным ребенком. Первые литературные опыты Тукая частично запечатлелись в рукописном журнале «Аль-Гаср аль-джадид» («Новый век») за 1904 год. В этот же период он перевел на татарский язык басни Крылова и предложил их опубликовать. Габдулла увлекается поэзией Пушкина и Лермонтова. Его первым замечательным поэтическим опытом на татарском языке был перевод стихотворения А. В. Кольцова «Что ты спишь, мужичок?», опубликованный в 1905 году под названием «Сон мужика».

Большинство стихотворений и путевых очерков поэт посвятил своей малой Родине, любви и борцам за народное дело.

На русской земле проложили
мы след,
Мы – чистое зеркало прожитых лет.
С народом России мы песни певали,
Есть общее в нашем быту и морали,
Один за другим проходили года, –
Шутили, трудились мы вместе всегда.

Вовеки нельзя нашу дружбу разбить,
Нанизаны мы на единую нить.
Как тигры, воюем,
нам бремя не бремя,
Как кони, работаем в мирное время.
Мы – верные дети единой страны,
Ужели бесправными быть
мы должны?

2 апреля 1913 года Габдуллы Тукая не стало, ему было всего 27 лет, и был похоронен на Татарском кладбище Ново-татарской слободы (Казань).

«Татары в лице Тукаева потеряли величайшего национального поэта», – писали казанские русскоязычные газеты. В честь Габдуллы Тукая назван ряд площадей и улиц многих городов нашей страны, памятники установлены не только на родине поэта, но и в Санкт-Петербурге и в Москве.

Существует четыре музея Габдуллы Тукая: Литературный музей, отдел Национального музея Республики Татарстан в Казани, Литературно-мемориальный комплекс в селе Новый

Улица Тукая,
аул Бергуль

Кырлай Арского района Татарстана и музей Габдуллы Тукая в Уральске (Казахстан), в честь поэта назван один из районов республики Татарстан.

Центральную улицу нашего села решили назвать в честь участника Великой Отечественной войны Рапикова Кабира Шаниловича. К сожалению, родственников этого человека в деревне не осталось. Из «Книги памяти» мне удалось узнать, что он родился в 1904 году и до призыва на войну жил в нашем селе Аул-Бергуль. Его призвал Куйбышевский РВК 25 августа 1941 года. Во время Великой Отечественной войны Рапиков был гвардии сержантом, заместителем командира отделения 13-го гвардейского противотанкового дивизиона. Погиб 4 августа 1943 года, и был похоронен в деревне Жудро, Хотынецкого района Орловской области.

Дома на улица Тукая в основном были построены для колхозников в 80-х годах XX века, наряду с «советскими двухквартирниками» на краю улицы построены современные дома. Улица моя тихая, но совсем неблагоустроенная, весной и осенью легче пройти по огородам, чем по нашей улице. Старожилы говорят, что в 1940–50-х годах здесь было озеро. Летом на соседней улице кипит жизнь: даже в ночное время не прекращается движение, а моя улица самая спокойная. Я мечтаю, что мою улицу заасфальтируют, на ней появятся клумбы с цветами и можно будет гулять с подругами по пешеходным дорожкам.

Знание истории своего края, города, улицы дает возможность почувствовать себя частичкой малой и большой Родины.

Закончить свою статью хотелось бы словами нашего замечательного Габдуллы Тукая:

Где ни буду я впредь,
и каких только дел
Совершить мне ни даст Богом
данный удел,
Буду в памяти вечно хранить,
как живой
Образ родины детства,
деревни родной.
(перевод на русский В. Думаевой–Валиевой)

Зарина Байкова

Куйбышевский район

Как белорусы сибиряками стали

Ровно сто пятьдесят семь лет назад в белорусском Полесье родился Степан Яковлев Горбач (1861–1940 годы), судьба которого была неразрывно связана с такими местами, как Каинский

уезд, Кыштовский урман, Распаевские болота.

Он родился в 1861 году в селе Бабровичи Минской губернии в семье белорусских крестьян уже свободным человеком, в год отмены крепостного права в России.

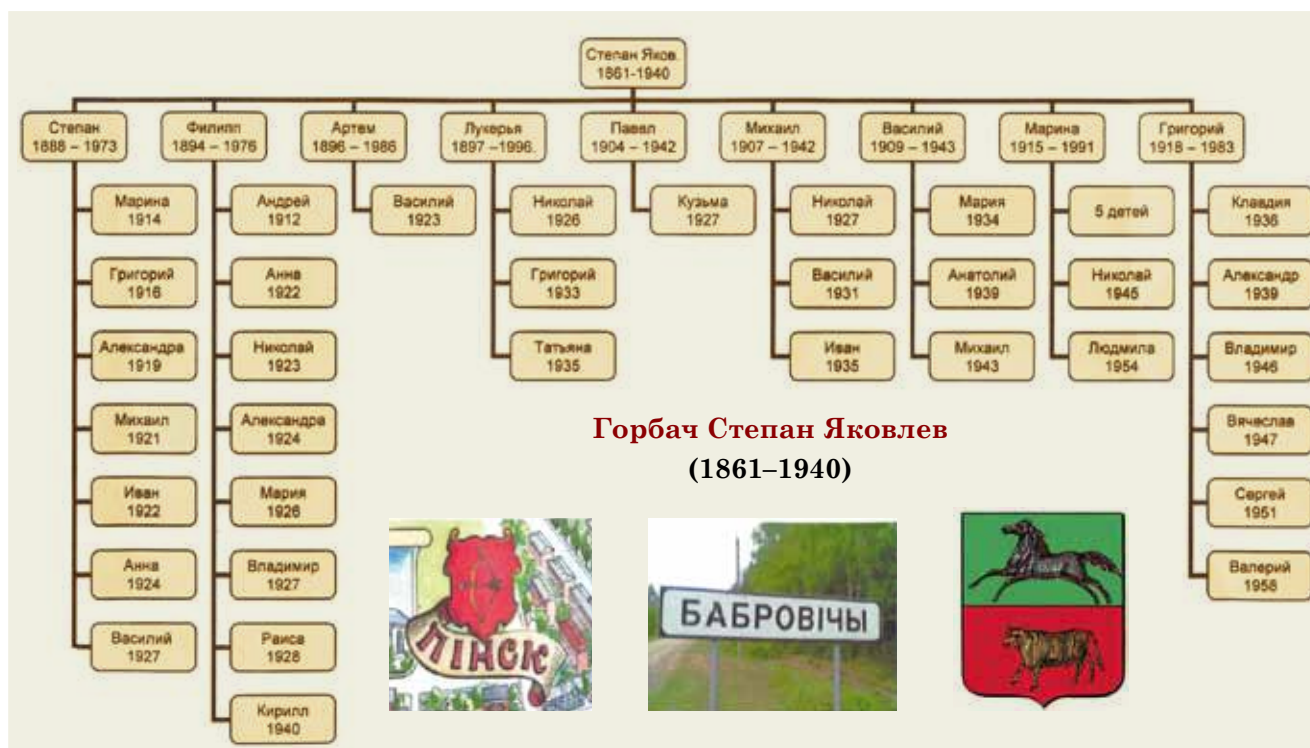
Землю разрешалось тогда только арендовать у владельцев, большинством из которых были польские помещики, ее не хватало даже для того, чтобы прокормить обычную крестьянскую семью из четырех-пяти человек.

У самого Степана Яковлевича к 35 годам было уже трое сыновей – Степан (1888 г. р.), Филипп (1894 г. р.) и Артём (1896 г. р.), о будущем которых тоже надо было подумать.

Знающие люди говорили, что на другом конце Российской империи, за Уралом, свободной земли много, и раздают ее всем желающим.

Крестьяне стали посылать в Сибирь ходоков-разведчиков, чтобы присмотреть там подходящие для проживания места.

В 1900 году оправился в Сибирь и сам Степан Горбач, его младшему сыну Артёму в то время было всего четыре года.

Болотнинский район

Деревня Игрушка

Добравшись на поезде до станции Карачи (районный поселок Чаны), «самоходы» из Бабровичей приобрели лошадь, пересели на подводку и двинулись дальше, на север, до Тарского уезда.

Хорошо обустроенная земля Тары была густо заселена, и власти требовали плату за возможность здесь поселиться – лошадь, а это было единственное ценное имущество семьи Степана Яковлевича, и Горбач с семьей отправился дальше до Кыштовки Каинского округа, потом до села Кулеба, где получили разрешение на земельный участок на голом месте возле Бадеевского (впоследствии Распаевского) болота.

Земельные участки были заранее подготовлены для переселенцев, осушены за счёт водяных каналов и поделены на паи, как говорили тогда «распаень». Так возникло название переселенческого участка – засёлок Распаевский.

В заселке в семье Горбачей родились ещё четверо сыновей (записаны уже по-русски, Горбачёвы) – Павел, Михаил, Василий, Григорий и дочь Марина.

Семья росла, детей и внуков у Степана Горбача было уже 44 человека, а в последующих поколениях более 150 человек. Потомки Горбача живут в Новосибирской области, в том числе в Куйбышеве, остальные разлетелись по всей стране до самой Камчатки.

Горбачи и Горбачёвы распахивали и осваивали новые земли, ставили дома в Распаевке и Кыштовке, Арынцассе и Куйбышеве, служили во всех армиях: царской, РККА (рабоче-крестьянской Красной Армии), Советской и Российской, восстанавливали свои хозяйства после революции, Гражданской и Отечественной войн, выживали после различных реформ, кризисов, дефолтов и других экспериментов над российским обществом.

Так семья переселенцев из Белоруссии проросла корнями в Сибири, и в начале XX века внесла свой весомый вклад в освоение Сибири.

Марина Печенова

Это история одной деревни с необычным, но красивым названием Игрушка, появилась она в 20-х годах XX века. Проживало в ней около двадцати семей, в основном белорусы.

Когда новым переселенцам отвели земли там, где стоял кедровый бор, жителям Бибеево это не понравилось, и они стали всячески препятствовать строительству новых домов. Только начнут строить переселенцы дом, а вечером приезжают бибеевцы и раскатывают возведённый сруб.

Однажды бибеевские старожилы поставили перед новичками условие: если они построят за одну ночь дом, да собьют печь (раньше кирпича не было и печи сбивали из глины), и утром из трубы пойдёт дым, значит, быть на этом месте новой деревне.

Переселенцы были люди трудолюбивые, много претерпели в жизни, да и место это им очень понравилось. Вот они всем гуртом и построили маленькую избушку всего лишь за одну ночь, сбили печь и утром её растопили, а когда приехали бибеевцы, из трубы вовсю валил дым. Тот домик был почти игрушечным.

Так и повелось называть новую деревню Игрушкой.

Хатки в деревне ставили пятистенные, крышу домов крыли дранкой,

Деревня Игрушка

в каждой избе – русская печь. Всё как полагается! В Игрушке была начальная школа, а с пятого класса ученики ходили пешком в Новобибеевскую школу, но учение продолжали в основном мальчики, Девочки оставались дома: пряли, ткали и выполняли домашнюю работу.

Ближайшая к деревне церковь была в селе Ояш. Это было очень далеко, и поэтому часто детей крестил в реке дед Савка, который знал много молитв. Жил он с семьёй в землянке, и было у него трое детей. Сам он зимой и летом ходил в холщовой рубахе, в домотканых холщовых штанах и босиком. Его волосы были очень густые, на груди – большой крест.

Деревня Игрушка просуществовала вплоть до 1970 года.

В Новобибеево живёт несколько семей из деревни Игрушки, и называют они себя ласково игрушане. Деревни давно уже нет, а память о месте с чудным названием живет и по сей день.

Лилия Томилина

Кольванский район

Мироед или благодетель?

**Гавриила Иванович Пастухов,
(1823 год – 11.12.1893 год), основатель
и Почетный смотритель Кольванского
двухклассного городского училища**

Полтора столетия назад Кольвань была небольшим уездным городом, население которого состояло в основном из мещан и купечества. К купцам II-ой гильдии относились торговцы, которые владели капиталом не менее 20 тысяч рублей. Всё купеческое сословие освобождалось от телесных наказаний и, вообще, было самым привилегированным после дворянства. Поэтому попасть в его ряды стремились многие. Основным занятием купцов была торговля. Успех предпринимательской деятельности во многом зависел от умения купцов вести дела и извлекать из этого прибыль. Многие купцы, имея большие доходы, занимались благотворительностью. Первейшей сферой приложения пожертвований была церковь. Пожертвования на неё были, пожалуй,

самыми значительными, и у богатых купцов исчислялись сотнями тысяч рублей.

Важнейшим направлением благотворительности было и народное просвещение. Особенно велико было значение частной благотворительности при открытии новых учебных заведений. Предприниматели неизменно оказывали помощь учебным заведениям: дарили им книги, деньги, здания, оплачивали ремонт и содержание, вносили плату за обучение, выдавали стипендии наиболее бедным или одаренным ученикам.

Причины таких поступков были разные. Немалую роль играло стремление «замолотить грехи». Поскольку купцы далеко не всегда наживали свой капитал честным путём, они, будучи людьми верующими, желали заслужить у Бога прощение, поэтому и делали пожертвования в пользу церкви, нищих, сирот, образования. Как бы то ни было, купечество Сибири и Кольвани, в частности, сыграло большую роль в экономическом и культурном развитии края.

В Кольвани на улице Ревпроспект стоит старинное здание. Это школа, которая в 1880 году была построена на деньги купца Гавриила Ивановича Пастухова.

Гавриил Иванович Пастухов родился в 1823 году. Он, получил домашнее образование. Был женат на Авдотье Яковлевой, но детей у них не было. В 1851 году в возрасте 27 лет он получил звание купца II-ой гильдии, а это говорит о том, что Пастухов обладал немалым капиталом. «У него самого в городе Кольвани было два дома: один каменный о трёх этажах, а другой деревянный о двух этажах». Кроме дома купец имел прачечную, три склада, две конюшни, кирпичную кладовую, амбар.

В 1880 г. построил кирпичное здание для городского училища, попечителем которого состоял и содержал на свои средства 7 лет. В 1890 г., 2 июля была освящена Градокольванская Покровская училищная церковь (не сохранилась), построенная им же. Из его средств выплачивалось жалованье священникам и построены дома для них.

Избирался городовым старостой (1871 г.), в состав городской думы

(1876 г.). Существовало мнение, что Г. И. Пастухов был неграмотным человеком. Однако, сомнительно, что безграмотный человек мог так умело вести свои дела и разбогатеть

В книге П. Ф. Кочнева «Жизнь на Большой реке (записки сибирского приказчика)» есть воспоминания о нём: «...Пастухов был богатый торговец, в Колывани имел большой каменный дом и каменные склады для товаров, прямо на дому скупал хлеб, мясо, масло, сало и другие продукты, на базаре торговал в двух лавках мануфактурами и всякими товарами...».

Гавриил Иванович был человеком своего времени и, как любой торговец, из всего старался извлечь выгоду. Вот ещё одно воспоминание о нём, приведённое Кочневым: «Пастухов был очень богат, но и очень скуп, настоящий «Плюшкин», собирал всякую дрянь, старые сломанные гвозди, разбитые черепки, тряпки и прочее.... У него Николай Наумович часто занимал деньги, конечно за жидовские проценты. При выдаче денег в долг, Пастухов всегда старался что-нибудь продать, и приходилось брать, а иначе он тянул время, то денег нет, то приходи завтра....»

Торговая жилка помогала купцу делать деньги из всего. Вот ещё один маленький пример, описанный в книге: «...Назавтра я пошёл к Г. И. Пастухову получить от него деньги, предварительно купив в лавке разного товара рублей на 40. Когда стал с ним прицениваться, он поискал глазами, нельзя ли мне ещё что-нибудь продать и, взяв на столе перочинный ножик, сказал: « стоит 3.50, а я отдам за 3 рубля». Я стал отговариваться, а он, увлечённый, отдал за 2.75. И, чтобы его не сердить, я купил ножик, хотя и знал, что цена ему 1.5 рубля».

Как видно из этих воспоминаний, Гавриил Иванович умел вести торговые дела и из всего извлекать свою пользу. Поэтому он был успешным торговцем, и всеми доступными средствами получал большие прибыли. Вполне вероятно, это происходило не всегда честным путём.

«Томский окружной суд рассматривал дело о взыскании Колыванская мещанской жены Устиньи Пешеходо-

вой с Колыванского 2-й гильдии купца Гавриила Иванова Пастухова денег 115 р. 40 к.». Видимо, отдавать деньги Г. И. Пастухов не всегда хотел, но и терять свои он тоже не намерен был.

Купец Г. И. Пастухов пробовал заниматься в разных сферах деятельности. В «Томских губернских ведомостях» в 1875 году № 21 мы находим сведения о том, что ему было выдано дозволенное свидетельство на производство золотых промыслов в Западной Сибири, Алтайском горном округе и в округах областей Акмолинской и Семипалатинской.

В «Сибирской газете» за 1885 год № 17 имеется такая заметка: «Слухи о чуме рогатого скота в городе пока не подтверждаются, но на этом успокаиваться ни в коем случае нельзя.. Во время развития эпизоотии в прошлом году начали принимать меры к уменьшению размеров бедствия, устраивали карантин, отгоняли здоровый скот от больного, задерживали кожи и сало, если они и не были освидетельствованы и дезинфицированы... С другой стороны, торговцы кожами и салом, находя эти меры для себя стеснительными, искали случая обойти их. Сами ли выдумали эти торговцы, или какая-то умная голова их наставила на путь истинный, только они повезли кожи (например, из Колывани) на Ишимскую ярмарку, утверждая, что им не разрешают проделывать операций с зараженными кожами в пределах Томской губернии, а что в другие губернии заразу вести можно. Такое поведение г. г. торговцев нельзя не признать просто преступными, и является всякая необходимость положить этому конец. Нам известно, что в Колывани собрано до 5000 кож у Жернакова и Пастухова.. Кожы эти в настоящее время высушиваются с тем, чтобы с открытием навигации отправить их в Тюмень и далее в Россию. Так как высушивание не обеззараживает кож, то не мудрено, если вместе с ними повезется по весям и градам Сибири убийственная зараза.

В истории Колывани сохранилась легенда о махинациях купца Пастухова: «Занимаясь продажей хлеба, купец Пастухов обвешивал людей. По этикету гиря числилась 2 пуда, а в действи-

тельности вес этой гири составлял 2 пуда 10 фунтов. Мошенничество было раскрыто, и Пастухов был отдан под суд. По приговору суда ему было вынесено наказание: каждый церковный праздник ходить в церковь в чугунных калошах, каковые, и были отлиты специально для него. С тем, чтобы откупиться от наказания, он взял на себя обязательство выстроить церковь, которое он и выполнил».

В «Сибирской газете» 26 апреля 1887 года имеется частичное подтверждение этой легенды. Фамилия купца в этой заметке отчетливо названа – это Г. И. Пастухов. Заметка называется «Торговцы хлебом и фальшивые гири»: «Местное общество сильно заинтересовано одним происшествием, по поводу которого в настоящее время производится следствие. Один богатый крестьянин привез недавно в город на продажу (день был базарный) хлеб, который и купил у него местный торговец хлебом Г. И. Пастухов. Когда подводы последнего въехали во двор последнего, Пастухов послал продавца-крестьянина за гирями, находившимися в то время на другом дворе. При перевеске хлеба его оказалось недовеса до 18.000 пудов. Крестьянин, зная, что у него привезено хлеба гораздо больше и заподозрив обман, пригласил полицию, которая нашла, что гири, которыми взвешивали хлеб, фальшивые, а именно не по 2 пуда каждая, а по 75 фунтов. Теперь крестьянин обвиняет торговца в обвесе посредством фальшивых гирь; Пастухов же уверяет, что посланный за гирями крестьянин подменил их привезенными с собою из деревни фальшивыми гирями с целью шантажа. Ясно, что это объяснение придумано для того, чтобы дать хоть какую-нибудь возможность уцепиться разным нашим крючкам и вытянуть из грязи попавшегося купчину. Поэтому в городе высказываются опасения, что и в самом деле, как бы крестьянин из обвинителя не обратился в обвиняемого, – больно уж богат Пастухов и не пожалеет денег, на которые у нас много охотников».

Г. И. Пастухов стал «героем» следующей истории, описанной в № 22 за 1881 года в газете «Сибирская газета», так как человек, о котором напи-

сано называется «г. П»: «Нам пишут из Колывани. По случаю ранней бойки баранов осенью на бойнице П. (погода переменялась к теплу), мясо подверглось порче, вследствие чего местному полицейскому надзирателю было поручено освидетельствовать бойню П. И полицейский надзиратель, и понятые нашли мясо в недоброкачественном виде и негодным к употреблению; но... в протоколе оно значилось доброкачественным и годным в пищу. Протокол подписан полицейским надзирателем, оставаться подписаться понятым; один из них, а именно мещанин Воробьев, как грамотный, говорит:

– Ваше благородие, я не подпишу!

– Почему? – с удивлением спросил его полицейский надзиратель.

– Да говядина-то, сами изволили видеть, гнилая; я и там говорил, что она не годится, а в протоколе сказано, что она доброкачественная, – как же это?

– А в чижовку не хочешь? – вдруг начальническим тоном заговорил полицейский надзиратель.

– За что же? Ведь я правду говорю.

– Что с тобой толковать! Алексею (обращаясь к полицейскому служителю), посади его... за грубость.

Однако, делу надо дать конец... Идет полицейский надзиратель к арестованному...

– Ну, что, подпишешь? Подпишешь – выпущу, а не попишешь – сиди!

Рабочая пора и ожидание семьи заставили Воробьева покориться. Протокол подписан, и полицейский надзиратель, и г. П. остались довольны».

И, несмотря ни на что, купец Пастухов оставил о себе хорошую память, благодаря тем добрым делам, которые он совершил.

В архивных документах сохранились сведения о том, что Гавриил Иванович активно занимался благотворительностью, впрочем, как и многие предприниматели того времени. Важнейшим направлением благотворительности было народное просвещение.

23 сентября 1878 года директор училищ Томской губернии И. Смирнов в письме Главному инспектору училищ Западной Сибири сообщил, что «в заштатном г. Колывани купец Пастухов предложил г. Томскому губернатору

выстроить дом по прилагаемому при сем плану для городского двухклассного училища с особым флигелем для квартиры учителю и внести деньги на содержание этого училища в течение семи лет, а Колыванское городское общество постановило принять через семь лет содержание этого училища на счет городских средств».

Более 2-х месяцев шла переписка разных инстанций: Колыванской городской Думы, директора училищ Томской губернии, инспектора училищ Западной Сибири, Томского губернатора – с сообщениями о завершении строительства здания для училища и с ходатайством об открытии училища. 9 ноября 1880 года училище было открыто, об этом говорят несколько архивных документов: телеграммы и письмо директора училищ Томской губернии от 16.11.1880 года Главному инспектору училищ Западной Сибири: «...открытие Колыванского городского училища происходило 9 числа ноября сего года», а также сообщение в «Томских губернских ведомостях» 1880 года № 47: «В г. Колывани 9-го сего ноября открыто двух-классное городское училище, выстроенное купцом Гавриилом Ивановичем Пастуховым и содержаемое им на собственные средства в течение семи лет». На открытии училища настоятелем городского Колыванского Свято-Троицкого собора Иереем Павлом Львовым была произнесена речь следующего содержания:

«Достопочтенное собрание! Открытие нового учебного заведения всегда оставляет отрадное в общественной жизни событие и невольно вызывает желание открываемому заведению наилучшего успеха, – особенно в религиозно-нравственном направлении.

Мысль об его основании несколько лет тому назад возникла в сердце нашего почтенного гражданина Гавриила Ивановича, который с немалыми затруднениями при помощи Божией достиг своей цели, – училище готово! Как не пожелать, чтобы Господь благословил добрый почин его, в котором видна не какая-либо своекорыстная цель, но просвещенный патриотизм и христианская любовь к детям своих сограждан! Я полагаю: какой невыра-

Современный вид здания школы, построенного Г.И.Пастуховым

зимой радости исполнено его сердце в настоящую минуту, что он, не имея своих детей и сам не получивший никакого школьного образования, при помощи Божией устроил это великолепное здание для детей своих ближних и обеспечил оное во всем! Как не благодарить его за такое попечение о детях, которые в сем училище могут при помощи Божией и руководстве наставников возвысить свое человеческое достоинство, очистить смысл от тлетворных лжеучений, мирских предрассудков и грубых суеверий!»

Само здание Г. И. Пастухову обошлось в 15000 рублей, а в обеспечение содержания училища было внесено 15330 рублей в Колыванскую городскую управу.

В число личного состава училища входил почетный смотритель, который избирался в городской Думе на трехлетие. В 1893 году 9 июня «потомственный почетный гражданин Колыванский 2-й гильдии купец Гавриил Иванович Пастухов избран почетным смотрителем городского училища на пятое трехлетие с 14 мая текущего года.

11 декабря 1893 года Г. И. Пастухов скончался, и в связи со смертью исключен из списка почетного блюстителя Колыванского двухклассного городского училища.

С момента основания Колыванского городского училища прошло сто сорок лет, а здание школы стоит до сих пор. Со временем появился второй этаж, спортзал, пристроена основная часть

современного здания, где находятся учебные кабинеты, но ученики знают и помнят, когда и с чего начиналась история школы, благодаря кому она появилась.

Г. И. Пастухов был почетным членом арестантского приюта Томского попечительного комитета о тюрьмах,

Купцы часто выступали инициаторами строительства церквей и храмов, покрывая своими средствами большую часть расходов. В 1885 году была разрешена к постройке церковь при Колыванском городском училище Преподобнейшим Владимиром, епископом Томским и Семипалатинским. Градо-Колыванская Покровская училищная церковь освящена 2 июля 1890 г. Строительство велось на средства колыванского купца II-й гильдии Гавриила Пастухова.

Строительством училища и церкви благотворительность Г. И. Пастухова не ограничивалась.

В 1868 году Г. И. Пастухову и другим купцам города Колывани была объявлена благодарность губернского начальства за безвозмездное исправление ими повреждений в Колыванском военном лазарете. В этом же году Г. И. Пастухов делает приношение на окончание вновь строящегося в г. Томске Кафедрального собора – 10 рублей. 17 декабря 1890 года в Колыванской городской думе рассматривался вопрос «о пожертвовании Колыванским купцом и потомственным почетным гражданином Г. И. Пастуховым усадебного места земли под № 442 под постройку технической или ремесленной школы».

В «Томских губернских ведомостях» еще ни один раз встретятся записи о благородных поступках купца Пастухова.

Для Колыванской соборной церкви он пожертвовал Евангелие, колокола и утварь, за что получил благословение Святейшего Синода.

В 1881 году внёс 1000 рублей на строительство здания Томского университета.

В 1876 году «пожертвовал 1000 рублей в распоряжение Господина Томского Губернатора на устройство в городе Томске женской прогимназии».

В 1881 году внёс 500 рублей «для построения пансиона Омской женской гимназии».

В 1892 году «Томские губернские ведомости» № 35 в постановлении Колыванской городской думы сообщается «о пожертвовании 100 р. Потомственным почетным гражданином Г. И. Пастуховым на прекращение холерной эпидемии»

В 1893 году в Отчете Томского губернского попечительства над Владимирским детским приютом по устройству лотереи 30 декабря 1892 года пожертвовано Г. И. Пастуховым 30 р.

За участие в благотворительности Г. И. Пастухов не раз получал награды. В 1874 году его наградили серебряной медалью на Станиславской ленте для ношения на шее.

Следует говорить и об общественной деятельности Г. И. Пастухова. Он участвовал в городских выборах в городе Колывани Томской губернии в 1-е избирательное собрание и был дважды избран гласным Колыванской городской думы в 1876 и 1880 годах.

С тех пор прошло слишком много времени. Бурные события начала XX века способствовали тому, что многие документы утеряны безвозвратно, а очевидцев давно нет в живых. В семье Пастуховых никогда не было своих детей.

Из тех сведений, что удалось собрать об этом удивительном человеке – Гаврииле Ивановиче Пастухове, – до нас доходит личность неординарная. В нём сочетались, с одной стороны, торговая хватка, стремление к наживе, с другой стороны, желание поделиться своими личными деньгами на благо общества.

Так что вопрос: Кто же он: мироед или благодетель?! Остается без ответа.

Людмила Никулина

Маслянинский район

Егорьевское золото

Мы живем в одном из живописных сел Маслянинского района с необычной историей и богатыми недрами. Егорьевский прииск, Егорьевский золотonosный район – все это о территории, расположенной на востоке от райцентра.

Когда заходит речь о природных богатствах нашей области, то слышим

рассказы об антраците Листвянки, о буром угле Завьялова, о ценнейшем строительном камне – диабазе, который добывается в Горном, о Петеневском мраморе, о богатых запасах глин в Евсине и Дорогине, и конечно о золоте горной реки Суенги, которая вот уже 187 лет отдает свои богатства людям. Вероятно, потому, что мало знают о Егорьевском золоте. В Маслянинский район заходит самый северный отрог Алтае-Саянской горной системы – Салаирский кряж – одно из красивейших мест Новосибирской области. Это древние, сильно разрушенные низкие горы, впервые поднявшиеся в складчатой области более четырехсот миллионов лет назад. Древний палеозойский фундамент здесь незначительно покрыт осадочными породами, и местами горные речушки прорезают свои долины, оголяя древние породы, и, образуя живописные скалистые берега. Наиболее известен Салаир своим рассыпным золотом, практически все реки здесь золотоносны.

Названия многих сибирских рек и озер имеют тюркские корни. Среди различных переводов названий речек Салаир такие: «маленькая речка с высыхающим руслом, с галькой», «приток реки, второстепенная река», а также «рукав реки, изгиб, излучина». Название холмистой гряды – Салаирский кряж появилось позже. Так река Суенга – крупный правый приток реки Бердь берет свое начало в Салаирском кряже и протекает в основном по Новосибирской области. Суенга очень живописна, на ней часто встречаются бурные перекаты, и имеет черты горной реки на всем протяжении. К бассейну реки Суенги («таежная вода») относятся ее притоки Большие и Малые Тайлы (от тюркского «таил» – «заросли ивы по берегам реки»).

А когда на речке Малые Тайлы появилась драга, то сначала рабочие в разговорах, затем в документах этот приток стали называть Дразные Тайлы и на карте Салаира появилось новое название. Освоение Салаирского кряжа шло по двум направлениям: с востока со стороны Кузнецка и с севера, со стороны Томска.

Салаир, как Алтай и Кузнецкая земля, привлекал внимание рудознатцев. В 1717 году была объявлена привилегия всем «охотникам рудных дел», свободно искать и разрабатывать полезные ископаемые, были обещаны премии рудоискателям, и охотники нашлись.

В 1830 году был основан Егорьевский прииск на золотосодержащем месторождении, открытым в 1781 году ссыльным рудознатцем Д. М. Поповым.

Первыми жителями посёлка стали ссыльные и бергалы. В 1834 году 82 процента всех рабочих прииска составляли ссыльные, а 18 процентов – бергалы. Бергалы – крестьяне, которые должны были быть призваны на военную службу, но вместо рекрутской повинности отбывали работу на прииске. Условия труда на прииске были тяжёлыми: низкая заработная плата и длительный рабочий день (с 1830 года – 10 часов, с 1838 года – 15 часов, с 1850 года – 18 часов), тем не менее, работников привлекало желание найти крупный самородок. При сдаче самородков надсмотрщику в шахте рабочим платили S или s полной стоимости. Иногда кому-то из рабочих удавалось вынести тайком самородок и сдать его в поселковый магазин по полной стоимости, однако в случае поимки рабочий подвергался наказанию розгами с конфискацией самородка.

В 1831 году министр финансов России Георгий (Егор) Францевич Кан-

Таким село Егорьевское было в начале XIX века

Драга.
Добыча золота

крин преподнес царю вместе с пасхальными поздравлениями слиток салаирского золота весом в три фунта (1,2 кг.). Царь, благодарный своему Министру и Главному Управляющему царскими именными за подарок, распорядился называть новые прииски Георгиевскими.

Претерпев некоторую транскрипцию (Георгий – в русском произношении Егор), это название закрепилось за поселком и до наших дней, а затем Егорьевский прииск был переименован в Егорьевский карьер. Сейчас это село Егорьевское, расположенное в живописнейшем месте, все это богатство обрамлено просто фантастической нетронутой природой, за что этот край и называют «Сибирской Швейцарией». Длительное время золото на прииске села Егорьевское добывали кустарными способами. Изначально добыча золота велась открытыми разрезами, затем начались подземные работы.

Создание золотодобывающей промышленности в Егорьевском относится к 1950 году XX века, когда началась государственная золотодобыча и была организована механизация работ.

В результате население посёлка значительно выросло, появились новые магазины, библиотека. Вместе с тем это также привело к неблагоприятным экологическим последствиям: загрязнению воды, изменению водного режима рек, нарушению экосистемы прибрежной полосы.

В 1951 году на реке Суенга, в самом селе, была построена первая драга водоизмещением 50 литров (это объем ковша, которым драга черпает породу со дна реки для дальнейшей промывки внутри самой драги), как говорили – «маленькая драга», которую впоследствии демонтировали. Железным черпаком достаёт драга со дна реки песок, вгрызается в подводные скалы на глубину 5 метров. Подняв наверх золотоносную породу, драга отделяет её от камней, которые выбрасывает транспортёром на берег. Так как тяжелой техники, бульдозеров, еще в прииске не было, то кусты и деревья вдоль берега вырубали топорами, в основном этим занимались женщины. Затем на реках Каменка и Тайлы были построены еще несколько драг, 50-ти и 80-литровых, из них одна «большая», с трехэтажный дом водоизмещением 250 литров.

К началу перестройки в Егорьевском прииске осталось три драги, одна из них «318» – шла по реке Кинтереп, «314» – по реке Тайлы, а третья «152», самая большая, – по реке Суенга.

В трудные 90-е годы для всей страны, возникли огромные проблемы и в Егорьевском карьере, и предприятие было ликвидировано. Драгу «314» демонтировали и увезли в Челябинскую область, драгу «318» новые хозяева продали на металлолом, осталась драга «152», которая через несколько лет была отремонтирована и за-

пущена в эксплуатацию в 2008 году. Егорьевское золото – одно из самых высокопробных в России. В период освоения золотых россыпей среднегодовая добыча металла была близка к 50 килограммам, в 1996–2000 годах она составила уже 180–200 килограмм. Выписка из архивных данных геолога П. Ф. Соболенко: «1956–57 – счастливые годы по части подъема самородков, самый большой из них 7,2 кг чистого золота».

Всего за период эксплуатации месторождения добыто более 15 тонн золота.

В Егорьевском много достопримечательностей, это и уникальный «Святой ключик» – родник с очень полезной водой, и, конечно, «Скала любви». Она круто обрывается к берегу Суенги, вся поросшая пихтачом. На ней есть выступ. Легенда гласит, что в давние времена, влюбленные, которым не суждено было быть вместе, бросились со этой скалы и погибли. А еще, в трёх километрах от села находится Егорьевская пещера – самая длинная в Новосибирской области и вторая по протяжённости (208 метров) на территории Салаирского кряжа. Глубина пещеры 33 метра, она относится к I категории сложности. Пещера представляет собой карстовую полость, залегающую в мраморизованных известняках. В пещере есть несколько гротов (высотой до 11 метров), сталактиты и сифон, которым заканчивается пещера.

Дамба на Суенге

Одно из любимых мест отдыха жителей окрестных сел – дамба на реке Суенга. В 1954 году началось строительство Суенгинской ГЭС, однако строительство не было завершено, а дамба, соединяющая берега, осталась. После строительства река была пущена по новому руслу, в котором образовался порог с крутыми до 1,5 метров сливами-водопадами.

Сегодня это место является наиболее посещаемым туристами. В половодье вблизи дамбы стоит грохот от несущейся воды – зрелище завораживающее, привлекающее туристов, которые с большим азартом сплавляются по большой, бушующей весенней воде Суенги.

Марина Молчанова

Купинский район

А было так...

Черeda неурожаев начала XX века и нищета гнали крестьян западных губерний России, следуя столыпинской аграрной реформе, в Сибирь, с её обилием свободных земель.

В поисках лучшей доли покинул насиженное место на Орловщине и отправился вместе с женой и четырьмя детьми в неведомые края мой прапрадед Саможенов Никодим Кондратьевич.

Семья прапрадеда была в числе первых переселенцев, прибывших в 1907 году в Купинскую волость. Нелёгким оказался переезд. Вспоминная рассказы своей бабушки Евгении Дмитриевны, Акулина Васильевна Саможенова говорила, что до станции Татарская переселенцы со всем своим нехитрым скарбом добирались в грузовых вагонах, везли корову, овец, кур, зерно, а дальше до Купино – на лошадях. Изнурённые длительной дорогой, мечтали скорее обустроиться, руками и сердцем коснуться той долгожданной земли и начать новую жизнь на сибирских просторах.

На новом месте переселенцам предстояла нелёгкая задача – выбрать место для поселения. Мой прапрадед Никодим, Прокоп Анисов, Вавил Саможенов и другие мужчины отправились на поиски и в 35 км от Купино облюбовали место между двух озёр. Березовые

Саможенов Василий – сын первых переселенцев Никодима и Евгении

колки, травы по пояс... Мужчины единогласно решили, что именно здесь быть началу их нового села. А их жёны, прибывшие на новое место с детьми, хозяйством, плакали навзрыд: «Да куда же вы нас привезли! Здесь ходить-то невозможно, кругом заросли травью».

Мужчины, не мешкая, прыгнули к строительству изб-пластянок, хлева для скота. До зимы переселенцы уже имели крышу над головой.

Распахали первые полосы земли, хозяйство вели единолично. Мой прапрадед (по воспоминаниям бабушки Акулины Васильевны и старожилки села Пелагеи Тимофеевны Касьяновой), был умным, мастеровитым, сильным. За что бы ни взялся, всё у него в руках горело. Любил землю, трудился не покладая рук. У прадеда было три сына: Василий, Иван, Николай и дочь (имя, к сожалению, никто не мог вспомнить), все труженики с большой буквы.

Отец со старшим сыном пахали землю плугом, у них уже к 1930 году было 7 коней, 10 коров, 40 коз, птица. Младшие дети мать с сумками через плечо сеяли пшеницу и просо. Во время уборки старшие косили, остальные вязали снопы. Зерно молотили зимой в степи, а морозы были сильными.

В первые годы жить было трудно. Акулина Васильевна помнит, как крестьянские дети на тележках с бочками возили воду с колодцев для полива огородов, а те, кто жил ближе к озеру, поливали огороды озёрной водой. А зимой дети лакомились «парёнками» – запечёнными в русской печи кусочками свёклы, моркови, тыквы. Это были самые сладкие воспоминания крестьянского детства.

Прапрадедушка старался дать грамоту своим детям. В 1908 году в Новоселье все собирались у Ивана Копейко (у него была самая просторная в селе изба). Прапрадед привёл своих сыновей к первой учительнице села Анне Матвеевне Козловой и очень гордился, что

его дети будут разуместь грамоту, хотя за учёбу надо было платить деньги.

В 1912 году на средства общественности в Новоселье была построена первая школа. Самое активное участие в строительстве школы принял опять же мой прапрадедушка Никодим, а также Сидор Бебешко и Иван Дзюбенко.

В 1928 году на базе кредитного товарищества организуется коммуна имени Т. Г. Шевченко, председателем избрали Евтеева. Одним из первых вошёл в коммуну Никифор Вавилович Саможенов, племянник прапрадеда. Обобществление имущества – скота, инвентаря – пришлось не по духу моему прапрадеду, и он напрочь отверг предложение о вступлении в коммуну. В результате у него отобрали всё хозяйство, и ему невольно пришлось стать членом коммуны, чтобы не подвергнуть свою семью раскулачиванию. В это же самое время взрослым детям Никодима пришлось уйти из большого деревянного отцовского дома. Ему самому поручили в зимнее время сторожить в степи зерно, так как у него была добротная одежда, да и сам он был крепким, обладал недюжинной силой. Но зимы в Сибири суровые, и его здоровье не выдержало морозных ночёвок. Простыл и в 1930 году умер в возрасте 73 лет. Прапрабабушка Евгения ушла из жизни в 1953 году, оставив добрый след на новосельской земле.

Надежда Покотыло

Сузунский район

Горный инженер Василий Тистров

Тистров Василий Иванович был одним из последних управляющих Сузунского монетного двора. Он прожил интересную, но сложную и даже трагичную для горного специалиста XIX века жизнь.

Он родился в 1799 году в семье «стеклянных дел мастера», отец Тистрова служил в Петербурге, на принадлежащем Кабинету заводе. В 1811 году Василий вместе с младшим братом Павлом были зачислены в горный корпус, на протяжении всего обучения бра-

тя проявляли особое усердие в учебе, по окончании курса им было присвоено звание шихтмейстеров.

Молодого специалиста Тистрова назначают «приставом плавильного производства Барнаульского завода». Здесь молодой инженер ответственно выполняет все поручения, и в апреле 1823 года его направляют на Урал «для замечаний по открытию и разработке золотосодержащих песков в Екатеринбургские заводы...». Приобретенные на Урале знания и опыт позже сделали Василия Тистрова крупнейшим специалистом Кольвано-Воскресенского округа.

Начальство доверяло Василию Ивановичу ответственные поручения, так в январе 1825 года он доставлял в Петербург очередной караван с алтайским серебром и каменными вещами, произведениями Кольванской шлифовальной фабрики, а также неоднократно организовывал поездки и участвовал в длительных командировках в столицу.

О широте кругозора Василия Ивановича свидетельствует такой факт, что он не только был одним из первых директоров горнозаводского музея в Барнауле, но и параллельно преподавал в Барнаульском горном училище, заведовал бумажной фабрикой и руководил плавильней.

В 1828 году Тистров женился на внучке знаменитого алтайского изобретателя-гидротехника, управляющего Змеиногорскими рудниками Козьмы Дмитриевича Фролова (1726–1800 годы), Александре Гавриловне Фроловой.

Спустя год в семье Тистровых родился первенец – сын Петр, а в 1830 году – дочь Мария.

Высокий профессионализм Тистрова, позволил ему стать управляющим Барнаульским заводом, а «для установления серебряной плавки в лучший порядок» его посылают на Сузунский завод, и был назначен управляющим крупного Павловского сереброплавильного завода.

В начале 30-х годов XIX века В. И. Тистров управляет заводами и рудниками Салаирского округа, его приисками, лесосеками и другими промышленными предприятиями. Занимаясь изучением природных богатств

кузнецкой земли, он находился в бесконечных экспедициях по Салаирскому чернолесью, по сырым логам и болотам.

Василий Иванович проделывал огромную работу: контролировал работу Гавриловского и Гурьевского заводов, вникал в постановку дел на золотых приисках. По его инициативе были составлены подробные описания всех предприятий региона, чертежи важнейших построек, машин и агрегатов.

В 1837 году в окрестностях Салаирского кряжа им были открыты прииски и россыпи. За свои открытия он был вознагражден приличной премией в 10 тысяч рублей.

К сожалению, его напряженная исследовательская работа и большая ответственность подорвали здоровье Тистрова, и все чаще и чаще его одолевали приступы ревматизма, обостряющиеся при малейшей простуде.

Большая семья, судьба которой зависела от него, заставляла инженера напрягать последние силы, об отставке не могло быть и речи.

Вскоре последовало очередное назначение, и с 1840 по 1844 годы Тистров работал управляющим Сузунским медеплавильным заводом и монетным двором.

Здесь же, в Сузуне, в 1843 году у Тистровых родилась еще одна дочь – Елизавета, которая впоследствии вышла замуж за поручика Крупского Константина Игнатьевича. От этого союза в 14 февраля 1869 году родилась дочь Надежда Крупская – будущая жена Владимира Ильича Ленина.

Сухой климат Верхнего Приобья не принес облегчения Василию Ивановичу, не помогали ему и консультации столичных врачей, и Тистров вынужден был подать письмо с просьбой о четырехмесячном отпуске для лечения в Барнауле.

Елизавета Васильевна Тистрова – дочь Тистрова В.И. XIX в.

Семья сына
В.И. Тистрова –
Петра Тистрова.
XIX в.

Вскоре в семье Василия Ивановича произошла трагедия, после рождения девятого ребенка умерла его супруга, Александра Гавриловна. Тистров боролся за свое здоровье и после очередного лечения вновь хотел приступить к работе, но был отправлен в отставку 17 ноября 1845 года в чине подполковника корпуса горных инженеров с пенсией в сумме 171 рубль 52 копейки серебром в год.

Последние годы жизни Василий Иванович занимался устройством бу-

дущего своих девяти детей. Сыновей удалось определить в военное училище и Горный институт, младших девочек – в Павловский военно-сиротский институт благородных девиц. О судьбе остальных членов семьи, к сожалению, ничего не известно.

Последние годы жизни Тистров провел в нищете, а все его прошения в императорский Кабинет, где он служил четверть века, так и остались без ответа. Умер Василий Иванович в 1870 году, к сожалению, неизвестно, где он похоронен.

Память о В. И. Тистрове и его делах на благо Отечества бережно хранятся в Сузунском музее.

Татьяна Емельянова

Ордынский район

Новокузьминские старообрядцы

Деревня наша Новокузьминка была основана старообрядцами предположительно в 1803 году.

Судя по рассказам стариков, первыми в деревне поселились старoverы по фамилии Бородины. До середины 70-х годов 20 века была жива Бородина Ефросинья, и к 1840 году тут проживало уже шесть семей. В семье Бородиных было два сына: Антон и Кузьма. Не захотели они хозяйствовать бок о бок. Антон пересёк лес и основал село Антоново, а Кузьма остался здесь и основал деревню Новокузьминка (первоначальное название – Кузьминка).

В XVII веке Патриарх Никон провёл в России церковную реформу, которая заключалась в том, что изменились церковные обряды, государство стало активно вмешиваться в жизнь церкви. Но, как у всякой реформы, были сторонники и противники. Те, кто придерживались старых канонических обычаев и сопротивлялись новаторским обычаям подвергались гонениям официальной власти. Часть раскольников, а именно так называли приверженцев прежних церковных обычаев, были отогнаны на территорию Польши, где не было повинностей и рекрутства, и можно было свободнее жить.

Н.К. Крупская
с матерью
Е.В. Крупской
(в девичестве
Тистрова).
1907 г.

Также старообрядцы расселились в Стародубской слободе, а часть ушли к реке Керженец в Нижегородской губернии, но крестьяне близлежащих губерний, узнав о том, что беглецам живется хорошо, тоже побежали в Польшу. И тогда помещики и военачальники стали забрасывать Синод прошениями о возвращении беглецов. Императрица Екатерина II, воспользовавшись «расстроенным состоянием» Польши, направляет туда войско под командованием генерал-майора Маслова.

В 1764 году старообрядцев погнали из Польши и Нижегородской губернии в Сибирь. Всего с 1764 по 1765 годы через Верхотурье в Сибири было отправлено 15 партий старообрядцев, их вели под конвоем солдаты и офицеры Сибирского корпуса, а также Тегинского и Воронежского пехотных полков.

Только ли приверженность старой вере привлекла взгляды правительства к этим людям? Правительство Екатерины II усмотрело в старообрядцах прекрасных колонистов, которые смогут производить хлеб и другие сельскохозяйственные продукты там, где их не хватает. Они исконные земледельцы, предприимчивы, трудолюбивы, трезвы, отличные общинники, да и на западных границах без них будет спокойнее.

Старообрядцев расселили в разных регионах Зауралья. В Западной Сибири их стали называть – кержаками – по названию реки Керженец в Нижегородской губернии или – двоеданами, так как платили двойной налог за принадлежность к старообрядчеству. Старообрядцы были выселены в Сибирь, на правах государственных крестьян, а не ссыльных.

В Сибири старообрядцы редко селились в уже существовавших деревнях, предпочитая основывать свои обособленные поселения.

Деревню Новокузьминку нельзя считать полностью старообрядческой деревней, но многие семьи были именно кержацкие, переехавшие в Сибирь из Нижнего Новгорода. Почему так?

Во-первых, они называли себя – кержаки, во-вторых, оставили потомкам особенные меднолитые иконы старо-

веров, которые можно увидеть сегодня в семьях жителей Новокузьминки. Синод Русской православной церкви запретил использование литых икон, подобного запрета у старообрядцев не существовало, а меднолитые иконы небольшого размера, легко воспроизводимые по образцу, были удобны как при производстве, так и при использовании у староверов.

Старообрядческие иконы создавали подпольно, как и четырехстворчатые складни с «двунадесятыми праздниками» и передавались по наследству.

К двоеданам относили себя семьи Бородиных, Спиридоновых, Пичуговых и Шведовых.

Исследователей жизни староверов поражала способность старообрядцев быстро ориентироваться в необычной природной обстановке, в новых условиях. Владея навыками европейского земледелия, старообрядцы в новых условиях начали осваивать приемы, без которых в Сибирском крае не вырастить хлеб, они были вынуждены заниматься коневодством, обучаясь этому у местных народов.

Без доброго коня в ту пору было невозможно заниматься хозяйством.

Потомки кержаков продолжали держать коней и у себя в хозяйствах и в XX веке.

В Новокузьминке держали пасеки, на которых содержалось более ста ульев. Это умение передавалось по наследству.

В Новокузьминке было много мастеров-печников, которые не только умели «бить русские печки», которые никогда

Потомок старообрядцев Шведов А.А. 1956 год

не дымили, но и делали глиняную посуду для молочно-скотоводческого хозяйства.

О трудолюбии староверов нашей деревни, об их силе, выносливости, физической и духовной крепости до сих пор ходят легенды. Говорили, что однажды знатный силач Гузеев Ефрем Михайлович поднял на плечи коня.

Жизненный уклад старообрядцев был таков, что детей рано приучали к труду и рукоделию. В шесть-семь лет девочки, а в некоторых семьях и мальчики уже умели прясть пряжу, к десяти-двенадцати годам, когда требовалось начинать готовить приданое, девочки умели ткать, используя различные техники, кроить, шить одежду и вышивать. Мастерски же выполненное рукоделие, особенно украшенное узорами, вышивкой, были предметами особой гордости.

У старообрядцев был культ чистоты и в религиозной жизни, и в быту. Запреты часто были вызваны гигиеническими соображениями, посуда строго подразделялась на чистую и нечистую. Чистое ведро нельзя было вносить в баню. Ножом, которым резали мясо, нельзя было резать хлеб. «Не умыв руки, за хлеб не садись». Запрещалось оставлять воду неприкрытой, если посудина с водой не имела крышки, то ее обязательно закрывали двумя лучинками, положив их крестом. В доме была отдельная посуда для постной и скоромной пищи.

В самом селе Новокузьминке церкви не было, и кержаки ездили тайком даже в годы советской власти в моленной дом в Среднем Алеусе.

Среди своей общины верующие выбирали знающего, уважаемого человека, способного вести службу, старика или пожилую женщину, которые читали молитвы, а староверы клали поклоны и крестились. Молились староверы подолгу, службы длились по несколько часов, а могилы староверов и сегодня можно узнать по лишним перекладам на могильных крестах.

*По материалам МКОУ
Новокузьминская ООШ*

Ефросинья Бородина

Купинский район

История деревни Ерёмино

В 1735 году на месте нашей деревни была заимка купца Ерёмина, в его честь и получила она свое название – Ерёмино.

Осваивать сибирские земли приезжали только смельчаки, корчевали лес, пахали землю. Жили очень бедно, встречались иногда избы с маленькими окнами, в которых вместо стекла был вставлен выделанный бычий мочевого пузырь. Пережив трудности, строили дома по берегам рек Талиновки, Осиновки. Стали разводить животных, появились лошади.

Заимка купца Ерёмина располагалась за деревней, на берегу маленькой речушки. Раньше деревенские ребяташки играли в срубе, оставшимся от заимки, в «уголки». Вдоль речки находился хутор, он тянулся до междуречья, а сейчас там осталось три дома.

С рекой граничит горка под названием Банная, где когда-то жила семья Банновых, и была общественная баня. Зимой с этой горки катались ребяташки на санках и лыжах.

Ниже по реке находилась водяная мельница из красного леса, которая снабжала мукой всё село, и турбина, вырабатывающая электричество. Здесь же на берегу был второй хутор на улице Зелёной, где располагалась ферма. Женщины таскали на коромыслах молоко с фермы в сливкоотделение, которое находилось через речку, а когда сгорела ферма, на это место перевели конный двор.

На улице Центральной на другом конце деревни была токарня – токарный станок работал с помощью воды, где производили деревянные изделия для хозяйства.

Ближе к деревенскому кладбищу находилась маслобойня, здесь огромные жернова крутили три коня, выжимая рыжиковое и конопляное масло, а неподалеку стояла сушилка, внутри была большая печь, топили её длинными брёвнами. Здесь работали две женщины, которые топили печь и мешали зерно, привезённое с поля.

На колхозных полях. 1950 г.

Рядом с сушилкой была пекарня, где выпекали для рабочих хлеб, кормили их на полевых станах, а для телят пекли ржаные лепёшки.

Новая ферма с корпусами была построена ближе к трассе, недалеко стоял «ветряк» (ветродвигатель) 30 метров высотой. Через некоторое время построили сушилку, провели электричество, была своя электростанция.

По центральной улице, на другом берегу реки, раньше располагалась старая деревянная школа. В 30-е годы прошлого века здесь было много зажиточных домов, постоянный двор – изба, где останавливались проезжие люди, возившие зерно в Кыштовку.

По переписи населения в 1926 года у нас была уже школа «трёхлетка», изба – читальня. С 10 октября 1930 года, для детей в возрасте 8–10 лет ввели всеобщее обязательное обучение во всех селениях, в том числе и в Ерёмине.

Парт в школе не было, и ученики сидели за сколоченными из тёса столами, на чурках, принесённых из дома. Учителями в школах работали, окончившие семь классов.

Во времена коллективизации местные власти раскулачивали зажиточных крестьян, их выселяли целыми семьями «за болота», и образовался выселок Туржинский на реке Турге, туда отправили пятнадцать человек, выделили земельные участки, где сосланные жители построили себе дома.

В 1929 году образовался колхоз «Пахарь», появились первые трактора, ма-

шины, труд стал механизированным, но в деревне оставались ещё единоличники, крестьяне, владеющие своим инвентарем и ведущие личное хозяйство.

В 1930 году в колхоз прислали руководителем тридцатитысячника Тормозова, в этом же году образовались два колхоза: «Пахарь» и «Имени Кирова». Первыми вступили в колхоз Ерёмины, Куликовы и Загайновы, которые стали осваивать новые профессии.

Во время Великой Отечественной войны в деревне остались лишь дети, старики и женщины, на плечи которых легли все тяготы и лишения военного времени. Тыловики помогали фронту, как могли: работали в колхозе, собирали деньги и заработанные средства сдавали в фонд обороны, ученики вместе с учителями скирдовали в ночное время хлеб: за 14 дней вырвали 2 гектара льна, связали 3 гектара овса, 3 гектара проса, заскирдовали 18 гектара пшеницы, оправляли для солдат на фронт носки, портянки, рукавицы и тёплое бельё. С хозяина в войну собирали 600 литров молока, 300 яиц, 30 килограммов мяса, полторы шкуры овцы.

Семья Пороговых едут с сенокоса

Сельчане работали сутками, падая от усталости, ради общей для всей страны цели – победы над фашизмом.

В Ерёмине не вернулось с войны 70 односельчан, уцелело 15 человек. В центре села был установлен памятник солдату – победителю, каждый год 9 мая собираются сельчане вместе, что-

Проводы зимы.
1975 г.

бы почтить память погибших и пропавших без вести.

Жизнь постепенно возвращалась к мирной жизни, росло село.

В 1962 году в Еремино построили восьмилетнюю школу, а в 1972 году ясли.

В 1950–1970 годах прошлого века колхоз «Пахарь» считался передовым, хозяйство занимало призовые места в трудовых соревнованиях.

Председателем колхоза в то время были Филимонов Г. И., а затем Гревцов Николай Андреевич, дважды отмеченный орденом «Знак почёта». В колхозе работали три бригады и три бригадира, ферма. Славился колхоз своими тружениками, многие из которых были отмечены грамотами, медалями и орденами за доблестный труд.

Жизнь шла своим чередом. Построили сельский дом культуры, а в 1993 году новую двухэтажную Ереминскую школу, появилась в селе своя библиотека и дом культуры.

И пока на улицах нашей деревни звенят детские голоса, пока живет память о первых ее основателях, деревня Еремино будет жить!

Надежда Кузменкова

Школа

Карасукский район

История одной фотографии

Оглядываюсь с гордостью назад:
Прекрасно родовое древо наше!
Кто прадед мой?
– Солдат и землепашец,
Кто дед мой?
– Землепашец и солдат.
Солдат и землепашец мой отец.
И буду я солдатом наконец...

Из архива дальнего родственника к нам в руки попала фотография времён Первой мировой войны, именно она положила начало созданию родословного древа семьи Суббота.

На фотографии 1914 года два бра- врых солдата, служивших верой и прав- дой царю-батюшке Николаю II, и при- слана она в родную семью с фронта. Один из солдат на снимке – мой пра- прадед, Суббота Григорий Иванович. В нашем семейном альбоме много фо- тографий с прадедом, но все они сде- ланы в 60-х годах XX века, и на них Григорий Иванович уже в почтенном возрасте, а на этой черно-белой фото- карточке запечатлен brave парень

с воинской выправкой, широкоплечий, с мужественным лицом.

Григорий Иванович Суббота в 30-х годах XX века переехал со своей семьей из Харьковской области в Карасукский район Новосибирской области и всю дальнейшую жизнь прожил в селе Новоандреевка.

Известно, что у моего прапрадеда было шестеро детей.

Пётр Григорьевич Суббота, 1910 г. р. был призван в армию Карасукским РВД НСО 27.07.1941 года пропал без вести в ноябре 1941 года.

Фёдор Григорьевич Суббота, 1914 г. р. был призван Карасукским РВД НСО 24.06.1941 года и пропал без вести в октябре 1943 года.

Алексей Григорьевич Суббота, 1918 г. р. был призван Карасукским РВД НСО в июне 1941 года, служил младшим сержантом 66 отдельной истребительной противотанковой дивизии и Погиб 14 января 1944 года. Был похоронен у деревни Зрекино Ломоносовского района Ленинградской области.

Судьба Порфирия Григорьевича Субботы неизвестна. По непроверенным данным, в начале 30-х годов он уехал из села Новоандреевка Карасукского района на Харьковщину, откуда родом семья Суббота Григория Ивановича. По слухам, в 1930 году он погиб в перестрелке с солдатами НКВД, борясь против Советской власти.

Дмитрий Григорьевич Суббота (1920–1980 г. г.) был призван на фронт в июне 1941 года и принимал участие в боях под Сталинградом. Вернулся с войны в 1946 году и всю жизнь проработал учителем в сельских школах Карасукского района НСО: в Новоандреевке, в Александровке и в Красносельске. Это мой родной дедушка, кумир нашей семьи. Ему – учителю и воину, человеку большого сердца, я посвятила не одно своё стихотворение.

Евдокия Григорьевна Суббота (01.03.1914–09.02.1991 гг.) и Вера Григорьевна Суббота (17.10.1923–2003 гг.) – две сестрички всю жизнь прожили и проработали в селе Новоандреевка, а последние годы – в селе Озерянка, имели много трудовых наград за добросовестный труд на сельской земле.

Фотографии самого Григория Ивановича и его сыновей все подписаны с точным указанием дат и мест, почерк у всех похожий, как будто писал один человек.

Оказалось, что мой прадед был большим мастером резьбы по дереву, а точнее первоклассным столяром. У него была своя мастерская, куда приезжали со всей округи с крестьянскими заказами, сделать колесо для телеги, ходок, сани, люльку, буфет – всё ему было по плечу. Мастерская-кормилица была краше, чем стоявшие рядом избы.

Много пока осталось и невыясненного. Где получил образование Григорий Иванович? Как сложилась судьба одного из его сыновей – Порфирия? В какой семье родился и воспитывался Григорий Иванович и кто научил его искусству столяра?

Эта фотография хранит для меня много неразгаданных тайн, которые нам хотелось бы узнать, и когда мы собираемся родней, мы делимся друг с другом собранными по крупицам историями, связанными с вехами семьи Суббота Григория Ивановича.

Ирина Дорнес

Здвинский район

История как «Нахаловка» стала селом Новороссийским

Наше село называется Новороссийское, но очень часто в разговоре его называют Новороссийкой, а иногда ещё в народе кличут Нахаловкой.

А дело было так...

Обратная сторона фотографии содержит тёплые слова солдата своей семье. Удивительно, что в 1914 году солдат из сельской семьи грамотный и с аккуратным почерком

В то время земля, где располагалось поселение Новороссийское, принадлежала Баклушевскому району (Доволенский район). В 1929 году из Витебской области в холодное зимнее время на наши земли приехали тринадцать крестьянских семей-переселенцев: Пузыня Алексей, Сидоренко Афанасий, Димиденко Иван и другие. Они временно разместились в деревне Лозинка Купинского района (в шести километрах от места нынешнего поселения – села Новороссийское), и оставались там до 25 апреля 1929 года.

В мае 1929 года они дружно переехали на новое, облюбованное ими место и начали строить себе пластанки – избы со стенами из пластов дёрна и копать землянки. Узнав о начале нахального заселения, немковские старожилы стали выгонять поселенцев, потому что эта земля принадлежала им – немковцам, село Немки, находится в четырех километрах от села Новороссийское.

Несмотря на то, что земля эта немковцами не использовалась, они запрещали селиться на ней чужакам. Несколько раз немковцы приезжали на место «нахального» поселения, чтобы выгнать переселенцев, Давали им двадцать четыре часа «на сборь», но, как только немковцы уезжали, переселенцы тут же продолжали строить свои пластанные избы. Видя, что таким образом переселенцев не выгнать, власти решили выделить им землю для поселения официально.

В трех километрах от нынешнего поселения Новороссийское в сторону Лянино, на солончаках им была выделена земля. Разумеется, она была не пригодна для возделывания: солончаки, и при этом было выставлено условие: если поселитесь, то только – здесь, но на эти условия переселенцы, конечно не согласились и стояли на своем, продолжая обустривать облюбованное место. Немковские жители в сердцах обозвали переселенцев «нахалами», а впоследствии и поселок стали называть «Нахаловкой» (нахальное поселение).

В середине мая, когда «война» между немковскими единоличниками и «нахальными» переселенцами стала зати-

хать, и немковцы отступились от своих первоначальных требований, на земли поселения приехали ещё шесть семей из Урмана: семьи Кожедуба Игната, Кожедуба Якова, Храмова Андрея и тоже стали строить пластанные избы. Все витебские и урманские переселенцы купили по две лошади и сразу стали распахивать целину недалеко от Новороссийки в 1,5 километрах от «Темниковой заимки». Так было положено начало – вспаханы первые наделы: витебскими – по два гектара, урманскими – по одному гектару на семью.

А в июне того же года сюда прибыли новые переселенцы, на этот раз – из села Благовещенка Купинского района (ныне совхоз Кулундинский Баганского района) прибыло большое семейство Шульги: Шульга Павел Власович со своими сыновьями Григорием, Андреем, Лукой, Михаилом, Петром, Ефимом и Тихоном. Немного позже в поселение прибыла ещё одна семья Шульги – Кондрата Власовича, четыре брата семейства Шульги погибли на фронте в Великую Отечественную войну.

Вместе с ними приехали семьи Литвинова Павла Марковича с сыновьями: Яковом, Дмитрием, Алексеем, Николаем (трое из них, кроме Якова Павловича погибли на фронтах Великой Отечественной войны).

В том же году из Карасукского района в Нахаловку переехали семьи Тютюнника Якова Петровича, Тютюнника Петра Петровича с отцом, Разуваева Андрея Николаевича, Небожина Ивана, Клишко Гаврила Варламовича и другие семьи. Эти семьи поселились на другой гривке через лягу, на месте, где сейчас стоит Новороссийский Дом культуры.

Заболоченная земля (ляга): лес, вода, кустарник отделяли поселения витебско – урманских от вновь прибывших переселенцев. Семьи и лоцину, где поселились витебские и урманские поселенцы, старожилы дразнили «скоборями», а вновь прибывших после них переселенцев дразнили «хохлами». В 1930 году поселенцы, уже не глядя на немковцев, смело пахали и сеяли по 2 гектара земли на каждую семью, а также построили для каждой семьи пластанные избы.

Вплоть до 1935 года в поселение ежегодно прибывали новые семьи.

Жили единолично, подразделяясь на середняцкие хозяйства и бедняков. В июне месяце 1935 года на территории поселения решили организовать колхоз «Красный боец», в который первыми вступили девять семей (хозяйств).

Представители будущего колхоза «Красный боец» поехали на утверждение в Здвинское Райсо (сельско-хозяйственный отдел), но колхоз, ввиду его малочисленности, не утвердили. Первые колхозники приехали ни с чем и стали агитировать другие семьи вступить в их колхоз.

Через несколько дней к ним присоединились ещё две семьи: Кутовенко Ивана и Кирсы Ивана Селантьевича, и колхоз «Красный боец» наконец был утверждён.

Вступившие в колхоз заплатили по десять рублей взносов и ввели в колхозное хозяйство десять лошадей, десять конных плугов, четыре конные сенокосилки, три лобогрейки и десять парных и одноконных ходов. Урожай, от посеянного единолично, убирала уже колхозом (30–40 гектаров). Год выдался засушливым и урожай был получен плохой: по 3 центнера зерна с 1 гектара, а на один трудодень получили по 300 граммов зерна и по 10 копеек деньгами.

Первым председателем колхоза был бедняк Храмов Андрей, который проработал на этой должности только 10 дней. Ввиду того, что в колхозе, кроме него, грамотных не было, его перевели в счетоводы, а председателем избрали Тютюнника Якова Петровича, который проработал на этой должности до 1952 года, в том числе в укрупнённом колхозе два года.

В 1936 году колхоз имел посевных площадей уже триста гектаров, а когда была организована МТС, в колхоз «Красный боец» дали один колесный трактор «ХТЗ». Первым трактористом на нём был Разуваев Андрей Николаевич (в 1941 году он погиб на фронте). В этом же 1936 году колхозу «Красный боец» выделили 22 коровы (Севирикова Мария приехала в колхоз и стала первой дояркой колхоза «Красный боец»).

В 1937–1938 годы колхозом было приобретено тридцать лошадей, сорок

быков (волов) и сорок четыре коровы. Дойное стадо, в результате, стало насчитывать шестьдесят пять голов, и доярок было уже пять. В 1938 году колхозу дали ещё один трактор, на котором работал трактористом немковец Журба Николай Никитович.

В 1940 году колхоз купил первую машину – старую полуторку, на которой шофером работал Тютюнник Петр Петрович (первый шофер колхоза). В 1941 году и в последующие годы (до 1950 г.) колхоз имел посевную площадь 700 гектаров. Тракторный парк колхоза состоял из тех же двух тракторов «ЧТЗ» и «ХТЗ». После войны в колхозе состоялось уже 72 двора, и в нём было 95 быков, 50 лошадей и 80 коров.

В ноябре месяце 1950 года произошло укрупнение колхоза «Красный боец», в него вошли село Новороссийка, поселок Немки («Трудовик»), деревня Ипатово («Свободный труд»), поселок Мамон («Друг пахаря») и поселок Григорьевка («6-й съезд Советов») в единый колхоз, который стал называться «Вперёд к коммунизму». Укрупнённый колхоз стал представлять собой 424 двора с населением 1719 человек (276 трудоспособных мужчин и 550 трудоспособных женщин).

Вручение переходящего Красного знамени Совета Министров РСФСР председателю колхоза Колеснику Дмитрию Федоровичу

За ним закреплено было 24013 гектаров земли, из них пашни – 7722 гектаров, сенокоса – 4564 гектаров, пастбищ – 5374 гектаров. Сельхозугодий всего – 18533 гектаров. Посев зерновых осуществлялся на 4163 гектаров, ярового сева – 4454 гектаров, было заготовлено 60714 центнеров сена, 10605 центнеров соломы для общественного скота. В начале пятой пятилетки 1951 года колхоз имел посевную площадь яровых 4829 гектаров. За всю пятилетку колхозом продано государству 255 тысяч центнеров зерна.

Село
Новороссийское

Пастбище

В 1956 году председателем правления колхоза был избран Степаненко Петр Андреевич, а в 1968 году ему на смену пришел Колесник Дмитрий Федорович – один из крупных руководителей коллективного хозяйства. Он многое сделал для увеличения объемов производства продуктов полеводства и животноводства, улучшения жилищно-бытовых условий колхозников. В годы его председательства были построены школа, Новороссийский дом культуры, детский сад, ФАП, дома, в которых мы живем. Его несомненная заслуга была в развитии социальной сферы обслуживания населения, в строительстве производственных помещений, в дорожном строительстве, благоустройстве сел Мамон, Немки, Новороссийское.

На этой должности он проработал до 1981 года, и вплоть до пенсии в 1986 года проработал председателем исполнительного комитета Новороссийского сельского Совета.

В 1981 году председателем правления становится Данилко Алексей Павлович и работает до 1986 года.

В 1987 году председателем правления колхоза был избран Хомович Геннадий Федорович, работал до 1994 года. В это время улицы села Новороссийское приобретают современный вид, возле организаций появляются оригинальные железные ограды, улицы села Новороссийское – Центральная и Зе-

леная были заасфальтированы. Люди впервые в осеннее и весеннее время, да и в непогоду смогли выйти из дома без резиновых сапог.

В 1999 году председателем правления колхоза «Вперед к коммунизму» был избран Радченко Борис Григорьевич, который работал до 2003 года. С 1996–2000 года он занимал должность председателя Новороссийского сельского Совета, с 1999 года по 2000 год Борис Григорьевич совмещал должности председателя правления колхоза и председателя Новороссийского сельского Совета.

С 2003 года председателем колхоза становится Зинков Александр Борисович.

В 2005 году колхоз «Вперед к коммунизму» Здвинского района Новосибирской области переименовывается в СПК «Новороссийский».

На отчетно-выборном собрании 14 марта 2006 года колхозники вновь выбирают председателем правления Зинкова А. Б., который работает председателем СПК «Новороссийский» и по нынешний день.

Живет наше село – потомки и немковцев, и Нахаловцев, и всех, приехавших потом. Сеем хлеб, доим коров, учим доброму наших детей. И всё это – дела рук человеческих.

Земля наша богата и прекрасна работающими и любящими свою землю людьми.

Елена Куропова

Барабинский район

История села Зюзя

В 1700 году было основано село Зюзя. «Коли хлеба край, то и под елью рай». А «хлеба край» в крестьянских хозяйствах действительно не переводилось, и если хозяин не был ленив, его семья спать голодной не ложилась. Кормило крестьян не только поле и огород, деревенские жители ловили рыбу и дикую птицу на озерах и болотах много держали и домашней птицы.

Барабинская дорога (Московский тракт), давала возможность торговать всем, что находило сбыт: мануфактурой, маслом, салом, хлебом, рыбой, смолой, дегтем. Привозили на продажу сани, дуги, лен, деревянную посуду. Особенно бойко шла торговля лошадьми. Заниматься коневодством было выгодно, за хорошую лошадь можно было получить до 150 рублей.

На продажу лошадей поставлял конный завод каинских купцов Ерофеевых. Родоначальник династии Петр Ерофеев был родом из зюзинских крестьян, а его сын Иван женился на зюзинской крестьянке Ксении Пимаковой. Эта зюзинско-каинская семья много сделала для своих сограждан. Особенно прославился сын Ерофеева, Венедикт Петрович. В 1890-е годы он стал купцом первой гильдии. Ему принадлежали винокурный и пивоваренный заводы, паровая крупчаточная мельница. Когда в Сибири стало бурно развиваться маслоделие, Венедикт Петрович приобрел участок земли вблизи Каинска и создал Александрийскую образцово-показательную ферму, откуда во все стороны губернии шло распространение передового сельскохозяйственного опыта.

В 1914 году по постановлению главного управления Западной Сибири были открыты сельские приходские училища, они действовали в Зюзе, Таскаево, Кожевникове. Церковно-приходские школы были одноклассными и двухклассными, изучали здесь закон божий, церковное пение, чтение, письмо, арифметику и историю.

Преподавали в школе священники, дьяконы, а также учителя. Священник

Зюзинской церкви Святителя Николая Иоанн Фенесович Шепелев был награжден почетной наградой православных священников -камилавкой (высоким головным убором фиолетового цвета).

Поистине золотым временем для Барабы стало тридцатилетие на рубеже веков вплоть до первой мировой войны. Расцвет экономики начался с прокладки железной дороги, около которой стали открывать маслозаводы.

Наше село Зюзя активно участвовало в экспорте масла. По данным переписи 1920 года в Казанской волости было пятнадцать маслодельных заводов.

26–27 октября 1917 года пришло известие о революции в Петрограде, а деревня продолжала жить по-старому. В 1918 году всем селом встречали Федора Стафиевского и Федора Елистратова из Петрограда. Односельчане внимательно слушали их рассказы о Ленине, о рабочих и солдатах, взявших власть в свои руки. Бедняки ловили каждое слово, а местные кулаки смотрели на демобилизованных солдат косо, как на подосланных в их деревню «красных пропагандистов».

Только жизнь в селе стала налаживаться, как село Зюзя занял Колчаковский отряд офицера Горшенина, насильственная мобилизация в колчаковскую армию, грабеж, жестокая расправа, насилие – все это сразу же озлобило крестьян, вокруг бывших участников революции в Петрограде группировались бедняки и батраки, а вскоре Стафиевский и Елистратов стали искать связь с красными партизанами.

Группа, действующая под их руководством, не давала спокойной жизни колчаковцам, устраивали диверсии, прятали коней, продовольствие. Вскоре Ф. Стафиевский и Ф. Елистратов были расстреляны на Савкиной гриве, а их трупы изрублены шашками. Крестьянское сопротивление росло день ото дня, на место героев встали десятки других. Молодая крестьянка Татьяна Нечаева была связной с Кожевниковскими партизанами. Эта смелая женщина вместе с Герасимом Переваловым доставляла партизанам важные сведения, боеприпасы и продовольствие.

Во время одной из таких передач Татьяна и Герасим были схвачены колчаковцами у озера Горького, здесь их пытали и расстреляли. Сообщение между Зюзей и Кожевниковским отрядом была прервана. Для установления ее командир партизанского отряда направил Василия Тарасова и Семена Кашина в их родное село, где они знали всех.

Предали отважных партизан кулаки. Они были схвачены во время явки на «Скотском кладбище» (там сейчас расположена совхозная РТМ), жестоко избиты и тут же были расстреляны лично офицером Горшениным. Хочется рассказать о судьбе еще одного партизана, погибшего от рук карателей. Это наш земляк Пантелей Кашин. В первые дни прихода колчаковцы мобилизовали его в свою армию. Но не долго был он у колчаковцев: Пантелей понял, что его путь вместе с рабочими, крестьянами, большевиками.

В первом же бою он перешел на сторону партизан. Во время очередного задания Кашин был схвачен и расстрелян. Поздней осенью 1919 года Красная Армия навсегда изгнала из Сибири колчаковцев и в этом ей большую помощь оказали партизаны, влившиеся позднее в ряды Красной Армии.

На центральной улице села Зюзя, с фасадной части здания Дома Культуры стоит скромный обелиск, на мемориальной доске выведено: «Вечная память борцам за власть Советов погибших от рук колчаковских банд в 1919 году. Елистратов Федор Ивано-

вич, Кашин Семен Петрович, Кашин Пантелей Владимирович, Нечаева Татьяна Николаевна, Перевалов Герасим Кузьмич, Стафиевский Федор Матвеевич, Тарасов Василий Алексеевич».

Обелиск установлен и открыт в канун 46-й годовщины Октября. На митинге, посвященном открытию памятника, выступали те, кто был свидетелем борьбы партизан против колчаковцев и те, кто еще только вступает в жизнь. Но все они клялись перед памятью героев так же верно служить своей Родине, за процветание которой отдали свою жизнь герои гражданской войны. Память о них будет жить в веках.

1929–1931 годы стали временем ожесточенной классовой борьбы и всем было ясно, кто в ней победит. Зюзинцы, среди которых было немало крепких хозяев, поначалу раскулачивали избирательно.

В Зюзе первый колхоз был организован в 1930 году. Колхоз назывался «Первое мая». Первым председателем был Елистратов Михаил Иванович. Когда образовался колхоз, тракторов и комбайнов не было. Было 4 десятирядных сеялки, плуги конные, одна молотилка не сложная. Впервые на полях появились трактора в 1936 году. В 1937 году от МТС убирал один комбайн.

Позднее появились ЧТЗ, два дизеля. Сначала образовали животноводческую ферму. На ферме насчитывалось около 700 голов крупного рогатого скота. Закупочные цены были очень низкие и многие колхозники, вступившие при образовании колхоза, вышли из него, потому что доход был мизерным.

Другой колхоз организовался 20 мая 1931 г. Сначала этот колхоз назывался «Чанорыбак» Позднее был переименован в колхоз имени «Пушкина». Колхоз был рыболовецким. Животноводством в колхозе не занимались, так как основным занятием был рыбный промысел. Полеводство было как подсобное хозяйство. Тракторов не было. Было 6 сеялок, 12 конных культиваторов, 40 плугов. Было также два зимних невода и два летних.

Грянула война... Под ружье встали 11 тысяч барабинцев, многие уходили добровольцами. А в тылу была своя

война за победу. Женщины, старики, подростки заменили мужчин в поле в мастерских, на ферме. У них есть живые свидетели:

Суровые годы войны закаляли душу зюзинцев, во многие семьи пришли похоронки.

В 1950 году эти два колхоза соединились, и образовался один колхоз «1 мая». Колхоз объединил 6 сел: Зюзя, Красулино, Казанцево, Белово, Половинное и Круглозерка. Нелегким был путь первых колхозников. Работали с раннего утра до позднего вечера: строили, сеяли, убирали хлеб. Машин не было, и все приходилось делать вручную. А ручной труда тяжел и мало производителен. Но колхоз все-таки рос, крепло его хозяйство, изменилось отношение к труду, их сознание.

Шли годы, Зюзя, как и каждое село преобразовывалось строительством. Зюзя и до революции была заметным селом, но теперь добавились сеть магазинов, клуб, лечебные учреждения, средняя школа.

В 1971 году на базе «1 Мая» образовался совхоз «Зюзинский». Жизнь крестьян круто поворачивалась к лучшему. Они становились цивилизованными людьми, появились выходные дни, во все отрасли сельскохозяйственного производства вошла механизация.

1990 г. – начало образования крестьянско-фермерских хозяйств. В Зюзе насчитывается 8 хозяйств. В 1992 г. совхоз был реорганизован в АОЗТ «Зюзинское».

На исходе двадцатого века, когда в нашей стране начались глубокие социальные преобразования, порождая большие надежды и сильную тревогу. К нам снова пришла беда – нашим войнам с оружием в руках пришлось отстаивать конституционный порядок в Чеченской республике.

В эти жестокие дни (7 января 1995 года) погиб наш односельчанин Бусаев Сергей Владимирович 1975 года рождения.

В 2001 году АОЗТ «Зюзинское» реорганизовано в коллективное хозяйство «Зюзинское». В последующие годы реорганизация нашего сельского хозяйства проходила неоднократно, менялась структура управления селом

и власти. Образовалось 18 частных подворьев.

И что еще предстоит претерпеть нашим землякам – неведомо, но очень хочется верить, что сломить Сибиряка невозможно.

Наталья Кудзиева

Коченевский район

История рождения села Крутологово

Первые поселения на территории Крутологовского сельского совета появились ещё в бронзовый век, в XIV–XIII веках до нашей эры.

Об этом свидетельствуют данные раскопок 1962 года у села Вахрушево. Здесь был обнаружен могильник из 13 курганов и другие находки, характерные для андроновской культуры бронзового века.

В одном из погребений был найден скелет, принадлежавший мужчине лет тридцати, сейчас скелет хранится в археологическом музее педагогического университета.

С тех пор, вот уже 33 столетия люди не покидают эти земли. Первые русские поселения здесь возникли в первой половине XVIII века.

Село Крутологово, одно из старейших притрактных сёл Коченёвского района, возникло в 1725 году. Его возникновение и развитие теснейшим образом связаны со строительством Московско-Сибирского тракта – самой длинной в мире сухопутной дороги, общая протяжённость которой из Москвы до Пекина составляла почти 9000 верст.

В память о Московском тракте сегодня в селе есть улица Московская, она расположена вдоль дороги, по которой проходил в своё время тракт.

Трактовая дорога представляла собой широкую накатанную грунтовую дорогу, возвышенную в середине и с канавами по обе стороны для отвода воды. Вдоль тракта вкапывались трёхметровые верстовые столбы через каждую версту, при почтовых станциях, селениях и мостах.

В геодезическом журнале 1885 года окружной землемер Крачковский от-

мечает, что «от станции Тырышкиной до станции Крутые Лога поставлено верстовых столбов –21, а от станции Крутые Лога до станции Овчинниковой – 26...»

С 1679 года в Сибирь начали ссылать уголовных, а впоследствии и политических преступников на каторжные работы. Каторжники, как мужчины, так и женщины, закованные в кандалы, конвоируемые солдатами, нестройными рядами двигались по тракту. Впереди на конях три-четыре казака, затем телеги со старцами, больными и детьми. За час такая партия продвигалась на три-четыре версты, за месяц должна была проходить около 500 вёрст. На полпути между этапами были построены полуэтапы для ночёвок.

Сибирские полуэтапы представляли собой огороженное место ста футов длиной и пятьдесят-семьдесят пять футов шириной, внутри которого располагались два-три низеньких одноэтажных деревянных здания.

В одном помещении размещались на ночь офицеры, в другом – солдаты, в третьем, самом большом – арестанты. В нём имелось 3–4 камеры с печами и двумя рядами нар из досок. Этапы различались размерами и расположением зданий.

Этапные здания были больше и располагались в обширном дворе, в котором, в отличие от полуэтапа, имелись дополнительные хозяйственные постройки. Расположенные вдоль тракта этапные постройки окрашивались в грязно-жёлтый цвет.

Был такой этап и в селе Крутологово.

В 1777 году это был уже значительный по сибирским меркам населённый пункт. Постепенно численность населения увеличивалась, в 1849 году в селе было 135 домов и поселение называлось уже иначе – Крутологовское.

В 1873 году в селе Крутологовское было открыто одноклассное сельское училище, об этом событии есть запись в «Памятной книжке Западно-Сибирского учебного округа» за 1916 год и в «Ведомости о церкви» за 1911 год. Содержалась школа на казённые средства (445 рублей в год) и располагалась в собственном здании.

Вторая волна заселения приходится на начало XX века и связана она со столыпинской аграрной реформой. Крестьяне-переселенцы получали правительственный кредит «на домообзаводство», в зависимости от численности семьи он составлял от двадцати пяти до пятидесяти рублей.

К началу 1911 года по социальному положению население делилось так: торговцев и купцов – 10, зажиточных хозяйств – 15, середняцких – 130, бедняков – 215; из последних: не имеющих лошадей – 70, ни лошадей, ни коров – 75, – живших милостыней- 70.

В начале XX века зажиточные крестьяне стали обзаводиться сельскохозяйственной техникой. Первая американская жатка-самосброска «Диринг» появилась у Василия Попова, Пётр Разин заимел американскую сноповязалку.

До ввода в эксплуатацию железной дороги важной статьёй доходов жителей села был извоз. При ближнем извозе на небольшое расстояние (от 100 до 200 вёрст) возчики получали расчёт не с пуда, как при дальнем, а за быстроту доставки, при этом возчик нёс полную материальную ответственность за сохранность груза. Для того, чтобы перевозить казённые грузы и почту, возчик должен был предоставить поручителей.

В 1914 году в селе Крутологовское проживало уже пятьсот домохозяев, из Иткульского волостного управления сюда прибыли старшина и землемер. У них была карта и решение Каинско-

го уездного начальства о назначении Крутологовского волостным центром со списком посёлков, сёл, деревень и указанием границ новой волости.

Галина Трофимова

Барабинский район

Такое родное и красивое

Когда-то на карте Барабинского района было обозначено озеро с интересным названием Ур-Манай. Озеро находилось среди лесов. Собственно, и озером-то назвать его было трудно: очень уж маленькое, но среди соленых степей Барабы это место притягивало к себе людей. Не раз разбивали здесь свой табор киргизы, они-то и дали название озеру: Ур-Манай, что в переводе означает «Лесное».

Добирались до озера и русские крестьяне, бежавшие из европейской части России в поисках лучшей доли. В жаркий августовский полдень подъехал к озеру Афанасий Болдырев, напился озерной воды и оглядел место. В камышах беззаботно кричали утки, на берегу, словно утомившись от летнего зноя, приумолкли березы. «Здесь и дом ставить буду», – решил Афанасий.

Старый киргиз из табора долго отговаривал Афанасия от этой затеи. Тот, глядя на хитроватые глазки старика, понятливо кивал головой, а сам думал: «Врешь ты все, дед. А шайтаном нас не напугаешь, мы и своих-то чертей не боимся. Все равно хату здесь срублю».

В то же лето вместе с Афанасием Болдыревым рубили избы еще несколько крестьян. После третьего спаса на берегу Ур-Маная стояло несколько домов. В волости, регистрируя поселенцев, дали селу название: Новый Спас. Счастливую, богатую новую жизнь удумал Афанасий Болдырев на сибирской земле. Помещиков здесь нет, земли хватает. Сей пшеницу, разводи коров, овец – трудись, живи спокойно.

Но не было покоя на берегу Ур-Маная. С первых дней не прекращались ссоры между русскими и киргизами. Не выдержали распрей вольные

степные кочевники, погрузили свой нехитрый скарб на тележки и скрылись в просторах Барабинской степи.

Память о них надолго осталась в селе, озеро до сих пор зовут Киргизским.

Постепенно название села изменялось, и теперь оно звучит более удобно – Новоспасск.

В начале XX века в Новоспасске было шестьдесят дворов. Первыми жителями были: Галушкин, Болдырев, Колычев, Осинцев, Ничков, Васюков и другие. Одна десятая часть всех семей не имела даже лошадей. Самые плодородные земли принадлежали самым богатым крестьянам.

Основное занятие жителей было земледелие и животноводство. Орудие труда: плуг, борона, жатка, цепь, конная сенокосилка. Землю делили по душам. Богатые скупали землю у крестьян, которые не могли обрабатывать свой участок.

Магазина в селе не было. Лишь Самойло Лукьянов держал лавку, а когда просыхали дороги, приходили в село кузовники с товарами. Больницы тоже не было. Но была начальная сельская школа, в которой работал всего один учитель. Под школу арендовали пятистенный дом середняка Аверьяна Ткачева, и крестьянские ребятишки, если была возможность, могли обучаться в ней. Богатые же нанимали для своих детей учителей, и они обучались дома.

Тяжело приходилось сельским беднякам. В хорошие годы еле-еле концы с концами сводили, а про неурожайные и говорить нечего.

А как же Афанасий Болдырев? Он, как и мечтал, устроил себе богатую

Улица
Центральная

жизнь. Было у него более двух десятков коров, двадцать пять лошадей, хороший дом. Стал Афанасий Болдырев самым богатым человеком в селе и вместе с другими богатеями: Иваном Кольчевым и Данилой Красноперовым, не давал житья беднякам. Кулаки держали работников, а за труд платили гроши.

Советская власть пришла в село зимой 1917 года, но продержалась здесь меньше года. В 1918 году банды белогвардейцев разогнали первые Советы, а земли отдали прежним хозяевам и тем, кто помогал белогвардейцам. Окончательно Советская власть установилась в селе в 1920 году. Крестьяне организовали комитет содействия беднякам. С большими трудностями создавали колхоз в селе.

Старожилы (теперь уже их дети и внуки) хорошо помнят собрание, на котором решили вести совместное хозяйство. В колхоз записались почти все. Каждый крестьянин привел лошадь и привез семена, а весной 1930 года начали первый коллективный сев. Трудно пришлось первому председателю колхоза Александру Березкину. Посевная площадь – 946 гектаров, и, если бы осенью собрали хороший урожай, поиному сложилась бы судьба колхоза. Три года подряд сухие барабинские ветры

и знойное солнце сжигали посевы, не давали им роста, и каждый год колхозники оставались без хлеба.

Многие крестьяне, спасаясь от голода, уезжали в город. Колхоз распадался. Председатель колхоза Павел Матвеевич Калиткин рассказывал: «Время было трудное. Колхоз для крестьян был делом новым, неизвестным. Хотя в начале записалось много народу, некоторые все же смотрели на него с недоверием. Лишь только в 1933–1934 годах колхозники на деле убедились, что трудиться вместе выгоднее, чем в одиночку. В эти два года каждый получил за трудодень по пять килограммов хлеба. Это была большая победа. Прослышав о хорошей жизни в колхозе, многие наши односельчане вернулись из города в Новоспасск. Душа-то у них крестьянская».

Год от года крепло коллективное хозяйство, богаче и краше становилась жизнь людей. Никто и не подозревал о надвигающейся беде. Началась Великая Отечественная война, и почти все мужчины ушли защищать родину. Всего из Новоспасска ушло на фронт около ста человек, Навечно в памяти односельчан останутся имена сорока шести солдат-земляков, погибших на войне, защищая свою землю, свой дом.

В войну в колхозе работали женщины, старики и дети, да выделили два трактора на весь колхоз. Каждый знал: хлеб нужен стране, хлеб нужен фронту, хлеб нужен односельчанам, которые ушли защищать родину.

Школа

Прошло много лет со времен войны. Чтобы люди никогда не забывали о тех, кто проливал кровь за мир, за то, чтобы они жили в родном селе, было принято решение установить памятник. 9 Мая 1971 года состоялось торжественное открытие памятника павшим в боях за Родину в Великой Отечественной войне. Собралось все село. По старым архивным фотографиям видно, как люди волновались, ждали этого момента.

В 1973 году открыли в селе среднюю школу и интернат. В просторных и уютных классах обучалось 436 учащихся.

В настоящее время в селе четыре улицы: Озерная, Центральная, Зеленая и Камышитовая, кроме школы есть детский сад, Дом культуры и четыре магазина.

В нашем селе – замечательные люди, благодаря их каждодневному труду живет сегодня наше село. Такое родное и красивое.

Елена Болдырева

Болотнинский район

Колбасник Журавлёв

Дом строить на Линейной затеял ещё отец Журавлёв с матерью, да помер несчастный, а за ним и старуха поплелась. Каково бабе без мужика на свете жить...

Сын Пётр в отца, крепкий хозяин, жмотистый, но основательный. Была у Петра Журавлёва жена и два сына-погодка, сыны под стать отцу – небольшие, но крепенькие, будто грузочки – один к одному. Строил он долго, крепко строил, аж до 1909 году. У дома под полом сушь от того, что руберойд расстелил на земле и шлаком засыпал – и от влаги и от мышей изолировал. Потом ложный пол из листвяку, по верху шлак крупленый, по кругу дома – продушины, а по верху того половица из плахи сосновой, а дом на сваях листвяка стоит, которые будто тумбы каменные, не всяк обхватить сможет, на весу, будто на руках, весь дом над землёй держат. По такому полу дитя без штанов ползало и не студилося.

Под домом подпол, как и положено, под три метра глубиной, а под погребом

ещё один погреб для хранения продукта. А на улице погребок имелся глубины не меряной, и там продукт хранился, а и ледник был путёвый, в нём мясом месяцами свежаком лежало.

Добротный мужик, продуманный, одно слово – хозяин.

Творил он колбасу, тут же, на усадьбе скотину бил, разделявал, обрабатывал. Механизм был наподобие мясорубки, но с секретом: каку резку заказал, таку и нарубит, ну, а крутила баба его, здоровая, сама как лошадь. Крутанёт, бывало, ручищей своей, на весь дом треск – маховик хрящи с хрустом перемалывал. И колбаска получалась отменной, а что более всего, так это свежесть, пахучесть и сочность. По первости на станции продавали, пройдёт разок от сель до сель, на второй круг уже колбаски нет, пассажир слюну заедат и хвалит.

Богател Журавлёв, глазья завистливые видел, беспокойство имел и для порядку или острастки волка купил, ко двору привязал, сам с лопаты кормил – зверюга, она и есть зверюга.

Поуспокоился Журавлёв, но тут низы пролетарские зашуршали, а верхи боярские струсили. Думу думал и сказал: «Ну, жена, сынки у меня подросли, надо подумать о спасении».

«Это о каком спасении? – спрашивает жена. – На церковь жертвовать?»

«Дура ты, поп, он сам уже о спасении думает, а как спастись, не знает. Ход мы будем копать, подземный, если налёт случится, мы тиканём из дома,

Дом Журавлёвых

Улица Забабонова
(Линейная)

а золотишко уже готово к побегу будет, в пояс зашью».

«Ой, – говорит жена, – какой же ты у меня умный. Правильно, ройте, а я землю по огороду ссыпать буду».

И пошло дело, сыны да отец роят, мать по огороду, как подсыпку, землю носит-рассыпает, за год земля в огороде с домом вровень стала, а никто не видит, мало ли у кого какой огород, ну и что? Когда с обыском к Журавлёву пришли, раскулачивать, дома никого не оказалось, печь топится, в стакане пар парит, а хозяйева как сквозь землю провалились.

В погребе второй погреб с колбасой нашли, а подземный ход не обнаружили. Так и пропали неведомо куда колбасник Пётр Журавлёв со всеми домашними.

Брошенный дом сначала под двухклассную школу Министерству железных дорог определили, потом разделили на два хода и по какой нужде людей селили, но на время, а потом уже и в квартиры сдали насовсем. И никто бы не узнал про подземный ход, но новые хо-

зьева уголь завезли, да в ограду самосвал загнали, чтобы не возить уголь-то, а токо скидать в углярку. Вот этот самосвал вместе с углём под землю и рухнул, заломал подземный ход.

Так-то, основательно люди жили, наперёд думали.

Дед Арефа

Кольванский район

Клад ждёт

Когда бутили дамбу к мосту через Амбушку, землю брали у Дома Парамонова. Там и нашли кувшин с золотыми монетами. Поживились, конечно, рабочие. Видимо, ковырнули землю и разбили глиняный кувшин, и рассыпали монеты.

Когда у меня сынок только говорить начал, гуляли мы с ним у моста. Весна была, тепло, он и закричал: «Смотри, мама, копеечка!» Я посмотрела на желтую монетку, потерла о рукав, она вся заблестела, и прочла надпись...

Еще один клад находили с серебром и какими-то украшениями, но это давно было, еще до моего рождения, это я по слухам знаю. А вот что верно, так это то, что у нас клады есть, ей, Богу! И разбойники, что в наших местах промышляли, прикапывали, да, и свои небедно жили. Я даже знаю, где искать надо, только у меня прибора нет. Знаете, такой прибор есть, который металл чувствует. Если бы у меня прибор был, я бы уже клад нашла. Он лежит там, ждёт. Я сыну потом расскажу, пусть еще год-два жизни поучится, ума набирается, а то ж, сами знаете, богатство оно как голову сносит. А я люблю сына, берегу пока, жду, когда окрепнет, духом устоится, настрадается.

Мария Кожевникова

Северный район

Бергульская земля

В конце XIX века прокатилась молва о великих сибирских просторах и богатствах: о жирной земле «хоть на хлеб мажь», где в реках полно рыбы, «что сама идёт в руки», в тайге много

зверя и птиц, «сами под порох лезут». Вот и ринулись крестьяне искать лучшую жизнь, своё счастье.

В 1903 года в первый год переселения на нашей бергульской земле появилось девять семей: три брата Константин, Андрей и Емельян Хохловы, братья: Старков Макар, Ивановы Авдей и Савелий, Гнутовы Антон и Астрат, Трофимов Фёдор – со своими семьями. Позже приезжали и из других губерний России.

Стали они корчевать, пахать, да засеивать землю, зверя, да рыбу промышлять, избы строить, да детей растить. Все больше и больше приезжало сюда людей. Нелегко было первое время, кто-то не смог прижиться из-за сурового климата, и уезжал в теплые места.

До сих пор в селе помнят и о том, кто был первым председателем колхоза «Первое Мая», образовавшегося в 1930 году. Им стал Старков Сергей Макарьевич, человек этот грамоты большой не имел, но отчетливо себе представлял, как преимущества совместной работы скажутся на развитии села. Ему поверили семей двадцать, те, что первыми вступили в колхоз и передали свое имущество для дальнейшего преумножения.

Работали слаженно, председатель не щадил ни себя, ни других, и ему верили, потому что сельхозартель крепла год от года. Хотя механизации здесь не было никакой, люди довольствовались малым, но через год построили коровник и сушилку для зерна.

Прошло лишь три года со дня организации колхоза, как хозяйство имело уже три полеводческих бригады, сорок пять конных плугов, бороны. Сеяли еще по старинке, разбрасывая зерно из лукошка. Были в этом деле свои лидеры. Например, Капитолина Филаретовна Голубцова и Милит Иванович Аниброев таким способом засеивали в день по двенадцать гектаров пашни.

Пришла в колхоз механизация. Работники колхоза им. Карла Маркса неоднократно добивались хороших результатов, за что поощрялись не только премией, но и поездками в область, а вот Ксения Ефимовна Осипова добилась почетного права в шестнадцать лет побывать в столице нашей Родины

на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. И все это за её труд. Ведь по 1500 снопов навязывала, по две нормы выполняла. Ксения Ефимовна была старшей дояркой, следила за порядком.

Наступил 1941 год. В стране уже было не спокойно, но люди не поддавались волнениям, работали, как и прежде. На 1 января в колхозе им. Карла Маркса насчитывалось 520 человек жителей, из них трудоспособных – 145. Председателем колхоза на тот момент был Подрядчиков Степан Иосифович. В хозяйстве была мельница, кузница, четыре сенокосилки, три жатки, бороны «зиг-заг», плуги конные, лобогрейки, сортировки, конные грабли, триеры зерновые и веялки.

Началась война. Как и во многих деревнях, в нашем селе вся забота и ответственность за колхоз легла на женские плечи, и все четыре года они трудились день и ночь, и выстояли. Вспоминали при жизни труженицы тыла, как им приходилось много работать, во время посевной и уборки ночевали в стане.

Гараж в селе Бергуль

Так как в селе совсем не осталось мужчин, кроме инвалидов и стариков, женщинам пришлось осваивать мужские профессии. Так Домна Романовна Осипова, пройдя курсы трактористов, в 1942 году была направлена в Прибыленку работать на тракторе, а когда приехала домой к родным в Бергуль, не захотела уезжать на чужую сторонушку. В родном колхозе её определили управлять паровым локомотивом молотить снопы, а Степаниде Кузьминич-

В красном
уголке фермы
А.М.Белова,
проводит
политинформацию

не Савастеевой в годы войны пришлось на паре коней перевозить топливо в бочках из города Куйбышева.

После окончания войны постепенно налаживалась жизнь в колхозе. Вот только работы меньше не становилось, много земель было заброшено из-за нехватки рабочих рук, приходилось вновь разрабатывать земли под посев. Этим занимались и мужчины, и женщины, и даже подростки выполняли посильную для них работу.

К 1951 году объединились колхозы «Память Чкалова» и «Карл Маркс» в один колхоз им. Карла Маркса, и вошли в состав Мало-Карагаевского сельского Совета. В этом же году из МТС на бергульские поля пришел первый трактор, а Михаил Журавлев стал первым трактористом.

В 1953 году насчитывалось 508 членов колхоза. Под посевами было занято 1317 гектаров земли.

Колхоз на то время обслуживался машинно-тракторной станцией, планировалась электрификация подачи воды на фермы и дойку коров. Колхозница Христинья Савельевна Голубцова отвечала за подачу электричества, включала и выключала рубильники, умело ухаживала за сложными машинами.

Как только поселения стали мельчать, люди уезжали в другие села, города и районы, стали вновь объединяться колхозы, так в 1961 году произошло объединение колхозов им. Карла Маркса (Платоновка и Бергуль) и Путь Сталина (Ичкала) в один колхоз имени Карла Маркса. Центральная усадьба была перенесена в село Бергуль и сельский Совет стал называться Бергульским.

Население на тот момент составляло 1057 человек, в том числе в Бергуле – 501 человек. На территории колхоза по проекту планировки и застройки 1966 года планировалось построить жилые дома 17 – двухквартирных, 41 – одноквартирный, 3 – восьми-квартирных (двухэтажных, с централизованным отоплением), водонапорной башни и провести канализацию.

В 1978 году под посевами (с 1952 года) было 2464 гектара, с каждого собирали по 16,3 центнера зерна. Валовой сбор его достиг 27162 центнер. Государство получило только за 10 месяцев 10507 центнера молока, досрочно был выполнен план и по продаже государству мяса, а ведь в колхозе работало только 230 человек, в два раза меньше, чем в 1953 году.

Жизнь колхоза была насыщенной, помимо трудовых будней, были и праздники, которые работники колхоза всегда отмечали одним дружным коллективом. В колхозе проходили концерты в сельском Доме культуры, работала сельская библиотека, сельчане слушали лекции, организованные библиотекарем Анна Максимовна Белова. Каждый колхозник после трудовой недели спешил послушать по местному радио колхозный радиожурнал «Жизнь нашего колхоза».

По воспоминаниям бывших колхозников с конца 80-х годов прошлого века «цветение» колхоза стало угасать. Сменяющие друг друга председатели колхоза смогли только поддерживать колхоз «на плаву». Последний председа-

Зерносушилка
села Бергуль

тель Тимофей Титович Гнутов и единственный начальник, которого дважды избрали на данную должность. Первый раз в феврале 1995 года, тогда он проработал более десяти лет в должности.

В конце 90-х годов XX века колхоз сменил свой статус на СХПК «имени Карла Маркса». После нескольких лет перерыва, Тимофей Титович вновь «встал у руля», но, к сожалению, в 2013 году хозяйство обанкротилось.

Татьяна Подъява

Маслянинский район

Край родной, навек любимый!

В краеведческий музей поступили воспоминания «Край родной, навеки любимый» Усольцевой Раисы Тимофеевны (Ишимовой). Она родилась и жила в деревне Бубенщиково. В книге Раиса Тимофеевна писала о природе, быте, о школе и занятиях детей, текст сопровождался фотографиями того времени.

Нам хочется рассказать об авторе воспоминаний, интеллигентной и скромной женщине, проработавшей более сорока лет учителем немецкого и английского языка в школах районного поселка Маслянино.

Раиса Тимофеевна родилась в 1943 году, и была двенадцатым ребенком в семье. Ох, как им в войну без отца нелегко пришлось, в 1947 году муж и отец вернулся с фронта, и жить стало легче.

После окончания Егорьевской средней школы в 1960 году, 17-летней девочкой уезжает Раиса в Москву и поступает в Московский Государственный пединститут им. В. И. Ленина на романо-германский факультет. После его окончания вернулась в родные края, работала учительницей, несколько лет подряд возглавляла Методическое объединение учителей иностранного языка.

Многие ученики Раисы Тимофеевны стали учителями иностранных языков и всегда вспоминают о ней с теплотой и благодарностью.

Раиса Тимофеевна – мама троих детей, всем дала образование. Как жаль, что приходится писать о ней в прошедшем времени... Её не стало в 2014 году.

«Край родной, навек любимый!»

Милая моя деревенька Бубенщиково, моя малая родина. Осталась ты в памяти тех, кто родился и прожил здесь большую часть своей жизни, а то и всю жизнь.

Располагалось Бубенщиково в природном великолепии: по деревне протекали три реки – Кинтереп, Таловка и Путанка, а вокруг леса с вековыми деревьями, грибами да ягодами и пением птиц. Деревня делилась на части, которые назывались «краями». Вдоль реки Путанки – Путанский край, в нём насчитывалось около 15 домов. Несколько из них были построены основательно, на века.

Мой дом

Дома состояли в основном из двух комнат: кухни и горницы (так в деревне называли дальнюю комнату). И печи в доме было две: русская и комелёк (маленькая печка, находившаяся в горнице). Русские печи – огромные, битые из глины, на них спали всей семьёй, особенно зимой. В печи варили супы, кисели, каши, пекли хлеб, готовили парёнки (лакомство из брюквы и моркови). Рядом с печью под потолком находились полаты. Обстановка в доме была скромной: на кухне обеденный стол, а вдоль стен – лавки, небольшой подвесной шкаф для посуды и полка для муки и продуктов. В горнице стоял стол, несколько стульев и единственная кровать, на которой не спали, а складывали постель – одеяла, подушки. Спали на полу. Ещё в горнице стоял сундук, окованный железом (приданое матери), в нём хранили бельё и одежду.

А теперь о речке Путанке. Была она неглубокая, очень чистая, как ключик, текла по мелким разноцветным камешкам (гальке). Мы играли ими, как красивыми «конфетками». По другую сторону реки простирался косогор, на котором весной ярко цвели «огоньки», от этого он казался красным. Летом там росло много клубники. Косогор разделял лог, где тоже было полно ягоды. А на противоположной стороне Путанки была Афимьина гора, и там стояли дома. Выходи за калитку и практически рядом с домом бери ягоду.

Из Путанского края дорога шла в с. Егорьевск (12 км от Бубенщиково). В этом же краю находилось деревенское кладбище. Путанка впадала в реку Кинтереп тут же в деревне и была самой глубокой из этих трёх рек. Перейдя Кинтереп, мы оказывались в другой части Бубенщиково. Дома здесь стояли вразброс. В этом же краю находилась семилетняя школа, расположенная в старом здании. В ней было всего четыре классных комнаты и маленькая комната для учителей. Рано утром приходила техничка и топила печи дровами. Печи были, круглые, обитые железом. Электричества не имелось, на столе у учителя стояла керосиновая лампа. Зимой, когда было темно, первые уроки были устными, письменные работы выполняли при дневном свете. Позднее в деревне появилось электричество.

В школе был небольшой пришкольный участок. Ученики выращивали овощи, а потом даже ездили с ними

на выставку в Маслянино. В нашей школе работали учителя: Емельянова Мария Ивановна – моя первая учительница, Георгий Яковлевич – учитель немецкого языка и физкультуры, Наместников Николай Александрович, мой любимый учитель, преподавал русский язык и литературу, Павлов Иван Андреевич вёл математику, Валов Степан Васильевич – учитель биологии, Меркулов Иван Федорович – историк. Директором школы был в то время Мурзин Борис Анатольевич. Я училась у них с 1950 по 1957 гг. Сейчас их никого уже нет в живых, но они навсегда останутся в памяти учеников.

После окончания семилетней школы те, кто хотел учиться дальше, ходили в Егорьевскую школу (12 км от Бубенщиково). Было нас человек семь. В четырёх километрах от Бубенщиково находился леспромхоз «Кинтереп» и от туда ходило несколько человек. Шли пешком с рюкзаками на плечах, в них носили продукты на неделю. Зимой ходили на лыжах. Дороги раньше не чистили. Изредка проезжал кто-нибудь на лошади, запряжённой в сани, – вот и вся дорога. Так и ориентировались по колее, пока её не заносило снегом. Домой спешили каждую субботу. Приходили часов в восемь вечера, а в воскресенье в час дня снова отправлялись все вместе в Егорьевск.

В деревне Бубенщиково существовало два колхоза, «Перелом» и «Октябрь». У каждого была своя контора и своя ферма, находились они в разных концах деревни. Позднее эти колхозы объединились. Ещё в центре деревни была промартель «Объединение» со своей конторой. Делали в артели сани, гнули дуги, гнали дёготь, а на пихтовом заводе, который находился в 10 км от Бубенщиково, вырабатывали пихтовое масло. Рабочие уходили на завод пешком с запасом продуктов на неделю. Была в промартели и своя пасека (около 80 ульев) в пяти километрах от деревни, там же находился домик сторожа, амбар и омшаник (туда ставили ульи на зиму). Полученный мёд сдавали и продавали жителям деревни. Двадцать семь лет проработал пчеловодом на пасеке Ишимов Тимофей Прокопьевич. Летом ходил он на па-

Отец с гармошкой

секу каждый день, а зимой – два раза в неделю. Когда Тимофей Прокопьевич был на фронте, за него работал Кунякин Степан Дмитриевич, а помогала ему жена Тимофея Прокопьевича, Евдокия Филипповна. Сторож Кунякин Дмитрий Иванович жил на пасеке постоянно. Однажды здесь произошёл такой случай: сторож привёз свои ульи на пасеку, чтобы они были под присмотром, и медведь утащил один улей, потом его нашли в лесу уже пустым.

В центре деревни находились: магазин, детский сад, клуб, позднее открылся медпункт. Тем, кто жил на окраине деревни, ходить в центр было далеко, а особенно трудно зимой.

В клубе один раз в неделю показывали кинофильмы. Молодёжь плясала и танцевала под гармошку. К праздникам готовили концерты. Под Новый год украшали ёлку, шили костюмы и получали за них небольшие призы.

Абсолютно все жители деревни держали хозяйство: корову, поросят, овец, кур, гусей. Некоторые занимались пчеловодством.

Дрова заготавливали вручную, потом вывозили на лошадях из леса, а в войну дрова и сено возили на быках и коровах.

В деревне все жили дружно, помогали друг другу. У одной женщины пала корова, и соседи по очереди приносили молоко её маленьким детям. А моего брата Дмитрия 9 августа 1948 года провожала в армию почти вся деревня. На фотографии он в центре (в кепке), мама в белом платочке справа, за ней отец. Брат стал военным. Служил он в Венгрии, Германии, сейчас живёт в Белоруссии, ему 85 лет.

Это мой родной дом (в Путанском крае), где я родилась и выросла. Взрослые ведут свои разговоры, а мы, ребята – свои.

А так наши отцы отмечали День Победы.

Были в нашей деревне и интересные люди и истории, связанные с ними. Вот какую историю рассказала мне женщина о своем прадеде. Ещё до революции жил в Бубенчиково Сизиков Иван. Был он мужичок небольшого роста, очень сильный и шустрый. В соревнованиях по бегу, которые устраивались

Односельчане
9 августа 1945 года

в деревне, всегда побеждал, будучи даже в преклонном возрасте, обгонял молодых. Ещё он славился как хороший охотник, за всю свою жизнь убил 39 медведей, а на сорокового побоялся идти, суеверным был...

Сейчас всё, что связано с моей родиной – деревней Бубенчиково, осталось лишь в воспоминаниях. Но все, кто тут жил, не забывают свою малую Родину, манит она нас к себе. И каждый год на Троицу приезжаем мы в родные места, вспоминаем детство, юность, своих земляков. Нет больше светлой речки Путанки, бобры превратили её в грязную лужу. Все дороги и тропинки заросли травой. Трудно найти то место, где стоял наш дом. Лишь в памяти он стоит на прежнем месте.

Прости нас, милая, родная деревенька, что мы не сберегли тебя!

Раиса Усольцева

Болотнинский район

Ласточки прилетели

Дед Евсей сидел на завалинке и курил самокрутку, едкий табачный дым отгонял комаров. Над головой его стремительно проносились ласточки. Дед с довольной улыбкой смотрел на острокрылых птиц и думал: «всё живёт, летает, радуется, значит и в доме всё хорошо будет».

Ласточки прилетели весной и стали обустривать жилище на потолочной балке старого сарая, в котором висели

заготовки для шитья сбруи. Дед был знатный шорник, шил сбруи и сёдла для лошадей. Конный извоз всё ещё был необходимостью, не смотря на то, что в вдоль Московского тракта протянули железную дорогу, работа у Евсея Григорьевича Черепанова была всегда. Ещё вчера он собирался разобрать ветхий сарай, но коль уж в нём обжились благословенные ласточки, решил отложить это дело на будущий год. Да и тяжко одному-то, сын и сноха померли от чихотки, а оставленный на дедово попечение внук был ещё мал. Работы и без того непочатый край, хозяйство хоть и небольшое – коровёнка, да кобыла Баська с жеребёнком, а всеж-таки ухода требует, да ещё огород, да заказ на богатую сбрую с бубенцами.

Подошёл на прошлом базаре мужик в галифе с лампасами, смотрел сбрую, и поближе и подальше, потянет, подержает, чуть ли не жует – чует ладную работу, а потом и спрашивает:

– А красивее сделать сможешь?

– С бубенцами, что ль? – уточнил деловито дед Евсей.

– И с лентами, старик, да такую, чтоб в радость и глазу и уху, а невесте и жениху всласть.

– Могём, почему не смочь, только красота, она денег стоит: и бубенцы разные бывают и ленты.

– А это уже моя забота!

И заказал тот генерал – не генерал, кто их знает, но по форсу – не меньше генерала, заказал парадную сбрую для конной пары, сына женить задумал, в сваты на медовый спас собрались, для того и сбруя, чтобы невеста покладистой была. Отдал генерал задаток, назначил день и ушёл. Вот деду с внуком заделье!

Десятилетний внук Костька, рос не по дням, а по часам. Дед никогда его не ругал, но за провинность отказывался с ним разговаривать, и было это страшным наказанием, поскольку у них никого в доме больше не было, ни тебе поговорить, ни тебе спросить чего-нибудь.

Мальчишка рос шустрым и самостоятельным, мог сам себе сготовить, да и люди его видят, то с удочкой на заре, то с корзиной полной грибов или ягод, то с силками на тетерева. Од-

ним словом, чем мог помогал деду. Вот и в этом деле помощник понадобился, целый месяц они работали над этим заказом, огрубевшие от шорной работы руки деда Евсея и то были исколоты шилом, не говоря уж о мальчишке.

И вот настал канун назначенного дня, пятница и суббота – значит базарный день в Болотной. Дед с внуком снарядились в дорогу, запрягли кобылу, сложили ягоду, сушеный гриб боровик, солёные белые грузди в малой деревянной бочке, так сгношились – все помаленьку, и выдвинулись не спеша. А ласточки радуются, стригут воздух.

– Глянь, Коська, потомство скоро прибудет, радуется-то как, дурачьё!

– Так есть уже, деда, полное гнездо птенцов!

– Ты гляди, не озоруй.

– Да, я только поглядел, деда, я знаю, я их жалею.

А у края села их догнал жеребёнок и, склонив голову, зашагал рядом с матерью. Мальчик крикнул:

– Дед, Ворон за нами увязался, прогнать?

– Не надо, ему в мамке вострая необходимость, подсосный ещё, никуда от неё не денется.

Дорога была долгой, считай сорок вёрст с хвостиком, мальчик сидел на краю телеги, болтал ногами, в голове от безделья роились вопросы:

– Дед, а дед, чегой-то эта дорога Московской зовётся, ведь Москвы у нас нету?

– Дык она в Москву и идёт, – начавший было дремать ответил Евсей.

– Так далеко?

– Далекое и ещё дале. Раньше по ней ямщики ездили, людей возили, грузы разные, в Москву пушнину да масло, оттуда струмент, да проча, чего у нас не делали. Опять жа почту возили, да каторжных гоняли, и разбойные люди тут бывали, ямщиков да почтовых грабили.

– Дед, а бабы на речке говорили, что батя твой каторжанин был.

– Бабы – это люди страшные. Да пусть трещат, на каждый роток не накинешь платок, а батька мой одной конторской нюхалке зуботычину выписал, – оживился дед. – Хорошо так приложился!

– Так нечто за это на каторгу, вон сосед наш каждый день жене тумачков отвешивает, и ничего не сослал.

– Так то бабу, слегка, это для порядку, а батька мой дюже здоров был, подковы разгибал, вот и приладил чуть лишку, с горяча, дык чиновник этот во все дураком сделался. А неча Столыпинские подъемные воровать, не тебе дадены.

– Дед, а почему Болотное, на болоте что ль люди стали жить?

– Речка там Болотная, от неё и назвали.

– А у нас-то речка Ояш, а мы Бибеево зовёмся

– Ояш – по-татарски яма значит, речка глубокую яму промыла, а деревня Ояш есть подалее нас, там, по Московскому тракту. А наше село от первого жителя так зовётся, Бабей его звали.

Дед замолчал, и по ходу снова стал клевать носом, Костька достал из сумки большой огурец, съел до горького, выкинул остаток. Ему стало скучно, он пошевелил кобылу Баську ивовым прутком и она прибавила ходу, жеребёнок тоже ускорился, стало веселей. Так за разговором да дремотой и доехали. Встали на ночёвку прямо на базарной площади, место удобное нашли, перекусили, чем бог послал: вяленое мясо да сушеная рыба, лучёк, квасок и спать – внук на телеге, а дед под телегой. Лошадь с телеги сено тягает, жуёт, фыркает. Вороненок рядышком с матерью в пах ее тыкается, хорошо, мирно, в сон клонит.

На рассвете деда разбудил крик внучка:

– Деда, жеребчика попятчили, что делать будем! Говорил же цыгане тут, доглядывать надо!

– Евсей подскочил, ударился головой о телегу и с причитаниями заметался по площади, люди, ночевавшие там же, сочувственно кивали, но никто ничего не видел. Тут кобыла Баська, привязанная к столбу, затопала, дёрнулась, порвала уздечку и побежала вдоль Московской. Дед с внуком – за ней, она встала у чьих-то покосившихся ворот, наклонилась, втянула широкими ноздрями воздух, отошла на шаг и стала бить передними копытами по воротам. Била она до тех пор, пока не сломала

воротину в щепки. Когда остановилась, из проёма показалась черная голова жеребенка Ворона, он радостно по-детски заржал, перепрыгнул через обломки и уцепился за материнское вымя.

Собралась толпа и дед с внуком ошалевшие смотрели на все это, потом внезапно все вспомнили, что есть ещё дела и двинулись каждый в свою сторону. Костька спросил:

– Дед и чего, даже разбираться не будешь, ведь украли они жеребчика?

– Нет, не буду, им совесть видно не жмёт, вишь, даже не вышли, пускай ворота теперь чинют.

– Струхнули они! Да, деда? В штаны-то нашмякали! А? Да и некогда нам, да деда? А то и ты в каторгу угодишь, а у нас ласточки дома, – почему-то вспомнил Коська.

– Да, у нас ласточки птенцов скоро обучать будут, нам некогда, – поддержал дед.

– А Баська-то какова, умная она у нас, а попы говорили, будто у коней души нет, у них душа шире человеческой, не всякая баба так может.

День был хороший, светило яркое солнце, запахи разносились неповторимые. Тут тебе и янтарный тягучий мёд, и колыванские калачи и топлёное масло, тянуло жареным мясом.

В ремесленном ряду кохло дёгтем и дублёной скрипучей кожей. Ребятишки бегали смотреть на проходящие паровозы, потом радостные и, подкоч-

Иосиф
Михайлович
Синицын

ченные угольной пылью, возвращались на площадь.

Для Евсея с внуком день был удачный. Довольный генерал забрал парадную сбрую, сполна расплатился, да ещё дал малость сверху, уж больно хороша получилась сбруя. Понял, что на красоту дед ни денег, ни души своей не пожалел. Всё привезённое продали, сторговали жеребёнка, к зиме заберут, значит, зима добрая будет, сытая. Инструмент прикупи-

ли, колесо на телегу, муки да кож, для работы.

В Болотном и мельница есть и кожаная мастерская – всё своё – добротное.

Потихоньку вернулись домой, счастливые и уставшие. Дома радостным щебетаньем встретили их ласточки – пять ластушат и их родители сидели на заткнутой под балку удочке. Острокрылые птицы радостно и шумно призывали достаток и удачу в добрый их дом.

Нина Михайлова

Кочковский район

Мой прадедушка – ветеран двух мировых войн

Мне хочется вам рассказать о моём прадеде, офицере Синицыне Иосифе Михайловиче, награждённом георгиевским крестом во время Первой мировой войны. Для меня его подвиг не сотрётся из памяти никогда.

«Спасать людей несложно. Ведь цена твоей жизни кажется невысокой по сравнению с жизнями нескольких десятков людей» – так, видимо, думал и мой прадед, принимая решение идти в бой.

Он родился в маленьком селе Галузино в 1893 году.

Шел 1916 год. Первая Мировая война была ударом для страны. На фронтах страны велась ожесточенная борьба с противником. Третий Туркестанский стрелковый полк в составе первой Туркестанской стрелковой дивизии принимал участие в боевых действиях на Западном фронте.

«В бою 21 июля 1916 года у Деревни Рудка-Мирина, наступая в резерве за восьмой ротой своего полка и увидев, что эта рота несет большие потери от флангового, пулеметного и ружейного огня противника по собственной инициативе с полуротой лично впереди бросившись в штыки, захватил до сотни пленных и три пулемета. Сдерживая контратаки противника, обеспечил с фланга нашей роты, наступающей к северу от деревни Рудка-Мирина и, дав им возможность развить успех, здесь был ранен».

Такие сухие по военному строки, хранятся в Российском Государственном военно-историческом архиве. За тот кровопролитный бой Иосифу Михайловичу был пожалован орден святого Георгия четвертой степени. Ведь прадедушка совершенно не задумывался над тем, что потом его подвиг будут помнить, для него было важнее спасение людей, помощь товарищам.

Он совершил подвиг, был ранен, но спустя годы, женившись и создав семью, он никогда не рассказывал своим детям об этом событии в своей жизни.

Моя бабушка – Лашина Надежда Иосифовна часто вспоминала, что бабушка постоянно хромал, и все думали, что так должно быть, и никто не догадывался, что он пожертвовал своим здоровьем ради спасения людей. Она и о его ранении, и о подвиге узнала лишь после его смерти, через 90 лет. Это было для неё неожиданностью, она всегда гордилась своим отцом, она продолжает им гордиться и сейчас.

После возвращения с фронта, бабушка приехал в родную деревню, где женился, а затем, в начале 20-х годов прошлого века вместе с женой переехал в далекую Сибирь. Поселились они в селе Филошенка Венгеровского района. Прадедушка стал работать учителем в средней школе, которая существует и по сегодняшний день,

и проработал в школе почти двадцать лет, а в последние годы жизни был директором.

В 1941 году, после начала Великой Отечественной войны, прадедуска принял решение идти на фронт. Тогда ему было 48 лет. Он навсегда останется офицером, и сохранит это стремление защищать Родину. Правда, на фронт он смог попасть лишь через год – в 1942-м году, когда началось формирование Сибирской добровольческой стрелковой дивизии.

В дивизию было набрано 10 тысяч человек, а в сентябре началась переброска дивизии на Запад. В районе города Белый в ходе боев было освобождено пятьдесят населенных пунктов. Это было первое боевое крещение. Затем дивизию перевели под Великие Луки, где находилась сильная группировка противника. 15 января дивизия отбросила вражескую группировку на исходные позиции. Прадедуска воевал ещё в течение двух лет, а умер он пятого мая 1944 года от тяжелой простуды во время наступательных сражений на р. Великой.

Через 63 года будет выдвинут законопроект о Дне Героев Отечества. До 1917 года в этот день отмечался праздник георгиевских кавалеров. Будет решено в этот день чествовать Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации, кавалеров ордена Святого Георгия и Ордена Славы.

Прадедуска был награждён орденом Святого Георгия, он участвовал в двух мировых войнах, он был человеком, на глазах у которого вершилась история двух разных, но таких великих государств – Российской Империи и СССР. Он участвовал в их жизни, став частицей истории, своим мужеством и отвагой оправдывал их величие.

Удивительно, что прадедуска старше меня на сто один год, мы из разных эпох, из разных поколений и никогда не виделись, но у меня в душе – гордость за этого дорогого мне человека, отдавшего свою жизнь за мирное небо над моей головой за будущие поколения. Низкий тебе поклон, Иосиф Михайлович!

Лунёва Анастасия

Куйбышевский район

Не разрушать, сохранять и преумножать...

Валерьян Владимирович Куйбышев – выдающийся государственный деятель. Город Каинск место первой ссылки революционера с 1907 по 1909 годы. В. Куйбышев верный ленинец, активный участник политического движения начала XX-го века.

В мае жандармерия объявила розыск В. В. Куйбышева, не прибывшего на место высылки – в Каинск. Предписание департамента требовало: «При обнаружении арестовать, обыскать и уведомить томского губернатора». Валериан Владимирович вынужден был ехать в Каинск, где и жил под гласным надзором полиции.

Здесь, в Каинске, он встретился со своими родными: сюда на должность воинского начальника был переведен его отец Владимир Яковлевич.

Пребывание семьи Куйбышевых в Каинске оказало влияние не только на политическую, но и на культурную жизнь города. В 1908 году по инициативе родителей Валериана Владимировича в городе было создано «Драматическое общество», в которое вошли члены семьи Куйбышевых, а так же учителя, адвокат, местный врач и другие почтенные горожане. Общество разработало и приняло устав, готовило и ставило спектакли, режиссером которых была мать В. В. Куйбышева Юлия Николаевна.

Начальник Томского губернского жандармского управления 1 июня 1909 года сообщал в департамент полиции: «Все члены семьи каинского воинского начальника подполковника Куйбышева в большей или меньшей степени по поведению и сношению с лицами, скомпрометированными в политическом отношении, считаются неблагонадежными».

В г. Куйбышеве имеется дом-музей В. В. Куйбышева, который в 1988 году посетил его сын Владимир Валерианович. Дом – музей В. В. Куйбышева. ДК. имени В. В. Куйбышева, а также улица Куйбышева.

Памятник В. В. Куйбышеву перенесён, хорошо, что не разрушен. Сейчас в этом месте строим храм. Что нового? То храмы рушим, то теперь памятники по городу, как безумные, таскаем, и на что надеемся, что в будущем никому в голову не придёт памятник на место вернуть?

Ну, не можем же мы проводить вечную культурную революцию, а революция – это разрушение прошлого, доведённых до отчаяния людей. Надо идти вперёд, оставляя всё на местах, идти с накопленными знаниями и опытом. И прекратить эту затянувшуюся гражданскую войну.

Дарья Осипова

Кыштовский район

Оглухино нет на карте

Это воспоминания из жизни моего прадеда Савченко Павла Фёдоровича о его малой родине – деревне Оглухино, которая исчезла с карты нашего Кыштовского района. Деревня находилась на северо-востоке от села Кыштовка, на берегу реки Чёка, в пяти километрах от деревни Колбаса.

Возникло поселение в середине XIX века, где поселились чалдоны, выходцы из донских степей. Павел Федорович вспоминает, как туда приехали выходцы с Украины, одними из которых были семьи Савченко и Шишичук. Вот это повествование:

«Этот рассказ поведал мне мой дядя Андрей Иванович. Мои предки жили на Украине в селе Соловивка Житомирской губернии. Житель этого села Губатюк Семён украл у попа запряжённую тройку лошадей и поехал кататься по селу. Потом загнал в имение Савченко Ивана Андреевича, где в огороде был овин для сушки хлеба и спрятал. Поп узнал, кто тройку украл, и был суд по селу. Губатюк Семёну был вынесен смертный приговор. Но у попа служила няней Савченко Мария Ивановна, которая была дочерью Ивана Андреевича. Она уговорила попа дать помилование Губатюку, а также своему отцу, который помогал прятать у себя тройку лошадей. Губатюку заменили смертный приговор на ссылку в Сибирь.

Семён Губатюк своим ходом под конвоем пришёл в Сибирь, в село Кыштовку. Посмотрел, что земли много, лесу много, воды много. Люди живут свободно, привольно. Посмотрел и вернулся к себе на Украину. Рассказал, как живут люди в Сибири. В это время в России проводилась реформа Стальпина, по которой шло переселение крестьян из центральной части России на восток, за Урал. Многие жители села Соловивка погрузились в вагоны и поехали в Сибирь.

Доехав до станции Татарск, часть семей отправились в Чистоозёрку, Купино, а часть – в Кыштовку, где и разъехались по сёлам Оглухино, Новочёкино, Киевку и другие деревни. В Оглухино жили старожилы (чалдоны), а у переселенцев прозвище было хохлы. Старожилов в деревне было немного.

Закончилась Первая Мировая война (1914–1918 годы), на которой воевали дядьки и отец мой. Моя мама Василиса Николаевна и отец Фёдор Иванович поженились в 1919 году. Отец был организатором колхозов.

В деревне Оглухино было два колхоза. Позже они соединились в один, под названием имени Ковтуна. До колхоза

зов у нас было две лошади: Серко и Серуха. Я их хорошо помню. На Серухе ездил верхом.

Старожилы обижали переселенцев до самой коллективизации. При колхозе люди смирились и стали жить дружно.

Коллективизация была в 1927 году. В колхозы шли одни лодыри, да кто не хотел работать. Зажиточные крестьяне не хотели идти в колхоз. По указу сверху сельские советы оформляли зажиточных крестьян и у них забирали весь скот и постройку, а людей с ребятишками ссылали за болото. Из построек, отобранных у крестьян, сделали клуб, контору, школу, магазин. В деревне организовался сельский совет, председателем которого был мой отец. Между отцом и дядькой Андреем Ивановичем часто шли споры: «Нужен колхоз или нет?».

Отец был на стороне колхозного движения, а дядька против, называв колхозы «Чиртово бисиво». Так до 1932 года все зашли в колхоз. Работали люди за трудодни, в конце года рассчитывали хлебом и деньгами, но денег почти не было. Колхоз расходовал всё на свои нужды.

В деревне Оглухино по переписи 1926 года было 133 двора, где проживало 540 человек (308 мужчин и 232 женщины). На территории существовал сельский Совет, школа и маслозавод (данные из документов Кыштовского музея).

Перед Великой Отечественной войной в деревне было уже около 150 дворов – три больших улицы под названием Первая, Вторая, Третья и несколько переулков, которые располагались на берегу реки Чёка.

Здесь же всё время работала водяная мельница. Около нее всегда былолюдно: народ приезжал молотть зерно, а дети рыбачили, играли и любовались брызгами воды, под напором которой крутились большие лопасти мельничных колёс.

В 1941 году началась Великая Отечественная война. На войну призвали всех трудоспособных мужчин, в деревне остались лишь старики, женщины и дети, на плечи которых лёг непосильный деревенский труд. Пахали, сеяли,

убирали хлеб, ухаживали за скотом, заготавливали дрова, вели домашнее хозяйство. Большую часть выращенной продукции сдавали государству. В деревню с фронта не вернулось 82 мужчины, это было очень тяжелое время для села, не было никакой техники, работали на лошадях, да на быках.

Мой отец Фёдор Иванович был тяжело ранен. Пришёл домой в сопровождении медсестры. Не ходил. Был инвалид 1 группы. Оставшись после войны без мужчин, деревня выжила, благодаря труду тех, кто остался жить и работать.

Меня взяли в армию с 9-го класса 1943 года в апреле месяце. Был три раза ранен. Имел награды: «Орден Славы» 3-ей степени, медали «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «Орден Отечественной войны» 1-й степени и много юбилейных медалей.

После войны остался работать на кыштовском Сушзаводе (1945–1977 гг.) Ежегодно я и мои дети ездили в Оглухино к моим родителям. В 60-е годы при укрупнении колхозов из небольших деревень люди стали уезжать. В 1964 году мои родители переселились в село Кыштовку. В Оглухино в течение 10 лет оставалось несколько семей, которые вскоре покинули деревню.

Я женился в 1947 году на Горбачёвой Анне Филлиповне, с которой прожил 54 года. Вырастили 6 детей. Похо-

ронили её 7 января 2003 года. Бывал с детьми и внуками я на месте бывшей деревни. Прошли по её улицам, побывали на кладбище, посидели на бывшей усадьбе родителей.

Анна Пережогина

Болотнинский район

Пари на мельнице

Дед Спиридон умер от воспаления лёгких, оставив свою жену с четырьмя детьми и пятым, ещё не родившимся ребёнком. Бабушке Матрёне на тот момент было тридцать пять лет, и ее одиннадцатилетний сын, мой будущий отец, стал в осиротевшей семье главным помощником.

Сразу после родов Матрёне пришлось работать за двоих, чтобы прокормить детей. Заработанное на трудодни в колхозе зерно надо было помолоть в муку, чтобы печь хлеб. Мельница была довольно далеко – в деревне Ясная Поляна, это в сторону Томска от деревни Больше-Чёрное. Вся округа съезжалась сюда молотить зерно.

Матрёна с сыном запрягли коня, нагрузили мешки с зерном, а мешки, надо сказать, были холщевые, большие и входило в каждый до восьмидесяти килограммов, а утром отправились в дорогу, оставив младших детей одних, надеясь в тот же день вернуться домой.

Когда подъехали к мельнице, то увидели много распряжённых коней, жующих сено, кучи мешков с зерном, и мужиков, что развлекали себя игрой в карты. Похоже, сидели они здесь не первый день. Со слабо теплившейся надеждой Матрёна подошла к мужикам и попросила пропустить её без очереди, на что они громко рассмеялись. Быстро оценив обстановку, она предложила пари: если она без

посторонней помощи поднимет с саней мешок с зерном и занесёт его на второй этаж мельницы, то они позволяют

сейчас же помолоть зерно. Мужикам наскучила игра в карты, а тут новое развлечение, они загалдели и толпой пошли к саням.

Матрёна поставила в санях мешок, как говорили, на «попа», присела на корточки и раскачивающими движениями стала продвигать тяжёлую ношу себе на спину. Когда мешок оказался на спине, она медленно встала и пошла вовнутрь мельницы, мужики в полном молчании следовали за ней. Матрёна, покачиваясь под тяжёлой ношей, поднялась по лестнице на второй этаж и неожиданно для сопровождающих её мужиков высыпала своё зерно в жерло (приёмник зерна). Мужики разочарованно разошлись, а Матрёна с сыном быстро перенесли и высыпали остальные мешки, тут же спустились вниз насыпать муку.

К вечеру они благополучно вернулись домой, где их радостно встретили младшие дети. Даже малыши понимали, что теперь горячий свежий хлеб будет каждый день на их столе.

Много испытаний выпало на долю моей бабушки Матрёны, но она никогда не жаловалась и дожила до преклонного возраста.

Галина Сергеева

Северный район

Переселенцы из Лосинки

В начале XX века Анна Фирафонтьевна Тукмакова вместе со своими родственниками в поисках лучшей доли подалась в далекую Сибирь. Вот так в наших краях обосновалось семейство моих предков по отцовской линии.

Поселились в деревне Лосинка, на краю Васюганских болот. В березняке, недалеко от деревни, встречались лоси, от этого деревня и получила свое название.

В тайге водились зайцы, лисы, медведи и даже волки. На болоте росла клюква, брусника, голубика. В лесу росла смородина, малина, черемуха, боярка, рябина, калина, костяника и другая ягода, было много разных грибов. За несколько верст в озере водилась рыба.

Бабушка Матрена

Муж Анны Константин Тукмаков погиб в Гражданскую войну в далекой Галиции. Осталось трое детей: Григорий, Анна и Мария. Жилось очень тяжело.

Рядом жил неженатый сосед с больной матерью – Николаев Василий Кузьмич. Он был родом из Псковской губернии. По-соседски они помогали друг другу, то Василий Кузьмич что-то поможет Анне, где нужны мужские руки, то Анна забежит к соседям – постирать, хлеб испечь, и стали жить вместе. Родилось еще семеро детей, были и двойняшки: Венечка и Генечка.

Василий Кузьмич и старших не обижал, выросил и всех воспитывал в строгости. Жили единолично, вели свое хозяйство. Позже переехали в Коб-Кордон. Деревня стояла на берегу реки Тартас, тут было легче с водой, зимой скотину гоняли на водопой на речку, где мужики прорубали во льду длинную прорубь, в Лосинке приходилось поить скотину водой из глубокого колодца.

Василий Кузьмич разводил кроликов. На высоком берегу реки в двух километрах от Кордона была срублена избушка, где находились кролики, и сам он там находился сутками, это место до сих пор называют «крольчатник».

За деревней, в сторону Касманки, у него был стан, где он гнал деготь хорошего качества и который пользовался спросом. Старшая дочь Мария даже возила его в Куйбышев и продавала на базаре.

Дети подросли, помогали родителям по хозяйству. Дочь Анна в восемнадцать лет вышла замуж за Михайлова Петра. Через пять лет совместной жизни Петра арестовали, объявили «врагом народа» и сразу увезли в Куйбышев. Уже в наши дни узнали, что он был расстрелян там же вместе с другими «врагами народа». Он работал на ферме, и там пропал поросенок. Петра обвинили во вредительстве, еще поставили ему в вину то, что в избе на стене висели иконки.

Василий Кузьмич умер в конце 30-х годов прошлого века. Его мучили сильные головные боли, и кто-то посоветовал: «надо пустить кровь», что он сделал, но это не помогло.

Тукмакова Анна Фирафонтьевна (крайняя слева во втором ряду) с семьей

Старший сын Григорий выучился грамоте на курсах «ликбеза». В восемнадцать лет женился на дочери местного учителя Маркова Андрея Марковича, Валентине, в браке родилось шестеро детей, четверо из которых выжили.

Григория колхозники выбрали председателем, где он проработал, пока его не мобилизовали на войну. Весной 1943 года Анна Фирафонтьевна получила известие «пропал без вести». До конца своих дней мать ждала Григория домой, но не дождалась. В один день с Григорием проводила на войну и второго сына Алексея. До Барабинска братья доехали вместе, а там их пути разошлись: Алексей попал на учебу в Иркутск, а Григорий – в Ачинск. Алексей вернулся живым с войны.

Матери из части приходили благодарственные письма за то, что воспитала достойного сына. Весной 1949 года, Алексей приехал домой с молодой женой Шурой. После неоднократных просьб матери к командованию части, его как единственного из четверых выживших сыновей, Алексея перевели служить в милицию по месту жительства.

Сын Илья еще в 1939 году был призван на службу в армию. Служил на Финляндской границе, потом в Смоленской области. Там его и застала война. Он погиб в конце 1941 года. Домой написал три письма. В последнем письме написал, что завтра идем на ступление: «или грудь в крестах или голова в кустах» – невесело шутили

Посёлок
Коб-Кордон

солдаты. Так и получилось. После этого боя пришло известие – «Погиб».

Проводила на войну Анна Фирафонтьевна последнего четвертого сына, которому исполнилось только семнадцать лет. Это был голубоглазый, коренастый паренек с веселым характером. Когда провожали на фронт, он успокаивал маму и шутил: «Вот видишь, мама, лошадь сделала первый шаг правой ногой, значит, я вернусь, я обязательно вернусь». Но не суждено было вернуться Ивану домой. Погиб Иван в бою, прикрывая отход своих товарищей. Похоронен он на далекой Латвийской земле в братской могиле.

Анна Фирафонтьевна была уважаемым на селе человеком. Ее все звали «Мирафонтьевна», всегда обращались к ней за советом, за помощью. Никому она не отказывала и помогала, чем могла. Она была очень набожная женщина, читала библию и многое знала из нее. Очень страдала, что нет рядом церкви, где она могла бы помолиться, поблагодарить господи и попросить у него прощения. Председатель колхоза всегда направлял ее печь хлеб для колхозников. Хлеб она пекла в русской печи на капустных листьях.

Недолго после всего пережитого прожила прабабушка, вот такая выпала на её плечи тяжёлая доля. Но, может быть, благодаря ей, я живу в этих суровых и красивых местах.

Инна Андреева

Купинский район

Рыбацкие поселения Тополёвик и Орловик

Рыбацкие поселения Тополёвик и Орловик образовались на берегу озера Малые Чаны в начале XX века, находились в одиннадцати километрах от села Чумашки, в трёх километрах друг от друга. Орловик располагался в ложбине, а Тополёвик – на высоком месте и, по воспоминаниям местных жителей, виден был издалека.

В 1926 году в деревне Тополёвик числилось двадцать одно хозяйство, проживало шестьдесят четыре человека, из них двадцать семь мужчин.

И в той, и в другой деревне было только по одной улице, дома строили глинобитные, наполовину вросшие в землю, крыши из пластов земли и камыша, мазаные полы. Отапливались дома камышом, который заготавливали и сушили заранее.

Люди в большинстве своём были малограмотные, занимались преимущественно рыбалкой. Это был тяжёлый труд: приходилось в любую погоду тянуть вручную длинные неводы, суровой зимой долбить лунки, крутить вьюхи, озябшими руками выбирать рыбу из заледеневшего невода.

В 30-е годы XX века стали возникать рыбацкие артели, в которых наравне с мужчинами работали женщины, летом рыбачили на лодках и баркасах, а зимой на лошадях.

Были построены большие деревянные, крытые камышом лабазы. В них женщины обрабатывали рыбу, солили её в больших чанах, часть рыбы вялили. Сдавали рыбу в промкомбинат Купинского райпотребсоюза. За продукцией приходила машина из Купино. После занятий в школе к взрослым прибегали на помощь ребяташки, они помогали переносить рыбу на лабаз, развешивали сушить, раскладывали для отправки в ящики. Кроме рыбалки жители обязаны были зимой заготавливать камыш и сдавать его в Купинский промкомбинат, этот природный материал использовался в строительстве.

Рыболовецкая
бригада

Школа была только в Тополёвике, поэтому ребятам из Орловика приходилось преодолевать три километра в любую погоду, зимой их возили на лошадях.

На 1 сентября 1937 года в Тополёвской начальной школе в приспособленном здании с одной классной комнатой обучалось в первом классе восемнадцать учащихся. В 1946 году заведовала Тополёвской школой Метлеева Мария Ермиловна.

В 1949 году было уже четыре класса, где обучались 46 детей, учились в две смены. Общая площадь школьного помещения 42 квадратных метра, здание деревянное 1930 года постройки, одна классная комната – 24 квадратных метра с 11 партами. В школе работало два учителя – М. Е. Метлеева и Т. Н. Бондарь.

Тяжелейшие испытания принесла жителям села Великая Отечественная война. Голод заставил многих жителей окрестностей переезжать в рыбацкие

посёлки в поисках лучшей доли. Спасением для людей была рыба, которая помогла выжить в голодные годы. Много было пережито и выстрадано сельчанами.

После войны постепенно жизнь стала возвращаться в своё русло: разъехались те, кто здесь спасался в голодное время, возвращались уцелевшие фронтовики, приезжала молодёжь по направлению комсомола, создавались новые семьи, рождались дети. Сёла разрастались и хорошели, появились первые камышовые дома.

Деревня Тополёвик входила в колхоз «Новый путь», председателями колхоза в 1946 году был Метлеев, с 1947 года Воронов, а затем Бурминский.

В сёлах работало радио на трёх батареях, свет вырабатывал дизель, с 9 утра до двенадцати ночи. В клубе в свободное от работы время можно было поиграть в бильярд, шахматы, шашки, один раз в неделю демонстрировались фильмы, которые привозили из Купино. Молодёжь собиралась на вечеринки, парни и девчата пели и плясали под гармонь, играли в «Разлуку» и «Ремешки». Многим ещё памятли эти весёлые и задорные игры.

Одной из любимых зимних забав деревенских ребятшек было катание на больших санях с высокого яра. В один из дней дети играли на пустыре между школой и клубом и увидели, что недалеко от деревни сел вертолёт. Желающих лётчики прокатали на вер-

Лабаз

Жители
Орловика

толёте и сфотографировались с ними на память возле школы. Этот день навсегда остался в памяти деревенской ребятни.

10 июня 1952 года исполнительный комитет Купинского районного Совета депутатов трудящихся утвердил хозяйственный центр колхоза в селе Чумашки, принял решение: «село Тополёвик подлежит выселению в село Чумашки, а на его месте организовать зимовку молодняка КРС на 400 голов». Последними уехали из Тополёвика Перемыкины.

В связи с этим решением, многие семьи переехали на Орловик и продолжали заниматься рыбалкой. Населённый пункт существовал до 1967 года, последней его покинула семья Вороновых.

«17 февраля 1975 г. облисполком Новосибирской области принял решение по вопросам административно-территориального деления, в том числе по Купинскому району, в связи с выездом населения предусматривалось исключить из учетных данных населённые пункты: ... деревня Орловик, посёлок Тополёвик».

Жители исчезнувших деревень, Орловика и Тополёвика, уехали в соседние, более крупные села – Чумашки и Лягушье, сохранив память о своей родной деревне. От деревень остались лишь воспоминания и их названия на старых картах. Место, где когда-то жили люди и где вместо домов остались небольшие холмики и ямки, производит особое, тяжёлое впечатление.

По всей России исчезло уже много населённых пунктов, их жители разъехались по стране. Но в каждом сердце жива частица того места, где человек родился, учился, куда память зовёт снова и снова... Всё, что пережито, то незабываемо. Сколько в человеке Памяти, столько в нём и человека.

Екатерина Эльшайт

Ордынский район

Самовольные переселенцы

Судя по воспоминаниям моих родственников, мой прадед Андрей Денисович Грива и его жена, моя прабабушка Мария Петровна жили на Украине в Харьковской губернии, в слободе Юноковка Юноковской волости Сумского уезда.

Прадед был плотником, никакой работы не боялся, всё мог сделать своими руками. Прабабушка Мария Петровна, тихая, спокойная женщина, вела домашнее хозяйство, умела ткать, вышивать, вязать, очень хорошо готовила. На тот момент у них было трое детей – Пётр, Феодосья (Феня) и Степан. Жили они дружно, но острая нехватка земли сказывалась на их жизни, так же как и на жизни многих других крестьянских семей. Урожая хватало только на прокорм, а продавать или менять было нечего – никаких излишков уже не оставалось.

И вот в стране началась переселенческая реформа. Сначала они с опаской отнеслись к этим событиям, но земельный голод гнал людей в сказочную Сибирь. Стали доходить слухи, что там получают большие наделы земли и являются полными её хозяевами. Дорога, по слухам, была «тяжкой», но прапрадеда манили вольные земли и он решил ехать в далёкую Сибирь. Посоветовались с роднёй и друзьями и три семьи решили переезжать – мол, вместе не пропадём. Отправляли ли эти семьи ходоков – неизвестно, однако судя по тому, что не сохранилось воспоминаний о каких-либо льготах или субсидиях государства, скорее всего, они были как раз «самовольными переселенцами».

Прабабушка ехать не хотела, горевала, плакала, но деваться некуда: «куда иголка – туда и нитка», как любила повторять прапрабабушка. В день отъезда, летом, она испекла лепешку и сказала братовой жене: «засуши на память, не свидимся больше».

До станции ехали на лошадях, а там на поезде до Москвы. Дорога для семьи прапрадеда Андрея стала очень тяжёлой и трагичной. Ехали на поезде в обычных вагонах, без каких-либо условий, продукты экономили, та как не знали, что их ждёт впереди. В дороге заболел младший сын Степан, а позже, когда уже доехали, он умер «от жара», не вынес дороги. Прабабушка Маша очень переживала, плакала, но ничего не поделаешь, жить надо дальше.

В Москве на вокзале было много народа – в основном переселенцы. Из столицы прадед, его семья и ещё две семьи ехали поездом до Новониколаевска, а оттуда на барже добрались до Завьялово. Эта баржа была специально отведена для перевозки переселенцев. В Завьялово приехали во второй половине дня, знакомых никого нет, попросились переночевать в крайней избе. Хозяин дома поведаль им, как

здесь живут, чем занимаются. Сказал, что за восемьдесят вёрст находится село Битки, там уже живут переселенцы, но есть много свободных земель. Посоветовавшись, семьи решили добираться до этого села. Ехали туда на лошадях двое суток и, наконец, добрались до заветных свободных земель. Тот факт, что прапрадед и его родные не знали, куда именно ехать, говорит также в пользу версии о самовольном переселении, ведь семьи, отправлявшие ходоков, ехали уже на конкретный участок.

Самовольным переселенцам также выдавались участки, выдали их и прапрадеду с его родственниками, в необжитом ещё месте. Они были одними из первых, кто поселился здесь. Позже они назвали своё поселение в честь той губернии, откуда они родом. Так на карте Битковского района появилось поселение Харьковка, основателями и первопоселенцами которого стали и мои предки – прапрадед Андрей Денисович и прабабушка Мария Петровна Грива.

Что же это за место, куда они так долго добирались? Село Битки сейчас входит в состав Сузунского района Новосибирской области. Раньше

Сузунская и Битковская укрепленные волости долгое время существовали параллельно как самостоятельные территориальные единицы и относились к разным округам. С 1882 года Битковская волость входила в состав Томской губернии Западно-Сибирского генерал-губернаторства. В 1911 году образовалось и поселение Харьковка.

Этот район расположен в лесостепной зоне: равнина, пересеченная гривами и оврагами, много мелких озёр и рек. Сосновый бор богат грибами и ягодами. В лесу водится лось, встречается косуля, заяц-беляк, белки, волки и рыси. Из птиц много глухаря, тетерева, рябчика, куропатки. Большие сельскохозяйственные угодья позволяют выращивать пшеницу, овёс, ячмень, заниматься скотоводством.

Местность, куда они переехали, вполне их устраивала, только к сибирским морозам, да короткому лету они не привыкли. Всё остальное можно было преодолеть.

Они удивлялись и радовались, что всё же добрались до заветных свободных земель. Теперь надо было обустроиваться. Сначала построили землянки, затем все вместе стали строить один большой дом, где предстоящую зиму три семьи могли пережить вместе. Судя по литературе о сибирских переселенцах, так жили не только наши родственники. Вот что пишет Г. Н. Макогон: «Одиночных домов как таковых не было. Сначала ставили временки из кругляка. У крепких хозяев за неделю так временка вставала и обживалась. В первую очередь старались распахать пашню, посеять хлеб и убрать урожай, рубили хлева и загоны для скота. Дома же строили через год-два, а кто-то и десяток лет ютился во временке».

Жили дружно, по вечерам, когда собирались все вместе, занимались хозяйством: мужчины делали из дерева коромысла, кухонную утварь, женщины и девушки ткали, вязали, шили и готовили. Вся эта работа сопровождалась песнями, которые прапрабабушка очень любила петь и знала великое множество.

Позже, когда уже обстроились на новом месте и каждая семья жила отдель-

но, они всё равно в суровые зимние вечера, как и прежде, собирались в одной избе, как прапрабабушка говорила «повечерять».

Наконец наступила долгожданная весна, и с новыми силами они принялись работать на обретенной земле. Вспахали небольшой участок и засеяли пшеницей и картошкой, посадили семена, которые привезли собой с Украины.

Всё лето мужчины занимались строительством домов и пригонов.

Избы были небольшие рубленные из соснового кругляка, между брёвнами накладывали мох, а пазы -щели между брёвнами замазывали глиной, чтобы дом был тёплый. Вся мебель была деревянной: столы, скамейки, сундуки, и сделана своими руками.

Посреди дома стояла печь, она была такой большой, что занимала треть избы. Сначала печи были из глины, так как кирпич был слишком дорог для крестьян, позже печи стали кирпичными, с железной плитой.

Русская печь – это главное место в доме, она и накормит и согреет. Не случайно люди придумали о ней множество пословиц и поговорок: «печь греет и варит, печёт и жарит», «она накормит, обсушит и порадует душу», «печь нам мать родная». Конечно, одним из главных назначений русской печи всегда было и остаётся приготовление пищи.

Раньше для этого использовали специальную посуду: чугушки, ухваты, рогаши, сковородки со сковородниками. В печи варили, парили, жарили, запекали, «томили», летом сушили ягоды и грибы, стряпали хлеб, пироги, жарили рыбу, которая водилась в озёрах и реках. Сами делали квас и варили пиво. Мясо было всегда на столе, прадед был охотником. Тогда почти в каждом доме было ружьё, а без него как? Жили-то рядом с лесом, а там и волки и рыси.

Зимними вечерами мне нравилось слушать рассказы моей бабушки Марии Андреевны, одной из семерых детей в семье Андрея Денисовича и Марии Петровны о том, как жили раньше. Моя прабабушка и бабушка очень любили готовить, печь пироги и хлеб,

стряпать блины. Моя бабушка, Мария Андреевна, всегда готовила и стряпала только в русской печке.

В нашей семье с малых лет детей приучают к бережному отношению к хлебу. Считается, что от того, как человек относится к хлебу, зависит его здоровье, сила и удача. Хорошо помню, когда прабабушка доставала хлеб из печи, дом наполнялся тёплым хлебным ароматом. Она бережно накрывала буханку хлеба полотенцем, чтобы остыл, а нам, внучатам, не терпелось отломить и попробовать хрустящую, горячую горбушку хлеба.

Русская печь не только грела и варила, она была неотъемлемой частью жизни русского народа. На ней спали, по печи предсказывали погоду (прабабушка говорила, если плита красная – это к морозу), по ней гадали и ворожили, на печи рождались и умирали. Так и прапрадед мой Андрей Денисович умер тоже на русской печи. По воспоминаниям его дочери, его хватил удар: «Батько сделался красный, его натёрли скипидаром и положили на печь, после он умер...»

Всего в семье Андрея Денисовича и Марии Петровны было семеро детей. Старшие дети присматривали за маленькими, помогали по дому. Три дочери убирали избу, мыли, стирали, готовили. Один раз в неделю, в субботу, брали ножи и скоблили дочиста деревянные половицы, потом стелили длинные самотканые дорожки и круглые половики.

Лежанку русской печи обмазывали простоквашей; когда она высыхала, то становилась гладкой и от глины не пачкалась. На печь стелили овчинные полущубки, чтобы мягче было спать.

Стирали вручную, полоскали бельё на реке. Любимым занятием девочек было вышивать и вязать, делать тряпичных кукол. Мальчики помогали отцу по хозяйству. В шесть лет мальчик уже помогал отцу пахать землю. Прадед вспоминал: «Посадит меня отец верхом на лошадь, даст вожжи и говорит – держи ровно, сам идёт позади с плугом, а я сижу и боюсь пошевелиться, чтобы затрещину не получить».

Все вместе заготавливали сено на зиму для коров и лошадей. Мужчины и парни поутру с литовками уходили косить, пока роса на траве, к обеду женщины и девушки с граблями приходили на поле сгребать высохшее сено в валки, а мужики потом это сено складывали в копёшки. Так же вместе, дружно заготавливали дрова на зиму.

Оправдались надежды переселенцев и на долгожданный щедрый урожай. Большую часть его оставили на семена, а часть поменяли в Битках.

Дела спорились, поселение разрасталось, приезжали люди из разных уголков России: Подмосковья, Белоруссии, Украины... Участки осваивали, строили дома, разводили домашних животных.

Большинству из новосёлов, судя по воспоминаниям моих родных, жилось в Сибири гораздо лучше и комфортнее, чем прежде. Люди жили дружно и весело, вспоминала прабабушка. На праздники собирались в одном доме и гуляли. Каждый с собой что-то приносил на стол. Праздники всегда сопровождались забавами, песнями, играми.

Сибирь стала их второй Родиной.

Елена Горобченко

Северный район

Село Биаса

Далёкое сибирское село под названием Биаса протянулось вдоль реки Биазинка, и по своему внешнему виду ничем не отличается от других сел Северного района. В 2013 году нашему селу исполнилось 135 лет. В селе нет асфальтированных дорог, развлекательных центров, супермаркетов, но зато есть чистый деревенский воздух, речка, лес с грибами и ягодами, добрые и трудолюбивые, знаменитые и простые люди.

Быстро летит время, и чем дальше уходят в историю события нашего села, тем ярче встают они перед нами из уст наших сельчан.

В 70-е годы XIX века на месте нашего села была глухая непроходимая тай-

га, лишь изредка встречались по реке Таре поселения остяков. В эту глушь из Европейской части России приехали два брата Сафроновых, сбежали сюда от помещичьего гнета и срубили избу на берегу реки. Братья рубили лес, сплавливали его по реке Тара в Кыштовку, и там его продавали.

Затем сюда приехала семья Останиных, Морозовых из Кыштовки, а еще спустя два года семья Крестьяновых из Вятской губернии. К 1900 году было уже пятьдесят восемь дворов. Волость была в Верх-Тарке, село стало называться Биаса. По преданию около реки Крутенькой было поселение остяков, они ходили менять меха на муку на мельницу. На языке остяков слово плотина означало «биоза», так они называли это поселение, русские исказили это слово и оно стало звучать Биаса. Отсюда и пошло название нашего села.

В Биазе построена Михайло-Архангельская церковь Томской Епархии. В 1913 году была построена церковно-приходская школа, учителем был священник, учебником был Псалтырь. В 1940 году в селе открыли Биазинскую среднюю школу, до этого школа была семилеткой. В 1943 году школа выпустила первых выпускников с аттестатами о среднем образовании.

Выпускники со школьных парт сразу уходили на фронт. В годы войны школа была восьмилеткой, и только в 1957 году школа выпустила первый послевоенный выпуск, как средняя. Здание старой и деревянной школы простояло до 1992 года, а в 1993 году открыли новую двухэтажную школу, светлую и просторную.

Не обошли стороной наше село Гражданская война и разгул колчаковщины. Мужики начали бунтовать, и 18 июня 1919 года поднялось восстание против колчаковской мобилизации в армию. В конце 1919 года приехал первый отряд Красной Армии, шли жестокие бои, было много потерь с обеих сторон.

В 1920 году XX века в Биазе образовался колхоз «Луч света», в который вошли двадцать бедняков, председателем был избран Федор Карманов, а в 1921 году – Биазинский сельский

совет. В 1929 году в колхозе работало сто двадцать девять человек, уборочная площадь составляла – 462 гектаров, коров – 78 голов, свиней – 95 голов, овец – 186 голов, лошадей – 79 из них 39 – рабочие лошади.

Еще одним испытанием для наших земляков стала Великая Отечественная война, из Биазы было призвано 174 человека, вернулись на родину лишь 59.

Героями Советского Союза были наши земляки. Бугаев Александр Лаврентьевич получил звание Героя за форсирование реки Нарев. С 1930 года по 1941 был учителем в Федоровской и Биазинской школах, вернулся с войны и стал работать директором Биазинской школы. Умер в 1950 году и был похоронен в нашем селе. Его именем была названа пионерская дружина нашей школы, а позже самая длинная улица нашего села.

В 1922 году в Биазе в семье крестьянина родился Шерстобитов Николай Трофимович. После окончания седьмого класса работал в колхозе, попал на фронт в 1941 году. Звание Героя Советского Союза присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 октября 1943 года посмертно.

Не прошла стороной наше село Афганская война. После окончания Биазинской средней школы Харитонов Михаил Андреевич работал в колхозе, а затем поступил в Новосибирское военное-политическое училище, получил специальность – офицер-политработник. С 27 января 1980 года служил в Республике Афганистан заместителем командира по политической части. При выполнении интернационального долга погиб 23 февраля 1980 года, посмертно был награжден орденом Красной Звезды. В честь героя афганской войны Михаила Харитонова названа улица в деревне Веселая, откуда он родом, в нашей школе открыта мемориальная доска.

В нашей школе существует традиция – 23 февраля и 9 мая ученики возлагают венки на могилы наших земляков-героев Александра Лаврентьевича Бугаева и Михаила Андреевича Харитонова.

Александр
Лаврентьевич
Бугаев

Гордостью нашего села являются люди, живущие в нем, и за его пределами. У нас есть свои долгожители: Груенко Евдокия Даниловна – 97 лет, Григорьева Фекла Петровна – 92 года.

Среди выпускников Биазинской школы есть ученые, врачи, учителя и военные: полковник в отставке Бухтияров М. А., начальник Тиванов И. Е. вооружения дальней авиации Российской Федерации, кандидат биологических наук Захаров И. А., начальник тыла ГУВД по Новосибирской области Терентьев С. А.

Я люблю Биазу, ведь именно здесь живет четвертое поколение нашей семьи. Надеюсь, что наше село будет и дальше процветать, а жители села делать его краше.

Ксения Макарова

Куйбышевский район

Степанов

По Указу Петра Алексеевича в 1722 году, в процессе хозяйственного освоения Сибири русскими по среднему течению Оми у ямской слободы Мошнина, при впадении реки Каинки в реку Омь, был построен Каинский форпост. С него-то и начался город Каинск. Форпост находился в окружении березовых рощиц, и татары назвали острог «Кайен Пас», что в переводе на русский язык означало «Березовые колки».

Казаки крепости защищали барабинских татар от вторжения в их земли калмыков и киргизов, а также сопровождали служилых людей, проезжающих из Тары и Томска на Колывань и Томск, уже в 1750 году постоянный гарнизон в форпосте был ликвидирован.

19 января 1782 году Каинская слобода по Указу Екатерины II была возведена в ранг уездного города Тобольского, а позднее Колыванского наместничества. Императрица Екатерина II пожаловала городу герб – «В зеленом поле золотой бык» в знак скотоводства на Барабинской степи.

В 1834 году уездный город Каинск стал окружным городом Томской губер-

нии. Многие исторические события связаны с этим городом, лежащим на Московско-сибирском тракте. По этой дороге прошли первые русские землепроходцы, построившие на Дальнем Востоке легендарный русский город Албазин, и открывшие берега Тихого океана, они же доплыли до Аляски, Калифорнии и Гавайских островов. Через наш город проезжали администраторы и ученые, полководцы и флотовальцы. Многие из них здесь останавливались.

Через Каинск проходили партии политических и уголовных ссыльных в Восточную Сибирь на каторгу или к месту ссылки. Свои заметки о Каинске оставил А. Н. Радищев, следовавший к месту своей ссылки в 1791 году.

В своем дневнике 9 августа он отметил: «начинается Бараба: сперва места ровные, потом пригорки и между ними озера, болота и луга, рощи частые, иногда места прекрасные. Когда начали селить Барабу, то жили тут татары, которые отъехали к урману».

Через пятьдесят лет после проезда Радищева, Каинск занимал площадь только полутора квадратных километра, насчитывал до 500 домов, крыши которых были покрыты берестой, а сверху дерном.

Таким застал наш город Н. Г. Чернышевский по пути на каторгу в Якутский край. В 1888 г. Каинске побывал русский писатель Г. И. Успенского, а в 1890 году А. П. Чехова. Успенский в своих путевых заметках отметил: «... свист ужасающий, беспощадный, разбойничий слышен над степью в любую непогоду – настолько он режущий и пронизательный...».

Антон Павлович Чехов о сибирской дороге писал: «тяжело ехать, очень тяжело, но становится еще тяжелее, как подумаешь, что эта безобразная, рябая полоса земли, эта черная оспа – есть почти единственная жила, соединяющая Европу с Сибирью! И по такой жиле в Сибирь, говорят, течет цивилизация!»

В 1826 году через Каинск проследовали декабристы в ссылку в Восточную Сибирь, некоторые из них останавливались здесь.

В воспоминаниях и письмах декабристов Н. В. Басаргина, М. И. Пущи-

Почтовая открытка.
г. Каинск.
Мост на р. Омь.
Нач. XX в.

на, М. А. Фонвизина содержатся теплые слова о местном городничем Н. Н. Степанове, который тепло встретил их, задержал у себя в гостях, давая возможность отдохнуть от трудного пути, снабдив их провиантом и деньгами.

Вот, что писал о своем пребывании в Каинске член «Южного общества» декабрист Н. В. Басаргин: «по дороге везде мы встречали неподдельное участие, как в народе, так и в должностных лицах. В Каинске, например, городничий Степанов, пожилой мужчина, от ромного роста и объема, бывший прежде фельдъегерем, пришел к нам в сопровождении двух человек, едва тащивших огромную корзину с винами и съестными припасами всякого рода. Он заставил нас непременно все это съесть и частицу взять с собой, предлагая нам даже бывшие с ним деньги следующими удивившими нас словами: «эти деньги, — сказал он, — вынимая большую пачку ассигнаций, — я нажил с грехом пополам, не совсем честно, взятками. В наших должностях уж так заведено истари. Возьмите эти деньги себе: на совести у меня сделается легче. Лучшего употребления я не могу сделать: семейства у меня нет. Право, избавьте меня от них, вы сделаете доброе дело».

Хотя мы не согласились принять это предложение, но тем не менее эта откровенность, это добродушие грубой, неотесанной резцом образования природы нас очень тронуло, и, прощаясь с ним мы от души и с признательностью пожали ему руку.

Пуцин Михаил Иванович вспоминает: «переехавши Иртыш, на самом берегу реки, на высоте расположен город Каинск. С паромом прибыл к нам городской с приказанием городничего фельдъегерям, чтобы вести преступников к нему в дом. Лошадей на берегу не было заготовлено и приказание городничего было передано так положительно, что фельдъегеря и не подумали ему сопротивляться. Подойдя к дому городничего, мы увидели фигуру его колоссальную, вышедшую нас встретить. Он закричал нам: «Я вас здесь по-своему проучу, отучу вас бунтовать!» Вот попались в западню, — подумали мы, — сумасшедший городничий может позволить себе всякие пакости над нами».

Когда мы вошли к нему во двор, городничий Степанов отослал жандармов в какую-то команду, ворота своего дома приказал запереть на замок, и обратившись к нам, сказал: «Милости прошу, господа, наверх, вы теперь

мои дорогие гости и я вас не выпущу от себя, пока не отдохнете хорошенько; вы много проехали, и вам еще предстоит много времени быть в дороге, баня у меня вытоплена для вас и вы, вероятно, не прочь хорошенько попариться. Вы же, господа фельдгегеря, если обещаете быть хорошими товарищами, а не сторожами, то я буду рад иметь вас в нашей компании, если же нет, то могу вам отвести квартиру на все время, пока будут гостить у меня дорогие гости». Фельдгегеря так опешили от этого оригинального приглашения, что охотно согласились быть в распоряжении господина городничего. «Жалеть не будете!» – сказал Степанов.

Тотчас же подали великолепную закуску, как нельзя кстати для нас, голодных и от дороги изнуренных. Степанов позаботился и о том, чтобы как можно скорее напоить фельдгегерей, на что употребил расхваленный им какой-то травник. До своей цели он очень скоро достиг: пьяные фельдгегеря принялись плясать в присядку, потом скоро улеглись, где кто нашел удобным, и заснули сном непробудным. «Теперь, дорогие мои господа, мы с вами можем быть нараспашку, аргусы ваши спят, и, вероятно, уставшие с дороги и хорошо выпивши, не скоро очнутся. Вас я здесь продержу сколько можно долее, чтобы вы хорошенько отдохнули, вам еще ехать много, отдохните у меня денька три, напишите письма родным и друзьям, а я все сделаю, чтобы вы у меня не соскучились. Скажите, не нуждается ли кто из вас в чем бы то ни было: в деньгах, белье, книгах? У меня все к услугам вашим». С благодарностью мы приняли приглашение Степанова и на три дня забыли, что мы узники, нашли радушного хозяина, который угощал нас, как самых почетных гостей. Баня смыла с нас грязь и пыль, позволила забыть усталость нашу и приготовила на дальнейшее путешествие по Сибири. Этот почтенный и простой человек показал нам, перед нами и сзади нас ехавшим товарищам нашим, столько сердечного участия и сострадания к нашей участи, что память о Степанове навсегда сохранилась у всех пользовавшихся его радушным гостеприимством. Первый

раз по выезде из Петербурга совершенно отдохнули от дороги и, напутствуемые благословением Степанова, после трехдневной привольной у него жизни, помчались мы по Барабинской степи к месту своего назначения».

Возвращаясь обратно в Россию, Пущин счел своим долгом остановиться в Каинске. Он написал: «До Екатеринбурга от Красноярска я ехал шесть дней, нигде не останавливаясь, только в Каинске остановился на несколько часов протиться и расцеловать приятеля нашего общего Степанова».

(по материалам Дома-музея В. В. Куйбышева и краеведческого музея)

Наталья Павлова

Сузунский район

Сузунский госпиталь – первый в области

Исследователи утверждают, что медицинское обслуживание на территории современной новосибирской области началось с Сузуна.

Здесь располагалось большое производство – медеплавильный завод и монетный чеканный двор, вокруг которых разрасталось поселение со всеми необходимыми для жизни заведениями и строениями, и без медицины здесь было не обойтись.

Представление о госпитале, каким он был, где располагался, можно получить из документов, связанных с пожаром 1847 года.

Это было деревянное строение на каменном фундаменте из шести комнат и кухни. Здание было построено в 1806 году стоимостью 462 рублей 72,5 копеек, всего на 6 коек. К 1847 году имелась неоконченная пристройка из двух комнат на сумму 375 рублей 47 копеек. Однако тот же источник упоминает другую дату образования госпиталя – 1817 год.

Упоминания Сузунского лечебного учреждения встречаются и в других источниках. Так в одном из доносений с Нижне-Сузунского завода: «В 1770 году с больных в госпитале удерживали за питание половину жалования. Штаб-лекарь Кязин».

Сузунский медеплавильный завод представлял особую производственную цепь, требующую строгого режима труда во всех операциях. Управляющие заводом помнили не только о своей прибыли, но и о своих рабочих. На заводе была дежурная санитарная служба, состоящая из лекаря (коллежский асессор), подлекаря (фельдшер), лекарственных учеников (медперсонал, сестры) и до шестидесяти рядовых санитаров.

В 1800 году был изготовлен новый генеральный чертеж медеплавильного завода, по которому застраивалась территория завода и посёлка. Отдельным положением предусматривалась застройка госпиталя «на конкретном участке в застройке всего поселения Сузун-Завода».

Таким образом, первое известное здание госпиталя было сооружено в 1806 году и погибло в пожаре 1847 года.

Госпиталь

Лечебница располагалась на видном месте по улице Барнаульская (ныне ул. Пролетарская), где в настоящее время разместилась пекарня. Официально лазарет именовался как Горный госпиталь Министерства Императорского двора, в нем должны были лечиться мастеровые, работающие на сузунском монетном дворе. Медикаменты, инструменты и материалы заказывали в Петербурге, Москве, Барнауле и приобретали в сузунском магазине припасов и вещей.

Сохранившиеся статистические данные за 1861 и 1862 годы свидетельствуют, что врачи успешно справлялись с болезнями, проблем с поставками медикаментов и необходимых принадлежностей не возникало.

«Ведомость о больных, пользовавшихся Сузунским госпиталем горного ведомства» сообщает, что в лечебное заведение обращались нижние чины, нижние гражданские чины, мастеровые, отставные заводские люди, малолетки и школьники, а так же посторонние лица. Причём за лечением в 1862 году обратилось намного меньше людей, чем в 1861 году. Насильственная смертность в эти годы не зафиксирована в Сузун-Заводе.

История сохранила несколько имен врачей, хочется особо выделить Казаринова Ивана Ивановича, который проработал врачом в Сузунском более сорока лет. В июне 1859 года он приехал на Алтай, в возрасте 26 лет поступил на службу в ведомство. Он же составил отчет под названием «Холерная эпидемия 1892 года в Сузунском заводе». Это уникальный документ, в котором, кроме описания холеры, профилактических работ, проведенных в связи с эпидемией, интересных фактов о жителях Сузуна, говорится еще и о здании госпиталя, об отношении к нему местного населения:

«Тридцать лет живу я в здании госпиталя, устройство которого таково, что моя квартира ни малейшим образом не уединена от палат больных: коридор, выходы из здания и даже кухня у нас общие. Население так освоилось, привыкло к этой совместности нашей жизни, что почти уже и не различает госпиталя от моей квартиры, и тот

страх перед словом «госпиталь», который так поражал меня в начале моей службы, исчез без следа...».

В 1899 году за безупречную службу Казаринов был награжден орденом Святого Владимира третьей степени. После 1899 года Казаринова перевели в Барнаул, где он принимал активное участие в жизни города: был членом Общества любителей исследования Алтая, публиковал статьи в сборнике общества. Иван Иванович после себя оставил огромную библиотеку, которую собирал всю жизнь.

В 1902 году после смерти Казаринова, его жена Александра Гавриловна пожертвовала библиотеку Барнаульскому реальному училищу Николая II. В 20-е годы прошлого века, после закрытия училища, библиотека была передана в фонд Барнаульской городской общественной библиотеки (ныне – Алтайская краевая универсальная библиотека им. В. Я. Шишкова), и до сих пор ею пользуются читатели. Собрание Казартнова насчитывало 1314 экземпляров книг и 1195 экземпляров журналов общей ценностью в 4 тысячи руб.

Статья Ивана Казаринова «Холерная эпидемия 1892 года в Сузунском заводе» значительно пополнила сведения о самом авторе, о посёлке и его обывателях.

Ещё перед началом эпидемии врач Казаринов написал на имя начальника горного округа разрешить отпуск медикаментов бедным людям даром, а остальным по заготовительной цене, а не по таксе. Он прекрасно понимал, что во время эпидемии, когда заболит сразу большое число людей, невозможно лечить их при существующей цене на лекарства.

«Врачебная помощь за недостатком персонала не могла быть организована вполне, – пишет Казаринов в своей статье. – Врач здесь один и фельдшер тоже. Прекрасным, впрочем, помощником оказался волостной старшина Иван Яковлевич Вагайцев, его ровный спокойный и твердый характер и полная готовность быть мне полезным имели настолько серьёзное значение, что упомянуть его имя я считаю своей нравственной обязанностью!» Эпидемия в Сузу не прошла «малой кровью».

Хорошо организованные Иван Ивановичем мероприятия по профилактике заболевания дали положительные результаты: из 200 рабочих завода не заболел ни один, а из 3717 жителей Сузуна заболело 66 человек, и умерло 24 (13 мужчин и 11 женщин). Тогда как в Барнауле из 800 заболевших во время эпидемии человек умерло 441.

Холера, впервые появившись на заводе, поставила и доктора, и народ создать свой лечебник, который мог пригодиться в будущем. У народа – свой, у доктора тоже. Народ вспомнил старину и использовал в лечении мяту, золу, медь, а порой и баню с припарками из отрубей и овса, растирался перцовкой и мазался дёгтем, не жалея его. Ну и конечно, использовали заговоры, в которые в то время свято верили, а доктор Казаринов в это же самое время пополнял свою библиотеку целой подборкой книг о холере и борьбе с нею.

В 1914 году медеплавильный завод был закрыт из-за нерентабельности, а мастеровые были уволены. Как жил госпиталь в этот период?

На перевязке

Катаклизмы начала XX века – мировая война, революция, гражданская война явно не способствовали процветанию госпиталя. В 1920-х годах XX здание лечебного учреждения было разобрано и куда-то перевезено. «Сельская медицина в опасности!» – писала в 1924 году газета «Советская Сибирь», в марте этого же года на III Сибирском Съезде отделов народного здравоохранения говорилось о бегстве медработников из сельских участков, ввиду полной необеспеченности медработников и мизерного жалования.

Видимо, это стало поворотным пунктом в истории Сузунской больницы.

Дети семей
Толчиных,
Гартман у дома
на завалинке.
1958 г.

В том же году была открыта новая больница на 25 коек, работал один врач и два фельдшера. В 1924 году произошло районирование и больница стала называться районной.

Основателем Сузунской больницы и ее первым главным врачом считают Ольгу Наумовну Помольцеву, она проработала в ней с 1925 по 1938 годы. Первым хирургом в районной больнице стал Дмитрий Дмитриевич Нечаев, который трудился здесь с 1934 по 1938 годы.

В 1939 году больница расширилась до пятидесяти коек. Хирургическая помощь в районе оказывалась с привлечением врачей-хирургов из Новосибирска, их доставляли санитарным авиатранспортом. Систематически вылетал ассистент госпитальной хирургической клиники Новосибирского медицинского института Валерий Павлович Радушкевич, еще в 1938 году Радушкевич

У дома
Гартман Давыда
Давыдовича.
1978 г.

организовал в сузунской больнице ледник для хранения консервированной крови.

Многие врачи и хирурги районной больницы во время Великой Отечественной войны ушли на фронт и больше не вернулись.

Даже представить трудно сколько тысяч жизней спасли в Сузунской больнице за годы ее существования, и мы будем всегда помнить самоотверженный труд медиков в нашем селе.

Николай Мясников

Барабинский район

Толчино

Летом я гостил у бабушки и дедушки в селе Новокозловское Барабинского района. Дед возил меня на свою Родину. У него фамилия Толчин, а деревня, в которой он родился и вырос, называлась Толчино.

Этой деревни давно уже нет, все заросло травой, но сохранилось кладбище, где похоронены мои предки. Каждую весну расцветают сирень, акация и яблони, как напоминание о тех людях, которые когда-то их посадили. Остались фундаменты деревенских домов. Дед показал мне место, где стоял родительский дом, где он жил с братьями и сестрой.

За домом есть озеро, тоже Толчинское, в нем ловили рыбу, брали воду для полива огородов, купались и стирали белье. Деревня состояла из одной длинной улицы, жили в избах, состоящих из одной большой комнаты и кухни с русской печью. Вокруг дома были плетенные из тонких прутьев тальника заборы.

От деда я узнал историю возникновения этой деревни.

Давным-давно на этой территории проживали татары, на гриве остались бугры (курганы) – это захоронения татар. В конце XIX века приехал дед Иван Толчин, купил у них землю и начал ее осваивать, разводил скот и занимался рыбной ловлей.

После Гражданской войны был создан колхоз «Новый путь», земли были объявлены колхозными. В селе построили небольшую деревянную школу, в которой дети учились до четвертого класса, дальше обучались в соседней деревне Новошелковниково.

Председателями колхоза становились односельчане. В колхозе долгое время за работу начисляли трудодни.

Великая Отечественная война не обошла стороной и эту маленькую сибирскую деревню, на фронт ушли практически все мужчины, в тылу остались женщины, дети и старики.

В деревню прибыли немцы, переселенцы из Поволжья, среди них была моя прабабушка Гартман Фрида Давыдовна. Их разместили в домах местных жителей.

Немцы плохо понимали по-русски, не было теплой одежды, они голодали. Мою прабабушку в 18 лет забрали в Новосибирск на военный завод, где изготавливали боевые снаряды, а после окончания войны многие поволж-

ские немцы так и остались жить в деревне Толчино.

В деревне был свой небольшой магазин, товары привозили сюда редко, поэтому жители деревни покупали их впрок. Был в Толчино деревянный клуб из двух маленьких комнат – ки-

Напоминание об ушедшей деревне...

Толчин Валерий Алексеевич

Толчинское озеро

На этом месте
когда-то стоял дом...

Старое здание
школы

нобудки и зала со сценой. В центре деревни располагалась небольшая деревянная контора. На ферме разводили коров, лошадей. На полях сеяли пшеницу, овес и горох.

В конце 70-х годов население малых неперспективных деревень стали переселять в перспективные села. Жители деревни Толчино стали разъезжаться в другие города и села: Барабинск, Куйбышев, село Новокозловское и Арисово. Молодежь уезжала учиться в города, и старались там остаться жить и работать, в деревне оставались лишь старики, да и они вынуждены были уехать поближе к детям. Последняя семья покинула деревню в 1980 году.

Иван Надолинный

Искитимский район

Топонимы посёлка Маяк

С 1943 года каждую весну и лето в наш посёлок, для проведения полевых работ, приезжала бригада от учебного заведения Бердского сельскохозяйственного техникума. Недалеко от Бердска, на облюбованной площадке они ставили вагончик и начинали работу ранней весной, а заканчивали поздней осенью.

Вагончик служил им временным пристанищем – рабочие там и ели, и спали, лишь на зиму эта бригада уезжала зимовать в Бердск. Так они проработали два года, затем им приглянулась ровная, красивая площадка, возле которой находилось два небольших озера, и решили они там обосноваться.

Построили пять землянок на склоне горки, а к зиме возвели домики на самой площадке – глинобитные, саманные, и остались там жить круглый год, а появившееся новое поселение стали называть «Учхоз» (учебное хозяйство). В 1946 году в «Учхозе» уже была улица из пяти-шести домов, а в 1954 году «Учхоз» переименовали в посёлок Маяк, а людей, которые там жили и работали, называли маяками.

Более 60 лет прошло с того времени. Пройдут века, но память о них остается в топонимах, как свидетельства истории развития нашего края.

Аллея – тополиная аллея в центре посёлка, между двумя улицами Центральной и Октябрьской, ведёт к бывшим зданиям школы и клуба.

Название от слова «аллея» прибавлением уменьшительно-ласкательного суффикса, таким образом, «маленькая аллея». Здесь собирается молодёжь, начиная с 70-х годов XX века.

Антониха – озеро на восточной окраине посёлка, к нему спускаются несколько домов Центральной улицы. Это название возникло потому, что на берегу озера жил дед Антон Гончаров.

Есть здесь и свой Белый дом – дом по адресу: улица Центральная 42. Этот дом хозяева усердно белили каждый год, а так как другие дома в округе были либо кирпичные, либо деревянные, то он разительно отличался от них своей ослепительной белизной.

Луг примерно в трёх километрах северо-западнее посёлка называется Дунькин пуп. В страду сосновская труженица Евдокия (Дуня) родила ребёнка прямо на покосе, а слово «пуп» образовалось по ассоциации с ложбиной, которая находится посередине луга.

Казацкий лог на южной окраине посёлка, в настоящее время сразу за домами Центрального и Октябрьского переулков, в землянках в этом логу жили казаки.

Тряпчное озеро находится в четырех километрах на западе от посёлка. Получило свое название от Тряпчного лога, у которого есть своя история. Много лет назад в этот лог привезли на полевые работы репрессированных. Они были со своим скарбом: узлами, тряпками и нищими пожитками. Они работали там всё лето, а нехитрые вещи валялись здесь же. Так лог и получил название – Тряпчный, а следом стали называть и озеро Тряпчным.

Озеро на северной окраине посёлка носит название Утятник, и находится сразу же за животноводческими фермами. Когда-то здесь водилось множество уток. Это озеро когда-то было излюбленным местом отдыха жителей посёлка, на его берегах собирались целыми семьями на Первомайские праздники, на Троицу, купались и загорали. После строительства ферм озеро загадили, сейчас оно больше напоминает болото.

Озеро Учительское находится примерно в пяти километрах юго-восточнее посёлка. Несколько десятилетий назад на лугах у этого места были покосы лебедевских учителей, необходим

Центральная улица

был водоём, и его вырыли практически вручную, углубление быстро наполнилось водой, поэтому правильнее называть водоём прудом. Озеро получилось глубокое, мутное, и однажды там утонула учительница. Так и появилось это название.

Шибцовский лес – берёзовый околок при въезде в посёлок. В первом доме от этого леса (лога) жил человек по фамилии Шевцов. Произошла звуковая трансформация, и лесок стали называть Шибцовским, дом стоит и сейчас у самого лога, а в лесу катаются зимой на лыжах.

Удивительно, что мы сами можем писать историю родного посёлка. Целью этой статьи является мое желание систематизировать сведения о названиях мест, которые с детства на слуху, и сохранить эти свидетельства жизни наших односельчан для следующих поколений.

Максим Самсоненко

Жители посёлка Маяк в 70-е годы

Окрестности посёлка

Чулымский район

Чулымские истории

Серый волк и черная кошка

На просторах интернета время от времени попадает занятный снимок: единственная фотография участника Бородинского сражения. Павел Яковлевич Толстогузов в возрасте 117 лет, 1912 год. Худое лицо, борода лопатой, сухие руки, лежащие на коленях, а где-то в кривой хате наверняка выглядывают из окон многочисленные внуки-правнуки, без сомнения обожающие своего деда-сказителя.

Наше поколение может гордиться тем, что мы живем в одно время с великими воинами, победившими в Великой Отечественной, но была еще одна война, которую мужественно и самоотверженно вели женщины, дети и старики в тылу. Эта суровая жизнь в очень сложных условиях, это самоотверженный труд, болезни, которые некому и нечем было лечить, это дети, которым пришлось повзрослеть раньше, чем положено.

Это вдовы и солдатские матери, которым некогда было оплакивать свои потери, надо было работать и выживать, кормить детей и верить в победу.

У каждого свои воспоминания о войне и тяжелом послевоенном времени.

Участник
Бородинского
сражения
Павел Яковлевич
Толстогузов

Множество крохотных эпизодов, часть из которых хотелось бы забыть, да, видно, никак. Рассказывая эти истории внучатам, что-то упускали, что-то, напротив, обильно украшали деталями для красного словца. В общем, хотите верить, хотите – нет, но именно эти рассказы мне довелось услышать лично.

Придет серенький волчок

В Сибири не было войны. Здесь люди не прятались в бомбоубежища и не вздрагивали от выстрелов, но были звуки не менее страшные – волчий вой.

По свидетельству очевидцев, рост волчьей популяции стал замечен еще до начала войны, в чем старики-старожилы немедленно распознали одну из примет близкой беды, но на это мало кто обратил тогда внимания.

С уходом на фронт мужчин, среди которых были охотники, регулирующие численность серых хищников, ситуация только усугубилась. Волки стали нападать на людей, и не только в лесу. Леденящие кровь истории, повествующие о том, как женщина взяла с собой на поле младенца, увлеклась работой, обернулась на внезапный детский крик, и увидела лишь волчью тень, скрывшуюся в кустах, были не редкостью. Жертвами становились дети, занимавшиеся сбором ягод и грибов. Ушел ребенок в лес – и не вернулся.

Организуют поиски и обнаружат лишь клочок ткани, зацепившийся за ветку. Повезет женщина из деревни в Чулым на базар какие-то крохи, барахло, чтобы продать и купить пару ношенных ботинок на всю ораву, вернется и рассказывает о том, как старая кляча, заслышав волчий вой, понесла сани так, что из возницы чуть дух не вышел, насилу оторвались. Говорят, почувствовав безнаказанность, заходили волки и в сам Чулым, на окраинных улицах рвали собак прямо на цепи. Так, что «страшилки» о том, как «придет серенький волчок и укусит за бочок» для наших бабушек и прабабушек были больше, чем сказки.

«Черная кошка»

Не меньше, чем серого волка, боялись в трудные послевоенные годы и кошку, особенно черную. И дело, ко-

нечно же, не в глупом суеверии. Были на то основания гораздо серьезнее. Злодеяния настоящей банды были куда страшнее, чем намного позже будет показано в фильме «Место встречи изменить нельзя». Мало того, что по всем более-менее крупным городам действовала разветвленная сеть этой банды, так еще куча мелкой шушеры прикрывалась этим страшным названием.

– Я в ту пору была кассиром. Деньги зарплатные возили летом на телеге, зимой – на санях. В качестве инкассатора кассиру полагался дед-сторож, которого тряхни хорошенько за плечи, и дух выйдет. А тут надо ехать за деньгами, а дед приболел, и взять-то больше некого. Запрягла и поехала. В банке провозились больше, чем обычно. Сложила купюры в черный кожаный портфель, на телеге замаскировала его каким-то барахлом, чтобы в глаза не бросался, и поехала. Через какое-то время заметила, что за мной следят. Несколько мужичков коренастых, в фуражках, надвинутых на лоб. Я поняла, что меня «ведут», вот сейчас выеду на пустырь, там мне и конец.

Заприметив в одном из случайных последних дворов открытую в сенцы дверь, спрыгнула с телеги, прижала к груди портфель и рванула в дом, сама закрыла дверь. В доме оказалась семья – старики, их сын, невестки с ребяташками. А тут я на пороге с портфелем. Рассказала, что приключилось. Люди эти знали отца моего погибшего, с одним из их сынов он работал на железной дороге. Оставили меня ночевать, не пустили – мало ли. Когда коня во двор загоняли, сказали, что мужик какой-то так и крутится возле дома. Утром проводили до конторы. А там уже переполошились – кассирша пропала вместе с зарплатой. Милицию позвали, домой к нам приезжали, меня искали. Мама с бабушкой воют. Любка пропала. Вот такие дела, – рассказывала бабуля.

– А бывало, что вот так встретят, бритвой опасной по лицу полоснут и, пока человек в собственной крови захлебывается, забирают ценности – и ищи ветра в поле.

В городах было еще страшнее, рабочие боялись ходить на заводы в ночную смену. Грабители ломали окна и две-

ри, врывались в дома, загоняли хозяев в подполье, забирали вещи и уносили. Многие бандиты маскировались под фронтовиков – гимнастерка, галифе, кожаная куртка, а на деле и на фронте не были, отсиживались.

Таких историй множество, а верить им или нет, решайте сами.

Елена Крохта

Новосибирск

Стезя, проторенная жизнью

«Стезя, проторенная жизнью...» – короткая, но ёмкая строка из дневника Григория Моисеевича Будагова, корифея инженерного искусства, стоявшего у истоков российского мостостроения. Так мужественно и честно на склоне лет определил он роль своего творческого призвания, где жизнь стала лишь сценарием для его воплощения. Все магистрали, переправы, тоннели и мосты, возведение которых ему доверяло Отечество, сразу становились его личным делом, а места их сооружения – второй родиной, где надо строить жилые кварталы и больницы, открывать новые станции и школы. Так было и в Сибири: он строил для нас, думал о нас, и мы вправе больше знать о его жизненной стезе.

У городов дня рождения не бывает – они строятся веками, но дата основания у Новосибирска есть – 30 апреля 1893 года. В этот день к нашим берегам причалил первый отряд изыскателей, инженеров и технических работников с семьями, чтобы со строительства железнодорожного моста через Обь начать масштабные преобразования. Здесь, возле крепкого, в двести дворов, села Кривощёково и вырастет город Новониколаевск, в 1926 году переименованный в Новосибирск. Примечательно, что это название выбрали из пятидесяти трёх вариантов, среди которых встречались весьма необычные: Пионер, Кооператорск, Владлен...

Газеты того времени «Советская Сибирь» и «Красноармейская звезда» наперебой сообщали, как с обновлёнными силами устремился юный Новоси-

бирск к обретению столичного облика, как смело подтверждал делами прочество М. В. Ломоносова, что «российское могущество прирастать будет Сибирию». Призывом к действию восприняли завещание великого учёного и те, первые мостостроители, железнодорожники и архитекторы, прибывшие в наши нехоженые места, чтобы создать крупный узел пересечения путей, вокруг которого обязательно зайдёт новая жизнь. Приступая к преобразованиям, они начали с главного: с ликвидации безграмотности и бездорожья – двух извечных российских бед.

Бригады первопроходцев рубили просеки, врезались в породу, строили дома и подъездные пути, параллельно возводя станцию, больницу, пожарную часть и магазин. Всё менялось на глазах и впечатляло, но особым событием стало открытие первой школы с читальней, которую построил и содержал на собственные средства руководитель строительства Григорий Моисеевич Будагов. Коренной петербуржец, потомственный дворянин, сын титулярного советника, он даже в мыслях не мог представить Сибирь чужбиной. Напротив, он сразу принял её как забытую часть единой Родины, где люди ждали его помощи, поэтому и начал с устройства жизни рабочих и их семей. Григорий Моисеевич обратился к губернатору с просьбой открыть библиотеку, дал распоряжение осуществить перепись «детского населения» и обновить казённый барак для занятий, которые существенно отличались от уроков в церковных приходах. Сам следил за исправностью школьной печи, контролировал заготовку дров, скупал книги, картины, инвентарь и принадлежности, подкармливал учеников и не запрещал делиться хлебом с крестьянской беднотой. Такого бы мецената вечно голодавшему студенту Ломоносову, сполна испытывавшему нужду за годы учения.

Г. М. Будагов был причастен и к открытию второй школы для детей железнодорожников на станции Обь, но с уверенностью можно утверждать, что начало школьному образованию Новосибирска положила та первая народная школа, при которой работала народная библиотека с читальней, был

драмкружок с залом для любительских спектаклей и концертов, где с большим успехом проходили выступления самодеятельного, поистине народного хора. Не с пустырца, а с этого первого очага народного творчества и просвещения поднялся Новосибирск и вырос до уровня мирового центра науки и культуры, громко заявляя о себе успехами Академгородка, театров и филармонических залов. С лёгкой руки основателя МГУ Ломоносова и патриота-подвижника Будагова он стал настоящей столицей научных открытий и студенчества, где успешно реализуются национальные образовательные проекты. Жаль, что городам нельзя присвоить звание «Отличник народного просвещения».

Как же много значит для истории зрелая позиция гражданина, помноженная на талант и самоотверженный труд, возведённый в служение! Феномен Будагова – это тот исключительный случай, когда у истоков зарождения современного мегаполиса и развития народного образования стоял действительный статский советник с дипломом инженера-путейца. Имя Григория Моисеевича навеки связано с Новосибирском, в его честь была названа старейшая площадь города и одна из центральных улиц, ныне Большевицкая, а первые школы так и остались в памяти поколений Будаговскими.

* * *

Родился Григорий Моисеевич Будагов в Санкт-Петербурге 2 января 1852 года, в канун Рождества. Однако три года спустя судьба распорядилась так, что дома этот день никогда не отмечали – он совпал с днём кончины его шестилетнего брата Мити. Хотя в семье было ещё пятеро детей, горе родителей оказалось безграничным. Они замкнулись в себе, переложив все заботы о чадах на немолодую няню Аксинью Гавриловну, неграмотную, богобоязненную, суеверную, но любимую всеми деревенскую бабу, и девочку Сашу, которая невероятно дразнила господских детей. Удивительно, что в памяти трёхлетнего мальчика сохранились не только подобные сцены, но и отношение к ним. Позже в дневнике он напишет: «Детство наше не носило в себе элемен-

Григорий
Моисеевич
Будагов

тов для нашего развития и шло с большими изъятиями, ... жизнь родителей шла мимо, их интересов мы не знали».

И действительно, отец днями пропадал на службе, а за мамой Григорий с братом Николаем и тремя сёстрами мог лишь изредка наблюдать через приоткрытую дверь спальню, где выкупленная в горничные крепостная девушка Федосья долго и бережно расчёсывала её чудные волосы. Радовала просторная детская комната, но угнетал вид из окна на немощёную улицу Грязную, которая внешне полностью оправдывала своё название. Здесь семья прожила девять лет, отмеченных расцветом своего материального благополучия, что сказалось и на убранстве комнат. Зал, гостиная и кабинет отца были щедро обставлены мебелью из полированного ореха, крытой красным сафьяном. Трепьяжи с вьющимися растениями, штофные занавески, дорогая посуда и рояль Беккера, уголки с гарнитурами и в четверть круга диван, любимое место детворы – всё это осталось в памяти, согревало сердце и питало в трудные моменты жизни. Несмотря на переезды, часть родительской мебели Григорию Моисеевичу удалось сохранить, и она своим видом утешала его в старости.

Семья Будаговых, армянская по крови, была настолько обрусевшей, что мать не владела родным языком, и дети тоже говорили по-русски. Отец же, окончив только приходское училище, слыл человеком образованным, его никто праздным не помнил – он всегда был за книгой. Самостоятельно освоив французский язык, он изучал европейское право, читал исторические и философские книги, но больше всего любил заниматься переводами, уступив воспитание детей жене и няне.

Ранним воспоминаниям как поре беззаботного счастья Г. М. Будагов в своём дневнике отвёл достойное место, поскольку с восьмилетнего возраста его жизнь резко изменилась. Завершаются эти светлые воспоминания описанием летнего отдыха в родовом имении Матвеевка в Выборгском уезде, что в пятидесяти вёрстах от Петербурга. И если дома, даже с учётом природной строгости матери, дети были счастливы, то деревня дедушки и бабушки «была для всех чем-то вроде земного рая».

Предвкушение радости от предстоящей поездки начиналось с момента, когда няне поручали заказать на каретной бирже большую четырёхместную коляску. Затем дорога среди специфических финских пейзажей, две перепряжки с обедом и самоваром, выкладывание булок, пирогов, котлет и сладостей. «Обилие яств было такое, о котором теперь, в годину голода, вспоминается с особым удовольствием», – довольно неожиданное откровение Будагова, занимавшего «в годину голода» руководящие посты в Наркомате путей сообщения.

Райское изобилие ожидало детей и в Матвеевке, куда съезжались на лето все родственники. Гуляли в роще, сушили грибы, удили рыбу и варили столько варенья, что не успевали съесть за зиму. Будаговы занимали три комнаты во флигеле, а обедали за общим столом на двадцать мест, который не всегда умещал всех желающих. Дети наслаждались летом, одинаково дружелюбно играя и с братьями, и с крепостной дворней. «К счастью своему скажу, что никогда я не чувствовал той возмутительной разницы между нами и дворовыми детьми из крепостничества; мы были друзьями и только», – это дружелюбие отмечали все, кому посчастливилось знать Григория Моисеевича лично. Не думал он тогда, что лето, проведённое в Матвеевке за два года до освобождения крестьян, отпустит и его и окажется прощальным визитом в родовое имение.

Большие перемены начались с приезда в петербургскую квартиру Герасима Эзова, дальнего родственника с огромным армянским носом, и его предложения погостить у него на даче на Чёрной речке. Григорий обрадовался, потому что решил ехать и отец. Зная о привязанности сына к родителям, они не осмелились сказать ему правду и «пошли на подвох», который раскрылся через два дня. С дачи Эзова отец засобиравшись один и сказал Грише, что за ним приедет няня. Няню пришлось ждать шесть долгих лет, в течение которых Григория Будагова зачислили в пансион Эзова, где обучали армянскому языку, любви ко всему национальному и в меньшей степени наукам, часть которых преподавал сам Эзов.

Иностранным языкам учил немец Оттен, и Будагов, получивший знание французского языка от отца, усердно осваивал немецкий, который принесёт ему в годы студенчества первый заработок за переводы. А пока двенадцать подростков скучали по дому, болели от стеснённых условий проживания, недоедали, их раз в неделю водили в баню и отпускали к родным только на короткие каникулы и праздники, поэтому они обрадовались, узнав о ликвидации пансионского обучения. Оказалось, что при переходе в гимназию им придётся сдавать экзамены по истории и географии, о которых они ничего не знали.

Гром разразился, когда гимназия обнаружила несостоятельность программы пансиона, и всем отказали в экзаменах. До сей поры никто не знает, чем пожертвовал Эзов ради спасения репутации, но его выпускникам позволили сдать экзамены, в результате которых только четверых, в их числе и Будагова, приняли в пятый класс. «Остальные, несмотря на продолжительное пребывание в пансионе, обросшие чёрными усами и бородами, едва ли могли найти себе приют в младших классах и разбрелись по разным профессиям, в числе коих преобладающей была купеческая», – это обстоятельство позволило Григорию сделать решительные выводы и окончить гимназию с серебряной медалью.

За те долгие шесть лет он испытал, что такое труд, голод и вши; для лечения матери проводил семью в Швейцарию, где умерла его младшая сестра, узнал о крахе отцовского дела и распродал даже родительской мебели, скитался с няней по родным и знакомым, но учение не оставил. Видимо, не только армянскому языку выучил его пансион Эзова.

В поисках своего призвания и достойных наставников Г. М. Будагов в 1869 году стал студентом Петербургского института инженеров путей сообщения, и судьба щедро одарила его за многолетние мытарства: его учителями были классики отечественного мостостроения Е. К. Кнорре, В. И. Березин и К. Я. Михайловский.

В Сибирь Григорий Моисеевич Будагов прибыл уже зрелым и опытным мастером, награждённым орденами Св. Станислава 2-й степени, Св. Владимира 4-й степени и Св. Анны 2-й сте-

пени за возведение мостов через Волгу и Днепр. Сооружение моста через Обь станет лишь прологом к освоению новых территорий и строительству мостов через непокорные Енисей и Амур. Так стезя его жизни соединила западный и восточный берега нашей Родины, и мы можем гордиться, что она прошла через Новосибирск, обогатив его самобытную историю.

Людмила Осадчая

Татарский район

Семейные обычаи и традиции в селе Казачий мыс

Если делать отсчет времени от покорения Сибири Ермаком, то безусловно, что «во след» Ермаку шли жители села Казачий Мыс, ориентировочно его возникновение относится к концу XVII – началу XVIII веков. Открывалась наша территория водным путем: Тобольск – Тара – Омь вниз по реке. Примерно, к этому же периоду времени относится и освоение наших земель, т. е. того пространства, где сегодня раскинулась Кочневка. Такова наша версия – краеведов музея Кочневской школы.

Население было и остается в селе смешанным. Первопоселенцы, по сведениям старожилов, были мордовцы по фамилии Кочневы. Облюбовали они место у реки. Обильные же паводки заставили их подняться выше на 3 км. И с тех пор живет село Кочневка в 33 км. от города Татарка к северо-западу, на берегу быстрой реки Омки.

Становится все меньше людей, хорошо знающих семейные обряды и обычаи. К счастью, среди старожилов еще встречаются люди, которые в свое время расспрашивали родителей о том, как они жили, интересовались всеми подробностями семейной жизни.

Из воспоминаний коренной жительницы Самойловой (Харитоновой) Клавдии Александровны, 73года: «В конце 19-начале 20 веков крестьянские семьи были большие: по 6–10 и более детей. Нас в семье было 7, в семье Михаила (ее мужа. пр.авт.) – 12. Не все дети выжили: умирали от болезней, тонули в реке (не было догляду: мы целыми днями трудились на полях).»

Избы соответственно были тоже большие: как правило, было две комнаты, которые назывались горница и кухня. Возглавлял семью старший по возрасту мужчина, управляющий всей жизнью и семьей. Отец командовал сыновьями, а женский состав семьи находился в подчинении матери. В ведении женщин также находились дети. Деревенские дети всегда имели свои обязанности в семье. Мальчиков приучали к мужской работе: пасти скот, обращаться с лошадьми, выполнять полевые работы. Девочек приучали шить, вязать, прясть, вышивать, ухаживать за младшими детьми, помогать по дому. Воспитывали детей матери, велика также была роль бабушек и крестных, которых называли «лёлъками». Мужчины вступали в процесс воспитания, когда дети подрастали, и их можно было чему-то научить. Старшего мужчину в семье называли главой. Без его согласия не начиналось ни одно дело.

Как только старший сын женился, отец отстраивал ему дом, давал корову, лошадь: сын начинал жить отдельно. Второму сыну то же, если было на что. К этому заранее готовились, ставили срубы. Младшему сыну в наследство доставался отцовский дом и все, что в доме. Он жил с родителями до самой их смерти, заботился о них. В приданое же дочери входило рукоделье: вышитые полотенца, скатерти, платки, шали, подушки, перины и т. п. Зятьев в дом не брали, были, правда, исключения. Если семья была зажиточная и одна дочь, тогда зять входил в дом тестя. Его называли примаком.

Летом деревня пустовала: все семьи выезжали на заимки, которые находились в нескольких километрах от деревни. Жили там все лето. Вместе с семьями «переезжало» на лето в избышки на заимки и все хозяйство: коровы, овцы, гуси... Пахали свои полосы, убирали урожай кто вручную, а кто жатками да косилками, коль побогаче. До сих пор остались названия «Грязнова заимка», «Тимошкина заимка», «Ливашов табор», да кое-где натолкнутся грибки и ягодушки на заброшенный сруб когда-то добротного колодца. «А осенью всем хозяйством возвращались в деревню. Дрова готовили не загодя, а ездили зимой же. По теплу все хворостом запа-

сались. За березняком ездили далеко, на день-два, т. к. в здешних лесах рубить березу не разрешалось» (из воспоминаний Гридиной А. А., 92 года)

«Бани были очень редки. Обычно они стояли у реки: и воду из речки носить ближе, и пожаров боялись. Мыла не было, по словам старожилов, мылись в бане и стирали белье щёлоком. Рецепт щелока был такой: просеять древесную золу, положить в чугунок, заварить кипятком. Вылить в большое двух- или трехведерное корыто и добавить еще кипятка. Это все настоять, получается почти красная жидкость. Многими из тех обычаев и народных средств женщины пользуются и по сей день (от клопов на ночь вокруг постели кладут полынь и др.) Вшей вычесывали гребешком, стригли наголо. Часто в начале учебного года малышам можно было видеть очень коротко стриженных, из-за чего девочки ходили в платочках. Обычно от вшей в бане парились, несли туда же одежду на прожарку или бросали в корыто и заливали кипятком. Зимой на мороз выбрасывали.

Почти все значимые события носили характер обряда: засолка капусты, свадьбы, народные праздники и т. п. Свадьбы обычно справлялись осенью после окончания полевых работ. В основном, в жены и мужья брали людей своей национальности. Вот почему в деревне много однофамильцев. Среди исконных, самых старых фамилий жителей – Харитоновы, Гридины, Осиповы, Бровкины. Благословения родителей были обязательны. Как правило, вспоминают бабушки, сватовство, сама свадьба сопровождалась обрядовыми песнями. Но в трудные времена становления колхозов и военного периода эти

обряды почти прекратились и упростились, в результате чего сегодня мало кто помнит эти песни.

Молодежь отдыхала весело и дружно. По вечерам «откупали» у бабки или семейной пары избу на вечер, приносили мясо и другие продукты. Устраивали танцы – «вечёрку». Играли на разных народных инструментах: мандолине, балалайке, гитаре, гармошке. Был даже в одно время в деревне один слепой музыкант, который играл на скрипке. Танцевали краковяк, польку-бабочку, фокстрот. Чаще всего пели частушки: кто кого перепоеет. Тогда пели народные частушки. Сегодня же на селе можно услышать и народные, и литературные, и самодельные частушки.

Порядок приема пищи был, в основном, раз и навсегда заведенный. У каждого члена семьи было свое место. Стол, в больших семьях чаще круглый (некоторые сохранились у старожилов и до сегодняшнего дня), стоял под образами. Мама читала молитву. Но есть начинали только после того, как глава первый зачерпнет из чугуна. Кроме того, именно он должен был резать и делить хлеб между домочадцами. Но жизнь вносила свои коррективы. В частности, во время войны, т. к. мужчин в селе фактически не оставалось, многие их обязанности постепенно переходили в женские руки, что закрепилось и стало вполне привычным сегодня. Варили обычно каши из тык-

вы, репы, круглую картошку, которую ели с капустой и груздями. Во время еды пить не разрешалось: если пить хочешь – значит, наелась, выходи из-за стола. Для питья воду брали из речки. Как-то не задумывались, грязная она или нет. Видимо, нет, потому что пили и не болели. Больниц и врачей не было. Пользовались услугами местных лекарей или знахарей.

Спали крестьяне мало. Вставали рано и зимой, и летом. Приучали к этому с малых лет. Бытовала пословица «Кто рано встает, тому Бог подает». Зимой поднимались в 6 часов, а летом – в 3–4 часа. Коров рано выгоняли, а потом в огород выходили работать или в поле пока жары нет. (со слов Гридиной А. А., 92 года)

Спали обычно вповалку на полу в избе, в чулане, зимой – на полотах по 10–12 человек. На печке чаще спали родители (законные представители) или бабушка и дедушка.

С деньгами было очень трудно порой не могли купить ни спичек, ни соли. Вот и зажигали они огонь, выбивая его камнями. Или, увидев дым из трубы соседнего дома, шли к соседям за огнем.

Названий улиц как таковых не было. Но многие места имели неофициальные прозвища, по которым угадывался уклад самого села: Татарка (первопоселенцы были татарами, по другой версии, эта сторонка находилась по направлению к городу Татарску), Рассейка (находилась по другую сторону от Татарки), Собачий хутор и др. То же самое можно сказать о прозвищах самих селян. В них тоже можно было «прочитать» историю конкретной семьи, семейных легенд, традиций, привычек. В Кочневке жили люди с прозвищами Лис, Арбуз, Кот, Чеснок, Крокодил. Эти прозвища передавались от поколения к поколению, некоторые живы до сих пор. Показательна история прозвища Самойлова Михаила Алексеевича – Миша Золотой. Его отца, Алексея Сергеевича, звали Золотой Картуз, т. к. он в свое время ездил на золотой прииск и оттуда привозил разные украшения в свою лавку. Однажды приехал в картузе, козырек которого был позолочен. С тех пор прозвали его Золотой Картуз. Сыну же достался «по наследству» часть этого прозвища – Золотой.

Ольга Пекарь

Болотнинский район

Штык

В детстве, лазая на чердаке дома деда Осипа Тихоновича Прусова, нашла сверток, он был спрятан так, чтобы не видел посторонний глаз. Развернув тряпицу, обнаружила штык, проржавевший от времени. Дело в том, что в 1919 году Гражданская война шагнула на Болотнинскую землю. Колчаковская армия нескончаемым потоком отступала через сёла: Ояш, Егоровка, Болотное, Турнаево, Ача, Корнилово. В этих местах шли непрерывные бои.

Дед Осип объяснил, что штык найден им случайно.

Рассказ

Осипа Тихоновича Прусова:

«Поехал на покос, накосить сена быку, да груздей нарвать. «Грибное место» знал на покосных угодьях Николая Петровича Асанова, что в пяти километрах от села. Нашёл большую «грядку» грибов и, срезая очередной груздь, неожиданно остановился, передо мной – окоп, а в стенке, уже поросшей травой, торчит штык.

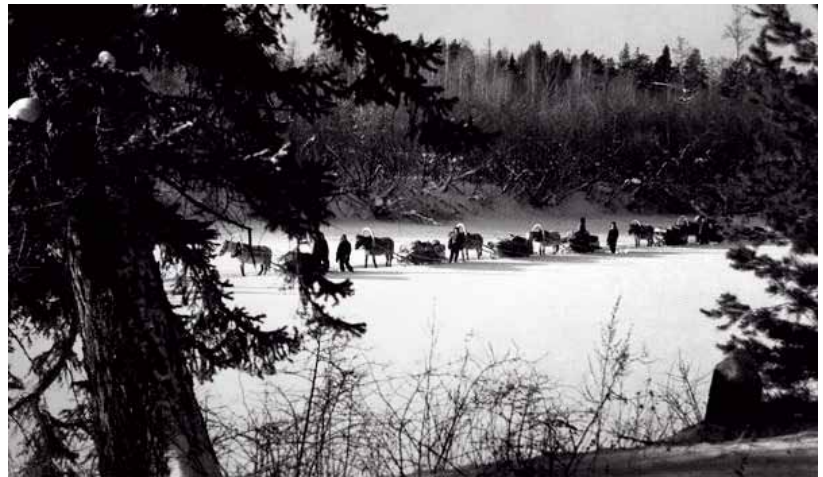
Прихватив находку, я понял, что рассказы сельчан были не пустыми, именно здесь проходили бои между белыми и красными. Помню по улице Центральной стоял дом, ты ещё тогда не родилась, его разобрали и перевезли в Болотное. Говаривали, что в этом доме останавливался сам Александр Васильевич Колчак при отступлении на восток. А ты сходи по людям, они многое вспомнят, по старикам иди, им родители-то сказывали про Колчака».

Рассказ

Корнея Ильича Ёлгина:

«В конце декабря тысяча девятьсот девятнадцатого года адмирал Колчак повёл отступление на восток через деревню Корнилово. Как прибыл в деревню, так на несколько дней разместились по домам.

Но вреда большого не делали. Одинажды у нас дома нашли революционные книги, а наутро мне приказали запрягать лошадей и везти, куда при-

Отступление Колчака. 1919 г.

кажут. Путь лежал на восток по Московскому тракту до Гугова.

В тот год снег выпал рано, зима была снежная, морозная. Выехали с утра. Мороз крепчал. Дойдя до Асановского пруда, это в пяти – шести километрах от деревни Корниловой, колчаковцы остановились в притрактирном доме, устроили ночлег.

В трехстах шагах от пруда стоял колодец, бытовала легенда о том, что колчаковцы спрятали в нем золото. Уже в восьмидесятые годы неоднократно предпринимались попытки найти клад: копали экскаватором, лопатами, но он был таким глубоким, что не достигли дна, а может, кто и нашёл, да молчат.

Через несколько дней всех деревенских мужиков отпустили, забрав у них лошадей.

Когда остановились в Гугово, ко мне подошёл один из колчаковских солдат и посоветовал:

– Сегодня офицерское собрание. Иди, попроси командира, чтобы тебя отпустили.

Я пошёл, думаю, будь, что будет. Захожу в помещение.

– Ваше высокоблагородие, обратиться хочу к вам. Я веду подводы вот уже несколько дней, меня никак не освобождают.

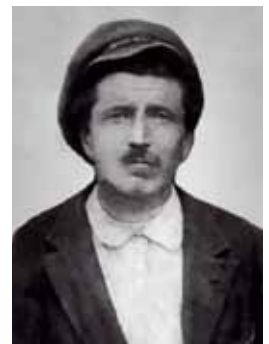
Рядом с командиром сидел офицер и спросил:

– А ты откуда ведёшь?

– Деревня Корнилово Болотнинской волости, вот уже полста верст отделяет меня от места проживания.

Осип Тихонович Прусов

Корней Ильич Ёлгин

Из рассказов сельчан и имеющихся архивных данных районного краеведческого музея г. Болотное известно, что только Николай Зиновьевич Ёлгин был расстрелян белыми.

Рассказ

Николая Сергеевича Солдатова:

«Николая Зиновьевича призвали на военную службу ещё в двенадцатом году. Награждён четырьмя Георгиевскими крестами и четырьмя медалями, как говорится – полный бант. Отучился в офицерской школе и получил чин прапорщика, и вскоре его произвели в поручики. Уже в офицерском звании награждён холодным оружием с надписью «За храбрость».

В семнадцатом году Николай Зиновьевич вступил в коммунистическую партию. Его избрали в полковой солдатский комитет. Октябрьскую революцию встретил в Петрограде. Участвовал в захвате телеграфа. После этих октябрьских событий отпущен домой, в Корнилово, для установления советской власти.

Отдохнув от тяжёлой дороги, Николай Зиновьевич появился на деревенской улице в офицерской форме со всеми наградами, сбоку шапка с Анненским тёмляком. Созвал всех фронтовиков для организации сельского ревкома. Начали агитировать крестьян за Советскую власть. Собрали совещание для выбора председателя ревкома, на котором я присутствовал. Совещание открыл Николай Зиновьевич Ёлгин:

– Здравствуйте, дорогие товарищи!

– Здравствуйте, ваше благородие.

– Товарищи, я не благородие, а такой же землепашец, как и вы все. Это я на фронте всё это заслужил. Форму и награды привёз в солдатском вещмешке, а сейчас надел, что бы вы все поняли, что на фронте не лаптём щи хлебал, а воевал. Вон, вижу, у вас многих есть награды.

– В сердчищу мать, как же нам не величать вас благородием, Николай Зиновьевич, когда у вас и форма и золотые погоны. А я, за годы солдатчины привык вытягиваться перед такими погонами.

Место около с. Корнилово, где проходили бои между белыми и красными

– Эх, Коля, Николай Сергеевич. Ведь нас в один год взяли на службу. У тебя вон унтер-офицерские лычки и три Георгиевских креста. Значит, и ты на фронте не один раз отличался. Вот возьмём и изберём тебя председателем сельского ревкома.

– Нет, дорогой тезка, Николай Зиновьевич. Я в политику не пойду. Воевать за народ, если придётся, буду, а в ревкомах стоять не хочу.

– Жаль, дорогой товарищ. Послушайте все. Если вас смущает моя форма и погоны, то я это всё сниму. И он сорвал погоны.

– Ну, а форму я дома переодену.

Затем он предложил назвать кандидатуру на пост председателя ревкома. И все единолично проголосовали за него.

– Ну что же, спасибо, товарищи, за доверие. Постараюсь оправдать. Ну а если кто-то думает, что сумеет отсидеться в затишье, поверьте, не дам. Все равно придется воевать.

– И он был прав. Всех мобилизовал Колчак. И все потом перешли на сторону красных. Вскоре в нашем селе провозгласили Советскую власть. Во время чехословацкого мятежа Николай Зиновьевич ушёл с отрядом красногвардейцев. Затем колчаковщина. И вот, зимой 1919 года Николай Зиновьевич был захвачен белыми в плен после стычки где-то около Ояша. С ним были схвачены еще пятеро. Все шестеро были ранены. Под конвоем звезда белых казаков они были проведены через нашу деревню, заночевали, до него

даже родственников не допустили. Утром, отправили Николая Зиновьевича в Гутово, где колчаковская контрразведка его и расстреляла».

«Немой свидетель» штык заставил рассказать о трагических событиях, которые прямо и косвенно коснулись болотнинской земли. С трудом представляешь, что на проржавевшей стали осталась кровь братьев и отцов.

Ольга Елгина

Колыванский район

За Советку власть без коммунистов

Михаил Игнатьевич Осипов объехал улицы Середино, крича зычным голосом:

– На сборню-у-у!

Мужики в недоумении и с любопытством, кто верхом, кто в телеге, кто пешком собрались с утра на площади вокруг небольшой избы (сборни) – постоянном месте, где решались вопросы общественной жизни деревни. Здесь объявлялись законы, доводились похозяйственные и подушные задания. Собирались безбородые и безусые парни, мужики, седобородые деды и даже любопытные бабы.

Негромко переговаривались: зачем их собрали на сборню с утра? И вот на телегу взобрался Михаил Игнатьевич Осипов.

– Граждане, товарищи!

Кто имеет лошадь, сёдни же должен оседлать её и вооружиться. Мы поедем

на Базой бить коммунистов. Если же кто, кака гадина не захочет ехать, того без разговора поставим к стене и расстрелям. Чтоб к обеду выехать!

– Чем же мы будем вооружаться, Михайло Игнатич? – кто-то выкрикнул из толпы.

– Берите ружья у кого есть. Только заряжайте медвежьей картечью. А нет своёва – возьми у старика-соседа, который не поедет. Берите пики, медвежьи рогатины. В общем, пригодится все, чем можно убить.

– Чего ж ты, Михайло Игнатич, так взъелся на Советку власть? – опять раздалось из толпы, – ведь сам голь голью.

– А он против Советской власти не идет. Он за неё, только без коммунистов, – кто-то за Осипова ответил с ехидцей.

К обеду полтора десятка мужиков, верхами, вооруженные кто чем, опять собрались у сборни. Кое-кто, не убоившись встать «к стене», разбежались. Кто в лес, кто спрятался в завозне, кто сказался больным. Глядя на эту пеструю толпу, старые, бывалые деды переговаривались меж собой, стоя в стороне:

– О-ё-ё-й, растеряют ружишки-то, не с чем будет и на лося сходить... Ну Василь Филиппыч хоть богатый, а Кешка-то Пёрышкин, голь перекатная, куда лезет супротив Советской власти...

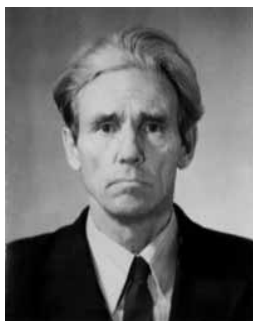
Выехали. Осипов ехал последним, чтоб видеть, кто бы ненароком не свернул в кусты. Он понимал, что в Базое туго придётся, могут и самого убить. Опять, если же коммунисты разгромят войско полковника Зайцева, тогда и к стене красные поставить могут. Пожалуй, самому бы надо в кусты. Поразмыслив так, он незаметно развязал котомку, притороченную к луке седла, и посыпался из неё ватрушки.

Остановился. Спешился. Начал собирать снедь в котомку, а тут мимо отставшие «вояки» проезжают.

– Не к добру это, Михайло Игнатич, – не то всерьез, не то в шутку заметил кто-то.

– Да, едри её, котомка развязалась.

Он долго возился с котомкой, пока не скрылся за лесом последний верховой. Потом повернул коня и поехал обратно в деревню.

Дмитрий Дулин

Река Тоя

Между тем отряд продолжал свой путь на Базой. Некоторые из мужиков не торопились, часто останавливались. Не доезжая версты три до Базоя, человек пять свернули с дороги и скрылись в кедраче. Посоветовавшись, решили переждать, а в сумерках свернуться домой. И стали они из-за кедрача следить за дорогой. Через некоторое время со стороны Базоя показалось двое верховых с боевыми ружьями. А место было как раз на развилке дорог. Одна вела через Изовку на Кандаурово и Середино, другая – через Воробьи на Петропавловку. Вот по последней дороге и поехали навстречу базойским двое незнакомых.

– Далече ли путь держите, молодцы? – спросил один из дозорных.

– На Базой, коммунистов бить..., – с матом бойко ответил один из подъехавших петропавловцев.

Один из встретивших сбросил с плеча винтовку и в упор выстрелил в грудь бойкому парню. Тот так и рухнул под ноги своего коня. Другой, как будто упрекнул своего товарища.

Оставшийся в живых всадник сидел в седле не шелохнувшись.

– Откуда? – спросил встречавший.

– Из Петропавловки.

– И много вас едет коммунистов бить?

– Много, человек сорок.

– Так вот, мил человек, разворачивай и дуй обратно. И своим передай, чтоб тоже самое делали. Иначе им здесь так накастыляют... А в Базое мы сами разберемся, без вас.

Развернул своего коня и ускакал обратно «ополченец» из петропавловки, забыв убитого своего спутника.

Коммунист, бывший комиссар с «гражданской» Яков Степанович Сарафонов жил в Середино. Но на этот момент оказался в Базое. Пока разворачивались события, он успел скрыться. Кулаки искали его, но не нашли. Он же в это время прятался у вдовы Кристины. Бандиты заходили в её дом, но под крыльцо заглянуть не догадались. Трудно представить себе, чтобы было с хозяйкой, найди они Якова здесь. К слову сказать, впоследствии Кристина стала его женой.

Вернулись домой из Базоя вояки из ополчения Осипова. ЧОНовцы раз-

Берег реки Тои – место казни участников мятежа

громили мятежников, проливших немало крови невинных людей. А ночью, когда вернулись мужики в Середино, Кузьма Пёрышкин пришел к своему брату Иннокентию Ефграфовичу:

– Ну, как браток, съездил? Много ли коммунистов убил? – спросил с иронией Кузьма. Брат заёрзал на месте.

– Много ли добра захватил?

– Никаких коммунистов я не бил и добра не брал ничего.

– А это, что за шинель, братец, что-то я её у тебя раньше не видел.

– ...

– Кого ты грабишь, подлец?! С кого ты снял шинель? С такого же мужика, как и ты, а он может в ней все фронты и войны прошел, а ты.

Кузьма распалился и в горечаях подвесил брату оплеуху.

– Сейчас же возьми эту шинель, отвези туда, где взял.

Однако Иннокентий шинель в Базой не повёз, а выехал за деревню и повесил её на ворота поскотины.

Утром комиссар Сарафонов был уже в Середино, и опять собрали народ на сборню. Выстроил он мужиков, ездивших в Базой. Прошел вдоль строя молча, заглядывая каждому в глаза. Стояла такая тишина, что только было слышно, как гудят пауты. Кто умоляюще смотрит на Якова, кто упёр взгляд в землю. А некоторые нет-нет, да и взглянут на группу вооруженных ЧОНовцев, стоявших в стороне.

– Как повоевали, мужики? – спрашивает Яков. Кажется ещё тише стало.

– Кто что успел схватить в Базое у коммунистов?

Молчание. Потом послышался чей-то голос:

– Василий Филипыч бомбу взял.

– Василий Филипыч, выйди, повернись к народу.

Тот вышел перед строем и повернулся к нему. Лицо белое, как полотно, ноги дрожат.

– Бомбу взял?

– Взял, – еле слышно промолвил тот.

– Расстрелять! – громко произнес комиссар.

Двое ЧОНовцев взяли виновного под руки, вывели из толпы, пустили вперёд себя и повели к речке.

– Ещё кто что взял в Базое?

Теперь тишина стояла гробовая. И в этой тишине, из – за построек маслобойни, с берега раздался выстрел. Каждый, стоявший в строю ожидал такой же участи. Потому что все знали о том, что произошло в районе и какую расплату за свои дела понесли мятежники. В районе произошла кровавая схватка нарождающегося строя с отживающим. Каждый понимал, что в этой схватке можно сгореть ни за что, ни про что.

А на берегу произошло следующее: конвойные, как только скрылись за постройками, остановили Василия Филипповича. Один из них подошёл к «ополченцу» и изо всей силы хватил того в ухо. А тот, не ожидая удара, кубарем покатился к реке.

– Плыви, гад, да чтоб неделю тебя в деревне не было. Дали выстрел в воздух и пошли обратно.

– Кто ещё что взял в Базое? – повторил Сарафонов.

– А он шинель взял, – кто-то указал на односельчанина.

Повели и этого.

Также, как и первый, были «расстреляны» еще двое. И на радость родным и близким, на удивление другим, через неделю все они вернулись домой. А вот Михаила Игнатич каким-то образом «расстрела» избежал. Но до самой смерти не любил Советскую власть. Мutil народ против вступления в колхоз. Не в пример ему, сын его Иннокен-

тий был активным участником коллективизации и компании по ликвидации кулачества.

Дмитрий Дулин

Татарский район

Кому люди поклонились – тому и Бог кланяется

В 1919 году, отступая от преследования «красных», через деревню Степановка, что находится недалеко от нашего села Дмитриевка Татарского района, проходили белогвардейцы.

По воспоминаниям жительницы деревни Слеповой Е. Т., они заходили в каждый дом, готовили себе пищу, а хозяев даже к печке не подпускали. В хлевах резали скот. Люди, пытались спасти свои вещи, прятали их, закапывали в землю. Непокорных крестьян, не желавших добровольно отдавать свои имущество, пороли плетями, сажали на подводы и везли расстреливать. Одному из них, Семёнову Степану удалось бежать. Среди конвоиров нашёлся знакомый Степана, который и помог ему – сказал, чтобы тот прыгал с саней. Просидев несколько дней в яме, в которой летом варили дёготь, обмороженный, он кое-как пришёл домой, где его уже не считали живым. К этому времени деревня была освобождена «красными». Около железнодорожного разъезда Каратканск был бой между «белыми» и «красными» с большими потерями с обеих сторон. На кладбище сохранились могилы, где похоронены погибшие участники этого боя. В этом бою пал командир красного отряда, который также был похоронен на кладбище деревни Степановка. Никто не помнит ни фамилии, ни имени красноармейца, но помнят и чтут этого героя, который отдал жизнь за справедливую жизнь. Разве не это есть смысл жизни настоящего мужчины, настоящих не сотрешь из памяти. Нет имени красноармейца, но есть имя существительное – Красный командир, а кому люди поклонились, тому и Бог кланяется.

У жителей деревни сохранились воспоминания еще об одной истории

времен гражданской войны – о Леночке, учительнице из Петрограда.

Как она попала в глухую сибирскую деревню никто не помнит, не сохранилась и ее фамилия. Помнят, что Леночка была очень красивая девушка и белогвардейцы хотели забрать ее с собой. Но степановцы её спрятали: запахали в хлебный ларь, укрыли тулупом и сверху засыпали зерном. К тому же красные энергично наступали, и у колчаковцев не оставалось времени организовать поиски. Надо было спастись бегством. Так и спасли жители деревни свою учительницу.

Истории эти о том, что люди поддерживали друг друга в военную годину, переживали вместе тяжкие испытания!

Людмила Самарина

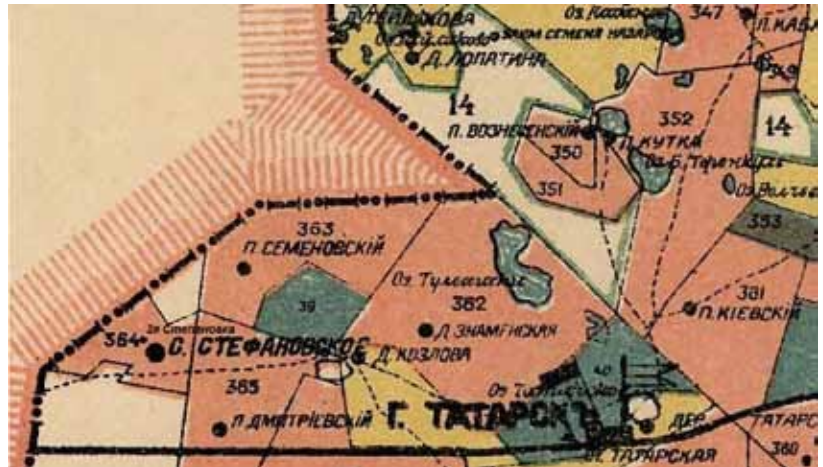
Баганский район

Красный Ермак

Начавшаяся в 1914 году первая мировая война коснулась и жителей сибирского села. Многие мужчины были мобилизованы в армию, ушли защищать «веру, царя и отечество». Для нужд армии из крестьянских хозяйств было взято много лошадей и повозок. Повысились налоги. Многие семьи лишились крепких рабочих рук. Часть мобилизованных жителей села погибли на полях сражений.

В 1917 году в Сибирь дошли вести о свержении самодержавия и Февральской буржуазной революции, а осенью о Великой Октябрьской социалистической революции. Для жителей села малопонятными были новые слова: «революция», «двоевластие», «красные и белые», «советы», «большевики», «меньшевики». Медленно доходил до сельчан смысл свершившихся в стране перемен.

Но в 1918 году, когда в Сибири появились войска колчаковцев и чехословаков, многие жители села решительно встали на сторону Советской власти. В том году в селе Вознесенка был организован первый в районе партизанский отряд из 8 человек (Петухов Н., Букин Ф., Щедров П., Мажников И и др.).

Карта Томской губернии. 1911 г.

Командовал отрядом житель села кузнец Ермаков Сергей Евдокимович.

Сергею Евдокимовичу шёл в то время тридцать пятый год.

Народ толком ещё не разобрался с новой Советской властью, а тут Колчак. Многого обещали сибирским крестьянам колчаковские чиновники. Да мало делали. Недовольство порядками «омского правителя» росло изо дня в день, маленькие ручейки народного гнева сливались в большую реку, и она, переполненная до краёв, должна была выйти из берегов. И вышла.

– Слышали, против посёлка Барского мост сгорел?

– Нашлись же смельчаки, выступили против беляков!

– Говорят, Ермак наш это сделал.

– Держи язык за зубами, узнают белые – ему не жить и тебе не сдобровать.

Только переговорил народ, а уже новая весть: таинственные люди сожгли мост против посёлка Вознесенского. Поезда стоят. Белые рыщут по деревням, ищут партизан. Надо пояснить: в те годы небольшие железнодорожные мосты через малые речки были ещё деревянными.

А молва распространялась молниеносно:

– Говорят, что их целая сотня.

– И руководит ими кузнец Ермак.

То, что их целая сотня – преувеличение крестьян, а руководил ими действительно Ермак, так народ называл Ермакова. В то же лето сожгли партизаны ещё один мост против посёлка Батурки. Много хлопот доставили пар-

Сергей Евдокимович Ермаков. Фото из газеты «Степная нива»

тизаны своими действиями белякам, поезда задерживались на целые сутки.

Славгород, занятый в то время белыми, не получал своевременно подкрепления, а крестьяне убеждались, что Советская власть не собирается складывать оружие.

Пополняя свой отряд, Ермаков старался наладить связь с другими партизанами. И это ему удалось. Уже вскоре партизаны посёлков Светлый и Сельнянгино получали точные данные о действиях белых через связного Василия Михайловича Мурашова.

...Тёмной октябрьской ночью в окно дома в посёлке Сельнянгино, где размещался штаб партизан, тихо постучали. Скрипнула несмазанная дверь и вместе с холодом в дом вошёл человек. Он сообщил командиру о том, что в Баган прибыл поезд и, судя по усиленной охране, везёт что-то важное. Охрану можно снять внезапным нападением. Снова скрипнула дверь. И таинственный пришелец растворился в ночном мраке. А позже В. М. Мурашов докладывал Ермакову, что задание выполнено.

Много работал Сергей Евдокимович с «дезертирами». Это были те люди, которые не верили Колчаку, насильственно вербованные в его армию и при первой же возможности бежавшие отсюда. Только в окрестностях посёлка Вознесенка их пряталось около сорока человек.

Пока было тепло, скрывались они в кочках ляги, что между Нижним Баганом и Вознесенкой, а с наступлением холодов перебирались в стога сена. Часто приезжал сюда Ермаков, вселял уверенность в скорой победе Красной Армии. Внимательно слушали его Александр Морозов, Афанасий Волынец, Михаил Щедров, Василий Валеико, Николай Савостьянов, Николай Букин, Алексей Мажников, Яков Калужный и другие. Не забывала Вознесенку и колчаковская полиция.

□— А ну, показывай, где скрываются дезертиры? — приставали полицаи к поселковому старосте Маркевичу. — Не укажешь — тебе шомполов отвалим.

— Нет их, ваше благородие, — слезливо уверял он. — Да неужто я бы не сообщил. Чай не даром ем хлеб «его величества» Александра Васильевича Колчака, появятся — обязательно доложу.

И они отправлялись несолоно хлебавши. Полицаи приезжали ещё не один раз, и всегда уезжали ни с чем. Потом их не стало. Крестьяне успокоились, подумали, что отвязались от полиции. Никто не подумывал, что белые пойдут на хитрость и вызовут на открытость командира маленького партизанского отряда.

Ноябрь 1919 года уступал место суровому декабрю. Всё чаще стали поговаривать, что Красная Армия теснит колчаковцев. Вскоре разговоры подтвердились. Белогвардейцы, оставив обжитые, тёплые квартиры в Славгороде, двинулись по направлению к Купино. Боялись они преследования красноармейцев, поэтому снимали все телеграфные установки на железной дороге, тем самым лишали партизан возможности сообщать об их местонахождении.

Эта же участь постигла и станцию Баган. Вестей ни откуда не поступало, народ не знал, что делается в ближайших крупных сёлах, кто там у власти: красные или белые? Не знали баганские партизаны и того, что славгородский гарнизон уже дошёл до Купино и там разместился по квартирам. Ушли белые в такой спешке, что забыли о шести отцепленных от состава вагонах. Ермаков и его товарищи открыли эти вагоны. Один из них был загружен лошадьми, другой — сливочным маслом, третий — мукой, а в двух вагонах оказалась пшеница.

— Ишь, черти, сколько добра награбили, — не скупилась на слова мужики.

— Да, видно, припёрли их наши. Забыли даже о рысаках.

— Хватит, мужики, — прервал Ермаков, — надо сообщить об этой «находке» в штаб партизан.

На второй день из посёлка Светлый приехали партизаны и забрали лошадей и масло. «Почему тишина? Почему никто не показывается? Как получается, что белые ушли, а наших всё ещё нет? Надо узнать во чтобы то ни стало. Но как? Поехать в Купино».

— Слушай, Илько, — обратился Ермаков к Мажникову. — Ты поедешь со мной в Купино. Мы должны знать, что там творится.

Ходок подпрыгивает на замёрзших кочках. До Купино оставалось киломе-

тров десять. И вдруг наперерез им скачут двенадцать всадников. Свои или белые? Нет, кажется свои. Красные ленты на шапках. Свои!

– Здорово, мужики. Далече путь держите?

– В Купино, узнать, что делается на земле.

– А что разве у вас нет белых?

– Четыре дня как они все убрались.

– А мы – красная разведка. Основные наши силы стоят в Купино. Катится «его величество» на восток. Проголодались мы, – сменил вдруг красный командир разговор, – покушать надо.

– Зайдём в посёлок Барский. Там наши люди, у большевиков-партизан и похарчимся.

Быстро собрался народ посёлка на митинг. Ермаков с большим волнением рассказал крестьянам, что красные уже в Купино. Радостное сообщение притупило зоркость партизанского вожака, не заметил он, что на устах командира играет ехидная улыбка.

После сытного обеда собрались все мужики вместе.

– Кто пойдёт добровольцем? Кто готов гнать Колчака? – обратился старший отряда.

– Я поеду с вами, у меня и седло есть, – первым отозвался Воробьёв. Больше охотников не нашлось.

Позади остался посёлок и только тут понял Ермаков, какую непростительную ошибку он допустил: это была белая разъездная разведка Славгородского гарнизона. Взяли наган у Ермакова, посадили Воробьёва в ходок. Плётки, описывая зигзаги, жгли плечи и спины партизан. Ермакова они приняли за красного комиссара, потому избивали его особенно сильно.

В штаб белых, который размещался в Купино, их привезли вечером, посадили в пустой холодный вагон. Допрашивали каждого в отдельности, а в одиннадцать часов ночи состоялся полевой суд. Именем «его величества» адмирала Колчака красный комиссар Ермаков и партизан Воробьёв были приговорены к расстрелу. Мажникову за согласие отвезти Ермакова в Купино дали 25 шомполов, отпустили домой, приказав больше партизанских комиссаров не возить.

Ночью выпал первый снежок. Лёгкий морозец пробовал рисовать свои первые затейливые узоры на оконном стекле. Луна освещала матовым светом притихшую станцию. И только шесть человек нарушили в 12 часов ночи эту минуту: к небольшому берёзовому колючку шли партизаны Ермаков и Воробьёв. Держа винтовки наготове, сопроводили их четыре конвоира.

Пришли. Мороз прошёлся по телу от увиденной картины. Искажённые человеческие трупы лежали как попало. Вот мужчина в предсмертных мучениях до крови разгребал землю пальцами, женщина запустила руку в свои волосы, мальчишка с застывшей улыбкой на губах. За что они его?

Ермакова привели в себя окрики конвоиров. Воробьёв уже стоял спиной к бандитам, очередь была за Ермаковым. Раздалось два сухих выстрела, и Ермаков, простреленный в оба плеча, упал лицом в снег и притаился. Два других выстрела пришлись по Воробьёву.

– Добейте, гады, чтобы я не мучился! – закричал он.

Снова выстрел, теперь уже приглушённый, и опять тишина.

– Этого сразу ухлопали, – пнул сапогом один из четырёх Ермакова. – Пошли, допьём.

Ушли. Выждал ещё немного Ермаков, осторожно поднял голову, огляделся. Никого. Кровь на нём уже замёрзла. «Теперь бежать», – первое, что пришло ему в голову.

Около двенадцати километров шёл раненый партизан, без шапки, пальцы на руках побелели. А он шёл навстречу жизни, боролся за неё, чтобы отомстить белым за тех людей, которых он видел у колка.

Вот и посёлок Моревка. В первой избушке его не пустили. Пошёл ко второй. Обессиленный, перевалился через порог. Обогрели его люди, отёрли обмороженные руки. Пришёл в сознание и рассказал. Как ушёл от смерти. К вечеру приехали родственники из Вознесенки, забрали его. Первую медицинскую помощь ему оказал фельдшер из Нижнего Багана С. З. Зенков.

Долго давала ещё знать та морозная сибирская ночь, но желание жить

победило. Выздоровел Сергей Евдокимович, и народ избрал его председателем Баганского волисполкома, где он работал до 1924 года. В 1930–1931 годах он – председатель Баганского сельского совета. В конце 1931 года началась коллективизация. И Ермакова избирают крестьяне посёлка Бочаниха своим председателем. До конца года С. Е. Ермаков руководил колхозом «Передовик» Купинского района. Не пришлось старому партизану порадоваться победой советского народа над фашисткой Германией. Умер он в марте 1945 года.

...Шумят молодые берёзки, лепечут свои зелёными листьями. Сменяются времена года, жизнь развивается по своим сложным законам. И только этот земляной холмик нет-нет, да и напомним, что жил на многострадальной земле сибирский крестьянин Сергей Евдокимович Ермаков, борец за правду, за свободу, за власть Советов. Прочно стоял на земле человек, ибо знал, что только народ является её хозяином, а он частица великого народа.

Светлана Мингалёва

Татарский район

Комсомольцы – добровольцы

В мае 1920 года на станции Татарская была создана первая комсомольская ячейка во главе с Вишняковым Дмитрием. В состав ячейки входили: Кузин Леонид, Катков Федор, Зарайкин Владимир, Феоктистов Семен, Павлова Клавдия, Цулин Александр, Машуров Николай, Вишнякова Евдокия, Борисов Виктор и др. Они активно участвовали во всех трудовых акциях, организовывали концерты, выступали с лекциями и докладами, были инициаторами многих дел. Молодежная агитбригада железнодорожного узла «Синие блузы» многие годы была пропагандистом молодого социалистического строя, вела неустанную работу по ликвидации неграмотности, за новую культуру и новый быт. Документально известно, что к середине 1920 года в Татарском районе (тогда уезде)

было организовано несколько молодежных ячеек. Только в самом Татарске имелось четыре комсомольские ячейки, в которых состояло 95 членов.

29 августа 1920 года состоялся первый уездный съезд РКСМ. В его работе приняли участие 67 делегатов. На съезде была организационно оформлена уездная комсомольская организация, состоящая из 410 членов комсомола.

Давая характеристику этому съезду, Новониколаевская газета «Дело революции» (№ 185, 1920 год) писала: «Юные силы Татарского уезда в составе 67 человек собрались на первый уездный съезд, чтобы заложить прочные основы организации коммунистической молодежи и составить то ядро борцов, которое сумеет стать лучшими помощниками партии большевиков в борьбе за торжество рабоче-крестьянской власти во всем мире».

В ноябре 1920 года вместо оргбюро был создан уездный комитет РКСМ. Секретарем укома комсомола избрали Лазаря Бахрека. Одной из важнейших задач комсомольцев стала борьба с последствиями иностранной интервенции и гражданской войны. В борьбе с разрухой и голодом исключительное значение имели многочисленные субботники и воскресники. Яркую зарисовку одного из них дала страничка-газета «Знамя молодежи». В ней писалось: «... вьюга завывает, холодный ветер так и режет лицо, а наши юные коммунары нагружают вагон мешками с сухарями. Вот погрузили половину, руки и ноги отказываются служить, а молодежь работает.... Все дружно, как один, погрузили 250 мешков сухарей. Так работают юные строители нового государства».

Во втором полугодии 1920 года на предприятиях железнодорожного узла было организовано 25 «красных суббот». Во многих ячейках они планировались один раз в неделю. Комсомол принимал активное участие в организации таких массовых трудовых кампаний, как «Неделя сухаря», «Неделя помощи фронту», «Неделя крестьянина» и др. Для постоянной и квалифицированной агитации и пропаганды

среди крестьян были организованы культбригады под названием «Агитпозовки». Одна обслуживала волости и деревни южной части уезда, другая – северной. В бригады входили преданные, грамотные и активные комсомольцы: тов. Белова, Чижов, Зарайкин, Баганов, Лопатко, Власов, практически весь уездный комитет комсомола. Культбригады организовывали читки газет и журналов, практиковали книжные выставки, ставили спектакли, проводили митинги, лекции, сходы. Народные дома, школы, где работали «Красные позовки» (их еще и так называли) оформлялись портретами, плакатами, лозунгами.

Сложнее было создавать комсомольские ячейки в селах и деревнях. Бывало и так, что темные, забытые нуждой, крепко привязанные к старорежимному укладу жизни родители, натравливаемые кулаками, жестоко избивали своих сыновей и дочерей за вступление в Союз молодежи, приказывали выпиться, выгоняли из дома со словами: «Ты теперь коммунистка и иди в свою коммунию». Несмотря на сложности и сопротивление, количество ячеек быстро увеличивалось и их влияние на со-

Члены первой комсомольской ячейки ст. Татарская, 1919 г.

знание молодежи и общества в целом неуклонно росло.

Очагами культуры на селе были клубы, избы-читальни. В селе Тамбовка, по воспоминаниям одного из первых комсомольцев Татарского уезда В. Безрядина, в оборудованной своими руками избе-читальне стали проводиться комсомольские собрания. Дежурили по очереди, топили печь, наводили чистоту. Сами писали лозунги, накануне зимы заготавливали дрова.

1 мая 1919 г.

Здесь читали вслух газеты, журналы, стихи Д. Бедного, тут же проводились и собрания деревенской бедноты, по вечерам занималась группа ликбеза (ликвидации безграмотности).

Страшным наследием Гражданской войны и первых лет разрухи стала детская беспризорность, которая коснулась даже небольших сел. Комсомол разворачивает работу среди детей. В 1923 году в Татарске создается первый пионерский отряд. Его организатором стал инструктор губкома комсомола Василий Анкудинов. Рождение отряда явилось большим событием для города. Численность комсомольцев резко увеличилась в год смерти В. И. Ленина. На начало 1924 года уездная комсомольская организация насчитывала 592 члена и 102 кандидата, а уже в декабре этого года действовало 73 ячейки, на учете состояло 1000 членов и 112 кандидатов в члены РКСМ.

С января 1924 г. комсомольской организации было присвоено имя В. И. Ленина, а с марта 1926 года она стала называться ВЛКСМ. Следуя требованию времени, комсомольские организации активно включаются в дело переустройства деревни. Так, в отчете Запсибкрайкома ВЛКСМ на первой краевой конференции комсомола 13 декабря 1930 года сообщалось, что силами комсомольцев было организовано 682 сельхозартели, 654 коммуны, 69

животноводческих колхозов, 33 тысячи комсомольцев вошли в колхоз.

Во второй пятилетке (1933–1937 г. г.) комсомол принимал активное участие в культурном строительстве. За эти годы число домов культуры, читален увеличилось в 2 раза, библиотек – в 5 раз, расходы на просвещение на одного жителя – сибиряка возросли с 10 до 51 рубля.

В условиях нарастающей фашистской опасности партия и комсомол особое внимание уделяли вопросам военно – патриотического воспитания молодежи. Во всех комсомольских организациях шла подготовка «ворошиловских стрелков», сдача норм ГТО, ГСО, ПВХО. Продолжалось шефство над Военно-Морским Флотом и Военно-Воздушными Силами. Великая Отечественная война сразу изменила жизнь страны. Перед комсомолом встали новые задачи. Исходя из решения партии, постановления ЦК комсомола от 23 июня 1941 года всю свою работу комсомол подчинил интересам фронта.

В начале Великой Отечественной войны уже за первые десять дней в военкомат поступило более 300 заявлений от комсомольцев, желающих добровольно вступить в ряды Советской Армии. Каждый третий комсомолец Татарского района ушел на войну. Оставшиеся в тылу, юноши и девушки приняли девиз: «Работать за себя и за ушедшего на фронт товарища» как военный приказ. Молодые рабочие предприятий города и железнодорожного узла вступали в соревнование за право называться «фронтовым» звеном, бригадой, коллективом. Условия соревнования были жесткими: выполнение плана к 25 числу каждого месяца от 170 до 325 % в зависимости от специальности, экономить не менее 15 % металла, электроэнергии и т. д. Сельская молодежь не отставала от горожан. Сибирская деревня работала в чрезвычайно трудных условиях. Уже в первые месяцы войны на фронт ушло 90 % механизаторов, к 1944 году общее количество трудоспособного населения сократилось на 40,8 %, а мужчин – на 67,7 %. За первые полгода войны колхозы отдали фронту 92 % грузовых

Комсомольцы-добровольцы Татарска

машин, поэтому использовали и косы, и серпы. Урожай вывозили на быках и коровах. Школьники организовывали звенья по сбору колосков – все было подчинено главной задаче: убрать урожай без потерь.

Комсомольцы и пионеры зарабатывали на субботниках и воскресниках, а средства шли на приобретение вещей и продуктов для армии. При этом подавляющее большинство одевалось в обноски, вели полуголодный образ жизни. Только в 1943 году комсомольская организация района отправила на фронт 277 овчинных полушубков, 1265 пар валенок, 906 фуфаяк и брюк, 377 вязаных свитеров, 3610 пар носков и варежек, 884 комплекта белья, а также 7630 кг мяса, 3826 кгпельменей, 500 кг. Масла, 400шт. кур, 4000 кг капусты, 296 кг табака, 812 разных посылок. На постройку авиаэскадрильи и подводной лодки «Новосибирский комсомолец» комсомольцами района заработано, собрано и перечислено 439066 рублей.

Велик вклад комсомольцев и молодежи в послевоенное восстановление и развитие народного хозяйства. В первых рядах комсомольцы перестраивали жизнь на мирный лад, выполняя

хозяйственно–политические задачи текущего времени.

И хотя уже на сегодняшний день не существует комсомольской организации, наша молодежь, воспитанная на идеалах любви к своей родине, – всегда впереди. Нет таких исторических событий, где наша молодежь оказалась бы в стороне.

Прошлые поколения оставили нам богатое наследие. И в наши дни нам есть, с кого брать пример, есть, кем гордиться.

Ольга Нагайцева

Комсомольско-молодежный субботник, г. Татарск, 1972 г.

Кустовой семинар актива областной комсомольской организации. г. Татарск, 1970 г.

Карасукский район

История семьи Жердевых

В нашем семейном архиве есть удивительная фотография, на которой запечатлена семья моего прадеда и прабабушки, Анисии Антоновны (в девичестве Сусловой) и Фёдора Ивановича Жердевых. На ней мать, отец и 12 детей.

В 20-е годы XX столетия как следствие Первой мировой войны и двух революций в России царили голод и разруха. В средней полосе России – несколько лет подряд неурожай. Прошёл слух, что в Сибири много хлеба и всего вдоволь. И отец большого семейства, Фёдор Иванович с двумя старшими сыновьями в 1922 году уезжает в Сибирь на заработки. А через полгода пишет он своей жене, чтобы приезжала с детками сюда же, в Сибирский край, так как люди здесь жили хоть и не все зажиточно, но и не голодали... К этому времени в их семье уже было шестеро детей. Дорога была дальняя, добиралась Анисия Антоновна до Сибири два месяца. Поезда по несколько суток стояли на железнодорожных разъездах. Все запасы еды кончились. По эшелону разнёсся слух, что едет мать с шестью детьми и есть им нечего. По телеграфу эту весть передавали со станции

В центре Жердев Федр Иванович, в цветной блузке его жена-Жердева Анисья Антоновна, в темной блузке Жердева Ефросинья Иосифовна

Семья Жердевых

на станцию, и в пути во время остановок им приносили еду. Из рассказа Анисии Антоновны: «Еду я в поезде, голодно, детки есть просят. Входит мужчина в военной форме, спрашивает, где здесь женщина с шестью робятами? Ему показали. Он ставит ведро с супом и говорит: «На, мать, корми детей». Так мы и доехали до Сибири».

В ту осень в Сибири был большой урожай. Фёдор Иванович приехал встречать своё семейство на вокзал на телеге, полной свежееиспечённого хлеба. Детям давали по маленькому кусочку – нельзя было сразу много. Остальной хлеб щедро раздавался землякам, попутчикам с этого же поезда.

Первым пристанищем семейства Жердевых была деревня Пушкино Карасукского района. Уже на сибирской земле родились ещё восемь детей.

По-разному сложились судьбы детей семьи Жердевых. Их жизненный путь во многом отразил исторический путь нашей страны. Во время Великой Отечественной войны все сыновья Жердевых защищали родную землю на фронтах различных направлений.

Из поколения в поколение в нашей семье передаётся история о танке Жердевых, в котором воевали в Великую Отечественную войну трое сыновей Анисии Антоновны и Фёдора Ивановича. В одном из боёв танк был подорван

Воины –
сыновья Жердевы

пан), Самон (Самуил), Еленка (Елена) и т. д. И восхищаемся стойкостью духа, крепостью характера наших предков, не боявшихся труда, вырастивших и поднявших четверых девчат и шестерых парней, воспитавших настоящих тружеников и защитников своего Отечества.

Ирина Дорнес

Болотнинский район

Какой ценой Советская власть давалась

Гражданская война 1917–1922 гг. стала чёрной страницей в истории нашей страны. К сожалению, она не обошла и село Ояш.

Трагическим событием в этот период был расстрел отступавшими колчаковцами 15 сельских активистов.

Кому приходилось ехать по тракту до с. Ояш, тот, несомненно, видел недалеко от села обелиск с красной звездой. Это братская могила. Здесь похоронены активные участники борьбы с Колчаком. Много времени прошло с тех пор, но память о погибших героях не умерла.

На территории нашего района в 1919 году действовал партизанский отряд под командованием Уткина. Однако в отряде оказался предатель, который выдал 17 человек, да ещё арестовали четверых в усадьбе богача Рындина. Всех их поместили в переоборудованный для тюрьмы дом и, в связи с приближением войск Красной Армии, колчаковцы решили уничтожить партизан. Об этих трагических событиях сохранились воспоминания, записанные в книге «История нашего села» Ивана Николаевича Шелковникова, чудом оставшегося в живых.

«Было у меня в жизни немало хороших и плохих дней. Многое забылось. А вот как на тот свет хотели колчаковские бандиты отправить – помню. До смерти не забуду. Всем буду рассказывать, чтобы знали, какой кровью, какой ценой наша Советская власть давалась.

Шёл 1919 год. В Сибири белые отряды грабили население, устраивали

и все три сына погибли. С войны вернулись двое сыновей.

После войны в дом семьи Жердевых пришло письмо из Прибалтики. Писал письмо добрый человек, так и оставшийся неизвестным нам. Именно в его семью был распределён Семён после плена в зачёт трудармии. Тяжёлые боевые ранения дали о себе знать, разрушили его здоровье, и этот человек написал письмо в Сибирь, отцу, чтобы приезжали и забирали сына. Его тяжелообольного привёз из Прибалтики отец и вскоре Семён умер, а вслед за ним и отец, насмотревшись на страдания сына и не вынеся этого.

Один из сыновей по имени Самуил прожил долгую жизнь, у него родилось восемь детей, и все девчата. В период подъёма целинных земель он был председателем колхоза в селе Пушкино Карасукского района. Сёстры – Елена, Татьяна и Катерина трудились на родной сибирской земле, чтобы поднять и вырастить деточек, дать всем образование, делом создавая блага своей страны.

Мы иногда на семейных праздниках глядяемся в фотографии и всё пытаемся перечислить имена детей семьи Жердевых на старорусском наречии: Мякишка (Никита), Сёмка (Сте-

Через этот мост
вели на расстрел
борцов с Колчаком.
с.Ояш

самосуды над теми, кто оказывал малейшее сопротивление колчаковцам или отказывал им в помощи.

Так, в Чебуле по доносу был арестован объездчик Пётр Боровских. Его даже не вывели из села, расстреляли в дровяном складе. Однако он успел написать записку, о содержании которой моментально узнали односельчане: «Был Пётр большевиком и умрёт большевиком». Заволновалась деревня. Но что сделаешь против вооружённых колчаковцев?»

Их отряд ушёл дальше, продолжая вершить свои чёрные дела, но людской гнев не улёгся: Иван Николаевич Шелковников, братья Андрей и Павел Шалыгины, которые входили в группу по снабжению отряда, отправились к царствовавшему поблизости кулаку Рындиному Ипполиту, чтобы свести с ним

Памятник-
братская могила
в с.Ояш

старые счёты. С ними поехала и односельчанка Василиса – женщина, которая работала у Ипполита ключницей и снабжала отряд продуктами из запасов кулака. Она ненавидела Ипполита и хорошо знала его козни.

Усадьба пустовала. Здесь уже побывали 11 человек из другой деревни, а кулак, почуяв недоброе, бежал, оставив на произвол судьбы имение, ещё до их прихода. «Ничего, – успокоил себя Иван Николаевич, – ушёл от нас, но от народного суда тебе не уйти!»...

Прошло лето. В декабрьские морозы неожиданно нагрянул отряд колчаковцев. У крестьян отбирали лошадей, хлеб – всё, что попадалось под руку.

Четвёрку, побывавшую на усадьбе Ипполита, арестовали и отправили в село Ояш. Там втолкнули в наспех переоборудованную тюрьму, где уже сидело более 10 крестьян. По одному стали выводить на допросы. Возвращались они оттуда исполосованные шомполами и нагайкой, харкая кровью и выплёвывая выбитые зубы. Четверых чебулинцев не разлучали, выводили всех вместе.

А потом... Конвойные собрали арестованных вместе по три и стали связывать веревкой. Всего набрали 15 человек. Среди них была Василиса и один глубокий старик. Его отпустили, решив не тратить на него патроны.

Переехав через речку Ояш, обоз остановился. Арестованных увели с дороги и поставили в две шеренги лицом на восток. Впереди – подъём на гору и сугроб, сзади – конвой. «Пли!»...

Все попадали. Как литовкой подкосило. Иван Николаевич тоже упал, но не чувствовал ни боли, ни удара. Второй залп дали по лежащим. Он всё слышал: «Рубите пашками!». Он притаился, как мёртвый, чуть дыша.

Подошёл один с пашкой, рубанул. Искры из глаз! Второй удар, третий!.. Всё потемнело...

«Загребите их снегом!» – последнее, что услышал Шелковников.

Через какое-то время пришёл в себя и понял: жив! Руки из снега вытащил, голову пощупал. Не раскололи.

А все остальные – мёртвые...

Вылез из снега, вышел на тракт, и айда. Ночь была светлая. Холодно-

вато!.. Голова болтается, не держится – шею разрубили. Кровь бежит, но идти можно.

Между трактом и железной дорогой были эстонские хутора. Туда и пошёл. Работники у эстонцев были свои ребята, перевязали шею, спрятали его. Там и отсиделся, никому не показывался.

...Через две недели, когда Иван Николаевич находился в одной из больниц освобождённого Красной Армией Новониколаевска, он дивился тому, что с тремя сабельными ранами на голове и шее смог добраться до хутора (8 километров!) и выжить. Его спасла шапка. Вместо обычной ваты с подкладом в неё был вшит войлок, который смягчил удары...

Мы не забудем эту трагическую историю в жизни нашей страны и тех борцов, что покоятся в могиле у старинного сибирского села Ояш.

Анна Димитрюк

Тогучинский район

Памятник борцам за народное счастье

В центре села на небольшой возвышенности стоят четыре тополя, посаженные правильным прямоугольником. Молчаливо и торжественно раскинули они ветки над братской могилой, словно охраняя вечный сон погребённых героев.

Глубокой осенью 1919 года колчаковская армия потерпела поражение под Омском и отступала на восток через Новониколаевскую губернию. Почуввав близкую неминуемую смерть, они срывали зло за свои неудачи на мирных жителях и попавших в их лапы партизан. В начале декабря отряд белых вступил в Степногутово, надеясь пополнить здесь свои запасы, а заодно провести вербовку солдат в свои поредевшие ряды.

Начались грабежи. У сельчан отбирали лошадей, домашнюю птицу. Непокорных наказывали шомполами, пуская в ход приклады и штыки... Женщины и девушки вынуждены были скрываться от колчаковских насильников. В окрестные леса и сёла бежали

Будаев Алексей Петрович у памятника отцу-партизану

парни призывного возраста. Каратели пытались заполучить некоторые сведения о местных партизанах, из-за действий которых жизнь белогвардейцев в Степногутово становилась всё беспокойней. После долгих попыток выяснить местонахождение народных мстителей белым удалось напасть на их след и схватить отца и сына Букреевых, Будаева, Сумбаева. Озверевшие колчаковцы изощрялись в жестокости и изуверстве к схваченным. Так, до полусмерти избитый Григорий Осипович Букреев был вывезен из села, где над ним была учинена дикая расправа. Нанеся ему бесчисленное количество ножевых и штыковых ран, белогвардейцы вырвали у мужественного партизана язык и в неистовстве сломали несколько рёбер, вырезали на теле звезду.

В семье односельчан Колмогоровых было шестеро братьев. Трое старших, во главе с отцом, поддерживали колчаковцев, трое других были за красных.

Так вот: чтобы поймать партизана Будаева Петра Калиновича, старший сын Колмогорова – колчаковец – решил пойти на хитрость. Он пришёл домой к Будаевым и начал расспрашивать маленького сына Алексея об отце. Мальчик знал, где находится отец, но не сказал. Тогда за домом Петра Калиновича была установлена слежка. Однажды ночью белогвардейцы прискакали на лошадях, когда Будаев был дома. Его схватили и увезли в деревню

Митинг 7 ноября,
1970-е годы

Брюханово (Красное). Впоследствии было обнаружено, что у Петра Калиновича всё тело истыкано штыками, было нанесено сорок ран.

Сухобоков Филипп, когда узнал, что его товарищей арестовали, побежал на мельницу и там спрятался, но колчаковцы вывели его жену зимой на лёд и били шомполами. Филипп не мог терпеть издевательства над женой, вышел из укрытия и сдался. У него осталось три сына.

Григорий Осипович Букреев, его сын Емельян Григорьевич Букреев, Пётр Калинович Будаев, Филипп Васильевич Сухобоков, Сергей Сумбаев осознанно подписали себе смертный приговор, решительно отвечая «нет» и «не знаю».

Колчаковцы расстреляли партизан – часть в селе Абышево, а часть увезли в Красное. Всего в декабре 1919 года было расстреляно 60 человек. Трупы были брошены в лесу.

Когда Красная Армия прогнала колчаковцев, стали искать расстрелянных партизан. Нашёл трупы пастух в апреле 1920 года, когда сошёл снег с полей. Родственники опознали погибших и похоронили в одну могилу. Похороны прошли торжественно. В последний путь героев провожали красноармейцы. Солдаты шли строем, пели революционные песни, обнажённые сабли были подняты над головами. При спускании гробов в могилу был дан салют из винтовок.

На месте захоронения героев, погибших от рук колчаковских карателей, жители села поставили деревянный памятник. А в 1958 году по инициативе

Проводы
призывников
в армию.
1988 г.

Букреева Николая Григорьевича (сын Г. О. Букреева) на заводе в Кемерово был изготовлен металлический памятник с красной звездой. Он был установлен на месте деревянного, а на гранитной доске сделали надпись:

«Вечная слава борцам за народное счастье: П. Букрееву, Г. Букрееву, П. Будаеву, Ф. Сухобокову, С. Сумбаеву. Расстреляны колчаковцами в декабре 1919 года.»

В годы Советской власти все люди села каждый год, 7 ноября, выходили на митинг, посвященный Великой Октябрьской Социалистической революции. Несли флаги, транспаранты, цветы и венки, которые возлагали к памятнику борцам за народное счастье.

Отсюда провожали в армию наших призывников и давали им наказ.

В наши дни к памятнику тоже не растает народная тропа: приходят школьники на экскурсии; совет ветеранов села и учащиеся взяли над ним шефство: ремонтируют, убирают сухую траву, следят за порядком. Приходят почтить память родственники погибших, живущие в нашем селе.

Минуло 100 лет с тех страшных времён, трагедия народа остаётся недостаточно изученной. И лишь памятники являются ярким доказательством борьбы простого народа за своё будущее. Я хочу, чтобы люди помнили и чтили кровавые уроки тех далёких времён.

Максим Колотов

Колыванский район

Приехали «комиссары»

В деревню приехали комиссары. Да, да! Шесть комиссаров. В кожаных тужурках, при оружии, солидные. Так много комиссаров сразу еще здесь не видели. В деревне был один комиссар – Сарафонов. Верно, ему помогали два коммуниста: Егор Олейников, да Самохвалов. Были и сочувствующие, но Самохвалов уехал, а Егор Олейников приболел-старик уже. В тот раз Якова Сарафопова в деревне не было.

Приехавшие объявили: «Будем проводить реквизицию в пользу Советской власти».

И началась «реквизиция». Стали выводить из дворов коней, запрягать в сани, а на сани полетели одежды, подушки и другой немудреный скарб крестьян. Сначала со дворов побогаче, а потом и без разбору. Крик, бабий визг и слезы, мужицкий мат. Никто вступить не смеет, робеют- как же это против Советской власти!?

Тут на беду в деревню въехало несколько подвод цыган с семьями. Один из комиссаров подскочил к повозке, запряженной в неё добрым, мухортой масти конем, выбросил из саней немудреные цыганские пожитки. И не помогли ни отчаянное сопротивление хозяина, ни оглушительные крики цыганки с ребятишками.

– Не комиссары это, – сказал мужикам, стоявший в стороне и наблюдавший за бесчинствами приехавших людей с оружием старик Олейников.

В то время в посёлке Стрельцы жила вдова Пелагея или, как её попросту называли, Палаша. Приехала она уже после революции из России, как говорили тогда. Там она жила крепко и, почувствовав, что новая власть не в её пользу, бросила все и убежала, захватив лишь ценности. И не за границу, как это делали другие, а в Сибирь. Обзавелась домиком и жила потихоньку. Но не хватало, как сама говорила, в этом домике «мужчины». Вот и приласкала Алёшку-пройдоху, изворотливого мужика и конокрада. Ни Палашинной, ни Алёшкиной фами-

лии никто не знал. Просто: она-Палаша, а он- Алёшка Палашин. Да знали о его делишках. Вот только в Середино мало кто видел его в лицо, но все же такой нашелся, который и крикнул: «Да это же Алёшка Палашин», – указав на одного из «комиссаров», таких же как и он воров. А потом уж и другие подхватили: «Он!...Он!».

Мужики пришли в себя и давай крутить самозванных «комиссаров», да бросать связанных в запряженные сани. Увидел Алёшка, что скрутят и его, упал в сани с цыганским конём, рванул вожжи, и тот взял с места в галоп.

– Дайте мне коня, дайте коня!-забегал Никифор Илларионович Андреев- сильный, проворный мужик, – дайте коня! Я его щас жа догоню..! Миша, дай гнедка твоёва..!

Михаил Шурыгин как раз только подъехал верхом на коне и без разговору передал повод Никифору. А Алёшка тем временем уже скрылся в березняке.

– Догонит! Не догонит! – галдели мужики.

– Никиша черта возьмет.

– Тот тоже мужик.

– Мужик-то мужик, да против Никиши, что перепёлка против ястреба.

– А у Алёшки-то наган.

– Какой наган? У них глянть кобуры-то пустые на ремнях...

Переговариваясь, мужики остались ждать исхода погони. Связанныз бандитов бросили в амбар.

Алёшку на мухортом Никифор Андреев меж деревьями увидел в верстах пяти от деревни. Алёшка, заметив погоню, стоя на коленях у головок саней, стал нахлестывать коня.

«Резко бежит, ничто не скажешь», – думал Никиша, но шаг за шагом расстояние сокращалось. И в то же время соображал, как брат Алёшку: поравняться с санями, да прыгнуть на Алёшку. Но дорога узка, не даст заехать сбоку. А ведь далеко уйдет, если так ехать за ним.

Но что это – Алёшка не разобравшись второпях, проскочил развилку дороги и попал в тупик, ведущий на вырубку. Понял это и Алёшка затетался в саях. А Никифор успокоился: «Куда ты

теперь, голубок, денешься». А расстояние между ними всё короче. С обеих коней пена летела клочьями. Алёшка уже разглядел того, кто за ним гонится, узнал его и попадаться к Никифору ох, как не хотел.

И тогда, вскочив на головки саней, Алёшка прыгнул на спину коню, перерезал ножом гужи, чересседельник и ушел наметом вперед.

– Алёшка, остановись, никуда от меня не денешься, только коня загубишь, – кричал Андреев.

– Уйду, Никифор Ларионович, – в ответ Алёшка.

Понял Никифор – у Алёшки план выйти на издревинскую дорогу, которая была в верстах двух от этого места. Так оно и случилось. У Никифора был добрый конь, который все наседали на мухортого. Иногда мордой до хвоста Алёшиного коня доходил. Но только начнет обходить стороной, как Алёшка коня прижмет Никифорого к обочине дороги. Так и мчались, как на скачках. Один раз, правда, успел Никифор, поравнявшись, ухватить Алёшку за кожанку, но тот ударил вожжей гнедого по морде, конь Никифора сразу и осадил назад.

– Остановись, Алёшка, ведь не уйдешь.

– Нет, Никифор Ларионович, верст семь осталось, а там нас встретят...

«Вот оно что, – как громом ударило Никифора. – Он в Издревую подался, а там банда».

Попытавшись еще несколько раз достать Алёшку, Никифор решил бросить это дело. Ведь доберись до Издревой, дружки Алёшкины на свежих конях запросто достанут гнедого. Проехав немного шагом, он подался назад.

А к вечеру вернулся комиссар Сарафонов. Организовали отряд и в ночь выехали на захват банды в Издревую. Тридцать верст – не шутка. Поэтому туда приехали под утро. Кое – где лаяли собаки. Зная, что бандиты предупреждены Алёшкой Палашиним, в деревню заехали тихо. В одном доме горел свет. Развели: семь-восемь лошадей стояли оседлыми под навесом у корма. Одна из них вся в куржаке. Значит Алёшка здесь – конь цыганский-мухортый. Сарафонов расставил дру-

жинников. Каждому поставил задачу. Из дома был слышен громкий, пьяный разговор, как будто о чем-то спорили.

Постучали в дверь, сразу стих шум.

– Кто там?

– Комиссар Сарафонов! Откройте дверь, да без глупостей!

В доме заспорили, осаждавшие отступили от двери и вовремя-из дома раздался выстрел и от двери отлетела щепка, отколота пулей.

– Я сказал-без глупостей, – крикнул снова комиссар, – дом окружен, лошади ваши выведены, будете сопротивляться, перестреляем.

Снова заспорили бандиты. В конце концов, открыли дверь и сдались. Утром отряд вернулся в Середино. Бандитов отправили в волость. Цыгану вернули коня.

Дмитрий Дулин

Маслянинский район

Партизаны

Летом 1919 года в селах, которые сейчас находятся на территории Маслянинского и Тогучинского районов, полным ходом шла Гражданская война. В соседних с ними Тогульской, Сорокинской и Залесовской волостях Алтайской губернии разгоралось народное восстание, действовали партизанские отряды. В Бубенщиково, Суенге, Серебренниково, Александровке и Каураке были сильные кулацкие дружины, а в Маслянино – значительный отряд колчаковских войск. Егорьевск, Суенгу, Мостовую занимали то каратели, то партизаны.

Оплотом Советской власти в Маслянинском районе стал прииск Егорьевск, закрытый с началом войны. Многие рабочие ушли на шахты Кузбасса, остальные были призваны в армию. После революции большинство рабочих и солдат вернулись в родные места.

К середине 1919 года весь север Омской и юго-запад Томской губернии был охвачен партизанским движением. Уже в июле, когда восстание охватило 56 волостей Томской губернии, которые объявили себя партизанским краем

и на территории которых были созданы военно-революционные штабы и ревкомы, сформированы пять повстанческих армий, насчитывающих около 20 тысяч бойцов, – верховный правитель адмирал Колчак был вынужден признаться, что он не понимает этот народ (то есть сибиряков-повстанцев), не знает что ему нужно.

В середине ноября 1919 года, после очередного налета кулацкой дружины, подпольная группа И. А. Чусовлянова собрала сход и на нем сформировала значительный отряд добровольцев. Командиром избрали старателя-фронтовика Михаила Лазаревича Вершинина. Фронтовики откапали винтовки, рабочие собрали ружья, отковали сабли, откапали пики, конфисковали лошадей у кулаков и купцов. В рукописной книге И. Н. Худякова «Конец дружины святого креста» – очевидцы тех событий: отряд конным строем выступил на Бубеньщиково. Но в пути стало известно, что из Маслянино и Александровки на Егорьевск вышли каратели, поэтому решили вернуться на прииск и дать бой. Каратели и партизаны подошли к Егорьевску одновременно. Бой начался на горе Полдневой. Под давлением численно превосходящих сил колчаковцев, вооруженных пулеметами, партизаны мелкими группами стали отходить в лес. При отступлении погиб командир отряда М. Л. Вершинин. Кулаки-дружинники захватили до десятка раненных партизан и учинили над ними зверскую расправу. К. С. Пятунина повесили на воротах родного дома, В. Куликова, Я. Плотникова, Х. Шатуло зарубили шашками на площади, остальных расстреляли.

В лесу егорьевцы избрали нового командира Ивана Моисеевича Иванова. Был образован «летучий» отряд разведки, во главе которого стоял Василий Лобанов. Отряд по ночам, с горсткой разведчиков, под носом у карателей и дружинников совершал рейды в деревни за тридцать, сорок верст от Егорьевска. В селе Никоново обнаружили большой обоз с оружием, но захватить его было не так-то просто.

Колчаковцы грабили население и забирали все с собой, нагружая обозы, жестоко расправлялись с людьми,

Памятник героям
Гражданской
войны в селе
Егорьевское

примером служила расправа над травниковским мальчишкой Митькой Исаевым, который ушел в партизаны. Узнав что он приехал к родителям, колчаковцы окружили дом, но родители успели его предупредить и он спрятался в копну сена, но так как выпал снег то следы были заметны, они, окружив копну, штыками прошли ее и ни в чем не повинного парня, он и крикнуть не успел. «А тут и другие в охоту вошли. Штыками измолотили, искривили копну. Натешившись до усталости, скинули сверху поалевший пласт сена. Человека не было, не было и трупа. Был изуродованный кусок мяса. Жутко, видно палачам стало, забыли в семье расправу учинить, на коней скорее и вскачь от дома». Такую же расправу они учинили в Егорьевске, повесив на воротах молодого партизана – Шатулу, и избив нагайками многих мужчин и женщин, которые за них заступались.

Началось «усмирение» непокорных волостей – расстрелы без суда и следствия, порки, грабежи. Все усиливающиеся репрессии колчаковцев вызвали обратное действие: ряды сторонников Советов росли с каждым днем. Война стала всенародной. Колчаковский тыл превратился во второй фронт. Егорьевский кавалерийский партизанский отряд влился в Чумышскую дивизию, а затем – в пятую Красную армию, и вместе с красноармейцами отправился далее на восток.

Памятник на могиле партизан в с. Кундран

Многие погибли в сражениях, многие были замучены колчаковцами, но на место павших бойцов поднимались сотни новых.

Для ведения партизанской войны в Маслянинском районе и в селе Егорьевское были благоприятные условия:

– непроходимые таёжные леса делали недоступными для колчаковцев партизанские базы, где можно было накапливать резервы и скрываться при приближении крупных карательных отрядов;

– хорошее знание местности обеспечило манёвренность партизанских отрядов.

Попытка уничтожить партизан окончилась полным разгромом карателей. Белая армия «таяла» под ударами красноармейцев и партизанских соединений. Немалую роль в освобождении сыграли партизаны нашего района и наш Егорьевский красноармейский отряд, влившийся в пятую красную армию.

Самоотверженная борьба почти безоружных партизан навеки останется в памяти поколений, а имена их будут с гордостью произносить потомки.

**Евгения Эллерт,
Татьяна Колесникова**

Убинский район

Село Кундран в Гражданскую войну

Во время Гражданской войны в село Кундран приезжало много агитаторов, которые призывали крестьян идти за Советскую власть.

Вскоре после этого начались боевые действия. Когда на территорию нашего села вступили белые войска (колчаковцы), все люди защищали свое село. Организовался партизанский отряд. Комиссаром отряда стал Ехван Курлов. Отряд имел связь с селом Конёво, там находился штаб партизанского движения.

Когда отряд колчаковцев вступил в село Круглоозёрное, здесь разгорелся ожесточённый бой. Силы были неравные. Партизаны и все жители села были вооружены вилами, топорами,

редко у кого были ружья. Белогвардейцы были вооружены до зубов. Поэтому партизанам пришлось отступить. Они скрылись в лесу, но белогвардейцы их там настигли.

В этом бою погибло много партизан. Девять молодых парней погибло из Александровского поселка: Гордиенко Иван Данилович, Никуленко Петр Владимирович, Соболенко Иван Борисович, Луговой Семен Данилович, Баразняк Иван Павлович, Спивак Алексей Сидорович, Луговой Иван Игнатьевич, Слыш Семен Лаврентьевич, Харченко Иван Кириллович.

Им поставлен памятник в поселке Александровском. Многие похоронены в нашем селе: Кухарь Нестер Акимович, Комличенко Иван Акимович. Многих колчаковцы выпороли. Выпороли жену Ехвана Курлов. Одному из партизан удалось спастись.

Колчаковцы начали расстреливать партизан, он живым упал вместе с убитыми. Когда начали снимать с партизан верхнюю одежду, дошла очередь и до Тунычкова Ивана. С него начали снимать сапоги, в это время он нечаянно шевельнулся. Тогда белогвардейцы с криком: «Красная сволочь» отрубили ему нос, рассекли щеку. Ночью, истекая кровью он приполз к своим. Он вы-

жил и воевал в Великую Отечественную войну и там погиб.

Стреляли белые в тех, кто имел оружие или кто пытался скрыться в лесу. Но долго белогвардейцам продержаться не удалось. В начале ноября белые начали отступать из села под мощным натиском Красной армии. Отступая, они начали забирать у населения скот, особенно лошадей, и заставляли сопровождать их на своей подводе. Сопровождали большей частью старики, дети, женщины.

Мужчины скрывались в лесах. За неповиновение крестьян расстреливали на месте. В Ярках разгорелся ожесточенный бой. Партизанский отряд, а вместе с ними сопровождающие крестьяне, боролись против врагов. Большой вред нанесли нашему селу карательные отряды белых. Они забирала у населения всё, что попадалось под руки.

Вскоре в село пришли красные, установилась Советская власть, стали менять деньги. Наше село всячески старалось поддерживать Красную Армию. Сельчане делились с красногвардейцами последним куском хлеба.

Вера Черникова

Болотнинский район

Два пятнышка

Мы ехали с отцом на электропоезде, возвращались из Новосибирска. Была ранняя весна, снег сошёл, но тепло капризничало и никак не хотело обсохнуть в наших краях. Мне было приятно сидеть на тёплом сиденье около окна и наблюдать, как тень панто-

графа* бежала рядом с вагоном, на поворотах она пряталась, а потом вдруг выскакивала откуда-то из-под колёс, будто играя со мною в прятки, и вновь уверенно и ровно струилась по жухлой, серой и неумытой траве. Уже два года как железную дорогу в Болотное электрифицировали, из стальных проводов упругий пантограф сосал электрические силы, и новенькие тёплые вагоны с весёлым перестуком мчали нас по звонким рельсам.

Я уже основательно наслаждался весенним однообразием, соседями-пассажирами и бездумно и равнодушно смотрел в оконную даль. Отец сидел напротив, он тоже устал, под расстёгнутой курткой виднелась военная гимнастёрка, которой он сильно дорожил и надевал только по особым парадным случаям, она изрядно выцвела, но ещё хранила ровность воротничка, умело скрывала подмышечную отпотелость и два тёмных пятнышка от боевых наград над правым нагрудным карманом.

Поезд вдруг сменил привычную и азартную прыть на ровный ход, медленно пополз по ровным рельсам, лениво поскрипывая колёсными парами, а скоро совсем встал. Я огляделся. С одной стороны вагона – крутой косогор уходил выше взгляда куда-то вверх, а справа – обрыв в лог, глубокий и страшный, до самых берёз. Коричневая кромка насыпи казалась куском серого хлеба, местами прихваченного зелёной плесенью от чуть проклюнувшейся травы.

* Пантограф – токоприёмник с подъёмным механизмом, который обеспечивает вертикальное перемещение контактного полоза.

Братские могилы белочехов между станциями Чебула и Чахлово на фотографии из космоса

Бронепоезд
«Орлик».
Белочехи.
Июль 1918 года

Люди оживились, женщина с ребёнком на руках, что сидела подле меня, недовольно, с ярко выраженным деревенским говорком спросила:

– Чёй-то мы встали?

– Восьмитысячник*, – пояснил отец – крутой подъём, впереди, видимо, грузовой поезд. Это привычное тут дело, от Чебулы до Чахлово тяжело грузовикам. Минут десять, и поедет.

За окном чёрствая шерсть прошлогодней травы, скукота, и вдруг я увидел две ямы – неглубокие, они виделись, как два тёмных пятна под самым склоном, их будто специально вырубил когда-то в дёрне. Но зачем ямы в столь неприметном и глухом месте?

– Пап, смотри, – и я показал вниз, под железнодорожную насыпь. – Это ямы?

– Нет, сынок, это могилы, – ответил отец.

– Чаво енто? Могилы? – удивилась соседка с грудным ребёнком на руках. Она привстала и с любопытством выглянула в окно.

– В гражданскую наши красные партизаны здесь состав с белочехами** пустили под откос, – пояснил отец. –

* Восьмитысячник – крутой подъём (8 метров высоты на 1000 метров длины).

** Белочехи – Отдельный Чехословацкий корпус, сформирован после Февральской революции. По договорённости с Германией, отправлен домой через Владивосток. По ходу перемещения на восток страны был втянут в боевые действия Гражданской войны 1918–1920 годов на стороне белых.

В одной могиле рядовые, а в другой офицеры. А земля на могилах со временем просела.

– Вона как, – тревожно вздохнула женщина, прикрыла белым уголком пелёнки лицо спящего малыша, – значица, здесь люди схоронены. Страсть-то кака.

А я смотрел на могилы и с гордостью думал: молодцы наши красные партизаны, наkostenяли белочехам! И поделом им, нечего было против нас выступать. И за отца гордился, который воевал с фашистами, – и немцам наша Красная Армия тоже наkostenяла по полной.

Вот так я всё запомнил: и тот день, и тот случай, и ещё своё непонимание, зачем отец снял два геройских ордена, от которых только тёмные пятнышки и остались на полинялой гимнастёрке.

Прошли годы, прошло много лет, отец умер и похоронен под красной звездой, как участник и победитель в великой войне. Но вдруг и зачем-то вспомнил я эти братские могилы и слова простой деревенской женщины: «Значица, здесь люди схоронень».

– Белочехи это, – в мыслях спорю с нею я. – Враги!

– Но люди же, – возражает крестьянка.

Да, верно, люди, и осталось от них только две ямки, два пятнышка на русской земле.

P.S.

Нет никакой более информации о братских могилах белочехов между станциями Чебула и Чахлово. И понятно, что во время Гражданской войны о боевых действиях партизан документы никто не составлял и в госархив не сдавал, но об этом событии, я думаю, можно узнать значительно больше, если юные следопыты захотят поработать в госпартерхиве Новосибирской области в разделе воспоминаний участников партизанского движения за период с июня 1918-го по декабрь 1919 года.

Коля Чухов

Доволенский район

Четыре поколения солдат

Прапрадеды

Мой прапрадед, дедушка моей бабушки Шукиной Н. К., Решетников Николай Ефимович 1894 года рождения, уроженец деревни Кошланы бывшей Киевской губернии, воевал на фронтах первой мировой войны. Но об этом периоде его жизни в семье не сохранилось никакой информации кроме маленькой фотографии.

Может быть это произошло потому, что в мирное время, Николай Ефимович, работая счетоводом в Первомайском совхозе № 218 Каргатского района, был арестован 16 февраля 1938 года по необоснованному обвинению в принадлежности к «контрреволюционной диверсионной кулацкой группе». Осужден тройкой НКВД 4 марта 1938 года по 58-й статье к расстрелу. Реабилитирован 14 марта 1959 года постановлением Президиума Новосибирской областного суда № 186с «за отсутствием состава преступления».

В семье старались о нём не говорить, потому что Николая Ефимовича объявили врагом народа, и только в годы перестройки моей прабабушке Порядиной Вере Николаевне пришло письмо Федеральной службы безопасности РФ Управления по Новосибирской области от 25 июня 1996 года о его реабилитации.

Мой прапрадед Порядин Дмитрий Яковлевич воевал с немцами в первую мировую войну (1914–1918 годы). Из поколения в поколение передаются его воспоминания. Правда, жаль, что их сохранилось очень мало!

Как-то после очередного боя, прапрадед взял котелок и пошёл к реке за водой, очень хотелось пить. Наклонился, зачерпнул воды и видит, недалеко от него (был изгиб реки), так же, как и он, с котелком в руках, стоит немец. Стоят, смотря друг на друга, не знают, что делать. Потом пошли друг другу на встречу, сели рядом, свернули самокрутки, выкурили. Каждый говорил на своём языке, но глаза выдавали всё,

что они хотели сказать друг другу. После короткого разговора встали, пожали друг другу руки, и пошли каждый на свою сторону, в свой окоп.

Летом 1919 года всекрушающийся вал наступления Красной Армии перекатился через Уральские горы. Началось освобождение Сибири от Колчака. В нашем селе имеется исторический памятник – братская могила партизан – жертв колчаковщины. Памятник установлен в 1920 году. В братской могиле похоронены партизаны: Князев Д. В., Анисимов Г. П., Сарсайский В. К., Василий Иванович (фамилия неизвестна) – связной из другого партизанского отряда. Сохранились сведения о Владимире Константиновиче Сарсайском. Он был сыном купца. Они имели лавку в Ярках, маслозавод, а также лавки в окрестных сёлах: Увальное, Кротово, Утянка, Сарыбалык. Владимир Константинович был офицером царской армии, затем перешёл на сторону Советской власти и примкнул к партизанскому отряду.

Наши односельчане оказали большую помощь в разгроме Колчака. Их имена живут, и будут жить вечно в памяти моего поколения и тех, кто придёт нам на смену. А памятник, над которым шефствует наша школа, этому подтверждение.

Прадед

Сообщение о нападении фашисткой Германии разнеслось по всей стране. Сибиряки уходили на фронт целыми семьями. Из нашего села на фронт ушли 532 жителя, погибло и пропало без вести – 272 человека.

Из воспоминания моей бабушки Шукиной Надежды Константиновны: «Мой отец – Порядин Константин Дмитриевич, родился в 1925 году 14 апреля. Когда началась война, ему исполнилось 16 лет. По возрасту, он не подходил для службы в армии, но, как и всякий мальчишка, он мечтал о фронте. Со своими

Прадед Николай Ефимович Решетников

Прадед
Константин
Дмитриевич
Порядин

сверстниками они строили планы побега, во сне громили фашистов.

В 1943 году, когда ему исполнилось 18 лет, его призвали в армию. Подготовка молодых солдат была не долгой. На фронте разворачивались ожесточённые бои. Поэтому их почти сразу же отправили на фронт. Воевал отец на Белорусском фронте под командованием маршала К. К. Рокоссовского. Отец был сапёром, наводил переправы для прохода

боевой техники через реки, топкие болота. Ему даже пришлось ходить в разведку за «языком».

Отец вспоминал, что ему было страшно, но долг перед Родиной подавлял этот страх. Особенно было страшно, когда налетали немецкие самолёты. Фашисты производили бомбардировки: где стоял солдат, там и падал. Когда всё стихало, вставали, а рядом лежали погибшие товарищи. И тогда понимали, что жизнь висела на волоске и погибнуть могли все в любую минуту. В те годы отцу очень хотелось жить, ведь так молод он был!

С боями отец шёл по Белорусской земле, освобождая один населённый пункт за другим. Он видел, как жестоко расправлялись немцы с мирным населением, убивали женщин, детей, стариков, сжигали целые деревни. Отец принимал участие в освобождении Кенигсберга (Калининграда). Город был заминирован, для этого немец применил очень сложную систему. Одна неточность в разминировании могла поднять город в воздух. Пришлось очень трудно, но разведка и сапёры смогли решить эту задачу и горд разминировали.

Отец очень часто вспоминал, как он со своими товарищами ходил брать «языка». «Язык» необходим был для дальнейшей операции. Группа успешно пробралась на немецкие позиции, добыли «языка» и стали отходить. И тут фашист стал кричать. Чтобы его успокоить, оглушили «слегка». Фашист потерял сознание. По прибы-

тию в штаб выяснилось, что он мёртв. Видно не рассчитали силы, боялись, что фашист своими криками испортит столь удачно проведённую операцию. И он испортил! Пришлось во второй раз идти, но на сей раз взяли не простого солдата, а офицера.

Так с боями отец дошёл до Берлина. Он был несколько раз ранен, контужен. Даже родители получали на него похоронку. Но он остался жив. С друзьями-однополчанами ему пришлось брать Рейхстаг. Он видел, как водрузили знамя на купол Рейхстага, расписался на его стене, оставив автограф победителя.

После капитуляции фашистских войск отца и его товарищей отправили в Москву для участия в параде Победы на Красной площади. Им выдали новую форму, пилотку. В день парада пошёл сильный дождь, пилотки были крашенные, и вся краска потекла. Был дан приказ и по цепочке быстро всем выдали офицерские фуражки. Солдаты – освободители с честью прошагали перед мавзолеем, к подножью которого были брошены фашистские флаги.

После парада отца вновь отправили в Германию, где он разминировал улицы Берлина, наводил порядок в городе со своими однополчанами. Он рассказывал, что не было случая, что бы кто-то из солдат обидел местное население. Они делились своей едой, кормили в первую очередь детей, стариков, женщин. Никому не отказывали в просьбе. Это ещё раз подтверждает, что русская душа добрая, отзывчивая.

В 1948 году отец вернулся домой. Он был награждён за свой ратный труд орденами и медалями, но не носил их, одевал редко, по праздникам. Не он один считал, а многие, что они выполняли свой долг перед Родиной, своей семьёй, будущим поколением. Навсегда в моей памяти останутся рассказы моего отца о войне. В последнее время на экранах появляются художественные фильмы о тех страшных для нашей страны годах. В некоторых эпизодах я вижу события, о которых рассказывал нам отец».

Бабушка и мне передавала воспоминания своего отца. Больше всего в её

рассказах меня поражало то, что Красная армия высоко пронесла по странам Европы боевые знамёна армии-освободительницы. Мой прадед строго соблюдал соответствующие соглашения о взаимоотношениях с местным населением. Уже после войны в Берлине он со своими однополчанами, как и все красноармейцы покорили местное население своим гуманным отношением к ним, готовностью прийти на помощь пострадавшим от войны детям, старикам, благородством души и щедростью сердца.

Дед

Жалко только, что с каждым годом всё меньше ветеранов приходит на празднование Дня Победы. Вот и в нашем селе не осталось ни одного ветерана. В 2005 году ушёл из жизни последний Солдат Победы – Заворин Михаил Миронович.

До сих пор мальчишки играют в войну. Я помню, в детском саду на 23 февраля нам надели зелёные пилотки с настоящими солдатскими звёздочками. Большого счастья в то время мы не испытывали. Казалось, что мы повзрослели и в одночасье стали настоящими солдатами. Да и потом хотелось носить солдатскую звёздочку. Такую звезду я видел на фотографиях моего дедушки и отца, на их солдатских головных уборах. И только когда подрос, я узнал, что обозначает этот символ в армии.

Мой дедушка Карлов Алексей Иванович служил в армии с 1962 по 1965 годы. Тогда служба длилась три года. Служил дедушка в Нижнем Тагиле, городе в Свердловской области. Город расположен на восточном склоне Среднего Урала на реке Тагил.

Пройдя «учебку», дедушка принял присягу. Всё было очень торжественно: перед строем своих товарищей, перед лицом командиров, возле Боевого Знамени, с оружием в руках он произносил торжественную клятву на верность Советской Родине, народу. Дедушке армия дала многое: научила ответственности, дисциплинированности, умению прийти на помощь.

Он и сейчас считает, что каждый молодой человек должен пройти служ-

бу в армии. Поэтому, когда пришла повестка в военкомат его сыну (моему отцу), он с пониманием отнёсся к этому событию, знал, что сын не уронит чести советского солдата, выполнит свой долг, не посрамит их род, где каждый мужчина был в своё время солдатом.

Отец

Мой отец проходил службу в армии с 1989 года по 1991 год в Монгольской народной республике в Улан-Баторе в инженерных войсках. « В армию я ушёл самым первым из моих одноклассников. Вместе со мной в классе учились ещё четверо парней, и все они прошли службу в рядах Советской Армии. К службе в армии я был готов: в школе прошёл курс НВП, а в военкомате – профильный курс, получив права шофёра. Все знания, полученные мною в школе на уроках НВП, мнегодились.

1 декабря 1989 года я принял присягу. Текст присяги помню и сейчас. Служить мне было легко. Физически я был хорошо развит: это подтверждают значки, которыми я был отмечен – Воин-спортсмен, Отличник Советской Армии, значок Высшей школы полиции, а так же награждён медалью «За боевое содружество».

В нашем шкафу дома висит парадная форма моего отца. Иногда он достаёт её, примеряет, показывает мне и моему брату значки и медаль, рассказывает о том, за что он их получил.

Для нас это лучшие мгновения в нашей жизни. Я ни на минуту не сомневаюсь в том, что я, как и отец, пойду служить в армию. Мне с детства внушали, что настоящий мужчина тот, который умеет защитить семью, Родину. Армия этому научить может!

История нашей армии продолжается. Значит, продолжится армейская история моей семьи. Её новые страницы ещё напишет подрастающее поколение. Теперь моя очередь идти на службу в армию, учиться долгу, ответственности, верности, подвигу, героизму.

Артём Карлов

Северный район

Судьба Рыкалевых

Семья Рыкалевых – переселенцы из Украины, из Хмельницкой области, село Заставцы. В свое время родители поехали в Сибирь по Столыпинской реформе. Осели в селе Усть-Ургулька. Стали работать на земле. А ее было мало. Надо было корчевать лес, распахивать поля. Но работа спорилась, жизнь налаживалась. В семье было пятеро детей: Еремей, Нестер, Николай, Ульяна и Анна – мал-мала меньше. Семья теснилась в маленькой избушке. Занимались хозяйством и огородом. Так прожили до 1917 года.

Нестор Фёдорович
Рыкалев

Гражданская война

В 1919 году в Сибири Колчак еще пытался установить свою власть. Но его дни были сочтены. Понимая это, колчаковцы проявляли особую жестокость, когда в селах искали людей, связанных с партизанами.

Фёдор Рыкалев принимал активное участие в партизанском движении против белых. Когда каратели ворвались в деревню, дед был в лесу, отвозил продукты партизанам. Федосью Рыкалеву жестоко избили, потому что она не сказала, где находился муж. Но нашёлся предатель, который узнал, где находятся партизаны, и повел их в лес. Каратели схватили Рыкалева. Фёдор был высокого роста, крепкого телосложения, всегда носил нож за голенищем сапога. И когда его схватили, он успел пятерых врагов уничтожить ножом. Но карателей было много, они связали его, привезли в деревню домой. Стали зверски издеваться над ним на глазах его семьи. На спине вырезали звезду, отрезали уши. Самый страшный сын Еремей, которому было 11 лет, спал на полатах и, проснувшись, увидел окровавленного отца. Сердце ребенка не выдержало, он умер от разрыва сердца. Самую младшую дочь Анну, младенца нескольких дней от роду, выбросили в окно в крапиву: «Пусть собаки сожрут этого партизанского выродка». Федосья схоронила в один день мужа и сына. И осталась одна с четырьмя детьми.

Николай Фёдорович
Рыкалев

Сироты

Федосья Рыкалева не могла оправиться от побоев, нанесенных карателями, она сильно болела и умерла через два года. Остались маленькие дети круглыми сиротами. Нестер пошёл пасти овец к людям, чтобы заработать кусок хлеба. Ульяна ушла в няньки, нянчить детей у зажиточных людей. А трехлетнего Колю и двухлетнюю Анну определили в детский дом в селе Верх-Красноярска, где директором работал Блохин Кузьма Степанович. Дети его называли отцом. Коля звал братом сына директора детского дома Петра. Они так и остались названными братьями на всю оставшуюся жизнь. Связь они не теряли между собой до глубокой старости. Выйдя из детского дома, Анна пошла работать на сливкоотделение села Верх-Красноярка. Ей было 14 лет. Учебу она продолжать не смогла. Сильно тяжело им жилось. А Коля был одаренным мальчиком и очень способным к учёбе, учился на отлично. Решили, что он должен продолжить образование.

Судьба Николая

Николай поступил в педагогическое училище в городе Каинске. Ему помогали сёстры и брат. Николай вспоминал: «Нестер, Уля и Анна дали мне в ладонь все копейки, что у них были. И я пошёл пешком в лаптях, в старенькой телогреечке, с мешком за плечами. В мешке было немного картошки, ставшей основным пропитанием в то тяжелое время. Но была у меня тяга к знаниям и мечта стать учителем». Учился на отлично, понимал, что надо оправдать доверие брата и сестёр, получить профессию.

После училища начал работать в селе Дупленка. Там женился тоже на круглой сироте – Курганниковой Надежде Зиновьевне. Затем был назначен директором школы в селе Фёдоровка Северного района. Николай Федорович учил Борискина А. В. – героя Советского Союза, был у него в Куйбышеве в гостях, они долго переписывались.

Когда началась Великая Отечественная война, Николай ушёл на фронт добровольцем, а дома оста-

лась жена с двумя маленькими сыночками.

Судьба была благосклонна к нему, он прошёл всю войну. В грозном 1942 году вступил в коммунистическую партию. Воевал с декабря 1941 года на Юго-Западном, затем Сталинградском, Южном, Украинском и Белорусском фронтах в 320 дивизионе 67 минометного Мелитопольского ордена Красной Звезды полку. Это полк всем известных сегодня «Катюш». Николай Фёдорович был заместителем командира по политической части в звании капитана. Был ранен в боях под Харьковом в 1942 году, тяжело контужен в боях под Сталинградом в 1943 году. В 1944 году награждён орденом Красной Звезды за бои под Оршей. В 1945 году Николай Фёдорович награжден орденом Отечественной войны II степени.

Николай Фёдорович участвовал в освобождении городов Крыма: Джанкой, Симферополь, Бахчисарай, Ялта, оборонял Севастополь. Получил звание гвардии майор.

Война шла уже на территории Германии. В боях за город Штайботен под огнем противника он организовал оружейный расчет на быструю подготовку орудия к бою. В результате этих действий была отбита контратака противника и уничтожено три огневые точки врага, что позволило нашим войскам продвинуться далеко вглубь территории противника.

После победы над Германией минометный дивизион перебросили на войну с Японией. Воевать приходилось в малопроезжимой болотистой местности. 11 сентября 1945 года в районе Тачо на боевые порядки дивизиона напали японцы. Николай Фёдорович организовал бойцов, сам проявил решительность и отвагу. Враги были уничтожены. Николая Фёдоровича наградили орденом Отечественной войны I степени.

После войны его оставили на военной работе, а он всей душой хотел на Родину, в Сибирь. Не мог забыть сибирские леса. Служил начальником военного отдела Азовского морского пароходства, проживал в городе Мариуполе. На Родину в Сибирь приез-

жал часто. И всегда ездил в Усть – Ургульку и Фёдоровку. Имел 4 детей. Из жизни ушел в 1995 году в возрасте 79 лет.

Судьба Нестера, Ульяны и Анны

Нестер Фёдорович ушёл на фронт, но не вернулся. Одну весточку получили от него, что находится под городом Черниговом, пулемётчик. В письме была единственная фотография. Потом в 1942 году пришло письмо – «пропал без вести».

Ульяна Фёдоровна жила в селе Северном. Она рано вышла замуж. Родила сына, но с первым мужем семейная жизнь не сложилась. Второй раз вышла замуж удачно. Работала на маслозаводе. Ушла из жизни в 1996 году в возрасте 82 лет.

Анна Фёдоровна всю свою жизнь проработала на сливкоотделениях. В те времена рабочих часто перебрасывали с места на место. Жила она в Фёдоровке, Гражданцево, Больших Куликах. Первый ее муж погиб на фронте. Во втором браке родились двое детей. Анна Федоровна последние годы жизни провела в Северном, ушла из жизни в 58 лет.

Боль души

Из большой семьи Рыкалевых Надежда Васильевна Николаева, дочь Анны, осталась в Сибири одна. Дети

Николай Фёдорович Рыкалев

Николай Фёдорович и сестра Ульяна (крайняя права). 4 августа 1989 г.

Николая Федоровича живут в Украине. На сегодняшний день встретиться с ними невозможно – такова политическая ситуация.

До сих пор болит душа Надежды Васильевны, когда она вспоминает историю своей семьи. Но нить памяти не должна прерываться. Чем больше дорожит человек памятью своих отцов, дедов и прадедов, тем лучше он осознаёт своё место в этом мире, тем глубже чувствует свою ответственность за будущее.

Евгения Сильванович

Кольванский район

Звёздочка

В Кольвани в 1920 году случился так называемый Кулацкий мятеж. Зажиточные крестьяне и прочий торгующий и деловой люд согнали своих земляков в количестве двадцати одного человека к изгороди церкви во имя святого благоверного великого князя Александра Невского, там и расстреляли всех. Их расстреляли не за то, что они взяли в руки оружие и кого-то ограбили, не за то, что они были большевиками, а за то, что поддержали новую Советскую власть и мечтали жить достойно. Там их и похоронили в огромной братской могиле.

Что скажешь, время было такое. Дикое время, дикие нравы!

Позже уже новая власть поставила пирамидальный памятник со звездочкой на острие.

Но не давала покоя новой Советской власти эта самая церковь, то закроют, то вновь разрешат вести службы, а к 1968 году терпение кончилось у местного партийного актива и здание церкви передали под хозяйственные нужды. Кресты сорвали, купол сбили, даже подорвать пытались, но качнулась колокольня, да выстояла.

Что скажешь на это? Дикое время было, дикие нравы.

В конце восьмидесятых приняли решение восстановить церковь, а вокруг неё обустроить Покровский Александро-Невский женский монастырь. Оформили землеотвод, поставили из-

городь новую кирпичную, так и попала братская могила на территорию монастыря. Сначала бурьяном заросла, потом обсадили могилку с облупившимся памятником кустарником и деревьями, обиходили называется – чтобы глаза не мозолила, да вот незадача, пропала куда-то звездочка с памятника. Исчезла, сверглась наземь, как когда-то невинные люди полегли в эту землю, как когда-то золочёный купол с крестом утонул в жирном сибирском чернозёме, так и звездочка теперь покоится где-то ржаво и безымянно.

Памятник густо обсажен кустарником и деревьями, чтобы не видели прихожане.

Что делать, опять вздыхаем мы, время такое. Дикое время настало, дикие нравы.

Не берёт нас мир, а история упрямо ничему не учит. И что, надежды на выздоровление нет? Да, расстрелянных не вернёшь, но крест-то вернули, осталось звёздочку вернуть, коммунистам прийти да цветы возложить, монахиням молитву об упокоении прочитать, а мирянам с миром свои гордые головы склонить. Вот когда только и заглянет в наше окошко, как солнышко, надежда, что грядёт новое время, в котором будут различимы очертания счастливой жизни.

Кто из нас смеет судить прошлое? Никто и никогда, но учитывать уроки истории с благодарностью и почтением к своим предкам мы обязаны. Наступило новое столетие, в котором мы имеем только одно право – явить пример глубокого познания, отчаянной защиты и низкопоклонного почитания прошлого, хотя бы для того, чтобы нашим детям не пришла в голову прихоть устраивать судилище над нами и нашим трагическим, неимоверно тяжёлым временем. Кресты должны стоять на удобном им месте – на куполах церквей, звёздочки – рубиново сиять на памятниках, а люди должны жить до преклонных лет достойно, в мире и согласии! Вот когда и после чего появится желание поздравить нас всех с Днём народного единства!

Николай Александров

Новосибирск

Бумеранг

Почему так много людей относится к священнослужителям негативно или, скажем мягче, недоверчиво? Этот вопрос возник у меня очень давно, но то ли суета, то ли ещё какая беда не позволяла мне заняться поиском ответа. Однако ещё в школе, увлечённый литературным творчеством, я собрал некоторую подборку, которая смешила, но и смущала меня, потому что к религии в нашей семье относились уважительно. Подборку пословиц и поговорок о попах я хранил втайне от родителей. Вот он, «Глас народа – глас Божий»:

*Поп смирен духом, да велик брюхом.
Мужик плачет – а поп пляшет.
Поп что клоп – людскую кровь пьёт.
Попу да вору всё впору.
Поп и Богу норовит
за чужой счёт угодить.
Попы да черти одной шерсти.
Ряса просит мяса.
Поп втихомолочку нашёл себе
богомолочку.
Весы – не попова душа, не обманут.
У всякого попишки свои тёмные
делишки.*

Очевидно, что негатив тянется ещё из веков далеких, видимо, с тех самых пор, когда в норме были гонения несчастных язычников, разорения капищ и сожжения особо несогласных и нежелающих креститься. Но как оно было на самом деле, теперь один Бог только ведает.

В 1830 году Александр Сергеевич Пушкин, не боясь анафемы, создает «Сказку о попе и работнике его Балде»? В сказке поп очевидно отрицательный персонаж: он жаден, хитер и злобив, в то же время имеет некие коммерческие отношения с нечистой силой, которая платит ему оброк. За что? За то ли, чтобы свободно жить на территории поповского прихода. Но такое предпрятие для священнослужителя есть должностное преступление.

Следом за великим поэтом не менее великий прозаик Николай Васильевич Гоголь в сказочном произведении «Вий» собирает всю нечистую силу

в церкви. Одним словом, творчество наших классиков не повышало уважительного градуса к священству.

Тремя десятками лет позже появляется поэма Николая Алексеевича Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». В произведении Некрасова этот вопрос «неуважения» к духовенству вообще звучит из уст самого священника, который спрашивает мужиков:

*– Теперь посмотрим, братия,
Каков попу почёт?
Задача щекотливая,
Не прогневить бы вас?..
Скажите, православные,
Кого вы называете
Породой жеребьячьей?
Чур! отвечать на спрос! –
Крестьяне позамялися.
Молчат – и поп молчит...
– С кем встречи вы боитесь,
Идя путем-дорогою?
Чур! отвечать на спрос! –
Кряхтят, переминаются,
Молчат!
– О ком слагаете
Вы сказки балагурные,
И песни непристойные,
И всякую хулу?..
Мать-попадью степенную,
Попову дочь безвинную,
Семинариста всякого –
Как чествуете вы?
Кому вдогон, как мерину,
Кричите: го-го-го?..*

Крестьяне молчат, потому что все претензии батюшки справедливы. Нам теперь удивительно, но сто лет назад была расхожая примета: «Поп на дороге – недобрая встреча». Из приведенных аргументов, очевидно, что «почёта» и уважения в прошлые века народ к духовенству не испытывал. Однако надо признать, что пушкинские, гоголевские и некрасовские строки были написаны в самое благополучное для православной церкви время, в восемнадцатом веке, когда подавляющая часть населения – это крепостные, то есть бесправные и подконтрольные, крещеные православные люди, которые ходят в храмы, постятся и причащаются. Так в чём же дело? Откуда эта неприязнь? В чём природа этого негативного явления? Ведь как гово-

рят: «Даже прыщ на носу – и тот даром не вскочит, но сначала почешется».

Перечисленные сюжеты могут вызывать улыбку и некоторое непонимание – как могло случиться, что главные идеологи царя-батюшки, служители, отвечающие за духовное состояние общества, не пользовались должным уважением ни в народе, ни у классиков русской литературы. Мы не говорим об отдельных священниках, позже причисленных к лику святых, эти единицы и оставались единицами в общей многотысячной массе духовенства. Накануне революции 1917 года в России было 81399 священнослужителей – целая армия, по численности сопоставимая только с партноменклатурой советского времени.

Общепринято, что писатели есть совесть народа, его голос, его душа и прочие обязательства. Ещё в юности мне на глаза попала «Исповедь» Льва Николаевича Толстого, произведение крайне искреннее и честное, именно из-за этой «Исповеди» Лев Николаевич был отлучён от церкви и похоронен за пределами кладбища, в тихом, любимом им лесу, на краю оврага. Мысль его проста: он исключал пользу религии, отягчённую ненужными обрядами, для мыслящего человека. Попытка мыслить самостоятельно стали причиной агрессивной нетерпимости церковноблудистов и гениальный писатель был проклят. Вольность и воля не приемлются религиозными и политическими структурами, претендующими властвовать над духом человека.

Однако все эти и прочие противоречия не могут быть причинами кровавого разорения церковью после Октябрьской революции 1917 года. Как говорится, не хватает мотивации. В чём же дело? Вопрос несоответствия деяний оставался для меня открытым. Ладно, думал я, пусть попы и ленивы, и обманщики, и бабники и прочая, собственно, мы такие же, не нам их судить за жирные щи на их столе, но за мирские дела убивать, простите, даже для революционеров это слишком. По данным РПЦ (Русской православной церкви) за первые десять лет советской власти погибло 858 священников, архив СССР уточняет, что в 1918 году погибло

827 священников, а в 1919–19 человек, в последующие году от 20 до 35 человек в год. Анализируя архивы прошлых лет, убеждаемся, что в 1918 году часть священников погибла от рук населения, часть – от анархистов и бандитов, часть – от революционеров-большевиков, а часть – от белогвардейцев из-за симпатии некоторых священников к советской власти.

Решающий и бесспорный ответ на свой вопрос повсеместного преследования священников я нашёл в Царских законах принятых в 1845 году, в так называемом «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» в разделе втором: «О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную постановлений».

Вот некоторые из статей этого закона:

Статья 182. Богохульство в церкви – ссылка и каторжные работы до 20 лет, телесные наказания, клеймение; в ином публичном месте – ссылка и каторга до 8 лет, телесные наказания, клеймение.

Статья 183. Непубличное богохульство – ссылка в Сибирь и телесные наказания.

Статья 186. Богохульство, поношение, порицание, критика Христианства без умысла – заключение в смиренном доме до 2 лет, заключение в тюрьме до 2 лет.

Статья 187. Печатная и письменная критика Христианства – ссылка в Сибирь, телесные наказания.

Статья 190. Отвлечение от веры: насильственное – ссылка до 10 лет, телесные наказания, клеймение; насильственное – ссылка до 15 лет, телесные наказания, клеймение.

Статья 191. Отступление от веры – лишения прав на время отступления от веры.

Статья 192. Если один из родителей не христианской веры воспитывает детей не в Православной вере – расторжение брака, ссылка в Сибирь.

Статья 195. Совращение из Православия в иное вероисповедание – ссылка, телесные наказания, исправительные работы до 2 лет. При насильственном принуждении – ссылка в Сибирь, телесные наказания.

Храм преподобного Серафима Саровского

Статья 196. Вероотступничество – запрет на контакты с детьми, до возвращения в веру.

Статья 198. Уклонение от крещения и воспитания детей в Православной вере – заключение до 2 лет.

Статья 220. Не привод детей в церковь – духовное и гражданское внушение.

Статья 206. Раскольничество – ссылка.

Статья 207. Сектантство – ссылка.

Статья 210. Насильственное распространение ереси и раскола – каторжные работы до 15 лет, телесные наказания, клеймение.

Статья 223. Оскорбление святынь – каторжные работы до 15 лет или пожизненные, телесные наказания, клеймение.

Статья 227. Оскорбление священнослужителя – заключение в смиренном доме до года или тюремное заключение до 6 месяцев.

Полный текст Уложения 1845 года в свободном доступе.

Тысячи осужденных по поповскому навету вернулись после 1905 года домой, накануне этой амнистии Николай II подписал «Манифест об усовершенствовании государственного порядка», в котором обещал свободу вероисповедания. Могли ли эти тысячи вдруг освобожденных людей простить священству каторгу, клеймение, истязания? Нет. Как и те, кто в эти годы отбывал наказания в тюрьмах и смиренных домах. И после рухнувшего страха в 1917 году, ненависть и месть хлынули к церквям. И удивительно в этом кровопролитии только одно, что наш народ терпим и ярость ока-

Каторжане

залась не повсеместной. Священнослужители, радеющие за Христа и любовь, остались с народом, вот от чего в 1937 году при переписи населения верующими назвалось 56,7 % человек в возрасте от 16 лет и старше. Много это или мало, я не знаю. Но большая половина населения не побоялась сказать о своем отношении к религии. И не важно, кому эта статистика понравилась, а кому – нет, люди были простыми и искренними и страха не ведали, а кто ведал – тот промолчал. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что реально верующих было значительно больше. Не всякий человек решился указать свое вероисповедания, ведь власть не благоволила церкви.

Так в чем же дело? С одной стороны поп-кровопивец, на государственных штыках мзду собирает, с другой, невзирая на все страхи, люди с необъяснимым упорством указывают в именных бюллетенях при переписи населения в 1937 году свое вероисповедание. Но противоречия нет. Как нет противоречия и в решении Иосифа Виссарионовича Сталина в 1943 году открыть более 22 000 церквей. Он, бывший семинарист, хорошо понимал, что церковь – это то самое место, где ослабший человек уже не способный вынести всего, что ему жизнь уготовала, измученный непосильным трудом, осиротевший от одиночества и безыс-

ходности, мог обратиться к Богу, как к последней инстанции – прийти в церковь и выплакаться батюшке, просить сил вырастить шестерых детей-сирот и помолиться за спасение души погибшего мужа-героя – вот где спрятана настоящая Вера – она в таинственной, потусторонней могучей силе, на которую только и можно надеяться и всё вытерпеть и жить дальше. Какое великое и вечное чувство – Вера в Бога, как важен покров церкви и как велика ответственность священника, ламы, ксёндза, муллы перед Богом и людьми в своем искреннем и бескорыстном служении!

Перед истым служкой, дарящим любовь и утешение, Сам Бог на коленях стоит и благословения просит! И только в таких позах небо примиряется с землей. А прочих – в неучёт, их нет у Бога, они оброк Сатане собирают.

Николай Алфёров

Венгеровский район

Вот что произошло в Арынцассе

В 1919 году по условию договора с Германией Чехословацкий корпус и Австро-Венгерские соединения, воевавшие на стороне Антанты, должны были покинуть Россию через Владивосток. Столь дальний путь был выбран с тем умыслом, чтобы эти части не могли присоединиться к войскам противостоящим Германии. На тот момент, в 1918 году, по всей России мирным путем была уже установлена Советская власть. Именно «белочехи» стали причиной Гражданской войны, которая унесла по некоторым данным до 2 миллионов человек.

Польский легион был в составе Австро-Венгерского соединения. Как и почему поляки оказались за сотню километров от железной дороги, на севере Венгеровского района, объясняет только одной причиной – грабеж беззащитного населения. Более 40 тысяч белочехов с фронта, привычных убивать, растянулись в эшелонах через

всю страну, они грабили, убивали, насиловали. Во Владивостоке им потребовалось 58 судов, чтобы вывезти все награбленное. А вот что произошло в Арынцассе по свидетельству некоторых очевидцев:

«Из Арынцасских ребят и мужчин-добровольцев и из некоторых Филошенских была организована группа под руководством Александра Лобанова, фронтовика. Когда белые ушли из Арынцасса, то стало известно, что к деревне подходит отряд так называемого польского легиона. Партизаны и участники гражданской войны собрались и ушли на заимку Малкова, где была небольшая избушка. Туда их матери и сестры носили еду. В это время поляки установили в селе свою власть. Как только они прибыли в село, к ним на приём пошли купцы. Они были хорошо встречены поляками. Купцами были преданы все партизаны и участники гражданской войны. Начались аресты.

Арестованных допрашивали в доме купца, где остановился начальник отряда польского легиона. Их зверски пытали: подвешивали на дыбы, били плёткой. Когда, спустя несколько лет, в доме купца была школа, на стенах прослеживались следы крови. Они пло-

Табличка на памятнике

хо забеливались и проступали сквозь известь. Подсудимые просили, чтобы их, как солдат, предали военно-полевому суду. Начальник отряда согласился. Военно-полевой суд приговорил их к смертной казни через повешение. Тогда встал Кучумов и сказал: «Нам, солдатам, стыдно умирать на этой виселице. Пусть лучше нас расстреляют».

Рано утром арестованных вывели за дом купца, сейчас на этом месте небольшое озеро. Туда же был собран весь народ. Раздались выстрелы. После первого залпа все упали. Поляки опустили винтовки и начали закуривать. Но тут из мёртвых поднялся человек, покачнулся и упал, потом повернулся на живот и пополз, протягивая руки к народу. Подбежал поляк и выстрелил ему в затылок. Это был Семён, брат Бобиной Александры Семёновны».

В Арынцассе погибло 7 человек. Имена героев Гражданской войны, отдавших жизнь за счастливое будущее нашего народа, вечно будут помнить потомки!

Николай Алексеев

Памятник погибшим красным партизанам

Чистоозерный район

У каждого своя правда

Каждое историческое событие влияет на судьбы людей. Гражданская война разделила нашу страну на «своих» и «чужих». Попробуем оценить это событие, ознакомившись с воспоминаниями очевидцев того времени.

С октября 1919 года колчаковские войска отступали на восток. Среди предводителей бело-чешского движения начинаются разногласия. Командиры чехословацкого корпуса, единолично распоряжаясь работой железной дороги, занимали пассажирские и товарные вагоны для перевозки личного состава. Офицерам и солдатам Колчака, и части гражданского населения пришлось отступать, по территориям, примыкавшим к Транссибирской магистрали, используя конфискованные у крестьян лошадей. Забирали фураж, скот, муку. Насильно мобилизовали в свою армию молодых мужчин. За укрывательство провианта, дезертирство полагалось жестокие карательные меры, и даже расстрел. Особенно зверствовали казаки. Они беспощадно наказывали за укрывательство продуктов питания, лошадей и упряжи, устраивая показательные порки нагайками, шомполами. Солдаты при попустительстве офицеров часто занимались открытым мародерством. Это привело к противостоянию крестьян белогвардейцам. Всё это подтверждают записи рассказов старожиллов нашего села.

Верхоланцева Евдокия (82 г., умерла около 1967 г.) хорошо помнила это время.

«В Старую Кулынду, Новую Кулынду, Царицыно и Заячье белогвардейцы зашли одновременно «в один день». Уже лежал снег. Солдаты шли пешком, офицеры ехали верхом на лошадях. На подводах везли раненных и женщин с детьми. Они расположились в избах зажиточных крестьян Старой Кулынды, Царицыно и Заячье. Батраки стали топить им бани. Собрали молодых девок и женщин. Одни стирали военную одежду, другие варили в больших котлах еду. Кулаки стали отдавать колчаковцам провиант, фураж. Они указали у кого «добрые кони», где спрятано зерно у кре-

стьян Новой Кулынды. Всё отбиралось, и увозилось в Старую Кулынду».

Лебедева Евдокия вспоминала, как «белые» делали обыск у них в доме, и забрали родственника», который агитировал «за красных». Больше они его не видели. Отец её «хорошо знал грамоту» и часто читал мужикам газеты. Добрый человек предупредил его о предстоящем аресте. Пришлось ему прятаться, пока белые не ушли. Был выдан большевик Степан Титов. Его арестовали и с конвоем отправили в Славгород. Там он был расстрелян. Выдали их «богатеи», которые ненавидели советскую власть».

Среди жителей деревни Заячье (бывшая Болдыревка) живёт очень правдивая бабка. Александр Васильевич Колчак ночевал у купцов Болдыревых и сказал, «что краше и спокойнее мест в Сибири не встречал». Деревня была расположена среди берёзовых колков, на берегу озера Стеклянное. Этому можно верить, так как одним из предводителей белого движения был генерал Г. В. Болдырев. Возможно он родственник основателям этой деревни Болдыревым.

Бакина Анна Ивановна (1914–2003) бережно хранила скатерть с надписями «Ресторанъ С. В. Зайцевой». Её дед Крючков Г. живший в деревне Царицыно (Кашмеляк) выменял её у семьи, бежавших вместе с белогвардейцами, за кусок сала.

Среди гражданского населения были состоятельные люди. Они хотели покупать продукты питания, но крестьяне только шли на обмен. Многие отдавали теплую одежду и еду бесплатно. Анна Ивановна вспоминает, как дед ещё долго корил бабушку Секлетинью за то, что она «просто так» дала замороженные

Различные виды патронов и гильз, которые были на вооружении Красной Армии и Белой армии

круги молока семье, где были маленькие дети. Она вздыхала и говорила: «Где твои братья сейчас, кто знает?»

«Белые пробыли в нашей деревне несколько дней. Родители боялись за своих дочерей. Кондратюк Феня кареглазая красавица и молоденький колчаковский солдатик успели за это время полюбить друг друга. Девушка решила бежать вместе с любимым. Узнав это, родители заперли её в погреб, а солдатику сказали, что дочь уехала к родственникам. Феня всю жизнь вспоминала свою любовь». Вот такой рассказ о своей двоюродной тётё поведала Маслова Г. В.

Из воспоминаний Верхоланцева Ивана. (84 г. умер в 1989 году). «На третий день как пришли белые в Новой Кулынде и на краю Старой Кулынды раздались выстрелы. Пришли красные. Колчаковцам пришлось вступить в продолжительный бой. (Это подтверждается найденными в Новой Кулынде, на берегу озера и окраине Старой Кулынды остатки винтовок пуль, казацких шашек, нагана, снарядов от пушки времён Первой мировой войны.) Нужно было время, чтобы покинуть Старую Кулынду.

Надо было найти проводника. Никто из кулындян не хотел показывать дорогу. Тогда собрали всех мужиков и пригрозили начать расстрелы. Один, из знавших местные дороги, согласился. Заставили местных мужиков на своих подводах везти раненных и гражданских. Обоз двинулся в сторону села Троицкое. Красногвардейцы преследовали своих противников. За Троицком было ещё один бой. Долго задержали колчаковцы красных около села Блюдцы. Там белые поставили на колокольню церкви пулемёт и не давали поднять голов красногвардейцам. Некоторые мужики во время этих боёв сбежали, а несколько человек так и «сгнуло».

Красные начали устанавливать новые порядки. Арестовали предателей и помощников белогвардейцев. Они остановились в Новой Кулынде. Пополнили провиант, реквизировали несколько лошадей, взяв их у кулаков Старой Кулынды. Местные жители хоронили убитых красногвардейцев и белогвардейцев, сделав две общие могилы. Несколько кулындян пошли добровольцами в Красную Армию. В отличие от белых красноармейцы не зверствовали, не забирали у мужиков последнее зерно».

Вот такое историческое событие столетней давности прошло сквозь судьбы моих земляков.

Жители села по-разному оценивали события Гражданской войны. В годы советской власти большинство одобряло поведение советской власти, считая белых врагами. Были в селе люди которые, опустив глаза, говорили о том, что у каждого человека «своя правда». В первые годы коллективизации, те, кто как то помогал белым в эти два три дня, уехали из деревни в город.

Находки на берегу озера

Только сейчас мы понимаем, какая драма произошла в истории нашего государства. Очень понятны и близки философские стихи Марины Цветаевой.

*Все рядком лежат –
Не развесть межой.
Поглядеть: солдат.
Где свой, где чужой?
Белый был – красным стал:
Кровь обагрила.
Красным был – белый стал:
Смерть побелила*

М. Цветаева

Скатерть обменена на продукты питания

Необходимо не повторять исторических ошибок. Учиться находить мирный выход из политико-социального конфликта.

Александр Ганихин

Купинский район

Раздумья старого ларя

Хозяин сделал меня из ящика – упаковки для сенокосилки еще в начале прошлого века, уже после переезда в Сибирь. И сейчас на моей боковой доске сохранилась надпись по-английски: поставщик фирма (Надо написать по английски, а потом перевод – «Маккормик и К», г. Чикаго (США), место поставки г. Новониколаевск. И далее по-русски: «Откройте сь этого боку».

С тех давних пор служу хранилищем для зерна и муки, скоро будет мне 110 лет более 100 лет. Грызут меня мыши, точит шашель, но доски из мичиганской лиственницы так закаменели, что не поддаются даже гнили.

По истории моей жизни можно судить о том, как шли дела у моих хозяев, ведь я был хранителем «стратегического» продукта: полный ларь – не жизнь, а рай, пустой ларь – на душе хмарь.

Сусек был полным в первое время переселения. Земля была не истощённая. Урожай ржи достигали до 50 пудов с десятины. Излишки продавались. А вот во время Гражданской войны моё чрево пустовало. Хозяева прятали хлеб в другом и очень укромном месте – от реквизиций «белых», от продразвёрстки «красных».

Во времена Новой экономической политики (НЭП) закром был опять полным. Сдай обязательный продовольственный налог государству – остальное используй по своему усмотрению. Семья моя жила зажиточно: пара лошадей, семь голов – коровы и быки, овцы, птица, сельхозинвентарь

(конные грабли, сенокосилка, плуг – «боккар» двухлемешной, камень-молотилка) – вот оно крестьянское трудовое богатство!.

Но в 30-х годах положение ухудшилось, да еще умер глава семьи Андрей Тарасович. Управление всеми делами взяла на себя хозяйка Настасья Пантелеевна, женщина строгая и практичная. Нужно было кормить-растить пятерых детей.

А в стране полным ходом шла коллективизация. В сёлах организовывали колхозы, а у нас их было даже два. На одном конце деревни – им. Марти, на другом – им. Крыленко.

Пришлось и моим владельцам вступить в колхоз. И хлебушка во мне сразу поубавилось. Работали «за палочки» – отметку о трудоднях. А по осени оказалось – получать почти нечего.

На полях оставались потери от уборки урожая, но подбирать их было нельзя. Появился закон «о пяти колосках» (Об охране имущества госпредприятий, колхозов и кооперации и укрепления общественной собственности) по которому даже за незначительные хищения полагалось суровое наказание. У нас в деревне одну женщину по этому закону посадили. Так постепенно народ воровать отучился.

Запасы в сусеке не так чтобы полным-полно, но голодом не сидели. Жизнь в колхозах постепенно наладилась и жизнь улучшалась. Появилась техника, урожай росли.

В 1937 году радио сообщило, что мы теперь не Западносибирский край, а Новосибирская область. А жизнь своим чередом и все на поправку и в радость. Но пришла беда – напал на нас Гитлер и началась война. Я практически опустел. Засыпалось в первую жиму 2–3 оклунка зерна вперемешку с лебедой и рыжиком, затосковал я, хозяйку жалко. А скоро и едоков семье убавилось – старшие сыновья Фома и Алексей ушли воевать. Весной 1945г был призван третий сын Василий. Старшая дочь Пелагея вышла замуж. Осталась хозяйка с дочкой Нюрой.

Всё что выращивали в колхозе – отдавали фронту! Себя обделяли, но делали всё чтобы бойцам на войне легче было. Тыл помогал фронту всем. В на-

шей деревне более 20 человек были награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Война закончилась. Жизнь налаживалась. Хлеба в моё нутро засыпалось всё больше и больше. Но в 1951–1953 годах район поразила жесточайшая засуха. Картошка тоже не уродилась. Скотину на зимовку угоняли в более благополучные районы. Я в эти годы стоял почти пустой. Хлебные булки стали привозить и продавать в магазинах, но строго по лимиту, как по карточкам.

Но через три года, в 1956 году, моя утроба была полной. Слышал, как радио сказало: «...За выдающиеся достижения в деле освоения целинных и залежных земель, увеличение производства зерна и сдачу государству 100 млн пудов хлеба Новосибирская обл. награждена орденом Ленина...»

И в 1970 г. область получила орден Ленина «...за большие успехи, достигнутые трудящимися области в выполнении заданий пятилетнего плана...». И моя хозяйка была награждена медалью «За доблестный труд...».

Потом, в последующие годы, меня засыпали «под крышку». Даже появился сосед, другой ларь.

Хлеб свободно был в продаже: батоны, сайки, булочки... («чёрный» – 14коп. за килограммовую булку, «серый» – 16 коп., «белый» – 24коп.). Но хозяйка любила печь свой хлеб. Зерно возили на ближайшую мельницу в с. Киргинцево и мололи. В это время меня поделили на две половины: для муки и отрубей.

Но хочу заметить, что хотя хлеба стало много, отношение к нему изменилось, одним словом – «заелись». Недоеденные куски хлеба валялись на улице, его пинали ногами. Его можно было видеть в урнах, мусорных баках. Даже в деревне, где, кажется, знали ему цену!

Наш Купинский район, в Новосибирской области по Кулундинской зоне, он входит в первую тройку производителей сельхозпродукции. А значит, я ещё буду нужен своему новому хозяину Александру Панасюку, которому я достался по наследству. И моя история будет иметь продолжение.

Александр Панасюк

Доволенский район

Ридикюль

Этой маленькой, истрепанной временем, сумочке больше 80 лет, она прошла через руки трех поколений нашей семьи.

Мой дедушка Гуков Иван Павлович в 1939 году, когда заканчивался срок службы, решил остаться в Красной Армии. А в далекой сибирской деревне его ждала жена Мария с маленькой дочкой. К тому времени он был уже офицером – младшим лейтенантом. Мария, не долго думая, решила уехать к мужу по месту службы. А путь был не близкий: сперва из своей деревни до станции Каргат на быках, с маленьким ребенком, а потом – на поездах и паромах до бухты Ольга Приморского края. Бабушка часто рассказывала, как тяжело ей было добираться, как сильно ее укачивало на волнах и как был добр к ней, офицерской жене, морячок, который вез её на лодке к воинской части.

Немного осмотревшись, бабушка обнаружила, что, оказывается, жены офицеров большие модницы – у них есть маленькие сумочки со странным названием – ридикюль.

И у бабушки тоже появилась такая модная вещь.

Потом началась война. Дедушкина часть должна была отправиться аж на Украинский фронт, и бабушка, уже с двумя дочками, вернулась домой, в Сибирь.

Я представляю, как трудно ей было перенести дорогу. Но сумочку она привезла с собой.

Дедушка погиб в 1945 году. Прошло много лет, а замуж бабушка больше не вышла. Кроме одной фотографии и этой, подаренной им, сумочки у нас от дедушки не осталось ничего.

Сумочка истрепалась, оборвалась обшивка. Но заботливые бабушкины руки накладывали аккуратную штопку. В ней хранились документы и деньги. Все самое важное.

В этом году сумочка попала ко мне, и моя дочь узнала маленькую красивую историю о семейной реликвии – модном ридикюле.

Ирина Макарова

Кольванский район

Рямовое

Уходят в прошлое деревни,
к закату клонится их день...
Как нету леса без деревьев,
России нет без деревень!
Мы сами бросили деревни,
мы сами вырубали лес,
и на Земле святой и древней
такая тишь стоит окрест!
Ничьё не празднуют рожденье,
покосы некому косить.
Как больно слово «вырожденье»
сегодня мне произносить!

Людмила Дербина

В Рямовое

«Сначала заброшенный, а потом и исчезнувший», – можно сказать о Рямовом. Люди ушли, а на месте деревни сейчас березы, осины – все что угодно, но не человеческое жильё. Пожары и время стерли всё, и только кое-где

остались бетонные опоры как напоминание о былой жизни.

Дорога тянулась вдоль леса, кустарников. Тракторные сани скользили по первому снегу. В носу постоянно стоял запах жжёной солянки, глаза слезились от дыма. Я, закутанный в шаль, сидел на каких-то вещах, думая, когда, наконец, доедем. Так начиналось моё путешествие на новую малую Родину – Рямовое. Это было в далёком 1958 году, когда семья переехала в новый, ещё строящийся посёлок.

Посёлок Рямовое располагался в восемнадцати километрах на север от села Пихтовка Кольванского района. Это был посёлок лесозаготовителей, вся жизнедеятельность которого была подчинена только одной цели – дать Родине древесину. Название посёлок получил от места расположения – это действительно было болотистое лесистое место, малодоступное и малопроезжимое. Активно расти и развиваться посёлок начал с 1952 года. С севера Рямовое располагалось на границе хвойного леса. Это были заболоченные сосняки, где росла клюква, брусника, голубика. Можно было после уроков (с обеда) пойти за огород метров на 300–400 и спокойно набрать полведра клюквы, 3–4 литра брусники. Голубику собирали вёдрами. Кроме сосняков, нередко встречались острова кедр, сосны, ели. Пихта встречалась ближе к реке Шегарка, лиственница – очень редко, один островок до 150 штук располагался по правой стороне дороги, которая шла в шести километрах от поселка на 30 градусов северо-востока между первым и вторым лагерями, где содержали заключённых. К югу от хвойной стены посёлок окружали березово-осиновые леса, болота с огромными кочками, небольшими гривами, многообразием тальников.

Животный мир был представлен большим разнообразием, характерным как для темнохвойной тайги, так и для смешанных лиственных лесов. Часто можно было встретить медведя, лося, рысь, росомаху, волка, лису, зайца, из мелких обитали колонок, хорёк, горноста, ласка. Соболь появился только в 80–90-е годы, быстро вытеснив более мелких представителей семейства ку-

ных. В изобилии были тетерева, рябчики, к середине зимы подходили и белые куропатки. Часто встречался глухарь. Большому разнообразию животного мира в окрестностях посёлка способствовала хорошая кормовая база – ягоды, сенокосы, посевы злаковых.

На расстоянии полутора километров от посёлка располагались поля, засеянные пшеницей, овсом, горохом, кукурузой. Кроме того, к северу от посёлка находилась огромная незаселённая территория, которая включала не только тайгу, богатую кедровыми орехами, но и тундру, сплошь усеянную клюквой и брусникой. В некоторые годы волков было столько, что они, появляясь на окраинах деревни, нападали на собак, овец. Проблем с добычей дичи не было, хотя охотников в посёлке – через одного.

В 80-е годы количество промысловых птиц и зверей резко сократилась. В 90-х годах численность волка упала до минимума, что привело к распространению косули, кабана. Увеличилось поголовье медведей, которые подошли с Красноярского края и Томской области из-за пожаров на этих территориях. Причинами уменьшения поголовья стали: сокращение посевов злаковых, пожары, которые привели к исчезновению кормовой базы, отсутствие крупнорогатого скота, покосов. Получилось так: не стало деревни – резко сократилось и численность животного мира.

Почва содержала много торфа, и когда начинались пожары, то торфяные болота могли гореть до весеннего половодья. На этих горях впоследствии гнездились много уток, куликов и других околотоводных птиц.

Народ в посёлке был очень разный. Кто ехал заработать, ведь на лесозаготовках платили много больше, чем в колхозах, да и снабжение товарами было лучше. А кто и старался подальше «спрятаться» от власти. Были в посёлке и прибалты, молдаване, цыгане, ну и, конечно, в большинстве – русские.

Жил у нас в посёлке человек по фамилии Одорич, имя его мало кто и знал. Так вот, он вёл скромную, незаметную жизнь, работал. Кто он и откуда, никто не знал, пока не решил он поехать в от-

пуск на Родину, в Западную Украину. Назад в деревню не вернулся. Оказалось, в годы Отечественной войны был он полицаем. Его опознала одна из местных жительниц, оставшаяся в живых, хотя было это уже в середине 60-х годов.

Жили и бывшие заключенные, которые прибыли с первыми поселенцами, а также и освобожденные из лагерей, которые находились в четырех и восьми километрах от деревни. Первый и второй лагеря заключенных были образованы во второй половине 30-х годов. Контингент заключенных со временем изменился с политических до уголовных. Политические – находились до 1954 года, после были в основной массе освобождены.

Соседи

Некоторые переселились в Рямовое, образовав семьи ещё в лагере. Об одной семье знаю более подробно, так как жили они в соседях, хотя и на отшибе деревни. Мы, ребяташки, часто прибежали в гости, где нас угощали то конфеткой, то помидоркой. Михаил Тимофеевич и его жена Лукерья Алексеевна были с Дона. Он – белый офицер, подпоручик, которого после гражданской войны в 1924 году амнистировали, как и многих, кто был не за красных. Баба Луша, как мы её все называли, попала в лагерь в 1938 году – за то, что, по её рассказу, укрывала в годы гражданской войны молодого раненого офицера,

Михаил Тимофеевич
с супругой Лукерьей
Алексеевной, 1978 г.

Рабочие в лесу.
1959 г.

хотя в 1924 году тоже была амнистирована. Некоторое время, после освобождения 1953 года, они оставались в лагере вольнонаёмными. Дядя Миша работал завхозом, а баба Луша – поваром. Ехать сильно было некуда, да и нельзя было выезжать, поэтому в конце 50-х они и поселились на окраине деревни, который мы называли «Сахалином».

Михаил Тимофеевич был очень образованным, начитанным человеком,

хорошо играл в шахматы, научил всех соседских ребятишек этой замечательной игре. Лукерья Алексеевна была очень набожной женщиной, обладала «даром» – она могла остановить кровь, снять зубную боль и многое другое. Многие в деревне её побаивались. Однажды, было это в июне, когда баба Луша осталась дома одна, она услышала звук трактора, приближающегося в сторону дома. Мы, соседские ребятишки, гурьбой бежали за этим трактором. Это был бульдозер с большой лопатой, внутри которого сидел нетрезвый сосед – тракторист. Комаров было столько, что не было видно майки, в которой он был одет. Тракторист – молодой, любящий выпить. Вот и в этот день подъехал на тракторе к домику бабушки Лукерьи. После отказа что-нибудь налить выпить, сказал, что «уберёт дом в сторону!» Включил скорость и поехал прямо на дом. Мы стояли рядом, сделать, конечно, ничего не могли с этой огромной серой машиной. Баба Луша вышла навстречу. В руках у груди она держала икону и что-то шептала. Не доехав метра два-три до ограды, трактор заглох. Толя, так звали тракториста, минут двадцать пытался завести машину, крутя ручку пускателя, но, видно обессилив окончательно, улёгся на сиденье трактора и заснул. Об этом случае ещё долго говорили в деревне, но дальше этого дело не пошло.

Лагеря

Знаю, как были устроены лагеря по их рассказам, а также в конце 60-х годов, будучи мальчишкой, с отцом был

на втором лагере, где пришлось заночевать в бараке. Бараки были длинные, высокие, срубленные из кедра. Вдоль стен располагались трехъярусные нары и узкий проход, где стояли деревянные тумбочки. Мы с отцом доехали до лагеря на вагонетке, толкая её перед собой. В Рямовом не было кирпичей, вот и пришлось доставать.

Лагерь был обнесен снаружи деревянным забором из четырёхметровых заостренных бревен (из рассказа дяди Миши). Внутренний забор был из колючей проволоки. Когда в 1986 году с учащимися класса мы побывали на месте второго лагеря, то тогда мало что сохранилось. – Всё уничтожили пожары и время. Забор из колючей проволоки местами сохранился, мы насчитали 17 рядов.

Заклученные занимались лесозаготовками, пилили хвойный лес лучками, складывали в штабеля. В 90-е, охотясь в тех местах, иногда случайно сталкивался со штабелями истлевшей за годы древесины. С середины 50-х и до середины 60-х годов в лагере находились уголовные по «лёгким» статьям, они занимались лесозаготовками. Иногда, в зимние вечера, на грузовике в посёлок привозили из лагерей заключенных в клуб, где им показывали кино. Усаживали их всегда на первые ряды, рядом были вооружённые охранники в форме. Кругляк отправляли по узкоколейке в обход Рямового в село Пихтовку, где по ветке «Пихтовка – Кокوشيно» древесина шла по стране. Затем в конце 60-х лагеря передали Лячинскому леспромхозу, древесину вывозили по зимнику, так как железная дорога

Бригада-
лесозаготовителей
на трелёвочном
тракторе. 1965 г.

от лагеря до Рямового пришла в упадок. Бараки на втором лагере разобрали и вывезли в Пихтовку. На первом лагере строения сожгли деревенские подростки.

Деревенские дети

Очень трудно приходилось людям на новом месте. Не было жилья, а на руках ещё и малые дети – от 5, а в некоторых семьях до 12–13 ребятишек. Ни садика, ни яслей не было, родители либо на работе, либо по хозяйству, смотрели и воспитывали младших старшие дети.

Воспитывали и смотрели по-разному, ведь сами были ещё детьми. Летом охота бегать, купаться, а младшие всегда мешали. Вот и додумался старший брат, как сделать так, чтобы и самому играть со сверстниками, и мою жизнь не подвергать опасностям, – по лестнице поднимались во внутрь крыши на чердак, затем он лестницу убирал, оставлял мне хлеба, воды и спокойно мог бегать несколько часов. Набегавшись, ставил лестницу, снимал меня с крыши. Жаловаться было нельзя.

По праздникам соседи по очереди собирались то у одних, то у других. В ночь с шестого на седьмое января родители ушли, старших братьев дома не было, младшие ещё не родились. Оставались мы вдвоём с братом Санькой, было лет ему семь-восемь, а мне и того меньше. Ещё раньше мы знали от старших про чертей. Перед Рождеством, помню, рисовали кресты над дверями и в стайке, чтобы отогнать нечистую силу. Брат предложил поймать черта. Для этого мы взяли таз, налили в него воды, по краю нарисовали углём кресты, поставили

таз у самого порога. Всё было просто: зайдёт чёрт через порог – и прямо в таз. Тут-то мы его и поймаем! Сквозь сон услышали какой-то грохот и крики. Родители вернулись после полуночи (а свет горел только до двенадцати ночи), и прямо ногами в таз. Нас не ругали. Вообще не помню, что бы хоть раз отец повысил голос на детей или шлёпнул, такого не было.

Тогда все семьи были большими и работниками считались даже дети 5–9 лет. Летней дороги не было, был зимник и узкоколейная железная дорога, зимником практически не пользовались. Условия жизни в поселке были тяжелые: летом гнус, жара, пожары, бездорожье, зимой – непроходимые, занесенные снегом, зимние лесные дороги. Тяжелая работа на лесоповале, железной дороге, которая постоянно нуждалась в ремонте. Многие жители поселка работали именно на узкоколейке.

Узкоколейка

Узкоколейные железные дороги дешевле в постройке и эксплуатации, чем железные дороги со стандартной шириной колеи. Меньшие размеры локомотивов и вагонов позволяют строить более лёгкие мосты; кроме того, на узкоколейках допускаются более крутые кривые и подъёмы, чем на обыкновенных железных дорогах. Недостатками узкоколейных железных дорог являются: меньший габарит и вес перевозимых грузов, меньшая устойчивость и меньшая максимально допустимая скорость. Как правило, узкоколейные дороги не образуют единой сети и чаще

Ученики Рямовской
школы, построение
перед сбором
березовых почек,
1977 или 1978 год

Бригада по ремонту узкоколейного пути на отдыхе. 1976 г.

всего строятся предприятиями для одной определённой цели, например, для вывоза заготовленного леса.

Узкоколейка – УЖД (узкоколейная железная дорога), представляла из себя железную дорогу шириной 75 сантиметров. Рельсы узкой колеи р24, р18 изготавливаются в соответствии с ГОСТом длинами 8 м. Литера «р» – условное обозначение рельса, цифры после нее – примерный вес погонного метра изделия. Встречались рельсы р24 ещё дореволюционного изготовления, выпущенные Демидовским заводом в 1891 году. Шпалы двух видов: с широкой колеи, бывшие в употреблении, и самодельные из березняка, сосняка, диаметром от 18 до 24 сантиметров, мы их называли почему-то «тюльками». Узкоколейка проходила по пересечённой болотистой местности, где много ручьёв и речушек. От Пихтовки до Рямового делали насыпь из земли, прежде чем укладывать пути, от посёлка на север – шпалы просто укладывали на грунт. За период эксплуатации пути постоянно проседали, требовали ремонта. Особенно проседали рельсы на моховом болоте, которое начиналось в восьми километрах на север от реки Шегарка в сторону реки Икса. Едет, бывало, состав по болоту, рельсов совсем не видно – ушли в мох, – сверху сплошная вода. А между шпалами, рядом, кругом – повсюду краснела клюква!

Быт

В поселке в разные годы проживало от 300 до 500 человек, была начальная, затем семилетняя, с середины 60-х годов восьмилетняя школа, два магазина – один Барабинского ОРСА, а второй Пихтовского РАВКООПА,

клуб, отделение связи, хлебопекарня, общественная баня. Посёлок был разделен с юга на север узкоколейкой на две неравные части. Большую западную часть называли «Участок», где жил в бараках на 5–8 семей или в пятистенках основной контингент рабочих. Дома в большинстве были из добротного красного леса – кедра, много построек также было из осины. В первые годы в посёлке, если у кого и были бани, то топились по-чёрному. На «Сахалине» – восточной части поселка, все было по-другому: улицы шире, дома более солидные, с большим количеством живности, добротные усадьбы, похожие больше на хутора. Народ на «Сахалине» более степенный, в основном из одиночников, многие держали пасеки от 7 и более 20 ульев, были и у них в хозяйстве и лошади.

Между подростками, молодёжью «Участка» и «Сахалина», особенно в первые 10–15 лет жизни посёлка, постоянно было вражда. Пойдут в клуб или магазин «Сахалинец», их побьют, придут в школу с «Участка» – побьют их. Крупные стычки проходили за деревней. Маленькие не участвовали, залезали на осинки и наблюдали за драками. Вход шли и солдатские ремни с пряжками, и «свинчатки». К началу 70-х годов как-то всё успокоилось, да и молодёжи поубавилось. Закончив семилетку, затем и восемь классов, многие уезжали в Новосибирск, где продолжали учебу в училищах, оставались в дальнейшем в городе.

Одним из самых зажиточных в деревне был Алексеев (имя уже не помню). Жил он на «Сахалине», подальше от людей, на отшибе. Держал большую пасеку – до 30 семей. С детства был хромой, поэтому, всегда на лошади. Ещё до революции его усыновила зажиточная семья, поэтому он был выслан в северную зону как сын кулака и оказался в Рямовом. Жил очень скромно, всё, что получал с реализации мёда, откладывал, детей у него не было. Бывало, подопьёт медовухи и начнёт хвастаться, что самолёт может купить. Предлагал моему отцу продать ему одного ребёнка (нас, детей, в семье всего было девять), но отец его сильно обругал. Так вот, жизнь его сложилась трагически.

В 90-е годы все его накопления обесценились, а хранил он деньги в чемодане, сам он ослеп, и доживал свой век в доме престарелых «Милосердие» в селе Пихтовка.

Если посмотреть на посёлок с высоты птичьего полета, то видно около домов огромные воронки, заполненные водой, как будто от взрывов бомб. Это котлованы, в которых местная ребятня, да и взрослые, купались, здесь же брали воду для полива в огороде, поили скотину.

Котлованы рыли с помощью бульдозеров «С-80», до 2,5 метров в глубину и диаметром от 30 до 100 метров. Самые большие были около школы и на «большой поляне», последний находился в полутора километрах от деревни и служил для водопоя деревенского стада во время летней пастбы.

Семья моя была большая, зарплата у лесников очень низкая. Чтобы как-то выживать, в течение нескольких лет занимались пасти деревенский скот, собирали и сдавали ягоды – клюкву, бруснику, калину, грибы белянки. Заготавливали ёлки на новогодние праздники, тальниковую и еловую кору, которую использовали в промышленности для дубления кожи. Помогать отцу заготавливать ёлки начинали в начале ноября, выбирали самые лучшие, высотой от полутора до четырёх метров. Аккуратно складывали в штабеля на месте порубок. В декабре вывозили на санях к дому. В некоторые годы приезжало до ста машин, в основном из Новосибирска. План заготовки доходил до двух тысяч штук, платили леснику по 12–15 копеек за штуку, а лесхоз продавал уже по 1,5–2,5 рубля.

Соседи

Тяжелее приходилось при заготовке коры, хотя это была уже более выгодная работа. В день можно было заработать более десяти рублей, при зарплате лесника в месяц в 54 рубля. Кору драли в июне, а это – тучи комаров, жара. В посёлке многие занимались этим промыслом, сдавали кору в Пихтовский лесхоз, хотя с каждым годом приходилось работать всё дальше и дальше от деревни, подходящего тальника ближе уже не было.

Найти хорошего пастуха – большая проблема для любой деревни. Надо до 5 часов утра встать и до позднего вечера быть в лесу, где тучи гнуса. Скотина не стоит, разбегается, а пастух отвечает за каждую голову. Мне не пришлось пасти, а старшим братьям доставалось. В общем, счастливого детства, как сейчас о нём говорят, мы не видели. Тяжёлый, изнуряющий, непосильный труд – так в основном жило большинство деревенских детей. «Лето» в деревне начиналось рано, сначала заготовка дров в марте, потом огород; начиная с июля и, считай, весь сентябрь – покос. Косили литовками, убирали ручными граблями, потом надо было сделать копны, достать где-то лошадь и сметать стог. Да и косить негде – только на вырубках или в болоте – все вокруг совхозное, не тронь. Литовку в руки деревенские дети брать начинали рано, в девять лет я всюю уже косил своей «пятёрочкой». Про себя мы молились, «хоть бы пошёл дождь, чтобы завтра не на покос». – Настолько было трудно.

День рождения, праздновали со всеми соседями

Жил в деревне один умелец – дед Фофанов. Как попал и почему в посёлок – не знаю, но точно помню, что прибыл он с Европейской части СССР. Он хорошо разбирался в «железках», имел небольшую кузницу, мог отремонтировать и конные грабли, и косилку. От народа не было отбоя. Первым в деревне сделал косилку, используя двигатель «ЗИД», что уменьшало нагрузку на лошадь – она только таскала косилку, а вращал мотовило двигатель. Стали люди просить скосить покос, соглашался с обработкой. Помню, один день косил нам, неделю мы вчетвером убрали ему сено. А куда было деваться?

Скоро приехала милиция с вопросами «Где взял мотор?», «Где документы на двигатель?» Косилку изъяли. В общем, в те годы работать можно было только руками, чтобы времени ни на что больше не оставалось, чтобы не лезли «глупые мысли» в голову. Пришла ночь – упал без чувств до утра.

Зимой расчищали самые большие котлованы от снега и катались кто на коньках, а кто и на валенках. С более крутых берегов сооружали трамплин, съезжали на лыжах. Детей в семьях много, избы маленькие, поэтому с утра до позднего вечера все на улице либо играли, либо помогали родителям по хозяйству. Отрежешь, бывало, толстый кусок белого, с хрустящей корочкой хлеба, густо намажешь сливочным маслом, посыплешь сахаром и айда бегать, пока тебя «не загнажи». Рямовская пекарня была известна на всю округу. Хлеб выпекали в двух больших русских печах, на берёзовых дровах,

Субботник

тесто замешивали руками, булки получались от 1,2 до 1,5 килограмма. Ехали люди в посёлок и из Пихтовки и из других деревень, которых было достаточно много, за хлебом, который продавали не булками, а на вес. А булочки! – Кажется, не было ничего вкуснее их. Пока донесешь их в ящике от пекарни до школы, а это метров 300, слюнями изойдешь.

Но так было не всегда. В конце пятидесятых – начале шестидесятых годов, наверное, как и по всей стране, хлеб был чёрный, с отрубями, и продавали его по количеству едоков в семье. Помню, как мать собирала масло, яйца, шерсть для сдачи налога. Из разговоров старших мы, мальчишки, никак не могли понять, как можно было с одной овцы сдать полторы шкуры? В деревне знали, когда приедут сборщики налогов, вводили заранее скотину в лес, там привязывали и ждали, пока они не покидали деревню. Держать можно было одну корову, одного подростка, с каждой свиньи шкуру надо было сдать. Чтобы прокормить большие семьи, родителям приходилось идти на хитрости. В деревне не в каждой семье держали скот, птицу, а налог – для всех, поэтому приходилось соседям обмениваться (яйца на масло и другое). И только со второй половины 60-х годов жить стало легче.

Школа

Детей в школе было много, в 60-е годы доходило до двухсот пятидесяти. Учились в две смены. При школе была неплохая библиотека и столярная мастерская. Классы были заполнены до предела. Бывало, ребенку не хватало нескольких дней до 7 лет, и его не брали в первый класс.

Учителя в школе были ещё «сталинской закалки», пресекали жёстко все нарушения, наказывали сами, вызывали родителей, а те всегда принимали сторону учителя. Одним из таких учителей, запомнившихся мне на всю жизнь, была Софья Игнатьевна, которая, по сути, переделала меня – левшу в праворукого. Писать можно было только правой рукой. Возьмёшь перо в левую руку, только начнёшь писать, получишь указкой по паль-

цам – больно, до крови. А, в общем, в школе жили весело – ходили в походы, проводили пионерские праздники, тушили лесные пожары, помогали нуждающимся.

Была у нас такая традиция в школе – закреплять наставников из лучших учеников за неуспевающими. Закрепили меня в четвертом классе за таким школьником – Петькой Ломаковым. Жили они на «Участке» в шестиквартирном бараке. Жили ну очень бедно, мать – Ольга Ивановна, работала на железнодорожных путях. Был с ней какой-то мужик, который, как обычно, пил и гонял. Так вот, пришёл я как-то, раз к ним домой. В квартире – полный беспорядок, полно мусора. Первым делом заставил навести порядок. Быстро открыв половицу, Петька начал весь мусор сметать в подполье, где что-то с писком пробежало. «Да это свиньи у нас там живут, стайки-то нет», – пояснил Петька.

На столе, в куче разбросанных книг и тетрадей, лежали остатки радиоприёмника. На вопрос «Зачем разобрал?» он ответил: «Да, понимаешь, искал, кто там разговаривает». Петька вообще был интересный парень. Однажды решил сунуть палец змее (у нас водились только гадюки) в рот, посмотреть, что будет. Когда он вернулся через полторы недели из Пихтовской больницы, сказал, что хочет ещё, – там хорошо кормят!

В году, эдак, 68-м, случилась страшная беда – в ночь, перед Рождеством, школа полностью сгорела, спасти удалось немного, настолько сильный был пожар. Здание сухое, из кедра, где много бумаги, книг, дерева, – очень быстро всё вспыхнуло. Куски шифера летели до 100 метров и с грохотом ударялись о крыши соседних домов. Зарево от пожара было видно во всех уголках деревни. Причина пожара – печи, которые согревали здание школы. Уголёк выпал, дрова, находящиеся около печи, воспламенились, и случился сильнейший пожар. Почти два учебных года дети ютились в двух бараках, где комнаты были по 3–4 квадратных метра. Здание новой школы построили местные жители – рабочие посёлка, довольно быстро, добротнo. Учебные и наглядные посо-

бня, мебель прислали из области как для средней школы. Школа

Детей, которые хотели получить среднее образование, возили в Пихтовку, где было две средние школы – в центре Пихтовки и в посёлке Северный. Жили там кто в интернате, кто на квартире. В понедельник уезжали, в субботу возвращались домой. Мотовоз с пассажирами отправлялся в 18.15 вечера. Бывало, иногда опаздывали, и тогда приходилось возвращаться в деревню пешком, по шпалам 18 километров.

К концу 60-х годов число учеников стало меньше. Все, кто мог, уже родили, молодые уезжали в город. В 1975 году, когда я начал работать учителем физической культуры, а с января 1979 года – исполняющим обязанности директора, в школе было не более 70 детей.

В 1979 году Рямовская восьмилетняя школа закончила свою деятельность, хотя в посёлке оставалось ещё 17 детей, подлежащих обучению. Народ стал быстро, но с большой неохотой, уезжать из деревни, надо было учить детей.

Дизель

В пятидесятые годы в посёлке было своя электростанция дизель-генератор, свет горел с 6 утра до 12 часов ночи. Мощности станции хватало только на освещение помещений. Количество лампочек их мощность строго ограни-

чивалась. Использование любых электроприборов запрещалось, да, в общем-то, их и не было.

Молодёжи в посёлке было очень много, был хороший, просторный клуб, а свет – всего до 12 ночи. Проблему, особенно в праздники, старались решить, подпайвая моториста электростанции, он засыпал, и дизель-генератор работал до утра. В 1967 году в Рямовом построили ЛЭП, столбы местами стояли вдоль узкоколейки. ЛЭП была резервная на Атуз-Александровка-Понмаревка и проходила в трёх километрах от посёлка. Когда протянули ЛЭП до посёлка, проблема со светом решилась. Теперь можно было купить телевизор или даже холодильник, но это была непозволительная роскошь. Был в деревне один трудолюбивый молодой мужик, работал он на лесовозе, и было у него уже четверо детей. Так он купил телевизор. Стоил он по тем временам очень дорого – четыре месячных зарплаты, показывал одну программу, да и то с большой «рябью». Особенно зимой, когда работы поменьше, собирались соседские ребяташки, усаживались на полу около телевизора и с открытыми ртами всматривались в голубой экран. Где-то после девяти подтягивались взрослые. Хотя антенна была высотой примерно 45 метров, показывал телевизор только в ясную морозную погоду. И даже это было для всех огромным удовольствием.

И снова узкоколейка

Всем хороша была деревня – и кормила, и давала небольшой доход от ягод, грибов, орех, добычи зверей и птиц. Жаль, не было только реки. Поэтому, как только достроили узкоколейку до реки Шегарка, добавилась еще и прекрасная рыбалка. Рыбы было много, река чистая, «необловленная». По возможности, мальчишки ездили на рыбалку. Готовиться к ней надо было с вечера, так как в семь утра рабочие уезжали на работу по узкоколейке на мотовозе, летом – в «коробках» – это были оборудованные, с крышей и лавками, зимой – в вагонах с железными печками «буржуйками». Мотовозы – локомотивы с двигателями внутреннего сгорания мощностью

менее 100 лошадиных сил с механической передачей мощности. Мотовозы МУЗ-4Д имели сцепной вес 8,4 тонн, максимальная скорость достигала 22 км/ч. В 80-х годах появились тепловозы – локомотивы с двигателями внутреннего сгорания мощностью более 100 лошадиных сил, с механической, гидравлической или электрической передачей мощности.

Обычно в вагоне было жарко и очень накурено, дым от самокруток был повсюду. Печка раскалена докрасна, рабочие сидели на лавках, свободного места не было. В то утро Иван был ещё не совсем трезвым. Обычно так бывало, пока доедет до работы – проспитесь, поэтому он прилёг на пол между лавками и заснул. Работали в ту зиму всего-то в пяти километрах от посёлка, поэтому и брали всё с собой: бензин в восьмилитровых канистрах, бензопилы, цепи, топоры, чекеря (это такие тросы для зацепления деревьев). Вот эти-то чекеря и стали главной причиной гибели Мартынова Ивана, жившего напротив нас метров в двухстах. Мужики решили подшутить и обмотали ноги спящего тросами. – Проснётся, а как встать? Смешно!... На одном из поворотов вагон качнулся, бензин из канистры, а закрывались они просто, негерметично, попал на раскалённую печь. Кто-то из рабочих быстро открыл дверь вагона, и все на ходу (мотовоз ехал быстро) начали прыгать в глубокий снег. Иван проснулся, когда вагон охватило пламя, дышать было нечем. Это был здоровый, крупный мужчина, женатый, имел двоих детей-школьников. Спутанные ноги не позволи-

Мост через
р. Шегарка, но уже
без перил

ли продвинуться к двери. После этого случая, хотя и не нашли виновных, все инструменты, топливо стали перевозить на отдельной платформе. Недаром говорится, что «все правила и законы написаны кровью».

Разные люди – разные судьбы

Антон – так в деревне его все звали – прежде чем попал в посёлок, прожил страшный отрезок своей жизни. Будучи 16-летним подростком, проживал на Украине, в период оккупации был угнан на работу в Германию. Про эти мучительные годы старался не вспоминать. После Победы – попал в Сибирь, в те годы многие бывшие пленные отработывали срок на стройках страны. Это было наказание за то, что невольно, но поддерживали экономику вражеской страны во время войны. Интересно, что со своей будущей женой он, находясь в работниках, познакомился там же в Германии. Вместе они и попали в Рямовое. Жёну в деревне звали Люба – «хохлуша», всю жизнь проработала она почтальоном. Все её уважали, ждали в каждом доме. Газеты, журналы, письма от близких, а также все деревенские новости – всё это несла по посёлку Люба – «хохлуша».

Антон был невысокого роста, крепко сбитый мужчина, всю жизнь с техникой. Работал на мотовозе – возил рабочих, лес-кругляк. Очень любил рыбалку. Построенная на берегу реки Шегарки «Антоновская избушка» ещё долгое время спасала рыбаков и охотников от непогоды, давала ночлег. Было, едет Антон в лес с «порожняком» (так называли сцепы платформ без леса), остановится в двух-трёх местах, кинет петли,

а на обратном пути снимет три-четыре зайца.

Ездить на работу приходилось все дальше и дальше от посёлка – сначала до реки Икса, а позже – и вдоль правого берега Иксы на 20 километров, до «Шанхая» – так звали дальний участок.

Большие нагрузки, особенно с появлением тяжёлых тепловозов, заставляли руководство участка затрачивать много трудовых ресурсов на ремонт путей. Доходило до того, что снимали бригады с лесозаготовок для ремонта путей или прокладки новых «усов» – участков линии к делянам от 3 до 7 километров. Большую помощь в ремонте узкоколейки приносили подростки. Уже в 14 лет можно было устроиться на летний период, между учёбой, на работу путейцем первого разряда. Работа на линии была очень тяжёлой. Очень много гнуса: комар, мошка, слепень, жара больше тридцати градусов. ... Укладывали бывшие в употреблении шпалы, привезённые с широкой колеи. Хорошо, если попадётся не из лиственницы, иначе – поднять их и нести по бурелому было нереально. От кризотной пропитки шпал слезала кожа на лице и руках. На каждого давалась норма, и её надо было выполнить. Это была вынужденная необходимость, так как надо было помочь семье, купить обувь и одежду к школе.

Мотовоз готов к отправке. Водитель – Антон, главный – Хололоенко Александр

Антон на тракторе бульдозере С-80

В обеденный перерыв, в жаркие дни, разгоняли вагонетку и до речки. В то лето наша молодёжная бригада, а нас было четырнадцать подростков и двое наставников, работали на 35-м километре узкоколейки, – это всего два километра от реки. Мы успевали быстро пообедать и искупаться. Но в один из дней всё пошло как-то не так. С утра было очень много комаров, защищаться нечем, ведь средств от гнуса практически не было. Толя, так звали подростка, отошёл метров на сто от линии и, чтобы совсем не «съели» комары, развёл небольшой костерок – «дымокур», потом вроде бы затушил. Лето было сухое, жаркое, июль. Пока мы съездили до речки и обратно, тайга уже вовсю горела. После двух недель безуспешной борьбы с огнём пошёл дождь.

Ольга Ивановна, мать Петьки, – женщина довольно крупная, широкая, подслеповатая. Всю взрослую жизнь работала на путях узкоколейки, помогала нам – подросткам осваивать профессию путеюца: забивать костыли, работать с домкратом, рихтовать линию. В силу своих природных особенностей, невысокого интеллекта, отсутствия образования, образа жизни, часто являлась объектом шуток и насмешек со стороны, работающей с ней молодёжи. Был такой случай. Летом едем с работы на мотовозе в коробке. Нас ждёт получка! Ольга, прислонившись, задремала. Обычно, растолкав всех, Ольга Ивановна – первая у кассы. А тут кто-то из молодёжи прибил гвоздём к лавке её свисающий рабочий костюм. Проснулась, а подняться не может. Взяв огромную палку, долго гонялась она по перрону за обидчиками. Зная её жесткий нрав, все быстро разбежались, виноват – не виноват, могло попасть каждому!

Ручной труд и механизация

В первые годы существования посёлка лес валили, считай, рядом. Сначала пилили лучками, потом появились бензопилы «Дружба». Надёжность пилы была высокая, простая конструкция пилы и её хорошая излученность в сочетании с невысокой для мощной пилы ценой и большой производительностью пиления обу-

словливают популярность «Дружбы» и в настоящее время. К достоинствам пилы также следует отнести высокое расположение рукояток относительно плоскости реза, что позволяет оператору работать стоя в удобной позе (работа с современными пилами при валке деревьев производится в положении оператора на коленях или согнутым). В конце 70-х годов на лесозаготовках стали использовать бензиновые пилы «Урал», которые были более мощные и меньше весили.

К месту погрузки в 50-е годы лес, до 4 метров длиной, свозили с помощью лошадей. В посёлке была большая конюшня, в которой доходило до 200 лошадей. В 60-е годы появились первые трелёвочные трактора ТДТ-40, незаменимые на тот момент, дизельные, с мощным двигателем, обеспечивающим великолепную проходимость по сложным участкам местности. Лошадей стали использовать только для пахоты огородов, количество их уменьшалось, и в 80-е годы оставшиеся 15–20 голов перегнали в Пихтовку. В 70-е годы перешли на ТДТ-55 – гусеничный трелёвочный трактор, предназначенный для вывозки среднего и крупного леса. Этот трактор был лучше приспособлен для работы в сложных лесных условиях, зарекомендовал себя как неприхотливый в эксплуатации и ремонтпригодный практически в любых условиях.

С появлением тракторов и бензопил объём лесозаготовок резко вырос. В начале 70-х годововой план по заготовке деловой древесины доходил до 60 тысяч кубометров. Помню, как руководство

Тракторист Шмаков Василий у своей сороковки, примерно 1972 г.

участком устраивало аврал в конце года, отправляя всех, кто мог держать топор, чтобы выполнить план и получить премиальные.

Запасы деловой древесины сокращались, к месту работы добирались более трёх часов. В конце 70-х годов рабочим посёлка Рямовое приходилось работать вахтовым методом. Был построен мост через реку Икса и жилые бараки на 30–40 человек.

«Набитый» глаз

В конце ноября 1972 года, до армии, решил поработать на лесозаготовках. Взяли приёмщиком леса по третьему разряду (десятником). Работа была в общем «непыльная», но очень ответственная, ведь от того, сколько кубов насчитаю, зависела заработная плата бригады. Получали деньги с выработки, а не почасовой. В шесть утра – подъём, в семь – на мотовозе, в вагоне с жарко натопленной буржуйкой, до Иксы. Если не было в пути аварий, то к 9 утра пребывали на месте работы. Аварии иногда были: слетит тележка вагона с линии, а то и обе. Приятного мало. В первые годы существования посёлка опыта у мотоводителей «как поставить на рельсы упавший вагон или платформу» было мало. Потом научились: подкладут рубки (рельсы длиной до полутора метра) под колесо тележки и потихоньку затягивают. Многое здесь зависело от умения и сноровки «главного», – так называли помощника водителя мотовоза.

Светало зимой поздно. По прибытию двигателя тракторов уже были заведены, этим занимался сторож, который назначался из опытного тракториста. Он разогревал воду в бочке, заливал кипятком в радиаторы и заводил двигателя тракторов. Одновременно в лесу работало до 7–8 бригад. Бригада состояла из вальщика, он и был бригадиром, толкача – рабочего, который длинной жердью с железной вилкой на конце, помогал валить дерево в нужном направлении. Также в бригаду входило по 3–4 сучкоруба, это были люди более слабого здоровья, часто женщины, или отстраненные за прогулы или пьянку трактористы, вальщики и другие рабочие. К каждой бригаде был при-

Котлован на «Большой поляне»

креплен трактор с трактористом и помощником – чекеровщиком. Бывало, не выйдет на работу вальщик – бригада стоит, не работает. От узкоколейной линии до пасеки, места, где валили лес, расстояние было от 300 метров до 3 километров. Моя задача – встретить груженный трактор и заточковать древесину. Делалось это с помощью мерной линейки – вилки и специальной сортиментной таблицы. В широком понимании, «точковка (точкование) леса» – это обмер кругляка для определения объёма древесины. За один раз трактор ТДТ-40 (мы его называли «сороковка») мог трелевать до десяти кубов, а кедрача – и того больше. Это зависело от тракториста и в большей степени – от чекеровщика, их желания заработать больше, ведь, как они говорили, «не зря же комаров в лесу кормить!»

В первые недели работы не выпускал вилку из рук, пока не «набил глаз», то есть научился определять диаметр хлыста без измерения. Однажды эту мою деятельность увидел начальник участка – Палыч (так мы его меж собой звали). Александр Павлович – это крепко сбитый, с тяжёлой рукой, невысокого роста мужик. Если и было у него образование, то только самое начальное, но работу свою понимал. К людям относился хорошо, мог отдать последнее. Был вспыльчив, но быстро отходил.

Уже после службы в армии довелось мне жить вместе с ним в одном двухквартирном доме. Я только что заселился, зима, дров нет. Впритык к моему забору с его стороны находились сухие берёзовые дрова, аккуратно сложенные в высокую поленницу. До сих пор стыдно! Брал, чтобы было незаметно... Александр Павлович, увидев меня, но без дров, мягко сказал, чтобы я брал дрова, не стеснялся. А недели через две приказал рабочим привезти из леса сушняка, дал бензопилу и бензина. Хороший был человек, понимающий. Его жена «кума Аданчиха», так мы её называли меж собой, – простая, работающая, любящая выпить женщина.

Однажды утром после праздника, не помню уже какого, пришла она «в гости». Налив ей стопку водки, предложил и сала с хлебом. Посмотрела она на эту стопку и сказала: «Как я пить-то буду – нос в рюмку не входит». Да и правда, женщина она была довольно крупная, с ярко выраженными чертами лица. Тогда я перелил спиртное в гранёный стакан, на что она заметила: «Ты, что ли, краев не видишь?» Пришлось долить до краёв. Выпив, занюхала корочкой хлеба и попросила, чтобы «только Аданкину не говорил, что она заходила». День только начинался!

После моих объяснений, что я могу и так определить диаметр без вилки, решил проверить. Предупредил, что, если «Не дай Бог ошибусь на сантиметр, пойду работать на путь». Взяв в руки вилку и измеряя отдельные хлысты, заставлял меня называть их диаметр. Всё сходилось до сантиметра. Палыч громко «выразился», забросил вилку подальше в снег. Больше с этим вопросом не подходил.

Дорога в никуда

Пилили береговую зону по левому берегу реки Иксы. Это был сплошной кедрач, редко пихта попадёт, но какая! Однажды встречаю трактор, который везёт всего один хлыст. Тракторист сказал, что это только половина, вторую сейчас привезёт. Никакой линейки не хватило, чтобы определить диаметр ствола, позже уже в Пихтовке определили – 1 метр 20 сантиметров. Долго лежал этот пихтовый ствол у пилорамы, во всей деревне не было возможности распилить это бревно. И всё-таки нашлись умельцы, которые спилили и скололи ствол, уменьшив диаметр до подходящего. До сих пор не знаю, кто и как разрешил пилить кедрач, да ещё береговой зоны. В ту зиму выпилили более 20 тысяч кубометров кедра. – Говорили, что перестой!

В конце 70-х годов узкоколейка пришла в упадок – разрушенные пути, большие расстояния, – экономически себя не оправдывала, поэтому древесину стали доставлять в Пихтовку с помощью лесовозов (это были МАЗы, КРАЗы, Уралы) по зимнику. Возили древесину даже с реки Бакчар – это было более восьмидесяти километров от Пихтовки.

Четырнадцатого апреля, перед Пасхой, на тракторе К-700 удалось побывать на реке Бакчар. Переехав рано утром через «мост», который состоял из отдельных брёвен и утрамбованного снега, на левый берег Иксы, заехали на «Бакчарский тракт». – Эту дорогу называли «дорога в никуда». И вот почему. В 30-е годы активно шло раскулачивание, ликвидация кулачества как класса. Многие взрослые были сосланы на Калыму и другие районы Севера, а кого-то отправили строить дорогу. Проходила эта дорога по моховому болоту, покрытому невысокими сосняками. Место было топкое, лес четырехметровой длины укладывали в несколько слоёв, всего было построено двадцать километров от реки Иксы до реки Бакчар. Никто не пользовался этой дорогой. Деда своего не помню, но точно знаю, что он полтора года строил эту «дорогу смерти» как враг народа – «кулак». Вечером, возвраща-

Станция Пихтовка

ясь назад, захватили «клин» и потянули его в посёлок. «Клин» необходимо было доставить, так как летом в тундре не проедешь, а в следующую зиму снова надо было пробивать зимник. К нашему опасению, «мост» через реку Шегарка был изрядно подмыт. День был солнечный, вода в реке быстро поднималась. Оставив на высоком левом берегу реки Шегарка «клин», попыталась переехать через реку. Трактор на середине переправы просел и начал заваливаться на бок. Быстро покинув кабину, пошли за помощью в село Пихтовка. К обеду следующего дня, когда подъехали к подтопленному трактору, то увидели только небольшую часть выхлопной трубы, торчащей из воды. Вытащили «Кировец» только в сентябре, когда засушливой осенью воды оставалось до половины колёс.

Истощение сырьевой базы, трудности с доставкой древесины заставляли задуматься, как спасти посёлок. Более современная техника, более совершенные способы производства уже не могли сохранить посёлок от закрытия.

Все возможные принимаемые руководством меры не могли сохранить посёлок, а позволили только дать отсрочку его закрытия. Встал вопрос о переносе посёлка на реку Шегарка. В конце концов, было принято решение посёлок закрыть, перевести рабочих в село Пихтовка.

Рямовое прекратило свое существование примерно в 84–85 годах, официально посёлок снят с учета в 1988 году. Рямовое исчезло не только по причине истощения доступного к заготовкам леса, но и в результате политики государства 70–80 годов, направленной на укрупнения поселений.

Большинство населения переехали в Бакчарский леспромхоз, образованный из Каргатского лесозаготовительного участка управления Барабинской железной дороги. Контора, гаражи, пилорама и многое другое располагались в селе Пихтовка по улице Железнодорожная. Была построена улица П. Сухова, где в основном стали проживать бывшие Рямовские. Позднее многие переселились в Колывань и пригороды Новосибирска.

Проселочная дорога

Позже, с годами, пришло осознание того, что другой судьбы посёлок иметь не мог. Лес относится к возобновимым ресурсам, но его восстановление произойдет только через десятки лет. Судьба лесозаготовительных посёлков одна: сначала стать брошенными, а потом – и исчезнувшими. Другое дело земля. Заниматься сельским хозяйством можно веками, главное с умом использовать этот ресурс. Хотя надо отметить, что с 60-х годов двадцатого века в северной части Колыванского района была заброшено более 25 деревень, в которых занимались сельским хозяйством: растили хлеб, разводили крупнорогатый скот. Почему? Это уже другая история.

Николай Щукин

Северный район

Белая полоса, черная полоса

Мой дедушка, Старков Сергей Макарович, 1881 года рождения 22 ноября 1937 г., в г. Куйбышев на Савкиной гриве был расстрелян как враг народа. Тогда в Бергуле остались его жена, Марья Герасимовна и семеро детей. Четверо сыновей ушли на фронт и погибли.

Вот что рассказали в свое время мне мои старики-земляки: Егоров Алимпов Федорович, Девятников Семен Кузьмич (ныне покойные).

До 1900 г. Старковы жили в Латвии, в г. Рига. Работали у пана на его земле батраками, и мечтали иметь свой клочок земли. А когда вышел указ царя (о Стальпинской реформе), который гласил: «Надо осваивать Сибирь. Желающие поехать туда будут наделены бесплатно землей, получают материальную помощь в виде ссуды, а также будут освобождены от службы в армии 25 лет». Старков Макар Акимович, отец моего дедушки, решил отправиться в Сибирь и посмотреть, что там за край и можно ли там жить. После поездки в Сибирь в 1900 г., вернулся и стал рассказывать землякам: «Там столько земли хорошей, плодородной, что, сколько хочешь и паши. Много леса, ягод, зверя, рыбы и можно заниматься скотоводством». Привез большие кедровые шишки на показ.

Мария Герасимовна Старкова с внуками, снохой и дочерью

Многие поверили и в 1903 г. собрались и отправились осваивать далёкие сибирские земли. И так мой прадедушка, Макар Акимович, снова приехал в Сибирь, но уже с тремя взрослыми детьми. Дочь вышла замуж и уехала в Кыштовку с мужем. Сыновья, Сергей и Савин, тоже сразу поженились на девушках, которые приехали из Белоруссии, села Глубокое. Построили большие крестовые дома с окнами в рост с человека, разработали земли, обзавелись хозяйством, необходимым и достаточным, стали жить. Растили детей, а их было у каждого потом по семеро. Были они добрыми, верующими людьми. Ходили в модельный дом вместе с детьми. Трудились семьями на своих крестьянских полях с утра и до вечера. Жили единолично.

Но их счастливую, мирную жизнь оборвал 1917 — революционный год, а потом Гражданская война. Начался белый террор. В Бергуль пришли колчаковские каратели и стали отбирать у населения продовольствие и лошадей, а кто не отдавал добровольно, того поролли плетьюми до смерти. Пришел 1930 год. В стране началась коллективизация сельского хозяйства. Стали выбирать на собраниях и сходках из лучших уважаемых крестьян председателей колхозов. В Бергуле первым председателем колхоза «Первое мая» был, избрал Старков Сергей Макарович. Так как он был грамотным, закончил церковно-приходскую школу, имел крепкое большое хозяйство. Он первым вступил в колхоз (показал пример) сдал на общее пользование свой сельскохозяйственный инвентарь, а так же часть лошадей, коров, овец, свиней, кур и дал семена для посева. Вступили в колхоз и сыновья его со своими семьями: Павел, Трифон, Авраам, Логин.

Таким образом, люди в селе стали трудиться на полях коллективно.

К 1937 году колхоз окреп, сдавал государству много зерна, мяса, молока и другой продукции. Колхозники стали жить зажиточно, у многих были амбары полные зерна, а во дворе всякой живности.

Но фактически Гражданская война продолжалась. Отдосельчане писали ложные анонимные доносы на честных людей, мол, они враги советской власти. Цель вызвать недовольство к Советской власти, мол, смотрите, хватают порядочных людей ни за что. Поджигали сельские советы, что бы уничтожить документы.

Пришла новая черная полоса в жизни селян, людей хватили по доносам, садили или ссылали «за болото», как врагов народа. Так был арестован и мой дедушка и посажен предварительно в амбар вместе с группой бергульских мужиков. На другой день конная милиция погнала их пешком до Северного, а потом также до г. Куйбышева большую группу людей.

Только в 1992 году был снят гриф секретности о массовых репрессиях, и я узнал, где и как погиб мой дедушка.

Я живу на усадьбе своего деда, обрабатываю землю, как в далекие суровые годы это делал он со своей семьей с 1903 по 1937 гг. Здесь родились и выросли его семеро детей. Жили дружно, гуляли свадьбы. Рождались внуки, но не всем довелось увидеть его. Не застал дедушку и я его внук. Но добрую память о своих предках храню по сей день.

Алексей Старков

Черепановский район

Бурановский мятеж

В начале 30-х годов широкое развитие индустриализации требовало людей из деревни – из них готовились кадры для промышленных центров. Городское население быстро увеличивалось.

Росла потребность в продовольствии, особенно в хлебе. Сельское хозяйство, состоящее из единоличных крестьянских хозяйств, не в состоянии было удовлетворить потребности государства. Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) наметила новый курс политики по сельскому хозяйству: создание советских хозяйств (совхозов) и объединение крестьян в коллективные хозяйства (колхозы).

Проводя в жизнь указания Центрального комитета ВКП (б), местные партийные организации развернули массово-политическую работу по вовлечению крестьян в колхозы.

Коллективизация сопровождалась ожесточенной классовой борьбой.

В Медведске в 1934 году кулаки убили председателя сельсовета Ивана Васильевича Шатохина. В Зимовье убит врагами Советской власти Вагайцев Никита Ильич.

Зажиточная часть сельского населения оказывала мощное сопротивление коллективизации. Особо показательным в этом плане Бурановское восстание.

Население села Бураново состояло из трёх групп: старожилов – коренных сибиряков; поселившихся в период большой иммиграции 1900–1910 годов и прибывших в последние годы. Хозяйства последней группы относились

к числу бедняцких и первыми вступали в колхозы. Коммунисты и комсомольцы в порядке партийной и комсомольской дисциплины также вступали первыми.

К концу января 1930 г. заявления о вступлении в колхоз подали свыше 60 хозяйств. Но темпы коллективизации отставали от общесоюзных.

Бурановский сельсовет в то время объединял много мелких посёлков и выселков: Смородинский, Светлый Ключ, Аксёновский, Литвиновский, Ясная поляна, Светлая поляна, Осиновка, Дубровка, Калиновка. Во все посёлки и участки села Бураново были направлены представители по проведению собрания граждан.

Население с интересом относилось ко всем новостям и событиям. На собрания являлись охотно. Помещения всегда были переполнены. На всех собраниях большие споры вызывал вопрос об «общем котле». То есть, что станет имуществом коллективным, а что останется в индивидуальном хозяйстве.

В тот период рекомендовалось три формы объединения: товарищество по общественной обработке земли, сельскохозяйственная артель и коммуна. В товариществе обобществляются только средства производства по обработке земли; в артели – средства, дающие доход хозяйству (машины, скот); в коммуне обобществляется и быт.

На посёлке Светлый Ключ население состояло из мордовцев, в 1918 году самовольно поселившихся у соснового бора. Свою жизнь они начинали здесь в землянках. Во время отступления армии Колчака они ожидали варфоломеевской ночи, но войска прошли стороной от посёлка. Поэтому они особенно сочувственно относились к Советской власти, но к колхозу их отношение было сложным. Они в один день все вступили в колхоз, через месяц все выбыли, а спустя несколько дней все вступили снова.

Безуспешно прошли собрания и в других посёлках. Массового вступления в колхоз не получилось, поэтому стали применять индивидуальную агитацию. «Красные свахи», прибывшие из Безменовского сельсовета, ходи-

Фёдор Прокопьевич
Дробышев. 1929 г.

ли по домам и уговаривали крестьян вступить в колхоз.

В результате часть крестьян, преимущественно середняки, создали артель имени Красной Армии, вторая часть (коммунисты, комсомольцы и бедняки) объединились в коммуны. Коммунары избрали правление, артельщики — организационное бюро. Раскол осложнил ход коллективизации.

Коллективизация в Бурановском сельсовете проходила сложно. Упорное сопротивление оказывала

значительная часть крепких середняков. С каждым месяцем классовая борьба в селе Бураново обострялась. Кулацкое сопротивление социалистическому движению возглавлял бывший полковой поп, прибывший в Бураново из заключения, Герасим Теодорович. Свои взгляды Теодорович высказывал открыто, руководителей села называл безграмотными, беззаконниками. Во время каждой службы в церкви читал проповеди, в которых вместе с божественным словом внушал мирянам не вступать в колхоз. Каждый вечер у него в квартире собирались люди и сощались за занавешенными окнами.

В колхозах дела обстояли плохо, особенно в коммуне. В целях укрепления коммуны решено было объединить оба коллективных хозяйства. После объ-

Фёдор Дробышев,
журналист

единения получился стихийный отлив членов колхоза.

Многотиражка Новосибирской агитбригады ежедневно освещала состояние дел в Бурановском сельсовете, половина её тиража рассылалась по всему району. В статье «Антиколхозные действия попа» Фёдор Дробышев рассказал о враждебных действиях священнослужителя всему району. Властям нужно было принимать какие-то меры. В то же время поп всё больше сколачивал свой «актив».

Как-то вечером народ собрался в Народном доме на общее собрание села. В это время послышался тревожный звон колокола с церкви и все в испуге разбежались, как бы чего тут не случилось. Оставшиеся трое активистов долго ждали, но никто не появился. Хотя в другие дни бывало полно молодёжи и пожилых. Факт срыва собрания — чрезвычайное происшествие. Был сделан вывод: звон колокола и срыв собрания — это маневр попа Теодоровича, а набат означал сигнал к тревоге. С этого момента авторитет попа усилился ещё больше.

Чтобы сломить сопротивление коллективизации, нужно было прежде всего убрать священника. Этот вопрос был обсужден в райцентре и поручено участковому уполномоченному милиции Коноплёву арестовать попа и доставить в г. Черепаново. Как только Коноплёв зашел в квартиру ограды Теодоровича, там начали собираться женщины, которые категорически запретили трогать батюшку. Толпа с каждой минутой увеличивалась и напала на милиционера, который едва сам унёс ноги.

Создавшаяся в Бураново обстановка серьёзно беспокоила районное руководство. Почти постоянно в село высылались до десятка уполномоченных, что способствовало усилению темпов коллективизации. Хотя в сельсовете произвели смену руководства, но положение дел не улучшилось.

5 мая прошло общее собрание, которое удовлетворило требования всех антисоветски настроенных сельчан, которые склонили на свою сторону обществу.

На рассвете 7 мая отряд милиции из 14 человек прибыл из Черепаново в Бураново, чтобы арестовать попа и подавить антисоветские настроения жителей. С невиданной быстротой увеличивалась толпа на церковной площади. В милиционеров полетели камни, колья. Они поспешно покидали село, не оказывая противодействия. Только при выезде из села сделали несколько выстрелов. Им было дано строгое указание: оружие применять только тогда, если свалят милиционера на землю и начнут избивать. Вооружены они были вплоть до гранат.

Проводив отряд милиции, толпа рассредоточилась по разным направлениям: часть мужчин остались у церкви охранять попа и преданных ему людей, другие в сельсовете, в конторе колхоза хотели восстановить прежний доколхозный порядок.

В те минуты по селу на коне с ружьём разъезжал Лука Федоренко, имевший несколько судимостей. Он призывал бурановцев брать ружья, вилы, топоры и избивать коммунистов, комсомольцев и активистов.

Председатель сельсовета Капчук и четверо уполномоченных ускакали на колхозных лошадях в Огнёво-Заимку. Уполномоченному Бобчинскому, захваченному в сельсовете, женщины натёрли лысину снегом и вытолкали. Он пешком ушёл в Черепаново. Женщины группами ходили по всем кулацким домам и требовали немедленно освободить их, так как после экспроприации в них были вселены бедняки, не имевшие жилища.

К вечеру в Бураново прибыли представители из соседних посёлков Ясная поляна, Петропавловский, деревень Татарка, Пеньково, Барково.

Активисты села и несколько членов их семей, всего свыше 40 человек сосредоточились в двухэтажном доме Кондратия Волкова, вооружившись чем могли (вилы, топоры, 3 охотничьих ружья), выставили сторожевые посты у ворот, у двери, на крыше.

Село Бураново телефонной связи с райцентром не имело. Все оперативные указания получали по телефону в Огнёво-Заимке. 9 мая поступило извещение: «Всем учителям просьба при-

быть 10 мая на кустовое методическое совещание в Огнёво-Заимку», которое активисты восприняли, как предупреждение удалиться из Бураново. Но они не ушли.

Утром приехала комиссия. Вернулся председатель сельсовета Капчук. Члены комиссии вызывали в Совет депутатов, комсомольцев на беседу. К ним стали подходить граждане села. Постепенно мужики из засады стали расходиться по домам. Начал водворяться порядок и спокойствие. Комиссия Окружкома ВКП(б) пробыла в Бураново несколько дней, проделала очень большую работу. Под её руководством было проведено общее собрание граждан, развеявшее у многих антисоветские, антиколхозные настроения.

В эти дни началось следствие по делу мятежа и аресты. Население спокойно отнеслось к аресту попа Теодоровича, вызванного в Черепаново на допрос, откуда он не вернулся. По бурановскому делу, которое слушал военный трибунал, было привлечено 36 человек: 8 человек приговорены к высшей мере, пятеро получили по 5 лет строгого тюремного режима, 23 человека осуждены условно на три года каждый.

В последующие годы крестьяне Бурановского сельсовета объединились в шесть колхозов. Двадцать лет спустя они объединились в один колхоз. А позже стали рабочими совхоза «Заря» с центральной усадьбой и сельсоветом в селе Огнёво-Заимка.

Лариса Рябинина

Тогучинский район

Единственное фото репрессированного прадеда

Мои предки переехали в Сибирь на свободные земли под влиянием столыпинских реформ и беспросветной бедности из Вятской губернии. Было объявлено, что можно занимать хорошие плодородные земли, и Василий Ефимович Царегородцев поехал искать свое счастье, вместе со своей семьей, женой Евдокией Ефимовной и детьми: Максимом, Ефросиньей и Владимиром; уже в Сибири родилось еще двое

Фотография прадеда

детей Мария и Михаил. Семья часто меняла место, переезжала в разные селенья и исколесила всю Сибирь. Царегородцев был крепким и сильным мужчиной, его призвали в армию в первую Мировую, и он оказался в Петрограде в Финляндском полку, участие в боевых действиях не принимал. Во время революции перешел на сторону большевиков. Весной 1918 года вернулся домой и вместе с сыновьями работал на строительстве различных веток железной дороги, жили в бараках всей семьей. Тем временем подросла дочь Ефросинья, и отец присматривал ей жениха. На просторах Тогучинского района где-то в 1926 году пересеклись пути Василия Ефимовича и его земляка Киселева Ивана Михайловича. Оба вятские, стали обсуждать свою жизнь и обнаружили, что у Василия Ефимовича невеста выросла, а у Ивана Михайловича есть сын, решили поженить своих детей, не спрашивая у них согласия. Надо сказать, что Киселевы – Иван Михайлович и Анисья Акимовна – были бездетными и решили взять мальчика из многодетной семьи Стрельниковых, проживающих в том же поселке. Сережу усыновили, выправили новые метрики, растили и воспитывали, как родного. Впервые Ефросинья Васильевна увидела Сергея Ивановича только на свадьбе, поэтому никаких теплых чувств молодожены друг к другу не испытывали. Ефросинья Васильевна радовалась, что попала в зажиточную семью, свекор со свекровью приняли ее тепло, одели и обули полностью. 22 июня 1927 года у молодых родилась дочь, и назвали ее Анной. Позже родился сын Александр, и только тогда отношения стали налаживаться, наконец-то Сергей Иванович стал лучше относиться к жене, но счастье длилось недолго. Годы, в которые происходили эти события, были очень тяжелыми для нашей страны. Существовали оговоры и наветы на хороших людей. Сейчас эти времена называют репрессиями. Ужасно то, что моя семья в полной

мере испытала все это на себе. Зависть и злость людская безмерна, и именно это сыграло решающую роль. На хутор Медведевский приехало вместе 4 семьи, но самыми зажиточными из них стали Киселевы, а вот семья Полушиных так и не смогла встать на ноги. Пелагея Полушина вместе со своим братом Яшкой стали ходить на коммунистические сходки, митинги, собрания. Самой активной была Пелагея, не удивительно, что ее выбрали председателем сельского совета. И конечно, семья Киселевых, имея крепкое хозяйство была, как «бельмо на глазу». Объединяться в колхоз они не хотели да и жить скромно тоже. Иван Михайлович купил породистых лошадей и двуколку, везде разъезжал на ней, всегда старался показать свое богатство. Я думаю, что Полушиным нужен был только повод, чтобы последовал арест. И вот повод нашелся. В 1930 году бык Киселевых боднул мать Полушиных, в результате Яшка пришел к Ивану Михайловичу и сказал: «Отдай мне быка». Заносчивость, с которой все это было сказано, не понравилось Киселеву. И, несмотря на то, что он собирался выплатить деньги за нанесенный ущерб, гордость пересилила, и он отказал Яшке. На это Яшка сказал: «Ты будешь помнить обо мне всю жизнь». Районное начальство в борьбе по ликвидации индивидуальных хозяйств придумало «Васинское контрреволюционное движение», чтобы убрать всех не согласных с коллективизацией. Район обязал сельсоветы составить списки таких лиц. Вот в такой список Пелагеи Полушиной были записаны отец и сын Киселевы. Вечером 18 марта, когда сыну Александру исполнилось 2 месяца, Киселевых арестовали и увезли, а утром 19 марта имущество Киселевых было описано и конфисковано, оставшимся членам семьи Киселевых было предложено «Убираться по добру, по здорову». Дед Царегородцев приехал и забрал всех в поселок Конево. От пережитых волнений у Ефросиньи Васильевны пропало молоко, и маленького Александра взяла на воспитание семья Шиховых, где была маленькая де-

вочка, и у ее матери молока было много. Летом 1930 года Ефросинью со свекровью и 3-х годовалой Анной отправили в ссылку, (маленький Сашка не попал, только потому, что жил в другой семье). Это был настоящий «обоз смерти», многие заболели тифом, дизентерией и умирали по дороге, особенно дети. К пароходу-буксиру была прицеплена баржа, и везде находились ссыльные. С баржи их выгрузили на пустой берег недалеко от Нарыма. Их оставили без еды и помощи на берегу. Люди начали строить землянки, а умерших похоронили в общей могиле. Наша семья не выжила бы, если бы не взаимовыручка и объединение всех ссыльных для общих работ. Маленькая Анна заболела дизентерией, но осталась жива. Несмотря на малолетний возраст, моя прабабушка Анна Сергеевна хорошо помнит те дни, когда «утром вода в бадье была замершая, когда спали на общих полатях стараясь согреть друг друга, когда укрывались всем, что попадалось под руку». Понимая, что в таких условиях их все равно ждет смерть, и боясь за свою дочь, Ефросинья Васильевна решилась на побег. Она уговорила еще одну женщину, и вдвоем они шли ночами, избегая дорог, чтобы не попасть на посты. Она вернулась в Конево к своему отцу Василию Ефимовичу. Оседлав лошадь, отец немедленно вернулся за Анной и Анисьей Акимовной. Побег удался, но женщинам пришлось скрываться, делать другие документы, так как было еще много недоброжелателей. Ефросинья Васильевна еще долгие годы вспоминала своего мужа Сергея Ивановича, пыталась узнать, где он и что с ним, надеялась, что он вернется. В разговорах часто говорила, что он может быть в каких-то каменоломнях, на ссылке, голодный и оборванный. И только в 90-х годах, когда все архивы были открыты Александр Сергеевич смог узнать о судьбе отца и деда. Они были расстреляны 26 апреля 1930 года. Вот из этого дела Александр Сергеевич и взял маленькую фотографию Сергея Ивановича, единственное фото моего прадеда, которое есть в нашей семье.

Полина Лыткина

Кольванский район

Браточка, выручи!..

В тот год в один день совпали два праздника: день международной солидарности – 1-е мая и Воскресение Христово-пасха. Атеисты праздновали свой, верующие – свой. С утра колхозники суетились на базе колхоза, где хранилось имущество, приготовленное к посевной компании – плуги, бороны, телеги, сеялки, сбруя и другой нехитрый скарб, без которого в поле не выедешь. Пахари запрягали лошадей в плуги, сеяльщики – в сеялки, подвозчики зерна – в телеги... И вот вдоль улицы выстроилась колонна, готовая вступить в борозду. На передней телеге на древках натянута транспарант «Дашь ударный сев!». Над колонной развевается красное знамя. Упорядочив ряды, колонна медленно двинулась по улице. Пахари верхом на добрых, сытых лошадях, за ними бороноволоки, впереди, на телегах подвозчики семян и следом прочее всё, что пригодится в поле. Полтора-два часа колонна проходит обе улицы деревни, продемонстрировав готовность к посевной компании, возвращается на базу, расставляет инвентарь – что под навес, что в ряд на широком дворе, лошадей в стойло. Парад окончен.

Река не вошла ещё в берега полностью от половодья. По овражкам, по ложбинкам, весело журча, текут ручьи, в палисадниках, в тени лежит снег, но поляны позади магазина, за народным домом и в других возвышенных местах подсохли. К середине дня на подсыхающих лужайках появляются люди, прежде всего дети, юноши. Затеиваются игры. Раньше других начинают свои «баталии» бабочники. Играют азартно, увлеченно. Часто возникают мимолетные споры, но конфликты разрешаются мирно. У иного ловкача все идет «колесом». Движения размерены, автоматичны: ударит в гнездо, отобьет одного, другого, соберет бабки, начинает новый кон. Менее удачливый придет в игру с оттопыренными карманами, полными бабок и вот карманы опустели.

Покупает у удачника по две копейки за десяток. К вечеру, гляди и продул целый пятак.

В другом углу поляны установили латок, катают крашенные яйца. Там свои ловкачи, свои счастливики. Там редко встретишь малышей или взрослых – там только подростки. Это не бабки, за две копейки десяток яиц не купишь.

На поляне за народным домом бьют лапту. Здесь и малыши, начавшие игру, к ним подошли подростки, парни, девки. Игра веселая, с криками, смехом, с азартом. Кто там, в поле... О, да это Федор Холев, неизменный игрок в мячик. Ему за шестьдесят. Борода на ветру развеивается как лошадиная грива, залысины на голове доползают до макушки. Его фамилия Домоевский, но в деревне знают его по прозвищу, унаследованному от деда – Холев. В игре он стоит молодого -проворен, не упустит поданного ему мяча или не промахнется, если подвернется «валовый ерундила».

В другом конце деревни те же игры: городки, чижик, снова бабки, лапта, «вдовушки». К середине второй половины дня улицы кишат народом. Немощные старцы, старухи, все выползли на солнце, благо день, как по заказу.

Мужики, воздерживающиеся от замеления до полудня, сидевшие по домам, начали собираться в компании. Кое-где послышались звуки гармонии. Парни, которым надоела лапта или другая игра столкнули двух восьми – десятилеток в борьбу за пояс. Те покраснелись, надулись, возятся, стремясь не уступить противнику. Но из двух соперников победить должен кто-то один.

– Филка! Под ножку его, под ножку!..

– Васька! Да что ты на него смотришь!? Из-под вала дуй его!- кричала толпа, разжигая азарт.

– До трех раз...

Вот один из соперников из трех возможных выиграл два.

– Кто на выручку?!

На победителя выходит посильнее, постарше. Наконец подошла очередь и до тех, кто затеял борьбу. Теперь ясно, что они с тем и сталкивали малышей, чтобы самим померить силы.

Оставим борьбу за пояс. Перейдем на другой конец деревни. Здесь собралась толпа человек в сотню. Круг гораздо шире, чем при борьбе.

Ну чо сперло, сперло! Чо в Серединой вымерли кулачники?..

Иван Терентьевич Колмаков, несколько взлохмаченный, помятый, но гордый похаживает по кругу. Круг похохатывает, не громко рассуждает.

– Ему надо было в тот момент, когда Иван Терентьевич согнулся...

– Да что ты говоришь, он все равно не устоит...

Иван Терентьевич невысокий, плотно сбитый мужичок лет тридцати пяти, от природы веселого нрава, подвижный, с рыжеватыми волосами.

– ...Ну чо, сперло? Неужели не осталось в Серединой мужиков?..

В стороне стоял его соперник, запрокинувший чура в схватке. По толпе можно было понять, что кулачный бой начался как обычно с мальчишек, дошел до самых сильных. И вот Иван Терентьевич-победитель. Честь и слава тому, кто унесет круг, то есть не найдет себе соперника. А чтобы уйти с еще большим достоинством...

– Чо, братцы, – нет кулачников?..

Но вдруг толпа заволновалась, как-то странно зашумела, задвигалась.

Парад готовности
к посевной,
1932 г.

Иван Терентьевич не сразу заметил перемену в толпе. Насторожился, прислушался, стараясь понять, в чем дело. И понял.

Кулачный бой проходил на улице. За ходом боя из своей избенки в окошко наблюдал Спиридон Хрипатый. Наблюдал равнодушно. Казалось скучал. Но вот Иван Терентьевич собрался унести круг. Его это задело. Он заметался в своей избенке, отыскивая свой шубуришко, чтобы накинуть на плечи. Однако с улицы за ним тоже наблюдали и уловили замысел Спиридона. Это и зашевелило толпу. Это понял и Иван Терентьевич. Но удариться со Спиридоном Хрипатым ему добра не предвещало.

– Браточка, выручи! Выручи, браточка! – заметался Иван Терентьевич то к одному, то к другому из стоявших в кругу мужиков. Со Спиридоном Хрипатым драться ему не хотелось.

– Браточка, выручи! Ударься за меня! Выйти на выручку в таких случаях правилами не возбранялось. И это не ущемляло чести того, за кого на выручку вышел другой. Такой прием использовался и при борьбе и при кулачном бое.

– Выручи, браточка!

– Ладно, Ванька, я ударюсь со Спирькой, – шепнул ему Ефим Верещагин.

И вот он, Спиридон Хрипатый, выскочил в круг.

– Есть кулашники в Сиридиной, Ванька! – сбрасывая шубу с плеч, прохрипел Спиридон.

Вместо Ивана Терентьевича вышел Ефим Верещагин. Мужик лет тридцати пяти, высокого роста, худощавый, но в плечах – косая сажень. Сбросив пиджак, картуз остался в сатиновой рубашке.

Спиридон невысок, плотно сбитый, несколько сутуловатый, ходивший в перевалку мужик лет пятидесяти пяти-шестидесяти. Одет в самотканую льняную рубашку.

Соперники в перевалку начали сходиться. Они не прыгали, как передвигаются современные боксеры по рингу, не ставили на зубы щитки, не надевали на руки пудовые перчатки. Они знали неписанные законы и соблюдали их: ниже живота не бить, лежачего

Празднование
1 мая

не бить, ног не применять, после боя, кто – бы ни победил «камня за пазуху не класть», т. е. не мстить, дело кончать миром. Разрешалось моральными правилами взять реванш, но опять же на добровольных началах, в полюбовном бою в другой раз.

У Ефима Верещагина кулак напоминал вывороченный корень дерева: казанки его пальцев торчали как обрубленные боковые ответвления корня. Кулак Спиридона гладкий, мясистый, был похож пудовую, чугунную гиру.

Ефим медлительный, но кулачный бой знал хорошо, улавливал момент, когда надо уклониться от удара противника, когда, воспользовавшись промахом соперника, подставить свой кулак. Про него говорили, где-то на станции лежал чугунный рельс весом в двадцать один пуд., лежал, мешал работать. Его нужно было убрать. Ефим подошел к концу рельса, поднял и положил конец на плечо, затем приподнимая рельс и подвигая плечо к середине, сбалансировал его и отнес на сто сажень в сторону.

Спиридон в кулачных боях в Середино равных себе не имел.

Толпа замерла в ожидании чего-то необычного. Пошатываясь, соперники долго передвигались по кругу. Не выдержал Спиридон, пошел в атаку, но предупрежденный ударом, отскочил назад.

Шлепки ударов раздавались словно лошади лягались. Поистине создавалось впечатление, что дерутся леген-

Дмитрий Дулин
управляет
тройкой

дарные кентавры. Нанес удар Ефим. На его костистом кулаке повис лоскут холстовой спиридоновой рубахи – удар обошелся скользкий. На спиридоновых ребрах появилась продолговатая ссадина. Не выдержала рубаха и Ефима. Дерутся час, никто не просит чура, хотя по движениям соперников заметно, что оба утомлены до предела. От рубах остались одни лоскуты. На телах, в просветах лоскутов ссадины.

– Поди хватит, Спиридон?.. – часто дыша, с расстановкой проговорил Ефим. Перевес явно на его стороне. Но Спиридон, собравши силы, пошел в атаку.

– Ни чо, Ефимша!.. я ишшо стою на ногах и чура не прошу, – прохрипел Спиридон. Однако, годы давали своё, движения его были вялы, не уверены. Заметно, что Ефим, чувствуя свое превосходство, щадил Спиридона. Но тому не хотелось признать свое близкое поражение. Уж очень заедало самолюбие.

– Спиридон! Давай кончим полюбовно.

Полюбовно означало не то, что «без зла», «не держать камня за пазухой», а то, что сейчас называется «в ничью». Наконец Спиридон поднял руку в знак внимания соперника.

– Ладно, Ефимша, давай кончим, но мы ишо стретимся. Идет?

– Идет, Спиридон.

Соперники, только что свирепо колошматили друг друга, теперь как друзья сошлись и обнялись душевно.

– Ну и здоров же ты, Ефимша. Наколошматил старика. Четверть за мной.

Бригада
трактористов.
1933 г.

– Нет, Спиридон, тебя побить нелегко. Раз расходимся полюбовно, то и моя четверть будет на столе.

Бой кончился. Толпа заговорила. Круг заметно стал уже. Бывшие соперники, но не враги, обнявшись, пошатываясь, пошли в избенку Спиридона. Полу оголённые тела их были в ссадинах, кровоподтеках. Конечно, завтра их супруги будут отмачивать самогонными примочками, чистые рубахи присохнут к ранам. Кто-то один из них обязательно придёт к другому, чтобы осведомиться о его здоровье. А сегодня они, прихватив трёх – пятерых самых близких друзей, будут распивать две четверти самогона (четверть ведра – три литра). Это был суровый, но честный, без последствий вражды, спорт.

А что было на другом конце улицы? Расскажу в другой раз.

Отверженный

1937 год. Лето. Все взрослое население на заготовке сена. В деревне остались немощные старцы да дети. Матери уходят на покос с восходом солнца и с заходом возвращаются домой. Подойти корову, сварить и накормить детей, прибрать в избе... Да мало ли дел по хозяйству. Пока мать хлопочет по дому, на дворе уже глухая ночь.

С рассветом-то же самое. А пока просыхает роса, она должна быть у стога. Пешком за 4–6 верст. К этому времени стогометы и молодежь уже сметали стог из приготовленных с вечера копен. Они ночуют в поле. Перед заходом солнца, отправив женщин домой, они готовят копы, чтобы утром, пока на валках

роса, успеть сухие копны сметать в стога центнеров на 20–25 каждый.

А придут женщины, возьмут в руки вилы, грабли и – до вечера. Прервутся в полдень на часок для обеда и опять на сено. И так изо дня в день, пока не будет заготовлено плановое количество корма. Не успеют покончить с покосом, другая компания-уборка хлебов. На сенокосе все: и мальчишки с десятилетнего возраста (копновозы), и парни, и девчата – кто с вилами, кто с граблями – шумит покос.

Звено Игната Оленникова работает слаженно: один метчик вершит стог, второй заводит новый. Боже упаси, если где получится заминка и своевременно не будет подвезена копна или останется оброненный клочок сена. Стога сметаны ладно, по-хозяйски. Игнат Родионович сам работать горазд и разгильдяям спуску не даст. На стогу одна из проворных и ловких женщин. Она же после завершения стога до начала нового готовит немудреный обед.

Но вот команда на обед. Не теряя времени, члены звена рассаживаются кто под копной, кто в тени березки, кто в одиночку, кто на пару.

В звене парни, девчата. Ежедневно их навещает парень на вид городской. Приезжает на луга на единственном в деревне велосипеде сын парторга Ярошенко Николая Егоровича – Николай. Этому парню вилы бы в руки, но... его праздные визиты только раздражают, вызывают нездоровую зависть у парней и мальчишек.

Вот однажды в обеденное время Игнат Родионович смахнув с лица руком рубахи обильный пот с потеками грязи, взяв свою котомку со снедью, садится в общий круг. – Медленно натруженными руками развязывает ее, извлекая горбушку черствого ржаного хлеба. Задумчиво посмотрел на хлеб.

– Покормить бы вот этим хлебом руководство, чтобы оно заговорило?

Молодежь переглянулась между собой. Женщины кто сочувственно, кто с удивлением взглянули на звеньевое: об этом вслух не говорят. Зато хорошо» понял» колхозника молодой бездельник на велосипеде. Повременив пару минут, он сел на велосипед и укатил в деревню.

К вечеру на покос подъехал автомобиль. Подрулив к работавшей на конных граблях дивчине Анне Костиной, шофер осведомился:

– Здесь работает звено Оленникова Игната Родионовича?

– Да.

– А где его увидеть?

– За этим колком. Я здесь догребла все и сейчас поеду к стогу, где мечет Игнаха.

Подъехав к стогу, шофер снова спросил, где найти Оленникова.

– Я Оленников.

– Собирайтесь. Поедете с нами.

– Да я грязный. Мне б умыться, одеться.

– Умоешься, оденешься...

Вопросы и ответы были лаконичны, кратки.

Бригада колхоза им. Буденного на обеде

В те годы было принято поощрять передовых колхозников на выставках, торжественных собраниях или других форумах. Вот и в этот раз члены звена ничего недоброго не заподозрили, были довольны, горды тем, что их звеньевое, вероятно, повезут на чествование. Хвала и звену. Однако машина с Оленниковым пошла не в Середино, а в Изовку, захватив с собой колхозника Железнова Федота, а потом в Кандаурово, взяла еще двоих – братьев Лазаря и Артемия Ушнурцевых.

Напрасно Прасковья Федоровна Оленникова пыталась узнать, куда увезли Игнашу. Узнала об этом она лишь пять лет спустя. А более подробно все выяснилось еще позднее. Его судили закрытым судом (если это можно назвать судом) без свидетелей,

На уборку в поле.

без следствия, без доказательств виновности. Объявили приговор, который гласил: десять лет лишения свободы и сверх этого четыре года лишения избирательных прав.

До войны он отбывал «наказание» в лагерях под Иркутском. В начале войны был переведен в военное формирование. Но напрасно подавал он прошения об отправке его на фронт – не доверяли.

В 1944 году пришел домой и здесь безуспешны были его ходатайства о том. Чтобы призвали его на фронт, районное руководство, в том числе и военкомат, тоже не доверяли. Необоснованные обвинения давили тяжелым грузом на сердце. Поэтому Оленников пишет письмо М. И. Калинину с просьбой разобраться и объяснить ему, в чем он виновен и дать возможность уйти на фронт.

Он верил в победу нашего народа, советской армии в Великой Отечественной войне. Знал, что его земляки, одержав победу, пусть не все. Но вернуться с фронта и ему стыдно будет смотреть им в глаза за неучастие защите Родины. Ответ от Калинина пришел..., правда только в 1947 году, в котором о судимости его ничего не сказано, но ему разрешается пойти на фронт.

В мае 1947 года я пришел с фронта. Игнат Родионович был дома. Как и всегда, выборы представителей Советской власти были всенародным праздником. И в сороковые годы люди шли на избирательные участки, празднично одеты, веселые. А вот Игнат Родионович лишен избирательных прав

по приговору, сидит на скамеечке под окном своего дома один, отверженный, морально подавленный. Давит его груз гражданской неполноценности. Безрезультатны оказались попытки и после окончания срока добиться оправдания. Однако лагерное содержание, мытарства, унижения, оскорбительный ярлык неполноценного гражданина не поколебали его трудолюбия. В колхозе, если и были работники, то немногие, кто бы лучше его вспахал поле, сметал стог сена, аккуратнее накладал воз сухих снопов зрелой ржи, не потеряв не зернышко при скирдовке, кто бы лучше содержал закрепленную за ним лошадь.

Он как до оскорбительного, необоснованного приговора оставался одним из передовых работников в колхозе, так и после и реорганизации колхоза «Память Ильича» в совхоз «Кандауровский» в 1958 году любовно ухаживал за лошадьми. Очень жаль, что Игнат Родионович не дожил до дня, когда был объявлен пересмотрен дел жертв необоснованных репрессий и его имя официально очищено от ярлыка государственного преступника. Но вот что становится горьким и обидным, когда вспоминаешь момент ареста Оленникова. Ведь взяли его не одного, а набрали группу. Значит, арест был не одиночный, а массовый, следовательно, и кем-то запланированный. Да и приговор выносился не каждому отдельно, а «оптом». Это уже всю работала адская машина «ГУЛага». Только вот, кто способствовал движению и скорости этой «машинь»? Не те ли «велосипедисты» из «своих», кто, живя среди нас

Сенокос

и преследуя ему только ведомые цели, считал своим долгом сообщить о ком-то «кому и куда следует»?

Сломанная судьба

Лето 1940 года. Все от мала до велика на покосе. Но тракт Кольвань-Пихтовка не пустовал. По нему группами по 5–8 повозок, запряженных, где по одной, где парами лошадей ехали в незнакомых нам одеждах незнакомые люди. Мужчины в высоких бараньих шапках (несмотря на жару), в белых рубашках под жилетами, в хромовых сапогах, широких шароварах. В повозках скарб и дети, кое-где старики. Взрослые же мужчины и женщины больше идут за повозками или рядом.

Кое-где между хлебных посевов около березняка стоят табором с распряженными и стреноженными лошадьми. Рядом с повозками, примяв траву, отдыхают утомленные дорогой люди. Горит костер, на костре закопченный котел – ведро: готовят варево. Разговор на незнакомом языке: удрученный, вялый.

Как потом выяснилось – это были молдаване. После присоединения в декабре 1939 года Молдавии к СССР сталинская политика «ликвидации кулачества» вступила в силу и там. И вот репрессированные молдавские «кулаки» едут в места ссылки – деревню Вдовино, близлежащие поселки, а некоторые и дальше на север в Томскую область.

Об одной из таких семей я и хочу рассказать. Прибыли переселенцы во Вдовино. Пока добирались до места, продовольствие кончилось. Не успели развернуться, как осень подошла, а за ней суровая, даже по нашим сибирским меркам, зима. Работы много, но она бездоходная. Местные жители сами на пропитание не зарабатывают. Жилья нет. Начался голод, простудные болезни. На вдовинском кладбище появились новые могилы, молдаван, на обособленном участке.

Заболела и семья Георгице. Первой умерла мать, а затем и самый маленький ребенок. Кое-как похоронили добрые люди. О судьбе младшей из оставшихся троих детей Ане ничего не знаю. Был отец, но его взяли по линии НКВД еще там, в Молдавии.

В селе у каждого своя семья, своя нужда, жили по принципу «все могилки не оплачешь». И остались шестилетняя Дуся и восьмилетний Вася Георгице без родителей, брошенными на произвол судьбы. Пошли милостыню просить. Давали скудно – кругом нужда. Из Вдовино перешли в другое село, в третье... Прошли и Пихтовку.

Развилка дорог – одна в Мальчиху, другая в Королевку (тогда Фомиха). Васька тянет влево, Дуся закуражилась -пойдем вправо. Долго спорили, и, наконец, Васька спор разрешил: набуцкал Дусе по спине, развернулся и пошел в сторону Королевки, оставив её на перекрестке плачущей.

И вот в один из дней в Изовке появился молдаванёнок, просивший милостыню. На него обратил внимание председатель колхоза, бывший ленинградец Еременко Иннокентий Михайлович, приласкал бездомного, накормил и устроил жить в сторожке. Тот быстро освоился в деревне. Временно устроили его на работу – посыльным в конторе. Оказался весьма смышленным, понятливым.

Шли годы. С возрастом Васька освоил крестьянский труд, особенно полюбил лошадей. Вместе с изовскими ребятами осенью ходил в тайгу собирать кедровые шишки. Наберет орехов, отправит с колхозниками в Новосибирск на базар, накажет, чтобы на ручку купили то рубашку, то брюки – так и жил. Неблагозвучную по произношению на русском языке фамилию Георгице переделали на русский лад

Дети детяслей и дошкольники. Сельхозпроизводительная коммуна «Красный октябрь»

-Герец. Так и рос в деревне Изовка молдаванин Васька Герец.

А где же Дуся? Голодную и прозябшую подобрали её проезжающие колхозники и увезли в деревню Усть-Тоя, где в то время был детский дом. Но вскоре этот детский дом расформировали, а детей развезли по разным детдомам.

Однажды осенью Васька набрал мешок кедрового ореха, прокалил его, как все это делают, и отправил в город для продажи.

Продав мясо, колхозники подумывали уже ехать домой.

– Да! Мне ведь Герец наказал купить три рубаха и два штана, – вспомнил один из колхозников, подражая ломаной речи молдаванина.

– Кто наказал? Как ты сказал? – заинтересовалась хозяйка квартиры, услышав своеобразный говор и фамилию.

– Герец. Мальчишка, молдаван у нас есть такой.

– Герец? Молдаван? У нас в детдоме есть девочка Дуся. Она привезена из Кольванского района. Только фамилия её Георгице. Она говорила, что утеряла братишку.

Колхозники, не придав значения разговору с хозяйкой, только дома узнали, как Васька бросил Дусю и потерял ее след. А он по-прежнему трудился, пристроившись к лошадям. Теперь ел хлеб, заработанный своим трудом, одевался на свои деньги. Но не давала покоя мысль о сестре, ведь Дуся в Новосибирске. И однажды с партией колхозников он поехал в город с намерением

во что бы то ни стало найти сестру – единственного близкого кровного человека.

Через хозяйку квартиры выяснил о том детдоме, где Дуся. Но... по собранным документам там узнали о месте её рождения и направили Дусю на родину. Удрученный неудачей вернулся Васька домой.

А годы шли. Мужал Василий. Подобрал дивчину по душе: работающую, хозяйственную, женился. Пошли дети. И вот он получает письмо из Молдавии. Письмо написано по-молдавски, а он, молдаванин, прочесть его не может: забыл родной язык. Представьте человека, утерявшего родственников, близких, родные места. В руках горит письмо, и он беспомощен его прочесть. Можно понять душевное состояние этого человека. Герец бросает на лошадь седло – и в соседнее село Базой, где живет его соотечественник молдаванин.

Письмо от Дуси, а в нем известие о том, что совсем рядом – в Мальчихе – живет отец Василия Гергице – Аксен. Время осеннее. Дождь расквасил и без того жидкие северные дороги района. Не дожидаясь утра, Василий помчался в Мальчиху. Нет надобности рассказывать о трогательной встрече отца и сына. Сын отца узнал, а вот отец сына узнать не мог. Помогли скудные фотографии, сохранившиеся у Аксена.

Отец живет с вновь обретенной семьей. У него двое детей. Следующим летом в Сибирь к отцу и брату должны были приехать обе сестры – Дуся и Аня

Место ссылки молдавских кулаков д. Вдовино. Современный вид

с мужьями. Но судьба распорядилась иначе.

Сестры приехали раньше намеченного срока, потому что, работая на мельнице, Аксен допустил оплошность, и вращающийся шкив захватил его сзади за фуфайку, от удара он скончался.

Похоронив отца, сестры уехали, захватив с собой и детей Василия, а после он и сам с женой перебрался в Молдавию.

Много лет спустя после смерти отца была найдена бочка с вином, которую Аксен по молдавскому обычаю закопал при рождении сына на его свадьбу. Да видно не судьба.

Дмитрий Дулин

Болотнинский район

По-русски

Дед мой, Пастухов Фотий Михайлович, был фигурой колоритной. Сколько я себя помню, без бороды его не видела, ни разу не слышала от него матерного слова, ни разу ни на кого он не повысил голоса.

Помню, как мой папа в начале лета 1953 г. посадил меня, четырехлетнюю, впереди себя на велосипед и отвез в д. Усть-Тула к бабе с дедом. Вот этот период, пожалуй, был самым счастливым отрезком моего детства. Там я была ребенком, которого все холили и лелеяли. Потому, что в последствии, я стала старшей дочкой, на которую было возложено достаточно много обязанностей.

К тому времени, когда меня привезли, деда с бабой уже были преклонного возраста, но дед Фотей почти каждый день ходил на рыбалку, особенно любил рыбачить зимой. Когда вечером раздавался стук валенок и хлопала входная дверь, я, сидя на полатях, замирала в предвкушении, ведь сейчас должно произойти чудо и это чудо происходило. Раздавался скрип и весь в курже и сосульках заходил дед и спрашивал у бабы Анны: «Где же, тожно, внучка моя, Томушка, сегодня я встретил зайчика и он просил передать ей кусочек хлеба». Скажу честно, вкуснее тех кусочков замороженного хлеба ничего не было, и нет до сих пор.

Фотий Михайлович со своим старшим сыном Николаем

О том, как складывалась жизнь моего дедушки, сколько всего было им пережито – я узнала уже взрослой.

Оказывается, родился он в Пермской губернии в д. Сулай. Двадцатилетним молодым человеком был призван на 1-ю Мировую войну. Служил денщиком при офицере, вместе с ним попал в плен, и оказались они в Италии. Об этом периоде жизни Деда Фотия тоже можно написать целую повесть, но, наверное, этим я займусь позднее. После революции пленных отпустили на Родину. Мало кто добрался до дому живым, но мой дед и его подопечный офицер смогли преодолеть этот путь, а на юге Родины их пути дороги разошлись. По пути к дому, пришлось Фотию побывать и у «белых» и у «красных» – да только душа рвалась домой. А, добравшись до дома, больного и усталого забрали его отступающие колчаковцы, несмотря на слезы и просьбы матери. Как дед говорил, что попал как кур в ощиц. Состав шел в Сибирь, на коротких остановках из теплушек выбрасывали на перрон умерших от тифа солдат и ехали дальше. Так же произошло и на станции Болотная. Старожилы вспоминали, что земля на перроне вся была усыпана телами умерших и по земле шла волна покинувших тела тифозных вшей. День был базарный и на это страшное приехала на лошадке посмотреть жительница д. Новый Елбак, жители которой были переселенцами из Пермской губернии. Среди тел она нашла своего земляка, Фотия Пастухова, который оказался живым. Привезла его в деревню и выходила, а там он и невесту себе

Анна Евгеновна
Пастухова
(Чеклецова)

нашел, дочь старосты села Чеклецову Анну. Отец Анны разрешения на свадьбу не дал, сказал, что за голодранца не отдаст, и пришлось молодым бежать. Однажды, узелок Анна собрала, на печи притаилась и ждала, пока все не уснуло, а потом к Фотию и ушли в Козловку, а потом и в Болотное приехали. Дед устроился в железнодорожную больницу, был санитаром, и за писаря приходилось работать. А вот Анне в селе не понравилось – болела часто, родился мертвый ребенок, вот и уехали они в тяжелую деревню на берегу Оби-матушки, Усть-Тулу, где жили их земляки из Пермской губернии. Деревня была основана в 1912 году эстонцами. Говорят, те эстонцы занимались самогонкурением, и самогон у них получался не хуже царской водки. А вот «пермяки» умели классные лапти плести.

Через некоторое время деда выбрали председателем колхоза им. «Совнаркома». В 1937 году, по навету братьев Ефремовых, он был арестован. Как врага народа, председателя колхоза деревни Усть-Тула Болотнинского района, Пастухова Фотия Михайловича, приговорили к 10 годам лишения свободы. Жену и детей выселили из дома в баню и, однажды, пришли за коровой. Но, бабушке терять уже было нечего и она, взяв в руки вилы, сказала, что убьет детей. Без коровы они все равно умрут от голода. Так и отстояла свою кормилицу. А через некоторое время и дом вернули, деда в деревне уважали и не верили, что он враг народа. А когда проходили странники и просились переночевать – их отправляли к Фотие, она никогда не отказывала в ночлеге, веря, что где-то и ее мужа пустят обогреться.

Домой он вернулся в 1942 году еле живым. В 60-е годы переехали в Болотное и стали жить с младшим сыном. О своей лагерной жизни он рассказывать не любил, но, однажды, при встрече с маминым отцом дедом Иваном

Кузьминым из д. Угловая, разоткровенничался и рассказал о том, что больше всего его поразило. В Колпашевский лагерь их гнали зимой. Многие погибали в дороге. Когда стали подходить к реке, то на высоком берегу Оби Пастухов увидел поленницу. Его, как крестьянина, поразила длинна бревен. Для строительства – коротковаты, для дров – длинноваты. Когда же подошли ближе, то с ужасом увидели, что это поленница состоит из мертвых человеческих тел. Даже похоронить, по-человечески, этим мертвецам было отказано. Весной их просто сбрасывали в реку.

Прошло много лет. Фотий Михайлович прожил достойную жизнь, воспитал детей, нянчился с внуками. Однажды, в дом к младшему сыну, с которым жил Фотий Михайлович, пришел старый сгорбленный старик. Увидев Пастухова, он опустился перед ним на колени и стал просить об отпущении ему большого греха. Ведь это он и еще два его брата написали заявление на председателя, который во время уборочной отказался дать колхозную лошадь для поездки в Болотное на базар. Грех этот, как проклятье, лежал на всей их семье. Братья ушли из жизни не по законам христианства – один удавился, другой сильно болел. Дети этой семьи тоже страдали, кто слабоумием, кто проводил жизнь в тюрьме. Что мог сказать Фотий Михайлович! Зла он им не желал, это точно. А о том, кто ему и его семье принес это горе, он знал давно, следовательно давал ему прочитать дело. Дети Фотия, не смотря на перенесенные трудности, выросли, и каждый нашел свое достойное место в жизни. Поэтому, сели два старика, поговорили, погоревали и распили вместе бутылку водки, зачеркнув этим страшное прошлое.

Тамара Пастухова

Северный район

Новая жизнь

Наше село Чуваши было основано переселенцами из Чувашии, семьей Аникиных. Можно только предполагать, как тяжело им было в первые

годы: строить жилье и обустраивать быт, корчевать лес и распахивать целину. Но время шло, крепились хозяйства, появлялись новые населенные пункты. Основными занятиями переселенцев были хлебопашество, рыбная ловля, охота, заготовка леса и извоз.

Реализовать произведенную продукцию можно было только в уездном городке, поэтому возникла острая необходимость строительства дорог к населенным пунктам. Так, в 1910 году, правительство приступило к постройке трактовой дороги Каинск – Алешинка. Строителями были политические ссыльные, частично были мобилизованы и местные жители. На строительстве тракта работали жители села Чуваши. Все работы выполнялись вручную. Землю из выемок на насыпь носили на носилках и в корзинах.

Точных сведений о том, как чувашаи приняли революцию, нет. Хозяйства были не крупные и, скорее всего, большевики и их идеи были приняты с пониманием. Известно, что в 1926 году в деревне было 74 хозяйства, проживало 355 человек, чувашей по национальности.

6 марта 1934 года решением схода граждан образован колхоз «Нацмен Пролетарий» в селе Чуваши Чувашинского сельсовета. В хозяйстве появились первые сенокосилки и конные молотилки, первый колёсный трактор. С 1937 по 1940 годы в колхозе работали два колёсных трактора. Первыми трактористами были Санников Михаил Иванович и Анисимов Герман Павлович. Но все рухнуло вместе с известием о начале Великой Отечественной войны. Почти все мужчины были мобилизованы на фронт и военные заводы, эвакуированные в город Новосибирск. Так, например, Матвеева Никиту Михайловича не призвали на фронт из-за возраста, но мобилизовали на военный завод. В тылу было так же сложно, как и на фронте, хотя, казалось бы, мины не взрываются, пули не свистят, врага рядом нет.

Война началась незадолго до уборки урожая. На имеющуюся технику некого было направить, выручали женщины и подростки. Каждый стремился работать в полную силу. Поля

распахивали на быках, сеяли вручную, жали хлеба серпами. Днём косили траву, а вечером закладывали ее на силос, готовили чурки для газогенераторного трактора. После войны колхозом руководил Баталов Павел Степанович. 2 июня 1950 года Решением исполнительного комитета Северного района Совета депутатов трудящихся № 217, образован колхоз «Новая жизнь» в результате объединения колхозов «Нацмен пролетарий», «Герой», «Правда», «Победитель». В колхозе было организовано 6 производственных бригад в деревнях Михайловке, Стёпинке, Ивановке, Прибелинке, Алешинке с центральной усадьбой в с. Чуваши. Колхоз «Новая жизнь» расположен был в Восточной части Северного района и занимал территорию 29568 га, в том числе сельхозугодий 6439 га.

Счетовод колхоза
Узков А.А.
Ноябрь 1973 г.

С 1952 года развернулось строительство в селе. В 1953 году была построена механизированная сушилка. В марте 1958 года колхозом руководил Лесковский Ф. И. В 1959 году на заседании правления колхоза было принято решение о строительстве новых молочно-товарной, свиноводческой и птице ферм. Обновили свои дома и колхозники.

Надо сказать, что правление колхоза решало практически все вопросы связанные с ведением производства в хозяйстве: прием в колхоз и исключение из него, снятии с должности и назначении, предоставление отпусков. Решали вопросы о выделении жилья и строительных материалов, о взыскании с колхозников трудоднями, деньгами или в натуре за утерю инвентаря, порчу молока, невыход на работу. Вот несколько примеров: «Согласно заяв-

Специалисты
колхоза.
Ноябрь 1973 г.

ления Аверченко Геннадия разрешить ему усадьбу в д. Степинской рядом с Александровым Егором» или «...За порчу 17 литров молока взыскать с Тихоновой Валентины по 1р.30к. за литр, в сумме 22р. 10 к.».

Колхозники, живущие в колхозных домах, платили квартплату. За уклонение от колхозных работ могли лишиться приусадебных участков и выпасов, а также передать дело в сельский суд. По заявлению колхозников могли вынести решение об оказании материальной помощи в денежном выражении. В колхозе существовал культурфонд, из которого выделялись деньги на поездку в дом отдыха.

На заседаниях правления колхоза решали вопросы о нормах засева, видах сельхозкультур и количестве посевных площадей. В хозяйстве сеяли бобовые, зерновые, в т. ч. кукурузу, картофель, кормовые корнеплоды (турнепс, репу, брюкву), однолетние травы. Каждую декаду подводились итоги по заготовке кормов. Были установлены премиальные для бригад: 1000 рублей за первое место, 500 рублей за второе.

В зимний период занимались заготовкой леса, а перед этим старались вывезти кормов с расчетом на 3 месяца вперед. Корма расходовали строго по весу и с учетом кормового баланса. В колхозе работала осеминаторская станция. Техником – осеминатором работала Родионова Валентина.

29 декабря 1958 года на правлении решали вопрос о выделении

денежных средств на подарки к Новому году ученикам школы. А за участие в уборке картофеля было решено купить для школы гармошку.

В колхозе не хватало квалифицированных кадров и поэтому колхозников посылали на учебу. Так, например, Мальцева Алексея Николаевича направили в Болотнинскую школу бухгалтеров, а в Тартасскую РТС, на курсы трактористов и комбайнеров были направлены Михайлов Григорий, Киргизов Сергей, Романов Михаил, Перцев В. Е., Рухлин К. Им полагалась «оплата за курсовые в месяц 140 рублей и 30 трудодней при условии успеваемости, при неуспеваемости – 70 рублей и 15 трудодней».

К марту 1959 года руководство колхозом принял Квакушонок Михаил Денисович. Который до этого был секретарем колхозной парторганизации. Именно он вышел с предложением разбить одну тракторную бригаду на две и устроить между ними соревнование. Для этого на полях решили установить жилые помещения, организовать питание, а зарплату установить с выработки. Его предложение поддержали и решили бригадиром первой бригады утвердить Алексева Филиппа Алексеевича, второй – Иванова Аркадия Алексеевича.

Электричеством производственные бригады колхоза обеспечивались от генераторов, к каждому был прикреплен механик электростанции. Электроэнергия подавалась только в темное время суток. К концу 1959 года села были радиофицированы.

Колхозники
на покосе

Пастух колхоза
Фомин П.С.

На июньском заседании Правления колхоза представитель райисполкома Емельянов и заведующий Северной больницей Бочковой вышли с инициативой открытия детских яслей, для того чтобы «колхозницы работали спокойно и не переживали за детей». Как положительный пример таких яслей привели колхоз «Имени Крупской». Ясли было решено разместить в доме, где жил бывший председатель Лесковский. Работали они в летний период, принимали туда только детей колхозников. На печи, которая была сложена во дворе в большом котле для детей варили еду.

С 1962 по март 1971 года председателем колхоза был Маляревич Степан Николаевич. Увеличение поголовья скота требовало увеличения посевных и сенокосных угодий, поэтому было принято решение об осушении болот и раскорчевке прилегающего к ним леса. Ответственным за эту работу назначили агронома Ильдерова М.

Шли годы, и дела в колхозе видимо складывались не так удачно, как всем хотелось бы и вот в 1971 году, на апрельском заседании Правления председатель райисполкома Большаков В. М. представил кандидатуру Лукашова М. В. Ее все единогласно поддержали. К этому моменту в колхозе осталось только две производственные бригады – Алешинская и Чувашинская.

За годы работы в нашем хозяйстве под руководством Михаила Васильевича были построены колхозная контора, сушилка, сельский клуб, несколько двухквартирных домов, памятник погибшим воинам – землякам.

Михаил Васильевич ушел из жизни 23 марта 2012 года, но память о нем

жива. Односельчане тепло о нем отзываются, как об умелом руководителе и просто как о хорошем душевном человеке. Его отличало трудолюбие, организаторские способности, преданность земле, честность, чуткое отношение к людям.

В разные годы колхозом «Новая жизнь» руководили Виноградов Н. Н., Степанов В. А., Яковлев А. А., Ильин В. Ф., Изюров С. А. Каждый из них внес свою лепту в развитие колхоза. Успехи хозяйства также достигались благодаря упорному труду всех членов колхоза. За свой нелегкий труд они были награждены правительственными наградами.

Решением общего собрания колхозников от 19 декабря 1991 года протокол № 2, колхоз «Новая жизнь» ликвидирован.

15 января 1992 года состоялось общеколхозное собрание, где было принято решение о реорганизации колхоза в ассоциацию крестьянских (фермерских) хозяйств. 07.02.1992 состоялось еще одно общеколхозное собрание, где каждый трудоспособный колхозник именно проголосовал за реорганизацию колхоза. Было принято решение о передаче в собственность сельского Совета объектов социальной и коммунальной сферы.

90-е годы стали для населения, как и для всей страны, временем больших перемен. Каждый выживал в одиночку. Более предприимчивые люди занялись своим делом. Стали появляться индивидуальные предприниматели, открылись личные магазины.

Село наше по-прежнему существует, хоть и осталось в нем совсем немного жителей.

**Марина Карюкина,
Роза Александрова**

Купинский район

Две войны и одна жизнь

В 1941 году Купинскую землю сотрясло известие о начавшейся войне, и все, кто мог, ушли воевать. Всего за четыре военных года на фронт отправились свыше 14 тысяч жителей

Владимир
Викторович
Мартемьянов

Купинского района, шесть тысяч из них погибли.

Но мне хочется рассказать о жизни моего прадеда Мартемьянова Владимира Викторовича. Родился 22 августа 1921 года, город Ташкент. Он жил в этом городе с самого детства, в большой многодетной семье. Когда ему исполнилось 18 лет, его забрали на Финскую войну.

Провожала его на вокзале старая мать, которая наказывала ему беречь себя. Война началась

в 1939. Он очень тяжело рассказывал о той войне и говорил «это была чужая война». Эта война унесла не мало жизней простых парней, девочек.

Дед очень любил рассказывать о юной девушке, которая ночью брала в руки винтовку и уходила в лес. «Ее не было сутками, но ее возвращение мы ждали, как дар с небес, так как финское радио говорило об убитом высшим руководстве. В 12 марта 1940 году нам объявили, что Финская война закончилась. Я так хотел приехать домой к матери, но не успел порадоваться победы, как на Родину обрушилось новая, кровавая, жестокая война. Которая принесла в каждый дом слезы, боль и потерю. Тогда мы не знали, сколько времени это продлится. Люди говорили всякое – месяц, год, два...».

Прадеда привезли 1941 года 30 июня ночью в эшелоне. Он тогда не понял, где его высадили. Но по слуху это оказалась Украина. В то время Украина горела.

Небо было, черного цвета, были слышны отдельные залпы, выстрелы наших войск, которые вынуждены были отступить. Когда прадед принял первый бой, им казалось, они удержат оборону. Бой был под какой то маленькой деревенькой, название которой он вспомнить не смог. И рассказал, что это забыть он не мог много, много лет. Когда они зашли в деревню, было страшно. На полу около кровати сидела маленькая девочка, держа за руки свою истерзанную мать. Этот бой про-

должался более двух суток, после чего они отступили.

Их осталось из роты 13 человек вместе с лейтенантом. И они вынуждены были отходить, искать остатки Красной армии. Когда они добрались до своих присоединили к другому полку, дав в руки прадеду пулемет. Много было боев и когда ему дали поручение сопровождать лейтенанта в штаб, они попали в засаду.

Прадед не помнит, как это было, но очнулся он вместе с лейтенантом в каком-то сарае. Он говорил, те дни были для них очень тяжелые, но так как они не согласились предать Родину и пойти в полицаи их отправили в концлагерь 1416. Тем временем в части посчитали, что он пропал без вести, и оправили письмо сестре.

Он пробыл там примерно полтора года. И однажды сговорившись со своими товарищами, они решились на побег, так как оставаться там было для них хуже смерти. И в тот день была метель и страшный мороз. В количестве 8 человек больные, исхудавшие, замученные молодые ребята одели на себя все что было и что отдали им свои товарищи, кто не смог бежать сам. И этой ночью они совершили побег.

Когда выползли они за пределы лагеря, кто-то их предал. За ними началась погоня с собаками. Со слов прадеда они бежали, не зная куда. Когда они отдышались, поняли, что они не все, их осталось всего четверо. Они шли двое суток без еды, воды, и наткнулись на маленький хуторок. Где их не хотели пускать, так как боялись, что за укрывание русских солдат расстрел.

Но одна пожилая женщина все же спрятала их у себя, когда они зашли в дом и начали раздеваться женщина была в ужасе. У них были все ноги в волдырях. Рук они не чувствовали. Побыв у женщины пять суток они решили, что нельзя подвергать ее опасности, вынуждены были идти дальше. После нескольких дней пути они вышли на советские войска и очень обрадовались, увидев своих. Но после проверки их снова арестовали свои же. После долгих разговоров их отправили в штрафбат, как сказали искупить вину кровью.

Прадеду все-таки удалось выжить, ведь штрафников кидали на почти невыполнимые задания. Из его друзей остался он один. Он очень тяжело говорил о тех, страшных днях и воспоминания порой приводили его в ужас. После окончания войны прадед приехал в город Тулу и там увидел маленькую, красивую девушку. Спустя некоторое время они поженились, и у них в семье родилось три дочери и сын.

Пожив не много в Туле они решили переехать в Новосибирскую область в город Купино. Он очень много работал, растил детей, внуков, правнуков. Прадед проработал до пенсии на железной дороге, работа была тяжелая, но он не жаловался. А иногда, когда внуки его уговаряют, он неохотно рассказывал о тех страшных днях, которые они пережили и говорил, не дай бог что бы такое повторилось, что бы дети внуки, правнуки не увидели черное небо и голую землю. У прадеда были медали: «За отвагу», по окончании Великой Отечественной войны, юбилейные, которые он одевал на праздник 9 мая.

К сожалению, у нас не сохранились фотографии прадеда в молодости, но за то какой он был в старости мы запомнили навсегда.

Прадед умер 6 января 1992 года, но все его напутствующие его слова мы помним по сей день.

Татьяна Гостяева

Северный район

Сибирь стала родным домом

Александра Васильевна Николаева родилась летом 1928 года, на праздник Иконы Казанской Божьей Матери, в Полтавской области на Украине. Записали ребёнка в книге только 30 октября 1928 года. Эта дата и стала днём её рождения.

Александра была старшим ребенком в семье. Кроме неё ещё было четверо детей, но двое умерли в младенческом возрасте. Остались две сестрички – Саня и Маня. Маня родилась в августе 1931 года.

Семья жила на хуторе, носившем название Пацокивка. Отец – Зелен-

ский Василий Никитович, 1907 г. р., и мама – Зеленская Марфа Мефодьевна, 1904 г. р. На хуторе жили бабушка Одарка и дедушка Никита – родители Василия Никитовича. Также на хуторе жили семьи сынов Никиты: Ореста, Терентия и Пантелеймона и сестёр.

С дедушкой у Сани связано мало воспоминаний. Помнит, что у него была большая шишка на лбу. Все ребята спрашивали у него, откуда эта шишка? Дед шутил, что его баба кочергой стукнула, вот шишка и выросла. Ещё Александра помнит, что зимы были холодные и длинные. Дети в основном сидели по домам на печи, так как тёплая обувь и одежда была одна на всех детей. Вот и ходили во двор по очереди. Все спрашивали дедушку, когда уже станет тепло, придёт весна. А дедушка отвечал, что вот придёт Евдокия (14 марта), принесёт тепло. Наступал Евдокиин день, а тепла всё нет. Дети опять к деду с вопросами. А он говорит: что с неё возьмёшь, она же баба, пообещала и забыла! Вот придёт день «Сорок святых» (22 марта) и будет тепло. Наступает и этот день, а тепла опять нет. Дети снова к деду. Он отвечает, что их 40 человек, вот и тянут каждый на себя, наверное перетянули те, кто зиму любит, вот придёт Алексей (30 марта), он-то не должен обмануть, принесёт тепло. Он же «Божий Человек». И действительно, наступало тепло.

Вот такие у неё воспоминания о дедушке.

Их семейство хозяйствовало единолично, в колхоз не вступали. Взрослые с раннего утра до поздней ночи были в поле, а дети дома управлялись по хозяйству. Держали и кур, и уток, и гусей, и индюков. Были и поросята и корова. Дети помогали взрослым. Помнится, был такой злой петух, что не нужна была никакая собака. Петух уводил куриц далеко от подворья к лесу, но как-то чувствовал, что к дому приближается кто-то чужой. Он сразу созывал всех куриц и торопился домой. Успевал опередить незнакомца и встречал его у ворот. Сразу залетал на голову, начиная бить крыльями, ногами, долбить клювом, царапать шею и лицо, выщипывать волосы на голове.

В конце тридцатых годов было принято решение о ликвидации хуторов. Это был болезненный вопрос. Люди надёжно обустроили свой быт на хуторах. Там покоились умершие родственники, годами обрабатывалась и облагораживалась земля, были обжитые подворья. Поэтому хозяева не торопились покинуть родные подворья. Авьось обойдётся. Не обошлось. Весной 1939 года рано утром на подворье появились незнакомые люди с топорами, баграми, лопатами. Двое сразу полезли на соломенную крышу хаты и стали срывать кровлю и всё рушить и ломать. Дети ещё спали. Взрослые повыскакивали на улицу, женщины и дети подняли невыносимый плач, переходящий в рёв. Но делать было нечего. Со слезами стали одеваться, выносить на улицу пожитки, выводить скотину из сараев. Мужчины стали запрягать лошадей, грузить вещи на подводы, усаживать малых детей, чтобы ехать к новому месту жительства.

На окраине села Ливенское для переселенцев была выделена целая улица. На пустом месте под открытым небом сгрузили пожитки, привязали лошадей, коров и приступили к строительству временного, а потом и постоянного жилья. К осени из саманных кирпичей построили новую хату: в середине широкие сени с лазом на чердак, с правой стороны большая комната с массивной глинобитной печью

и глиняным полом. С левой стороны комната поменьше, так называемая «хатына», что-то типа кладовой.

К осени «выросла» целая улица новеньких белоснежных хат под соломенными крышами и люди стали жить дальше. Улица проходила у подножия небольшой горы, за хатами в гору «подымались» небольшие садочки, что каждый хозяин посадил у своего жилья. Напротив, через дорогу, был большой огород, где выращивали и овощи, и кукурузу на корм скотине, и зерно для изготовления муки. Подворья отделялись друг от друга кустами сирени.

С годами плодовые саженцы вытянулись и стали плодоносить.

Во дворе росла груша. Плоды были очень сладкие и сочные. Рядом росло высокое дерево фиолетовой шелковицы, много кустов вишни, сливы, яблони.

Родители девочек работали в колхозе. Отец стал бригадиром огородной бригады, мать работала под его началом. Сёстры ходили в школу.

Маня пошла в школу с шести лет. Она была маленькая и отец часто на руках относил её до школы.

Перед самой войной у них родилась сестричка Таня.

Всё изменилось, когда началась война с фашистами. Василия Никитовича ещё раньше призвали на финскую войну. После демобилизации он опять вернулся на свою работу. 22 июня 1941 года родители рано утром ушли на работу, дети оставались дома. Вскоре прибежала мама и со слезами на глазах сказала, что началась война с немцами. Василия Никитовича и ещё шестерых односельчан призвали на фронт в первый день войны и в этот же день на подводе увезли. В колхозе остались только женщины и дети. Все работали на полях.

Но немец наступал стремительно и вскоре они оказались в оккупации. Немецкая армия пошла дальше, а в селе стали хозяйничать полицаи. В полиции служил и близкий друг Василия Никитовича – Трофим.

Новая власть сразу поделила село на «десятидворки», выделила каждой быка, инвентарь и довела задание на всё, что надо было вырастить и сдать «Великой Германии». Работали так же, как и в колхозе, но толь-

ко теперь для «Великой Германии». И так около трех лет.

Василия Никитовича под Смоленском ранило в руку и он попал в госпиталь. Госпиталь не успели эвакуировать и предложили ходячим раненым самим пробиваться к фронту. Василий Никитович переоделся в гражданскую одежду, взял на плечо вилы и грабли и направился в сторону дома. Ему повезло, его никто не остановил и он благополучно добрался до дома. Пришёл домой ночью, постучал в окно, вышла жена. Увидел его и сосед Трофим, который был полицаем, и предложил пойти служить в полицию. Но Василий ответил, что он «катам» служить не будет, и той же ночью ушёл в ближайший партизанский отряд.

Местное население помогало партизанам. Многие подростки, которых не угнали в Германию, носили партизанам продукты. В селе оставались только подростки моложе 1927 года рождения. Сане тоже приходилось носить продукты в партизанский отряд. Мама соберёт в лукошко продукты, скажет, чтобы оделась в белое платье и красный платок, и отправит с лукошком в сторону леса. Накажет, если полицаи остановят, сказать, что мама послала в соседнее село к родственникам. А там её уже поджидали, быстро забирали продукты, а лукошко наполняли грибами или ягодами и отправляли назад.

Саня вспоминает, что её ни разу никто не остановил.

Когда Красная Армия погнала врага назад, опять были бомбёжки. Было такое, что перед этим к ним в хату забежал немецкий солдат и предупредил: бегите в поле, здесь, мол, «бах, бах». Многие прятались в погребах, вырытых на огородах. Бомбёжка была страшная, снаряды летели с обеих сторон. В самой Ливенской сгорело много домов, но их край, к счастью, не задело.

Вместе с фронтом ушёл и отец. Стали жить и работать без немцев.

Сестра Мария вернулась учиться в школу, а Саня так и осталась работать в колхозе. Ей было уже 15 лет. Молодость брала своё. Работали и в огороде и в поле, жали жито серпом, делали снопы. Жали до самой темноты. Ночью, когда взойдёт луна и станет светлее,

снопы свозили на ток, где после просушки их обмолачивали.

Приходилось работать и на кирпичном заводе. Нужен был кирпич для восстановления разрушенных домов. Лопатами копали глину, возили на тележках на территорию завода. Там ногами месили глину и формовали кирпичи, которые потом обжигали в печи.

Позднее председатель колхоза решил организовать пошивочную и сапожную мастерские, потому что за время оккупации люди пообносились, а купить вещи было негде и не на что. Вот и решили перешивать старые одёжки, шить новое. Набрали группу молодых девчат из тех семей, где были швейные машинки. Заведующей поставили женщину поопытней. Так Саня попала в эту группу вместе с маминной швейной машинкой. Там она проработала несколько лет.

Весной 1949 года они с подружкой уехали в г. Днепропетровск, где устроились на работу на швейную фабрику. Жили на квартире у бабушки. В послевоенном Днепропетровске было много развалин, которые разбирали немецкие и румынские военнопленные, за которыми присматривали солдаты местного гарнизона. Вечерами с работы было страшно ходить. Они познакомились с местным милиционером Николаевым Алексеем Васильевичем, который по вечерам провожал их до дома. Дружба переросла в любовь. Подошло время бывшему фронтовику демобилизоваться, и он уговорил Шуру поехать с ним на родину, в далёкую Сибирь.

12 июня 1949 года сыграли скромную свадьбу, сняли комнату у бабушки и стали жить вместе и готовиться в дальнюю дорогу. Осенью 1949 года на перекладных добрались до матери Алексея, в деревню Кордон Северного района. Шли пешком от железнодорожной станции Барабинск. С собой была только небольшая сумка с продуктами и сменой белья, а «багаж» (ножная швейная машинка марки «Зингер», перина, одеяло и две подушки), пришёл позже, в контейнере. Добирались целую неделю, шли от деревни до следующей деревни с ночёвками (раньше путников пускали переночевать – и накормят, и обогреют, и спать

уложат). Рано утром поднимались и шли дальше.

Шли они по Екатерининскому тракту – через деревни Ново-Троицк, Алёшинка, Лосинка, и подошли к Кордону. Алексей всё опасался, что Шура не понравится на его родине, а ей понравилось всё. Пришли домой как раз перед праздником – 6 ноября. Мама Анна Фирафонтьевна и две сестры, Анна и Мария, встретили невестку приветливо. Как вспоминает Александра Васильевна, в это время соседи встречали сына, Ерохина Алексея, который пришёл в отпуск из армии, и они сразу же попали на праздник. Было весело – солдат играл на гармошке, пел весёлые песни и плясал, выделявая всякие замысловатые «коленца». Сразу же познакомились со всеми жителями деревни (в деревне было девять дворов).

Стали жить все вместе с мамой и сёстрами Алексея. Шура училась привыкать на новом месте. Её поразило обилие дров. Ведь на родине с топливом было неважно. Топили печи соломой или кизяком. А здесь – дрова!..

Она вспоминает, как вместе с золовкой Анной, взяв большие покрывала, пошли на берег реки, где росло много черёмуховых кустов, постелили покрывала под кустами и начали трясти. Были уже заморозки, листья облетели, а ягоды держались на ветвях и было их много. Так они натрясли два ведра ягод черёмухи, принесли домой, высушили её и потом перемололи на жерновах в муку, которую добавляли в пирожки.

Алексей работал участковым милиционером. Участок был большой: несколько деревень в округе около 50 км.

7 августа 1950 года у пары родилась дочь Света, а 9 августа сестра Алексея Мария родила дочь Люду. Так они и росли вместе, как двойняшки. Бабушка Анна Фирафонтьевна присматривала за маленькими, взрослые работали в колхозе. Алексей срубил просторную избу и поставил её на возвышенности. Поставил подальше от берега реки, чтобы вода в паводок не затопляла огород. Анна Фирафонтьевна перешла жить к ним. Иногда она «отпрашивалась» и уезжала на недельку погостить к родственникам в соседнее село Лосинка.

Алексей почти не бывал дома – всё в разъездах по участку. Шура часто просила его оставить эту работу, но его не отпускали. И вот весной 1952 года она решила уехать на Украину, к родителям. Возможно, тогда Алексея отпустят с работы. Александра взяла маленькую дочь, кое-какие вещи и конечно же свою швейную машинку, которую сдала в багаж, и с «урманщиками», которые возвращались домой с лесозаготовок, на санях уехала до железнодорожной станции Чаны. Там на поезде поехала на Украину. Конечно, намучилась, пока добралась до дома. Односельчане встретили с усмешками, но когда через неделю к ней приехал её Алексей, все успокоились. «Багаж» пришёл только через месяц.

Купили за 300 рублей небольшую хату в с. Ливенском и стали жить на новом месте. 13 октября 1952 года родился сын Володя. И примерно в то же время пришло письмо из Сибири: сестра Мария написала о том, что мама заболела и скоропостижно умерла. Телеграмму не дали – знали, что они не смогут приехать на похороны. Ехать надо было на поезде около трёх суток, да от Барабинска добираться... Погоревали, поплакали, но надо жить дальше.

Алексей работал плотником, строил дома, всякие постройку в колхозах. Шура сидела дома с детьми. Муж очень любил детей, всегда возился с ними, когда был свободен, пел песенки, укачивал маленького Володю в люльке. Даже бросил курить, чтобы дым не мешал детям. Как вспоминает Шура, однажды уложил Володю спать, слез с печи и сказал: «Всё, больше не буду курить никогда», смял пачку с папиросами и выбросил в печку. Так и вышло, до самой смерти он не выкурил больше ни одной сигареты, хотя с десяти лет «приворовывали» у отца табак и покуривали, не говоря уже о фронте. Вот какая у него была сила воли!..

Через два года они опять засобирались в дорогу. На этот раз поехали в Казахстан, г. Джамбул. Там жил двоюродный брат – Иванов Фёдор, который постоянно звал Алексея переехать к ним на жительство. Вот и рискнули. Купили маленький домик за 300 рублей. Алексей устроился

работать плотником. Строили дома, кошары в соседних сёлах. Александра была дома с детьми. Маленький Володя часто болел, и постоянно она с ним лежала в больнице. Наверное, ему там не подошел климат. Да и Шуре там не особенно нравилось – жара страшная, воды нет, только рано утром по арыкам пускают её для поливки огородов. Нигде ни кустика, ни лесочка – куда ни глянь, только голая степь. Мужа постоянно не было дома. Уезжал на работу с утра в понедельник и приезжал только на выходной.

Они приняли решение уехать из Джамбула. Началось освоение целинных и залежных земель и они вместе с отрядами целинников поехали в Сибирь, на родину Алексея Васильевича. Выехали весной. В Джамбуле было уже лето, жара, а Барабинск «встретил» сильным снегопадом. Добирались до Северного на попутном тракторе – детей посадили в кабину, а сами с другими попутчиками – в кузове тележки. Как-то добрались до Степинки, где жили сёстры Алексея, которые после смерти матери переехали на жительство в эту соседнюю деревню. Через год, весной 1955-го вернулись в Кордон и, как оказалось, навсегда. Здесь родился сын Коля. Алексей работал в Лячинском леспромхозе: заготавливали лес и строили из него дома.

17 сентября 1959 года родились двойняшки: Надя и Люба.

Посёлок был маленький, всего в одиннадцать дворов, и эти двойняшки были украшением всей деревни. Шура шила им красивые сарафанчики, кофточка, платяшки – одевала как куколок. Маленькие, одинаковые, нарядные, с белыми кудряшками и красивыми бантиками, они были как два цветочка. Их так и называли жители деревни: «наши ромашечки».

Пока дети были маленькие, Александра не работала на производстве. Хватало работы по хозяйству. Держали полный двор всякой скотины. Коровы с телёнком, овцы, свиньи, всякая птица. Летом отдыхать было некогда: большой огород – сажали много картошки и всяких овощей, чтобы хватало и себе и на корм скоту. Но самое тяжёлое – это заготовка сена. Сено косили

Александра
Васильевна
Николаева

вручную. Сколько сена заготовишь для своей скотины, столько же нужно его сдать в колхоз, потому что земля колхозная.

Только поздней осенью становилось посвободней. И тогда вечерами при свете керосиновой лампы собирались соседки и вышивали цветными нитками «мулине» всякие вещи: наволочки на подушки, подшторники на окна, скатерти, рушники, коврики, блузки... Это было поголовное увлечение и взрослых женщин и девочек. В каждой избе на стенах висели вышитые коврики. На кроватях лежали вышитые покрывала, простыни и подушки в вышитых наволочках. Когда подросли девочки, Александра Васильевна устроилась на работу в «Меретский» леспромхоз. Приходилось и выносить опилки из-под пилограм, и сортировать доски, и штукатурить стены, и работать кочегаром в котельной.

Потом Александре Васильевне предложили работать приёмщицей от Северного быткомбината.

До самого ухода на пенсию она была приёмщицей и обшивала всё население посёлка. Не было, наверное, ни одного человека, который бы не носил вещь, сшитую руками Александры Васильевны. Она умела сшить любую вещь.

Работала она на дому, ещё успевала и водиться с маленьким внуком Серёжей, так как в деревне не было детского садика, а дочь рано вышла на работу.

В первом ряду
справа –
Иван Григорьевич
Черепанов

Свою первую пенсию Александра Васильевна полностью отдала в пользу вьетнамских жителей, т. к. в это время США бомбили Вьетнам. А она-то знает, что такое война, видела своими глазами.

И теперь, спустя много лет, свои вышивки она не спрятала в сундук. Рушники висят на стенах, скатерти лежат на столах, простыни и покрывала – на кроватях, наволочки – на подушках. Вышитые украинские кофточки и рубашки периодически появляются в клубе на всяких мероприятиях.

Сейчас Александре Васильевне исполнилось уже 89 лет. Но она до сих пор не может сидеть без дела: летом «пропадает» на огороде, осенью перерабатывает полученный урожай, зимой часто стряпает пирожки, делает вареники и многое другое. Правда, силы уже не те: частенько ложится отдыхать. Очень болят ноги – ходит с ходунками. И давление скачет. Но она не сдаётся. Часто к ней приходят поведать и родные и соседи. В дни праздников её поздравляют ученики местной школы и детского сада. И всех она напоит чаем с конфетами, пирожками или блинами, накормит наваристым украинским борщом.

Александра Васильевна уже давно считает себя сибирячкой. И сейчас она очень переживает, что так неправильно, несправедливо прервались связи с её родной Украиной. Раньше она с семьёй довольно часто ездила «домой», сейчас уже нет здоровья, да и возможностей на эти путешествия. У неё очень болит душа о событиях, которые творятся на родине, ведь там остались родственники. И она ежедневно просит Господа, чтоб он помог прекратить это ненужное кровопролитие.

Вот такая она, наша мама.

Светлана Мордвинцева

Болотнинский район

Сапоги

Дед Черепанов выскочил на крыльцо. Начался дождь, а там сапоги мокнули. Как ходить потом в мокрых, других-то нет. Да хорошо хоть такие есть.

Серое, сморщенное лицо старика осыпало летним дождём.

Мимо пробежал соседский паренёк, громко поздоровался, думая, что дед старый, а значит глухой, но Иван Григорьевич слышал хорошо, а замер потому, что вспомнил про сапоги, про эти проклятые сапоги.

Дед был старовер, и глядя на то, как молится его жена, украдкой подумывал уйти в тайгу, но отгонял от себя эту мысль и молился по-своему ещё усердней. Иногда спорили, конечно, но каждый оставался при своём, а тут ещё куча детей, хозяйство, только успевай поворачивайся. В общем, на выяснение отношений время не тратили.

Его Евдокия Филипповна была женщиной крепкой во всех отношениях, говорила мало и негромко, но все её слышали. Вот потому она и окрестила всех пятерых детей по-новому. Возражения не принимались, да и глядя на то, как лихо она колет дрова и запрягает коня, возражать мало кто осмеливался.

Дед после Первой мировой не сильно здоров был, еле выходила его жена. Потихоньку шил сбрую для коней, чинил обувь, да немного рыбачил. Охотиться не мог – настрелялся досыта.

Жили они тихо, по людям не ходили и к себе особо не пускали. Выстроили небольшой дом, обзавелись коровой, да конём, приплод даже в зиму пускать

Сузунский район

**Из детских воспоминаний
Михаила Плотникова**

Полудница

стали, одним словом выправились, даже кушили сыновьям сапоги.

Сапоги-то эти и стали последней каплей: не выдержал такого богатства сосед, и в тот же день на стол сельсовета легла кляуза.

Ночью пришли их раскулачивать, благо не убили, а из Сибири куда сошлѐшь? Вот и отпустили куда глаза глядят с одним узелком на всю семью. Глаза глядели недалѐко, в Старобибеево вырыли землянку, кое-как перезимовали.

Потом-то всё равно выровнялись, вырастили детей. Два сына, три дочери, все работающие и самостоятельные.

Старший сын дослужился до следователя милиции в Томске, только там не заладилось что-то, привѐз сын семью домой, в свою деревню. Жену и четверых детей. Сноху привѐз свекрови под стать, с говорящей фамилией Сваровская – из ссыльных поляков, женщина ладная из себя, но характер решительный и суровый. Могла при случае и приладить чем-либо тяжѐлым.

Здесь они родили младшую дочь.

Остальные дети не отставали, разлетелись кто в Томск, кто в Новосибирск, а кто и на Сахалин, привозили подарки, слали тѐплые письма. Однажды скинулись на хромовые сапоги. Дед развернул посылочный пакет. Сапоги блестящие и пахли дублѐной черной кожей, подмѐтки посверкивали жѐлтыми подбойными гвоздями... Сердце у деда затрепыхалось, из глаз брызнули слѐзы.

Тихим и задумчивым был он в тот вечер, а наутро убрал новые сапоги под кровать.

Иногда долгими зимними вечерами доставал новые сапоги, смазывал самодельным дѐгтем, любовался да ставил обратно...

А ходил который год в старых, меняя подмѐтки.

Так при жизни и не одел он этих сапог. Ни ворчание жены, ни уговоры детей действия не возымели.

Но и прятать далеко не давал. Смазывал дѐгтем, любуюсь, смотрел на добротные, ловкие сапожки и думал о том, что жизнь – она по-всякому поворачивается. Один и тот же предмет может стать и горем и радостью для целой семьи...

Нина Михайлова

Наши огороды с бабушкой Анной Самотихой (Самотихой её звали, потому что мужа её звали Самойло) разделял только узкий переулок, ведущий к речке. Огороды были большие, по хорошей десятине, и что там только не было: огурцы и арбузы, дыни, лук и репа, конопля и тыква, которые выращивали величиной с хорошее ведро. Но почему-то моя бабушка не любила сеять мак в огороде, зато бабушка Анна Самотиха сеяла маку много, цвел мак красным цветом, бывало, зацветет, словно огненный островок среди огорода.

Тянуло меня к этому острову, как магнитом, любил я мак, когда он цветет, да и когда созреют макушки, тоже не мог равнодушно пройти мимо. Заскочу, бывало, нарву пучок – и был таков! Но не мог я укрыться от глаз бабки Анны. Может, и не жалко ей было маку, но я ведь шѐл по грядкам, где рос мак, не разбирая дороги, шел через луковые, маковые гряды, круша всю растительность на своем пути.

И вот однажды бабка Анна говорит мне: «Ты, Миша, в наш огород не лазь, у нас там поселилась полудница, такая страшная и злая, она в конопле прячется». Это было для меня серьезным известием. Некоторое время я не только в огород перестал лазить, а даже проулком между огородов ходить перестал. Полудница – этот зверь для меня был неведом, хотя часто слышал от взрослых про полудницу, её представляли как какое-то сверхъестественное существо. И жила она только по огородам. Видел я волков и лис, и даже медведей, убитых нашими охотниками соседями, но полудницу почему-то никто и никогда не убивал. У нас в соседях жила Дарья Перстенева, муж её погиб в Гражданскую войну. У неё был сын Трошка, он старше меня года на четыре, но я с ним дружил и часто ходил к ним. Мать, как всегда летом, работала у кого-ни-

Плотников М.Г.

будь из богатых, потому что жили они очень бедно. А Трошка всегда был дома, и частенько я носил ему, то хлеба стащу у бабки, то ещё что-нибудь, а он мне за это делал луки и стрелы или ещё что мог. И вот я рассказал ему про полудницу в огороде у Самошкхи. «Всё это ерунда, – говорит Трошка, – припаси хороший камешек и, как увидишь полудницу, бросай в неё камень, а сам убегай». И вот в один прекрасный день, вооружившись четвертинкой кирпича, я наконец отважился идти в поход за маком в огород к бабушке Анне. Пробирался в полной осторожности, и только достиг грядки с маком, послышался грозный рев неведомого зверя в конопле. На первых порах меня сковало страхом, но, когда я увидел, что из конопли кто-то лезет, голову я не рассмотрел, мне показалась какая-то бесформенная туша на ногах. И вдруг я изо всей силы швыряю кирпич в эту уродину и со всех ног с криком убегаю. Но когда я добежал до городьбы, этот страшный зверь превратился в бабку Анну, что-то громко кричавшую мне вслед. Я тогда, конечно, понял, что произошло, но останавливаться не стал, убежал домой. Бабушка Степанида, конечно, поняла, что со мной что-то случилось, пощупала мой лоб, нет ли температуры, и не велела никуда ходить, предположив, что я заболел от лишнего купания в речке, из которой мы не вылизали целыми днями чуть не до самой осени, если дни были теплые и нас не задерживали дома каким-нибудь делом. Да, я всё понял, что произошло в огороде. Это, оказывается, бабка Анна, заметив моё намерение забраться в огород, спряталась в конопле; завернув свой огромный сарафан себе на голову, на карачках выползла из конопли задом наперед, ревя страшным жутким голосом. Кирпич, брошенный мной, угодил ей по попе, и теперь она, прихрамывая и поохивая, приближалась к нашему дому. Это я увидел в окно. Бабушка моя была тоже в доме, но приближения

своей кумы к нашему дому не видела. Что мне было делать? Выбежать из дома значило попасть в дверях прямо в руки бабки Анны, и я решил забраться на полати. Это было самое надежное моё убежище от всех бед, потому что бабкам, ни той, ни другой, на полати не забраться. Это сулило мне возможность избежать наказания, если не совсем, то хотя бы на время, а за это время у бабушки отойдет сердце. Она хотя всегда старалась оправдывать мои проказы, но бывало и наказывала, хватала опояску, зажимала мою голову промеж ног, высоко замахивалась, но опояску опускала легко, не причиняя мне сильной боли, но зато громко ругалась: «Ах ты! Запорю до смерти!». Во время такого наказания дедушка бывало говорил: «Орет как медведица, а муху с Мишкиной попы согнать опояской не может, одна опаска: не оглушила бы своим ревом парнишку, а то глухой будет!» Тем временем бабка Самошкха уже зашла в избу и крестится на образа, проходит в передний угол и со стоном садится на лавку. «Кума! Что с тобой?» – кинулась моя бабка к ней. «Что со мной, спроси у своего сураза, он меня чертёнок чуть не убил кирпичом, хорошо ещё, что я задом пятилась из конопли, а если бы головой вперед, он бы вышиб мне мозги!» – и рассказывает по порядку весь состав моего преступления и про свой способ избавить свой огород от моего набега.

Но тут уж моя бабушка задета за живое место: «Ты что, старая, с ума сошла? Да как ты додумалась пугать так ребёнка? Ты мне его идиотом можешь сделать! Испугалась, что чуть он тебе мозги не выбил? Да у тебя их в голове и коту, лизнуть не хватит!» Долго после этой истории мои бабушки сердились друг на друга, а я отделался легкими подзатыльником от деда.

Волчья блокада

Ну, если вас интересует, то ещё расскажу об этих зверях, у меня было много встреч с этими агрессивными животными. Уже осенью после уборки хлебов поскотина открывалась, и личный скот мог проходить в степь, и тогда люди ограживали стога сена от потравы скотом.

И вот мой отец поехал, чтобы загородить свои стога, а их было до десятка, за один день не управиться. А вот для веселья, как он говорил, он взял меня с собой в степь. Предстояло ночевать в поле, поэтому взяли с собой продукты. Весь день отец рубил жерди и колья, а я, мне было не больше десяти лет, мог только разве собирать хвою. Я целый день бродил по березнякам, то собирал ягоды костяники, то просто интересовался всем тем, что могло занимать мою детскую душу. А у нас была кобыла с жеребёнком, жеребенок был уже большой, месяцев 5–6 от роду, кобыла была на длинной веревке (на приколе), и жеребёнок далеко от неё не отходил. Я увидел, что большая серая собака заигрывает с жеребёнком. Схватил я палку и кинулся на эту собаку. Она отбежала метров сто и в пустыре залегла, но тут меня окликнул отец, ему потребовалась моя помощь. Я спокойно оставил эту собаку и пошел к отцу. Когда пришел, сказал ему об этой собаке. Отец вдруг схватил топор и побежал туда, потом уж объяснил мне, что это был волк.

Вечером, когда отец закончил работу, солнце уже село, лошадей подвели ближе к избушке. Отец на констре стал готовить ужин; В Прямике завьли волки, судя по голосам волков было не меньше десятка. Но отец беспокойства не выражал, наоборот, шутил, что волки дают нам концерт. А волки приближались, их голоса раздавались все ближе и ближе, забеспокоилась кобыла; конечно, её можно было отпустить, и она бы убежала домой, но она была нужна завтра подвозить жерди к стогам. И вот волки уже приблизились настолько, что хотя уже было темновато, можно было увидеть мелькание глаз и чавканье зубов. Но что делать? Сами мы можем укрыться в избушке, а куда девать лошадь с жеребёнком? На гуманность зверей рассчитывать нельзя, огнестрельного оружия у нас не было. Избушка была большая, но двери низкие и лошади не пройдут. Но делать нечего, и отец решил попробовать все же завести лошадь и жеребёнка в избушку, и, если уж ничего не выйдет, тогда отпустить,

пусть бежит спасается как ей удастся. Когда он подвел кобылу к двери избушки, она встала на колени и почти ползком зашла в избушку, а за ней залез и жеребёнок. Двери закрыли на крюк и всю ночь до самого утра волки осаждали наше жильё, дрались, чавкали зубами, а то принимались выть. Только с рассветом волки сняли с нас блокаду и удалились.

Записала
Наталья Долгова

Искитим

Источник из могилы

Многим людям как в нашем краю, так и за его пределами, хорошо известен «Святой источник», находящийся на окраине микрорайона Ложок города Искитима Новосибирской области. Люди приезжают сюда набрать воды из источника. По легенде источник этот чудодейственный. Считается, что вода в нем по-настоящему святая и со временем не портится. Мы так же семьей часто приезжали в это место набрать воды и просто отдохнуть на берегу прохладного ручья. Однажды мы решили взять с собой в поездку на ключ нашу прабабушку – бабу Лиду. Она некоторое время прохаживалась по поляне, присматривалась, а потом спросила: «Вот эту воду считают святой?» – и указала на источник. Мы утвердительно ответили. «Ну послушайте историю» – сказала она нам. И рассказала нам такую историю.

Лидия
Лаврентьевна
Губкина

Моей прабабушке, Губкиной Лидии, было шестнадцать лет, когда началась Великая Отечественная война. Отца ее на фронт не призвали, к этому времени он уже не подходил по возрасту. Его оставили работать в колхозе, а прабабушку и ее подруг отправили работать в Новосибирск, на завод им. Чкалова. Условия жизни и труда на заводе были очень тяжелыми. Смена длилась по двенадцать часов.

Жили они в почти не отапливаемых общежитиях, кормили их плохо. Однажды зимой 1941 года у прабабушки в общежитии украли валенки и ей не в чем было идти на работу. И тогда, зимой, она пошла босиком в цех и стояла у станка. Старший смены вынес ей кирзовые сапоги на деревянной подошве, и сказал, что другой обуви не будет. Не выдержав таких условий, она со своими деревенскими девчонками сбежала с завода и вернулись обратно в деревню.

Святой источник на окраине микрорайона Ложок

Но не прошло и трех недель, как к ним пришли работники НКВД, и прабабушку, и всех ее подруг арестовали за побег с завода. Суда не было, и они даже не знали, сколько лет им дали срока. После ареста сразу определили в лагерь, расположенный в поселке Ложок. Там она и провела все годы войны. Попасть в Ложок боялись все, потому что вернуться оттуда практически было невозможно: ядовитая известковая пыль разъедала легкие. Здесь были мужчины и женщины, сюда ссылали за уголовные преступления и тех,

за кем числились побег – дезертиры. Страна жила по закону военного времени.

Прабабушка участвовала в заготовке леса, таскала горную породу – валуны, из которых складывали печи для обжига извести. Жить им, семнадцатилетним девчонкам, приходилось в деревянных бараках вместе с матерыми уголовниками. В одном бараке жило около сорока человек. Очень многие не выдерживали таких условий и умирали. По непроверенным источникам и, видимо, сильно преувеличенным данным, в Искитимском ОЛП (отдельный лагерный пункт) погибло около 30 тысяч человек, здесь никого не расстреливали. По словам прабабушки, умерших заключенных свозили в одно место, затем сваливали в лог и заваливали землей.

Об окончании войны заключенным не сообщили, только осенью 1945 года, работая в поле, прабабушка случайно услышала, о том, что война закончилась. В то время ей уже было двадцать лет. После окончания войны прабабушку выпустили на свободу.

Шла она пешком три дня до своего села. Ночевать заходила в попутные деревни. В первую ночь она зашла в крайний деревенский домик. Ей открыла пожилая женщина. Прабабушка ей все честно рассказала. Женщина запустила ее в дом и накормила. Прабабушка говорила, что такую нормальную еду она кушала первый раз за пять лет. Впоследствии ее амнистировали и даже наградили орденом «Труженик тыла».

Именно в месте массовых захоронений заключенных, в неглубоком логу, и берет свое начало ручей «Святой источник». Увидев, как люди отдыхают в этом месте: сидят на зеленых холмах, пьют воду из источника, прабабушка с горечью сказала: «Люди, что же вы делаете? Вы же воду из могилы пьете!».

Дарья Чернышёва

Коченёвский район

Кремлёвский аэродром

В статье от 16 августа 2013 года Зинаида Николаевна Марущак, методист районного краеведческого музея (сейчас на заслуженном отдыхе), писала о том, что есть документальное подтверждение того, что во время войны 1941–1945 годов в Коченевском районе недалеко от деревни Кремлевка существовал военный аэродром. Зинаида Николаевна делала в свое время делала запрос в Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (город Подольск), а затем выезжала в Подольск лично.

Из полученных документов выяснилось, что в Коченево находился 20 запасной авиационный полк (он же 49 учебно-тренировочный авиационный полк), документы которого были сданы в архив 26 марта 1956 года, а рассекречены 2 апреля 2010 года.

Согласно записям в документах, комплектование 20 запасного авиационного полка личным составом проводилось в период с 22 июля по 1 августа 1941 года за счет резерва и школ ВВС (военно-воздушные силы) Красной Армии, материальная часть, а именно самолеты УТИ-4, ЯК-7в, ЛАГГ-3 поступали с завода № 153 города Новосибирска. Сейчас это завод имени В. Чкалова.

Пользуясь картой Коченевского района, фотографиями и документам о дислокации части, удалось выяснить, что «с 8 января 1942 года 20 запасной авиационный полк базируется на ПП Кремлёвка (18 км с. – в. ст. Коченево)». Эта информация позволила определить место расположения аэродрома. Однако, озеро, которое находилось рядом с аэропортом практически исчезло, высохло, осталась только малая его часть.

Из инструкций по полетам на аэродроме Кремлевский следует, что «аэродром лагеря «Кремлевский» имеет размеры 1000х1300 метров... Входные ворота аэродрома – населенный пункт Троицкий вдоль дороги на населенный пункт Кремлевский. Выходные ворота

Пилоты, окончившие обучение

на северо – восток п. Кремлевский, где дорога Кремлёвский – Крохалёвское». Подтверждением того, что лагерь находится рядом с селом Кремлёвка является и следующая запись: «с северо – восточной стороны аэродрома находится возвышенность высотой 5–8 м, с юго – восточной стороны примыкает населенный пункт – Кремлёвский, остальные подходы открыты».

Из документов так же можно узнать, что все учебные полеты совершались в радиусе 3 километров западнее, северо – западнее, северо – восточнее и южнее аэродрома, а полигон для воздушных стрельб по наземным целям находился в 3 км к юго-востоку относительно населенного пункта Чик. Зоной

Политинформация

Заправка самолета горючим

Командир эскадрильи дает задание пилоту на вылет

Группа пилотов, отправляющихся на фронт

Заправка самолета горючим

Самолет У-8 на зарядке

Переукладка парашютов

18

IX. Изменения в дислокации части

№ части в 1941 г.	№ части в 1942 г.	Полное наименование части на указанной период	Наименование подразделения, в котором впервые была часть	Наименование фронта, зоны армейской или корпусной	Степень готовности к боевым действиям (включая дислокацию, вооружение, боеприпасы)
1841	159 1941г.	20 ЗАПАСНЫЙ АВИАЦИОННЫЙ ПОЛК	-	ВВС Северо-Западного фронта	Аэродром Губ. г. Ново-Сибирск.
159	3010 1942г.	20 ЗАПАСНЫЙ АВИАЦИОННЫЙ ПОЛК	-	-	Достоинство парашутист. ст. Коченев (40 км. западнее г. Ново-Сибирск).
3010	8.1.42 1941г.	20 ЗАПАСНЫЙ АВИАЦИОННЫЙ ПОЛК	-	-	Вело, 2м с 10 аэродром Толмичево, 1-я 10 аэродром Коченев.
8.1.	1942г.	20 ЗАПАСНЫЙ АВИАЦИОННЫЙ ПОЛК	5.415	-	Вело и 8 АД аэродром Толмичево, 1 и 2 АД аэродром Коченев, (в летний период 1 АД эвакуируется на 20 км. от Коченев).

стрельб по конусам (буксируемый самолетом матерчатый рукав, выполненный из тканевого материала, по которому ведут стрельбу как по воздушной мишени; оценку результатов стрельбы производят по количеству пробойн в конусе после посадки самолета-буксировщика) являлось воздушное производство сел: Вахрушево – Отрубное – Новомихайловский.

Рассматривая фотографии тех времен, можно узнать, чем занимались молодые летчики: это и «разбор полетов эскадрильи», «выпуск стартовки», «подготовка вооружения к воздушным стрельбам», «штурман готовит пилота к полету по маршруту», «ремонт матчасти» и т. д.

По сведениям, которые предоставила в своей статье З. Н. Марущак, согласно отчетов, об итогах боевой подготовки за 1941, 1942, 1943, 1945 (отчет за 1944 год отсутствует)» 20 запасной авиационный полк подготовил и отправил на фронт:

– 770 летчиков-одиночек, из них 167 летчиков-истребителей;

– инженерно-технического состава и младших специалистов – 2609 человек;

– подготовлено и отправлено на фронт 14 маршевых полков (431, 425, 845, 127, 183, 900 (проходил обучение 2 раза), 519, 15, 91, 347, 976, 265, 283).

Кроме того в отчет за 1943 год внесена и такая информация: получено с завода и облетано 358 самолетов, из них погружено на ж/д платформы 295 самолетов.

В 1945 году наряду с выполнением плана боевой подготовки полк выполнял задание Главного Маршала Авиации по перегонке самолетов Як-9, для чего было получено и доведено до установленного ресурса 11 самолетов и перегнаны летным составом полка по маршруту Новосибирск – Красноярск – Белая, Улан-Удэ – Чита. Вместе с тем полк выполнял задание Командующего ВВС СибВО по обслуживанию оперативных перелетов при сосредоточении авиации на Дальний Восток.

В 1942 и 1943 годах по объему выполненных задач и качеству боевой подготовки полк занял I место в бригаде и среди запасных полков ВВС КА.

12 марта 1944 года Командующий ВВС СибВО генерал-лейтенант авиации Шелухин П. С. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 30 ноября 1943 года вручил полку Красное Знамя и грамоту Президиума Верховного Совета Союза ССР».

Вот так скупые строки отчетов и цифр раскрыли цели и задачи, которые стояли перед командованием, летным и техническим составом аэродрома в годы Великой Отечественной войны далеко в Сибири, на нашей Кочневской земле.

Ольга Сидорова

Колыванский район

Милькины цветы самые лучшие

*«Выветривает время имена.
Стирает даты, яркие когда-то.
Историей становится война.
Лишь в памяти живут её солдаты...»*

Почти 75 лет прошло с тех пор, как закончилась самая страшная война XX века. Уходят последние солдаты Второй Мировой. Их имена остаются в памяти потомков, на обелисках, на страницах книг. Однако сердце не покидает чувство тревоги, всё ли мы сделали для них, почему есть ещё неизвестные и непогребённые солдаты, безымянные могилы. Хочется рассказать о своих земляках. Рассказ пойдёт о фронтовой лётчице, нашей землячке Милинтине Георгиевне Кондратовой. Родом Милинтина Георгиевна из села Карасёво. Деда Милинтины в первую мировую войну угораздило попасть в плен к австрийцам. Работал он у тамошнего землевладельца и всё поглядывал на хозяйскую дочь по имени Эмилия. И до того, видно, симпатичная австрийка запала ему в душу, что когда, спустя многие годы, у него родилась внучка, дед, недолго думая, схватил ребёнка, окунул головой в бадью и нарёк Эмилией. А когда пошли крестить, поп заупрямился – не православное это имя – Эмилия, будет Милинтинной! На том и порешили. А произошло это в ноябре 1918 года. Семья

большая работящая. Работали все. Милинтина Георгиевна вспоминала, как ещё совсем маленькая боронила верхом на лошади. Её отцу было тридцать четыре года, когда его арестовали, как указано в документах, «за эксплуатацию машин», за то, что имел самодельную молотилку, жнейку, сенокосилку и на долевых началах крупорушку. После ареста отца у матери на руках осталось шесть детей, а старшей среди них была девятилетняя Миля. Вместе с другими «раскулаченными» Кондратовых повезли из села. Миля уезжала в отцовской шубе с кулком сухарей в руках. Больно описывать все мытарства, которые, пришлось претерпеть, пока плыли на угольной барже до Парабельского района. Милинтина Георгиевна вспоминала: «Поселили нас в деревне Черноушки. Место суровое, болотное, вода пахнет нефтью. Прислали лошадей для работы, а травы подходящей для них не оказалось, пали лошади. Да и людям было не слаще. Осенью 1934 года началась трагедия. Муки завезли меньше положенной месячной нормы – она составляла пуд хлеба на человека, занятого на корчёвке леса, по восемь килограммов на детей и стариков. Маму отправили корчевать лес на Васьюганские болота. Чтобы прокормить младших сестрёнок и братишку, Миля пошла с мамой на корчёвку. Шестнадцать килограммов хлеба в месяц был её вклад в семейный рацион. Любимым «лакомством» в те дни был сок пихты. Однажды, бродя по болоту, Миля нашла дохлую лошадь. Видать, увязла ногами в тине, выбраться не смогла. Девочка попыталась прямо на месте пообедать, но отгрызть кусочек не смогла, побежала за взрослыми. Потом был пир. Подружки, которым в Карасёво Миля писала письма, потом рассказывали, как смеялись и плакали одновременно, читая строки: «Здесь ни птичек нет, ни зверушек. Может, и есть мишки, но они убегают от меня. Я такая худая, что они меня и есть не хотят». Бабушка и тётки не вынесли лишений, поумирали. Мать, заболевшую тифом, отправили в Томск. А детишек, тонких, малоподвижных от бессилия, добрые люди, закопав в уголь на барже, переправили

до Новосибирска. Милю и её глухонемого братишку Гришу, забрали отцовы друзья, привезли к бабушке в село Карасёво. Председатель сельсовета и председатель колхоза, рискуя, помогли девочке из семьи ссыльных устроиться в Карасёвскую школу. Здесь Миля закончила семилетку. Училась на рабфаке, а потом поступила в Новосибирский железнодорожный техникум, который вскоре перевели в Омск. Защитила диплом по оборудованию полустанков. Занятия в техникуме совмещала с учёбой в аэроклубе. Уже должны были допустить к полётам, начальство, оформляя документы, обнаружил, что крестьянская семья Милинтины была сослана. На этом связь её с авиацией прервалась. Милинтина Георгиевна после техникума могла поступить в Новосибирский институт военных инженеров транспорта. Но её сдерживало то, что на железной дороге было много арестов. К тому же Милинтина Георгиевна хотела изучать историю. Её мучил ответ на вопрос, почему попали под репрессию её родители – простые крестьяне. Но Милю не оставляли сомнения, имела ли она право, как окончившая рабфак, поступить в другой, непрофильный ВУЗ? За ответом она поехала в Москву – в Наркомат просвещения. Милинтина Георгиевна вспоминала: «Там ко мне отнеслись внимательно, сказали, что мой вопрос может решить какой – то Гуз, и дали телефон, по которому нужно обратиться. Набираю номер и говорю: «Мне товарища Гуза...», а слушавший меня человек громко рассмеялся, и тут только я узнала, что есть ГУУЗ – Главное управление учебных заведений. Мне было разрешено поступить на исторический факультет Саратовского университета». Проучилась Милинтина Георгиевна два года, началась война. В 1942 году её взяли на фронт, направили в полк Героя Советского Союза Марины Расковой. Когда Милинтина Кондратова подъехала к аэродрому, находившемуся под Краснодаром, его бомбила не-

Милинтина
Георгиевна
Кондратова

мецкая авиация. За участие в спасении раненых Милинтина Георгиевна была награждена медалью «За отвагу», которую обычно дают пехотинцам. В 1943 году служила лётчиком в 244 –м бомбардировочном полку 4 –ой воздушной армии. Участвовала в перегоне из Тегерана самолётов «Боинг» и «Бостон», поступивших по ленд – лизу. Они могли лететь без посадки сорок часов. Милинтина Георгиевна вспоминала: «Летела над Ираном и вспоминала, что недалеко отсюда, в Вавилоне, находились знаменитые висячие сады (ведь я же историк). Видела ледниковые вершины Кавказа, когда перелетали Сурамский перевал, они прорезывали облака. Довелось воевать на «Бостопах», освобождать Кубань и Крым. Нас, штурманов, называли «смертниками», потому что наше место в кабине – впереди пилотов». В полку у Милы – Милашки друзей было много, а вот земляков – ни одного. Все с родины весточки получали, а Милю почта письмами обделяла. Пожалев девчонку, ребята из Башкирии как –то предложили: «Давай ты нашей землячкой будешь!» Но земляк у Мили объявился, да ещё какой. Весь полк задибал!

– Под Новороссийском высадился наш десант – рассказывала лётчица – Мы должны были его поддержать – помочь расширить плацдарм. Шестого апреля встали на боевой курс, приближаемся, а в мозгу одно свербит: как бы в своих не попасть, ведь все рядышком. Матросы догадались, тельняшками линию выложили – рукавами в сторону немцев. Отлегло. И тут прямо перед нашим носом немецкий ас. Я только схватилась, чтобы выйти в эфир и предупредить своих, что по курсу немец, как слышу диалог:

– Сокол, Сокол, где мы? На стадионе, что ль?

– Ага, в парке Сталина!

Ёкнуло в груди, и не поймёшь, больше от того, что рядышком наши истребители оказались, или от гордого прозвища Сокол, уже тогда гремевшего на всех фронтах. По возвращении я не удержалась и попросила командира: «Узнайте, откуда Сокол родом, может, земляк мой? У нас в Новосибирске центральный парк именем Сталина

называется». А назавтра Сокол – Покрышкин приехал к нам на разбор полётов. Поздоровался и стал делать замечания о том, как мы держались на боевом курсе, как прошло бомбометание. Говорит, а сам кулаками жестикулирует, большими, сильными. Мы –то обычно ладонью показывали крен, поворот... Высказал, что накипело, и вдруг спрашивает: «Ну, где этот штурманяга, землячка моя? – глянул на меня и как рассмеётся- «Это ж не штурман даже, а штурманёнок какой –то!» Обидно мне стало, чуть слёзы из глаз не брызнули. А он продолжает: «Лечу я скоро домой, в Новосибирск – матчасть получать. Ну –ка, говори быстро: каких тебе конфет привезти?» Тут уж я не сдержалась, заревела: «Каких конфет, что я вам маленькая!» Обидно было что мне, боевой лётчице, конфеты предлагают. Попросила его, чтоб привёз сибирский огонёк, чтоб сиял цветик радостно, как солнце в день Победы. Притихли тогда все на полевом аэродроме. До победы ох как далеко ещё было! И никто не знал, кому из нас суждено было дожить до неё...» После отлёта Александра Покрышкина все называли Милю – Милашку с почтением –штурманяга. А встретиться им больше не пришлось. Его направили на Харьков. А в день отлёта прославленного земляка, в станице Восточной Краснодарского края, когда перед глазами лежала израненная, но потрясающе красивая цветущая кубанская земля случился спор. Сели, и ну каждый кулик своё болото хвалить. Грузины мимозу расписывают, украинцы – каштаны, уральцы про подснежники вспомнили. У Мили спросили: «Правда, что твои огоньки красивые?» «Да, – ответила штурманяга – они даже в темноте светятся!» Тогда пилот «Бостопа» Гандзя Резник предложил: «Давайте Милькины цветы считать самыми лучшими!»... Жаль только, что настоящие сибирские огоньки она так и не смогла показать, отчаянно жаль. Потому, что для посечённых войной людей эти нежные дети весны были чем – то большим, чем просто цветы.

Милинтина Георгиевна участвовала в боях за освобождение Новороссийска, Керчи и Севастополя. Из воспоминаний

наний Милинтины Георгиевны мало рассказов о боях, сражениях. «Об этом хорошо в книжках написано. – улыбнулась лётчица – А ведь мы были молоды, молодости свойственно мечтать. Мечты не покидали нас и на войне. Спросили меня как – то товарищи: о чём жалеть буду, если погибну? Подумала и ответила: жаль, что не успела «Войну и мир» Толстого прочитать. И представьте только себе – раздобыли же мне где – то эту книгу! К сожалению, сохранить её не смогла – осталась она в самолёте, в котором я была ранена в ногу от взрыва зенитного снаряда. Повреждена была и кожа лба, всё лицо залило кровью, испугалась даже, что выбило глаза»... Это были бои за Севастополь. Отважная лётчица, едва ли не единственная женщина – штурман, была награждена орденами: Красной Звезды, Отечественной войны двух степеней, боевого Красного Знамени и более десятка боевых наград.

В конце войны вышла замуж за военного лётчика. Свадьбу справляли вместе с Победой. Демобилизовавшись, приехала в Сибирь и стала учительствовать. Работала директором школы в родном селе Карасёво. Во время директорствования перестраивала старую деревянную школу, пристройка южно-го крыла. А потом работала директором вечерней школы в шахтёрском посёлке Листвянке. Помогла многим шахтёрам получить образование, добилась открытия в Листвянке филиала Прокопьевского горного техникума. А потом Север, Нарымский округ. Здесь, в Нарымском округе, недалеко от места ссылки матери родилась её первая доченька. «По каким причинам? – спрашивала собеседница – Их несколько. Заболел муж, и ему порекомендовали холодный климат. В Колпашево был учительский институт, и можно было завершить образование, К тому же хотелось уехать туда, где не слышно было гула самолётов, я до слёз переживала, что рассталась с авиацией. Но муж больше времени жил у брата с сестрой в Москве, чем со своей семьёй, и прожил не так долго, как хотелось бы. Вернулась в Новосибирск. Областной Отдел образования направил Кондратову Милинтину Георгиевну директо-

ром средней школы города Искитима. Увлечённо занималась военно – патристическим воспитанием. Был открыт музей, посвящённый фронтовикам. В 1986 году по инициативе и при активном участии Милинтины Георгиевны в городском парке была открыта Аллея Героев. В два ряда бюсты Героев Советского Союза и полных кавалеров орденов Славы, которых родила и воспитала искимитская земля.

«Есть память, которой не будет
забвенья,
И Слава, которой не будет конца».

Может кто – то со мной и не согласится, но у потомков должны быть примеры, на кого должно равняться, и место, куда можно прийти поклониться...

*По материалам личного архива
Кондратовой М. Г. По материалам
статей из газеты «Вечерний Новоси-
бирск» 1998 г. материал подготовил
Александр Пономарев*

Тогучинский район

Тайна самолёта из тайги

Дергоусовская средняя школа находится в живописной таёжной зоне Тогучинского района.

На территории сельского кладбища есть братская могила, в ней захоронены летчики, погибшие близ села Дергоусово осенью 1942 года.

Существует версия, откуда появились самолеты над нашим селом, если здесь в годы войны не проходили боевые действия. Во время войны существовал секретный воздушный путь из Аляски в Сибирь – Алсиб, по которому прошло более 8000 самолетов, получаемых по Ленд-лизу, то есть Советский Союз покупал боевые самолеты у американцев для борьбы с фашистами. Всего было найдено 3 самолета, потерпевшие крушение в окрестностях села.

Первый самолет. Из воспоминаний жительниц села Подгорное Овчинниковой Е. Т. и Стрельниковой А. Т.: «Был осенний пасмурный день 1942 года, и вдруг мы почувствовали сильный удар по земле, выскочили из дома и увидели, что совсем близко с деревней

потерпел крушение военный самолет. Взрослые сообщили об этом в военкомат, и на следующий же день приехали военные, милиция – собрали останки летчиков, обломки самолета и увезли».

Второй самолет. Из воспоминаний жителя села Желтоногино Огурцова Е. В.: «Мне тогда было 13 лет, но я хорошо помню этот день. В середине октября пошёл мокрый снег, все ребята были в школе и вдруг услышали страшный звук и не сразу поняли, что это такое, а когда погода успокоилась, то метрах в 200 увидели разбившийся самолет. Взрослые вытащили из-под обломков двух летчиков, они были живы. Им забинтовали раны, посадили на телегу и повезли в г. Тогучин. Вскоре из Новосибирска приехали военные, самолёт погрузили в кузов машины, еще был пулемет и разные военные предметы, их тоже забрали и увезли.»

Третий самолет. Из воспоминаний Мезенцевой З. Д., жительницы с. Дергоусово: «О третьем самолёте знали все, я уверена, но в те годы просто молчали. Обломки самолёта и останки летчиков я видела своими глазами».

Его обнаружили только через 20 лет в 1962 году в пяти километрах на юг от села Дергоусово в сторону Маслянино. Деревенский конюх Стрельников И. М. со своим сыном отправились в лес собирать малину, там и наткнулись на обломки самолета и останки 2-х летчиков.

Из воспоминаний Стрельникова А. И.: «Картина была страшной. Макушки деревьев вокруг этого места были срезаны, как лезвием и еще видны были следы пожара. Кое – где на деревьях висели металлические обломки самолета. Останки летчиков лежали под слоем старой листвы и травы, под одним летчиком была ракетница, которую, по-видимому, он не успел применить, чтобы их нашли и спасли. Из личных вещей мы почти ничего не нашли, только расческу и бритвенный станок на котором была выцарапана фамилия и инициалы одного из летчиков: «Мелетин Д. И. г. Воронеж».

Вернувшись в село, сообщили в милицию. Из г. Тогучина приехали следователи, а из г. Новосибирска на вертолете прилетели военные. Все, что представляло ценность для военных, погрузили в вертолет и увезли.

После этого останки летчиков собрали и под торжественный залп захоронили на кладбище села. Правление колхоза «Победа» с. Дергоусово поставило на могиле памятник и оградку».

По словам очевидцев, в то время приезжали родственники одного из лётчиков, но мне не удалось ни разыскать их, ни связаться с ними. А информация о погибших летчиках, по сей день засекречена, и остается тайной.

Из года в год, начиная с 1962 года, за могилой ухаживают учащиеся нашей школы, красят оградку и памятник, чистят и убирают. Чтят память погибших.

К Братской могиле приходят жители села, чтобы отдать дань памяти летчикам, погибшим в те страшные годы за счастье и мирную жизнь нашего народа.

Нина Чукарова

Школьники ухаживают за памятником летчикам

Барабинский район

Бронепоезд с именем гордым – «Сибиряк-барабинец»

В 1941–1945 гг. в боевых действиях активно участвовали более 200 бронепоездов Красной Армии. Советские бронепоезда на деле доказали свою боевую эффективность, особенно в пер-

вый период Великой Отечественной войны, когда их строительство приняло по-настоящему массовый характер и по количеству, и по качеству.

В один ноябрьских дней в адрес руководства Барабинского паровозного депо пришла телеграмма Государственного комитета обороны. В ней ставилась задача: одеть в броню паровоз; оборудовать четыре платформы для установки пушек и пулеметов; одну платформу для зенитного орудия; две — для перевозки верхнего строения пути (шпал, рельсов, накладок и прочего); укомплектовать две бригады в два лица с правом управления паровозом; подобрать четырех машинистов.

Телеграмму заключали слова: «Чертежи и дальнейшие указания получите».

Начальником строительства бронепоезда был назначен Константин Николаевич Голиков — начальник депо, инженером — Константин Николаевич Веревкин, мастером — Константин Петрович Мецнер. Основные подразделения строителей укомплектовывались рабочими инструментального, хозяйственного, котельного, газоэлектросварочного и подъемного цехов, а также вагоноремонтного пункта, дистанции сигнализации и связи. Образовались основные бригады слесарей-инструментальщиков, которые возглавили А. М. Бирюков и А. М. Немочен.

22 ноября 1941 года они получили чертежи поворотных механизмов на свой объект-установку. Для бронирования выделили паровоз серии Ов № 5744, платформы использовали из резерва Министерства путей сообщения.

Строительство бронепоезда началось 23 ноября 1941 года. Ремонт и наладка котельного оборудования выполнялись под руководством мастера котельного цеха Степана Николаевича Регулова, замена тормозов на более мощные системы «тандем» осуществлена А. А. Бабенковым и И. Д. Митрохиным.

Был утвержден твердый график производства работ. Расчеты показали непригодность имеющихся осей и у локомотива, и у платформы. Нагрузка на ось у паровоза серии Ов была до 13 тонн, а следовало довести до 19 тонн.

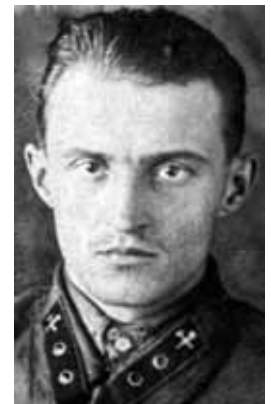
Произведена полная модернизация экипажной части маломощного паровоза с учетом возрастания нагрузки после того, как одета броня. Для ее крепления следовало установить каркас, закрывающий весь паровоз, а затем с помощью болтов и заклепок прикрепить бронированные щиты.

Для усиления осей колесных пар 20-тонных платформ и других деталей ходовой части модернизации были подвергнуты и платформы, предназначенные под бронеплощадки. Казалось, что в условиях неспециализированного предприятия не удастся сделать из обычного подвижного состава грозную боевую крепость на колесах, способную поражать врага на земле и воздухе.

Работать приходилось по 12 часов и более. Многие детали делались кустарным способом, без необходимых заготовок и расчетов. Помогали рационализаторская смекалка передовых рабочих. Слесарь Федор Федорович Чубаров изобрел специальное приспособление для обточки шаров, диаметр каждого составлял 52 мм.

После изготовления шаров для радиально-упорных подшипников требовалось их закалить и обкатать. Фрезеровку зубьев червячных шестерен и звездочек поручили И. Е. Шудину, он был удостоен почетного звания «Гвардеец тыла» и ордена Красной Звезды.

Экипаж четвертой бронеплощадки бронепоезда «Сибиряк-Барабинец» во главе с командиром бронеплощадки ст. лейтенантом Осокиным Федором Васильевичем (сидит в первом ряду, третий слева, с часами на руке)

Главный инженер Константин Николаевич Веревкин. 1941 г.

Бронепоезд
на фронте.
1943 г.

Все детали отправлялись для последующей обработки, сборки и монтажа бригаде слесарей-инструментальщиков, в которую входили: А. М. Бирюков (бригадир), И. К. Ивохин, В. С. Акимкин.

Слесари-инструментальщики работали в две смены, не покидая своего места в течение 16–18 часов, а зачастую и ночевали в цехах. Тяжелый изнурительный труд изматывал людей. Нелегким делом была установка 76-миллиметровых пушек, которые сверху закрывались башнями наподобие танковых.

Бригада инструментальщиков занялась подготовкой крупнокалиберных пулеметов, изготовлением снарядных шкафов-стеллажей, разметкой листов брони. Для ускорения работ были направлены И. И. Драгомиров, В. Боровков, Д. Т. Степанов, И. И. Баянов, М. Рогулев.

Приходилось просверливать много отверстий под болты и заклепки. Эту работу выполняли Д. Жарков и Ф. Печев. Сверла быстро тупились и изнашивались, так как броня была твердой. Для заточки сверл был поставлен опытный рабочий Ф. Ф. Чубаров.

Навешивала броню на паровоз специально организованная бригада под руководством Н. Т. Бойкова. В нее вошли И. А. Лаврутич, А. И. Лебедев, В. Липовка и другие мужчины, отличающиеся недюжинной физической силой. Правильных прессов и специальных приспособлений для придания броневым листам нужной формы не было. Правку выполняли кувалдой, которая весила 20 кг. Ее в шутку называли «Марусей».

Во время монтажных работ, особенно когда включалась пневматика и колотили кувалды, стоял невообразимый

шум и треск. Человеческого голоса не было слышно. Те, кто пытался управлять сборкой с помощью голоса, быстро срывали его. Здесь помогал пронзительный свист А. М. Бирюкова. Мастер К. П. Мецнер в течение дня не раз обращался к Бирюкову: «Алеша, свистни!». Котельщики под руководством С. Н. Рогулева настилали и крепили стальные листы на площадках, а после установки каркасов и орудий навешивали и крепили броню.

Вид бронепоезда постепенно преобразовывался. На паровозе установили командирскую рубку, и весь он обрел обтекаемую форму. На тендере расположили крупнокалиберный пулемет для стрельбы по воздушным целям.

Платформы стали напоминать танки на железнодорожном ходу. Каждая бронеплощадка имела орудие и четыре пулеметных гнезда. Две платформы укомплектовали рельсами, шпалами, крестовинами, стрелочными переводами и путевым инструментом, это все было необходимо для восстановления разрушенных участков пути. На заключительном этапе строительства бронепоезда предстояло смонтировать отопление, освещение, телефонную и акустическую связь.

Сборкой отопительного оборудования занималась бригада А. Немочена.

Массовый трудовой героизм железнодорожников, стремление внести личный вклад в осуществление призыва «Все для фронта, все для победы над врагом!» позволили раньше намеченного срока, к 24-й годовщине Красной Армии, т. е. к 23 февраля 1942 года, закончить работы полностью.

Боевую машину приняли, командир 47-го отдельного дивизиона бронепоездов майор Ф. З. Пухов, комиссар дивизиона К. Рошин, командир бронепоезда А. Цимбаревич, комиссар А. Ф. Трусов.

Решено было назвать бронепоезд «Сибиряк-барабинец».

Этим подчеркивалась большая заслуга всех железнодорожников узла, независимо от профессиональной принадлежности и степени участия в создании бронированного поезда, которому предстояло разить ненавистного врага. Ему присваивался № 639.

Командирами бронеплощадок были назначены: М. П. Широков, И. С. Ремизов, Б. П. Мощинский, А. Довженко. Добровольцами пошли на бронепоезд барабинцы: дорожный мастер С. Д. Устьянцев, ставший командиром пулеметно-восстановительной команды, работник отделения Л. Д. Кизилев (командир пулеметного отделения), инженер отдела эксплуатации отделения И. Т. Копылов был назначен заместителем командира дивизиона по технической части, паровозным техником – А. В. Широков, командиром бронеплощадки – Ф. В. Осокин.

В партийный комитет паровозного депо все шли и шли локомотивщики с просьбой направить их машинистами на бронепоезд. Выбирать было из кого!

Начальство остановило выбор на Василии Феофановиче Литвинове – старшем приемщике народного комиссариата путей, Петре Константиновиче Мялицине – машинисте-инструкторе, Андрее Ивановиче Воложанине и Николае Семеновиче Чернове – машинисте паровоза.

Предстояло решить немаловажный вопрос. Как обеспечить высокую боевую готовность бронепоезда, маневренность

при условии минимального количества людей, обслуживающих поезд и боевую технику? Выход был один – обучить смежным специальностям весь персонал. Орудийные расчеты, пулеметчики, разведчики должны были владеть путевскими профессиями, они же входили и в ремонтно-восстановительную бригаду. То же и с боевой техникой. Каждый должен знать и исполнять обязанности артиллериста, пулеметчика, связиста.

После того, как были укомплектованы боевые расчеты, следовало произвести обкатку поезда, пристрелку орудий и пулеметов. Испытания проходили на Каинской ветке. Созданная крепость на колесах, могла поражать живую силу, авиацию, танки, артиллерийские батареи, разрушать укрепления.

В Барабинске были созданы три паровозные бригады: машинист В. Т. Батищев, кочегар С. Г. Плесовских. Третья – машинист Н. С. Чернов, помощник машиниста И. П. Голиков, кочегар Н. И. Путилов. Старшим машинистом был назначен П. К. Мялицын.

В марте бронепоезд был готов к уча-

Старший машинист бронепоезда Мялицын Петр Константинович

ГЕРОИЧЕСКИЙ ТЫЛ — ГЕРОИЧЕСКОМУ ФРОНТУ

СТРОИТЕЛИ БРОНЕПОЕЗДА

В начале войны в Ленинградском бронепоезде было сформировано первое бронепоездное отделение. Оно выполняло задачи по обеспечению тыла Красной Армии. В августе 1941 года в состав бронепоезда вошел артиллерийский расчет. В августе 1941 года в состав бронепоезда вошел артиллерийский расчет. В августе 1941 года в состав бронепоезда вошел артиллерийский расчет.

стию в боевых операциях Красной Армии. Настал день отправки. На митинг собрался почти весь город.

С речью выступил первый секретарь райкома партии И. И. Кузьмин. Напутствуя отбывающих на фронт, он от имени всех барабинцев дал наказ беспощадно бить ненавистных захватчиков. Сделать все для того, чтобы отстоять свободу и независимость родной земли.

Для бронепоезда и его экипажа началась новая жизнь. Издав длинный прощальный гудок, поезд взял курс на запад, туда, где шли бои, проливали кровь в жестокой схватке с гитлеровцами защитники Отечества.

К весне 1942 года угроза Москве была устранена. Советские войска, перейдя в контрнаступление, с тяжелыми боями продвигались на запад. Однако оставалась опасность воздушных налетов.

Для защиты важных объектов от бомбардировки в столицу прибы-

ли бронепоезда «Сибиряк-барабинец» и «Омский железнодорожник», имевшие на своем вооружении полуавтоматические 45-миллиметровые орудия.

Местом дислокации 47-го бронедивизиона было паровозное депо имени Ильича. Уже первые залпы показали невозможность эффективно использовать орудия по близко летящим самолетам из-за малого угла подъема стволов. Принимается решение о замене орудий на отечественные полуавтоматические морские с углом подъема 35 градусов и дальностью стрельбы до 25 километров, вместо 12 ранее установленных. Это усиливало боевую мощь бронепоезда, позволяло вести огонь по самолетам врага, доставать наземные цели, находящиеся на значительном расстоянии.

Для того чтобы во время движения машинист мог, не открывая бокового люка будки, вести наблюдение за профилем пути и подаваемыми сигналами, на паровозе был установлен перископ.

К июню 1942 года отпала необходимость держать дивизион бронепоездов на обороне Москвы, так как фронт передвинулся еще дальше на запад.

А гитлеровское командование, не осуществив план «молниеносной войны», готовило наступление на Волгу, у Сталинграда, и на Кавказе.

«Сибиряк-барабинец» был направлен на Карельский фронт, на Кировскую железную дорогу, к станции Сегежа. Перед ними ставилась задача — нести охрану железнодорожных узлов до головной станции Быстряги, которая располагалась вблизи передовой, а также находящегося рядом аэродрома и промышленных предприятий.

Бронепоезд отражал налеты немецкой авиации на жизненно важные объекты, а также на станцию, где шла разгрузка военной техники, боеприпасов, снаряжения для действующей армии. Крепость на колесах взаимодействовала с подразделениями 32-й армии, в частности 176-й дивизии, к которой был приписан 47-й отдельный дивизион бронепоездов.

После разведки и выявления мест сосредоточения противника следовали внезапные налеты бронепоездов и огонь «катюш».

Боевой путь
бронепоезда
на Карельском
фронте.
1943 г.

Леса, озера, болота, холмы, характерные для Карелии, не позволяли использовать танки. Поэтому бронепоезда представляли для врага серьезную опасность. Приходилось маскироваться. Чтобы не было видно искр, вырывающихся из паровозной трубы и тянущихся шлейфом при движении, ночью топки заправляли углем, а днем в качестве топлива шли дрова, от которых дыма было значительно меньше.

В зимнее время бронепоезд был камуфлирован под снег, а летом под платформы с тесом или же прикрывался ветками елей и сосен. Для их расположения только на паровозе было приварено более трехсот скоб. Эти простые меры и хорошая маневренность, высокая боеспособность экипажей, и пулеметных расчетов делали бронепоезд неуязвимым. За все время в него не было ни единого прямого попадания. Вражеские самолеты часто его бомбили, но стоило открыть огонь со всех стволов, как они, сбросив, куда попало свой смертоносный груз, уходили восвояси, не причинив вреда.

Однако не обходилось и без критических ситуаций. Однажды нескольким самолетам противника удалось обнаружить бронепоезд на станции Сегежа.

Они предприняли усиленную бомбежку. Осколком разорвавшейся бом-

бы перебило воздушный рукав между паровозом и второй бронеплощадкой. Бронепоезд остался без тормозов, потерял маневренность.

Рискуя жизнью, машинист А. И. Воложанин, помощник машиниста В. Батищев и кочегар С. Г. Плесовских под бомбежкой устранили неисправность. Артиллеристы и пулеметчики в это время усиленным огнем старались отбить фашистских стервятников, лишить их возможности вести прицельное бомбометание.

В один из летних дней 1944 года бронепоезд «Сибиряк-барабинец» вел артиллерийскую стрельбу по живой силе и техническим средствам врага во взаимодействии с «катушами» в районе бывшей станции Массельская. Обстрел подходил к концу. Гвардейские минометы быстро покинули огневую позицию, а бригада бронепоезда решила «освежить» огонь в топке путем незначительной прокачки колосников. Во время покачивания колосники заклинило с левой стороны паровозной топки в положении «на ребро», и не становились в горизонтальное положение.

Для выяснения причины и исправления пришлось старшему машинисту П. К. Мялицыну облиться водой, вооружиться кувалдой и влезть в топку, где

Машинисты
Мялицын Петр
Константинович,
Воложанин
Андрей Иванович,
Литвинов Василий
Федорович,
Чернов Николай
Семенович.
1944 г.

с правой стороны на половину ширины колосниковой решетки бушевал огонь.

Оказалось, всему виной был кусок породы, который попал между первым колосником и решеткой, не давая возможность стать колосникам в нормальное положение, выбив кувалдой породу, Мялицын с обожженными бровями и ресницами, в дымящейся одежде вылез в кабину.

Бригада, быстро разровняв горящий уголь, подняла пар и уже под обстрелом вражеской артиллерии, которая за это время успела установить место пребывания огневой точки, вывела бронепоезд в безопасное место. А снаряды еще долго вздымали землю там, где он находился.

В ходе боевых будней частично заменялся командный и рядовой состав бронепоезда. В 1943 году командиром 47-го отдельного бронедивизиона стал подполковник Я. Г. Манчур. Командир бронепоезда «Сибиряк-барабинец» А. Цимбаревич был отправлен в другую часть. На его место назначен лейтенант М. Мощинский, бронеплощадкой. Командиром бронеплощадки стал лейтенант В. Андреев, В. Ф. Литвинов переведен старшим машинистом на второй бронепоезд дивизиона – «Омский железнодорожник». Вместо него на поезд «Сибиряк-барабинец» прибыл машинист А. Хромов. Из кочегаров был обучен и работал помощником машиниста сержант Н. И. Путилов, Н. С. Чернов в 1944 году возглавил коллектив небронированного паровоза, который обеспечивал доставку боеприпасов и продуктов питания, перемещение базы дивизиона.

Наступил апрель 1945 года. Шли последние дни кровопролитной войны.

Командованием Карельского фронта было решено составом одного стрелкового полка на одном из участков, провести разведку боем.

Ставилась цель – выявить наличие силы и техники врага, его огневую мощь, расположение укрепленных районов и моральный дух немецких солдат.

Нужно было также захватить как можно больше осведомленных в оперативных планах неприятельских офицеров. К проведению операции были подключены 47-й бронедивизион и дивизион «катюш».

Как только она началась, противник принял ее за наше генеральное наступление и в первый же день боевых действий в беспорядке стал отступать. Но не везде. Там, где удавалось прикрываться водными рубежами и укреплениями, враги оказывали яростное сопротивление. Оценивая создавшееся положение, командование Карельским фронтом, возглавляемое Маршалом Советского Союза К. А. Мерецковым, приняло решение о всеобщем наступлении, в результате которого немецкие войска капитулировали. Лишь незначительная часть была рассеяна. Уничтожением этих групп приходилось заниматься бронепоезду.

Враг при отступлении минировал и взрывал стрелочные крестовины и переводы. Только на станции Массельская наши саперы изыскали более трехсот установленных мин тяжелого типа.

Нелегко приходилось ремонтным бригадам с винтовкой и противогазом за спиной восстанавливать железнодорожные пути, чтобы обеспечить дальнейшее преследование неприятеля, уничтожение его мощью бронированных поездов. Нередко весь их личный состав превращался в ремонтников. В считанные часы поправлялась насыпь, укладывались шпалы и рельсы. Умелым организатором при этом зарекомендовал себя барабинец, дорожный мастер С. Д. Устьянцев.

Свой последний залп бронепоезд «Сибиряк-барабинец» сделал на станции Сортавала, что у северного побережья Ладожского озера. Но он был про-

изведен не по врагу, а в связи с безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии. Эта весть вызвала ликование, да и как было не радоваться, ведь фашизм был разбит и это посильный вклад внесли экипажи бронепоезда, его орудийные и пулеметные расчеты, все, кто обеспечивал выполнение боевых операций.

П. К. Мялицыну посчастливилось быть участником парада Победы на Красной площади в июне 1945 года. Петр Константинович вспоминал: «В середине 1945 года меня вызвали к командиру дивизиона подполковнику Манчур, который приказал в течение двух часов получить документы, сдать лишнее обмундирование и быть готовым к отъезду. На мой вопрос куда ехать? – ответил, что прибыть надо в распоряжение штаба Карельского фронта, который находился в городе Беломорске. По прибытию туда перешли во все новое обмундирование. Через 5 дней мы отбыли в Москву.

Прибыли на станцию Лихоборы Московской железной дороги. На следующий день к нам приехал Маршал Советского Союза К. А. Мерецков.

На стадионе Подмосковья проходили занятия по строевой подготовке. Занимались по 8 часов в день. За день до парада маршал К. А. Мерецков вручил каждому медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Мы получили парадную форму, защитного цвета кителя, синие диагональные брюки, новые сапоги, фуражки.

В день парада 24 июня 1945 года нас построили на площади Революции.

За 25 минут до начала парада войска были выведены на Красную площадь, и каждый полк находился на заранее обусловленном месте. Нам было приказано находиться около Исторического музея. На трибуну Мавзолея В. И. Ленина поднялись члены Советского правительства во главе с И. В. Сталиным. Начался объезд полков и соединений Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым.

После этого раздалась команда: «Бросить знамена поверженных частей гитлеровской Германии к подножию Мавзолея».

После этого маршал Г. К. Жуков подал команду: «К парадному маршу Карельский фронт прямо, остальные направо! Шагом марш!».

Грянул оркестр, и мы прошли в строгом строю перед трибуной мавзолея.

С Красной площади мы направились на Садовое кольцо. Нас встретили тысячи москвичей с букетами цветов. Люди плакали, дарили цветы, обнимались».

Верно, говорят люди: «Народ, родивший таких героев, победить невозможно».

Большой вклад внесли труженики железнодорожного транспорта, воины железнодорожных войск. Десятки тысяч тружеников Томской и Омской магистралей сменили железнодорожные кители на армейские гимнастерки.

Маршал Советского Союза В. И. Чуйков писал: «Героические усилия прилагали наши железнодорожники, чтобы наладить бесперебойное снабжение фронта. Когда мне приходилось встречать человека в железнодорожной форме, я смотрел на него как бойца с передовой».

Дмитрий Третьяков

Новосибирск

Антонина Афанасьева – пятиклассница 1941 года

В декабре 2016 года Антонине Федоровне Афанасьевой исполнилось 87 лет. Впервые она переступила порог нашей школы в 1941 году, когда перешла в пятый класс и до сих пор работает заведующей школьным музеем.

Она своими глазами видела и помнит учителей, работавших в военные годы в нашей 128-й школе Первомайского района Новосибирска. Видела и помнит тех, кто ушел на фронт, и тех, кто потом вернулся.

В начале Великой Отечественной войны 51 учащийся школы № 128 встал в ряды защитников Родины. Многие из них погибли.

«Мне помнится, как мы собирали бутылки, чтобы солдаты на войне заполняли их горючей жидкостью и поджигали танки. Собирали деньги на по-

Санитарка
госпиталя №3620,
располагавшегося
в годы войны
в школе №128
Попрыга Мария
Федоровна

стройку танков и самолётов, помогали семьям погибших, участвовали в «снегоборьях», расчищая железнодорожные пути от снежных заносов. Всем выдавались хлебные карточки: рабочим – четыреста граммов, иждивенцам – двести граммов. Пока идёшь – половинку съешь. Драники мамы готовили из мякины и гнилой картошки, суп – из лебедь», – так вспоминают

свое военное детство участники тех событий.

Все усилия и мысли взрослых и детей того времени были подчинены одной идее, и она их сплачивала и придавала им силы. Не было места капризам и жалобам.

В годы Великой Отечественной войны в здании школы № 128 размещались госпитали № 3620 и № 3477, куда привозили раненных солдат и офицеров с фронта. Вместе с детьми раненые, кто мог, заготовливали дрова. А вечерами ребята устраивали концерты в палатах.

В госпитале Антонина Федоровна не бывала, потому что учеников на этот период расформировали по другим школам района, но сохранила для нас воспоминания о нем. Вот одно из них.

Мемориальная
доска на школе
№128

Бывшая санитарка госпиталя Попрыга Мария Федоровна рассказала то, что произвело на нее самое сильное впечатление:

«Загруженность в госпитале была очень большая. Условия работы тяжелые, на работе мы находились сутками. Прибывали эшелоны с ранеными. Мы сами их выгружали, мыли, переодевали, ухаживали. Иногда привозили раненых в тяжелейшем состоянии. Помню один случай. Прибыл эшелон. Среди раненых был солдат из Барнаула. 26 ранений. Мы осторожно на носилках перенесли его в операционную. После операции его на 6 месяцев отпустили домой.

Еще один случай. Прибыл раненый из Украины. Молодой – 16–17 лет. Ранение обеих рук. Попросил написать письмо матери. Но мама ответила, что получила «похоронку» и не верит, что он жив, и попросила написать ответ своей рукой...»

В 1943 году госпиталь эвакуировали на фронт, и ученики вернулись за свои парты. Вернулась и Антонина Федоровна, и до сих пор с нами. За свою долгую жизнь она пришла к пониманию того, что в жизни самое важное, и выразила это такими словами:

Великая мудрость – ждать,
Огромное счастье – верить,
И чувствовать, что опять
Надежда откроет двери.
Крепитесь, когда нет сил,
И слезы сглотив, смеяться,
И, падая, не просить,
И верить, и не бояться!
И твердо, и точно знать:
Надежда откроет двери,
Когда научишься ждать
И свято во что-то верить!

Артем Хандаченко

Сузунский район

Боль в сердце

Мой отец Горшков Семен Ефимович родился 14 сентября 1904 года. Весной 1941 года родители сломали старенький домик, и папа успел построить две трети нового домика, как

началась война. Вскоре пришла повестка на фронт, но в военкомате учли тяжелое положение, дом не достроен, жили в бане, а бани в то время топились по-черному. Дали небольшую отсрочку, чтобы достроить дом. Ведь оставались пятеро несовершеннолетних детей.

И вот опять повестка, два ряда бревен не доложены, уже не на чем было их привезти. Осталась мама и пятеро детей в недостроенном доме. Теперь уж я не помню кто помог маме, но настелили горбыль, насыпали земли на потолок и так жили. Уж потом накрыли дранкой, хоть вода не стала капать с потолка.

Папа попал на фронт в самое пекло. Битва за Москву была ожесточенная. Стояли лютые морозы. Папу ранило осколком мины, а санитары очень долго не могли подобрать раненых. Папа полз по снегу, чтобы не замерзнуть. Он вспоминал, что подползешь к молоденькому пареньку, скажешь: «Двигайся, сынок, а то замерзнешь». Кто в силах был – двигался, а многие умерли от ран, от мороза.

Папа долго лежал в госпитале в Свердловске. Ногу ампутировали, руки не работали после контузии. И вот сопровождающая медицинская сестра привезла папу домой.

Больше полугода папа не мог обслуживать себя сам, кормили его с ложки. Кто-то посоветовал, может быть

врачи, засыпать руки горячим песком. А там где сейчас улица Чкалова, там раньше была «песочная грива». И вот папа на костылях, с такими руками. Кое-как доковыляет до песка, а я с чайником воды шла с ним. Дойдем, я ему голову укрою, а сама в лесок, он ведь рядом был. Папа попросит, что ты как поиграешь, приди напои меня водичкой. Вот так пока стояла жара, и песок сверху был горячим, мы с ним и ходили, и я засыпала ему руки.

Через полгода руки «отошли», и он сделал себе «ногу», «деревяшкой» мы ее называли. Папа стал ходить на сенокос. Корова в то время была кормилицей, и сено нужно было заготавливать вручную, а сенокос был на болоте, километров семь от Сузуна.

Папа хотел хоть как-то помочь маме. Дойдет с большим трудом и там живет, пока не выкосят и не уберут все. А мама, конечно, каждый день ходила домой, ведь надо детей накормить, управляться. Помню, как папа косой взмахнет, сколько достанет, а потом ставит косу, руками «деревяшку-ногу» поднимет, переставит и опять скосит траву, сколько достанет. Глядя на него, сердце кровью обливалось. Да еще сторожем в магазине ОРСа работал, ведь шла война, а жить и детей кормить надо было.

Уже очень-очень давно нет в живых папочки, а я все вспоминаю с болью в сердце. Вечная память ему и тому поколению!

Таисия Соколова

Семен Ефимович
Горшков

Маслянинский район

Женская судьба

Валентине Евсеевне Бобровой, о которой я хочу рассказать, в то время шёл двенадцатый год, жила она в Пайвино. Она помнит, как провожали на фронт взрослых мужчин: с гармошкой, со слезами, причитаниями и с горестными криками. Всё смешалось – надежда и печаль, вера в грядущую победу и страдание. Так продолжалось всю войну.

Им, детям, пришлось работать наравне со взрослыми. Пололи посевы, освобождая их от сорняков, во время се-

Валентина
Евсеевна
Боброва

нокоса возили копны на лошадях, а если лошадей не хватало, на коровах и быках. В жару, когда скот кусали оводы, они удержать быков не могли, не хватало сил, да и питание было плохое. Сколько слёз она тогда пролила из-за этого!

Учебный год у детей заканчивался 15 мая, а начинался 1 октября, чтобы они могли работать в колхозе. На поле и с поля ходили пешком, иногда это расстояние составляло

семь километров.

В старших классах Валя изучала военное дело, умела разбирать, собирать, заряжать винтовку, и даже дали ей пострелять, но только холостыми патронами. Много времени уделялось строевой подготовке. Валентина Евсеевна показала, как её научили маршировать, говорит, запомнила на всю жизнь.

С 14 лет она уже работала с напарницей на комбайне. Они насыпали в мешки зерно и забрасывали возчику на телегу, а возчики были ребята такого же возраста, как и девочки. С земли поднять мешки на телегу мальчишки не могли.

Однажды ночью их, подростков, отравили на поле веять зерно. И вдруг в овраге, недалеко от них, завывли волки! Дети испугались, не знали, как поступить, потом вспомнили, что волки боятся шума и звона. Тогда они без отдыха стали крутить веялку до утра. Норму выработки в ту ночь они перевыполнили в 2,5 раза!..

После войны Валя поступила в Черепановское педучилище. И опять трудности: голод, холод в общежитии.

В первые годы ходила на каникулы домой пешком. Собирались все, кто был из Маслянинского района, выходили вечером, в 8–9 часов, шли всю ночь. К утру приходили в Пеньково и шли дальше. В Пайвино уже были к вечеру.

Только в последние два года ей выпадало счастье ехать или на верху бортовой машины, или на бочках с солярой.

Окончив педучилище, Валентина Евсеевна с 1951 года работала в Пеньковской школе учителем начальных

классов. Её бывшие ученики говорят, что была она строгой, справедливой, внимательной. Никогда не боялась трудностей.

Здесь, в Пеньково, она вышла замуж, воспитала двоих детей, вырастила внуков, а теперь её радуют правнуки.

Валентина Евсеевна – жизнерадостная, бодрая, лёгкая на подъём. Она частый гость в школе, сельской библиотеке. Участвует в художественной самодельности, хорошо поёт, пишет стихи. Как она сама говорит, на старости лет талант открылся!

В. Е. Боброва – одна из тех, кто своим трудом приближал победу в Великой Отечественной войне. Её судьба похожа на судьбы многих женщин села Пеньково и других поселений нашего района. Спасибо им всем, живущим и жившим, подарившим нам жизнь с мирным небом, отдавшим за это свое здоровье и силы, но не потерявшим бодрости духа и в старости.

Ольга Ефремова

Новосибирск

Немцы Поволжья. Попытка объективного осмысления

Последние годы в СМИ усилено обсуждается тема о насильственном переселении поволжских немцев, начавшимся осенью 1941 года. В действительности проблему взаимоотношения национальностей надо рассматривать шире, и увидеть, как нашу многонациональную лодку пытаются раскатать наши общие враги. По немцам мнения столь противоположны, что мы решили посмотреть на эту тему поближе и сделать не только попытку объективного осмысления, но и поделиться информационной квинтэссенцией:

1. Как выяснилось, немцы, переселившиеся на плодородные земли Поволжья при Екатерине II, с 1760 года не ассимилировались, а продолжали жить относительно изолированно от русского мира. Многие немцы на момент начала войны не знали русского языка.

2. Очевидно, что тема Поволжских немцев изучалась, обсуждалась и продумывалась на самом высоком государственном уровне и решение о переселении немцев – это не прихоть одного или нескольких человек. И об этом свидетельствует очень серьезный документ. Указ правительства о переселении немцев лучше привести полностью:

**ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
УКАЗ**

от 28 августа 1941 года

**О переселении немцев, проживающих
в районах Поволжья**

По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям не сообщил, – следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов советского народа и Советской власти.

В случае, если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами, в Республике немцев Поволжья или прилегающих районах и случится кровопролитие, Советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья.

Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы с тем, чтобы переселяемые были наделены землей и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

Для расселения выделены избыточные пахотной землей районы Новосибирской и Омской областей, Алтайско-

го края, Казахстана и другие соседние местности.

В связи с этим Государственному Комитету Обороны предписано срочно произвести переселение всех немцев Поволжья и наделить переселяемых немцев Поволжья землей и угодьями в новых районах.

*Председатель Президиума
Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН*

*Секретарь Президиума Верховного
Совета СССР А. ГОРКИН*

*Москва, Кремль
28 августа 1941 г.*

Приведенный документ особых комментариев не требует, потому что достаточно подробно объясняет причины и условия переселения.

3. Важно знать значения слов широко употребляемых относительно Поволжских немцев:

а) В документе говорится о переселении. Переселение – это изменение места жительства людей (добровольное или принудительное) или животных.

б) Часто употребляется слово депортация. Депортация – это (лат. deportatio «изгнание, высылка») или выдворение – принудительная высылка лица или целой категории лиц в другое государство или другую местность, обычно – под конвоем.

в) В последние годы относительно немцев употребляют слово репрессия. Репрессия – это карательная мера, наказание, обычно применяемые государством.

Ознакомившись со значением этих слов, приходим к выводу, что Поволжские немцы не были не репрессированы, потому что это была не карательная операция, они были переселены или депортированы.

Будьте бдительны, в словах может скрываться много неправды.

4. Организацию переселения осуществляли отряды НКВД. В эшелоны, в которых только что отвезли солдат на фронт, грузились немецкие семьи с небольшим количеством вещей и запасом пищи. Трое суток в дороге, с короткими остановками на перегонах, но на крупных станциях по вагонам разносили в ведрах суп или кашу. Слабые умирали, беременные рожали тут же в вагонах. От железнодорожной станции кому-то предстояло ехать еще на пароходах вверх и вниз по течению Оби. От пристани и станций по деревням немцев разводили спецпредставители от деревень, они доводил переселенцев до места. Расселяли в свободные дома, на квартиры к малосемейным, а кому-то пришлось копать землянки. Теплую одежду собирали у населения, как правило давно ношеную. Мужчины заподозренные в симпатии к гитлеровскому режиму были арестованы и отправлены в трудовую армию, тех кто принимал участие в организации заговора, осудили и расстреляли. Работающие немцы наравне с местным населением получали по 600 граммов хлеба в день, иждивенцы – 400 граммов в день. В тоже время, необходимо заметить, что некоторые эшелоны оставались, немцы выгружались и их отправляли на уборку урожая. По воспоминаниям очевидцев, так было в Кольвани. В сентябре привезли немцев, те отработали на уборке урожая (муж-

чины были на войне), а после председателя колхоза в малом Оёше выдал дополнительно каждой семье мешочки с крупами. Вот почему в некоторых воспоминаниях немцев иногда встречаются слова о том, что до места назначения добирались больше месяца.

5. В воспоминаниях труженников тыла, детей войны и Поволжских немцев часто упоминается такой факт, что весной ходили по полям и собирали прошлогоднюю мерзлую картошку, потом из них делали «драники» или «тошнотики». Да картошки на полях в зиму осталось много, потому что при посадке рассчитывали, что ее будут убирать вместе с мужчинами.

6. Но труднее всего переживались не материальные проблемы, а моральный климат. Но если трудолюбивые немцы скоро завоевали авторитет и доверие среди населения а это было не просто, соседи получали похоронки на мужей и сыновей, то у детей, особенно у мальчиков, жизнь складывалась сложнее.

7. Но мы задались еще одним вопросом: «А как там, в «цивилизованном» мире государств-участников войны? Происходило ли нечто подобное у них?»

И вот несколько фактов:

США. У американцев антияпонские настроения сложились задолго до 1941 года. Поэтому, после объявления Японией войны 7 декабря 1941 года, японцы, а в купе с ними и немцы, и итальянцы, были объявлены в Соединённых Штатах «враждебными иностранцами» по этническому принципу (имеющееся гражданство не учитывалось). Президент Франклин Рузвельт 19 февраля 1942 года подписал Чрезвычайный указ № 9066, который разрешал перемещать вышеуказанных граждан в «зоны выселения». Большинство, так называемых «спецлагерей» построили на землях индейских резерваций. Очевидно, что американцы не изобретали ничего нового, а шли давно и надежно протоптанной тропой искоренения индейцев континента. В итоге, насильственному переселению в «спецлагерь» подверглось более 120 тыс. человек. Их имущество было изъято. Интернированных размести-

ли в «бараках простой конструкции, покрытых толью, без канализации и кухонь». Лагерь окружили, по всем законам военного времени, колючей проволокой и вышками с вооружённой охраной. Выход за пределы лагеря был запрещен.

В 1944 году Верховный суд США подтвердил конституционность интернирования, аргументировав это тем, что ограничение гражданских прав расовой группы допустимо, если того «требует общественная необходимость».

Великобритания. К началу войны на туманном Альбионе находилось около 80 тысяч немцев и австрийцев. Подавляющее большинство их было арестовано и перемещено в концентрационные лагеря. Чуть позже тоже самое произошло с 19 000 итальянцев, проживавших в Британии. Большинство лагерей находилось на острове Мэн.

Германия. О жестких мерах принятых немецким правительством сразу же после прихода к власти нацистов в 1933 году, в первую очередь к инакомыслящим немцам, а потом евреям и прочим и прочим, рассказывать нет смысла, эта информация достаточно подробно отражена в различных документальных источниках.

8. Наш текст не имеет цели оправдать какую-либо власть. Наша цель донести объективную информацию о необходимости жёстких мер по отношению к Поволжским немцам, в соответствии с военной ситуацией. Но я не знаю, как бы поступили мы с вами, дорогой читатель, окажись мы перед угрозой полного истребления нашего народа. Нельзя судить о событиях в отрыве от реалий конкретного времени. Но вместе с тем, мы, конечно, знаем, каким страданиям во время войны подверглись все советские люди, как они выживали – работали, голодали, мерзли – страшно даже представить. Тем более – переселенцы, оказавшиеся в чужом краю без жилья и одежды. А выжили они благодаря помощи окружающих людей.

8. Скажу более того: переселение Поволжских немцев спасло их от гибели. Легко представить, что могло случиться, если бы в Поволжье появились отряды немецких партизан, то есть –

в глубоком тылу Красной армии, когда фашисты стояли уже под Москвой. А такая опасность, по донесениям спецслужб, имела основания. Тогда никто бы уже не церемонился, а прошлись бы ковровой бомбежкой по всем немецким селам, и никто бы уже не выжил в ту лютую зиму 1941–1942 годов, ни мужчины, ни женщины, ни дети.

9. И в заключении. В молодости я ухаживал за Ирмой Пауль, но она уже была влюблена в одноклассника Александр Карпова, за которого потом вышла замуж и живет с ним всю жизнь. Я наконец-то встретил свою Ирину, женился на ней и счастлив до сих пор.

10. С Владимиром Эйснером – известным кинорежиссером-документалистом, лауреатом Государственной премии, мы создали десяток популярных учебных фильмов по истории Родного края, он потомок поволжских немцев насильственно перемещенных на Алтай.

На многие книги по истории Сибири средства выделяет бизнесмен Гиберт Корней Корнеевич, он потомок поволжских немцев, которых насильственно переселили в Казахстан, а издавать эту книгу «Народная Летопись Новосибирской области» будет Александра Лихтенвальд – очаровательная директор типографии «Деал», потомок Поволжских немцев, которых когда-то насильственно переселили в Новосибирскую область. Они мои друзья и, надеюсь, таковыми будут всегда, и никакие враги, ни дальние, ни ближние не способны нас поссорить.

Вячеслав Макаров

Баганский район

Военная ложка Якова Сулемы

У моего мужа был дядька – Яков Сулема, 1910 или 1912 года рождения. Воевал в Великую Отечественную, вернулся живым, много лет работал в совхозе. Жили они тогда на ферме № 5 совхоза Дзержинский Карасукского района (недалеко от села Мироновка Баганского района). Деревни этой давно нет (попала под «укрупнение»), жители разъехались кто куда. Хотя ме-

60-е годы в деревне жили без роскоши, но спокойно, в достатке и счастливо

сто было красивое, поля плодородные.

На фронте Яков Сулема заслужил много военных наград, самые значимые он носил на пиджаке каждый день. Какие именно – муж не помнит, маленьким был. Запомнил ложку алюминиевую, стертую наполовину об солдатский котелок. Фронтная каша вкусная или паек скудный? Ложку фронтовик бережно хранил, показывал мальчишкам и односельчанам и утверждал, что она прошла с ним всю войну. Поел, облизал и спря-

тал за голенище сапога – самое надежное место, всегда под рукой.

Вот такая память о войне.

Елена Богаченко

Чистоозерный район

Байгу

Наша семья в военное время жила в деревне Каракуль, что в 8 километрах от села Новокрасное. Сейчас на карте Новосибирской области нет такого населенного пункта, а в сороковые годы там был колхоз с гордым названием «Передовик».

22 июня 1941 года, в конце дня, к нам приехал верховой. Собрали всех жителей деревни, и он сообщил, что началась война с Германией. Здесь же были вручены повестки тем, кто вернулся со службы в последние пять лет. В последующие дни призыв продолжался.

29 июня к нам зашёл председатель колхоза «Передовик» Джежора Леонтий Андреевич и принёс повестку отцу. Он в это время работал на уборке травы на Цыганском Берегу у деревни Пограничное. Мы вместе с мамой запрягли лошадь в двуколку, и я поехал за ним. Отец предложил мне остаться на недельку, чтобы сенокосилка

не простаивала. Я был горд тем, что мне доверили такую работу! Но через неделю, приехав из Пограничного домой, понял, насколько я ещё мал. Там мне помогали с лошадьми и косилкой взрослые, а дома такая работа одному была не по силам.

С началом войны на фронт и в трудовую армию забрали большинство мужчин. Вся основная работа в колхозе легла на плечи женщин и подростков. В нашей семье в это время остались мама, две бабушки и нас трое детей. Мне исполнилось одиннадцать лет, сестре Лиде – тринадцать, Аркадию – четыре года.

Маму назначили заведующей фермой. Всё хозяйство – коровы, телята, овцы, свиньи – было на её попечении. Проблем было много и на ферме она «пропадала» весь день. Бабушка Проська работала ночным сторожем у амбаров. Бабушка Елизавета хозяйничала дома, ещё до войны она потеряла зрение. Но по дому и по двору она перемещалась довольно свободно. Мы с Лидой помогали ей управляться по хозяйству и ухаживать за животными.

Весной 1942 года учебный год закончился на месяц раньше – 20 апреля. Началась посевная кампания, а рабочих рук не хватало. Нас, школьников, отправили работать. С этого времени я, как и остальные ученики, стал работать в колхозе. Особенно запомнилось начало.

Меня направили на боронование вспаханного поля. Я изучил устройство для боронования: с одной стороны к большому брусу прикреплены три бороны короткими цепочками, с другой стороны – упряжь с лошадьми. Я сажусь верхом на лошадь, в руках у меня кнут и вожжи. Но из-за своего маленького роста я не видел границы, где заборонил, а где ещё нет.

Приходилось постоянно проверять, там ли я бороны. Не всегда получалось, доехав до конца поля, поворачивать в обратном направлении. Как-то при очередном повороте вся сцепка опрокинулась вверх тормашками, прихлопнув вожжи, едва не прихлопнула меня. Всё это увидел бригадир и освободил меня от этой работы.

После этого я стал работать сакманщиком. Сакман – это табунок овец

с только что появившимися на свет ягнятами. Вот здесь я хлебнул лиха! Не умевшие пока ходить, малютки теряли своих матерей и отчаянно блеяли. Весь день они требовали постоянного внимания. Я не мог дожидаться, когда закончится это «наказание». Но пришел конец массовому окоту, и я стал подпаском чабана.

Чабаном был мой двоюродный дед – Жорник Василий Пантелеевич, старший брат моего дедушки Емельяна. Мне хорошо запомнился первый день у большой отары. Рано утром мы с мамой пришли к кошаре. Дедушка тоже подошел и привел оседланную лошадь – Пеганко. Оставив лошадь, открыл ворота загона и мне сказал: «Иди за последней овцой».

Вот вся отара, несколько сот овец, вышла из загона, и я, как велел мне дедушка, пошел за последней овцой. Так прошли около километра. Овцы паслись и двигались вперед. Мы с дедушкой сошлись и присели. Дедушка поздравил меня с началом работы, достал кисет и бумагу, завернул самокрутку себе. Потом подает мне кисет со словами: «Куры онук, в нашем дилице дуже помогае».

Я тихонько покуривал, но чтобы в присутствии взрослых, да еще при дедушке, заробел. С удовольствием занимался основным чабанским делом: нужно было накормить и напоить овец, вовремя заметить и отогнать волка. Мы много разговаривали, я пересказывал, как мог то, что прочитал, а дедушка рассказывал, как они жили в Донской области и как приехали в Сибирь.

В феврале 1943 году мы получили извещение о том, что наш отец героически погиб на фронте и похоронен в неизвестной нам Татьяновке Славянского района Сталинской области. Шестой класс мне не суждено было закончить, учебу продолжила только Лида, а я с конца марта стал работать в колхозе конюхом постоянно.

Моим напарником был Иван Дейбус, немец с Поволжья, депортированный к нам в село в 1941 году. Он открыл мне целый мир. Постоянно извиняясь, что «плёхо говорить», рассказывал о жизни в Поволжье, как немцы оказались в Саратовской области, о Прибал-

тике, где он жил какое-то время. Я научился у него, как нужно относиться к лошадям, как за ними ухаживать. Мне и сейчас часто снится это время. Вижу всё в цвете, как наяву. Один сон снится чаще других, я ему даже название дал – Байгу.

...Я в доме на Каракуле. Ещё темно. Тихо встал. На улице возле бочки умылся. Оделся. В доме нашёл завтрак и, не садясь, поел. Что-то положил с собой и почти бегом на конюшню. Нашёл свою верховую лошадь. Мой Рыжко – высокий, тонконогий, с длинным туловищем. Ездить на нём одно удовольствие! Котомку положил в торок. Проверил ружьё: в степи много волков. Сел на лошадь, посвистев несколько раз, поехал.

На спуске с гривы оглянулся, весь табун идёт за мною, а в конце едет Иван Дейбус. Еду шагом, лошадь на ходу пасётся, а я смотрю и слушаю, как просыпается степь. Вижу разноцветные травинки и норки в земле, бегающих сусликов. Поют жаворонки, летают коршуны, слышится крик чибиса и назойливость куличка.

Александр Владимирович со своими внуками

Направляюсь к пойме между озёрами Мелкое Таратаново и оконечностью пятой гривы. Весной там стоит вода, а на лето остаются небольшие озёрки с чистой водой – чистины, и трава вырастает очень высокая. Лошади там любят пастись. Здесь их меньше беспокоят комары и паут.

Доехав до места, я остановился и стал смотреть на проходящих мимо меня лошадей. Почти всех их я хорошо знаю, многие побывали под моим седлом. Все здоровы и веселы, идут, пома-

живая головами и хвостами. Некоторые заигрывают со мною, трогают губами мои руки. Подъехал Иван. Мы прилегли у дымокура на лист войлока и договорились, что через пару часов совершим пробег. Пробеги мы совершаем ежедневно по разным маршрутам рысью и галопом. Это задание дал военкомат для физической подготовки лошадей, которых отправляли на фронт.

И вот всё готово к пробегу. Лошади оседланы, торока завязаны, дымокур затоптан. Табун уже не пасется. Я сажусь верхом на Рыжко, проезжая шагом мимо табуна, повторяю несколько раз: «Байгу, байгу!» Это казахское слово означает «бегать наперегонки». Лошади его знают. Крайние поворачиваются и идут за мной.

Когда весь табун перешёл пойму и вышел на сухое место, я перехожу на рысь, сначала мелкую, но постепенно наращиваю скорость. Огибаем озеро и переходим на галоп. Это нужно видеть! Земля дрожит!!! Табун летит без кнутов и понуканий! Когда проезжаем мимо села, люди выбегают на огороды, смотрят с крыш сараев. Нет ни одного равнодушного человека – все любят лошадей!

Наш путь лежит к аулу Жанабет. Впереди и справа искрится на солнце озерная система «Штаны», в которую входят четыре озера. Высокие густые камыши и небольшие «окна» чистин хорошо видны с курганов и пригорков. Повернув на восток, перевожу постепенно табун на шаг. Лошади отдыхают. Иван рядом со мной, устал, но рад, что всё так хорошо прошло. А я пою близкие сердцу украинские песни!

Алина Шаргон

Убинский район

Чем ты сегодня помог фронту?

Встречаться с ветеранами, пережившими войну, всегда очень интересно, и тем важнее для нас не просто послушать их рассказы, а записать их, как важные свидетельства людей, живших в военное время.

Моя собеседница – ветеран труда, труженица тыла, а сейчас и ветеран Великой Отечественной войны Анна

Даниловна Болдарева. Сейчас Anne Даниловне уже 88 лет, но она очень хорошо помнит военное время. Со слезами на глазах вспоминает эта милая женщина военные годы, в начале войны тогда ей было всего 14 лет. Её семья состояла из одних женщин: ещё перед войной в 1938 году умер отец, мать уже пенсионерка, и были две сестры, младшая и старшая. В село прискакал нарочный с вестью о начале войны, ведь телефона в селе ещё не было. Тут же наскоро забрали мужчин: ушёл воевать двоюродный брат и муж старшей сестры.

Дома быстро опустели, в деревне остались женщины, дети, старики и молодые парни до 18 лет, но и те с приходом их возраста тоже уходили на фронт. В начале войны Анна Даниловна училась в 6 классе. «Школы не закрыли, и мы продолжали учиться», – вспоминает моя собеседница. Но после школы сразу же домой помогать матери по хозяйству.

Школьные годы 1941 и 1942 тоже были не из лёгких, в классах было холодно (в те годы морозы стояли постоянно около 30 градусов), одежды хорошей не было. Мать связала чулки из овечьей шерсти, толстые, со временем они скатались и стали как валенки, только очень высокие. В школу в 7 класс приходилось ходить в другую деревню за несколько километров, и однажды зимой на дороге встретили стаю волков, со всех ног помчались назад в деревню.

Летом помогали колхозу на покосе, работали на собственных огородах: выращивали картофель, капусту, свёклу, часть выращенного урожая сдавали государству согласно нормативам, а если сверх нормы, то государство платило деньги. 1943 год – моей собеседнице уже 16 лет. После окончания семилетки идёт работать в колхоз. Приходилось очень тяжело, сил ещё не было, а работу приходилось выполнять тяжёлую, с которой не всегда мужчины справлялись. За трудодни платили мало, одевались в то, что было, в основном, что досталось от старшей сестры и матери. Получали небольшой продуктовой паёк.

Анна Даниловна говорит, что круглый год целыми днями проводила в колхозе: в поле, на току, на покосе –

не всегда ночевала дома, особенно летом. Весной и летом работали в поле, всем селом выезжали, строили «скоропелые» бараки (жерди втыкали в землю, на крышу кидали ветки, засыпали сеном или соломой и спали все вместе на земле). В деревню самовольно уходить было нельзя, за это наказывали. «Жили по солнцу: встало – мы встаём, завтрак только в 9 часов, а мы уже 4 часа отработали. Обед в три, а спать ложились затемно, молодые были, хотелось и повеселиться, и погулять. Обедали все с общего котла, готовила женщина, которая приезжала из деревни.

Но работали дружно, никогда не ссорились, заступались друг за друга, помогали». Весной обрабатывать землю было очень тяжело. Трактор пахал землю, а на быках боронили. Быка вести в поводу доверяли самому младшему, иногда этому мальчонке было около 10 лет, а работа нелегкая. За бороной следили две девушки. На лошадях работали уже парнишки по 15 лет. За выполненной работой всегда следили, приезжал «полномочный».

За работу начислялись трудодни. Летом покос, осенью уборка урожая. Каждый должен выполнить свою норму – 40 копен (40ц). Раз случилось так, что приказали ей работать за другую девушку, нужно было выполнить всю работу за упущенные трудодни. Позвали работать учётчицей, но и хозяйственные работы оставались за ней. Особенно тяжёлые и страшные, по словам Анны Даниловны, зимние месяцы. Необходимо было вывозить сено.

Вдвоём, а им по 16–17 лет, запрягали упрямых быков (справиться с ними было очень сложно) и отправлялись в мороз за сеном в поле. Стога заметённые, нужно сначала откидать снег, потом складывать на сани, да потом ещё довести, не рассыпать по дороге. Не вошёл весь стог – на следующий день его занесло – опять откапывай и сено всё собери до последнего клочка. Анна Даниловна удивляется, что и не болели вовсе. А для дома ещё и за дровами съездить в лес надо – напилить, летом раньше дрова никогда не заготовляли. «Беру топор, запрягаю колхозного быка, по договорённости, – и в лес», – так с лёгкостью говорит жен-

щина, а в ту пору ещё совсем девчонка. «Меня бы в лес – я бы не справилась», – думаю я.

Постепенно возвращались раненые односельчане, вот пришёл муж сестры, да вот только без руки. Вернувшиеся солдаты работали по мере возможности, но помощи ребятам было мало. За годы войны в село прибывали эвакуированные, в нашей семье жили курские. «Мы узнавали от них, как они жили, особенно тяжело было слушать ленинградцев», – со вздохом произнесла Анна Даниловна. «Ещё собирали посылки на фронт, шили кисеты, варежки вязали, – бабушка усмехнулась, – хлеб пекли, на фронт отправляли. Некоторые шубы, валенки».

Как-то среди нашего разговора Анна Даниловна вспомнила о том, как она вступила в комсомол в 1943 году. «Приехал уполномоченный, привёл плакаты «Чем ты сегодня помог фронту?» – я читаю и думаю, – ну чем я помогла сегодня фронту? – тон голоса возрос. – Ну, привезли сено, какая помощь фронту-то? Ну, сеяли мы, боронили, но фронт-то далеко, и мы ж ему не поможем..., – рассказ прервался на секунду, и продолжила она словно с сожалением. – Всё не доходило до нас, что жили и помогали».

И тут не вправе мы сказать, что она не права. Ведь без них, без поддержки детей не было бы Победы! Детства у детей военного времени не было. Очень хочется Анне Даниловне, чтобы сейчас на земле был мир и покой. Нам она пожелала счастья. За свой труд Анна Даниловна имеет несколько наград: медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», медаль «Ветеран труда», несколько юбилейных медалей. А недавно присвоено звание «Ветеран Отечественной войны». Глядя на эту женщину, не скажешь, что ей пришлось столько пережить. Только набегавшие время от времени слёзы говорили сами за себя...

Из рассказа я узнала лишь самую малость того, что она пережила, а мне было невыносимо больно и как-то особенно щемило сердце. Всю дорогу домой я повторяла: «Не приведи, Господи, пережить такое». Анна Даниловна живёт одной мыслью, чтобы

Жительница
с. Кожурла –
труженица тыла

её дети, внуки и правнуки были счастливы и жили в мирное время. А сколько таких же, как Анна Даниловна, малолетних детей, помогало фронту?! Чтобы ответить на свой вопрос, я посетила архивную службу Администрации Убинского района.

По архивным сведениям, во время войны обучалось по кожурлинскому сельсовету, в состав которого входило 4 колхоза и 7 школ, детей в возрасте от 8 до 14 лет – 385 человек (222 мальчика и 163 девочки). Дети подросткового возраста с 14 по 17 лет после семилетки шли работать в колхозы и совхозы. Согласно сводному отчёту председателя исполкома Убинского района по Кожурлинскому сельсовету с 16 по 17 лет (такого же возраста как наша героиня) числилось 293 подростка (124 мальчика и 169 девочек).

В самые трудные годы 1943–1944 г. на заседании 9 сессии районного совета депутатов трудящихся принято решение: «В связи с приближением весенних сельхозработ, обязать заведующего районо организовать во всех школах во внеурочное время кружки по изучению основ агротехнических сельхозмашин (плуг, сеялка, жатка, сенокосилка), для руководства кружками привлечь бригадиров, председателей колхозов и других специалистов. Обязать заведующего районо произвести выделение для каждой школы пришкольного участка, согласно установленной нормы. Обязать директора школы провести подготовительную работу к посеву школьных участков, сбору семян».

Также из доклада я узнала, что за летний период 1943 года учащимися и учителями района заработано 21134 трудодня и 14532 рубля. Собрано металлолома 16721 кг. Отмечено также на заседании на недостаточную работу по материальной обеспеченности учащихся – отсутствие одежды и обуви. Анна Даниловна вспоминала, что в 1943 году ученики школ все вышли

на сбор колосков, оставшихся после уборки снопов.

Такое решение принял председатель сельсовета А. И. Лютынский: «Возложить полную ответственность на председателей колхозов за полный сбор детей колхозников на сбор колосков под руководством учителей школы, сельисполкому воздействовать на родителей, задержавших своих детей». Да, тяжёлое было время. Все очень ждали Победы.

«Когда наступила Победа – не поверили, со смехом вспоминает дальше Анна Даниловна: «Весной сеяли под Труновским. Подходят к нам труновские жители и говорят: «Что это вы работаете? Праздник ведь, мы вот не работаем!» «Какой ещё праздник!» – удивились мы. «Как какой, война кончилась!» «Как это кончилась?». Вот бывает же так, ждали, ждали Победу, а пришла – и не поверили. Вот как бывает. Но и после войны легче не стало: вернувшиеся мало чем могли помочь».

Прошло много лет с первого дня Великой Отечественной войны, и его никто никогда не сможет забыть. Ведь именно благодаря памяти продолжают свято жить в сердце каждого человека горькие героические годы. «Ах, война, война! Болеть нам ею – не переболеть, вспоминать нам её – не перевспоминать», – сказал Виктор Астафьев. Действительно, это так. Память о войне не стирается, не тускнеет с годами. С каждым годом становится все меньше участников страшных событий, и наш долг – сохранить и донести до следующего поколения хотя бы то, что передали нам наши дедушки и бабушки, для которых военные годы были временем их детства.

Наталья Билалова

Новосибирск

Переселенцы

Сколько себя помню я все детстве отчаянно не хотел быть немцем. Особенно в младших классах. И когда мать говорила – ты немец, – я плакал, – почему я немец? Все русские, а я немец, не хочу быть немцем! Не буду!

Я родился через 10 лет после окончания войны, и все прекрасно помнили кто такие немцы. Они фашисты, они убивали мирных граждан, они напали на нашу Родину СССР. И если я немец, то я тоже фашист? Именно так меня и дразнили соседские мальчишки. И мне ничего оставалось, как только драться с ними. Это мы еще посмотрим кто фашист!

Жили мы в Алтайском крае в селе Тюменцево. Глухомань. Бездорожье. До Барнаула 180 километров, до Камня на Оби 65. Депортированных немцев расселяли по всей Сибири небольшими группами. Семьями. В основном по деревням, но были и те, кто оставался работать в городах. Рабочих рук не хватало, а тут с Поволжья без малого миллион людей привезли. Хоть и враги народа, думало начальство, пусть пока еще скрытые, но работать то они умеют. И работали с утра до ночи на заводах, в колхозах и совхозах. Деревенский труд был более привычен, потому как в основном все были крестьяне. Меня спрашивают – откуда депортировали немцев? Многие и не знают, что была целая республика немцев Поволжья, были немецкие колонисты в Крыму и на Кубани. Жили немцы там еще с времен Екатерины Великой. Деревни были ухоженные, зажиточные. Крестьяне вели натуральное хозяйство, общались на немецком языке. Русский знали немногие. Крепостного права в немецких поселениях не было. Как не было его и в Сибири, куда их потом сослали. Но в истории Российского государства русские немцы оставили заметный след. Кому интересно загляните в интернет. Начать можно с Екатерины Великой, которая была немкой, а можно и с Петровских времен.

Что испытал народ, который махом переселили в Сибирь, Казахстан и Киргизию, наверное, не передать никогда. Остались немногие воспоминания. Родители мои на эту тему мало говорили. Да и я, который не хотел быть немцем, не очень-то на этом настаивал. Это уже сильно повзрослев меня стали одолевать вопросы – кто я, русский или немец? Отец из Крыма, мать с Поволжья. По крови немец, в паспорте, пока была графа национальность, значился как

немец. Воспитывался в русской среде, на классической русской литературе, жил в деревне, и многое впитал из русского народного сознания. По-немецки не говорю, хотя родители говорили, языка не знаю. (Из моих сверстников немцев, языка не знает почти никто). В школе учил немецкий, в училище французский, в институте английский. Так что в голове полная каша, обрывки фраз и предложений. Так кто же я такой? Думаю, не один я мучился этими вопросами.

Спустя много времени, вдруг, проявился интерес к тому как мы оказались в Сибири, и я начал расспрашивать мать, как все было.

– Как было, как было. В газетах появился декрет, это где-то в конце августа 1941 года, мол, в республике немцев Поволжья обнаружены фашистские диверсанты. А властям об этом никто из населения республики не сообщил. В целях избежания напрасных жертв немецкое население временно переселяется в восточные районы. И в самом деле, может и правда какие диверсанты были... Зачитали декрет и дали несколько часов на сборы. Коров, лошадей, всю живность сдали в колхоз под расписку. (Их должны были вернуть по возвращении). С собой взяли все, только то, что можно унести. Погрузили в эшелон и повезли в Сибирь. Точно так же депортировали немцев из Крыма и Кубани. Вот приходит эшелон в какую-нибудь область. Там мобилизация. Рабочих рук не хватает. Местное население едет на фронт, немцы – в тыл. А урожай собирать надо. Нас выгружают и всех на уборку картофеля, или пшеницы, или свеклы. Потом дальше везут. Некоторые до трех раз собирали урожай в разных областях. Мне в ту пору 12 лет было. Привезли в Новосибирск, погрузили на баржи и повезли по Оби. Куда? Никто не знает. А слухи так и роятся. Один хуже другого. Стали поговаривать, что нас всех утопят хотят, вместе с баржей. Но обошлось. Привезли в Барнаул, а там уже от разных деревень представители нас поджидают. На подводах. Русский язык почти никто не знает, а те, кто встречает, немецкий не знает. Путаница полнейшая. С нами дядя Христиан

Родители:
Эйснер Эвальд
Фридрихович
Эйснер Ирма
Христиановна

был, он в Красной армии служил и по-русски разговаривал, так, что все образовалось. Несколько дней ехали до Тюменцевского района. Приезжаем, и вся деревня на площадь сбежалась, думали, привезли фашистов. Все ходят, нас разглядывают, будто мы с рогами. Немцы, словом. Сейчас смешно, но так и было. Дали нам старую заброшенную избу и мы зажили. Всех на работу определили, кого на ферму, кого на мехток, я в школу пошла. Правда ничего не понимала о чем говорят. И только по пению у меня была пятерка. Мы же советские дети были и песни одни были, что на Волге, что в Сибири. Языки только разные. Мне всегда пятерку ставили. Походила я в школу, походила, все равно ничего не понимаю, и пошла работать на ферму. Три класса так и не закончила. Тут уже зима подоспела, есть нечего. Все что было (одежду) продали, а все равно голодно. Я с фермы таскала ведрами молоко на приемный пункт, и ходила мимо нашего дома, а там бабушка с дедушкой голодные сидят, ну я им и отлила из ведра молока пару литров. А что дальше? Надо же ведро чем то наполнить. Я и набросала туда снегу, мол никто и не заметит. Заметили. Так ругали, стыдили, что хоть сквозь землю проваливайся. Плакала сильно. Но самое голодное время случилось потом. По весне все стали сажать картошку, и нам дали на посадку, но прошел слух, что нас через два месяца будут возвращать на Волгу. Свои же немцы нашептывали. Зачем сажать? Скоро уедем. Тайный приказ есть. Мы и не стали сажать картошку. Проходит два месяца, четыре, уже но-

вая зима, а про возвращение – молчок. Вот здесь мы и закуковали. Все продано, картошки нет, жили только на то, что в колхозе получали, а там крохи. В это время приходит телефонограмма из Барнаула – нужны рабочие на мясокомбинат. Рабочие и в колхозе нужны, вот и решили отправить меня. Я уже по-русски складно говорила. Запрягли лошадь и меня в Барнаул отвезли. Конюх сразу же обратно поехал, а я пошла на мясокомбинат. Там военная охрана, но я как-то прошла, никто не задержал. Еле нашла мастера, говорю, – меня направили к вам работать. Он как поглядел справку, а там немецкая фамилия, сразу в стойку встал, – как прошла? Объект режимный. Тут охрана появилась, арестовали, как водится, и стали допытываться как я хотела отправить мясо, и что здесь делаю. Одним словом помуржили меня сутки и отпустили домой. А как ехать домой? – в карманах ни копейки. Пошла пешком. Мороз, идти почти 180 км, есть хочется. Гляжу, кто-то на лошади догоняет, обрадовалась, – дяденька, подвези! А он вместо этого бичом хлестанул и весело дальше поскакал. Иду, плачу, гляжу – бич, которым меня хлестали на дороге валяется. Потерял мужик бич. Думаю – так тебе и надо. Прихожу в Шелаболиху, ночь, темно, постучалась – пустите переночевать. Пустили. Так я с ними этим бичиком расплатилась. Через трое суток домой пришла. Вот так и жили. Потом на тракториста выучилась, на бригаде работала. Пахала, сеяла, на покосе работала.

У каждой семьи свои истории и свои трагедии. Осенью 1941 года всех депортированных мужчин от 16 лет и старше забрали в Трудармию. Кого на лесоповал, кого на шахты, добывать уголек. Отец мой попал на шахты в Кизилковский угольный бассейн, на Урале. Что такое Трудармия? По сути это тот же лагерь с бараками, колочкой, охраной. Отец несколько раз говорил, – лучше бы меня на фронт взяли, там хоть кормят.

Здесь же кормили строго по нормативу. Те, кто перевыполнял норму получал дополнительный паек, те, кто норму не выполнял после ужина шли ее выполнять. Очень много людей

умерло от болезней, недоедания. Выдерживали самые сильные. От эшелона, в котором приехал отец к концу войны осталось несколько сот человек. Вместе с ними работали уголовники, пленные бандеровцы и пленные немцы. Так вот эти пленные, видя, что трудармейцы тоже немцы, но русские, открыто их презирали и называли русскими свиньями.

А в газетах, по радио шла пропаганда, чтобы народ убивал немцев. Приведу выдержку из стихотворения Константина Симонова,

Так убей же немца, чтоб он,
А не ты на земле лежал,
Не в твоём доме чтобы стон,
А в его по мертвым стоял.
Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,

Столько раз его и убей!

Тут все понятно – война. Может кто-то и делал различие между немцами и фашистами, но многие не делали. Газеты, радио, кино, поднимали волну ненависти к захватчикам. Естественно, на бытовом уровне это трансформировалось и принимало уродливые формы. Каждый в силу образованности и интеллекта понимал пропаганду по-разному.

Одним словом между молотом и наковальней.

Уже через много лет я спросил у отца, – а не хотелось бы уехать в Германию? Последовал резкий ответ, – нет! Мы для них русские свиньи.

Себе я этот вопрос не задавал. Допустим, уеду я, и что дальше? Без знания языка работу по специальности я не найду. Работать дворником, получать пособие? Нет, увольте. Но многие пацаны из нашей деревни, дразнившие меня фашистом, уехали на постоянное жительство в Германию. Женились на немках, подали заявление на выезд и адью. Уехали и многие немцы, но в Германии они так и не обрели свою родину. Для коренных жителей Германии приехавшие, наверное, это грубо сказано, но немцы второго сорта. На Волгу же, в Саратовскую область, где была республика немцев не поехал никто.

– В наших домах давно живут другие люди, – говорил отец, мы уж, здесь умирать будем.

Сегодня в Тюменцево не поймешь где русские, где немцы. Все перемешалось, только по фамилиям и можно определить. Но это совершенно естественный процесс. Но вопросы остаются. Правильно ли было сделано, когда выселили немцев, крымских татар, калмыков, чеченцев. Не секрет, что некоторые из крымских татар, калмыков, чеченцев открыто переходили на сторону гитлеровцев. Должен ли был страдать от этого весь народ? Мнения различные, появилось на эту тему и много спекуляций. Но для меня совершенно ясно, что подходить к этому вопросу с мерками сегодняшнего дня нельзя. Вырывать из исторического контекста те или иные действия тоже нельзя. Да, Сталин дал указание переселить целые народы в Сибирь и Казахстан. Но точно так же действовали англичане. Во время войны они интернировали немецкую диаспору, проживавшую в Англии. Французы в 1940 году сажали в лагеря немцев, которые бежали от гитлеровского режима. Почитайте Ремарка. Американцы создали на юге страны концентрационные лагеря для японцев, проживавших в Америке. Несколько сот тысяч человек сидело и работало в этих лагерях. Но, опустим историю. Возьмем нашу страну, современное время. На Востоке страны в Хабаровском крае, Забайкалье, Иркутской области, Красноярском крае, да по всем областям до Урала живут уже сотни тысяч натурализованных, или работающих по договорам китайцев. В случае конфликта с Китаем это население будет или не будет пятой колонной? Не все, но некоторые. Как их выявить и как поступить?

Возвратимся к нашей теме. Война ушла в прошлое, страсти улеглись, жизнь продолжается. Но прошлое живет в воспоминаниях, в коллективном бессознательном, в подкорке сознания. Игнорировать это не получится. А историю надо знать хотя бы для того, чтобы правильно ориентироваться в дне сегодняшнем. Потому, что жизнь реальная, не придуманная бывает покруче любого детектива.

Владимир Эйснер

Сузунский район

Авиа

Моя прабабушка – Зырянова Елена Васильевна родилась в 1926 году. К началу войны ей было 15 лет. Детство и так нельзя было назвать беззаботным, но когда началась война, стало совсем тяжело.

С 1941 года прабабушка работала в лесу. С 10 ноября отправляли бригады в сузунский бор, возвращались они только 11 апреля. Так продолжалось 5 лет. Работали без выходных. Заготавливали лес за Новостройкой. Там росли сосны, которые называли АВИА. Их использовали для строительства самолётов. Мастера говорили, что лес без сучков идёт на АВИА. Девчонки распиливали сосны по 5, 6 метров, обрубали ветки. Работали от темна до темна.

С питанием было очень плохо – в сутки выдавали 500 грамм ржаного хлеба. Вот и делили его на завтрак, обед и ужин. В столовой был суп. Если в чашке будет одна, две картошки – великая радость! Но чаще всего обедали прямо в деляне.

Ночевали в локотках (так называли бараки). В бараках были нары в три этажа, на них и спали. Условия жизни для молоденьких девчонок были жуткие. Бани не было, помыться было негде, не было мыла, чтобы хоть немного умыться. Негде было просушить постоянно намокающие вещи. Вши заедали всех. Подойдут девчонки к костру, соскребут вшей в костёр прямо руками, они так и трещат в костре, сколько их было много.

Однажды в 1941 году несколько человек ушли самовольно домой. Пимы, в которых они работали, прохудились. Кудель, которой прабабушка заматывала пимы, не спасала. Они решили пойти домой, чтобы поменять обувь. Когда пришли домой солнце уже село. В это время с лесной деляны уже сообщили председателю колхоза, что сбежали «дезертиры».

Председатель вызвал девчонок и сказал: «Возвращайтесь, иначе отправят на фронт или на шахты». Взяли дома заплатки, чтобы починить пимы, снова пошли в лес. Так всю войну моя прабабушка Елена Васильевна проработала в сузунском бору на заготовке сосен АВИА.

Елена Васильевна
в кругу своей семьи
на открытии памятного
камня «Основателям
от потомков».
22 августа 2016 года

После война работала на тракторе прицепщиком, учётчицей, дояркой, санитаркой в больнице, прачкой, в проходной Болтовского маслосырзавода.

Сейчас моей прабабушке Елене Васильевне 90 лет, она живёт рядом с нами, с моей бабушкой. Я желаю ей крепкого здоровья и всего самого доброго!

Семён Михайлов

Болотнинский район

Чапай вернулся!

Иван Кириллович Кузьмин родился 6 мая 1904 года в деревне Кругликово. Семья была многодетная, жили бедно. В 16 лет Иван женился на любимой пятнадцатилетней девушке Дуняше. Жили они дружно, работали не покладая рук.

В 1924 году Иван Кузьмин и ещё несколько семей решили уехать в соседнюю деревню – Угловую. Там разводили лошадей, держали коров, свиней, овец, кур, сеяли хлеб. При организации колхоза жители деревни выбрали Ивана председателем. Он был отличным организатором, весёлым, добрым, находчивым. Люди шли к нему кто за помощью, кто за советом. Председатель помогал колхозникам, чем только мог: когда делом, своим примером, а когда и просто словом поддержки. За это его односельчане уважали и любили.

В 30-х годах семья Кузьминых вернулась назад в Кругликово. Это было время коллективизации. Иван Кириллович и здесь был выбран председателем колхоза. Деревня большая, рабочих рук много, дела шли успешно. За лихой вид наездника председателя звали Чапай.

Началась война. Иван Кириллович имел бронь (руководство района оставило его как лучшего председателя руководить колхозом). Он неоднократно просился на фронт, но безуспешно. Тогда в 1942 году Иван Кириллович решил уйти на фронт добровольцем, рассуждая, что колхозом может руководить любой человек. Он передал председательство колхозному кузнецу, взял своего любимого коня Грома и отправился воевать. Его верный конь, к сожалению, был убит в первом же бою.

Воевал Кузьмин на 2-м Белорусском фронте пулемётчиком. Много медалей заслужил славный боец своими геройскими поступками. Дорогами войны прошёл он от Курска до Берлина, был неоднократно ранен, контужен, но всё равно возвращался в строй, в свою часть. В последние дни войны, 6 мая (в день своего рождения) в Берлине он попал под бомбёжку. Его завалило кирпичами и черепицей – из-под завала торчали только сапоги. Командир пулемётного расчёта увидел, что под грудой кирпича лежит его боец и шевелит ногами, услышал стон. Ивана Кирилловича откопали и отправили в госпиталь, где он пробыл целых три месяца.

Домой председатель вернулся уже осенью 1945 года. Шла уборочная, колхозники жали хлеб. По всем пределам хозяйства молнией пролетела радостная новость: Чапай вернулся! Не отдохнув и пары дней, он опять взвалил на свои плечи нелёгкую долю председателя: возрождать былую славу колхоза в такое трудное послевоенное время. Все жители села были рады возвращению своего председателя, а особенно старый колхозный кузнец. Он сдал ему ключи от конторы, колхозную печать и отправился в кузницу.

Около тридцати лет Иван Кириллович успешно руководил колхозом. Было большое дойное стадо (два молоковоза ежедневно в летний период увозили молоко на Болотнинский молзавод), на полях сеяли много пшеницы, ржи, овса, льна. Дважды колхоз носил звание миллионера.

Уже будучи в годах, по состоянию здоровья И. К. Кузьмин оставил своё любимое дело и ушёл на заслуженный отдых, но продолжал работать ещё не один год бригадиром.

Семья у него большая: 4 дочери, 1 сын, 13 внуков, 14 правнуков.

Память об Иване Кирилловиче сохранилась в сердцах не только его родных и близких, но и односельчан.

Кузьмин Иван Кириллович

Людмила Панова

Куйбышевский район

Под счастливой звездой

Николай Акимович Моисеенко хорошо известен многим жителям Куйбышева и Куйбышевского района.

Родился он 1 марта 1919 года в с. Н. Жатково Михайловского района Приморского края. В 1936 году семья Моисеенко переехала в Новосибирск. После окончания школы Николай решил идти работать, чтобы помочь семье. Но судьба распорядилась иначе: в этот год проходил набор в фельдшерскую школу, куда он без труда и поступил. Учеба давалась ему легко и после отличного окончания фельдшерской школы он без экзаменов поступил в медицинский институт.

В 1941 году он окончил второй курс института. Из дневника Николая Акимовича: «30 июня сдаю последний экзамен... 9 июля пришла повестка, а 11-го в 7.00 уже в эшелоне, который идет на фронт. Каждый из нас смотрел из дверей вагонов на родной город с болью в сердце. Кто знает, может быть эти белые здания, дымящие трубы заводов, родные места, покрытые зеленью, и эта красавица Обь последний раз перед нашими глазами. Ехали, молча, каждый со своими думами...Поезд идет на Москву. Не доезжая до Москвы, свернули в сторону и держим курс на Ярославль. 16 июля прибыли в Рыбинск. Зачислен начальником аптеки в 908-й стрелковый полк».

И начались тяжелые бои, когда постоянно поступали раненые, и не было даже возможности передохнуть. «Поступают непрерывно раненые. Несмотря на то, что официально я считаюсь начальником аптеки, фактически вся тяжесть легла на меня... Помещений для раненых нет, а потому заполнили почти весь лес около ПМП (Первая Медицинская Помощь). Спустились сумерки, бой немного утих, раненых на ПМП около 400 человек. Через некоторое время наступила такая темнота, что в двух шагах нельзя видеть друг друга. И вот в этой темноте раздаются со всех сторон стоны, кажется, что это не беспомощные воины издают эти стоны, а какие-то кошмарные чудовища. Жутко...»

Николай Акимович писал свой дневник с 1941 по 1943 годы. На пожелтевших от времени страницах можно прочесть все: и о боях, об отступлении, как выходили из окружения, о раненых, о тех, кто был рядом. Видимо родился он под счастливой звездой – смерть обходила стороной командира санитарного взвода. И это подтверждают дневниковые записи: «Декабрь 1941 г. ...Пошли в баню. Помылись, и вдруг – немецкий самолет. Недалеко был сарай. Я бросился к этому сараю, но, не добрав метров 50, вижу, как прямо на меня пикирует большой немецкий бомбардировщик. В следующий момент я видел, как от него оторвалась большая бомб. Я метнулся в сторону, упал и ползком забрался в баню. Раздался потрясающий грохот, и я оказался в развалинах среди бревен. Бомба попала как раз в этот сарай, куда я вначале направился, а баня развалилась от воздушной волны. Я благополучно выбрался, так как меня не придавило, а просто сверху забросало. Сарай весь разметало по щепкам метров на 100 в радиусе...»

И такое было не раз, как будто кто-то невидимый уберегал его от смерти. А Николай Акимович всегда считал, что он остался жив благодаря ангелу-хранителю.

Из письма брату Алеше: «9 апреля 1942 г. ...Вот уже скоро 10 месяцев войны, а сколько пришлось увидеть и пережить. Это может понять только тот, кто здесь побывает. Вот сегодня я развернул свой медицинский пункт в доме, а через некоторое время с грохотом стали рваться снаряды и мины. В коридоре и то полно порохового дыма, а снег кругом покрыт черной копотью. И вот мы привыкли работать в таких условиях и часто даже не обращаем внимание на смерть, которая пляшет вокруг тебя и никак не может наложить свою костлявую лапу...»

Вокруг смерть, горе, но как же Николай Акимович умел радоваться и первым зеленым листочкам, и обыкновенным цветам. Читаешь его дневник или письма родным, и удивляешься, что на войне люди не разучились радоваться любой мелочи, а значит, не очерствели их души, потому что верили, что все

будет хорошо, что прогонят фашистов и вернутся домой.

В 1941–1942 гг. Николай Акимович был фельдшером, командиром санитарного взвода, на Курской дуге – в полковом медицинском пункте. К осени 1944 г. начсандив – главный медицинский начальник, отвечающий за всю медицину во всех 4 полках дивизии, забрал его к себе оперативным работником. Но во время боевых операций обязательно находился в одном из полков.

В своих видео-воспоминаниях, записанных его сыном, Николай Акимович всегда повторяет, что он такой же, как все, никакой он не герой. Но сколько человек он спас от смерти, сколько молодых ребят умерло у него на руках – такое забыть невозможно.

Его непобедимая «болотная» 246-я дивизия воевала на шести фронтах: Западный фронт (на дальних подступах к Москве), Калининский фронт (на Ржевском направлении), Центральный фронт (Курская дуга). После разгрома немцев – 2-й Белорусский (Гомельская область). В начале 1944 г. – 1-й Украинский (Львовско-Сандомирская операция). Затем участие в освобождении Польши, Чехословакии. Закончил он свой боевой путь в Праге в составе 4-го Украинского фронта в 60-й армии, в которую входила дивизия.

Здесь же на фронте в госпитале, куда он попал по причине тяжелого ранения, познакомился со своей первой женой Надеждой Петровной. Демобилизовался Николай Акимович в 1946 г. Был награжден медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией», орденом Красной Звезды, орденом Отчужденной войны II степени.

По возвращению домой, Николай Акимович был принят на третий курс мединститута. После второго семестра его внесли в списки Сталинских стипендиатов. Сталинская стипендия была 500 рублей, да плюс обычная – 200, сумма получалась приличная по тем временам. В конце 5-го курса Николаю Акимовичу было предложено остаться на кафедре, по мнению ректора, у него были все данные для занятия наукой. Но к окончанию института он уже имел маленького сына,

жить же в Новосибирске было негде.

В облздраве решили доверить ему должность главного врача Куйбышевской больницы. И начались рабочие будни. Пришлось на общественных началах работать и патологоанатомом, и судебным медицинским экспертом. Никакого транспорта не было: в район добирались на бричке с лошастью, а по городу – пешком. В начале пятидесятых годов появилась первая санитарная машина. Но трудности не пугали Николая Акимовича, ведь он приехал сюда не на малый срок, а значит надо развивать здравоохранение: строить больницу, расширять штат медицинских сотрудников.

Постепенно мечты стали претворяться в жизнь: открылась детская больница, расширялась коечная сеть в больнице. Развитию здравоохранения хорошо помогали куйбышевские предприятия: построили терапевтический корпус, роддом, боксы хозчасти, морг. Помогали финансированием при строительстве больницы на 240 коек.

В начале 50-х годов XX века к Куйбышевской больнице прикрепили 10 близлежащих районов. В связи с этим было решено организовать диспетчерский пункт санитарной авиации с аэропортом в г. Барабинске. Облздрав пошел навстречу куйбышевскому здравоохранению и отправлял врачей в необходимом количестве. Но, если врачами штат укомплектовывался, то со средним медицинским персоналом было очень трудно. И тогда Николай Акимович начал ходатайствовать через облисполком об открытии в Куйбышеве медицинского учебного заведения.

По распоряжению Москвы и была открыта фельдшерско-акушерская школа, впоследствии ставшая медицинским училищем. Первым ее директором стал Николай Акимович. А так как он всегда считался человеком не только неординарным, непредсказуемым, но и прямолинейным, поэтому и не мог допустить, что как главврач

Николай Акимович Моисеенко, 1940 г.

Главный врач
Николай Акимович
Моисеенко в рабочем
кабинете

и директор школы получает две зарплаты. Своим приказом он убрал полставки штатной единицы директора фельдшерско-акушерской школы, продолжая выполнять работу директора в полном объеме, чем привел в удивление руководство областного управления здравоохранения. Но Николай Акимович не мог себе позволить, запрещая врачам набирать более полутора ставок, совмещать две ставки.

За 37-летнюю деятельность главврачом Николай Акимович добился очень многого в развитии Куйбышевского здравоохранения: больничный комплекс, штат медицинских работников,

открытие медицинского училища (где он был первым директором), женская консультация, стоматологическая поликлиника, авиастанция. По его инициативе были созданы 14 здравпунктов на промышленных предприятиях, в районе было открыто 5 участковых больниц, 40 фельдшерско-акушерских пунктов. За эти годы был подобран высококвалифицированный коллектив.

После ухода на пенсию он продолжил преподавать в медицинском училище. На своих занятиях он связывал учебный материал с жизнью, с патриотическим воспитанием. А еще он никогда не отказывался от встреч с учащимися, на которых рассказывал о фронтовой дружбе, о людях, которые остались лежать в братских могилах. А какой он замечательный рассказчик! Его всегда ребята слушали с большим интересом, потому что он разговаривал с ними на равных, без нравоучений. И никогда не боялся отвечать на вопросы.

За развитие Куйбышевского здравоохранения в 1968 году Николай Акимович Моисеенко награжден орденом Ленина, он заслуженный врач Российской Федерации. А в 2002 году ему было присвоено звание Почетный гражданин города Куйбышева.

Кристина Яньшина

Вручение памятной
ленты Николаю
Акимовичу Моисеенко,
2002 г.

Тогучинский район

Катюша, война!

Тяжёлые испытания обрушились на детей военной поры. Очень рано они стали взрослыми. Юные герои совершали подвиги наравне со своими отцами и старшими братьями на фронтах. В тылу подростки шли в опустевшие заводские цехи, убирали урожай на полях. В своих детских воспоминаниях о военной поре поделилась жительница села Борцово Горбунова (Кочкина) Галина Петровна.

«В июне 1941 г. мне было пять лет (родилась в 1936 г.). Наша семья жила в селе Шумилово. О начале войны я услышала от отца. Ему, как председателю колхоза, позвонили из военкомата. Он пришёл домой и сказал маме: «Ка-

туша, война». Наступило очень тяжёлое время. Подростки вместо ушедших на фронт мужчин, выполняли всю работу: пахали на коровах поля, лошадей забрали для нужд фронта, пасли скот, летом пололи поля; осенью серпами жали колосья, подбирали колоски. На зиму заготовливали дрова, возили на собаках из леса хворост.

В Шумилово был открыт Промкомбинат. Жители сдавали овечью шерсть, из неё катали валенки, вязали рукавицы и носки. Женщины перешивали старые вещи и всё отправляли на фронт. Промкомбинату устанавливали норму, и попробуй не выполни. Но пугать никого не нужно было. Каждый чем мог, тем и помогал фронту.

Самое страшное в годы войны это похоронки и голод. В те дни, когда в чей-то дом почтальон приносил похоронку, в селе стоял крик и плач. Плакали от горя, которого хватало в каждой семье.

Несмотря на то, что в войну каждая семья имела хозяйство, всё равно было голодно. Нужно было сдать государству налог – 360 литров молока в год, телёнка тоже забирали.

Мы, дети, постоянно хотели есть. Ели всё, что было съедобно. Из корней саранки варили кашу, ели стебли медуницы и кислицы полевой. Суп варили из пучки. Утром вставали рано, брали мешок и шли в лес за травой и кореньями. На зиму запасали грибы и ягоды. Иногда бабушка стряпала булочки. Тесто заводила из тёртой картошки, крахмала и сушёного молотого клевера. Ещё дети собирали яйца птиц. Девчонки и мальчишки наперегонки взбирались на деревья и забирали из гнёзд яйца. Ещё летом ели рыбу, которую ловили рубашками. Во время работы в поле варили «затируху» (в кипящую воду сыпали муку). Это блюдо казалось нам очень вкусным.

В селе была школа. Учила детей Громова Анна Павловна. Дети ходили в школу редко, так как не было одежды. Иногда из семьи дети в школу ходили по очереди – обувь была одна на всех. Писали на старых газетах и грифельных чёрных досках. Моющих средств в войну не было. Бельё стирали щёлоком. В кипящую воду бросали про-

сеянную древесную золу. Котёл снимали с огня. Отстоявшейся водой стирали бельё.

В 1943 году на фронт ушёл мой старший брат Николай. Было это в январе, тогда стояли сильные морозы. На прощание он сказал мне: «Расти, будь здоровой, ты самая любимая моя цыганочка». Так называл он меня за карие глаза и тёмные волосы. Ему было 18 лет. Николая вначале отправили в полковую школу. Как то мы с бабушкой отправились в город, чтобы проводить его на фронт, но опоздали.

Николай попал в разведку. С фронта писал письма. Каждое письмо читали вслух и очень часто перечитывали. Он писал: «жив, здоров... бьём немцев, ... буду жив, вернусь». Под Курском пошёл в разведку и пропал. Сначала пришло извещение о том, что Николай пропал без вести, а потом пришло письмо с фронта. После получения извещения сильно плакали, но надеялись и ждали. Бабушка до самой смерти ждала старшего внука.

Я бережно храню письма брата. Иногда достаю их и пытаюсь прочесть. От времени текст выгорел, но я помню их содержание наизусть, ведь в детстве их много раз перечитывали вслух мама и младший брат. Тяжёлым было наше детство. Но мы не капризничали, понимали как тяжело взрослым и старались им во всём помогать.

Выросли дети, внуки. Я обязательно передам им письма брата, чтобы они гордились тем, что наша семья защищала Родину».

Николай с Настей Кочкиной. 17 лет. Ноябрь 1942 г.

Галине 17 лет. Она уже ровесница старшего брата. Лето 1953 г.

Татьяна Дорн

Тогучинский район

Нет в России семьи такой...

Моим самым любимым фильмом о войне – «Офицеръ». В песне из этого фильма звучат такие строки: «Нет в России семьи такой, где б ни памятен был свой герой...» Такой герой есть и в нашей семье. Это мой дедушка, Исаев Василий Акимович, гвардии капитан, воевавший на Халхин-Голе в 1939 году, и прошедший всю Великую Отечественную войну, с 1941 по 1945 годы. Вся его жизнь была связана с Новосибирской областью, и благодаря ему, я с гордостью говорю о себе: «Я – сибирячка!»

Родился Василий Акимович в 1909 году в деревне Бродок Ульяновского района Калужской области в семье крестьянина-бедняка. Его отец, Аким Иванович, имел лошадь и корову, а земли – всего один гектар. В семье было несколько детей: сыновья Иван или Григорий (имя точно не известно, погиб во время конфликта на КВЖД), Василий, дочь Аграфена. Семья жила в Калужской области до 1921 года.

После Гражданской войны в связи с сильным голодом семья переехала в Сибирь и поселилась в поселке Калужском Комарьевского сельсовета Доволенского района Новосибирской об-

ласти. До 1927 года дедушка работал по найму у кулаков, затем два года работал в хозяйстве своего отца. Когда вся семья вступила в коммуну «Прогресс», ему доверили обязанности предревкомиссии коммуны. Кроме этого, он стал еще и учителем в местной школе. Самое интересное, что имея образование всего 4 класса, он обучал не только детей, но и взрослых!

В семье хранятся его письма, черновики статей, и мне удивительно, как грамотно и красиво он писал пером.

Работал дедушка на совесть, и в 1930 году райком ВЛКСМ отозвал его из коммуны и назначил работать

секретарем райсовета. Но уже в 1931 году Василий Акимович был призван в ряды РККА. Служил отлично, и через год был принят в ряды ВКП (б) партийной комиссией арtpолка 36 стрелковой дивизии, которая располагалась в городе Чите. Здесь же он окончил начальную партийную школу.

После демобилизации был направлен решением РК ВКП (б) на работу в Доволенский район инспектором по политико-просветительской работе, а потом и заведующим райполитпросветбазой. В 1934 году женился на Чутчиковой Ольге Федоровне (моей бабушке). Было ей тогда всего 16 лет. Родом она была из той же деревни, что и дед, семьи были знакомы, вот и решили родители, что Василий и Ольга – хорошая пара. Вскоре стали рождаться дети, но это не мешало ему продвигаться по службе.

Сначала он был переведен на должность председателя райсовета Осоавиахима, потом заместителем директора МТС по политической части в селе Волчанка Доволенского района. В 1939 году начались боевые действия на Халхин-Голе. Как он попал туда, мне неизвестно, но он часто говорил своим детям, что здорово дали прикурить там японцам! А ведь у него в то время уже было трое детей.

В феврале 1941 года у него родился четвертый ребенок, а в марте Василий Акимович был отправлен на учебу в областную партийную школу города Новосибирска, где 22 июня узнал о начале войны. Как партийный работник, он имел отсрочку, но уже 25 июня 1941 года дедушка написал заявление с просьбой направить его в действующую армию. Просьба была удовлетворена. У нас дома хранится его письмо от 25 июня 1941 года, где он пишет бабушке: «Оля, так надо...»

Мы не знаем, где именно он начал войну, но известно, что участвовал в обороне Москвы, и был награжден медалью «За оборону Москвы». В одном из писем он написал, что был на фронте рядом с земляком и по совместительству мужем своей сестры, Филимоненко Сергеем, но повидаться не удалось, а вскоре тот пропал без вести. Дедушка, узнав об этом, разделил свой офи-

Исаев В.А. в годы службы в Красной Армии

церский паек на две части: одну отсылал домой – матери и жене с четырьмя детьми, другую – сестре и ее троим детям. Судьба пропавшего родственника нам до сих пор не известна.

Долгие годы дедушка не рассказывал, в каких войсках он служил. Знали только, что это был артиллерийский полк, и что Василий Акимович был заместителем командира батальона по политической части. И только после войны дедушка рассказал, что служил в войсках НКВД.

В 1944 году в составе 2 Белорусского фронта он участвовал в боях в Западной Белоруссии, в Восточной Пруссии, в Померании, в Польше. Был награжден орденом Красной Звезды, медалью «За победу над Германией». Войну Василий Акимович закончил 9 мая 1945 года в Германии. Есть упоминание и том, что дедушка расписался на здании рейхстага в Берлине.

Но война для него не закончилась в 1945 году. Еще целый год он сражался с «лесными братьями» под городом Шауляй Литовской ССР. И только осенью 1946 года был демобилизован из рядов Советской Армии в звании гвардии капитана.

Моя мама, Залевская (Исаева) Тамара Васильевна, родилась после войны, в 1948 году. Она вспоминает, что дедушка часто рассказывал одну историю про своего друга Алексея из Москвы. Этот друг нечаянно спас ему жизнь. Случилось это в Литве, когда они сражались против «лесных братьев». Отряд разделился на две части. Первой командовал дедушка, второй – его друг, лейтенант Алексей. По какой-то причине Алексей попросил часть его отряда отправить в то место, куда должен был идти Василий Акимович как командир отряда. Они поменялись местами. А через полчаса этого друга принесли на плащ-палатке убитым. В том лесу работали снайперы. Вот так дедушка потерял друга, но сам остался жив. Потом Василий Акимович лично ездил в Москву, чтобы передать вещи и письма матери своего друга.

После войны дедушка много работал, занимал разные должности. Василий Акимович был, по-видимому, талантливым человеком: сотрудничал

с газетами, в том числе писал статьи для газеты «Советская Сибирь», сочинял стихи.

Куда только не бросала партийная работа дедушку! То село Новомихайловка Купинского района, то Искитимский район, то село Березиково Тогучинского района... Наконец в 1964 году вся семья переезжает в село Сурково Тогучинского района, куда дедушка был назначен управляющим совхоза «Сурковский». Здесь он и проработал до выхода на пенсию. Но и на пенсии не сидел без дела: организовал в клубе шахматный кружок, занимался с детьми.

В 1975 году Василий Акимович Исаев умер. Похоронен он в селе Сурково Тогучинского района Новосибирской области.

Дедушка вырастил и воспитал 10 детей: 4 дочери и 6 сыновей. Это все прекрасные, достойные люди: Юрий Васильевич – бригадир, работает в Барбинском депо; Анатолий Васильевич, Виктор Васильевич, Владимир Васильевич и Сергей Васильевич – военные; Александр Васильевич – кандидат геолого-минералогических наук, работает в СНИИГиМС, «Заслуженный геолог РФ»; Татьяна Васильевна – воспитатель; Валентина Васильевна – учитель; Раиса Васильевна – секретарь сельского совета. Моя мама, Залевская Тамара Васильевна, 49 лет проработала в библиотеке села Сурково, была награждена Почетной грамотой Министерства культуры РСФСР, в 2016 г. занесена в книгу «Лучшие работники культуры Новосибирской области».

Все они бережно хранили и хранят до сих пор воспоминания о своем отце, хранят его письма, личные вещи, фотографии. Хотя некоторых из детей нет в живых, теперь эту память храним мы, внуки, и по крупицам передаем своим детям, правнукам Василия Акимовича. Когда 9 мая мы собираемся за большим столом, пьем чай, смотрим

Василий Акимович Исаев. Май 1945 г., г. Кеппениг

Сергей Здохлов фотографии, читаем письма или просто разговариваем, то обязательно вспоминаем о Василии Акимовиче, и всякий раз всплывают какие-то все новые и новые подробности о его жизни, каких-то поступках.

Наталья Залевская

Карасукский район

На маленьком вокзале все плакали

Мой прадедущка Голов Владимир Васильевич родился в 1911 году. Когда началась война, прадедущке было 30 лет. Семья жила в Ярославской области, Бурмаковском районе, в селе Шарушино.

Сейчас моего прадедущки уже нет, но, по воспоминаниям моего дедушки Юры и мамы, мы знаем о прошлом моих родных, о трудном военном времени, об испытаниях, которые выпали на их долю.

22июня 1941 года началась война. Моего прадедущку Голова Владимира Васильевича призвали на защиту нашего Отечества.

На маленьком вокзале все плакали. Опустел перрон, и моя прабабушка Зинаида Фёдоровна, проводив мужа и брата на фронт, осталась одна с четырьмя маленькими детьми. Вся семья с нетерпением ждала писем с фронта. По радио передавали неутешительные сообщения о том, что наши войска отступают. Моя прабабушка молилась о том, чтобы её муж пришёл с фронта здоровым и невредимым.

Тянулись тяжёлые дни ожидания. Моя прабабушка старалась прокормить детей, а сама часто оставалась голодной, время было очень тяжёлое. На полях остатки небранного урожая: мёрзлая картошка, морковь, капуста, свёкла. Собирали очистки от картофеля, вываленные в овраг, варили их и ели.

Письма с фронта были очень редкими. Горе захлестнуло всю семью. Двое маленьких детей Фая и Лёня были голодными, нашли и съели скрученные шарики из хлеба с отравой для крыс, когда прабабушка пришла с работы, она

увидела, что её дети мертвы. Много испытаний вынесли люди как на фронте, так и в тылу. Но врагу не удалось убить в людях стойкость и веру в победу.

Прадедущка вернулся домой с фронта. Все плакали от радости и от горя. Иногда мой прадедущка вспоминал погибших братьев, пропавших без вести товарищей. В архивах имеется информация о моём прадедущке, у него имелись награды, которые, к сожалению, до нашего времени не сохранились.

Прадедущка и прабабушка выносили все тяготы судьбы военного и послевоенного времени.

В стране продолжался голод, узнав, что в Сибири нет голода, они были вынуждены отправиться в Сибирь, где нашли плодородные земли. В поселке Стрижаки им дали домик из самана. Прадедущка работал кузнецом в селе Рождественка, прабабушка работала на полях. Постепенно семья увеличивалась, родилось еще четверо детей. В маленьком домике было тесно, им построили в Рождественке дом, в котором долго и счастливо проживала семья прадедущки.

Спасибо тебе, прадедущка, за победу, за наше мирное будущее, за счастливое детство!

В мирное время служили в рядах Советской Армии дедушки: Голов Юрий Владимирович, Здохлов Николай Михайлович и папа Здохлов Александр

Николаевич. Я горжусь своими родными! Когда мне исполнится восемнадцать лет, я тоже пойду служить в армию, чтобы защищать свою Родину.

А для нашей семьи День Победы – один из самых главных праздников. Мы очень благодарны нашему правительству за ту работу, которая проводится ради мира на Земле.

Сергей Здохлов

Татарский район

Гимнастёрка ветерана

Гимнастёрку нам в музей подарил сын Константина Семёновича – Александр Константинович Горностаев, уроженец с. Ольгино Чистоозерного района Новосибирской области. И он же поведал нам о том, как попала она к ним.

Трудно без волнения было Александру Константиновичу вспоминать прожитые годы. А было время, когда часто рассказывал он своим детям, как жилось ему, когда был таким как они. Шестнадцать лет не исполнилось, пришлось идти в батраки. Что тогда мог? Сено скирдовать, хлев чистить, за лошадьми глядеть, лишь бы кусок хлеба заработать. Учиться пришлось не долго. Не в чем было ходить в школу. Окончил только два класса.

Не просто сложилась жизнь этого человека. Повзрослел – подошло время службы в армии. Попал на Дальний Восток. Отслужил. Не успел к дому привыкнуть, забрали на финскую войну. Вместе с земляком В. И. Шербаковым довелось быть в обороне. Вернулся в родное село, но вскоре опять пришлось надеть солдатскую шинель.

Повезли на Восток с японцами отношения выяснять, а потом война с немцами. Пехотинец вместе со своими товарищами попал на фронт в самое сложное время, когда приходилось в основном отступать, и в окружении можно было оказаться. Хорошо, когда удавалось пробиться к своим, но не всегда это было. Тут одного опыта (а он у Горностаева был не малый) не хватало. Мощь тогда была на стороне немцев. Нашей пехоте против их техники было не устоять. Под Краснодаром Констан-

тин Семёнович со своей частью оказался в западне и попал в плен.

Выписка из книги Памяти. Горностаев К. С. рядовой 253 стрелковой дивизии пропал без вести 13 октября 1942 года близ деревни Рычковской Суровикинского района Волгоградской области.

И такая похоронка пришла матери – Горностаевой Софии. Но солдат остался жив. Это было просто окружение. Бой был коротким и страшным. Танковый клин смял батареи «сорокопяток» уничтожая и истребляя всё на пути. Осталось целым только крайнее орудие и его наводчик Горностаев Константин. Возле него собрались все уцелевшие солдаты. Всего 13 человек и 3 снаряда. Сделав последние выстрелы по мотоциклистам ушли в лес. Долго скитались, но всё-таки вышли к своим. Были зачислены как бывалые солдаты в отдельный 258 стрелковый батальон.

Батальон состоял из 18-летних пареньков. Перед батальоном была поставлена задача: взять белеющий вдаль холм. Атака должна была проходить по ровной сплошной поляне, которая как жёлоб тянулась к холму. На правой стороне виднелись ещё два холмика. «Семёныч», как звали Горностаева ребята, недоверчиво поглядывал на эти холмы. Ему было 30 лет. Он к этому времени уже три года отслужил в армии, повоевал с японцами на Халхин-Голе, воевал с финнами в Карелии, и уже успел повоевать с немца-

Александр Горностаев

ми. И что все враги далеко не простаки, но он рядовой и его мнения никто не спрашивал.

Атака началась дружно, и левые холмики проскочили без выстрела, но первый залп миномётных мин лег густо, и потом, казалось, ложился без перерыва. Всё окутал дым. Бежавший рядом Коля Ковальчук кричал: «Семёныч, если зацепит – не брось, замёрзну, мороз за 20». Мина легла рядом и взрыв швырнул их в разные стороны. Очнулся, кругом тихо, потом послышался стон. Голова кружилась, тошнило, лежал в воронке. Вылез. Вся ложбинка была устлана телами курсантов – мальчишек. Слева стон. Пополз на него. В луже крови лежал Ковальчук. В сознании. И снов «Семёныч, не бросай!» Рана была страшная. Осколком снесло с правого бока, казалось, всё мясо. Достал его запасное бельё и своё, перевязал раны. Неужели все полегли?

Стал ползать от воронки к воронки, нашёл ещё трёх живых и одного раненого паренька. И этот паренёк дрожа, будет рассказывать несколько раз подряд, как атака захлебнулась и курсанты побежали назад и тут то и ожили молчавшие до этого времени два холмика.

Это будут хорошо пристрелянные пулемётные гнёзда. Они, как хороший косарь, выкосят и уложат в ложбине минут за 20 семьсот человек. И 3 декабря 1942 года в глухую сибирскую деревню пойдёт похоронка. Мать, увидев похоронку упадёт в обморок (у неё воевало три сына Костя, Семён и Егор). Потом соберутся односельчане и только тогда разберутся. Что похоронка снова на Костю.

А дальше был плен...и никто не знал, что там и какова судьба...

Раненого в плечо паренька расстреляли немцы прямо у ног Семёныча, за то, что тот постоянно стонал и плакал. Ковальчука Семёныч нёс на себе и твердил: «молчи, терпи!» И он терпел, молчал и выжил. Совершил побег, дошёл до своих, ещё воевал. Жил в Кургане. Поднимал Целину в Казахстане. Нашёл Константина Семёновича. И Костя помогал ему опять, ходил

по военкоматам и советам, доказывал, что Коля на самом деле был ранен, и всё-таки доказал!

А у самого Константина Семёновича было всё гораздо сложнее. Все побеги были неудачными. Его каждый раз ловили и жестоко наказывали. Он видел из окон вагона «Освенцим». Он стоял на пороге лагеря смерти в Чехословакии, куда попал он после очередного побега. Однажды, когда добрался до Чехословакии и постучал в крестьянский дом. Совсем обессиленный, голодный он попросил поесть, но сдал крестьянин пленного немцам, за что получил корову. Но судьба берегла его, отводила смерть от него. Желание жить было сильнее отчаяния и смерти.

Наконец-то, последний побег удался: чёрный лес был ближе и ближе, ну вот и он! Но оказалось. Что это были просто насаждения, а дальше поля из свёклы, турнепса, моркови. Нарвал моркови и бежал, бежал, бежал... Прилёг, вроде бы, не надолго, но разморило... Подскочил из-за рычания. Рядом сидела огромная овчарка. Волосы зашевелились на голове – «Линда!»

За долгие годы плена он насмотрелся на всяких псов и на их хватки. У каждой была своя. У «Линды» – за бок, за два последних ребра. По какому принципу выбирала себе жертву эта собака – никто не знал, она просто бросалась в строй и вырывала очередного мертвеца. Но сейчас она просто сидела, смотрела и лаяла. «Устала убивать» – подумал Константин.

Подъехали на мотоцикле два офицера, молодые, весёлые. Повели к яме. Ну, Иван, alles! Молись. «Я не верующий» – ответил Константин Семёнович, а сам думал: «Как Всевышний мог допустить такое на Земле?» – «Твоё последнее желание» – слышит снова Семёныч. – «До ветру». «Иди». «Ну вот и всё» – подумал Горностаев. Но ту он видит, как к офицерам подъезжает пожилой немец. Видит, как они долго ругались, рядились, потом немцы дают очередь в воздух и уезжают.

Пожилой немец посадил Константина Семёновича в «пролётку». Долго ехал молча. Потом на ломанном русском спросил откуда родом, как зовут.

Оказалось, он был в русском плену в первую мировую войну. Знает, что такое плен. Пожилой немец взял его к себе в работники. Горностаев полел буряки, морковь, собирал урожай, ухаживал за скотом. Но немец понял, что этот русский мужик не успокоится. Принёс ему карту Европы. Показал где фронт и где они сейчас. Сказал, что бежать через густонаселённую Европу, забитую войсками, глупо.

Фронт докатился уже до них. Немцы собирали всех в лагерь, чтобы уничтожить всех свидетелей. Попал туда снова и Семёныч. Но не успели немцы. Танки союзников прорвались, и освободили всех узников. Всем была оказана медицинская помощь. Баня топилась сутками. Советские воины были одеты в их полевую форму только без погонов. Кормили хорошо. Потом началась агитация. Давали деньги, документы и отправляли дальше от фронта.

Несогласных осталось единицы. Среди них и Семёныч. Пожилой немец нашёл его у союзников. Привёз ему немного денег и его красноармейскую книжку. Потом передали Советским войскам. Германия капитулировала. После разбирательств СМЕРШа и органов НКВД, согласно приказа № 227, Константина Семёновича был осужден в штрафной батальон. Для зачистки освобождённой территории от СС, властителей и полицеев.

Батальон был полностью из бывших пленных. Командир сразу же им сказал: «Теперь ваша очередь. Вас и ваших сестёр, жён и матерей жгли, вешали, рвали, расстреливали – теперь ваша очередь. В одной из стычек, осколком у Семёныча перебило ремень. Старшина не дал новый, сказал: «Снимишь с убитого». А у воинов был закон: с убитых не снимать. Тут он вспомнил, что в соседнем здании видел брошенную немецкую форму. Взял ремень немецкого солдата, зубилом срубил орла.

Демобилизовался 10 декабря 1945 года в звании старшего сержанта. В поезде познакомился с капитаном СМЕРШа, дагестанцем. Молодой, красивый, полная грудь орденов, он всё смотрел на сержанта – уставшего и постаревшего, рано поседевшего, в застиранной

гимнастёрке, подпоясанного немецким ремнём. Выходя в Москве, расстегнул чемодан и подарил ему полевую гимнастёрку. «Отцу вёз, но должен Победитель поклониться матери во всей красе СОЛДАТА!»

Гимнастёрка была из добротного сукна, новенькая.

Дома, он часто доставал её из сундука, но одеть не мог. Что чувствовал старый солдат в те минуты – никто не узнает. Так она сохранилась до наших дней.

Константин Семёнович прожил долгую жизнь, вырастил пятерых детей. Умер на 90 –ом году жизни. Трое его сыновей отслужили в рядах Советской армии: Пётр – в Москве; Николай – на Дальнем Востоке; Александр – в Горьковской области. На фронте, в боях в Восточной Пруссии, погиб его брат Егор. До самой смерти его ждала мать и умирая наказывала: «Смотри-те – же, вернётся Егорка, помогите ему подняться».

А гимнастёрка осталась в нашем музее как напоминание нам о том страшном времени и о мужестве нестигаемой воли русского солдата.

Светлана Герцева

Карасукский район

Детство моей бабушки

Наша бабушка, Матрёна Мищенко – уроженка села Ивановка Карасукского района Новосибирской области. У неё два имени. Когда мы были маленькие, не могли понять, почему для нас она – баба Мотя, а для родственников из Новосибирска – Антонина. А дело было так. Она родилась 28 марта. Родители назвали её Антониной, но когда пришли крестить, оказалось, что в этот день именины Матрёны. Так и записали: Мищенко Матрёна Егоровна.

Очевидно, городским родственникам ближе было всё-таки имя Тоня.

Со временем мы привыкли к этому, но никто из нас так и не назвал бабушку Антониной. Для нас она навсегда останется нашей «бабой Мотей».

Когда началась Великая Отечественная война, моей бабушке исполнилось 13 лет. Она училась уже в четвёртом классе, были успехи, но учёбу пришлось оставить до лучших времен. «Мой учитель Борис Дорофеевич (фамилию не помню) не отпускал на работу, говорил, что учиться надо. Но мама забрала на работу», – вспоминает Матрёна Егоровна.

Она пошла работать в телятник: поила, чистила, кормила теляток. Наступила весна, все вышли в поле. Матрёну поставили пахать на быках. Как это было тяжело! Сил не было, скудное питание и постоянная нехватка сна делали свое дело... Через год она считалась уже взрослой, и её перебросили работать на сеялку. И на её протесты председатель ответил: «Твой отец кузнец, значит, и ты должна всё уметь».

В поле вышли женщины, дети и те мужчины, что остались в тылу. Перекинув мешок с пшеницей, женщины медленно шли по полю. А дети пахали. Были и трактора, но они не могли сделать весь объём работы.

Главный лозунг тогда был «Всё для фронта, всё для победы!». Никто не жалел себя. «Бывало, забьётся диск землёй на сеялке, а сил не хватает его освободить. Беру камень и кидаю в трактор. Тракторист, мальчишка молодой, ус-

льшит, остановится. Поможет наладить, и едем дальше. Смажу солидолом, вроде бы работает... Быстро всему приходилось учиться», – говорит бабушка, улыбаясь. «За это время всё попробовала: в сенокос кошили: дадут грабли и на целый день, возили гарбы (бричка с сеном), в уборку на лобогрейке сидели, Иван Ларченко был погоньчем. А брат мой Иван – у Амалки Дарнес. Вечерами кошили накопленную пшеницу. На гарбах возили пшеницу до молотилки, что стояла на краю полосы, а там уж в барабан подавали. Трактором НАТИКом тащили комбайн. Я на комбайне была штурвальной. В мои обязанности входило смазывать цепь после нескольких кругов и скидывать солому, как накопится, потом пшеницу отвозили прямо с поля в Ивановку на току».

В их семье было семеро детей. Старший Савелий умер в пять лет. Но через несколько лет умер и другой ребёнок – Петя. Время было суровое, не жалело никого. Маленький Петя заболел, поднялась высокая температура. Лекарств нет, да и мама в поле. Была уборочная страда. Когда Пете стало совсем плохо, председатель отпустил мать домой. А та бежала домой и не знала, радоваться или горевать. Дома забот полно, а на улицу выйти стыдно: ведь вся деревня в поле. После обеда приехал председатель и снова забрал мать на работу, не хватало рабочих рук. А уже вечером в поле прибежала дочь Татьяна и сказала, что Петя умер.

Старички сбили ящик из досок, наминавший гробик, выкопали могилу глубиной один метр. Копать было некому. И похоронить-то по-человечески тоже было некому.

Шёл 1943 год... Война, голодный тыл, тяжелый труд... Работы у женщин в тылу было много. Мама моей бабушки работала сахманщицей, т. е. следила за ягнятами. В её колхозном хозяйстве было двенадцать овец, за которыми она должна была ухаживать. Для маленьких ягнят было построено специальное помещение, отапливать которое входило в обязанности сахманщицы. На печь ставили круглый казанок, чтобы на нём сушить объедья. Это остатки сена и соломы, которые оставались после кормления овец. Эти объедья шли

на топку. В суровые зимние холода это спасало маленьких ягнят от морозов.

Однажды затопив печь, накормив ягнят, прабабушка Ульяна пошла домой, где её ждали дети, домашние хлопоты.

Никто и подумать не мог, что этот день станет роковым в судьбе семьи. Обедя упали на печь, началось задымление и пока пришли люди, ягнята погибли в дыму. В здании сельского клуба состоялся народный суд, на котором «вредителя социалистического имущества» Мищенко Ульяну, мать пяти детей, осудили на три года.

День, когда маму увозили в тюрьму, Матрёна Егоровна запомнила отчётливо: «Посадили на бричку, вся деревня вышла посмотреть на это. А мы как кукушата бежали за ней и кричали: «Мама! Мама!». Так и бежали бы, если б люди не остановили».

Начались тяжёлые дни сиротства. Отец был на фронте, мама в тюрьме. Через некоторое время приехали люди, представились работниками детского дома. Матрёна была несовершеннолетняя и не имела права воспитывать братьев и сестёр. Ей тогда было лишь 15 лет. В детдом определяли Толю, Сергея и Таню. Когда дети поняли, что их хотят разлучить, заплакали и начали кричать: «Няня, не отдавай нас!». Матрёна с братом Иваном твёрдо сказали: «Умирать вместе будем, а не отдадим!». То ли время было такое, суровое, но в чём-то и милосердное, то ли поверили в них, но дети остались вместе.

Весной 1943 года началась эпидемия тифа. Эта страшная болезнь косила всех, не щадя ни детей, ни взрослых. Заболела и Мотя, а следом и младшая сестрёнка Таня. Маленького Толю определили к снохе Кате, а больных девочек брат Иван увёз в Шандоровку. Двухлетнего Серёжу пришлось на свой страх и риск взять с собой в больницу, т. к. сидеть с ним было некому. Доктор Гапоненко, увидев «делегацию» из больных детей, удивился: «Что за ребёнок? Чей? Зачем в центр эпидемии?». Ослабевшие от болезни девочки ответили: «Мама в тюрьме, папа на фронте...»

В больнице у Матрены отказали ноги. Её стали выносить на улицу, что-

Слева верхний ряд: Матрёна Егоровна Мищенко, в центре её мама Ульяна Ивановна Мищенко

бы она грелась на солнышке. Открыв ноги и закрыв лицо, она лежала по несколько часов на солнце. Видя, как тяжело этой семье, повар больничной столовой хотела забрать к себе младшего братика Серёжу. Но девочки категорически отказались. Врачи уважительно относились к детям, отдав должное их любви, сплочённости и жажде жизни. Говорили: «Надо спасти эту семью».

Удивительно, но все они выжили, а маленький Серёжка даже не заразился тифом.

Матрёну привезли из больницы перед посевной, а Татьяна болела вплоть до сенокоса.

Но беды на этом не закончились. Приехав домой, дети обнаружили, что из дома вынесли всё! Не было ни мебели, ни посуды. Обессиленные сёстры тихо опустили на голый пол. Иван натаскал соломы с поля, нарвал полыни, так и проспали до утра. А сами и не верили, что наконец-то они дома!

Наступило утро. Решили пойти к председателю колхоза и рассказать о своей беде. Вышли на улицу, а погода ветреная. «Долетели» как пушинки до правления. Председатель отреагировал оперативно. Собрал сельчан в клубе, объявил, что если не принесут добровольно украденное, то пойдут

по домам искать всем селом. Но, увы, ничего не нашли. Отыскалась только пила. Но и этот нехитрый инструмент помог детям не замёрзнуть зимой.

Посадили картофель. Председатель Уколов не забывал семью: привозил брынзу, молоко. Дети понемногу отходили после больницы, набирались сил.

Шли дни. Несмотря на слабое здоровье, дети продолжали работать и дома, и в колхозе. «Иван, уходя на работу, ставил палочку на огороде. Это была метка. До неё должны были прополоть картофель. Было очень тяжело. Порой падали на землю, плакали, но понимали, что помочь некому. Если не вырастим картошку, семья будет голодать зимой. Так и работали: плачем, жалеем друг друга, но продолжаем двигаться вперёд. А тут ещё бригадир пришёл и забрал меня на поле присматривать за учениками на прополке. Брат Иван пошёл к председателю и попросил, чтобы я посидела ещё дома. Очень слабая была. Тиф подкосил здоровье», – вспоминает бабушка.

Наступила осень. Выкопали картошку. Урожай был богатый. Радости не было предела! Первым делом решили попробовать на вкус молодую картошку. Нашли старое ведро, помыли его. Поставили кирпичи и на этой «печке» сварили обед. Вывалили готовую картошку прямо на землю, т. к. не из чего было есть. Но такой вкусной картошки они не ели никогда...

Дом семьи Мищенко стоял у колка. Председатель понимал, как тяжело живётся детям без родителей. Бабушка не помнит, чтобы он оставался когда-либо равнодушным. Вспоминая своего председателя, говорит, что до сих пор слышит стук его деревянной ноги. Он был инвалидом, поэтому на фронт его не взяли. Но физические недостатки и напряжённая, суровая эпоха не очерствили душу этого человека.

Приближалась зима. Что такое сибирские морозы, знают все. Местная власть разрешила ребятишкам собрать сухие сучья в лесу. Более того, на трудодни посчитали, сколько можно вырезать кизяка в бараннике. А это уже отличное топливо! Кизяк резали пластами, выносили на улицу, складывали друг на дружку, так чтобы их продувал

ветер. Пока пласты сохли, подготовили сарай. Он имел две двери: одна на задний двор, другая выходила в сени. Решили замазать заднюю дверь. Так и ветра меньше в сарае, и безопаснее оставлять запасы на зиму без присмотра. К наступлению холодов семья была готова.

И они не заставили себя ждать. Пришли морозы, вьюги. Но работа в колхозе продолжалась круглый год.

Вставить на ферму надо было рано: в четыре часа утра. В то утро был сильный буран, на улицу даже выходить страшно. Но есть такое слово – «надо». Вдруг шум вьюги нарушил какой-то посторонний звук. Он шёл из сарая! Там же дрова! В темноте ничего не разберёшь, снег забивает глаза. Но и без света стало понятно, что дрова воровали. Дверь наружу была сломана, кое-где оставались следы. По ним наутро и вышли на воров. Это оказалась семья кузнеца. Его оставили по брони в тылу. В семье было два сына, жена: было кому наготовить дров на зиму. Но люди решили, что воровать легче.

На народном собрании сельчане от возмущения чуть не устроили самосуд над ними. По требованию народа семью вывезли на «41 километр». Как выяснилось, эта семейка не гнушалась и воровством картошки.

В советское время за хорошую работу колхозников премировали. Наличных денег люди не видели, но колхоз порой награждал тружеников отрезами ткани, молодыми телятами, часами, швейными машинками и т. п. Моей бабушке в качестве премии достался отрез на платье. Естественно, о швейной мастерской тогда и речи не шло, платья девушки шили сами. И никого не волновало, почему все ходят в одежде одинакового цвета или фасона. Одежды было так мало, что в ход шло всё. Так, из байкового одеяла бабушка сшила брату брюки, а из остатка – сестре юбку. Это была большая удача.

Так и осталось загадкой, кто из родственников проявил жалость к детям и выслал одну тысячу рублей. На эти деньги бабушка и купила одеяло да телогрейку. Эти тёплые вещи спасали зимой не раз. Работая на ферме с телятами, бабушка умудрялась оставить мо-

лока для младших. Меняясь одеждой, дети поочерёдно прибегали на ферму, пили молоко и бежали домой, пока никто не заметил, как «расхищается социалистическое имущество»...

С особой теплотой вспоминает баба Мотя милого старика по фамилии Кулик. Он очень любил детей. Работал в колхозе сторожем, на ночь распрягал быков, пас их, а дети приходили к нему сказки послушать да печёной картошки поесть. Место ночёвки называлось Кулистан!

А ещё дед Кулик умел делать чирки. Так называли обувь, сделанную из шкуры быка. Особенность этих обуви состояла в том, что шили их из сырой, свежей шкуры, сразу же надевали на ноги и ходили до тех пор, пока не высохнет шкура, приобретая форму ступни.

Когда дед Кулик умер, хоронили его всем селом. Дети очень плакали по нему. «Ждали-ждали на работу, а его всё нет. Никто и не подумал, что с ним случилось несчастье. Пошли искать и увидели раскинутое тело под тополями, как будто объять их хотел на прощание», – вспоминает бабушка.

Шёл уже май 1945 года. Как-то колхозники вышли в поле пахать землю. Но тут к ним примчался конюх и закричал:

– Выпрягайте, война кончилась!

Все побросали рабочий инструмент и побежали что было сил в деревню. А там рёву, шуму! В честь великого праздника разрешили зарезать несколько баранов, устроили вкусный, сытный обед. А потом опять на работу.

С фронта начали возвращаться мужчины. Но 1927 года рождения не вернулся ни один... «Как сено покосили», – говорит бабушка.

Только осенью 1946 года из тюрьмы вернулась мама Ульяна. Матрёна Егоровна вспоминает: «Была уборка. Я работала на лобогрейке. Из деревни приехал конюх и сказал, что мама пришла. Не помню, как соскочила с лобогрейки. Я летела по пшеничному полю и не верила своему счастью. Переступив порог дома, упала в мамины объятия и долго плакала. Наверно хотела оставить все невзгоды, тревогу, несчастья в своих слезах. Появилась уверенность, что те-

перь не одна – с мамой! А папа пришёл домой только в 1947 году».

Прошли годы, дети выросли, но продолжали работать рядом. Когда страна начала поднимать целину, моя бабушка, уже будучи замужем за Краснослободцевым Николаем Иосифовичем, уехала в Северный Казахстан. Там у них родились четыре сына: Александр, Виктор (мой отчим), Геннадий, Роман. По-разному сложилась судьба у сыновей: старший стал геологом, уехал на Север, где до сих пор живёт и по-детски восторженно любит этот суровый край. Мой отец – Виктор стал хлеборобом, пошёл по стопам своего отца. Не раз доказывал свою любовь к родной земле и умение трудиться. Геннадий живёт в республике Коми, служит в полиции, не раз бывал в «горячих точках», а младший, Роман, в годы существования СССР работал комбайнером, женившись на девушке Светлане, предки которой были немцами из Поволжья, и в первую волну эмиграции уехал за семьёй супруги в Германию.

Но, несмотря на далёкие расстояния между братьями, каждый год мы все вместе собирались в селе Берёзовка Павлодарской области, с развалом СССР забрали бабушку в Троицкое, где она прожила последние 16 лет. И не было дня, чтобы к ней не заехали гости: бывшие жители Казахстана, многочисленные племянники, друзья, соседи. Она любила всех! Без пиалы чая, подарка или «это на дорожку, дома покушаете» от неё никто не уходил.

Говорят, человек живёт столько, сколько о нём помнят. О моей бабушке будут помнить долгие годы не только те, кто её знал, но и те, кому мы расскажем о ней и о том, как можно любить свою семью.

Елена Мальчук

Баганский район

Женские судьбы Вознесенки

С начала Великой Отечественной войны на фронт устремились добровольцы. Они писали: «Я готов отдать жизнь за то, чтобы грязный фашистский сапог не топтал священную землю

Колхоз
«Красный Спартак»

моей Родины». Позже жители края стали писать: «Желая помочь фронту, четырём братьям, находящимся на фронте, в дни, когда наша Родина в опасности, прошу зачислить меня в сибирскую стрелковую бригаду. Не имея военных знаний, желаю в короткий срок изучить военную специальность...»

Из села Вознесенки ушло на войну 140 человек. Для нужд фронта были взяты гусеничные тракторы, автомашины, лучшие лошади, повозки. Вся тяжёлая работа на полях и животноводческих фермах легла на плечи женщин, стариков, подростков.

Начали приходить похоронные извещения из действующей армии. Немало их получили вознесенцы за годы войны. В селе почти не оставалось семей, в которых бы не оплакивали гибель родных и близких. От непосильного труда, голода, лишений немало вознесенцев умерло в те тяжёлые годы.

Главное место на селе заняли женщины. Пахота и сев, уборка урожая, уход за скотом, заготовка кормов и многое другое, помимо домашних обязанностей, легли на плечи женщин. «Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик», – говаривали многие из них в военную пору. Женщин выдвигали на руководящую работу, на общественные посты. Большинство председателей колхозов и специалистов сельского хозяйства в годы войны составляли женщины.

Война наложила тяжёлый отпечаток на общее состояние сельско-

го хозяйства. Созданная в 30-е годы крепкая материально-техническая база оказалась серьёзно подорванной. В колхозах, МТС, совхозах значительно сократилось количество техники.

В настоящее время в нашем селе не осталось ни одного труженика тыла.

Из воспоминаний

Валентины Ивановны Шешкиной:

«Во время войны была обходчиком на железной дороге. Спустя некоторое время стала передовой обходчицей. Однажды на линии заметила лопнувший рельс, в 200 метрах от него разложила петарды – так поезд был остановлен, за это получила премию. После войны работала телятницей, получила почётную грамоту. А также трудилась на току в период уборки урожая, с 11 часов утра до 4 часов ночи.

Работала добросовестно, была награждена двумя почётными грамотами».

Из воспоминаний

Жигалевой Александры Ивановны:

«Работала до войны и после войны дояркой. Заработанные деньги отчисляли для фронта. Чтобы лучше помочь армии, отсылали на фронт картофель, муку, добросовестно платили налоги. Шили воинам кисеты, отправляли валенки. Сами жили в плохих условиях. Нечего было есть. Хлеб пекли из конопки. Одежда была связана из шерсти. Но какой бы голод наш не был, всё равно мы помогали фронту».

Медюта Марфа Ивановна родилась 22 июня 1916 года в селе Вознесенка. Родители её и брата Пети, Медюта Иван Иванович и Пелагея Михайловна, трудились в довоенные годы в кол-

Медюта Марфа
Ивановна

хозе. Они переехали в эту местность, когда вокруг была только голая степь, красивые зелёные луга, поля, леса...

Семья Марфы Ивановны жила в избушке. В 9 лет она пошла в школу и окончила 4 класса. Дальнейшая учёба у неё не сложилась из-за отсутствия транспорта, до другой школы было слишком далеко. Пошла работать в колхоз.

Марфе Ивановне было 25 лет, когда обрушились на её плечи суровые испытания Великой Отечественной войны. Мужчины всей их семьи ушли добровольцами на фронт. А её, Марфу, председатель колхоза «Красный Спартак» Лущик отправил на курсы трактористов в село Краснозёрку. После окончания курсов стала работать на тракторе «ЧТЗ».

Бывали такие дни, когда нечего было есть. На фронт отправляли вязаные рукавицы, носки, а военные присылали продукты. День за днём приближался конец войны.

Прабабушка Марфа рассказывала моей маме, как они узнали об окончании войны: «Однажды мы услышали громкие крики «Ура!», люди кричали о победе наших войск над фашистами. О, как было воспринято это известие, сколько слёз радости!.. Как все начали кричать, хлопать в ладоши, смеяться...»

Ну а после войны стали возвращаться с фронта мужчины. Из нашей семьи не вернулся брат Афанасий и отец...».

Из воспоминаний

Матясовой Валентины Николаевны:

«Родилась в селе Вознесенка Баганского района в 1940 году. Когда началась Великая Отечественная война, мне было полтора года. В семье росло трое детей, но в пятидесятых годах появился брат. Три года я не могла поступить в первый класс, потому что ходить было не в чем – до зимы ходила в ботинках, а как наступали холода, не могла из дому выйти. В первый класс пошла в девять лет.

Жили очень плохо, есть было нечего. Мама работала с темна до темна. Уходила – дети ещё спали, приходила – уже спали. Нас никто не воспитывал, росли сами, как трава в поле. Мама одна рас-

тила, отца не было. Чтобы заработать на еду, мать работала конюхом, скотником, кочегаром, доила коров. Платили пшеницей, выдавали по сорок граммов на трудодень – палочку. Когда она ходила на работу, ей ставили палочку в ведомость, а в конце года их подсчитывали и выдавали картошку или ещё что-нибудь, но половину приходилось отдавать для фронта. Доводили план на всё, на картошку, масло сливочное, шерсть, кожу – всё для армии.

Порой даже куска хлеба не было, садились на печи и плакали, так есть хотелось. Тогда бабушка бежала к тёте, которая работала на МТС шофёром, где ей платили зарплату. Она отрежет ей кусок хлеба, и баба бежит домой, делить на всех. Иногда соседи приносили очистки картошки. Так мы половину сварим и съедим, а другую половину посадим. Выращивали коноплю и мак, собирали и варили из этого клёцки, а из картофеля пекли лепёшки».

Корова у них была, Зайкой звали. Нечем было её кормить, но они ходили на конюшню за огородами, собирали ботву и очистки картофеля и несли домой, кормили корову. Но однажды её признали больной и забрали. Остались они без молока.

В доме холодно, дров нету. Они ходили зимой в лес с санками и собирали хворост. Наберут и везут домой, топят печи.

Жили так до тех пор, пока бабушка не закончила семь классов в семнадцать лет и не пошла на работу в 1956 году, доить коров. Мама бабушки дояркой работала в то время. А потом их перевели в колхоз, и жить стало ещё лучше, потому что здесь им платили зарплату.

Из воспоминаний

Кривошаповой Екатерины Ивановны:

«Родилась в селе Вознесенка в 1926 году. В семье родителей было двенадцать детей. Но выжили всего семь. Умирили и от болезней, и от голода, родители были не в силах прокормить такую ораву. Чуть повзрослев, дети помогали родителям по хозяйству, старшие шли на работу».

Поэтому она закончила четыре класса сельской школы и пошла работать.

Сначала помогала старшим в поле, потом, повзрослев, трудилась везде, где нужны были рабочие руки, всегда ответственно и добросовестно. Выращивала телят, была дояркой. Во время войны, когда всех мужчин забрали на фронт, приходилось выполнять тяжёлую мужскую работу. Собирали продовольствие для фронта, писали письма солдатам.

После окончания войны встретила местного паренька и вышла замуж. Детей у них не было, поэтому, когда умер муж, осталась одна. В живых её уже нет 8 лет.

Светлана Мингалёва

Кольванский район

Жизненные контрасты

Начало 1944 года. Мощная глубоководнокошелононированная оборона немцев, блокировавшая Ленинград, взломана. Ленинградский фронт, в состав которой входила и наша часть, устремился на запад, преследуя противника. Проходим территорию Ленинградской области. Вместо деревень- печные трубы сгоревших домов, напоминавшие зенитные орудия, направившие в небо свои стволы. Здесь активно действовали в тылу противника партизаны. В отместку немцы не оставили ни одной целой хаты- всё предали огню. И так до самой Нарвы. Передовые части с хода форсировали Нарву и создали на левом берегу плацдарм. На пути наступающих частей стали две высоты, на которых прочно зацепился противник. Умный в гору не пойдёт... Так решило наше командование: зачем напрасно класть солдатские головы, если

немцы сами бросят эти позиции. Наступило затишье. Часть соединений, в том числе и нашу дивизию, перебросили на южный фланг фронта- южнее Чудского озера в Псковской области. Передислоцируясь, нам пришлось пересечь с севера на юг всю Псковскую область. Как и в Ленинградской, мы не увидели ни одной деревни, где бы остался хоть один дом. На всем пути- свидетели варварства врага- нацеленные в небо трубы русских печей и мертвая тишина. Встреча с мирными жителями- редкая случайность.

И вот, на карте деревня Ямки, где мы должны остановиться. Деревня только на карте, а в действительности...

Штаб и тылы дивизии расположились в ложбине, заросшей густым березняком. Мы же со своим отделом (я тогда из батареи был переведен в отдел контрразведки), разбросили палатки прямо на чьей-то бывшей усадьбе. Зарастающая травой дорога говорила о середине улицы, а разваленные печи, торчащие кое-где пенки от сгоревших столбов- о бывших усадьбах. Ни кошки, ни собаки, ни курицы. Только успели расположиться, как передо мной предстал ребенок лет десяти- двенадцати. Весело улыбаясь, он смотрел на меня. В этот момент я меньше был бы удивлен, если передо мной возник бы инопланетянин. Видимо вид у меня от удивления был забавный и глуповатый, мальчишка посмотрел вокруг себя и громко рассмеялся.

– Откуда ты взялся? – спрашиваю.

– А мы здесь живем.

– Где же вы живете?- оглядываюсь вокруг и замечаю в стороне еле заметный бугорок свежей земли. Понимаю – это землянка.

– А вот здесь, – кивнул головой мальчик в сторону бугорка. – Заходите к нам.

– С кем же ты живешь?

– С братом и сестрой.

– А родители?

Мальчик перестал улыбаться, опустил голову. Как я выругал себя за свою глупость, несхваточность – затронул и без того ноющую, незримую рану ребенка. Установилась тяжелая пауза. Продлилась она секунды, но мне показалось невероятно длинной.

Молодежь резвится.
д. Середино

Дулин Д.И. (нижний ряд справа) с боевыми друзьями. Ленинград

– Нет родителей, – проговорил оно грустно. Поднял взор на меня. Я ожидал этого взгляда, думал увидеть в нем упрек за несуразный вопрос, но упрека небыло.

– Что же зайду в гости, – сказал я как можно веселее. В глазах ребенка вновь появилась та беззаботная веселость, с какой он смотрел на меня до глупо заданного мной вопроса. Это меня до некоторой степени успокоило.

– Пойдемте. – Он живо повернулся, готовый пойти.

– Я доложу командиру и зайду. Вдруг я понадоблюсь, а командир не знает где я. Очень велико было желание зайти в землянку, посмотреть, как живут люди, которые должны быть далеки от войны, но силой обстоятельств все же втянутые в неё.

Мы подошли к бугорку земли и я увидел щель со ступеньками и внизу щели-дверь. Справа-еще щель, но поменьше. Это окно. Точь-в-точь как наши землянки орудийных расчетов. Разница разве в том, сто наши землянки выше и замаскированы. Выше потому, что мы делаем их в три-четыре наката потолка, а здесь однорядный.

– Как тебя звать-то, парень?

– Меня звать Толька.
– Ладно, Толя, иди. А я обязательно к вам приду.

Предупредив командира, я отправился в гости.

По земляным ступенькам спускаюсь к узкой досчатой двери, стучу.

– Да! Войдите!

Открываю дверь, ступаю через порожек. От двери в полутьму землянки, в дальний угол пулей бросился кот и скрылся под ножками широкого топчана. В землянке раздался громкий детский смех. Придя в себя от смущения, здороваюсь. Мне дружно отвечают и снова смех.

Перед окном, размером в четверть квадратного метра, за крохотным самодельным столом сидит хозяйка «дома»-дивчина лет двадцати-двадцати двух. Слева от двери два подростка, один из них мой знакомый Толька. Приглашают проходить. Толя проворно ставит передо мной сиденье – березовый чурбан.

Прежде всего мальчишки постарались объяснить мне их веселый смех при моем входе. Объяснения оказались не веселые.

Когда немцы сожгли все дома в де-

Удостоверение медали «За оборону Ленинграда» Дулина Д.И.

ревне, жители ушли в лес в двух-трех километрах от бывшей деревни. На берегу ручья устроили землянки. Ребята, уходя в лес, прихватили с собой бездомного кота. Вскоре немцы нашли земляной поселок и взорвали его. В суматохе мальчишки забыли кота в землянке. Потолок землянки от взрыва рухнул, и кот хоть и пострадал, но остался жив. С той поры он и стал бояться людей в военной форме.

Этот рассказ парни вели, перебивая друг друга, с юмором, забыв о трагичности ситуации. В разговор вступала и Галя (так звали старшую сестру мальчиков) - обаятельная, с доброй улыбкой девушка. Потом выяснилось, что до войны она работала секретарем райкома комсомола.

Километрах в двух от Ямков на обочине дороги лежал немецкий легковой автомобиль, изрешеченный пулями как дуршлаг. Это автомобиль и явился, с одной стороны свидетельством деятельности партизан, с другой - памятником трагических событий округи деревень. Партизаны устроили засаду и уничтожили высокопоставленную личность гитлеровцев. Озверевшие фашисты собрали всех жителей окружающих деревень, в том числе и Ямков, всего пятьдесят человек - сорок девять мужчин и одну женщину и повесили. Деревни сожгли. Мои знакомые мальчишки и Галя сказали, что повешены были пятьдесят мужчин и одна женщина. Можно было бы не обратить внима-

Дулин Д.И.
(третий в верхнем
ряду слева).
Снимок у трофеев
под Нарвой.
Март 1944 г.

ние на расхождение в одного человека, но...

Вечером в тыловом подразделении дивизии демонстрировался кинофильм - не частое явление на фронте. Я зашел к Гале с намерением пригласить её в кино, но у неё оказалась гостя - девушка. Галя нас познакомила, в кино пойти отказалась.

— Если не возражаешь, то в кино с тобой ходит Аня.

Аня, невысокая пухленькая девушка, шатенка, с голубыми открытыми глазами, мне показалась сказочной красавицей. Розовое личико без единой веснушки, что редко бывает у шатенок.

Мальчишки приглашение приняли. Их опасения, что их в кино не пустят не подтвердились: там не было ни билетной кассы, ни контролеров - билетеров, «кинозал» прямо в березняке.

Аня оказалась хорошим собеседником, что было необходимым при моей неопытности в общении с девушками и стеснительной скованности. Я узнал, что девушка находилась в действующем в этих местах партизанском отряде, как и другие партизаны, принимала участие в операциях. Отец её был старостой, работал на немцев. В результате его предательства были казнены сорок девять мужчин и одна женщина. После казни партизаны отыскали его в подполье железнодорожной станции, в десяти-двенадцати километрах от деревни Ямки, судили партизанским судом, признали виновным в предательстве и приговорили казнить через повешение. Он-то и был пятьдесят первым повешенным, пятидесятым из мужчин.

— Анюта! У меня не вмещается в голове мысль, как же ты могла принимать участие в суровом наказании отца? Пусть он предатель, но ведь он твой отец.

- во время суда и приведения приговора в исполнение я ушла из отряда в лес. Об этом знал и мой командир. Он знал и о том, что после казни я снова вернусь в отряд.

Утром я снова был у своих новых друзей. Мальчишки захлеб рассказывали о жите-бытье в оккупации. Галя уточняла рассказанные ими исто-

рии. Пришла и Анюта. Всмотривался я в эту небольшого роста, красивую девчущку, все больше влюблялся и дивился: откуда в этом маленьком, красивом существе столько мужества, силы воли, чтобы перенести и невзгоды войны, и суровую партизанскую жизнь и такую двойственную трагедию.

Теперь, много десятилетий спустя, часто задумываюсь: жива ли ты, Анюта? Как сложилась твоя судьба?

Дмитрий Дулин

Доволенский район

Одно горе на всех

У каждого из нас, рано или поздно, наступает время, когда, в силу возраста, предаёшься воспоминаниям о своём детстве, отрочестве, юности. И о тех людях, что были тогда рядом с тобой.

Мы хотим вспомнить о нашей бабушке – Гельд Лидии Давыдовне.

«Бабушк!» – именно так нежно, по-детски непосредственно, звали мы свою бабушку.

Много прошло с тех пор лет, но в памяти всплывают обрывки детских впечатлений. Это и смешные немецкие стишки, и песенки, и незатейливые, чужие, на первый взгляд, слова, ставшие впоследствии такими родными и привычными, и таинственный молитвенник в старинном переплёте с красивыми немецкими буквами. А как забыть утренний запах свежесваренного кофе, наш любимый с детства ремень-суп... А этот вкуснейший волшебный пирог Ривелькухен со сладкой сахарной посыпкой! Розочки, искусно выделанные бабушкой на свежем, только что сбитом вручную сливочном масле! Вспоминается мелодия грустной песни «Schon ist die Jugend», звучащей под мерный перестук работающей прядки.

Постепенно в наше детское сознание входила культура, быт и традиции немецкого народа. Диалектная речь бабушки становилась для нас родной, потому что мы любили и боготворили свою бабушку.

С годами всё чаще испытываешь необъяснимое чувство вины перед теми людьми, которых уже нет с нами... Не находишь ответа на мучительный

вопрос: «Почему не расспросили, не записали, не узнали?» Ведь история жизни нашей бабушки – это история нашего государства, история 440 тысяч русских немцев Поволжья, которые вынуждены были навсегда покинуть свою малую родину.

Трудно даже представить, что пришлось пережить русским немцам в те лихие военные годы.

Наша бабушка, Гельд Лидия Давыдовна, родилась 21 июня 1910 года в с. Филипповка Марксовского района Саратовской области.

А через три десятка лет ей пришлось покинуть родные места. Началась война с фашистской Германией. Враг был силён, а его продвижение по европейской части СССР – стремительно. В связи с этим, в сентябре 1941 года, согласно Указа Президиума Верховного Совета СССР, немцы Поволжья подлежали переселению в районы Сибири и Казахстана. Власти СССР опасались массового предательства...

В числе других семей (их было около двадцати шести) семья Гельд прибыла в с. Ярки Доволенского района Новосибирской области. Из воспоминаний бабушки: «На сборы нам дали 24 часа, с собой разрешалось брать только самое необходимое и продуктов питания на несколько дней». Эвакуированных везли в закрытых вагонах, выходить не разрешали. Семья большая, ехали с грудными детьми. Условия были ужасные: в тесноте и постоянном страхе: впереди их ждала суровая Сибирь.

Местные жители приняли переселенцев настороженно, даже враждебно. Сначала прибывших немцев расселяли в русские семьи. Приходилось очень трудно: русского языка не знали, жить было нечем, часто вещи меняли на продукты. Бабушка сетовала на то, что в Филипповке осталась швейная машинка «Зингер», которая, как никогда, пригодилась бы сейчас! Было обидно, когда в адрес немцев бросали страшные слова: «Фашисты!» С этим приходилось жить и мириться.

Слушая рассказы бабушки, мы спрашивали, осталась ли у неё обида на русских. Она отвечала, как всегда мудро и достойно: «Какая обида! У нас было одно горе на всех – война!»

Гельд Лидия
Давыдовна с сыном
Андреем

Во время войны существовал налог, по которому должны были сдавать государству мясо, молоко, яйца, — это вдвойне усугубляло и без того тяжёлое положение и не только эвакуируемых. До 1956 года немцев обязывали проходить унижительную процедуру отметки в комендатуре.

«Беда не приходит одна», гласит известная пословица. Муж Лидии Давыдовны, наш дедушка, умер в поле во время обработки химикатами. Ему было 50 лет. Все понимали, что смерть дедушки была на совести бригадира. Но кто бы тогда решился подать в суд, ведь дедушка был немец!.. Бабуле пришлось одной поднимать семерых детей.

Со временем русские немцы показали себя трудолюбивыми, ответственными, многие из них были настоящими мастерами своего дела: плотниками, столярами, швеями. Бабушке помогло прокормить семью её мастерское умение тонко пряхть шерсть, отбеливать и вязать ажурные платки. Постепенно местное население стало снисходительней относиться к немцам, даже уважать их за мастерство и хозяйственность.

Случилось так, что мы очень рано остались без отца. Нас было пятеро детей, самому старшему Сергею было 8

лет, младшей — Татьяне едва исполнилось два годика. Бабушка тяжело переживала смерть своего сына Андрея (нашего отца). Она осталась жить со снохой и внуками, помогала нашей маме растить нас.

Приходилось нелегко. Работы было много. Держали большое хозяйство, за всем нужен пригляд. Семья большая, всех надо кормить. Бабушка руководила всем этим большим «колхозом». Руководила умело, мудро, по-хозяйски. У каждого из нас были свои обязанности по дому. Она воспитывала в нас трудолюбие, дисциплинированность, ответственность. Фраза «Бабушка сказала!» была для нас законом и не подлежала никаким сомнениям. Все внуки любили, уважали, ценили бабушку и гордились ею. Она была строгая, требовательная, справедливая. Бывало, и наказывала за шалости, но мы этого заслуживали.

В её жизни будней было больше, чем праздников. Вставала ещё до рассвета, топила печь, готовила завтрак, отправляла внуков в школу, хлопотала по хозяйству, вязала, шила. А в субботу бабушка пекла пирожки в русской печи. Таких вкусных пирожков мы больше никогда не ели!

Помню, как гордилась бабуля своим внуком Сергеем (она звала его mein Sohn), когда он поступил в институт. Сама неграмотная, она понимала важность образования и всегда напутствовала нас: «Учитесь, грамотный человек никогда не пропадёт!».

В последние годы жизни Лидия Давыдовна тяжело болела. Мы очень переживали, плакали, видя её страдания. В минуты прощания с жизнью она мысленно возвращалась в своё прошлое. Сложная, трудная судьба выпала на её долю, но она выстояла, и что очень важно, не озлобилась, не потеряла веру в добро и справедливость. Многие из её земляков-немцев тогда уезжали в Германию, но она осталась здесь, для неё отчим краем стали те места, куда они были выселены.

История нашей семьи — это история немцев, родившихся в России и ставших по-настоящему русскими.

По немецкой традиции в семье принято называть детей именами своих ро-

дителей. Так и в нашей большой родне живёт в памяти имя нашей бабушки: в её честь назвали дочь Лидией и двух внучек, а любимый внук Сергей мечтает назвать свою будущую внучку Лидочкой. И это не случайно! Память продолжает жить в именах наших детей, внуков и правнуков. Не прерывается нить, связывающая нас с предками. Звучная фамилия Гельд повторяется уже в четырёх поколениях!

**Екатерина Коновалова
Татьяна Якушенко**

Мошковский район

И чтобы вновь не вспыхнула война

В 1922 году в крестьянской семье родилась девочка, которую назвали Галей. Когда ей исполнилось 8 лет, пошла в школу. В школе училась хорошо, дома «играли в школу», где Галя была, конечно, учительницей. После окончания 10 классов её детская мечта, стать учителем, осуществилась. В августе 1940 года она была принята в Мошнинскую восьмилетнюю школу учителем географии и химии. И это – единственная запись в её трудовой книжке, правда, есть ещё запись, сделанная через 34 года – уволена, в связи с уходом на пенсию. Недолгим было это счастливое мирное время!

22 июня 1941 года... Война! В апреле 1942 года, когда Гале Кашниковой исполнилось всего 19 лет, она была призвана Мошковским РВК на военную службу.

Вот, что вспоминает наша героиня:

«Первый эшелон с девушками из Сибири был отправлен в апреле 1942 года. Мне тогда было 19 лет. Сначала нас повезли в Харьков, но фронт уже проходил близко к городу и нас повели обратно, пешком. Ночью шли, а днём укрывались, чтобы не попасть под бомбёжку. Приехали мы в своей одежде, а потом, в одном украинском селе, нас переделали в военную форму, мы приняли присягу и пошли дальше...»

Запись в ее красноармейской книжке «Вещевое имущество»: сорочка – 2 шт., трико – 2 шт., чулки – 1, бюстгалтер – 2, платок носовой – 1, портянки

летние – 1, сапоги – 1.»

Эти вещи выдавали на лето, а к зиме выдавали обмотки, полушубок, валенки, кроме этого солдатам выдавались наволочка тюфячная, простыня, одеяло. Удивительно читать эти записи, которые сделаны 74 года назад чернильной ручкой!

«Пришли в город Балашов, там нас расформировали на зенитчиков, прожектористов и связистов. Я попала в связь и была телефонисткой 43-го прожекторного полка до конца войны. Нас немного поучили и направили в Сталинград. По дороге наш поезд разбомбили.

Наш 43 полк участвовал в битвах под Сталинградом. В Сталинграде мы стояли на острове «Лягушатник». Наш прожекторный полк освещал самолёты противника.

В июне 1942 года усиленно бомбили города и посёлки Поволжья. Ближе всех к Сталинграду был город Саратов. Там был большой железнодорожный мост, через который из Сибири везли всё, что нужно было для фронта: продукты, боеприпасы. В Саратове было много заводов: авиационный, станкостроительный и другие, где делали боеприпасы. Во время войны была построена эта железная дорога, которая соединила промышленные центры с сельскохозяйственными районами. Во время наступления гитлеровцев под Сталинградом эта дорога имела большое стратегическое значение. Поэтому противник, во что бы то ни стало, хотел разбомбить дорогу, мост, заводы...

Осенью наш полк перевели на оборону Сталинграда. Перед нами стояла задача: обеспечить освещение противника на подступах к городу. Разместились в ноябре: холод, сырость, снег, а девушкам нужно было выкопать себе землянки, накатывать брёвна, оборудовать боевые позиции. Всё делали самостоятельно: копали, сами плотничали...

Первые сигналы о налетах вражеской авиации поступали от постов. Воздушный наблюдатель постов, напри-

мер, сообщал: «Замечен самолет «Хенкель-3», летит с юга на север на такой-то высоте. Идет сообщение по телефону на прожекторные точки: «Самолет! К бою!» По приборам определяют высоту полета, и производят выстрел лучом. Если самолет попал в луч, соседние установки направляют на самолет тоже свои лучи и берут его в «клещи», теперь дело за зенитчиками и истребителями. Например, двухметровый бомбардировщик

летел, чтобы разбомбить мост, летчик был уверен, что вышел на цель точно, но тут же попадал в луч прожектора и терял в пикировании курс, а тут второй луч и заметался самолет.. В секунды дальномерщик зенитной установки определял высоту полета, команда зенитчикам: «Батарея! Огонь!» И зенитки били метко! Остальные вражеские самолеты, стараясь спасти своего ведущего, сбрасывали бомбы куда попало. Часто попадали бомбы и на прожекторные и зенитные установки...»

22 декабря 1942 года была учреждена медаль «За оборону Сталинграда». На-ша землячка, в числе других защитников города, была награждена медалью «За оборону Сталинграда».

«Когда под Сталинградом началось наступление наших войск, налеты почти прекратились. Нас отправили в Польшу. Стояли в Люблине, Варшаве.

Ученики Галины Ивановны, 1958 г. с. Мошноно

А потом повезли в Германию. Я была телефонисткой 5 корпуса ПВО. Наш корпус дошел до Берлина, а 43 прожекторный полк (в котором я служила) участвовал в световом обеспечении наступления советских войск на Берлин.

16 апреля 1945 года мы дошли до Рейхстага, где я (как и многие солдаты) расписалась на стене Рейхстага.

Гордо и приятно осознавать, что в общей Победе есть капелька моего участия и труда»

Мы победили!

Вернувшись домой, в своё родное село, Галина Ивановна вновь приходит в школу – и снова занята самой мирной на земле профессией – учитель – всю свою жизнь, теперь начальных классов. Скольких детей научила грамоте за три десятилетия работы в школе эта замечательная женщина! Скольким дала путёвку в жизнь! Бывшие её ученики до сих пор теплыми словами вспоминают свою первую учительницу.

Но народ верил в светлое будущее, работали много. Хотя было очень тяжело, все были очень дружные, веселые, дети в школе стремились к учению, помогали родителям дома

и на колхозных работах. Всем хотелось поскорее наладить порушенное войной хозяйство, поэтому сил не жалели! Постепенно жизнь стала налаживаться. Народ стал жить лучше, стали появляться продукты и одежда в магазинах, очень выручало подсобное хозяйство: выращивали много картошки, овощей, разводили скот и птицу. Взрослые с утра до вечера работали в колхозе, а домашняя работа в основном лежала на ребятишках. Никто не отлынивал от работы, сначала сделают работу по дому, а уж потом – на речку, в лес, да на улицу поиграть.

**Галина Смуськина,
Дмитрий Мазин, Татьяна Львова**

Черепановский район

Из воспоминаний посеvнинских ветеранов

В истории человечества Вторая мировая война – глубокая, кровавая рана. 72 государства были втянуты в неё, 110 млн солдат мобилизовано, 64 млн погибших, в том числе и 27 млн советских граждан.

В годы войны из моего посёлка Посевная тоже уходили на фронт... И я считаю за великую честь жить в одном селе с теми, кто помнит о своём вкладе в Победу Родины и может с гордостью за себя и свой народ поведать нам об этом.

Один из участников сражения под Прохоровкой – инвалид Михаил Яковлевич Пащенко.

Он, механик-водитель, всю войну прошёл в танковых войсках, трижды горел в танках. Сражение под Прохоровкой показало превосходство советской техники над немецкой. Михаил Яковлевич вспоминает:

«...Как-то всё перемешалось, чёткой линии – где враги, где наши – не было. Наверное, многие видели американский десятисерийный документальный фильм «Неизвестная война». Одна из серий посвящена Прохоровскому сражению. Надо сказать, показано всё достоверно. Из огненных клубков горящих танков выскакивали танкисты

и бросались в речку, чтобы сбить с себя пламя. Бежали к воде немцы, бежали русские и, избавившись от огня, сходились врукопашную. Таков был накал битвы...».

Во время боя Михаила Яковлевича контузило и только в госпитале он узнал о победе в этом кровопролитном сражении. Когда его подлечили, он смог участвовать в освобождении Киева, Житомира. Но в 1944 году получил тяжёлое ранение, и война для него закончилась окончательно.

Был награждён правительственными наградами. В мирное время пахал, сеял, водил сцeпы комбайнов.

Фронтовик Лаврентий Васильевич Гусельников начинал с работы на военном заводе в Новосибирске: обслуживал станочников. Они вытачивали болванки для 152-миллиметровых гаубиц. Но однажды ему и ещё нескольким юношам вручили повестки и увезли в Черёмушки Омской области. 4 месяца группа познавала азы военного искусства. Лаврентий Васильевич считает:

«Напряжённая учеба помогла нам в боях!».

После подготовки его стрелковый полк вошёл в состав второго Белорусского фронта. И впервые же дни Лавруша, как его прозвали сослуживцы, ощутил, что значит потеря товарищей. Прошли Польшу, и он впервые увидел Европу. Но на злополучной реке Одер от осколков фашистской мины был контужен, и его ожидали месяцы лечения в госпиталях.

В 1946 году Гусельников вернулся к мирной жизни. Научился плотничать и посвятил 40 лет сельскому хозяйству.

Один из представителей грозной, прославленной пехоты – Василий Михайлович Карамышев. В своей жизни солгал всего один раз, когда в военкомате заявил, что ему 18 лет. На вопрос: «Что такое пехота?» отвечает:

«Это горячая, проникающая в лёгкие пыль, это сапоги, которые не вытащишь из грязи. Это жара! И это морозы, обволакивающие каждое ребрьшко твоего тела, это соловьи, раздрающие по частям твою душу. И похоронки,

Михаил Яковлевич Пащенко

Лаврентий Васильевич Гусельников

похоронки... Сложи их вместе по листочкам – в сто таких томов, как «Война и мир», не уместить. Пехота – это длинный, на многие километры зигзагообразный окоп – крепость и дворец пехотинца. А над поверхностью этого зигзага беснуется смерть...».

Василий Карамышев обучался снайперскому искусству и разбирается во всех тонкостях этого дела.

Во время наступления на деревушку около реки Прут он преследовал немца и за несколько мгновений до смертельного удара штыком понял, что перед ним мальчонка лет 13–14. Когда он увидел плачущего мальчишку, его охватила жалость.. Пехотинец сказал немчонку: «Ты же убить меня хотел, а теперь такое право у меня!». Но отпустил Василий Михайлович пленника и показал, где походная кухня. А мальчишка прибил к полку...

Ранение в 1944 году не позволило смелому солдату продолжать службу.

Вернувшись с фронта, Карамышев стал работать. Руки-то у него золотые, со всеми деревенскими работами справляется.

Никита Андреев

Сузунский район

Из сердца каждая строка

Я держу в руке пожелтевшие солдатские письма, тревожные и радостные свидетели Великой Отечественной войны. Их писали на тетрадных листах, листочках из блокнота, на обрывках разной бумаги, почтовых открытках. Чаще они были написаны простым карандашом, (который можно было уместить в шапку-ушанку или пилотку, и реже чернилами и простой

ручкой. Писали в землянке, на коленках в окопе или на лафете пушки.

Держу фронтовые письма в руках, и сердце пронзает острая боль – ведь они были единственной тонкой ниточкой между людьми разлученными судьбой, быть может, навсегда. В них солдаты изливали свои переживания с первых дней войны.

Из письма Школдина Дмитрия, написанного в начале июля 1941 г.: *«Здравствуйте дорогие родители, тятя, мама, Катя, дедушка, бабушка. Шлет горячий привет ваш сын Митя. Во-первых, сообщаю, что в настоящее время нахожусь жив, здоров. Не писал вам так долго по причине, а причину все знают – это война. С 18 июня и по сегодняшний день находились в походах, боях. С того дня как началась война пришлось хватить, как говорят, и плохого, и хорошего. Около шести раз были в бою, в таком бою, что многим товарищам пришлось поплатиться своей жизнью». Последнее известие от Дмитрия семья получила 27 июля 1941 г. К сожалению, судьба его неизвестна, он, как и тысячи других парней, пропал без вести на фронтах Великой Отечественной.*

Переживая страшные трагедии, происходящие на их глазах, солдаты находили в себе силы и для поддержания духа родных в тылу. Так, Михаил Васильевич Хлебников писал семье, когда погиб брат: «Привет с фронта. Добрый день или вечер. Здравствуй нянька, Тоня с детками. Посылаю вам свой горячий, сердечный привет и желаю всего хорошего в жизни. Во-первых строках своего письма хочу сообщить, что получил ваше письмо, за которое сердечно благодарю. Нянька, услышал в вашем письме очень не хорошую новость, большое несчастье с браткой, и очень мне жаль вас с детками. Но нянька, не у вас одних несчастье в это время. Да, если живой буду, то не забуду я вас, но прошу вас очень, себя не губить.

Конечно, тяжело, но как-нибудь переживайте. Только бы побыстрей война кончилась, тогда мы вам поможем в жизни. Нянька, жизнь моя пока не завидная, но пока живой и здоровый, прошу дать мне ответ и передать мой

Письмо
Школдина Д.С.
от 27.07.1941 г.

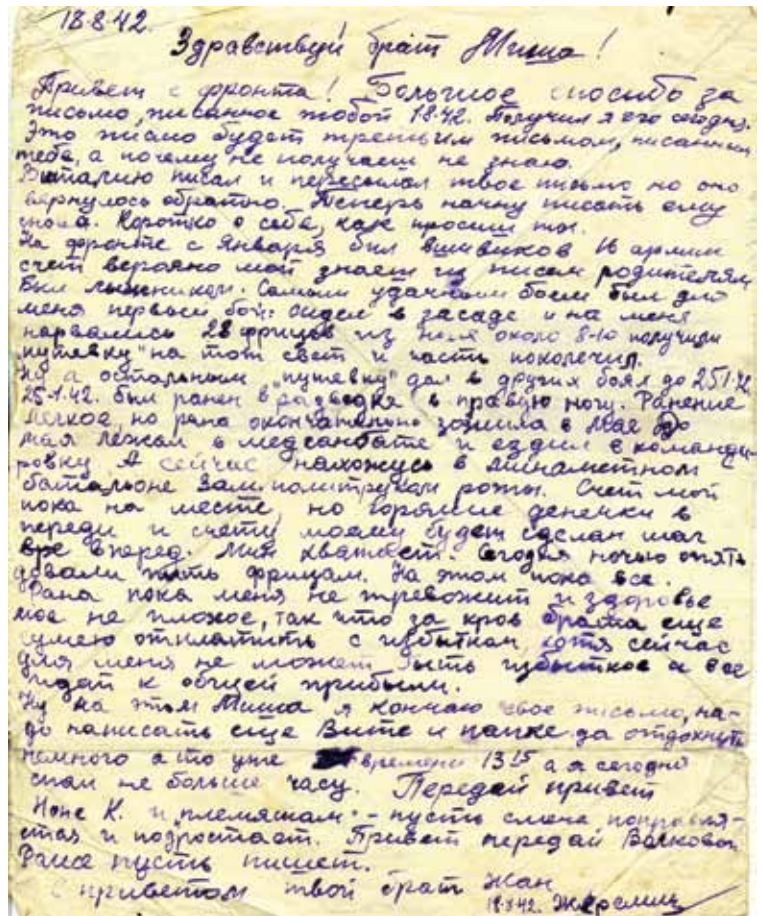
привет всем родным. На этом пока. Ваш брат Михаил».

А в письмах с фронта Еремина Жана Автономовича всегда забота и беспокойство о младшем брате. «Здравствуйте дорогие родители! Шлю вам горячий фронтовой привет. Да, что-то вы в последнее время молчите, уже третий месяц нет от вас писем. От Миши тоже не получаю, поэтому ничего о нем не знаю. На днях я получил выписку из приказа о награждении, награжден орденом «Красной звезды», но награду пока ещё не получил».

Коротко о себе. Живу, как все на фронте, здоровье не плохое. А братишка Витя пусть решит географическую задачу, найти на карте город Невель и город Полотск, описать рельеф, растительность, хозяйство и промышленность этих районов. Папа, проверяй его почаще как он учиться, если эту задачу он решит, то я ему вышлю премию. С приветом ваш сын Жан».

С большой скорбью делились с родными о пережитом на передовой, о встречах с людьми, освобождёнными из фашистской оккупации. Так об этих событиях рассказывал Братцев Анатолий Алексеевич:

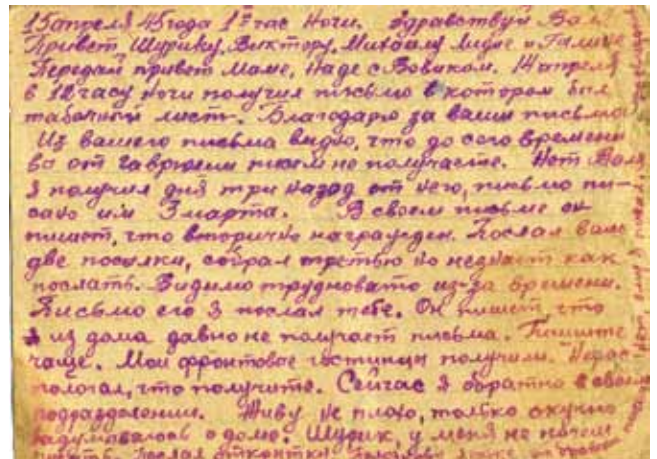
«Здравствуйте, мои дорогие мама и папа. Наконец-то имею возможность написать вам. Во время наступления получил от вас несколько писем. За этот срок у меня прошли некоторые изменения. Нахожусь как раз под городом моего училища, погода сейчас на Украине самая лучшая, в садах сливы, яблони, груши, а в Лозовой даже

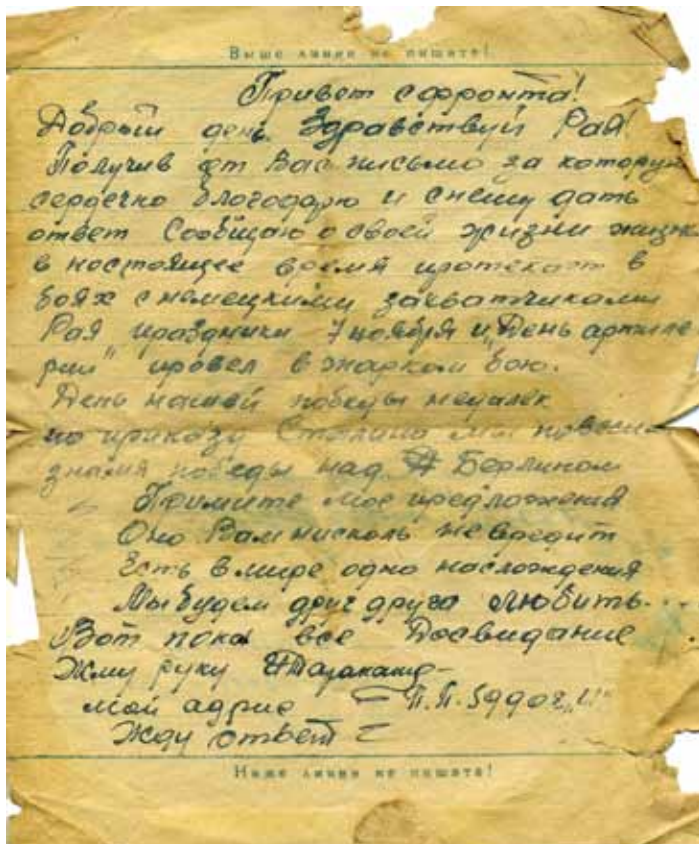
Фронтовое письмо Еремина Ж.А. брату Михаилу, 18 августа 1942 г.

виноград. Вы не можете представить, как нас радушно встречают люди, которые два года были под фашистским ярмом. Слезы, объятия! Эти встречи забыть нельзя, как нельзя забывать и зверство гитлеровцев на Советской земле. Я живу хорошо, здоров, настроение было и есть самое великолепное, обо мне не беспокойтесь. Единственное от чего я страдаю так это то,

Почтовая карточка Антошиной В., 15 апреля 1945 г.

Почтовая карточка Антошиной В., 15 апреля 1945 г.

что фриц у меня второй раз портит фотокарточки. Совсем пропали фототшоры и карты и открытки Украинских видов, но это все ничего главное здоров и весел, по-прежнему ваш сын Анатолий».

Но дожить до победных дней Анатолию Алексеевичу не удалось, погиб в бою.

Многие авторы писем, хранящихся в музее, не встретили май 1945 г. Ещё горше становится от того, что солдаты погибали в последние дни той роковой войны.

Слободчиков Николай Михайлович родился в с. Заковряжино. В 1941 году ушёл на фронт, прибавив себе к возрасту два недостающих года. Погиб в апреле 1945 года. Письмо, написанное им 3 октября 1944 года, пронизано чувствами глубокой радости и веры в скорейшее окончание войны.

«Здравствуй Глаша! Сердечно благодарю за фото и письмо. Вот теперь и ты побываешь со мной в Латвии. Я безусловно послал бы вам свое фото, но к сожалению не имею такой возможности. Живу пока хорошо и очень рад, что вы живете пока не плохо. Новостей особенно никаких нет, стоим на месте, скоро пойдём вперед добывать остатки фашистских гадов. Да, я тоже соскучился о вас хотя бы один день побывать с вами, ну что поделаешь, война. Вот сейчас, сижу в лесу прислонившись на пень пишу вам письмо, а недалеко от меня работает наша артиллерия, посылая снаряд за снарядом на головы немецких бандитов. Ну, ничего, скоро этих гадов перебьём и тогда, тогда всё будет хорошо».

Война разлучала судьбы, но не могла разлучить сердца. И солдатские письма становились весточками сердечных признаний в искренней любви. В фонде музея сохранилось письмо, написанное Кирюхиной Раисе Васильевне, проживавшей в с. Шипуново, от Тараканова Ивана.

«Привет с фронта! Добрый день. Здравствуй Рая! Получив от Вас письмо за которую сердечно благодарю и спешу дать ответ. Сообщаю о своей жизни. Жизнь в настоящее время протекает в боях с немецкими захватчиками».

Рая праздники 7 ноября и «День артиллерии» провел в жарком бою.

День нашей победы недалек. По приказу Сталина мы повесим знамя победы над Берлином.

*Примите мое предложения
Оно Вам нисколько не вредит
Есть в мире одно наслаждения
Мы будем друг друга любить...*

Вот пока все. До свидания. Жму руку

*Мой адрес ПП 39908 «4»
Жду ответа»*.*

Аккуратно сворачиваю письмо тем же солдатским треугольником, как это делали более семи десятков назад. Чувство трепета и скорби тревожит сердце. Ведь в пропахших порохом строках – дыхание войны, суровых окопных будней, и нежность солдатского сердца, и вера в Победу... Победу, которую они завоевали!

Татьяна Емельянова

Чистоозерный район

**...И медаль
«За победу над Японией»**

2 сентября 1945 года в Токийской бухте на борту линкора «Миссури» был подписан акт о безоговорочной капитуляции союзницы Германии – империалистической Японии. Слушая рассказы о войне с Японией, очевидца из деревни Мироновка Чистоозёрного района Антона Степановича Клименко, перед глазами рисовались картины полные дыма, пыли и огня.

В армию мой земляк попал в 1940 году, так как пришло время служить, но потом началась война.

Антон Клименко попал в 157 стрелковый полк и стал стрелком-снайпером второго класса. На его глазах погибали друзья и товарищи. Временами казалось, что день – это ночь, а земля горит под ногами.

С тех военных лет прошло уже много времени, но Антон Степанович отчётливо помнил, как разорвало на куски друга Сашку, с которым они спрятались в воронке при бомбёжке, надеясь на то, что дважды снаряд в одно место не попадёт.

Но буквально за три минуты до следующего взрыва что-то ёкнуло внутри, и Антон пулей выскочил из укрытия, а Сашка остался...

Помнил солдат и зверства жестоких женщин-японок, молодых снайперш, которые по ночам заползали как змеи в расположение советских войск и перерезали горло солдатам, а если не удавалось уйти, то и себе (ведь они были смертницами).

14 августа 1945 года отгремели бои с японцами на сопках Маньчжурии, началась демобилизация. А наш герой продолжал служить. Провожая боевых друзей домой, радовался и верил, что придёт его черёд. Но черёд пришёл только через семь лет.

Очень уж много работы было после войны: солдаты ремонтировали и восстанавливали дороги, строили дома, пилили лес, делали всё для восстановления народного хозяйства.

Только в 1952 году возвратился Антон Степанович домой, в родную Мироновку, домой – в семью старшего брата Григория, родители у них умерли от тифа, оставив девятерых детей крупными сиротами и старший брат стал им и отцом и матерью.

Встал вопрос о работе и женитьбе. Работа нашлась сразу -помощник конюха, он знал чего хотел, а в жёны присмотрел соседку Марину. Сошлись без шумной свадьбы, тихо, так как у неё уже было трое детей. А потом появились ещё, но уже совместных – четверо.

В работе Антон Степанович проявлял завидное постоянство. К лошадям душа прикипела еще с детства и всю свою жизнь, он работал только с ними. Был уверен, что они умнее любого животного, а порою и человека, так и говорил: «Лошади – моя отдушина». Со своими обязанностями справлялся всегда на отлично. В конюшню приятно было зайти: чистота и порядок, животные ухожены и накормлены. Лечил их тоже сам. Поил отварами, растирал своими мазями.

А нерадивым наездникам, которые плохо относились к лошадкам, от невысокого, сухощавого, но сурового Сте-

Антон Степанович Клименко

* Орфография авторских писем сохранена.

паньча доставалось так, что они долго потом обходили конюшню стороной.

Всегда интересным зрелищем было возвращение табуна домой. Маршрут проходил мимо деревенского озера, далее через площадь и центр села, через две сельских дороги, и лишь потом к загону фермы. Часто детьми мы прислоняли ухо к земле в ожидании движения табуна: гул стоял такой, что земля дрожала.

Лошади пролетали стрелой! Зеваки, разинув рот, долго смотрели вслед табуна, который исчезал в клубах пыли.

А народ удивлялся, что за слово знает Степаныч, – ведь не было ни одного происшествия и ни одного пострадавшего за время стремительного бега табуна.

Дивились и тому, что лошади пасутся рядом с полем овса, а в овёс никогда не зайдут! Колдует, не иначе слово заветное знает, шептались в деревне. А он улыбался и ничего не опровергал. Так никто и не узнал заветного слова Антона Степановича...

Не было в 70–80-х годах такого человека в округе, кто бы не знал знаменитого конюха. По натуре заводной, весёлый, энергичный, на любом гулянье первый плясун. И в состязании на праздниках проводов зимы Антону Степанычу не было равных. Его тройка всегда выделялась красивой упряжкой и убранством, а лошади, как на параде, гарцевали на деревенской площади.

Трудолюбивый, в народе говорят «жадный до работъ», выйдя на пенсию, он ещё не один год помогал колхозу.

После смерти жены Антон Степанович ещё какое-то время жил в Мироновке. В его доме был полный порядок, а огороду и погребам, полным разносолов, могла позавидовать любая хозяйка. В ограду всегда вовремя привезён уголь и навалото дров на много лет вперёд...

Общаясь с Антоном Степановичем, я думала о том, как мало мы знаем о тех, кто живёт с нами рядом.

Мой земляк бережно хранил несколько старых фотографий и все документы, среди которых было и удостоверение об участии в боевых действиях против японских империалистов.

И медаль «За победу над Японией».

Ольга Демиденко

Татарский район

Две Родины

22 июня 1941 года, без объявления войны, Германия напала на Советский союз, нарушив пакт о ненападении. Нелегко было всем, и русским, и украинцам, и белорусам. Именно они первыми приняли удар на себя. Их население и территория пострадали больше всего.

Мои бабушки – Эрна Карловна и Эльза Карловна из поволжских немцев. Ничто не предвещало беды – построили всей семьёй большой красивый дом, в который вселились осенью 1940 года. Все были довольны. Бабушка – Екатерина Петровна, и родители – Мария и Карл Губер ходили вокруг красавца дома и говорили, что теперь заживут ещё лучше, чем прежде.

Весной 1941 года вновь зацвели яблони, груши, сливы в саду, возле нового дома. Казалось, что они цветут так, как ни разу в жизни не цвели. За домом ухаживали бережно и с любовью, чтобы кормилец дал хороший урожай. Нужно было купить новые вещи для детей, которые шли в школу – Эльзе, Эрне, Фриде.

... Все оборвалось в одночасье. Мирная жизнь, покой, мечты о будущем, все остановилось. Началась война.

Немецкие войска рвались к Волге. Правительство Советского Союза боялось, что часть русских немцев перейдёт на сторону фашистов, решило их эвакуировать. Вышел указ правительства о высылке немцев Поволжья от 28 августа 1941 года.

Когда шла эвакуация, разрешили взять только самое необходимое и ценное, документы. В Энгельсе погрузили их в эшелон № 761, и повезли в Сибирь. Ехали долго, почти две недели. 23 сентября ночью приехали на станцию Татарская. Изнуренных поездкой детей, стариков и взрослых построили на перроне и по очереди стали усаживать их на подводы, которые затем увозили их в сёла района.

Началась новая жизнь, которой никто не позавидовал бы.

Семья моих бабушек (Губер) была направлена в деревню Чаны-Сакан.

Сначала жили на квартире, затем им выделили отдельный дом. Но по-прежнему их называли «фашистами».

Недолго прожила Мария Яковлевна – жена моего прадедушки. Умерла она через два месяца после приезда в Сибирь. В декабре 1941 года забирают Карла Филипповича – отца семейства – в Трудармию. На руках беспомощной старой женщины Марии Петровны (ей было 79 лет) остаются пятеро детей. Младшей – Марии – в то время было полтора года.

Голод и холод уносили жизни людей. Дети меняли на картошку привезенные вещи – платья, рубашки, сорочки.

Эрна Карловна вспоминает: «Когда нам сказали, что будут эвакуировать, бабушка сказала «Девки, наденьте на себя столько вещей, сколько сможете». Мы надели. На мне было пять или шесть платьев.»

Одни жители жалели ребят и делились картошкой. А было и так: вместо картофеля клали кожуру.

В апреле 1942 года беда вновь вернулась в дом: умерла старенькая бабушка. В январе 1943 года, заболев тифом, умирает 17-летняя Фрида. На руках 16-летней Эльзы остаются трое ребят: Эрна (12 лет), Готлиб (Николай, как местные ребята прозвали мальчишку, 9 лет), и Мария (3 года).

Как они выжили...Одному Богу известно.

И Эрна Карловна вспоминала:

«Добрых людей на свете больше, чем плохих. Кто картошки мелкой насыплет, кто пригоршню муки даст. Ходили по огородам, собирали мороженую

картошку. Но вот выделили нам корову. Чем её кормили – не помню, но она выжила у нас. Когда отец вернулся домой из трудовой армии, в хозяйстве корова была».

С возвращением отца радость наконец-то поселилась в доме. В тот год посадили картошку и другие овощи. Жить стало намного легче. Вернулся отец, но в трудовую армию забрали Эльзу. С октября 1943 по 1947 год не было дома Эльзы. Но в трудармию забирали не только немцев, но и русских для работы на заводах. Эльза работала на военном заводе в Томске, где изготавливали снаряды для пушек и танков, на шахте в городе Прокопьевске (Кемеровская область).

Отец неделями не бывал дома. Работал на молотяге – ездил по всему району. Ребятишки жили одни. Эрна была хозяйкой в доме. Зимой ездила в лес за хворостом на санках, с сеновала возила солому для коровы. Было трудно. Но они выжили! Жили, доказав всей своей жизнью, что не «фашисты», а люди, умеющие мужественно переносить горе, страдания.

Вся последующая жизнь моих бабушек заключалась в труде, в воспитании детей и внуков. Их труд вознагражден по заслугам. У них есть медали, грамоты, звания «Ветеран труда».

«Сибирь – наша вторая родина» – говорят мои бабушки. – «Мы здесь прожили больше чем там, в Поволжье».

Стираются в памяти некоторые детали, события, но страшных лишений им не забыть никогда. Я хочу, чтобы пережитое моими бабушками никогда не повторилось. Для этого нужно помнить и знать свою историю, но главное – беречь мир. Я могу только лишь гордиться своими бабушками и преклоняться перед ними. В нашей семье бережно хранят их воспоминания, записаны в архив многие истории, даже детские. Гордость за членов своей семьи – непередаваемое чувство, и мне оно знакомо!

Юлия Машталлер

Купинский район

Фронтовые весточки

В нашем 6 «а» классе большое событие. Мы меняем мебель. Разбираем деревянные самодельные стенки, потом здесь будут ставить современные удобные стеллажи. А пока – грандиозная уборка. Разбираем содержимое старых шкафов. Чего здесь только нет! И старые тетради, поломанные глобусы, карты по истории! Мы держим в руках черный конверт из бумаги, которую когда-то использовали для хранения фотографий. Заглядываем внутрь и обнаруживаем тетрадные треугольники. Сначала даже не поняли что это! Внимательно рассматриваем, вчитываемся.

Эти около десятка пожелтевших и выцветших треугольников, полученных от сыновей в годы войны, которые до самой смерти бережно хранила мать – Татьяна Абрамовна Трегубенко. Много пролито над ними слез, много всякого передумано. Что наделала она, война! Какое горе, какие страдания принесла людям!..

Потом она отнесла их в Музей Боевой славы школы № 80, где учились сыновья. Прошло время. В музее иногда текла крыша, потом через его помещение ходили слесари (был ремонт отопления). За годы сменилось несколько учителей, отвечавших за работу музея. И письма каким-то образом остались лежать в шкафу.

Старший, Толик, хорошо учился в школе, получал грамоты. Но закончить десятилетку не удалось – ушел добровольцем в армию. Через некоторое время и младший, Саша, был мобилизован. Каждый день ждала мать от них писем и горевала, когда их долго не было. Поддерживали в это трудное время добрые слова утешения женщин коллектива артели «20 лет Октября», где она работала... Но беда не заставила себя долго ждать...

Мы напечатали отрывки из писем. Читая их понимаешь как сильно сын любил и уважал свою маму, как переживал за нее. В каждом – «дорогая мамочка, береги себя, о нас не беспокойся...». Но где там! Теперь нашем

школьном музее хранится небольшая часть писем-треугольников старшего сына Татьяны Абрамовны. Читать их без волнения нельзя...

10 сентября 1943 года. «...Дорогая мама, братик Шура, здравствуйте! После того, как мы встретились в Татарске, я ехал поездом до Орла. Дальше пошел пешком. Идем километров 25 в сутки. Трудно в походе, но ничего не поделаешь – время военное. По всей видимости, выходим на Брянское направление. В бою еще не были...»

25 октября 1943 года. «...Получил второе письмо. Нахожусь на западной стороне Днепра, километрах в трех от фронта. Кормят хорошо. Вышлите теплые носки и перчатки. В бою еще не был...»

29 октября 1943 года. «...Дорогая мама, нахожусь в нескольких километрах от линии фронта. Кормят хорошо, в бою не был. Не беспокойся, береги себя. Все будет хорошо»

5 ноября 1943 года. «Поздравляю с 26-й годовщиной Октября, желаю крепкого здоровья... Нам выдали зимнюю одежду – фуфайку, шапку, подшлемник. Сейчас я – командир отделения, сержант».

9 ноября 1943 года. «... Получил подарок от трудящихся Киевского района Москвы в честь 26-й годовщины Октября – конверты, открытки, блокнот, табак и курительную бумагу. Спасибо москвичам».

25 января 1944 года. «...Дорогая мамочка, из вашего письма узнал, что Шурика взяли в армию, и вы остались одни. Война, ничего не поделаешь, всем надо защищать Родину. Как-нибудь выходите из положения...»

20 февраля 1944 года. «...Послал перевод на 1000 рублей. Обо мне не беспокойтесь. Если хотите узнать, как на фронте, спросите у дяди Емельяна или же у Романа Ивановича – они воюют старые, хватили лиха...»

14 марта 1944 года. «...От Шуры получил письмо, пишет, что живет ничего. Я нахожусь в Белоруссии, недалеко от города Каринковичи. Поют жаворонки, вспоминаю вас и родной край...»

22 марта 1944 года. «...Дорогая мамочка, послал домой пять фотокар-

точек, посылку, два перевода по 300 рублей... Прошло уже два года, как я не дома, скучаю по вас...»

2 мая 1944 года. «...С марта я – кандидат в члены ВКП(б). Нахожусь на передовой на одном из фронтов в Западной Украине. На заем подписанся – месячный оклад, 400 рублей. Первоймай отпраздновали неплохо. Жив буду, приеду, обо всем расскажу...»

14 мая 1944 года. «...8 мая ранен осколком снаряда в верхнюю часть правой ягодицы. Нахожусь в госпитале, передвигаюсь с костылями... Не волнуйтесь все в порядке, задерживаться здесь не собираюсь...»

26 июля 1944 года «...Здоровье ничего, прибавил в весе. Едим фрукты, со мной ребята из Ояшинского района и из Павлодара...»

18 августа 1944 года. «... От Шуры нет писем и мне. Сегодня напишу командиру его части. Пока в госпитале, Вы спрашиваете, какой я видел сон. Так вот, видел, что у нас дома отвалилась стена у сарая. И ночью иду как будто с улицы, а в сарае огонь горит. Подошел с вилами, а из-под коровы – собака. Хотел приколоть, но никак не дотянулся до нее, и она исчезла...»

2 ноября 1944 года. «... Дорогая мамочка, послал вам 500 рублей. Можно было бы больше, но выдают польскими злотыми. Люди здесь живут совсем не так, как у нас. Колхозов нет. Имеет хозяин небольшой участок земли – гектар – полгектара песчаников (хорошая у помещиков) и лошаденку – в лучшем случае. В большинстве своем люди безграмотные. Дети у них лет с семи уже помогают всюю родителям. Деревень больших нет, а так

себе – усадьбы. То там, то здесь разбросаны домишки. Живет польский крестьянин, зарывшись в землю. Если спросите у него, знает ли он деревушку километров за 20, то он ответит: «Нет, пан». И как же ему знать, если он нигде не был отродясь... Хватит, а то я слишком расфилософствовался...»

26 ноября 1944 года. «... Меня наградили медалью «За боевые заслуги». Выслал 800 рублей. Берегите, мама, свое здоровье и ждите нас с победой...»

13 февраля 1945 года «... Нахожусь в Германии, в логове проклятого зверя, километрах в 70 от Берлина. И нет сомнений, что скоро будем в нем... Когда шли по Польше, население нас встречало с радостью, с цветами. Многие возвращались из плена – бледные, худые, со слезами радости на глазах. Благодарили нас как освободителей. Когда стали подходить к германской границе, начали попадаться гражданские немцы, но очень мало. Основная их часть удрала с войсками. Когда же вошли в Германию, то увидели целые деревни пустые. Зайдешь в дом – все на месте, а хозяина нет. Когда видишь горят деревни – сожалений не испытываешь. Враг жеж наши села, радовался, теперь пусть смотрит, испытывает горе на своей шкуре. Немцы гражданские смотрят на нас из-под лба, но отдельные делают вид, что рады нашему приходу. Сбываются слова товарища Сталина о том, что будет и на нашей улице праздник...»

14 февраля 1945 года. «... Дорогая мамочка, пишите, что живете хорошо. Это меня радует. Только плохо, что от Шуры ничего нет. Два месяца назад я послал розыск в Москву, но ответа не получил...»

22 марта 1945 года. «...Сегодня ночью меня ранило в правый висок, но не здорово царапнуло, так что лечусь сейчас при своей части. Перед боем я получил сразу пять писем. Очень рад...»

31 марта 1945 года. «... Рана зажила. Вернулся в свою часть...»

10 апреля 1945 года. «... Вчера послал вам вам две благодарности Верховного Главнокомандующего...»

(сохранилась ВТО эта: «герою боев зв. сержанту Анатолию Павловичу Трегубенко. За отличные боевые заслуги при овладении крупным промышленным центром – польским городом Радом – важным узлом коммуникаций и сильным опорным пунктом обороны немцев приказом № 222 Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина от 16 января 1945 года вам объявляется благодарность. Командир воинской части 45312»). Берегите их. Пишу на прикладе винтовки и времени нет. Получил письмо от племянницы Нюры, просит 30 рублей денег. Так перечислите ей, мама, рублей пятьдесят, если только есть у вас возможность».

14 апреля 1945 года. «...Мамочка скоро будет победа и вернемся домой...»

15 апреля 1945 года. «...Жизнь моя фронтовая суровая, но ничего не поделаешь – война. Писем не получаю вот уже две недели. Крепко-крепко целую вас и обнимаю, дорогая мамочка. Ваш сын Анатолий...»

Но вот нет писем ни от одного из сыновей. Мать шлет во все концы запросы. Совсем забыла сон, ничто не идет на ум. Наконец в июле сорок пятого приходит страшная весть: «Уважаемая Татьяна Абрамовна, отвечаю на ваше письмо. Ваш сын А. П. Трегубенко погиб от разрыва немецкого снаряда. Осколок попал ему в подбородок и вышел в затылок. И он, не произнеся ни слова, скончался. Он умер на боевом посту, достойный высокой чести и славы. Вы спрашиваете, хоронил ли я его. Нет. Его сразу подобрали работники похоронного бюро. Адреса бюро я не знаю, и сообщить не могу. Документы его я сдал по назначению. Деньги, которые у него были, 260 рублей, я послал по вашему адресу. Мещеряков».

Наступили черные дни, бессонные ночи. Горько было и обидно за судьбу: разве она в жизни делала все не так, что ее постигло такое горе, такая беда. Постоянно отгоняла от себя мысль, что и второго сына может не дожидаться. Саша попал сначала в Ачинск, в школу снайперов. А оттуда поехал

на фронт. Письма шли недолго. Последнее пришло 21 июня 44 года. Потом замолк. А 23 сентября матери ответил помощник начальника штаба по учету воинской части: «Ваш сын Александр 24 июня 44 года был ранен и выбыл на лечение. Адрес его нам неизвестен!»

Елена Будько, Никита Ковалев

Кыштовский район

Израненный, но живой

Война... Её страшное лицо никогда не сотрётся из памяти народной. Не обошла стороной она и мою семью.

Я хочу рассказать про своего прадедушку, Афанасия Даниловича Халайдова (мамин дедушка). Он родился 1 января 1901 года. Когда началась война, мой прадед был уже женат, у него было пятеро детей. Самый маленький был мой дедушка – Виктор Афанасьевич Халайдов, который проживал в деревне Беспаловке. В этом году ему исполнилось бы восемьдесят лет. Именно он и рассказал мне про Афанасия Даниловича.

Моему прадедушке, когда началась война, исполнилось сорок лет, он, как и многие другие, ушёл на войну. После обучения в Татарске был отправлен на фронт связистом. Восточки с фронта приходили редко. Он писал, как участвовал в боях, был на передовой. Несколько раз ходил на разведку и брал «языка». А ещё просил беречь дом и следить за пчёлами. Пчеловодство – это то, что передалось прадеду от его отца, а он – передал моему дедушке.

Писал о том, как тяжело терять боевых товарищей. Однажды их отправили проверить связь, шли они вдвоём, переходя болота и топи. Нашли «порыв», починили связь и сели отдохнуть. Его товарищ залез на дерево, чтобы посмотреть, как сократить дорогу обратно в часть. Жизнь оборвалась на полуслове – его «срезал» фашистский снайпер.

Мой прадедушка был тяжело ранен в ногу, два месяца был в госпитале.

Кочковский район

История трофейного чайника

В нашей семье и сейчас хранятся его медали «За отвагу», «За победу над Германией», несколько орденов.

Так как дедушка был не молодым, он часто ходил в конце военной группы с обозом. Его уважали и оберегали. Он имел способность здраво рассуждать в любой ситуации, оценивать обстановку, находить во всём положительные моменты.

Афанасий Данилович прошёл всю войну, был в Германии. Оттуда домой выслал посылку, где был отрез на платья жене и трём дочерям.

Израненный, но живой – это было самое главное в судьбе любой семьи. Всю свою жизнь он прожил в деревне Беспаловке, умер в 84 года. 15 лет занимал должность счетовода в колхозе. До самой пенсии работал колхозным пчеловодом, выполнял свой трудовой долг. Вырастил детей и внуков. Мой дедушка вспоминает его как строгого, но справедливого человека.

Я, к счастью, принадлежу к поколению, которое не видело войны, и этим я обязана своему прадедушке. Я хочу сказать ему и всем солдатам «спасибо». Пока мы будем помнить об этой страшной войне, о наших дедах и прадедах, с нами этого не случится!

Полина Моисеева

Этот чайник детские любопытные глаза выделили в первую очередь из множества старых интересных вещей, хранящихся на большой полке в чулане. Во-первых, он необычный по цвету: ярко-красный, с оранжевым отливом. Во-вторых, этот чайник гораздо больше других по размеру. А, в-третьих, на широком темном донце хорошо сохранилась надпись на иностранном языке. Вот так, много лет назад состоялось мое первое знакомство с интереснейшим содержанием старого чулана и с чайником, с которым я тот же час побежала к бабушке.

На мой вопрос, откуда у нас этот чайник, бабушка смахнула набежавшую вдруг слезинку и начала свой рассказ.

Она вышла замуж в шестнадцать лет за серьезного, внимательного и доброго человека – Хижняка Кондратия Михайловича. Пришла в незнакомую семью восьмым человеком, и сразу же часть нелегкой домашней работы легла на её плечи. Но горе – не беда, когда рядом есть такой заботливый человек, каким был её муж. Жизнь налажива-

Мемориал в с. Решеты

лась, родились две дочери. Но прилетела страшная весть в Сибирь – война! В числе первых дедушка ушел на фронт. И потекли бесконечные тяжелые будни в тылу. Работа – от зари до зари. Дома – дети. А в сердце – надежда на заветное письмецо от мужа.

Все рухнуло в один холодный февральский день сорок третьего года. В дом принесли похоронку на мужа. Сердце плачет, а жить надо дальше, детей растить. А может, врут похоронки?! И она продолжала ждать.

Наступил победный май 45-го года. И буквально за несколько дней до победы бабушка получила еще одну похоронку. Тут она окончательно решила, что судьба играет с ней злую шутку и, гордо расправив плечи, сказала сама себе: «Буду ждать».

Прошла весна, затем лето; вот и осень за окном... А его все нет. Вышла однажды поутру за калитку, видит – идет по улице человек в длинной серой шинели, голова перебинтована, худой, небритый, с чайником в руке. Он прошел до перекрестка, минуя её калитку, постоял, посмотрел и вернулся обратно.

Дрогнуло сердце, и что-то горячее нахлынуло на глаза. Это был её муж. А потом дедушка рассказал свою историю. Во время одного боя, он был тяжело ранен и контужен. Очнулся и первое, что увидел – нацеленное на него дуло вражеского автомата. Его привели в штаб к немецкому офицеру. Тот спросил по-русски: «Ты откуда родом?» «Из Сибири, из Кочковского района», – ответил солдат. Офицер приятно удивился и сказал, что он родился и жил в Новосибирске. Как потом рассказывал дедушка, это случайное обстоятельство спасло ему жизнь.

В апреле сорок пятого пленных освободили американцы. И почти семь месяцев добирался солдат из Германии домой, в далекую Сибирь. А по дороге кипятил чай в чайнике, который взял с собой из плена.

Я видела дедушку только на фотографии, он умер за год до моего рождения. Но когда я держу в руках этот чайник, мне кажется, что он согревает мои ладони.

Олег Хижняк

Болотнинский район

Как корниловские женщины приближали Победу

С началом Великой Отечественной войны в Корнилово наступила новая эра – эра стариков, женщин и детей. Появились и забытые женские звания: солдатка и вдова. Женщины и девушки становились бригадирами, конюхами, пахали, сеяли, жали. Именно на женщин легло выполнение колхозом «Вперед» плана поставки сельхозпродукции на фронт.

Анастасия Ивановна Дзятко в войну была заведующей конефермой. Село Корнилово поставляло лошадей для кавалерии. Все мужчины на фронте, а за конями ухаживали женщины, подростки, ими командовала Анастасия Ивановна. Лошади в колхозе были племенные. Зачастую ей самой приходилось обьезжать коней, этому она учила и молодежь. За годы войны она награждена медалью «За доблестный труд». Больше всего она ценила медали за победу на конных скачках, их у неё было много.

Старожилы вспоминают об одном случае. Однажды потребовали от нашего колхоза коня на областные соревнования верховых лошадей. Анастасия Дзятко сама поехала своим ходом до Новосибирска в седле. По прибытию на место лошадь не подпустила наездника, Анастасия Ивановна сама участвовала в скачках и выиграла заезд. Колхоз выиграл большую сумму денег, а ей дали приз.

Когда в Корнилово приехали ссыльные калмыки, Анастасии Ивановне стало полегче работать. Калмыки – народ кочевой, с лошадьми умеют обращаться.

Посевная. Как пахать? Нелегко далось председателю колхоза Ядченко Галине Кононовне решение о незамедлительном обучении коров ходить в ярме. Женщины села эту новость восприняли в штыки: как ребятишек без молока оставить? Вся надежда на корову да на огород. Поворчали они, но пришлось согласиться: без хлеба фронт не оставишь.

В сорок первом году Ольге Григорьевне Дасько исполнилось 16 лет. Жила в бедняцкой семье. Мать умерла рано, осталось четверо детей, она в семье была старшей из девчат. Отец женился второй раз, привел в семью мачеху, которая так и не смогла заменить мать. Ольга окончила четыре класса в деревне Большеречка.

«Отец меня приучал к разным работам: и вязала, и пряла, и ткала, и пахала, – вспоминала Ольга Григорьевна. – Началась война. Проводила отца и брата на фронт. Как сейчас помню, принесли похоронку на брата, погиб он под Севастополем. Долго смотрела на этот листочек и все не могла поверить, что брата больше нет. Мачеха платила за меня налоги, решила меня отделить, дала одну овцу. Я сдала ее в колхоз, а сама уехала на лесозаготовку. Работали день и ночь. На работу ходила в ватной телогрейке, но было очень холодно. Обувь была очень легкая, поэтому ноги постоянно мерзли».

После уборки урожая пахали зябь, пока не застынет почва. Застынет земля – трактора ставим на ремонт в тракторные мастерские. Здесь был постоянный сквозняк и холод, потому что здания были без окон и без дверей. Пальцы примерзали к ключам. Запасные детали промывали в подогретом керосине, от чего кожа на руках лопалась. Целыми днями находились на лютom морозе.

Всем: и взрослым, и детям постоянно хотелось есть, а из еды, только гнилая картошка. Для семьи продуктов почти не оставалось, потому что в основном все отправляли на фронт. В год каждая семья должна сдать сельскохозяйственную продукцию государству: 300 литров молока, мясо, овощи. Если же продуктов не было, то сдавали определенную сумму денег.

Во время полевых работ кормили на полевом стане: варили гороховый кисель, давали по кусочку хлеба. Хлеб пекли не булками, а калачами, наполнив с травой – «жабрей», которой можно было отравиться. Очень редко давали суп с мясом – этим кормили трактористов, так как их больше поддерживали, ведь что случись, трактор будет простаивать, значит, на плечи

других девчонок и женщин ляжет дополнительная полевая работа. Остальные работники, в основном это были дети, за работу в поле получали по кусочку хлеба в 200 граммов.

На собственных огородах старались, как можно больше посадить картошки, которая выручала в военные годы. Приходилось весной ходить на колхозные поля, выбирая из грязи прошлогоднюю гнилую картошку. Из этой картофельной массы, (рубленной в корыте сечкой), куда добавляли немного муки, иногда выдаваемой колхозом, стряпали «олябки» – драники. Благодаря картошке и выжили. Свободного времени для отдыха почти не было. Если появляется какая-нибудь минутка, то садились за прялку и пряли шерсть, вязали носки, варежки и отправляли на фронт.

Елгина Мария Ивановна (Процук) родилась в селе Корнилово. В семье было ещё шестеро детей. Во время войны Мария Ивановна была стрелком, охраняла заключенных вместе с Костюковой Анастасией Трофимовной. Было три точки заключенных: Сосновка, Кармановка, Васильевка (Тогучинский район). Женщинам выдали боевое оружие. Заключенные пахали, сеяли, занимались лесозаготовкой. Ежедневно Мария Ивановна и её подруги бежали, а иногда ночью по тревоге поднимались и совершали пробег в несколько километров.

Помнит, как в 1942 году депортированных в село Корнилово калмыков

Фото. 1944.

- Справа налево
1. Дзятко Анастасия Ивановна
 2. Асанова Анна Зиновьевна
 3. Павленко Наталья Ивановна
 4. Ёлгина Мария Дмитриевна
 5. Асанова Степанида Степановна
 6. Лацук (Каменева) Александра Ивановна
 7. Басалаева Аграфена Тарасовна,
 8. Ёлгина Екатерина Николаевна

Справа налево:

1. Асанова Мария
2. Чуракова Александра Михайловна
3. Шаденко Прасковья Васильевна
4. Короткова Мария Степановна
5. Коновалова Ольга
6. Манецкая Мария Петровна
7. Солдатова Таисья Николаевна
8. Асанова Агафья Матвеевна
9. Шаденко Тамара Дмитриевна
10. Сидоренко Нина Лаврентьевна

разместили по домам. К ним в дом заселили шесть человек. В основном, это были мужчины, среди которых было очень много грамотных. Сделали нары, кормили в столовой.

Мария Ивановна вспоминает, как заготавливали продукты на зиму: творог солили, клали под пресс в кадушку, заливали коровьем маслом, поэтому творог дольше сохранялся свежим. Сушили клубнику, костянику, черемуху мололи, боярку – на повидло. Большую часть этого отправляли на фронт. Огурцы и грибы солили бочками. Мария Ивановна знает множество рецептов, как приготовить блюда из остатков продуктов, этому научила война. Мария Ивановна всегда с удовольствием пела, удивляя силой и звучностью своего голоса.

Наступала сенокосная пора, а с ней и прополка. Женщины целый день в поле. Усталые, голодные, некоторых от взмаха косы бросало в сторону. Сядут обедать, развяжут узелки, а хлеба не у всех, в основном три – четыре картофелины и забеленные молоком листья капусты и лебеды. Косовица вручную это ведь – тяжелый и изнурительный труд. Старики и дети тоже брали в руки косы, грабли, вилы, дневали и ночевали на лугах, работая по 15–18 часов в сутки. Они же выходили и на прополку полей. Чтобы не тратить время на дорогу, организовали полевой стан в Зырянковке. Над входом был лозунг: «Всё для фронта, всё для победы!».

Однажды, в 1942 году, из села приехала в Зырянковку учетчица Клава Каменева. Молодежь окружила её вопросами: «Что нового в деревне?»

– Да, ничего. Всё по-старому, правда, кино привезли «Весёлые ребята».

Группа парней и девушек решила сходить вечером в село посмотреть фильм, переночевать дома, а на утро вернуться. Как стемнело, пустились в дорогу. Зашли в клуб и начали смотреть комедию. Тут их заметил парторг. Сразу же прервали показ фильма, вывели этих подростков на сцену. Парторг спрашивает:

– Как вы здесь оказались? Кто вас отпустил?

– Никто не отпускал, мы сами пришли.

– Значит, вы сбежали, – сделал вывод парторг. – Во все времена был фронт и был тыл. Сейчас, когда идет битва не на жизнь, а на смерть, тыла нет, есть только фронт, и вы на передовой. Вы сбежали, значит, вы дезертиры. По законам военного времени знаете, что бывает с дезертирами?

Этот случай с побегом в клуб никто не любил вспоминать.

Они вернулись в Зырянку, запрягли лошадей и стали собирать снопы и скирдовать их. И так всю ночь. И так до конца войны. Днем жнут, вяжут снопы, ночью скирдуют. Организовали красные обозы. Нагружали подводы мешками с зерном, украшали лозунгами и везли на элеватор. Возвращались с песнями, гармошка всегда находилась при них.

Из рассказа А. П. Лебедевой: «До самых сумерек сажали картофель. Он был мелкий, с горох. А одна колхозница бойкая, работающая была, и до того видно устала, что взяла остатки картошки с полведра и высыпала в одну лунку. Кто-то об этом доложил председателю. Наутро, приехал уполномоченный, и Вале грозила тюрьма. Хорошо, что все люди за неё заступились, куда же без неё, она всегда первая в работе – простить надо! И просьба людей спасла её от наказания.

А она, действительно, в работе была – огонь. Дети были первыми помощниками, а если говорить точно – эта работа ложилась на их плечи. Зимними вечерами картофель сушили

и отправляли на фронт. Не счесть посылок. Для того, чтобы высушить картошку, ее необходимо сварить в «мундире», затем высушить в русской печи. Такой картофель долго хранится. Каждая семья старалась, как можно больше засушить картофеля».

Нет в живых женщин, о которых мы рассказали. Они живы в памяти односельчан, родственников, они будут жить в нашей памяти.

Ольга Елгина

Татарский район

Мой дедушка – участник Парада Победы

Есть в нашей жизни события, которые переполняют радостью, безмерным счастьем всех людей, всю страну. Таким событием был Парад Победы на Красной площади в Москве 24 июня 1945 года, великий парад бессмертной славы советского народа. Немногим участникам Великой Отечественной войны посчастливилось участвовать в Параде Победы. Одним из них был мой дедушка Ковалевский Михаил Ефимович.

Родился Михаил Ефимович 18 ноября 1920 года в деревне Волово Татарского района. Детей в семье было много, поэтому, окончив 5 классов, в 1938 году пошел работать. Трудился в родной деревне на тракторе, а в 1939 г. пересел на комбайн. Через год, 14 августа 1940 года, его призвали в ряды Красной армии.

Служил он в 22 снайперском полку на Колыме и одновременно учился на снайпера. Полк тщательно обучали военному делу, так как это был полк особого назначения. Там и застала моего деда весть о начале войны. Он и его товарищи подавали рапорты с просьбой отправить их на фронт, но их полк держали в резерве. И только в августе 1943 года 60 человек из их полка, в их числе и Ковалевский Михаил Ефимович, отправили на фронт. Две недели были в Москве на стажировке – практиковались стрелять по движущимся мишеням. А потом – на Волховский фронт. Там он был снайпером.

Из воспоминаний моего дедушки: «Только прибыли, разгрузились – на-

летели вражеские самолеты, сразу три человека погибли, несколько человек ранило... Мы попали в роту снайперов. Нам выдали специальное снаряжение и оружие... и бить фашистов».

В 1944 году дивизию, где воевал мой дед, отозвали в Москву. Большая часть территории нашей страны была освобождена от фашистских оккупантов. Но в тылу оставались окруженные немецкие отряды и банды националистов. На разгром таких банд на Украине и был направлен полк особого назначения Михаила Ефимовича. Приходилось вести бои такие же жестокие, как и на фронте. Там он и узнал о Победе.

А 24 июня 1945 года полк моего деда участвовал в параде Победы на Красной площади. Но война в 1945 году для Ковалевского М. Е. не закончилась. До 1946 года мой дед уничтожал вражеские банды на Украине, с 1946 по 1947 г. г. – в Латвии и Литве в составе 354 стрелкового полка ВВ МВД. Из воспоминаний моего дедушки Михаила Ефимовича: «С бандитами было труднее воевать, чем на фронте. На фронте точно знаешь, где враг, куда стрелять, а бандитов еще распознать надо среди местного населения».

С фронтовыми товарищами

Дедушка в нашей школе с учениками

К счастью, боевых ранений, контузий не имел. 11 марта 1985 года Указом Президиума Верховного Совета СССР мой дедушка был награжден боевым орденом Отечественной войны II степени за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко – фашистскими захватчиками. За участие в Великой Отечественной войне Михаил Ефимович 14 июня 1945 года был награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 года», в 1996 году был награжден медалью Жукова, а также имел множество юбилейных медалей. В 1947 году Михаил Ефимович был демобилизован.

Дед возвратился в родное село, к своему привычному труду. Работал трактористом, затем бригадиром тракторной бригады. Работал мой дед честно, добросовестно, не боясь трудной работы. Михаил Ефимович был хорошим отцом, заботливым мужем. Вместе с женой, моей бабушкой Ковалевской Софьей Макаровной – труженицей тыла – вырастили детей: 4 сыновей и дочь: Николая, Виктора (моего отца), Владимира, Михаила и Татьяну. Детям привили любовь к земле, передали свое трудолюбие. Дети стали достойным продолжением своих родителей.

В 70–80 г. г. в Татарском районе славилась династия механизаторов Ковалевских (четыре сына и отец). За долголетний добросовестный труд был награжден медалями: «Ветеран труда», «За освоение целинных земель», «За доблестный труд». В 1957 году мой дед был участником Всесоюзной Сельскохозяйственной Выставки (ВСХВ). На-

гражден медалью участника ВСХВ. За особые заслуги в области социального строительства и обороны Союза ССР в январе 1957 года был награжден высшей наградой – орденом «Знак почета».

Михаил Ефимович 46 лет проработал на земле, отдал ей свои силы, здоровье. Моего дедушку уважали, ценили односельчане. Он был частым гостем в нашей школе, делился воспоминаниями с ребятами о войне и Параде Победы. Много сохранилось в школьном музее от этих встреч. В 1997 году 1 января перестало биться сердце этого замечательного человека. Но память о нем остается в сердцах его детей, внуков, правнуков и моих родителей. Я горжусь, что у меня был такой дедушка.

Наталья Самоличенко

Татарский район

Не забудьте нас

Я хочу рассказать историю одной фотографии, а точнее ее копии, хранящейся в нашем музее Дмитриевской школы Татарского района.

Около двадцати лет назад с ребятами из кружка «Юный краевед» мы пришли в гости к старенькой учительнице Марии Леонтьевне Прохоровой. Записывали ее воспоминания, рассматривали школьные фотографии. И среди школьных фотографий попала одна необычная, датированная 1961-м годом. На ней был запечатлен не целый класс, а всего лишь трое нарядно одетых молодых людей – две девушки и парень. Сбоку на фото напечатана виньетка – фотоателье города Таллина. На обороте – надпись на русском языке: «На долгую память дорогой Марии Леонтьевне от Молле, Эле и Вайно. Не забудьте нас Ваших Учеников. 17. VI. 1961 г.» Взяв в руки это фото, Мария Леонтьевна рассказала нам такую историю.

В первые послевоенные годы в нашей школе учились дети репрессированных жителей Эстонии. Им было очень трудно прижиться в Сибири: незнание русского языка, недоедание, задирала и дразнила местные мальчиш-

ки. Учёба шла трудно. Но русская учительница биологии сумела найти подход к внешне замкнутым, «ершистым» детям, растопила их сердца добротой, человеческим отношением. И дети потянулись к ней. Вайно стал стараться на уроках, выполнял рисунки. Он очень хорошо рисовал. Даже сделал большую таблицу по ботанике «Строение цветка», ведь наглядных пособий в те годы в школе было мало. За успехи по предмету Мария Леонтьевна поставила Вайно четверку.

Прошли годы... Дети выросли, вернулись на родину, в Эстонию. Но они не забыли свою учительницу. Долго писали ей письма, поздравляли и даже присылали посылки. Вайно закончил техникум, стал механиком. И кто знает, как бы сложилась их жизнь, если бы не встретилась на их пути Мария Леонтьевна Прохорова.

Несколько лет назад Мария Леонтьевна ушла из жизни. Неизвестна дальнейшая судьба ее эстонских учеников. Но история эта сохранилась в архивах школьного историко-краеведческого музея. История о человеческом участии и душевности наших земляков, жителей села Дмитриевка, о настоящем учителе, который остается в сердцах своих учеников, где бы они не оказались!

Людмила Самарина

Болотнинский район

Мой День Победы

Весна 45 года. Как обычно, в это майское утро все шли на работу. Началась посевная. Нас с соседом, моим дружкой, послали на лошадях боронить поле пахоты. Алику 10 лет, а мне одиннадцать исполнилось 9 апреля. Вот мы выехали на поле и стали боронить для посева, старались до обеда закончить.

Когда оставалось круга два пройти, к нам подъезжает наш бригадир, Георгий Демидыч и велит нам бросать работу и сейчас же ехать в село на сход. Мы испугались и говорим, что нам ещё два круга осталось пройти.

А он: «Сынки мои родные, бросайте работу. Война кончилась!»

А нам и верится и не верится.

Вот мы в деревне. Возле правления колхоза народу собралось от мала до велика. Стол накрыли длинный, накрыли красным кумачом. Репродуктор играет музыку и сообщает об окончании войны. Кто-то веселится, кто-то плачет.

Нас посадили за стол на почётное место. А на столе столько еды, сколько нам и не снилось!

Бригадир нас хвалил за наш труд и даже велел налить стопку вина. Мы с Аликом кое-как выпили эту стопку и стали есть всё то, что было на столе.

А потом нас разморило, и как я оказался дома, вспомнить так и не смог.

Вот так мы с Аликом встретили День Победы.

Николай Никитин

Эстонские ученики
Марии Леонтьевны

Сообщение
об окончании войны

Усть-Тарский район

Иде было семь лет

В деревне Мартыново прожили более 60 лет мои прабабушка и прадедушка Чураев Василий Григорьевич и Ида Ивановна. Сейчас их с нами нет, они ушли на вечный покой. Вечная им память.

Когда я приходил к ним в гости, то бабушка рассказывала о своём детстве, о молодости, как познакомилась с дедушкой. Очень интересно рассказывала о работе и о «родном гнездышке», где она выросла, вышла замуж, родила и выучила десятирých детей. Также за чашкой чая бабушка Ида вспоминает про свою нелёгкую жизнь. Вот одна из историй.

Весёлая, добрая и гостеприимная женщина Чураева Ида Ивановна. Родилась 28 мая 1934 г. в семье немцев, маму звали Альвина Андреевна, а папу – Иоган Иоганович Целлер. Жили они в селе Цюрих Ровенского района Саратовской области. В семье было четверо детей: три девочки и один мальчик. Отец был строителем, а мама была домохозяйка. Все в их деревне говорили только по-немецки.

Когда началась война, в их жизни всё изменилось. Однажды папа зашел в дом и тихим, спокойным голосом сказал: «Ну, Альвина, началась война с немцами». Мама не поверила и не приняла эти слова всерьёз, но потом, поглядев на мужа, поняла, что это правда. Иде было 7 лет...

Через несколько дней за ними приехали. Прибыли на станцию Татарск. На телегах доехали до деревни Кушаги, но ночевать пришлось в степи. Люди собрались в кучу, так как было очень холодно, пытались согреть друг друга.

И вот деревня Мартыново. Жители начали выбегать из домов с криком: «Немцев везут! Немцев везут!» Одна женщина сказала: «Такие же люди! А мы думали, с рожками». К этой женщине и поселилась семья Целлер. Зайдя к ней в дом, дети заплакали, про-

сили поесть и попить, потому что были полумёртвыми от голода. Хозяйка посадила детей на печку, укрыла одеялом и дала по куску чёрного хлеба. Через несколько дней умерла младшая сестра Ольга.

Немцы не знали языка, потому им очень трудно было найти работу, чтобы накормить семью. Скоро перебрались с семьёй в отдельный дом. Всех мужчин-немцев отправили на лесоповал, а для женщин и детей началась долгая и холодная зима. Ида была способная девочка и быстро выучила русские слова, так стало легче просить еду. Делились последним куском хлеба те, кто сам недоедал. А по ночам снился родной дом.

Наступила весна. Стали ходить на огороды, искать мёрзлую картошку, а из очистков вырезали глазки и садили. В восемь лет она пошла в школу. Прочувшись всего три месяца, Ида отправилась в няньки, зарабатывать на жизнь.

С благодарностью Ида вспоминает бабушку, которая жила через дорогу. Она часто давала покушать хлеба и маленькую кружечку молока. Она посоветовала девочке утолять голод колосками пшеницы. Оставив свою работу, Ида побежала на поле, там в грязи насобирала колосков и только хотела идти домой, как появились два человека на конях и приказали положить всё обратно.

В 1948 г. председатель забрал Иду в бригаду, тогда ей было четырнадцать лет. Так началась её трудовая биография. По вечерам, как вся молодёжь, Ида ходила гулять. В то время семечек не было, и они, сидя на лавочках, щёлкали жареную пшеницу. Так прошли военные детские годы Иды Ивановны Целлер.

В 1955 г. Ида Ивановна вышла замуж за Чураева Василия Григорьевича.

Ида Ивановна сорок пять лет проработала на Мартыновской ферме телятницей. Имеет много правительственных наград. Чураева Ида Ивановна – самая «богатая» бабушка.

Данила Долматов

Ида Ивановна
Чураева

Черепановский район

Он защищал Сталинград

Никогда не померкнет в веках слава грандиозных сражений, решивших судьбы мира, судьбы истории. К ним принадлежит и Сталинградская битва – одна из величайших битв, определивших исход Второй мировой войны. Шесть с половиной месяцев, не затихая ни на минуту, бушевали яростные бои в Волжско-Донском междуречье, у стен города – героя, на его улицах и площадях. Орденом мужества на груди Земли называли этот город на Волге, а его защитников, показавших богатырскую силу и массовый героизм.

Одним из защитников Сталинграда был наш земляк – Евстратенко Пётр Лаврентьевич. Родился он в 1924 году в городе Черепаново. Рано лишился отца, пошёл работать и, когда началась Великая Отечественная война – работал телеграфистом на железнодорожной станции. Уходили на фронт один за другим его друзья, а Петру повестки всё не было – и он пошёл в военкомат сам.

Несколько раз выставляли его из кабинета, где принимали призывников, говоря, что рано ему на фронт, но упрямый парень настоял на своём – и вот он уже в Москве. Быстро пролетело время подготовки и знакомства с такой чудо техникой, как «катюша». Получив звание сержанта, Пётр Евстратенко был назначен командиром расчёта. Оружие было новейшее, засекречен-

ное. В случае окружения или возможного попадания в руки к врагу, Пётр и его бойцы должны были свою «катюшу» уничтожить.

Время его выпуска с курсов подготовки совпало с началом Сталинградской битвы. Тяжело вспоминать Петру Лаврентьевичу то время: постоянные налёты вражеской авиации, бомбёжка, город превратился в руины. Приходилось окапываться в тридцатиградусный мороз. Не выдерживала техника. А люди? Люди выдерживали всё – хотя гибли сотнями. Враг был окружён и разбит, а Пётр Лаврентьевич в числе других был награждён медалью «За оборону Сталинграда».

Впереди были бои за Румынию, освобождение Польши, где этот бесстрашный солдат получил медаль «За отвагу». День Победы 132 гвардейская миномётная дивизия, награждённая за годы войны пятью орденами и медалями, в которой воевал Пётр Лаврентьевич, встречала в Берлине.

Служил он ещё два года и демобилизовался в 1947 году. Вернулся работать на железную дорогу, но пройдя войну со своей «катюшей», сроднился с нею и решил перейти в автохозяйство шофёром. Вскоре обзавелся семьёй, воспитывал трёх дочерей. Жизнь налаживалась, но стали побаливать ноги. Диагноз врачей прозвучал как приговор: гангрена...

И вот, только в 1960 году настигли солдата суровые Сталинградские морозы и метели. Не стало одной ноги до колена, а через три года – другой. Последовала инвалидность. Затем были ещё операции. Ноги ампутировали всё короче и короче.

В это трудное время вся тяжесть забот легла на плечи жены. Но не замкнулся в себе Пётр Лаврентьевич. От природы человек общительный, с хорошим чувством юмора, на своей мотоцикле с ручным управлением навещал друзей. Ездили с женой в лес, собирали грибы и ягоды. Выполнял посиль-

Пётр Лаврентьевич Евстратенко

Евстратенко П. Л. на празднике Победы

Митинг 9 мая
1989 года

ную работу. Прошли годы появились внуки и правнуки. Последние годы жизни, после кончины жены, Пётр Лаврентьевич жил с семьёй дочери Тамары, а в канун его любимого праздника Дня Победы (8 мая 2004 года), не стало и этого седовласого, с твердым и прямым взглядом человека – борца.

Использованы материалы:

– воспоминания ветерана записанные в 2005 году;

– сочинения бывших учащихся Пушкинской школы: Лантушенко Е., Берсенёвой М., Козловой Н., Пыхтарева Е.

Тамара Михайловна
Щербакова

Татьяна Бобринева

Колыванский район

Орден за лисиц

Родилась 01.08.1928 г. в посёлке Ивалиновский Колыванского района. До войны успела закончить 5 классов. Началась война, об учебе пришлось забыть, нужно было помогать старшим работать всё для фронта, всё для Победы.

Во Вьюны переехали ещё за долго до войны, родители трудились на звероферме, и первая трудовая деятельность Тамары Михайловны началась там. Ей поручили ухаживать за лисами. Как рассказывала Тамара Михайловна, было нелегко, лис-производитель был один, лис-самок много, все они жили отдельно и лиса нужно было

подсаживать то к одной, то к другой самке на дню по несколько раз. А он был не столько тяжелый, сколько злой и шустрый, его нужно было каждый раз ловить, а он кидается на тебя и кусается. И, конечно, всех нужно кормить и чистить клетки. Но тринадцатилетняя девочка справилась и получила большой, здоровый приплод. За этот труд её наградили орденом Трудового Красного знамени прямо во время войны, когда она ещё была подростком.

После она работала одна в детсаду (яслях), почти на целые сутки у неё на руках оставалось около 15 маленьких детей. И вот ещё сама ребенок Тамара и варила, и кормила, и ухаживала за ними и даже дрова сама приносила из леса, чтобы обогреть избу, где был детсад, а воду нужно было носить из речки за 100 метров от дома. Когда её встречают некоторые уже сами довольно старые люди, к ней ласково обращаются: «Няня».

За свою жизнь пришлось Тамаре Михайловне и на полевых работах потрудиться. Всё делалось вручную, и косила и боронила, за 1 гектар скошенного сена или пшеницы в день давали 300 граммов муки.

После войны пошла работать дояркой, добывалась неоднократно рекордных удоев от одной фуражной коровы и значительных валовых надоев. За что получала поощрения от руководства колхоза и района.

Тамара Михайловна не раз становилась ударником коммунистического

труда и отличником соцсоревнования. На ферме проработала до самой пенсии.

Замуж вышла в 1947 г. Родила и воспитала семерых детей. Имеет много Благодарностей и Почётных грамот.

Екатерина Григорьева

Маслянинский район

Сибирь меня спасла и сделала счастливой...

ОТ БЕЛЫХ НОЧЕЙ К ЧЁРНЫМ

С конца мая до середины июля в Ленинграде – время белых ночей. Полина очень любила это время. Вместе с родителями и сестрой Клавой она часто допоздна гуляла по набережной Невы. Счастливое детство: жили в центре города, в большой квартире, которую получил отец. Он работал в управлении железных дорог, был начальником. Мама – фельдшер в больнице. Дом был построен ещё до революции, окна были огромными, потолки высокими. В гостиной стояла огромная печь, облицованная плиткой и украшенная сверху лепниной. Ею не пользовались, но и убирать не хотели – она хорошо вписывалась в общее убранство «комнаты для гостей». Вполне возможно, что добротная красивая мебель, доставшаяся от прежних хозяев – свидетельство того, что те вынужденно покинули такую хорошую квартиру. Перед войной, по рассказам бабушки, это было почти привычным делом: из их дома частенько кого-то увозили в чёрной машине. Случалось это обычно ночью, когда от стука в дверь (почему-то в таких случаях не пользовались звонком) просыпался весь подъезд. Но никто не высовывался. Это уже став взрослой, Полина поняла, что людьми владел в такие моменты страх за своих близких, за детей...

В четырнадцать лет, когда ты юна и красива, рядом любимая сестра, мама и папа, мир кажется прекрасным, люди добрыми, страна великой, завтрашний день полон свершений!

А белые ночи – просто сказка. Клава, сдавшая последний экзамен за курс

средней школы, 20 июня до утра гуляла с выпускниками по городу. Поля ждала её, а потом уснула. Ей безумно хотелось быть на месте сестры, стать выпускницей, поступить в медицинский институт (именно туда собиралась сдать документы Клава). И всё же Полянка (так называли её родные) проснулась, когда Клава, счастливая, уставшая, на цыпочках кралась к своей кровати. Было совсем светло, родители завтракали на кухне, говорили вполголоса, стараясь не шуметь.

А Поля прыгнула в кровать к «совсем взрослой» сестрёнке. Были и вопросы, и «смех шёпотом», и добрая зависть – вот ты и взрослая! А мне еще три года учиться в школе! Спать совсем не хотелось, тем более, что ночь уже кончилась, да и была она белой, светлой и беззаботной! Была. Последняя мирная ленинградская белая ночь...

Отца забрали в первый месяц войны. Мама была тоже военнообязанной. Дома почти не появлялась уже с первых военных месяцев: почти все школы переоборудовались под госпитали, классные комнаты стали палатами, даже в спортзалах рядами лежали на кроватях раненые. С каждым днём их становилось больше и больше. Клаву записали на курсы медсестёр, и она после занятий теперь тоже спешила в госпиталь. Полина просилась на эти же курсы, но отказали – рано ещё. Сидеть в пустой квартире было грустно, и она уходила к сестре, помогала разгружать машины с ранеными, мыла полы. Гордилась тем, что помогала этим фронту. О войне думала вначале как о временной, недолгой беде: скоро наши покажут фашистам, как нарушать советскую границу. В июне-июле такие надежды были у многих. Пугало только то, что уже в конце июня началась эвакуация – и детей, и целых заводов – вместе со специалистами. Но затем эвакуация гражданского населения была остановлена, так как уже были заблокированы железные дороги и другие выходы из Ленинграда. Приближались страшные дни и ночи – блокадные: голодные, холодные, со смертями и страданиями...

Клава совсем перестала приходить домой, очень часто ночевала на работе.

Полина Георгиевна
Александрова

Мама тоже. Большой рояль в гостиной давно молчал, а когда-то девочки играли в четыре руки. Родители были счастливы, что у дочерей есть музыкальное образование и явные склонности к искусству. Теперь в квартире было пусто и тревожно. А ещё становилось все холоднее и голоднее.

В сентябре начались первые серьёзные обстрелы города. Поля помнит месяц, потому что на занятия они вышли только четвёртого сентября, пошли в соседнюю школу, потому что их родная была занята под госпиталь. И именно в этот день пережили первый ужас артобстрела: почти полностью было разрушено здание напротив школы, ревели сирена, детей бегом провожали в бомбоубежище, в воздухе пахло дымом, густой пылью и чем-то страшным! Тогда ещё Поля не увидела убитых, хотя раненные осколками, стеклом были в бомбоубежище, их бинтовали санитарки и просто гражданские. Все были подавлены, понимали: лучше уже не будет! Занятия отменили, никто не знал, будут ли они завтра. Учителя тоже были растеряны не меньше детей.

А потом такие обстрелы случались каждый день. И хоть привыкнуть к ним нельзя, но, как говорила бабушка Полина, смириться пришлось. В школу продолжали ходить. Часто уроки срывались тревогами. Но в школе, с учителями и одноклассниками было не так страшно. Страшнее было дома одной.

Самое счастливое в эти дни было, когда мама или Клава оставались ночевать дома. Но это случалось редко.

В начале декабря, в холодное для города на Неве время, прекратилось водоснабжение, перестало подаваться тепло в дома. Город замерзал. Вначале воду можно было взять на пожарной водокачке, она какое-то время ещё работала. Полиной обязанностью стало ходить с большим бидоном на водокачку. Очередь за водой начиналась почти за квартал, огромная, молчаливая, мрачная, она состояла в основном из женщин и стариков. Но было и много детей. В холодные дни их жалели и уступали место в очереди. Как правило, вырастала ещё одна очередь – детская. К воде подпускали по принципу чередования: взрослый-ребенок-взрослый. Но даже и при таком порядке выстоять надо было несколько часов. Поля помнит, как это было тягостно: валенки всегда мокрые, сушить их было негде. Плюшевое пальтишко совсем не приспособлено к долгому пребыванию на улице в морозную и ветреную погоду. Но вода была нужна, вечером придет сестра или мама, будут пить чай с сахарином или даже с сахаром, а, может, и похлёбку сварят... Она стояла терпеливо, упорно, до победы – пяти литров воды. Слушала, о чём говорит угрюмая очередь. Разговоры были в основном о делах на фронте. Люди пытались найти хоть что-то обнадеживающее в происходящем, но хорошего ничего не было. Да и сам вид этой замёрзшей очереди свидетельствовал об усиливающемся отчаянии.

Именно Полине приходилось и карточки отovarивать. Сто двадцать пять граммов хлеба... Но и за ними надо выстоять очередь, не меньшую, чем за водой. Были случаи, когда кто-то падал прямо там на стыльную землю. Его подбирали не сразу, только когда появлялся патруль. Люди боялись вы-

йти и потерять свое место в очереди, могли и не пустить назад. С каждым днем всем становилось всё труднее, но большая часть ленинградцев сохраняла человечность и сострадание. Тем более, на этом фоне было жутко наблюдать сцены, когда в очереди раздавался крик: «Украли карточки!». Такое бывало, и часто. Полина держала карточки во внутреннем кармане своего пальтишка. Карман пришила сама, сделав его с пуговичкой, чтобы нечаянно не выронить бесценные карточки. Раньше носила их в варежке, зажав в кулачок, но однажды стала свидетелем того, как подросток сорвал рукавицу с женщины и ринулся прочь. Видимо, заметил, как она вытаскивала их, чтобы удостовериться в сохранности. Крики, слезы... Лишиться из-за подонка несчастных кусочков хлеба, а возможно, и шанса выжить!

С каждым днем становилось всё хуже, к концу сорок первого года всё труднее Поле стало отоваривать карточки. Воды в водокачке не было, все шли на Неву. Любой поход по улицам сопровождался не только физическими муками, но и психологическими: по пути встречались замёрзшие трупы стариков, женщин, детей. Они лежали прямо на улице, сидели, окоченев, на снегу, прислонённые к стенам домов. Кого-то везли на саночках, при этом сам «возчик», тянущий этот печальный груз, был похож на мертвеца. Страшная картина, которую нам сегодня невозможно представить.

Само стремление выжить, а не поддаться апатии, лечь и заснуть вечным сном, – уже было подвигом!

Полина, пережившая страшные зимы 41-го-42-го годов, так и не отогрелась до конца жизни. Она зябко ёжилась даже летом.

Их дом тогда остыл настолько, что на стенах квартиры выросла снежная корочка. В декабре 41-го, когда стало невыносимо терпеть этот холод, Клава принесла откуда-то пилу с одной ручкой. Вместе с Полей они распиливали венские стулья, шкафчики, этажерки, столы. Печь была большая, она, будто ненасытный зверь, моментально проглатывала все, что в неё забрасывали. Прогревалось ненадолго только про-

странство вокруг неё, на метр, не больше. Но и это было спасением. Перетащили кровать из спальни, поставили прямо к печному боку. Ложились рядом, не раздеваясь. Клава или мама обязательно теперь старались ночевать по очереди дома. Полина потом оценила, как любили они её, младшенькую свою. Им было трудно добираться на работу и назад, силы оставляли и их. И всё же она теперь не оставалась на ночь одна. С ними было спокойнее в пустом доме. Соседи по площадке перестали появляться на улице. Возможно, эвакуировались, а может быть, и умерли. Поэтому, оставаясь одна, Полина ощущала тягостное одиночество, которое можно сравнить с чувствами человека, заброшенного на безжалостный необитаемый остров. Она давно перестала реагировать на сирену, извещающую об обстрелах: в бомбоубежище было трудно спускаться, а ещё труднее возвращаться. Несколько раз Поля падала в обморок. Когда это случалось в людном месте, ей помогали подняться. Страшнее было, когда это произошло на безлюдной улице. Выстояв в очередь к проруби, набрав бидон воды, она шла уже назад. И вдруг стало трудно дышать, закружилась голова. В глазах появилось ощущение песка, они слезились, время от времени наваливалась темнота. А потом – обморок, бидон выпал из рук, облив пальтишко и валенки... Сколько пролежала так, трудно сказать, но успела обледенеть. Повезло, что в это время проходил патруль. Её подобрала, занесли в ближайшее помещение, отогрели, напоили кипятком. Поля запомнила пожилую уставшую женщину, одетую в длинную шинель, с повязкой на рукаве, которая молча смотрела на неё, а потом вытаскивала маленький кусочек хлеба. Для кого она его берегла? Может, для такой же голодной, полуживой дочери? Но она отдала его Полине. Такое помнится всю жизнь.

Девочку проводили до дома и даже налили немного воды в её пустой бидон. После этого случая мама и сестра стали говорить о необходимости эвакуации (имелась в виду Полина). Оставлять её стало опасно, но и сидеть с ней рядом они не могли. Самой же Поле

было страшно думать, что она одна покинет Ленинград, а Клава и мама останутся здесь. А вдруг вернется папа, а её нет? От отца писем не было, что с ним, никто не знал, старались не говорить о нем, чтобы не высказать вслух то, о чём думал каждый – а вдруг погиб?

СИБИРЬ, СТАВШАЯ РОДНЫМ ДОМОМ

В середине зимы 1942-го года мама и сестра провожали Полю. Они понимали, что «Дорога жизни» могла оказаться и «дорогой смерти». Её обстреливали немцы, она угрожала проломами льда, поломками машин... Но всё-таки она давала надежду выжить!.. Поэтому слёзы, последние напутствия, советы, как вести себя и в дороге, и «на чужбине»...

А потом – долгий и трудный путь в незнакомую Сибирь. Хотя, когда отправлялись в дорогу, не знали, где будет конечная остановка. Полина помнит, что на эвакуационном пункте после разгрузки и размещения в вагонах всем дали горячую пищу, что-то вроде похлёбки. Сопровождали детей в вагоне три женщины. Они были, как показалось вначале, очень сердитыми. Но в пути они по-настоящему заботились о каждом из ребятишек. Особенно жалели малышей, которые сильно болели. Дорога была долгой, поезд по несколько суток стоял на станциях, в это время выгружали больных и умерших.

В вагоне была печь, её топили дровами, запасы которых тоже пополнялись во время стоянок. Но холод преследовал в продолжение всего пути. И абсолютно чужие женщины, у которых дома остались свои дети, прижимали малышей к себе, пытаясь отогреть озябшие, истощённые тела, успокаивали, отдавали свои порции тёплой похлёбки.

И дети потихоньку успокаивались, хотя Поле было страшно – как жить без мамы, без сестрёнки?

Когда прибыли в Новосибирскую область, на станцию Татарск, то от сопровождавших женщин узнали, что путь закончен. Детская память не сохранила всех подробностей встречи с сибирской землей. Полина вспоминала, что впервые увидела лошадь, впряжённую в сани. Страх не было, одно любопыт-

ство, как когда-то до войны, в ленинградском зоопарке.

На сани, устланные соломой, посадили детей (по пять-шесть человек), заботливо укутали тулупами, обложили сеном с боков и повезли в деревню под названием Новомихайловка. Управляла лошадью женщина, делала это решительно, умело – и впервые за всю долгую дорогу дети испытали подобие восторга! Вместе с Полей в санях оказались малыши, трудно сказать, по сколько им было лет, пять или десять? Худенькие все, бледные. Но и они, уставшие, голодные, простуженные, испытывали удовольствие от езды. Тётя Нюра, как оказалось, будущая и хозяйка, и мать для них, привезла детишек к небольшому дому, где им предстояло прожить не один год. Возле избы уже собрались сельские ребятишки и несколько старушек, видимо, ждали. Они пришли не только из любопытства. Зная, что дети из блокадного, голодного и холодного Ленинграда, принесли нехитрые гостинцы. Какой-то мальчик, стесняясь, сунул в озябшие ладошки Поли варёную картофелину, холодную и почему-то скользкую. Она удивилась, засмушалась, но услышав: «бери, это тебе», – взяла. Примерно такие же гостинцы достались и остальным. И уже этот эпизод встречи, врезавшийся в детскую память на всю жизнь, обнадёживал детей: им здесь будет хорошо, здесь добрые люди!

В избе, куда поселили Полю с попутчиками по саням, была одна большая комната. Зато наверху, под самым потолком, было просто волшебное местечко – полати. У этого места, со слов бабы Поли, было много достоинств: уютно, тепло, сказочно – в тёплом полумраке можно помечтать. А поскольку Полина оказалась самой взрослой из всей детворы, «приписанной» к тете Нюре на постой, её и назначила хозяйка «старшей».

До появления беспокойных жильцов жила тётя Нюра со своей взрослой дочерью (лет семнадцати) вдвоем, муж был на фронте. И сама хозяйка, и её дочь Вера работали на колхозной ферме. Труд был крайне тяжёлым, они уходили ещё до рассвета и возвращались затемно. Но с утра успевали протопить

печку, дать наказы Полине, чем кормить, и как – малышей. Уже в первый день прибытия дети почувствовали искреннее сочувствие и доброту местных, ещё вчера чужих им людей. И эта доброта не была эпизодом, она сопровождала их все годы эвакуации. Далеко не всем детям-ленинградцам так повезло, разные были люди, разное отношение к «чужакам».

Тетя Ньюра была верующей, что многое объясняет. Верующие при Советской власти – это истинные верующие, и добро творили они от души, и своих детей учили не обижать ленинградцев, «им и так, горемычным, досталось».

Сразу же, в первый вечер, их отогрели и накормили горячей картошкой с молоком. Никогда ничего более вкусного Полина не пробовала. Оказывается, постановлением колхозного правления было разрешено брать для прибывших блокадников с фермы каждый день по три литра парного молока. Может, это и помогло им оправиться от дистрофии. В Полину обязанность входило кормить детей, заниматься с ними делами – убирать в комнате, отбрасывать снег с тропинок. Малышей было шесть человек. Давать еды им надо было понемногу несколько раз за день – иначе могли заболеть. Кушать хотелось всем и всегда. Но норма была строгой, и Поля её соблюдала: по две маленьких картошки и половинка стакана молока. Плакали, просили ещё. Но Поля терпеливо объясняла, что нельзя – можно умереть. Такие объяснения малышам были не очень понятны. Поэтому отвлекала их сказками, которых знала очень много. Сочиняла и сама. Дети сразу замолкали и терпеливо ждали следующей трапезы.

Полинке и самой нестерпимо хотелось есть. Но всё было строго распределено, поэтому нарушить порядок было равносильно предательству.

Нами это воспринимается как настоящее мужество: девочка 14-ти лет, внешне не старше десятилетки, перенесшая все тяготы блокады, с голодными обмороками, режущими болями в желудке, надвигающейся слепотой – не позволяла себе лишнего глотка молока!

А через неделю Поля вместе с подопечными ребяташками стала ходить

Авторы работы с мамой Маргаритой и двумя сводными сестренками

на занятия. Их проводила одна учительница для всех возрастов. Дети писали на кусочках газет: «Мы победим!»; «Смерть фашистам!». Читали газеты. Считали.

Словом, учились скорее для того, чтобы не забыть грамоту, полученную до войны.

Запомнился Полине один курьёзный эпизод: мальчишки изрисовали белую печь угольками. Она превратилась в большое полотно, отражающее сцены баталлий: танки со звёздами подбивают фашистские танки с жирными чёрными крестами. Такой бой предполагал много дыма, поэтому для воссоздания реальности успешно использовалась печная сажа и зола. Чумазы, счастливые мальчишки наносили последние штрихи своего шедевра, когда вошла Поля. Она по-прежнему была, по сути, воспитателем и нянькой. Испугалась, попробовала отмыть водой под обиженные вопли авторов, но получилось только хуже. Сажка поплыла по стене, которая из белой превращалась в черную. Вернулась учительница. Успокоила и сказала, что всё легко можно исправить, надо просто забелить. Принесла ведро с разведённой известью и щётку, несколько мазков – и вот уже всё, как и было. Не ругала детей, видимо, растрогала её тема, выбранная для декора печки...

Летом все дети от восьми лет и старше работали на колхозных полях: пропалывали свёклу, турнепс, картофель. У каждого была своя норма. Трудились добросовестно, чувствовали свою ответственность. Баловства не было, была сильная усталость. У Поли всё чаще

случались приступы, когда темнело в глазах и на мгновение будто ночь наступала.

А ещё Поля полюбила лошадей. Случилось это с первой встречи, когда везла их тетя Нюра со станции в Новомихайловку. Лошадей держали в колхозной конюшне, неподалёку от дома, где жила Поля. Лошадей было мало: три кобылы и один жеребёнок. Заправлял хозяйством дед Фёдор, очень пожилой, добрый человек. Он разрешал ухаживать за лошадьми. Полина с удовольствием чесала им гривы, убирала в стойлах. А дед Фёдор катал в свободное время детей. Но недолго. Лошади всегда были заняты и уставали не меньше людей. Техники никакой не было, всю тяжёлую работу выполняли лошадки.

Зимой мальчишки придумали интересную забаву. Возле бани слепили снеговика, на груди водрузили из прутьев свастику и организовали что-то вроде тира. Бомбили его снежками, а потом и камнями, и палками. Это за все муки – голод, разлуку с близкими, похоронки, которые получали новомихайловские семьи. Злость была не «понарошке», всерьёз, по-взрослому. А один из местных подростков, получивший похоронку на отца накануне, набросился на снеговика-«фашиста» и с яростью начал пинать его ногами, молотить кулаками. Когда от «фашиста» осталась куча снега, парнишка повернулся и малыши увидели, что лицо его всё в слезах.

Все молчали. Никаких реплик, смея. Дети выросли тогда рано.

Через год Полю определили учёницей, она была серьёзной и ответственной. Строго вела учёт трудовой, но и сама работала наравне со взрослыми. Ждала писем из дома. По вечерам, лёжа на полатах, мечтала, как будет снова жить с мамой, папой и сестрой. Не знала Поля, что отец погиб. Погибла во время разгрузки эшелона с ранеными и её любимая сестрёнка – через год после их расставания у ладожской переправы. Поэтому после войны приедет к ней только мама, постаревшая, больная и очень печальная. Никогда они не вернуться в большой и красивый дом в Ленинграде. Никогда не сыграют

с Клавой вальс Штрауса... Война изменила все планы. Изменила жизнь.

Однажды, проснувшись как всегда, раньше всех, Поля подумала, что ещё рано. И ночь какая-то слишком тёмная, неестественно тёмная. Нашупала спички, чиркнула по коробку, почувствовала жар пламени, но не увидела его. Поняла: что-то случилось. Ведь и раньше темнело в глазах. Вот сейчас посидит, и всё пройдёт. Сидела долго. Проснулись дети, началась возня, приставали с вопросами. Поля сидела без движения. Потом пришла Вера. Испугалась, начала расспрашивать. И здесь, наконец, Поля разрыдалась: «Я ничего не вижу!»

Помочь ей никто не мог: война, глухая сибирская деревня, ни докторов, ни аптек. Всё, что могли – привели местную знахарку, та заключила: ослепла девонька.

Дед Фёдор выстрогал палочку. Помогали ей всем миром освоиться в мире полной темноты. Успокаивали тем, что кончится война, приедет мама и свозит к врачам. И Поля очень надеялась на возвращение к обычному и такому счастливому состоянию, когда не окружает тебя вечная ночь, когда радуешься всему, что видишь: жеребёнку, бегущему за повозкой, облаку, меняющему ежеминутно свои контуры, синему озеру, где шумно плещется детвора. Пугала беспомощность. Такие знакомые предметы стали теперь иными, их надо было ощупывать, чтобы «увидеть» пальцами. Часто, оступившись, падала. На работу пойти не могла, дома помочь тоже не получалось. Молча сидела на лавочке возле дома. Иногда ребятишки просили по привычке рассказать сказку. Не хотелось.

Оцепенение продолжалось долго. Вспоминая, что вывело её из этого состояния безнадежности и отчаяния, Полина призналась: помог добрый дед Фёдор. Подсаживался к ней, ненавязчиво заводил разговоры, что война идет к концу, скоро жить станет легче, глядишь, и в больницу попадёт Полинка. Опять же и мать приедет – это тоже хорошо, ведь по его понятию, «от переживаний слепота образовалась». Своей сухой ладошкой гладил девочку по пышным кудряшкам, совсем как это делал

когда-то отец. И Поля начала привыкать к непростому состоянию незрячей. Тётя Нюра помогла освоить вязание, нашла спицы, шерстяную пряжу. Появилось занятие, время не стало таким тягостным. Снова рассказывала детям прочитанные когда-то истории о Томе Сойере, Гавроше, любимые сказки...

Мама Полины смогла приехать только в сорок пятом, летом. Полина знала из письма, что вот-вот она будет в Новомихайловке, волновалась, ждала. И когда мать вошла, она, абсолютно незрячая, «увидела» её, почувствовала и, забыв об осторожности, бросилась навстречу. Плакали обе, от радости встречи, от жалости друг к другу. Да и все, кто был рядом в этот момент, не сдерживали своих слез. Все пережили много за годы войны: и похоронки, и голод, но блокадники для них были особой категорией – «чудом выжившие», «намыкавшиеся», особенно дети.

Потом была жизнь с мамой. Другая жизнь. В Ленинград не вернулись, никто их не ждал. Не хватало Клавды, отца, школьных друзей. Всё осталось в памяти о довоенном прошлом.

Мама пыталась вернуть дочери зрение, возила по разным клиникам. Полина перенесла шесть операций. Но заключение, сделанное в первый медицинский осмотр, было безжалостным: блокадный синдром. Зрение потеряно безвозвратно, сказалось всё пережитое: голод, стрессы, переохлаждение.

Жизнь она прожила трудную, но интересную. По собственному определению бабы Поли, счастливую жизнь. И счастье начало возвращаться к ней в сибирской деревеньке, через огромную душевность односельчан: хозяйки квартиры, деда Фёдора, бесхитростных, босоногих, плохо одетых, но таких сердечных сельских ребятишек... Сибирь стала для Полины второй родиной.

Благодаря матери Полина получила образование через Новосибирское отделение Всероссийского общества слепых. И снова в полной мере прошла через осознание силы человеческого сострадания, всегда окружали понимающие, помогающие люди. Работала на швейной фабрике «Сибирь», возглавляла местком. Коллектив был дружным, у всех была своя беда, своя

слепота, но «мы старались не думать, что нам живется тяжелее, чем зрячим». С удовольствием Поля пела в хоре, любовь к музыке сохранила на всю жизнь. Благодаря этому увлечению встретила свою любовь. Вырастила двух дочерей, одна из которых стала нашей мамой.

А «блокадный синдром» проявлялся не только в тяжёлом недуге, но и в бережном, трепетном отношении к каждой крошке хлеба. Осторожно нащупывала она на столе всё, что оставалось при нарезке, и как-то по особенному, будто конфетку – не жевала, а держала долго во рту, наслаждаясь вкусом...

**Анастасия Пискунова,
Ольга Басманова, Татьяна Нерода**

Чановский район

Прадед-фронтовик Андрей Еланцев

Я родилась тогда, когда моего прадеда уже не было в живых. Но он смотрит с небольшой фотографии и как будто говорит мне: «Ты хранишь память обо мне? Я жив, пока помнят меня в этом доме». И дома помнят о нём, помнят его голос, его шаги, дела, поступки.

Родился мой прадед Еланцев Андрей Егорович 16 августа 1921 году в старинном сибирском селе Блюдце, что находится на берегу озера Чаны. Семья Еланцевых большая, детей было 17 человек, но не все из них остались живы. Мать прадеда Мавра Ивановна пекла хлеб для селян, а отец Егор был конюхом, наверное, поэтому он с детства любил лошадей.

В те времена, когда-то прадед рассказывал моей бабушке, вода с озера подходила к самому огороду, можно было искупаться и порыбачить, перемахнув прямо через плетень. А ещё он рассказывал, как на деревянных баржах переправляли по воде колхозный скот на острова. Путь был длинный, около 15 километров. Иногда баржи на середине пути попадали под ветер, и скот сбивался на один край, в результате этого баржи переворачивались и животные погибали.

Время шло. Закончилось детство. Наступил суровый 1941 год. Началась

Андрей Егорович
Еланцев

война и 19-летним юношей его забрали на фронт. Военкомат тогда находился в Венгерове. И скоро он воевал на Украине.

На работе

В 1942 году его часть попала в окружение. Бойцы отстреливались до последнего патрона, пока кольцо не сжалось очень плотно. Мой дедушка был ранен в левую руку. После этого, кто был в окружении, все попали в плен. Немцы их построили и повели в ближайшую деревню, где находилось немецкое командование. После того как привели в деревню, их начали допрашивать. Из строя пленных выводили коммунистов, комсомольцев, офицеров и расстреливали на месте прямо перед строем. После этого немцы начали спрашивать пленных, кто из них сибиряки, кто вызывался, того расстреливали, потому что в 1941 году именно сибирские дивизии, защищавшие Москву, далеко отбросили фашистов от столицы.

Через некоторое время пленных согнали в вагоны, чтобы везти в Германию. К счастью, один из бойцов смог пронести в шинели штык от винтовки. Этим штыком пленные оторвали несколько досок вагона и начали выпрыгивать по ходу движения состава. Сколько спаслось, неизвестно. Одним из освободившихся был мой прадед.

Всё это происходило на Украине.

Раненый дедушка добрался до первой украинской избы и попросил, чтобы его спрятали. В избе жили бабушка с дедушкой. Они-то и помогли ему укрыться и обработали рану. Неделю он просидел у них, после чего пошёл в сторону фронта и не дошёл, потому

что снова был взят в плен... Дедушку бросили в сарай. Три дня он просидел без воды и еды. Однажды ночью, разбив маленькое окно, он смог сбежать...

Воевал он до 1944 года. Всё это время рана давала о себе знать, и в конце года его комиссовали.

С 1944 года прадед жил в нашем селе. В 1950 году он встретил мою прабабушку Татьяну Григорьевну, и они поженились.

Его имя звучит очень просто, но символизирует редкое теперь качество — благородство. Он был очень добрым и внимательным человеком, любил свою жену.

До пенсии он проработал конюхом — сохранилась любовь к лошадям с детства, очень ему нравилось рисовать их. Многие люди обращались к нему за помощью. Он мастерски изготавливал топорища, делал сбруи для коней, плёл бичи. Многие жители села добрым словом вспоминают моего прадеда и его изделия. Он был хорошим строителем, построил сам себе дом. У бабы Тани есть мебель, которую он сделал своими руками.

Часто вспоминают мои папа и бабушка живописное место, расположенное в нескольких километрах от села: там за канавой, то есть границей территорий нашего села и соседнего есть поляна, окружённая цепью берез. Это место называют «дедов покос». Много лет он вручную косил там сено, а теперь по весне мы приезжаем туда за щавелем, и в памяти моей бабушки оживают воспоминания...

Елена Пугина

Чулмский район

С заводом связанные судьбы

Мало кто из чулымцев знает, что в дело Победы внесли свой достойный вклад наши земляки — труженики тыла, работники эвакуированного из Москвы военного завода «Метрострой-2».

НА ВОЕННОМ ЗАВОДЕ

С началом войны началась эвакуация промышленных предприятий

европейской части СССР в восточные районы страны.

В сентябре 1941 года в Чулым прибыли платформы с оборудованием и станками военного завода «Метрострой-2». Приехали москвичи, работавшие на этом заводе. Основные цеха: механический, инструментальный, слесарный – разместили в здании паровозного депо (ныне ПРММ), а заготовительный и столярный построили рядом. Установка оборудования велась параллельно со строительством и обустройством цехов. В короткий срок завод начал выпускать продукцию: мины для 122- миллиметрового миномета. Их отгружали в Новосибирск, там начинали взрывчаткой и везли на фронт.

Вместе с москвичами у станков встали жители Чулыма и района. Известно, что мужчины ушли на фронт, хотя многие трудоспособные рабочие, специалисты, механизаторы сельского хозяйства и некоторые руководители от призыва в армию были освобождены, имели «броню». Ведь оголять трудовую фронт было нельзя. На завод пришли люди пожилого возраста, женщины и подростки. Кто по вольному найму, кто-то

Семья Зинаковых.
1936 год

по призыву в Трудармию, а многие – по комсомольским путёвкам.

Конищевой Саше (Нестеркина А. Е.) не было 15 лет, в приеме на работу ей отказали и взяли тогда, когда она предъявила в заводоуправление сомнительную справку о совершеннолети. Её будущий супруг (Нестеркин Александр) по такому же документу устроился на завод, когда ему не было ещё и четырнадцати. В пятнадцать лет встала за станок Груня Фомина (Трофимович А. А.), она выполняла несложную, но тяжёлую операцию на шлифовке корпуса мины. Сейчас трудно

Труженики тыла –
работники завода
«Метрострой-2»

Стальмакова Аня
(справа).
1944 год. Москва

представить, как могла эта хрупкая, молоденькая девчушка за 12 часов сме- ны обработать не один десяток деталей весом более 10 килограммов каждая.

Были и такие, кто не вышел ни возра- стом, ни ростом. Таким, как Вася Махотин, Аркадий Агафонов, Паша Шрейбер и другие, у станка устанавли- вали ящики-подставки.

Десятиклассники школы № 7 одно- временно с учёбой осваивали рабочие профессии и вместе с аттестатом зре- лости получали удостоверение токаря, слесаря. По окончании школы девоч- ки пришли на завод, а ребят призвали в Ачинское военное училище, потом от- правили на фронт.

Учились в три смены, день распре- делялся на три части: с 9 утра до 12 ча- сов изучали токарное и слесарное дело, потом готовили уроки, а в третью смену с 4 часов дня шли в школу № 8 (за ли- нией). Все хорошо осознавали, что эти трудности надо преодолевать, ведь шла война. В числе выпускников, при- шедших на завод, были Аня Стальма- кова (Зинакова), Таня Телешева (Лав- рищева), Надя Леонтьева, Валя Сакун и другие.

Очень острой была проблема раз- мещения рабочих заводов и семей, эва- куированных из Москвы и Ленингра- да. Для них заранее никто не готовил жильё, учреждения быта, культуры. В жизнь чулымцев внесла свои коррек- тивы война. В школах ввели трёхсмен- ные занятия, в больнице, бане образо- вались очереди. Чтобы помыться и про- вести термическую обработку одежды, надо было затратить 3–4 часа.

Скопившиеся в одночасье пробле- мы приходилось решать оперативно,

они не могли быть отложены на по- том. Надо отдать должное райкому партии, райисполкому. В райкоме был создан штаб по приёму и размещению эвакуированных, возглавил его се- кретарь Богданов. Все руководители предприятий, коммунально-бытовых служб, учреждений здравоохранения, культуры несли свою долю ответствен- ности, их работу оценивали по меркам военного времени. Это принесло свои результаты. Прибывшее население разместили в общежитиях, в полуза- брошенных, наскоро приспособленных помещениях.

Так на новом месте, в Сибири, обо- сновался военный завод, сформирова- лся коллектив, началась отгрузка про- дукции. Это была напряжённая, тяжё- лая работа. Круглосуточно гудели стан- ки, в цехе стоял шум, лязг металла, над головами вился сизый дымок. Работали в две смены по 12 часов. С 8 утра до 8 вечера работала первая смена, вторая – с 8 вечера до 8 утра. Пересмены прово- дились по воскресеньям, не было выход- ных, тем более отпусков. Двенадцатича- совая рабочая смена, особенно в ночное время, казались вечностью, усталость и предутренний сон валили с ног.

Завод обеспечивала электроэнергией местная электростанция, была она рядом. Один раз в месяц её останавли- вали на сутки для профилактики. Для рабочих это было время отдыха, рабо- тали неполную смену. Бывали случаи, когда на электростанции происходили поломки, подача электроэнергии пре- кращалась. Каждый стремился в это время вздремнуть, кто проворнее – успевал лечь в котельной под котлом. Кому там не доставалось места – ложил- ся на стружку под корытом станка или на слесарном верстаке. Каждый падал там, где не было сквозняка, где теплее.

Работали не за деньги, а во имя по- беды над фашизмом. Деньги в то вре- мя не решали проблему материального положения, средняя месячная зарпла- та токаря составляла 450–500 рублей, а ведро картошки на рынке стоило 300 рублей.

Все жили бедно, особенно эвакуиро- ванные. Хлеба выдавали 600 граммов в сутки, дополнительно 100 граммов – в середине смены, при условии пере-

выполнения нормы выработки. Все продукты были нормированы, рабочим выдавали по продовольственным карточкам на месяц по полтора килограмма пшённой крупы, по два килограмма жиров и красной рыбы. Нетрудно подсчитать, сколько приходилось на человека в сутки. Часть продуктов, в основном картофель и капусту, эвакуированные получали в обмен на личные вещи, променяли последнее...

Получали на заводе спецодежду: куртки и брюки из грубого брезента, ботинки из сыромятной кожи на деревянной подошве.

Итоги работы подводились опера-

тивно. Сегодня токарь выполнил норму, а назавтра на его станке уже был значок «гвардейца», давались вымпелы. В порядке поощрения передовик получал 100 граммов хлеба в середине смены, обычно это было в три часа ночи и в три часа дня. В соревновании участвовали все, рабочие добивались высокой производительности.

Комсомолец Павел Шрейбер пришёл на завод 15-летним юношей, быстро освоил профессию токаря, работал на станке «ДИП», вытачивал детали для стабилизатора мины, дневную норму перевыполнял в 5–6 раз. Он положил начало движению пятисотников. В порядке поощрения иногда ему разрешали закончить смену на 2 часа раньше установленного срока.

Кроме основной работы, заводчане проводили воскресники, собирали металлический лом для литейных заводов, тёплые вещи для фронтовиков, подписывались на государственный заём, вносили часть заработка в фонд обороны, на строительство боевой тех-

ники, в том числе авиаэскадрильи «Новосибирский комсомолец». Для фронта ничего не жалели, делились последним. В 1942 году рабочие завода отправили бойцам 50 килограммов масла и сахара, 35 кг мяса, большое количество муки, лука, чеснока, печенья, сухарей, табака...

Выполняя поручения комсомольской организации, девушки посещали госпиталь (он был размещён в школе № 7), читали раненым газеты, художественную литературу, под диктовку тяжёлораненых писали их родным и близким. Заводчане оказывали помощь семьям погибших фронтовиков, детям-сиротам.

В сентябре 1944 года завод вернулся в Москву, за ним уехали многие наши земляки, продолжавшие работать на нём до 1947 года. Некоторые по семейным обстоятельствам были переведены на железнодорожный транспорт. Среди уехавших были Толстикова Галина, Стальмакова Анна, Проничева Лида, Петрова Валентина, Кудинова Анна, Трофимов Александр, Новожилова Валентина, Воронкова Евдокия, Сапрунова И. П., Гридчин Александр, Фомина Груня, Гридчина Анна, Тимофеев Александр и многие другие.

Александра Зайонутдинова

Заведующая детской библиотекой Зинакова Анна Михайловна. 1976 год

Шрейбер Павел Константинович и Тамара Степановна – вместе 62 года

Черепановский район

Сашко

1

Первая военная зима выдалась суровой. В январе 1942-го морозы стояли за сорок, сменялись буранами, да такими, что света белого не видно! Казалось, природа бесновалась в бессилии что-либо изменить в этом мире. До весны было далеко, до линии фронта ещё дальше. Но казалось, что фронт проходил прямо за покотиной сибирской деревушки, потому что не было ни единой хаты, откуда бы не ушёл на фронт муж, сын или брат.

Проходила эта линия через всю большую страну, от края и до края, через сердца людей. «Всё для фронта, всё для Победы!» – это был не лозунг, не призыв, это был смысл жизни тыла.

В Сузунской тайге, сразу за Петуховским прирезом, валили лес круглыми сутками. На выпиленных елянях бабы и девчонки складывали лапник в кучи. Когда темнело, кучи поджигали. Становилось светлее, и промёрзшие рукавицы можно было подсушить. А как только бригадир дед Серёга объявлял перекур, на один из костров сразу же водружался ведёрный чайник. Кипятили чай. Девчата, разгребая снег подле сосен, рвали брусничник. Его и заваривали. Аромат брусничного чая притягивал к костру всех работников лесосеки. Чаёк из талого снега с брусничником в старых алюминиевых кружках согревал руки и лился внутрь живительной влагой.

Девчата из сёл Чащино и Карагужево, посёлка Красная Москва – валили лес, бабы из Воскресенки обрубали сучья, а Сашок и ещё двое подростков лет шестнадцати вывозили на конях соновые сутунки для погрузки. Штабеля брёвен не успевали расти. Их грузили на лесовозы и везли в Новосибирск. Составы шли прямо на фронт. Бойцы Красной Армии вели тяжёлые оборонительные бои, и лес для окопов, блиндажей и землянок был ох как нужен.

Сашку было семнадцать лет. Ещё по-детски долговязый, но крепкий в плечах, он работал в колхозе уж пя-

тый год. Как папка помер, а у мамки их осталось четверо и он – за старшего, так и кончилось Сашково детство. Он стал хозяином и за домочадцев в ответе. Правда, был старший брат Николай, только он жил уже своей семьёй.

Сашко рос красивым парнишкой, его серые большие глаза с длинными пушистыми ресницами не одну девчонку сводили с ума. И даже лохматая, давно не стриженная голова не делала его некрасивым. Девчонки оказывали ему знаки внимания, а Сашко смущался и бурчал на хохотушек: «Не до баловства сейчас, вона беда какая навалилась. Вот переломим хребет фашисту, тогда...».

Когда началась война, он следом за братом пошёл в военкомат. Кольку забрали через месяц, а Сашку велели ещё подрасти. «Тебе, паря, здесь жилы рвать покудова, – сказал небритый, третьи сутки без сна, военком. – А туда ещё успеешь. Война не свадьба, через три дня не закончится». Вот и работал Сашко в колхозе.

Он был комсомолец – «идейный», как говорил дед Серёга. За работу, любую, брался так, как будто впрягался вместе со своим мерином Арсеном в трудовые оглобли. Дед Серёга приглядывал за парнишкой, по-стариковски иногда ворчал, но работой Сашка всегда был доволен. Поэтому, когда после ноябрьских в колхозе объявили набор бригады лесорубов, а деду Серёге предложили должность бригадира, Сашко был в его списке первым. И не ошибся старик, звено Сашка план выполняло всегда.

2

Харчи лесорубам привозили раз в неделю. Картошка, хоть и подмёрзшая в санях за дорогу, была самым желанным кушаньем. Её пекли в золе, или тетка Варвара варила в мундирах. Чёрный с лебедой хлеб, картошка да чай с брусничником – вот и все «разносоль» бригады.

Следующий воз с провиантом должен был подойти вот-вот, со дня на день.

Буран валил крупными комьями, заметая дороги и забивая дорожки и тропки. Ни санного следа, ни лесовозного было не разобрать. А буран не со-

бирался прекращать свои «бесовские игрища». Сосновые лапы ломались под тяжестью плотного снега и с треском падали вниз. Через час их уже не было видно – заваливало снегом.

Хлеба не стало четыре дня назад, да и картошка позавчера закончилась. Два дня работали, утоляя голод лишь брусничным чаем. Маруся Мыльцева уговорила ещё двух девчонок сбегать домой, в деревню, если удастся, помыться в бане, переодеться и прихватить провианту. Девчата, ложась вечером, договорились – не спать. Пошептавшись, решили: как только все уснут, так и выходить. В обед ушли лесовозы, и девчата думали по их следу быстро добраться до дому. Но буран не только не думал усмирять свой необузданный нор, а ещё и холодом потянуло...

Отбежав от барака, чуть отдышавшись, беглянки пустились в путь. Зная, что им сильно попадёт, если утром не выйдут на работу, они торопились. По лесу след лесовозов был ещё заметен, а как вышли в поле – исчез. Некоторое время шли наугад. Потом остановились. Буран кружил, взметал клубы снежинок. В полусотне шагов было уже ничего не видать. Девчонками овладел страх, он и погнал их вперёд. Маруся и Дуся шли, взявшись за руки. Они и не заметили, как Катюха перестала их догонять. Остановившись в очередной раз перевести дух, Дуся тревожно спросила, скорее выдохнула: «Мань, а Катюха где?». Маруся резко повернулась и побежала по не заметённым ещё следам. Дуся еле за ней поспевала. Они вернулись назад шагов на сто. Приглядываясь к полузаметённым дыркам-следам, девчата увидели, как Катюха остановилась, потопталась на месте и повернула назад. Её следы трудно было спутать с чьими-то другими. У Катюхи отвалились подошвы от больших отцовских пимов, и дед Серёга приладил ей заплатки из негодной автопокрышки: добрый дядька с лесовоза отдал бригадире истрёпанное колесо на всякие «нужности». Ночами, когда все спали, дед латал прохудившиеся обутки своим девахам и бабёнкам.

«Вот зараза ж! Повернула!» – зло выругалась Дуся. Она недолюбливала

Катюху, считая её своей соперницей в амурных делах с Мишкой, рыжим, ушастым, но больно весёлым парнишкой. Миха вместе с Сашком на конях отвозили с деляны сосновые брёвна. «Вернулась и ладно, – сказала Маруся. – Она не сдаст. Устанет и спать завалится, а как утро, мы уже рядом будем лежать. Пошли, время идёт». И девчонки с удвоенной силой пошли навстречу бурану. Они отворачивались от колючего снега, прикрывая щёки и лоб старенькими шалёнками и рукави. Непросушенные рукавицы совсем не согревали руки.

Через час – полтора беглянки замёрзли и совсем выбились из сил. Им хотелось упасть в снег хоть на минуточку, но Маруся тащила Дусю, не давая ей даже остановиться: «Мне бабка Домна говорила, что в буран останавливаться нельзя. Если сядешь, сон-кумоха тут как тут. Уже и не проснёшься». Они плакали, но всё равно шли и шли, пока не уткнулись в омет соломы. «Почему он остался в поле? А в колхозе скотину скоро кормить будет нечем. Надо председателю, или хоть мамке сказать», – это были последние мысли в Марусиной голове, когда вырыв в снегу дыру, докопавшись до соломы, Маруся, засыпая, пыталась отогреть окоченевшие руки.

3

Сашко проснулся от звука, как будто кто-то кричал. Он сел, прислушался. «Может, ветер скулит? – подумал парнишка и вроде как опять задремал. – Нет, опять кричат!». Он быстро и бесшумно нашёл свой кожух среди сушившихся одежонок и, на ходу нахлобучивая шапку, выскочил из барака.

– По-мо-ги-те! – этот жалобно зовущий крик был слышен где-то со стороны Чащинской дороги. Сашко побежал на крик, при этом сам кричал:

– Ты где?! Отзывайся, не молчи!

Катюха узнала его и запричитала в голос. Парнишка нашёл рёву в кустах талины. Она лезла через тальниковый колок и совсем выдохлась, пока пробиралась сквозь гибкие ивовые заросли. С Катюхиной головы сполз платок, он зацепился за ветки и Катюха, по пояс в снегу, пыталась сдёрнуть его

с сучка. Сашко волоком вытащил ревушую девчонку, со злостью рванул не отцеплявшийся платок и поволок Катюху к бараку. Уже на подходе он сообразил: «Нельзя в барак, шум поднимется. В сторожку, к лесоскладу! Там отогреться, проревётся – тогда в барак».

В сторожке была только тётка Анна. Крупная, мужеподобная баба, матерщинница, но добрая. Она и материлась как-то незлобиво, а так – к слову.

– Вашу ж мать! – всплеснула руками тётка Анна. – Где вас черти носят? Чего не спится?!

– Там, там, – всхлипывала Катюха, и тут же заходила в истошном крике от нестерпимой боли.

– Обморозилась, что ли?! – тётка Анна помогала Сашку отогревать Катюхины руки и ноги.

– Там Дуся с Марусей, – сквозь крик боли прошептала Катя.

– Бежали вы, что ли? – Сашко оторопело встал, больно стукнувшись о низкий потолок сторожки. – Где они? Да не реви ты! Живая ведь.

– Они в Воскресенку пошли. Есть больно хочется. Они картошки принесли, может ещё чего... – Катя говорила, еле ворочая языком. – Я вернулась, боязно стало, а Маня – она ж настырная. Они домой потащились.

– Ох, ты ж, бестолочи! По такой падере не дойдут – сгинут, – причитала тётка Анна. – Сашко, надо Сергею Ильичу сказать. Пойду, разбужу его.

– Не надо. Я за ними съезжу. Ведь под суд пойдут за побег, дуры, – Сашок спешно натянул свой треух, и, толкнув дверь плечом, выскочил в ревушую темь.

Первые километра полтора-два Арсен шёл иноходью, выгнув дугой шею, опустив крупную голову почти до снега. Мерин был старый, но в силе. На фронт его не забрали: каким-то чудом председателю удалось уговорить начальство оставить тягловую скотину в колхозе. Сашко любил своего конягу, жалел. Особенно, когда приустав, Арсен останавливался, припадал на одну заднюю ногу, оттопыривал нижнюю губу и прикрывал глаза. Вид у него тогда был такой жалкий, что Сашко, зная – коняга хитрит, всё же давал ему передышку. Когда парнишка почувствовал, что конь устал, Сашко спрыгнул в снег и повёл его за уздечку.

Ветер усиливался, снег становился всё колючей. Сквозь лохмы снеговых облаков пробилась брешь, в неё на несколько минут выглянула луна.

Мерин шёл всё тяжелее. Его спина, мокрая от пота и таявшего снега, обмерзала сосульками.

В просвете меж облаков выглянула луна, и Сашко увидел следы на снегу. Их замело, а ветром «вылизало» и по краю были тонкие бурунчики.

«Нашёл! – обрадованно подумал Сашко. Он тоже устал бороться со снежным натиском и торопливо прибавил шаг. – Щас ожгу уздой, будут знать».

В соломенном омете никого не было. Только снег разрыт до соломы. «Ушли, паршивки! Ох, может и обойдётся. Хоть харчей притащат». Порыв ветра, новый снеговой шквал. И опять буран – плотный и колючий. И темь – ни зги не видно.

«Придётся переждать», – Сашко упёрся спиной в омет, а конскую морду плотно притянул за узду к себе. Арсен фыркнул от недовольства. «Цыть! – строго буркнул Сашко. – Нельзя. Это коровкам колхозным. Вернёмся – накормлю». Сашко крепче намотал узду на руку...

4

Он не хотел засыпать, но завывание ветра, мерное дыхание коняги и усталость, непроходящая усталость от работы, переживаний за отца и брата, сделали своё дело... Сашко провалился в глубокий сон. Растреклятый сон-кумоха...

В самый рассвет Марусю и Дусю сосед – дядька Василий привёз с картошкой и хлебом на лесосеку. Девчонки хоть и поморозили руки и ноги, зато провиант привезли. Катюха, всхлипывая, рассказала им, как Сашко, вызволив её из неминуемой гибели, пустился за ними следом.

Буран бушевал ещё два дня. А в первую бесснежную ночь ударил сильный мороз.

Сашка нашли через четыре дня. Он так и сидел, упёршись спиной в омет, сдерживая в узде морду своего коняги. «Нельзя, колхозное, коровкам корм». Арсен застыл стоя, припав на заднюю ногу, прикрыв глаза белёсыми ресницами, уткнув тяжёлую морду в грудь Сашка. Его по колено занесло снегом, спину укрыла белая снежная попона.

Татьяна Плахотич

Болотнинский район

Герой – учитель

Павла Дмитриевича Жемчужникова знали все: и стар, и млад. Он был в буквальном смысле большой: почти саженого роста, плотный, кряжистый, с величавой, посеребрённой головой на широких плечах. Настоящий русский богатырь! Но не физической силой славен этот человек, а своей многолетней, плодотворной просветительской деятельностью, активным участием в жизни.

Павел Дмитриевич Жемчужников родился в 1905 году в селе Румянцево Симбирской губернии (ныне Корсунский район Ульяновская область) в семье священника. В 1925 году окончил школу 2-й ступени и начал работать учителем начальных классов.

Одной из самых трагических страниц в истории поволжской деревни явился голод 1920–30-х годов. Многие люди вынуждены были уехать из родных деревень. Павел Дмитриевич также покинул родные места.

Он уехал к сестре в Казахстан, в село Пресновка, где встретил замечательную девушку Юлию Григорьевну, женился, и у них родились три дочери: Альбина, Фаина, Ольга и сын Александр. В Пресновке была одноклассная школа, которая находилась в маленькой ветхой избёнке.

Теснота, полумрак, подслеповатые окна едва пропускали в комнату солнечные лучи. Но зато по душе пришлись первые ученики – босоногие любознательные мальчишки и девчонки. Приглянулся им новый учитель – весёлый, жизнерадостный, полный энергии, с неиссякаемым запасом изобретательности.

С тех пор не мыслил он ни дня без маленьких друзей. Самозабвенно учил ребят азам правописания и арифметики, вводил их своими рассказами в неведомые дальние страны, читал им сказки Пушкина и Андерсена, ходил на прогулки. А по вечерам отправлялся в один из домиков на краю села, где на курсах ликбеза занимался с молодёжью.

В 1937 году Павел Дмитриевич окончил экстерном Барнаульский учительский институт, приехал в село Болотное Новосибирской области и работал учителем русского языка и литературы в школе № 23.

Далекий 1941 год, быть может, самый трагический, но и самый героический не только в Советской, но и многовековой истории нашего Отечества.

Не обошла стороной страшная война и сибирское село Болотнинское, она сильно изменила жизнь людей. 3 сентября 1941 году Павел Дмитриевич, сменив гражданский костюм на армейскую шинель, ушёл на фронт.

Битва под Москвой была одной из крупных битв Великой Отечественной войны. Немцы превосходили в людской силе и технике. Неимоверно трудная была обстановка. Враг, не считаясь с потерями, озверелый, рвался к столице. После боя, когда угроза нападения миновала, бойцы обычно сидели в землянке, вспоминали родной дом, дорогих и близких сердцу людей, писали письма, верили и надеялись на благополучный исход войны. Старая бумага упорно заворачивается по сгибам, продавленным почти семьдесят лет назад.

Павел Дмитриевич
Жемчужников

1.12.1941 г. «Принял крепкое фронтовое крещение. Крепко дерёмся с врагами, Верим в своё дело»

29.12.1941 г. – «Я вижу, как жили люди, где были немцы. Они убивали детей, били, выгоняли на улицу».

Дым, копоть, пыль, взрывы снарядов. Чем ближе была Москва, тем упорней сопротивлялись наши воины. Во время тяжелых боев на Истре в жизни 78-й стрелковой дивизии, в рядах которой сражался с врагом Павел Дмитриевич, произошло радостное событие: 26 ноября 1941 года приказом Народного комиссара обороны дивизия за проявленную отвагу в боях с немецко-фашистскими захватчиками, за стойкость, мужество и героизм личного состава была преобразована в 9-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

В день получения гвардейского знамени воины дивизии поклялись твердо и победоносно пронести гвардейское знамя через все битвы с врагом до полной победы. И они сдержали свою клятву в последующих суровых боях. Противник был окончательно остановлен, а затем и отброшен на запад. Гвардия не отступила.

Декабрьские морозы не давали двигаться быстро. Но воины шли и шли вперед. После победы под Москвой Павел Дмитриевич продолжил свой боевой путь. Их дивизия была переброшена под Сталинград, где принимала участие в ожесточенных боях.

Под Сталинградом старший сержант Павел Дмитриевич получил письмо от учащихся 7 «В» класса: «Уважаемый Павел Дмитриевич! Пишут Вам ученики 7 «В» класса, которых Вы учили русскому языку, а теперь защищаете

с винтовкой в руках от фашистских захватчиков. Мы живём в глубоком тылу, тяжело чувствуем бремя войны и стараемся помочь нашей родной Красной Армии. Многие из нас ударно работали летом на полях совхоза, а теперь учимся хорошо в школе. Наш класс собрал 500 рублей на танковую колонну, а теперь собираем подарки и деньги на подарки бойцам Красной Армии. Работали на транспорте по очистке путей от снега.

Желаем Вам, Павел Дмитриевич здоровья и успеха!

Бейте крепче фрицев и возвращайтесь опять в нашу школу».

Во время боевых действий на Вилкомирском направлении Калининского фронта в апреле 1943 года Павел Дмитриевич был награжден медалью «За боевые заслуги». 23 августа 1943 года тяжёлая контузия при бомбёжке, повреждены кости грудной клетки, госпиталь.

Последнюю военную зиму Павел Дмитриевич встретил в Прибалтике. Здесь была прижата к морю крупная Курляндская группировка врага. В группировке было более 200 тысяч гитлеровцев. Павел Дмитриевич выполнял обязанности артмастера мастерской боепитания полка и под огнём противника ремонтировал оружие, не допуская отправки его в мастерские.

В бою в январе 1945 года в районе деревни Стерини на территории Латвии клубилась пыль, слышался грохот моторов и лязг гусениц, шли танки. Орудийным мастерам и другим специалистам приходилось ремонтировать пушки, минометы, пулеметы нередко прямо на огневой позиции, под огнём противника. Старший сержант Жемчужников собрал на поле боя 24 винтовки, 3 пулемёта ДП и 12 ППШ. Это оружие было выдано прибывшему пополнению. За это он был награжден орденом «Красная Звезда».

8 мая 1945 года часть, в которой воевал Жемчужников, подняли по тревоге и отправили в сторону переднего края. ... Погода была чудесная: ни одного облачка. Только искалеченные деревья, разрушенные хутора, да израненные снарядами поля напоминали о войне. В небе появились советские самолёты, они сбрасывали листовки, написанные на русском и немецком языках, в них со-

общалось, что немецким войскам отдан приказ капитулировать. Радость охватила всех, многие прослезились. Павел Дмитриевич на лету поймал одну из листовок, привёз домой, а в 1970 году подарил музею боевой славы.

Неужели это конец войны, которого ждали долгие годы. Когда подошли к переднему краю, там уже виднелись у немцев белые флаги, они сдавали оружие.

День Победы Павел Дмитриевич встретил в Прибалтике, в Риге. За Боевые заслуги он награждён 12 орденами и медалями, в том числе орденом Красной Звезды.

Война, окончившаяся так давно, мучила Павла Дмитриевича болью памяти, болью за тех, кто остался в родной и чужой земле, за тех, кто осиротел. Через много лет после Победы Павел Дмитриевич в своих воспоминаниях, посвящённых внуку Дмитрию, напишет об этом дне: «Сегодня можно отдохнуть, вздохнуть. Сегодня пушки не стреляют. Немцы сдаются в плен. Стали тихими, ласковыми, безобидными. Волк превратился в овцу. Но мы не забыли их волчьи повадки. Немцы сдавали оружие и сдавались в плен. Долго я не мог уснуть в эту ночь, вспоминал военный путь. Москву, Сталинград, Великие Луки, Смоленск, Белоруссию, выход на берег Балтийского моря. Шли по долгому пути войны дорогою борьбы, крови и побед. Мы никогда не забудем».

После демобилизации он вернулся в родное Болотное к своей семье и к любимой профессии учителя.

Как настоящий учитель Павел Дмитриевич не оставался в стороне от общественных дел. Он был членом комиссии по делам несовершеннолетних, возглавлял комиссию по охране природы, был депутатом городского Совета. Ученики души не чаяли в своём учителе, он умел к каждому подойти, найти «свой ключик» к сердцу, вселить уверенность в свои силы. За долголетнюю безупречную преподавательскую работу Павел Дмитриевич Жемчужников награждён орденами Трудового Красного Знамени и Знак Почёта.

**Дарья Мезенцева,
Лариса Карпова**

Каргатский район

Он потомок легендарных предков

Вася Ольховик – украинский мальчонка, для спасения от голода, наступившего в результате засухи 1931–1932 годов, был отправлен в Сибирь. Он потомок легендарных предков: Вася Ольховик внук того самого православного полонника, который ушел умирать в Святую землю и похоронен в Иерусалиме, он сын участника Первой мировой, травленного немецкими газами и до конца дней ненавидевшего германцев за разъяренные легкие. Василий Иванович Ольховик – это тот самый радист командующего 5-й танковой армией А. И. Лизюкова, участвующего в тяжелых боях под Воронежем. Василий Иванович – это тот самый ветеран педагогического труда, который после войны посвятил себя воспитанию молодого поколения. Вместе с женой, тоже педагогом, они дружно прожили 60 лет. Со своей женой. У них пять внуков и уже есть правнуки. Да, сильное, мудрое поколение! Василий Иванович был учителем истории, долгое время работал директором Карганской школы.

У каждого в жизни есть свое профессиональное призвание: кто-то врач, кто-то мастер на все руки, а кто-то учитель. Но есть еще люди, для которых главное нравственное призвание – посвятить жизнь своей стране, людям, живущим в этой стране.

Мне посчастливилось жить с таким человеком в одном селе. У Василия Ивановича не было времени размышлять какая профессия ему подойдет больше. В июне 1941 года он закончил школу и получил аттестат.

И уже в сентябре 1941 года был призван в армию и направлен на курсы радистов в г. Новосибирск. Затем были шестимесячные курсы радиоспециалистов в Горьком.

После учебы в мае 1942 года Василия Ивановича назначили военным радистом в пятую танковую армию,

28 апреля 1945 год.
Вена

Василий Иванович
с женой Марией
Васильевной

на личную радиостанцию командующего генерал-майора танковых войск героя Советского Союза А. И. Лизюкова. В июне и июле 1942 года Ольховик чуть ли не ежедневно видел командующего, сопровождал его в выездах на передовую и одним из первых узнал о гибели Александра Ильича в танковом бою. Однако едва ли стратегия Воронежского сражения для 20-летнего новобранца была важнее

того вопроса, исполненного неподдельного человеческого участия, с которым на первом построении обратился к сержанту-сибиряку командарм: «Расскажи о доме, сынок». Так впредь и называл паренька «сынком»: то ли вспоминая собственного сына-ровесника, то ли отцовской заботой удерживая от отчаяния тех, кого под немилосердным воронежским небом беспрестанно утюжили немецкие самолеты («Прямо над огородом разворачивались, даже морды их противные видны»). А после двухдневного обстрела, когда в погреб, где укрывались радисты, нельзя было доставить даже сухой паек, справлялся об их делах и лично угощал отощавших бедолаг колбасой, наказывая старшине резать ее ровными кусками, не баловаться с большей генеральской «долей». В. И. Ольховик вспоминает это отеческое тепло, которое не назовешь утешением, но за которое он готов был отдать жизнь. Как говорил Василий Иванович, больше в его судьбе таких командармов не было...

Василий Иванович
на работе

А в августе 1942 года генерал Лизюков погиб в бою и полк был расформирован. С тех пор Лизюков считался без вести пропавшим. И только в 2009 году после того как поисковики г. Воронежа найдут могилу генерала и на канале НТВ покажут об этом передачу, в доме Василия Ивановича раздастся звонок. Корреспонденты НТВ, узнав, что В. И. Ольховик был личным радиотелеграфистом генерала, позвонили ему.

Василий Иванович вспоминал: «А.И. Лизюков при такой должности и звании с подчиненными был прост, как правда. Молодых бойцов звал сынками и по-отечески заботился о них». Но ни тогда, ни сейчас не мог взять в толк Василий Иванович, почему А. И. Лизюков сам ринулся в тот бой, ставший для него последним. Тогда, в июле 1942 года Василию Ивановичу было всего 20 лет, но он помнил этот день: «Мы подъезжали к передовой линии. Генерал махнул рукой, приказав связистам остановиться, мы замаскировались на пшеничном поле, а генерал поехал дальше. Прошло часа три. Без приказа мы не имели права тронуться с места. Вдруг появилась генеральская машина, но подъехав к передовой, пересел в свой танк и больше его никто не видел. Разные догадки были по поводу его исчезновения...»

Воронежские поисковики обнаружили в захоронении не только останки, но и Звезду Героя Советского Союза, которая помогла им. По номеру определили, кому она принадлежала, выяснилось, что генерал погиб в тяжелом оборонительном бою. Наконец-то восстановлено доброе имя генерала!- ликовал Василий Иванович.

В 1942 году отдельный 137 полк связи, в котором служил Василий Иванович, обслуживал 5 танковую армию, он был направлен на Юго-Западный фронт на личную радиостанцию генерал-лейтенанта танковых войск Романенко. В составе этой армии Василий Иванович принимал участие в разгроме немцев под Сталинградом, за что в ноябре 1942 года был награжден медалью «За оборону Сталинграда». Молодой, энергичный сибиряк не только бесперебойно обеспечивал связь между дивизиями своей армии, но и был ком-

соргом в своей роте. В 1944 году политрук роты перед строем зачитал грамоту ЦК комсомола, подписанную первым секретарем ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайловым: «За образцовое выполнение заданий по обеспечению командования армии бесперебойной радиосвязью и проявленное при этом мужество, мастерство и отвагу награждается радист В. И. Ольховик. Друзья – однополчане поздравили своего комсорга с наградой. А грамоту потом отправили в районкомат г. Каргата и вручили там Марии Карповне – матери Василия.

В феврале 1943 года батальон связи был реорганизован в 137 отдельный Нижнеднестровский ордена Богдана Хмельницкого полк связи. И до конца войны полк обслуживал 46 танковую армию связи. Василий Иванович участвовал в освобождении Украины, Молдавии, Румынии, Чехословакии, Венгрии, Югославии, Австрии. Награжден медалями «За взятие Будапешта» и «За взятие Вены».

День победы Василий Иванович встретил под Веной.

Демобилизовался Василий Иванович 20 декабря 1946 года. Молодой, энергичный паренек с орденами и медалями вернулся в родные края.

Началась мирная трудовая жизнь.

Уже в январе 1947 года был назначен учителем физкультуры и немецкого языка в Беркутовскую школу Каргатского района. Именно с этого начнется его долгая плодотворная работа на педагогическом поприще. Этому он посвятит всю свою жизнь.

В 1950 году Василий Иванович становится директором 7-летней школы в селе Третьяки. Там же был избран секретарем партийной организации колхоза. Всегда и всюду с людьми, в стороне от общих дел никогда не был, и всегда в этом человеке было что-то такое, что позволяло сразу угадать характер неутомимый, открытый, общительный.

В 60-е годы Василий Иванович работал в школе села Набережное, позднее во вспомогательной школе-интернате с. Форпост-Каргат.

За свою работу неоднократно награждался почетными грамотами ОБЛОНО.

Умер Василий Иванович 19 июня, ему было 94 года, но до последних дней у него была ясная голова и прекрасная речь. После смерти любимой Машеньки, с которой они прожили душа в душу 60 лет, он жил с внуком Александром.

Василий Иванович с однополчанами

До последних дней он был частым гостем в Карганской школе, рассказывал подробности боев, много интересного из своей уже мирной жизни. И уже стала крылатой фраза, когда-то сказанная внуком Максимом после проигранной деду партии в шахматы: «Дед у меня – всем дедам дед!»

**Мария Бордоchenko,
Оксана Борисова**

Убинский район

Сила Марии Хмельковой

Качается рожь нежатая,
Шагают бойцы по ней.
Шагаем и мы – девчата,
Похожие на парней.
Нет, это горят не хаты –
То юность моя в огне...
Идут по войне девчата,
Похожие на парней.

Ю. Друнина

Пережить огонь, ужас войны способны очень сильные люди, поэтому принято считать войну мужским делом, но русские женщины ничем не уступают мужчинам. Во время Великой От-

Мария Ефимовна
Хмелькова

еественной войны в армии служили около 800 тысяч женщин, а просились на фронт еще больше. Откуда только у них брались силы и мужество, у таких хрупких, красивых, совсем не солдат?

Вот и Мария Ефимовна Хмелькова всем доказала, что сильна русская женщина. Родилась она в 1924 году в селе Кожурла Убинского района. До войны закончила только начальную школу и сразу же пошла работать в колхоз. Стала бригадиром над такими же девчонками по 16 лет. А бригадиром могли назначить человека только с сильным характером, ответственным. Когда началась война, Марии Ефимовне было всего 17 лет. Как и на многих других женщин на неё легла тяжёлая работа в колхозе: покос, уборка урожая, посевная.

В первые годы войны получили похоронки: погибли два брата, один был танкистом, другой – лётчиком. А с 16 июля 1943 году началась её фронтовая жизнь. Оказалась она в Сызрани в зенитной части, а юной зенитчице было всего-то 19 лет. Пять месяцев изучали оружие и обучались стрельбе на 25-миллиметровых пушках, вкопанных в землю. Находилась часть на секретном нефтеперерабатывающем заводе «Крекен». Днём учились стрелять, а вечером охраняли завод.

После учёбы юных зенитчиц отправили на фронт. Под любой обстрелом они оставались у своих орудий. Самые тяжёлые дни, когда погибали друзья, за годы войны

ставшие сёстрами и братьями. «Во время затишья, вспоминали мирное время, родных, свой дом и иногда потихоньку пели песни» – вспоминает Мария Ефимовна. – Жили в землянках, спали на полу, вместо подушек были кукурузные листья, вместо матраса – шинель, а другой шинелью укрывались.

Постепенно привыкли к обстрелу, к шуму и гулу машин, научились по звуку определять вражеские самолёты. Снаряды заканчивались, а мы, одни девчонки, со склада тащили снаряды по 50 с лишним килограммов. Обнимаем друг с другом и ревём, боимся. По двое суток были голодные. Еды на всех не хватало, давали чаще всего один хлеб, одну булку на несколько человек, и хлеб – одно название, наполовину с опилкам. Его делили поровну». Но ничего – выдержали: надо было бить фашистов, гнать их с советской земли.

За годы войны Марии Ефимовне пришлось не только научиться стрелять, но и освоить военную профессию телефониста – разведчика. Во многих сражениях приняла участие хрупкая девушка с сильным характером: оборона Одессы, Николаев, Запорожье, Херсон, Днепрпетровск, Кривой рог, Пятигорск, Болгария.

Всё пришлось выдержать и не ожесточиться сердцем, чтобы после войны выйти замуж и родить детей. Солдатская форма, тяжёлые физические нагрузки, армейская дисциплина, кровь, смерть, ежеминутная опасность и вечно преследующий, но скрываемый страх – всё это являлось нелёгким испытанием для женщины. Женщина – друг, соратник, боевой товарищ, делившая все тяготы войны наравне с мужчинами, – воспринималась с подлинным уважением.

В годы Великой Отечественной войны свыше 150 тыс. женщин были награждены боевыми орденами и медалями. Если для мужчины защита отечества – это долг, священная обязанность, то женщины шли на фронт добровольно и честно выполняли свой долг, долг солдата,...

Евгения Карпова

Черепановский район

Сороковые, роковые

Простой деревенский парень Алексей Ключев даже не подозревал, какие испытания преподнесёт ему судьба. Примерным пахарем считали его в посёлке. Захотел быть трактористом, а по возрасту не подходил. Прибавил сам себе год и пошёл учиться.

С лёгкой руки директора МТС Фомина в бригаде получил прозвище «моряк». А моряк и реки-то большой никогда не видел, не то что моря. Просто козырёк у кепки дождём размочило, и оторвал он его, сам себе и стала кепка на бескозырку походить.

Но недолго пришлось кататься на стальном коне трактористу. Война набирала обороты, шёл 1942 год. Как исполнилось 18 лет Алексею, отправился он на фронт.

Повидал солдат Ключев горя людского. На дорогах войны видел изрытые окопами степи, гусеницами танков втоптанную в землю спелую пшеницу,

сожжённые сёла и разрушенные города. И навсегда врезался в его память мартовский день 1944 года, который поделил всю оставшуюся жизнь на «до» и «после».

Взвод бился с гитлеровцами за высоту под городом Кривой Рог. Кругом – открытая чистая степь. Гитлеровцы стояли на вершине, и их надо было выбить любой ценой. Пулемёт – надёжная поддержка для пехоты. Передышки не было. Только успевали вставлять ленты с патронами. Вот уже раскалился ствол, а воды нет – того и гляди, заклинит. Решили брать ржавую воду из воронки в ста метрах. Ползком по очереди подбирались к яме и солдатским котелком таскали воду. Зальют в кожух, и следующий отправляется за водой, а у пулемёта остаётся боец, чтобы стрельба не прекращалась.

А с сопки вниз летят вражеские мины!..

Настала очередь Ключева добывать воду. Пополз он с котелком к воронке, и тут ему колено словно огнём обожгло! С большим трудом добрался обратно и увидел, что его напарник, Филатов, лежит ничком у пулемёта с осколком в голове. Оттащил в сторону товарища, перетянул ремнём себе ногу выше колена, чтобы остановить кровь. Сколько лент выпустил из пулемёта, не помнит...

В сознание Алексей пришёл в госпитале. Подозвал медсестру и попросил, чтобы жене письмо написала, сам не мог признаться, что стал калекой безногим. Не знал, да и не мог знать солдат, как такое известие примут его домашние.

А жене его сначала почтальён принёс конверт с похоронкой из военной части 20-й гвардейской стрелковой дивизии, а через несколько дней – письмо из госпиталя, написанное чужим почерком. Получилась ошибка. Шинель с документами осталась на поле боя, потому и посчитали, что красноармеец Ключев погиб при взятии высоты.

Восемь месяцев госпиталя, семь операций перенёс боец. Страдал и мучился, как жить дальше. Написал письмо племяннику, чтобы узнал у жены, примет ли она инвалида? И вот письмо от жены: «Алёша, как ты мог подумать

Алексей Степанович Ключев

так обо мне. Поправляйся и приезжай поскорее домой, родной мой! Жду тебя»...

Повеселел человек, получив такую весточку из дома. Ну что поделаешь, если в двадцать лет остался без ноги. Как-то надо дальше жить. Мыслями стал возвращаться домой: «Что делать, чем заниматься? Прощай, мой конь стальной. Теперь из меня пахаря не получится»...

Домой прибыл к октябрьскому празднику.

Все жители посёлка Сибиряк приходили навестить солдата. И работа ему нашлась – учётик на ферме.

Потом научился шить сапоги. Не оказался от предложения выучиться на ветеринара.

Именно эта профессия и определила дальнейшую судьбу фронтовика. 30 лет Алексей Ключев лечил скот на совхозной ферме. А стадо немалое, тысяча животных. Примерный пахарь стал отличным ветеринаром. Стального коня заменил живой. Односельчане говорили, что надо надпись на повозке ветеринара сделать «Скорая помощь». И сказано это было не ради шутки.

Парадокс в судьбе Алексея Ключева заключается в том, что числится он в «Книге Памяти» погибшим (даже существует могила в Николаевской области) – и одновременно вернувшимся с войны, в сборнике «Они вернулись с Победой».

Такие вот сороковые, роковые...

**Елена Узлова,
Людмила Копытко**

Чулымский район

У отца с войны руки не стало...

У отца с войны руки не стало.
Не стало правой, а она ловчей.
Теперь он левой режет хлеб и сало
И ловко печь кладёт из кирпичей...

Я боготворила своего отца – умный, немногословный, спокойный, на каждый мой вопрос у него всегда был готов ответ, его рука на моей голове как зонтик, защищающий от детских неприятностей, моя рука – в его левой руке...

Видела я его редко: то командировка, то работа до поздней ночи, но в редкие минуты общения я получала от него столько любви, столько знаний, столько практических навыков, что и сегодня, спустя много лет, я держу молоток и забиваю гвоздь с двух ударов так, как научил меня отец. Он научил меня варить красный украинский борщ и узбекский плов, строить парник для помидоров и ремонтировать утюги, мои руки были его правой рукой и часто до сих пор замирает сердце, когда вспоминаю, как он держит гвоздь, а я бью мимо шляпки и попадаю ему по пальцам...

Воспоминание из моего детства: мне пять лет, вечером домой приходит папа (он приехал из Новосибирска, куда раз в два года ездил на протезный завод), я смотрю на его розовую правую руку, которая была всегда в черной перчатке, и кричу: «Мама, мамочка! У папы рука выросла!» Я не поняла, почему заплакала мама в то время, когда мне так радостно было – вот сейчас подхватит меня папа и подбросит высоко-высоко и замрёт от счастья мое сердце – и у меня папа с двумя руками!

Позже, в пятом-шестом классе, терпеть не могла воскресенье. Утром папа расстилал на стол газету, высыпал на неё мелкие детали и начинал ремонтировать утюги, которые несли ему соседки. Я была его правой рукой и глазами, а на улице играли мои подружки и так хотелось быть там, в компании моих друзей...

И еще я помню... Была Пасха. На столе куличи, крашеные яйца... Мама чистит первое яйцо, протягивает отцу, а он опускает голову, плечи его вздрагивают... Успокоившись, он начинает рассказывать: «Весь июнь

1941 года были на учениях. Было трудно, но весело, молодые мы были... 21 июня, в субботу, в лагеря приехала кинопередвижка, растянули простыню на стене казармы, смотрели фильм «Путёвка в жизнь», после сеанса долго не расходились – ночь была тёплая, спать легли на рассвете.

А утром – взрывы, паника, приказ об отступлении... Полоцк, Невель, Великие Луки... Под станцией Кунья Калининской области полк попал в окружение, старшим по званию в живых остался только я, взял командование на себя, обмотался полковым знаменем и повёл солдат. Куда ни пойдём – везде немецкие танки и мотоциклы, немецкая лающая речь, смех, решил пробиваться через болото с боем.

Прорвались уже, и вдруг рядом граната взорвалась, вижу – чья-то рука летит, глянул – моя, правая, а я и боли не почувствовал... Потом сознание потерял. Очнулся в полевом госпитале, по подбородок серым одеялом накрыт. Утро... Ждём санитарный самолёт. Подходит медсестричка, приносит завтрак – яйцо, стакан какао и булочку: «Ешь быстрее, солдат, скоро самолёт прилетит, там неизвестно, когда ещё вас покормят...»

Я ей объясняю, что руки у меня нет, правой руки, а она: «Как же ты дальше жить собираешься, солдат?» Вот тогда-то я первый раз понял, что зря у меня пистолет забрали, пустил бы пулю в лоб и все дела»...

Больше никогда папа не рассказывал нам о войне, только однажды, когда было мне лет 20 и говорили мы с ним о молодёжи, первый раз в жизни закричал на меня с надрывом, когда я сказала: «Войну нашему поколению пройти надо, только тогда мы...». Не дал мне договорить, оборвал резко: «Не дай Бог никому пережить то, что мы пережили, за вас, за всех отвоевались, чтобы не повторился этот ад никогда! Слышишь, никогда!». Стыдно мне было, прощение просила, но ношу эту вину в душе до сегодняшнего дня...

В 1946 году вернулся мой отец в Чулымский район, встретил маму. Знаете, в жизни ничего не бывает случайно... Они родились в один день, месяц, год – 22 мая 1916 года! Только он в Узбекистане, а она в деревне Быструха Кочковского района Новосибирской области. Встретились, наверное, для того, чтобы родились мы – Люба, заслуженный врач РФ и я – заслуженный

Рыбачек Н.А. – курсант Новосибирского пехотного училища. 1938 год

Мой Бессмертный взвод. Чулым, Новосибирск, Чик, Сяревере (Эстония). 9 мая собирается Семья

Пять лет
в Бессмертном
полку с прадедом

учитель РФ. Так судьбой, видно, было уготовано...

Какие только руководящие должности папа не занимал, имея 7 классов образования, полковую школу и пехотное училище за плечами: председатель городского совета, директор: пекарни, столовой, райпо, лесоторгового склада! На какие только трудные участки не направляла партия коммуниста, даже председателем сельпо в Дубраве был, оставив жену с тремя дочерьми в Чульме...

Соседи называли его «Кулибин». К рабочему протезу он приделал держатель и крепил я ему то нож, которым он резал хлеб и сало, даже картошку чистил, то серп, которым траву для гусей косил, то молоток, которым мелкие гвозди забивал, ремонтировал для всей улицы утюги и стиральные машины, лудил прохудившиеся кастрюли (до сих пор одна, как память, хранится в моей семье – и ведь столько лет мне исправно служит).

Долгую жизнь прожил ветеран, достойную жизнь, вложил здоровье, душу, сердце в развитие района, воспитание подрастающего поколения...

В юности часто слышала от папы: «Вот найти бы брата, пропавшего без вести...». Куда только не писал, где

только не искал он своего младшего брата Ивана, но так и умер, ничего не зная о нём, до войны работавшем учителем в Киргизии. Пропал без вести подо Ржевом, погиб ли, в плен ли попал, вот уже 12 лет ишу его. Тот ли это Иван Рыбачек, что похоронен в могиле 108 на улице Цментарна города Олешница, Нижнесилезского воеводства в Польше? Не знаю, пап...

5 мая 2010 года моя дочь зашла на сайт ОБД «Мемориал». Оказалось, что сам Николай Арсентьевич Рыбачек до сих пор числится пропавшим без вести. Вот удивился бы ветеран войны, прочитав про себя вот такую запись на двух страницах:

«Рыбачек Николай Арсенович... мл. лейтенант, командир пулеметного взвода 628 стрелкового полка 174 стрелковой дивизии, Западный фронт, пропал без вести в ноябре-декабре 1941 года».

Папа умер 6 декабря 2002 года...

Светлана Заика (Рыбачек)

Усть-Тарский район

Бегом за свиньями

Я родилась в селе Пеньково Маслянинского района. Село наше раскинулось вдоль тракта Черепаново – Маслянино.

Улицы располагались вдоль трёх небольших речек: Амбарка, Спиридониха и задиристый Укрон, отделяющий село от горы. Две первые смыкаются в селе Укрон и за селом вдоль гор уходят в деревню Каменка.

Наше село основано в 1756 году. Предки братья Огнёвы, в старину,

поселились на горе. Кукуй, и построили кузницу. Кузница для села имела первостепенную важность: коня ли подковать, плуг ли отремонтировать, ведро ли починить – все к кузницу. А где кузница, там и люди селятся.

Мама моя – Марина Терентьевна. Из большой крестьянской семьи.

Отец ее Терентий Никитич был настоящим хозяином. Имел пять коров, хороших лошадей, надел земли. Мать, Клавдия Филимоновна, – домашняя хозяйка. Родила четырёх дочерей

да двух сыновей. Моя мама была старшая из детей. Определили её в школу, а из второго класса, уже забрали, надо было нянчить младших сестёр и братьев. Чуть подросла, стала помощницей отцу в поле летом, а зимой на хозяйстве. Во время революции всё забрали. Проходили через село то белые, то красные. Хозяина расстреляли, большой дом отобрали, он стоит до сих пор. Затем посадили и брата (как сына кулака) откуда ему не суждено было вернуться. Мама вышла замуж, позднее отец от нас ушёл, оставив Женю четырёх лет и меня собирающуюся появиться на свет.

Мы поселились в маленькой избушке. Детство моё было безрадостное. Оно прошло в самые трудные тридцатые и сороковые годы. Мама всегда от темна до темна на работе. Она работала свинаркой. Старшая сестра тоже летом на работе, а зимой в школе. Меня водили в садик только летом.

Младенчество своё я вспоминаю с печалью. Зимний день, Женя к обеду ушла в школу. Я одна дома.

День короткий. Утром долго темно и вечер рано наступает. Помню, стою у окна и смотрю на школу (она расположена за речкой на горке). На закате солнце светит в окно школы, свет отражается от стёкол, а мне кажется, что уже лампы зажгли. Всё жду, когда придут мама и Женя. Иногда разревусь, соседка придёт и заберёт меня.

Восьми лет меня мама отвела в школу. Закончив первый класс в сорок первом году, я узнала, что началась война. Старшие много о чём-то говорили, горевали, плакали, провожая родных на фронт.

В тоже лето начала работать в колхозе – стерегла ток от посягательств на зерно свиней и птицы. Мама была работающая, успевала на колхозной работе и дома. Садили побольше картошки, чтобы хватило до новой. Мерзлую картошку весной, как другие, мы не собирали. Зимой вечерами пряла лён, весной ткала. Таким образом, мы были одеты и не голодали. Летом колхоз пёк хлеб и понемногу давали. В сорок третьем году Женя закончила семь классов и сразу стала учиться в Маслянино на счетовода. Закончила трёхмесячное

обучение и пошла работать в бухгалтерию колхоза. Жить нам стало легче.

Я все лето работала подпаском с мамой.

Пасли противных, вечно разбегающихся во все стороны, свиней. Какие же были длинные, в моём детстве, дни. Вставали с солнцем, чтобы до жары свиньи насытились. Я всё время шагами измеряла тень, чтобы определить обед. В жару свиней загоняли в пригон и шли домой. По пути собирали ягоду, которую ели дома с молоком. За время обеденного перерыва надо было полить и прополоть грядки, окучить картошку и, самое для меня главное, убежать на речку и бултыхаться там до выгона стада. И снова бегаешь за свиньями и ждёшь – когда же, вечер. А солнце, кажется, стоит на месте и никак не опускается. Наконец загоняем, я маме наказываю, разбудишь меня позднее, когда солнце поднимется выше (показываю на свой великий рост – 1м 20 см). В короткие промежутки, когда свиньи купались в речке или усиленно щипали траву и не надо было бегать за ними, я ложилась на теплую землю, смотрела на небо, по которому плыли облака и мечтала: сесть бы на облако и улечь туда, где нет этих свиней, съест немного хлеба и купить красивых платков и платьев.

Летом свиней загоняли в лагерь, расположенный в лесу. А какой у нас лес! Березняк, смешанный с осинником, акацией, черемухой. Трава в рост человека и цветы вровень с ней. На пригорках цветы, словно ковёр и много щавеля. Весенние лакомство щавель, гусинки, пучки, такие вкусные после долгой зимы. Затем поспевают земляника, следом клубника, а там и смородина с черемухой на подходе. А в сентябре боярка и всему венец – калина.

По-возможности готовим на зиму, чтобы варить кисели (крахмал всегда был, т. к. картошку терли на хлеб). В лесу много птицы, водятся змеи, бурндуки, ящерицы. Вначале лета кукушки кукуют, а мы, дети, считаем: сколько лет она нам предскажет прожить.

Наконец, я подросла и надоело мне бегать за свиньями. Подружки в поле

Зоя Захаровна
Красноусова

работают все вместе, а я одна. И пошла я на полевые работы: полоть посевы, а во время сенокоса возила копны на лошади верхом, подскребала за накладчиками. А первого сентября опять в школу. Многие дети не учились, мамы отдавали их в няньки. Наша же мама, спасибо ей огромное, учила нас, и мы в такое время получили неполное среднее образование.

Война закончилась, когда я учились в пятом классе. Мало-помалу жить стало легче. А в сорок седьмом году я окончила школу и продолжила работу в колхозе. С весны боронила на лошади поля.

В сорок шестом году построили на речке электростанцию с мельницей, провели по селу радио. Совсем хорошо жить стало. Я вечерами много читала вслух, мама любила слушать. Я мечтала учиться дальше. Попросила маму и сестру с зятем отпустить меня на учебу. Выбрала техникум механизации сельского хозяйства в г. Бердске. Это ближе от дома и стипендию дают успевающим (без стипендии учиться я бы не смогла).

Первые курсы с общеобразовательными предметами дались мне не легко (сказалась слабая подготовка в школе и трехлетний перерыв). Под посев зерновых, работа на сеялке, затем, сенозаготовка и наконец уборочная. Самая тяжёлая работа – вязать снопы за машиной. Я была маленькая, худенькая и снопы были в мой рост, а ржаные ещё больше. Целый день в наклон, бегом; руки все в ссадинах. Так не заметно наступило моё отрочество. Меня назначили работать почтальоном. Целый день я ходила по селу, раскиданному на берегах трех рек. Читала письма для неграмотных, вместе горевали о не вернувшихся мужьях и сыновьях с фронта. Часто дежурила на коммутаторе соединяя звонивших. Зато, последние курсы со специальными дисциплинами, я усвоила успешно и защитила диплом с отличной оценкой. В пятьдесят четвёртом году областное управление направило меня в Козинское училище работать преподавателем. В тысяча девятьсот пятьдесят четвёртом году в Козинское училище механизации прислали учиться

демобилизованных из армии молодых ребят, набрали специальную группу. После обучения молодых механизаторов направили в Казахстан, поднимать целину. Вскоре вышла замуж за Красноусова Кима Георгиевича, работавшего тоже в училище преподавателем у нас трое детей – две дочери и сын. Воспитали мы их достойно. Все закончили институты, родили нам каждый по два внука. Муж мой рано нас покинул из-за сердечной недостаточности. Дети разъехались и осталась я одна. На лето собирались внуки: отдыхали, купались. К сентябрю разъезжались учиться, выучились- имеют высшее образование.

Меня не забывают, звонят, поздравляют с праздниками. Дети мои меня уважают и зятя, и сноха хорошо ко мне относятся. В девяносто девятом году дочь с зятем перевезли меня к себе в Усть – Тарку, купили квартиру благоустроенную. Летом по возможности, помогаю им на огороде и хожу за птицей. Да, закончила я работать в девяносто четвёртом году. К работе относилась добросовестно о чём говорят многочисленное количество похвальных грамот и награды: медаль «За освоение целинных земель», «К столетию со Дня рождения Ленина».

Зоя Красноусова

Куйбышевский район

Улица семьи Сусловых

Более десяти лет назад в заречной части города появилась новая улица. Улица семьи Сусловых. А Суслковы – это большая и дружная семья, жившая на улице Каинской, в семье было две дочери: Мария и Татьяна и семь сыновей: Василий, Петр, Михаил, Федор, Дмитрий, Андрей, Александр. Из маленького, крытого дерном домика в 1929 году переселились в большой новый дом, начали обживать. Работали, мечтали о счастливой жизни, но грянула Великая Отечественная война.

Уже 25 июня 1941 года на фронт ушли братья Андрей, Федор и Дмитрий. Младший из братьев, рядовой 28-го моторизованного полка Суслов

Андрей считал, что ему повезло, когда после ранения он получил небольшой отпуск домой. Было ему всего 23 года, он даже не успел жениться. А 26 ноября 1941 года Суслов Андрей Иванович погиб у деревни Кулаково Оленинского района Тверской области.

Федор Суслов был старше Андрея на 4 года. Родился в 1914 году. До войны работал на Куйбышевском водочном заводе. Родственники вспоминают, что рос он скромным, трудолюбивым, внимательным к своим братьям и сестрам. Был женат. Рядовой Суслов Федор Иванович пропал без вести в декабре 1942 года.

Дмитрий Суслов родился в 1915 году. До войны работал на водочном заводе, как и Федор. Сержант-снайпер Суслов Дмитрий Иванович погиб 5 мая 1945 года в Чехословакии, не дожив до победы несколько дней. Он похоронен в братской могиле на окраине города Дьягилова.

Старший из братьев Василий Суслов родился в 1899 году. До войны работал в колхозе «Восход» заместителем председателя. Был призван в армию 11 декабря 1942 года. Рядовой Суслов

Василий Иванович пропал без вести в мае 1945 года.

Сражались на фронте Петр Иванович и Михаил Иванович Суловы. Им повезло вернуться живыми.

Александр, Мария, Татьяна Суловы, как и тысячи людей в тылу, жили одной мыслью: «Как там наши на фронте, живы ли? Вы уж там бейте фашистов, а мы здесь, чем сможем – поможем». Жили впроголодь. Летом ели лебеду и крапиву. После уборки овощей на колхозном поле ходили собирать то, что осталось в поле: мелкие гнилые заморозившие овощи, всему были рады.

Лошадей забрали на нужды фронта. Вместо них как рабочий скот использовали коров. Соседи помогали друг другу, не оставляли в беде тех, у кого не было скота. Давали коров, чтобы вспахать огород, привезти дров или вывезти сено. Хлеб давали по талонам по 200 граммов на взрослого человека и по 150 граммов на ребенка.

На нужды фронта каждая семья должна была сдать по 270 литров молока, овечью шерсть, мясо, обязательно подписаться на заем. Но люди понимали, что на фронте еще труднее и сами добровольно помогали фронту, чем могли: сушили картошку, сухари, вязали теплые носки и рукавицы, шили кисеты и посылали на фронт. И ждали, ждали своих дорогих, родных с Победой.

К сожалению, мы не властны над временем. Много стирается из памяти, люди забывают спросить, узнать у тех, кто еще помнит страшные события войны. Последний представитель семьи Суловых, который мог бы многое рассказать о своих погибших братьях, умер в 1990 году.

Часто мы говорим, что нет в нашей стране семьи, которую не затронула бы та страшная война. Да, пример семьи Суловых не единичен, но он поражает суровой правдой жизни. Один за другим на фронт ушли из семьи шесть братьев. Шесть братьев с оружием в руках защищали Родину, четверо из них не вернулись. Четыре раза приходила в дом Суловых скорбная весть. Горе, посетившее эту семью, безмерно. Нельзя выразить словами ту боль, которую испытали родные, получая скорбные строки.

Сулов Дмитрий Иванович из г. Куйбышева погиб 5 мая 1945 года в Чехословакии

Сулов Андрей Иванович (справа) 26 ноября 1941 года погиб у деревни Кулаково Оленинского района Тверской области. Сулов Федор Иванович (слева) из г. Куйбышева пропал без вести в декабре 1942 года

По инициативе городского совета ветеранов, поисковой группы музея школы № 5 города Куйбышева одна из новых улиц была названа в честь семьи Сусловых. Имена братьев занесены в Книгу Памяти Новосибирской области, имена Федора и Андрея размещены на мемориальной доске ликероводочного завода, где они когда-то работали.

Каждый год 9 мая мы приходим в Первомайский сквер к монументу воинам-землякам, чтобы поклониться своим прадедам. И еще я низко кланяюсь братьям Сусловым, отдавшим свою жизнь ради нашего будущего, ради моего будущего.

Ирина Чуякова

Тогучинский район

Хозяин земли

Василий
Трифонович
Чижиков

Васятка был старшим из тринадцати детей в семье, родился в 1923 году в селе Катин Хутор Могилевской области. В 1925 году его родители приехали в Сибирь в поисках земли и поселились в селе Кадниха Тогучинского района. Семья получила земельный надел и повела единоличное хозяйство. Василий всю жизнь помнил картинку из своего детства о труде отца. Батяка Трифон целыми днями весной пахал землю плугом, который тащила лошадь. А затем вручную сеяли, жали хлеб серпом, молотили цепом. Сынок вечно крутился рядом с отцом, по мере сил помогая ему.

Подшло время Василь пошел в школу в родном селе. После окончания начальной школы начал работать в колхозе «Беларусь». В 12 лет ему дали стареньких коней, и он начал ра-

ботать на них: боронил, таскал копны. Работать ему хотелось, было интересно, да и, зарабатывая, помогал семье.

В 16 лет Василя послали на курсы трактористов в поселок Шумилово. Закончил их и стал работником Тогучинской МТС (машинно-тракторная станция). В те далекие годы машинный парк находился не в колхозах, а в районных МТС. По направлению МТС Василий год проработал трактористом в с. Вассино. На следующий год его направили работать в родную деревню. Лето 1941 года, по его воспоминаниям, было теплым. Все были в поле, на сенокосе, когда на коне прискакал «нарочный» и объявил весть о начале войны, женщины начали рыдать, побросали работу и ринулись в деревню. На следующий день несколько односельчан ушли на фронт. Оставшиеся в селе работали с утроенной силой. Сезон Василий отработал в Каднихе и осенью вместе с другими погнал свою технику в Тогучинскую МТС на плановый ремонт. Когда все было сделано, Василь вернулся домой, а там ждала повестка явиться в военкомат г. Тогучина.

В октябре 1941 года Василь оказался в учебке города Гурьевска Кемеровской области. После шестимесячной подготовки, в мае 1942 года, он был направлен в минометную часть, расположенную на линии фронта в Калининской области. Из эшелона выгрузили солдат, лошадей, минометы. Минометы несли на себе: кругом болота, лошади тонут. Василий Трифонович носил опорную плиту весом 19 кг, плюс противогаз, каска, вещмешок. Воевал на 2-м и 3-м Белорусских фронтах. По материалам сайта «Подвиг народа» «Сержант Чижиков Василий Трифонович, разведчик-наблюдатель 7 батареи за восстановление связи под огнём противника был представлен к награждению медалью «За отвагу». У деревни Хизня 31. 08. 1943 года он обнаружил 3 огневых точки, которые были тут же им уничтожены, и наша пехота продвинулась вперед. В составе 298 артиллерийского полка 192 стрелковой дивизии он участвовал в боях за освобождение Белоруссии, города Минска. Из наградного листа Чижикова Василия Трифоновича сержанта, старшего разведчи-

ка: «В боях под деревней Горшаны 23 июня 1944 года при прорыве обороны противника старший разведчик 7 батареи сержант Чижигов Василий Трифонович вместе с командиром взвода управления, находясь в боевых порядках пехоты, выявил действующие огневые точки противника: одну артиллерийскую батарею, станковый пулемёт и 2 пушки, которые были уничтожены огнём нашей батареи.

Во время боя товарищ Чижигов, несмотря на сильный артиллерийско-миномётный обстрел противника, вынес раненого командира с поля боя, сам вернулся обратно на поле боя. Благодаря его действиям все вражеские огневые точки были уничтожены, наша пехота прорвала оборону противника. За боевые заслуги сержант Чижигов Василий Трифонович был удостоен правительственной награды ордена Славы III степени».

Дважды ранен, контужен, но каждый раз после госпиталя возвращался в свою часть. С октября 1944 года по июнь 1945 года Василий Трифонович – курсант 35 учебно-танкового полка. В июле 1945 года направляется для дальнейшей службы на Дальневосточный фронт в 77-ю отдельную танковую бригаду командиром тяжелой самоходной установки ИС – 152. Участвовал в боях с Японией, освобождал города Харбин и Дайрин, был награждён медалью «За боевые заслуги» и получил Благодарность от Верховного Главнокомандующего. В мае 1947 года его демобилизовали.

Прошло немного времени после возвращения с фронта, и приезжает к Василию Трифоновичу бригадир – Чижигов Трофим Емельянович (двоюродный брат) и говорит: «Поехали, на горке стоит сломанный трактор. Отремонтируй и работай!». Василий Трифонович толкует, что не успел отдохнуть. «Ничего, отдохнешь еще», – отвечает ему бригадир. Отремонтировал он трактор и сразу в поле. С этого времени и до выхода на пенсию – страда, страда, страда. Посевная – уборка. В промежутках: пахота паров, зяби, вывозка кормов. Тракторы ХТЗ, ДТ- 75, С- 80, комбайны. От прицепного «Сталинца-6» до современных самоходных.

На хлебном поле, как на фронте. Четыре часа ночи. Приезжает директор совхоза Иван Тимофеевич Бровкин на хлебную ниву, а Чижигов продолжает молотить валки. Уборка тогда велась отдельно, и дорога была каждая минута.

– Василий, остановись, передохни!

– Не могу. Пока росы нет, буду молотить. Уж больно сыпь хорошая идет в bunker.

Армейская закалка, привычка к самодисциплине, делать работу всегда на совесть остались в нём на всю жизнь.

За сорок лет хлебопашеской работы Василий Трифонович Чижигов перепахал родимую Каднихинскую земельку десятки раз, намолотил шесть железнодорожных составов зерна. Представить – и то трудно, а вот сделать это руками!..

– Я пьянел от работы, особенно на ДТ-75. Уж больно нравился мне этот трактор, чем-то напоминал боевую артсамоходку. Особенно любил пахать ночью, когда язык пламени из выхлопной, когда ты «один на один» с природой, землей, когда ты и машина – одно целое.

Самоотверженный труд Василия Трифоновича на хлебной ниве был высоко оценен Родиной. В 1957 году Василий Трифонович был награжден медалью «За освоение целинных земель», в 1966 году медалью « За трудовое отличие». Он неоднократный победитель социалистического соревнования, у него множество Почетных грамот.

В 1971 году удостоен высшей награды за трудовой подвиг звания Героя Социалистического Труда.

– Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении мне Героя Социалистического Труда, – делится Василий Трифонович, – был для меня неожиданностью. Не верилось, что труд простого деревенского механизатора будет замечен.

Золотая медаль «Серп и Молот» и орден Ленина были вручены Чижигову Василию Трифоновичу в Москве, в Кремле в 1971 году за выдающиеся успехи, достижения в развитии сельскохозяйственного производства.

На таких людей, как Чижигов, можно надеяться, они всегда чувствуют себя как на передовой и не ищут лёгкой

Акимов Иван
Лазаревич с женой
и сыном

работы. Пять с половиной лет жизни было отдано армии, а все остальные – мирному труду, а вся жизнь отдана Родине. У Василия Трифоновича целая коллекция наград. Военные – за защиту Отечества в годы Великой Отечественной войны, мирные – за доблестный труд. Как тут не вспомнить слова:

«Медаль за бой, медаль за труд
Из одного металла льют...».

Работа для него, труженика, хозяина земли, всегда была праздником.

Свою трудовую деятельность Василий Трифонович совмещал с общественной работой: был депутатом, избирался членом исполкома Бассинского сельского Совета, был руководителем депутатской группы села Кадниха.

В 1983 году Василий Трифонович ушел на заслуженный отдых, но продолжал трудиться, помогая совхозу.

Он был прекрасным семьянином: более 50 лет прожили в дружбе и согласии с супругой Лидией Афанасьевной, вырастили сына и дочь, у них пять внуков. По стопам отца пошли сын и внук, стали механизаторами. Жена Лидия Афанасьевна всю жизнь работала дояркой. В этой династии труд в почёте.

Трудолюбие в высшей степени, обстоятельность, скромность – эти черты характера пронес В.Т. Чижиков через всю свою трудовую жизнь.

Мы гордимся своим Земляком, храним память о нём.

Эрик Дегтярёв

Сузунский район

Я горжусь тобой, дед!

О моём прадеде по отцовской линии я знаю лишь по рассказам своих родных и по небольшим очеркам в местной газете. Акимов Иван Лазаревич родился в 1901 в селе Бедрине Сузунского района Новосибирской области.

Получив четырёхклассное образование, прадед начал работать. Первые одиннадцать лет батрачил по найму. Жизнь изменилась после службы в рядах Красной Армии, где он провёл 2 года 7 месяцев с 1919 года. Служба в армии сформировала иное мировоззрение, дала новые знания.

Там Иван Лазаревич почувствовал тягу к стихам, ставшую его самой большой любовью в жизни. В своей автобиографии Иван Лазаревич признавал: «Красная Армия перевоспитала меня, освободила от религиозного дурмана, научила разбираться в политических вопросах и пробудила ещё большее желание учиться».

В 1922 году, неся службу переводчиком в штабе одного из полков ОГПУ, дед поступил в вечернюю школу взрослых второй степени повышенного типа. Прочился он в этой школе до февраля 1928 года. В удостоверении написали: «... выбыл по причине перемены места жительства». В первый триместр 1927–1928 года Акимов изучал следующие предметы: русский язык и литературу, математику, обществоведение, физику, химию, естествознание и черчение. По всем означенным дисциплинам успевал и особенно проявлял склонность к изучению литературы.

Демобилизовавшись и приехав в родную деревню, Акимов И. Л. занялся ликвидацией безграмотности взрослых в бывшем Битковском районе. Работал учителем русского языка

и литературы, а параллельно писал стихи.

В ту пору в районе трудно решалась кадровая проблема. Остро чувствовалась нужда в грамотных людях, пригодных к журналистской деятельности. В это напряжённое время и пришёл в редакцию бедринский учитель ликбеза – мой прадед. Страстно влюблённый в поэзию, умевший писать просто, доступно, он вскоре завоевал симпатии читателей. Его стараниями при редакции впервые был создан литературный кружок, которым он и руководил.

В начале февраля 1936 года Ивана Лазаревича назначили корреспондентом Западносибирского отделения ТАСС, а двумя годами позже корреспондентом «Последних известий» Новосибирского радио. Эти обязанности надо было выполнять на общественных началах, совмещая с работой в редакции. Однако он не запускал свою «поэтическую рубрику». Его простые стихи с каждым разом становились всё лучше. Расширялась читательская аудитория, так как стихи стали печатать в газетах Новосибирска, Камня-на-Оби, Черепаново.

Быстро росло и журналистское мастерство Ивана Лазаревича, и его пригласили на работу в областной радиокомитет.

Грянула война. Акимову срочно вызвали в райком: «Никуда не поедешь, останешься на прежнем месте». Но в марте 1942 года он отправился на фронт. С дороги на фронт прислал письмо, в котором были строки переполненные ненавистью к врагу и уверенностью в победе:

Друзья, на Запад уезжаем,
Гудят вагоны набегу!
В сердцах пылает огневая,
Святая ненависть к врагу.
Мы дом покинули родимый,
С дороги шлём привет родным.
За счастье Родины любимой
Мы в бой пойдём и победим!

С фронта он прислал ещё несколько писем. В одном из них прадед писал: «В 1942 году враг будет разбит, вернусь домой с победой, увидимся!» Но с войны он не вернулся. О том, что дед воевал на Сталинградском фронте, в нашей

семье узнали от Меринова Герасима Лаврентьевича, который встретил деда в штабе дивизии, куда был доставлен как шпион.

Защитник Сталинграда вспоминал: «Нас приняли за шпионов, повели в штаб. И там я неожиданно встретился со своим земляком, Акимовым И. Л. Он до войны работал в редакции нашей районной газеты. Хороший душевный был человек.

Так вот Акимов смотрит на меня во все глаза и не может вымолвить ни слова. «Так ведь я, дружище, на тебя похоронку отправил в Сузун», – наконец выдохнул он. «Так информировали штаб после вашего отступления из под Калача-на-Дону». А потом радостно добавил: «Будешь жить, если сумел вырваться из лап смерти на этот раз». Слова деда оказались пророческими. Меринов прожил после войны ещё 50 лет, целую жизнь. О дедушке же осенью 1942 пришло извещение, что он пропал без вести.

Многие защитники города на Волге пропали тогда в мясорубке 1942 года. Большинство погибших и пропавших там живут в сердцах и памяти родных. Моему прадеду повезло чуть больше – бывшего своего коллегу, литературного работника, талантливого поэта Ивана Лазаревича Акимова помнят и сотрудники редакции газеты «Новая жизнь».

В 1989 году ко Дню Победы был объявлен конкурс на лучшее стихотворение, рассказ, очерк. Победителю был учреждён приз имени И. Л. Акимова. Постановлением бюро райкома приз был присуждён Раисе Ивановне Тропниковой.

Я горжусь тобой, дед.

Сергей Акимов

Болотнинский район

Есть только – фронт

Для нашего поколения, война – такая же вечная тема, как тема любви, жизни и смерти.

С каждым годом все дальше и дальше от нас уходят события Великой Отечественной войны, все меньше остаётся свидетелей тех страшных времён. Ухо-

Ектерина Никифоровна Чевозёрова проводит агитацию. Учитель Правососновской школы. 1943.

дя из жизни, они уносят память человеческую. Уносят бесследно и безвозвратно. Значит, нужно успевать поведать о том, что они знают и помнят, сделать зарубки на память для нас и для будущего поколения.

Ветераны, труженики тыла, дети войны говорят о том, что пережили ими лично, что до сих пор стоит перед их глазами и снится по ночам, что прошло через их сердца и стало частью их самих.

С территории Корниловского сельского совета на фронт мобилизовано 232 человека. На сегодняшний день, из 84 вернувшихся ветеранов с войны, нет в живых ни одного.

Но, победа ковалась не только на фронте. Посильный вклад в разгром фашистской Германии внесли и труженики нашего села.

Весть о войне прибежала в Корнилово по двум телефонным голосом секретаря райкома.

«Трудно передать словами то чувство, которое испытал каждый из нас, узнав о начале войны», – вспоминали жители села. Собрали митинг у здания сельского совета, женщины плакали, мужчины нервно курили. Председатель колхоза «Вперёд» Никита Пафавич Жарков не стал долго говорить, он сказал то, что считал в ту минуту самым нужным: «Дорогие товарищи, я выражу мнение всех жителей села, заверяя наших солдат в том, что ваш тыл, будет надежным. Вам трудно будет в окопах, но не легче будет и здесь, далеко от фронта. Вы молодые и сильные уйдете, а тот труд, что делали ваши руки, ляжет на плечи стариков, женщин и детей. И будет этот труд по объему в сотни раз больше, но мы справимся, верьте нам!»

Такие митинги в военное время стали частыми и, в какой-то мере, необходимыми: нужно было поддержать в людях веру в победу над врагом. Уже вечером почтальон объездил дворы и вручил повестки на фронт. В Корнилово почтового отделения не было, Корней Ильич Ёлгин каждый день привозил на велосипеде почту из Большеречки.

Бывало, ночью подъезжает к сельсовету нарочный из военкомата: пакет

вручить надо срочно, потому что к девяти утра следующего дня новобранец должен прибыть в военкомат обутым и одетым, а до райцентра двадцать два километра.

Провожали всем селом до сушилки (элеватора) пешком, а до станции Болотная добирались на лошадях или на тракторе. Играла гармонь, молодые, конечно, «хорохорились», матери голосили, любимые девушки плакали и пели, пели и плакали.

За несколько дней на столе Болотнинского военкомата накопились стопы листов бумаги, в спешке вырванных из ученических тетрадей, конторских книг, блокнотов, – что оказалось в тот момент под рукой. На каждом листе несколько строк – просьба зачислить в действующую Красную Армию.

Первыми на фронт уходили коммунисты и мужчины до сорока лет, уже отслужившие свой срок в армии: Василий Яковлевич Лебедев, Михаил Николаевич Мельников, Иосип Тихонович Прусов, Павел Фёдорович Ёлгин, Дмитрий Денисович Асанов, Павел Иванович Саковский, Макар Фёдорович Шелковников.

Иннокентий Макарович Шелковников запомнил проводы отца на фронт: «Помню много пароконных подвод. Народу тьма. На одной повозке сидели мы. Отец с матерью шли рядом. Уже далеко от деревни остановились. Отец взял нас на руки, а мне сказал: «Теперь ты остался самый старший мужчина в нашей семье». А тому старшему мужчине всего было три с половиной года.

Нас дедушка Тарас понёс в деревню, а мать с другими женщинами поехала в Болотнинский военкомат. Когда они

вернулись из Болотного, говорили, что по радио выступал Сталин. Уже позже, когда я стал школьником, понял, что проводы были 3 июля 1941 года, а речь Сталина была: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей Армии и Флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!..».

Уходили семьями: отец и два сына Шакины, братья Анатолий и Пётр Домрачевы.

Ушли добровольцами девушки: Ольга Обухова, Тамара Шаденко, Таисья Ёлгина.

Провожали каждого с наказом: «Бей фашистов, приходи с победой, а мы твою семью не оставим без внимания».

В военные годы лозунг «Все для фронта, все для победы!» стал первоочередным для всех жителей страны. Село Корнилово, как и вся страна, стало вторым фронтом.

Хозяйство «Вперёд» в сорок первом году было достаточно крепкое. Колхоз содержал огромную конюшню, большое поголовье коров, свинарник, две пасеки, птицеферму, овчарню – разводили овец и коз. Колхозники поставляли государству: зерно, масло, творог, мясо, яйцо. Имелись колхозные пимокатная, сапожная и шорная мастерские, столлярная мастерская, где изготавливала телеги, сани и колёса.

О событиях, происходивших на фронте, узнавали по радио – оно, единственное на селе, было у Ивана Трифоновича Марценюка, а также – по рассказам людей из райцентра, из газет и писем фронтовиков.

В конце сорок первого года стояли сильные морозы. После ожесточенных боёв за Москву, в связи с тем, что много обмороженных среди наших солдат, правительство издаёт указ: «Одеть армию в теплое обмундирование».

В Корнилово, для выполнения этого приказа, организовали производство армейской одежды. С этой целью оборудовали цех по выделке кожи, овчин для полушубков и изготовлению валенок.

Катать валенки получалось, а с выделкой кожи просто – беда, потому что нужны были сильные мужские руки.

Руководил производством Ефим Иванович Козлов. Однажды он привёз в кошовке из районного центра

человека в форме рядового Красной Армии. Боец оказался статным, красивым мужчиной, с черными усами, как у Чапаева. Он сразу заинтересовал женскую половину. Ефим Иванович представил военного:

– Вот вам мастер-скорняк, Тимофей. После тяжелой контузии лечился в Болотном. Дом Тимофея находится на оккупированной территории, а ему необходимо долечиться: он потерял слух и почти не разговаривает.

Уже на следующий день Тимофей начал работу: выделывал кожу, мял овчину. Но его пары рук оказалось недостаточно.

Дали в помощники старика Ивана Лацука. Ох, и вредный дядька, не очень-то его привечали сельчане. Фамилия Лацук стало нарицательным на селе, означала – жадность, скупость, вредность.

Жил как-то обособленно, терпеть не мог, чтобы на его завалинке кто-то сидел, «будя даже жана, а что сидеть без дела!?!..» А молодёжь по вечерам-ночам – и «думать не могли!» Назло «врагам», делал заплот высоким, а земли насыпал, как и положено, на два венца: сесть не дотянешься и сидеть, собственно, не на чем. Парни мстили ему за это, привяжут над окном палочку-стучалочку и постукивают, а перед этим замажут окошки грязью, а сами поодаль сидят и наблюдают за реакцией деда.

А дети, видя его, прижимались к подолу мамкиной юбки или старались не попадаться ему на глаза: его вид приводил их в ужас. Такой маленький, худой, сгорбленный, лицо сморщенное, похожее на гриб-сморчок. Его улыбка, с полусгнившими, жёлтыми зубами, напоминала оскал черепа. Цепкие, колочие черные глазки «буравили» до костей.

А когда дед сшил себе штаны из плохого выделанной овечьей шкуры, как он сказал: ... «экономно будя...», то его все «старались обходить за версту». Штаны носил, не снимая ни зимой, ни летом. Со временем они промаслились, от грязи «стояли колом». Старик снимал их только вечером, «ставил в угол», при тусклом свете жировика они блестели как-то зловеще, издавая сильный

зловонный запах... А Лацуку хоть бы, что! Он смотрел похотливым взглядом на женщин и делал недвусмысленные намёки.

Решил Тимофей механизировать процесс по выделке кожи. Соорудил во дворе нечто похожее на барабан с рубчатыми вальцами. В приспособление закладывалось сразу несколько кож, две женщины длинным рычагом вращали его.

Тимофея жалели сельчане, подкармливали, посылали своих детей отнести ему молока, яиц, сметаны. Он в долгу не оставался. Всё примет с благодарностью, усадит ребятишек за самодельный столик среди мешков с шерстью. На стол поставит тушёнку с кусковым сахаром. Откроет банку «второго фронта», так называли тушёнку из Америки, полученную по Ленд-лизу, то есть в рассрочку. Наколет ножом сахар на мелкие кусочки, положит его в кипяток, и угощает детей. Ребятня всё съест. Где им понять, что эти продукты у него последние из его ничтожных запасов, которые он пополнял, получая довольствие по карточкам.

Скорняк Тимофей отработал в Корнилово больше года. Постепенно к нему возвратились слух, речь. Вызвали в военкомат на перекомиссию, признали годным и отправили на фронт.

Заикина Вера
Арсентьевна
(Осипенко). 1942

С передовой всё чаще стали приходить письма разного содержания.

Почтальон Корней Ильич позже вспоминал, что научился безошибочно определять, в каком конверте какая бумага заключена, поэтому, разбирая письма, раскладывал их в три стопки.

Первая стопка – красноармейские самодельные треугольники радовали его: жив служивый и об этом сейчас узнают его родные, и будет под крышей этого дома праздник. Такие письма читали и радовались всем селом.

Из второй – охотно разносил письма, правда, менее желанные, но зато – без горькой начинки, или, во всяком случае, не самой горькой. Как бы то ни было, но и эту корреспонденцию Корней Ильич вручал в тот же день без промедления – это были письма с обратными адресами из тыловых городов, госпиталей.

А вот над третьей стопкой всегда задумывался: сразу ли доставить или подождать? Это письма – похоронки.

Уже в августе сорок первого пришли первые похоронки на Петра Романовича Домрачева и на братьев Шакиных.

– Самое страшное это, когда приходили голубые листочки бумаги. Как-то сообщить женщине, у которой семь или десять детей, что у них больше нет кормильца. А они приходили все чаще и чаще. На меня во дворах и собаки начали нападать. А бабы глядят ещё лютее, чем на Гитлера, будто я виноват, – позже рассказывал Корней Ильич. – Каждый день объезжая село, видел и нужду, и горе, и слезы. Но, что я мог? Иногда остановлюсь, скажу несколько тёплых слов, которые всё равно не утешат несчастную женщину, но и пройти, мимо молча, не мог.

Избу Шелковниковых, почтальон несколько дней обходил стороной.

– Как смотреть в сухие, горящие каким-то безумным огнём, глаза Антонины Тарасовны и её трём пацанам, младшему всего два годика, и сказать, что нет у них батьки, у меня не было сил.

То, письмо из военного сорок четвёртого года я выучил наизусть, три дня перечитывал его, прежде чем отдать вдове: «Уважаемая Антонина Тарасовна, мне очень тяжело писать вам

это письмо, но я должен известить Вас, что вчера Ваш муж, Макар Фёдорович Шелковников, безвременно погиб смертью храбрых на поле боя. Крупный осколок попал ему в поясницу, и он скончался за несколько минут. Похоронили его с воинскими почестями в деревне Емелите Старее на территории Польши. Мы все, его боевые друзья, глубоко соболезнуем об этой тяжёлой утрате. Если мы сможем Вам чем-нибудь помочь, то пишите по адресу: полевая почта 34465–8. С уважением к Вам начальник политотдела артдивизиона гвардии майор Зусманович». 27 августа 1944 года».

В первые месяцы войны стремительное фашистское наступление ввело в панику часть населения страны, поэтому требовалась большая, кропотливая, разъяснительная работа среди сельчан.

Необходимо было доказать колхозникам правоту слов В. М. Молотова, произнесенных в первый день войны: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!» Кроме того, разъяснить сельчанам о предстоящих в военный период трудностях: в работе, в быту.

Политической массово-разъяснительной работой в Корнилово руководила учительница Вера Арсентьевна Заикина (Осипенко). Она смогла привлечь к агитационной работе директора школы Николая Тихоновича Татарникова, учителя Право–Сосновской школы Екатерину Никифоровну Чевозёрову, Галину Кононовну Ядченко – председателя колхоза «Дружба».

Агитаторы понимали и чувствовали моральную ответственность за проведение всех политических и хозяйственных мероприятий, проводимых в колхозах. Они часто ходили в бригады во время посевных и уборочных кампаний, выпускали стенгазеты и листовки, писали и приклеивали лозунги, мобилизующие на успешное выполнение сева, читали статьи из газет и сообщения от Советского информбюро.

Кроме всего этого, агитаторы бывали на месте работы в поле, проверяли пахоту, боронование, высев пшеницы на гектар, и вообще следили за качеством сева или жатвы.

Весна сорок второго, по всем приметам старожилов, обещала быть ранней.

Все с надеждой ждали благоприятных вестей с передовой. Сельчане часто собирались у сельского совета и обсуждали последние новости с фронта. В один из апрельских дней Николай Сергеевич Солдатов, грамотный мужик, с каким-то загадочным видом, достал из-за голенища сапога аккуратно сложенную газету. Развернул её, положив на колено, провел несколько раз ладошкой и обратился к собравшимся:

– Слыхали, в сердчищу мать, что Гитлера погнали от Москвы. Вот вчерась пришла Путиличёвка (газета «Путь Ильича») и там написано о разгроме немцев под Москвой. Это наши – сибирские ребята ему рыло разбили, и он побежал назад от Москвы. Ишь, в сердчищу мать! А то – грозился завтракать на 7 ноября сорок первого в столице, а ужинать сбирался в Новосибирске, вот и позавтракал и поужинал! – закончил свою речь Николай Сергеевич.

Лица колхозников просветлели, они не скрывали радости и улыбки на своих лицах, в их глазах засветилась надежда, надежда на скорую победу.

Но впереди был самый трудный год – 1943. На фронт ушли семнадцатилетние парни, которые в полную силу заменяли мужчин. Место механизаторов, трактористов и комбайнеров заняли их жёны, сёстры и матери. Пахота и сев, уборка урожая, уход за скотом, заготовка кормов, помимо семейных обязанностей, легли на плечи «хрупких» женщин. «Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик», – отшучивалась женская половина.

Лишь на некоторых бригадиров тракторных отрядов была наложена «бронь», именно на них возложена ответственность за снабжение фронта продуктами питания. Дали «бронь»: братьям Дмитрию и Ивану Павлюку, Петру Ивановичу Асанову, Ивану Петровичу Червякову.

Армия забирала машины, трактора, лошадей. Новые поставки техники прекратились, а которая имелась, нуждалась в основательном ремонте и в запасных частях. Горючее, практически, не выделяли, приходилось работу вести вручную.

– Ремонтировали трактора при лютой стуже, по сути дела, во дворе МТС, – не назовешь же помещением длинный навес, – рассказывал Дмитрий Александрович Павлюк. – Чтобы установить в разобранном тракторе какую-нибудь деталь, то и дело снимали рукавицы, и тогда пальцы прикипали к седому от мороза металлу. Позже женщины наловчились: присосется палец к подшипнику ли, к клапану ли, к заводной рукоятке, они подышат на него, отогреют, таким образом, и выволят из ледяного плена.

А первое время испуганно отдернут руку, и на железяке оставят клочок кожи. Обожжет острая боль и заставит она долго прыгать вокруг разобранной машины, по-детски трясти пострадавшей рукой в воздухе, либо дуть на пальцы. Иногда всплакнёт женщина, но вновь принимается за дело, что-то ковыряет в тракторных внутренностях, а опыта-то никакого. Сделает, да не так. И всё начинается с начала. По четырнадцать – шестнадцать часов работали женщины на дворе МТС, а придя с работы, надо было позаботиться и о детях.

Дзятко Анастасия
Ивановна, Констанц
Мария Николаевна,
Асанова Степанида
Степановна.
1946 год

– Да, трудное было военное время. Если сейчас весенний сев производят за 12–15 дней, то в войну мы сеяли больше месяца и не потому, что мы не хотели и не могли работать. Главной причиной был недостаток техники, частые простои по причинам поломок

и отсутствия запасных частей, – вспоминал тракторист Пётр Иванович Асанов. – Были случаи, из четырех тракторов работал один. Некоторые из них делали простои, можно сказать, из-за пустяка, из-за самой мелочной детали.

За ней приходилось пешком ходить в МТС прямо с полосы. Это в оба конца – 40 километров. Обуви и одежды не было, а какая была, уже изношена до дыр, заплатка на заплатке. Если приходилось идти летом, да в хорошую погоду, так это еще полбеды, но в дороге часто приходилось испытывать и дождь, и снег, и жару, и мороз.

– А питание-то, какое было – полкило хлеба, это еще хорошо, иногда было и хуже, после работы приходилось ложиться спать голодными, – продолжал рассказ Дмитрий Александрович Павлюк. – Ничего не поделаешь, время такое было. И мы все понимали, что техника, хлеб, одежда, обувь и лошади нужны в первую очередь для фронта, для победы над врагом.

Лошади в колхозе были племенные. Отбирали лучших, содержали их отдельно, объезжали и поставляли на фронт.

Заведующей конефермой в годы войны стала Анастасия Ивановна Дзятко. Это голубоглазая, с густыми русыми волосами девушка. До конефермы она работала сутками, без усталости: жала, вязала в снопы, составляя в суслоны. Во время веяния её руки втащило в жнейку, оторвало пальцы на обеих руках. Сложно стало ухаживать за косами, и она их отрезала. Перешла работать на конеферму. Теперь её часто можно было видеть верхом на коне, с короткой мальчишеской причёской. В её обязанности входило следить за подготовкой коней на фронт. Партийная, строгая к себе и другим, она зачастую сама объезжала коней, этому она учила и молодёжь.

Однажды потребовали от нашего колхоза коня на областные соревнования по верховой езде. Не нашлось смельчака, и тогда Анастасия поехала в седле своим ходом до Новосибирска. Когда прибыла на место, то лошадь не подпустила другого наездника, пришлось Анастасии Дзятко самой участвовать в скачках, и она выиграла

заезд. Колхоз получил большую сумму денег, а ей дали приз.

За годы войны Дзятко награждена медалью «За доблестный труд», но больше всего она ценила медаль за победу на конных скачках.

В сорок втором году приехали ссыльные калмыки. Обустроились на берегу реки Топкая, построив землянки, часть расселилась по избам корниловцев. Анастасия Дзятко стало легче работать. Калмыки – народ кочевой, с лошадьми умеют обращаться.

План сева был завышен: ни техники, ни рабочих рук для его выполнения, в колхозе не было. Выход был один: использовать на севе коров, как колхозных, так и индивидуальных. Вот где была нервотрёпка! Тут и слезы, и смех, в особенности при приручении коров к работе.

Нелегко далось, председателю колхоза, Никите Пафановичу Жаркову, решение о незамедлительном обучении коров ходить в ярме. Животина, почувствовав его на шее, норовила подцепить на рога непосредственного исполнителя решения.

Женщины вначале восприняли приказ в штыки: как ребятишек без молока оставить? Вся надежда на корову, но пришлось согласиться: без хлеба фронт не оставишь. А сами колхозники хлеба не видели уже давно, на один трудовень получали по 100 граммов мякины.

С наступлением сенокосной поры, чтобы не тратить время на дорогу, был организован полевой стан в Зыряновке. Над входом – лозунг: «Всё для фронта, всё для победы!».

Женщины целый день в поле. Усталые, голодные, некоторых от взмаха косы бросало в сторону. Сядут обедать, развяжут узелки, а хлеб не у всех, в основном три–четыре картофелины и забеленный молоком травяной чай.

Старики и подростки тоже брали в руки косы, грабли, вилы. Дневали и ночевали на лугах, работая по 15–18 часов в сутки. Они же выходили и на прополку полей. Неделями были оторваны от дома.

Однажды, из села приехала учётчица Клава Каменева. Молодёжь окружила её вопросами:

– Что нового в деревне?

– Да, ничего. Всё по-старому, правда, кино привезли «Весёлые ребята».

Валька Обухова с подругами Манькой Тарасовой, Женькой Кофтун, Шуркой Асановой, а за ними увязались и парни: Степан Процук, Иван Карманов, Владимир Ёлгин – решили сходить вечером посмотреть фильм, переночевать дома, а на утро вернуться в Зыряновку.

Как стемнело, пустились в дорогу. Зашли в клуб, сидят, смотрят комедию про пастуха – музыканта Костю Потехина. Смеются, забыв на время об изнурительном труде под палящим солнцем, об усталости, о постоянном голоде. На звонкий смех и повернулся в их сторону парторг Маков (списан по ранению). Прервали показ фильма, включили свет, подростков вывели на сцену. Парторг строго, так, спрашивает:

– Как вы здесь оказались? Кто вас отпустил?

– Никто не отпускал, мы сами пришли.

– Значит, вы сбежали, – сделал вывод парторг. Во все времена был фронт и был тыл. Сейчас, когда идёт битва не на жизнь, а на смерть, тыла нет, есть только фронт, и вы – на передовой. Вы сбежали, значит, вы – дезертиры! По законам военного времени знаете, что бывает с дезертирами?

Беглецы вернулись в Зыряновку, запрягли лошадей и стали собирать снопы и скирдовать их. И так всю ночь, и так до конца войны. Днём жнут, вяжут снопы, ночью скирдуют.

Организовали красные обозы. Нагружали подводы мешками с зерном, украшали лозунгами и везли на элеватор. Возвращались с песнями, гармошка всегда находилась при них.

Зимой – молотьба, переработка семян. Это – днями. А поздними вечерами делали пельмени, вязали рукавицы и носки, вышивали кисеты – и всё отправляли на фронт.

Картофель – «второй хлеб». Всем селом выходили на его посадку, прополку и копку. Александра Васильевна Лебедева вспоминала это время:

– До самых сумерек сажали картофелем. Он был мелкий, «с горох». Валья Обухова бойкая, работающая девушка, но, видно, очень устала, взяла и с пол-

ведра картошки высыпала в одну лунку. Кто-то заметил и доложил председателю. Наутро, приехал уполномоченный из райцентра, и Валентине грозила тюрьма. Хорошо, что все сельчане за неё заступились, куда же без неё, она всегда в работе первая. И на этот раз простили её.

Зимними вечерами картофель готовили для отправки на фронт. Сначала его варили в «мундире», затем высушивали в русской печи, так он долго хранился. Каждая семья старалась, как можно больше засушить картофеля.

Один раз в месяц сельчане приходили к почтальону К. И. Ёлгину и приносили посылки, обшитые белой материей, на которой химическим карандашом корявыми буквами было написано: «В действующую армию». Кроме картофеля в них вкладывали теплые варежки, шерстяные носки, вышитые на память носовые платки и кисеты, табак и незамысловатое домашнее печенье. Им, конечно, не накормишь солдата, но как приятно получить такую посылочку, напоминающую о доме, о родных и близких.

Лесозаготовки

Да, и посылать посылки было приятно. Ведь их получали только живые. И каждый, кто посылал её, с малой долей вероятности надеялся, а вдруг, которую он послал, получит родной человек.

Такие дни и для Корнея Ильича были праздниками. В этот день все были с ним приветливы, а он давал обещание довести до Болотного всё в целостности и сохранности. На другой

день, получив подводу в колхозе, Корней Ильич грузил эти посылки и вез в район.

В 1943 году правительство призвало помочь освобожденным районам от фашистов. И на этот призыв откликнулись труженики колхоза «Вперёд». По данным районной газеты «Путь Ильича» от 13 мая 1943 года: «В помощь освобожденным районам колхозники засеяли дополнительные гектары зерновыми культурами. Всего по Корниловскому сельсовету посеяно 12 гектаров зерновых, выделено 6 голов крупного рогатого скота, одна свинья, одна овца».

Лесозаготовка. Лес был необходим фронту, его использовали для изготовления ружейных болванок, при строительстве железной дороги, делали лыжи для воинских частей.

Лесозаготовители уезжали в тайгу на неделю, а иногда задерживались дольше, пока не выполнят план. Эта работа требовала огромных физических сил. Председатель колхоза Жарков понимал это и распорядился выдать муку и мясо с колхозных складов.

Баба Матрёна готовила им обеды. Долго вспоминали в селе случай и при любом случае подшучивали: «не посмаковать ли?!»

Как то вернулись заготовители из леса в жарко натопленную избу бабки Матрёны. На улице мороз за минус сорок градусов, промерзли до «костей». Голодный желудок «откликнулся бурчанием» на запах борща, идущего тонкой струйкой от чашек и заполонившего всё пространство избы – пятистенки. Смыли грязь с рук, перекрестились на образа в красном углу и присели на лавки к столу. Сидят, ждут, как обычно приглашения от хозяйки: «Купайте на здоровьице!», но вместо этого услышали:

– Ай, ай, вот-то старая, а борщ-то я подзабыла посмаковать!

Берет чесночные зубчики, ловко забрасывает в рот, пожевала, пожевала, в руку сплюнула и быстро по чашкам с борщом разбросала.

– Ну, вот тяперя, увсё упорядке, купайте на здоровьице!

Мужики, с минутой от всего увиденного, не могли прийти в себя. Но, как говорится, «голод не тётка», наброси-

лись на еду, только слышен стук ложек о чашки. Минут за пять всё смели, и крошки хлеба рукой в ладошку и ловко забросив в рот, встали, перекрестились на образа и поблагодарив хозяйку и снова отправились в лес.

После этого случая каждый раз, входя в избу лесозаготовителя, смеясь, спрашивали: «Ну, что бабка Матрёна похлёбка ядрена, не забыла посмаковать?»

Запомнился сельчанам и другой случай, произошедший в 1944 году. Колхозницы Можейко Анна Петровна и Василькова Анна Семёновна были посланы правлением колхоза на лесозаготовки, но самовольно покинули работу, дома дети одни остались.

Народный суд с выездом на место рассмотрел дела обвиняемых в дезертирстве с лесозаготовок и приговорил Можейко к трём годам лишения свободы, а Василькову к двум с половиной годам с заключением под стражу.

Времена, конечно, были суровые, есть только фронт: не выполнишь план, ответишь по всей строгости закона и никто не обратил внимания, что у каждой женщины по пятеро детей.

Долгими зимними вечерами собирались сельчане у вдовы Надежды Бескостовой, муж у неё погиб в первые дни войны. Женщины солили на зиму tvorog, прессовали его в кадушки и заливали маслом.

Пряли, вязали для солдат носки, рукавицы, сушили картофель, собирали посылки на фронт.

Подруги Аксинья Домрачева, Анна Котова, Мария Процук своими звучными, красивыми голосами выводили: «... всё равно любимая моя, расцветёт черёмуха...» Пели слажено, на три голоса и плыла песня, и слышались в их голосе грусть, нежность, невысказанная любовь к мужу, сыну, любимому человеку.

Только зимой молодёжь могла себе позволить посмотреть в клубе немое кино. Екатерина Ревьюк, заведующая избой – читальной, читала субтитры. Проходили в клубе и вечеринки. Молодёжь танцевала под гармошку, балалайку, бубен.

Из сводок Совинформбюро, из почтовых штемпелей на солдатских треу-

гольниках было ясно, что война заканчивалась.

Сильно обеднело Корнилово за годы войны: без хозяйского догляда покосились избы, заборы и навесы пошли на дрова. Мужиков моложе сорока пяти лет и парней старше восемнадцати в селе не осталось. Уже в нескольких десятках семей оплакивали близких, погибших на фронте, уже не одна солдатка маялась бессонными ночами: «пропал без вести», не значит, убит... есть надежда – вернётся...»

Во всем чувствовалось приближение Победы и в настроении людей, и в обновлении природы.

В сорок пятом весна была дружная, яркая. В низких и тенистых местах под кустами черёмухи ещё лежал снег, но на гибких побегах берёз уже висели серёжки, и гора Галька желтела пятками мать-мачехи.

Сельчане ждали победу, которая была так близка, что даже Первомай праздновали как предвестник окончания войны.

Учащиеся Корниловской начальной школы разучивали стихотворения, песни, готовили танцевальные номера.

В первый день мая погода установилась как по заказу. Солнце уже поднялось, и молодой день наливался теплом, сияя голубизной неба, звенел разноголосием птиц. Сельчане потянулись в сельский клуб на концерт художественной самодеятельности.

Все, а особенно дети, принарядились в лучшие наряды. Ученики, как и в будний день, потянулись в школу. Но сегодня у них в руках были не портфели и сумки, а миски с ложками.

Правление колхоза устраивало праздничный завтрак. Такие завтраки были три раза в году: на 7 ноября, Новый год и Первомай. Каждый ученик получал миску супа с шанежкой.

После завтрака ученики с учителями поспешили в сельский клуб. Те, кто не видел школьный концерт художественной самодеятельности, не может представить себе того ребячьего порыва и энтузиазма, волнения и страха, которые были у маленьких полуголодных артистов.

Концерт открыла танцевальная группа. Их сменяет юный декламатор – Иннокентий Шелковников. Он

впервые на сцене. На него устремлены сотни ждущих глаз. А он от волнения забыл текст. И весь зал начинает подсказывать ему, потому что все знают это стихотворение. И никто не смеётся, все переживают вместе с ним. Но вот он вспомнил слова о Первомае прочел их своим ломким от волнения голосом, и зал принял их и наградой ему был шквал аплодисментов за мужество, за то, что победил себя, за стихотворение о Первомае.

На сцене хор. Дети поют, поют песню, которую знает любой советский человек. Но громче всех звучит голос Миши Шинкаряка: «Утро красит нежным светом, Стены древнего Кремля». И хотя никто из собравшихся, ни разу не видел Кремля, это не уменьшало значимости песни. Они представляли себе этот Кремль, освещенный восходящим утренним солнцем. Они знали, что этот Кремль спасли от фашистов их отцы и старшие братья, и от этого песня приобретала ещё большую значимость: «Страна моя, Москва моя, Ты самая любимая!»

И когда песня закончилась, зрители, какое-то время сидели притихшие, а затем раздалась аплодисменты. Это были аплодисменты песне, её исполнителям, любимой столице, близкой победе. Счастье и радость пусть хотя бы на минуту пришло к сельчанам.

Концерт закончился, никто не спешил расходиться по домам. Сельчане стояли возле клуба, делились впечатлениями от выступления детей, обсуждали свежие новости с фронта. И столько радости и надежды было на лицах этих людей, что верилось – Победа близка.

Утро 9 мая 1945 года было обычным для жителей Корнилова. Они встали, чтобы идти на работу. На дворах петухи устроили привычную перекличку, мычали коровы, хозяйки гремели по дойникам.

Необычным день стал в девять часов утра, когда председатель колхоза получил телефонограмму из райкома об окончании войны.

Весть о победе с быстротой молнии разлетелась по селу. И потянулись люди к сельсовету. Видя людскую суеву, носились собаки, «топотала», бегавшая стайками ребятня.

Среди детей выделялась девочка лет восьми Рая Поломошнова, на ней наде-то красивое красное платье из шёлка, с большими карманами, а на карманах – белые пуговицы. Позже Раиса Васильевна вспоминала: «Накануне друзья погибшего мужа тётки Антонины Шелковниковой прислали посылку, в которой кроме этого платья был военный билет её мужа, простреленный пулей...»

Когда мы подошли к сельсовету, я увидела собравшихся односельчан. Все они плакали! Меня в то время это очень удивило: победа, солнце ярко светит, и никто даже не обратил внимания на моё красивое платьице!»

У сельского совета собралась огромная толпа. Люди удивлялись, что их еще так много в селе. Митинг открыл председатель колхоза Никита Пафанович Жарков, который поздравил всех собравшихся с радостным, долгожданным событием.

Затем выступал гость – уполномоченный который, от имени райкома партии, обращаясь к колхозникам, сказал: «Мы должны помнить, что закончилась одна война – кровавая битва с врагом, но нас ждет впереди другая битва – восстановление разрушенного войной хозяйства. И эту битву мы должны выиграть за четыре-пять лет. Нам будет трудно, но это трудности мирного созидательного труда. И мы преодолеем их во имя тех, кто не вернулся с войны, во имя наших детей!»

Митинг закончился, но люди не хотели расходиться. Заиграла гармошка Алексея Федоровича Ёлгина (Лешка Безногий), ударил по струнам бала-лаечник, его брат Павел Федорович. И стар, и млад пустились в пляс.

От долгой игры пальцы уже не гнулись, и братья всё чаще останавливались и просили перерыва на отдых.

Многие плясали со слезами на глазах. То одна, то другая женщина, зарывав, выходила из круга, но немного успокоившись, возвращалась вновь.

Наконец общее веселье пошло на убыль. Всех пригласили в сельский клуб, где прошло собрание. Председатель колхоза устроил праздничный ужин с мясным борщом и гречневой кашей. Гулянье продолжалось до утра так, что многие, не переодеваясь, от-

правлялись на работу. Продолжался сев, и продолжалась жизнь...

День 9 мая сорок пятого. Его помнят и те, кто сражался лицом к лицу с ненавистным врагом, и те, кто работал, не зная устали в тылу. Его помнят дети, о нем будут помнить внуки и правнуки тех, кому выпала тяжёлая судьба времён Великой Отечественной войны. Это праздник радости и горя. Радости – победы и горя – утрат.

Мы должны понять, что Победа, её история и люди, делавшие эту победу и эту историю, должны жить в народной памяти, и эта память должна передаваться по наследству.

Главное – всё записать и сохранить. Память должна простираться далеко во времени, она – вечна!

И нам надо быть достойными великой Победы и трудового подвига советского народа!

Ольга Елгина

Болотнинский район

Сорванная резьба

Я родился после войны. Мое детство было бедным и радостным, потому что вокруг меня жили счастливые люди, они много улыбались и всегда были вместе: на сенокосе, или если соседу помочь дом поднять, или если на каток или в кино, и всегда с нами – многочисленной мелюзгой. И нас, детей, было очень много, не было детских площадок, но дворы кипели детским гомоном и суетой, и всё наше детство проходило где-то на задворках в огромных лопухах, которые росли между вечерней

школой и Отдыхаловкой для машинистов на улице Вокзальной, на старых ранетках, что росли в саду интерната все на той же Вокзальной, или в играх «в сопку», в «войну», в «Чапая», или на катке КОРА, или на санках на склонах Лоханки. Или на велосипеде, единственном на всю улицу велосипеде, который мне купил отец, вопреки беспощадным, как прокурорский взгляд, доводам мамы, а потом ещё у нас появился телевизор, и все соседи по вечерам собирались смотреть кино у нас дома.

Мне, еще совсем мальчишке, запомнилось общее настроение жизни, никогда я более не видел людей с такой жаждой жизни. Отец сидел за учебниками, а мать подталкивала нас прочь из дома на улицу, мол, не мешайте папке учиться, у него скоро экзамены. И мне казалось, что этот неведомый экзамен сродни какой-то неистовой пытке, допросу или даже казни. Когда собирались фронтовики, а они кучковались всегда вместе, было много смеха, и они помогали друг другу во всем и безоговорочно. И еще вот этот возглас: «Махнемся не глядя?!» и менялись часами. У отца всегда были новые часы, а однажды даже без механизма внутри, только стрелки. Но это был не обман, это у фронтовиков была такая игра в обман. И они неустанно чем-то махались друг с другом. Фронтвик – это всегда был знак качества на работе, честнее и ответственнее людей ты не встретишь.

Много инвалидов в Болотном появилось через несколько лет после войны, потому что им пришлось долго лечиться в госпиталях, они осваивали новые профессии: чинили обувь, одежду, часы, изготавливали деревянные маленькие бочонки, столитровые кадки, корыта, а более всего я любил деревянные игрушки. Фронтвики-инвалиды, не помышлявшие о творчестве, вдруг раскрывали в себе такие тонкие таланты художников, что некоторым профессионалам и не снилось такое. У нас был один инвалид, который вязал пуховые шали, рукавички, свитера и много пел. В те годы люди много пели, и не только во время застолья, а даже старшие девчонки в школе, на переменах сидели

на подоконниках в коридоре и пели.

Мы сейчас не умеем любить своих детей – нет у нас того мудрого терпения, каким обладали наши родители. Мы, кажется, всегда были рядом и вместе с родителями, и в гараже, и на покосе, и в огороде. И к нам относились не как к детям, а по-взрослому, поручали дела важные и самостоятельные, чем приучали брать ответственность на себя. И у всех было много детей, в каждом дворе по несколько детей, хотя жили бедно. Я эту бедность запомнил по одежде, которая передавалась от старших к младшим. Родители менялись детской одеждой на нашей улице, и мы не стеснялись этого. Нищета не была препятствием для появления на свет нового ребенка, никому не приходило в голову оценивать жизнь будущего человека своим благосостоянием.

Мы жили, как и вся улица Линейная, да, и вся Болотная, и, подозреваю, что и вся Советская страна, очень бедно, но счастливо, потому что мы жили ожиданием лучшего и собственными руками создавали это лучшее. Даже мы, сопливые первоклашки, знали, что Родине важно, чтобы мы получали пятерки. Каждая пятерка, как точный выстрел по врагу, а двойка, как предательство или трусость.

Но не любил я, когда отец и дядя Толя с первого этажа пили водку. И тот и другой прошли тяжелый путь войны, однако наступал момент, когда после душевного разговора и мужицких песен лились солдатские слезы. Вот к чему я никак не мог привыкнуть, так это к слезам взрослых мужиков и к слезам тети Кати, которую позже жестоко избивал пьяный дядя Толя. Отец спасал её, борол соседа. Потом дядя Толя стоял перед тетей Катей на коленях и просил прощения. Я ненавидел водку, потому что она рождала неистовую, невиданную, нечеловеческую жестокость. Я ещё не знал, что дело не в ней, не в водке, а в войне, с которой вернулись наши отцы победителями, но с ранеными, порванными напрочь нервами.

на подоконниках в коридоре и пели.

Цоканье костылей, посвистывание подшипников инвалидских тележек, натруженный скрип кожаных протезов – привычные звуки детства. Особенно много инвалидов было в воскресенье на базаре. Меня не пугали пустые рукава, пришитые к карманам пиджаков, у нас директор 23 школы был инвалидом войны – высокий, интеллигентный, но без левой руки. Меня поражали безногие колясочники, они сидели на тележках с маленькими колесиками, а в руках у них были деревянные кулаки, которыми они опирались в землю и толкали себя вперед, а на лесенках с неимоверной ловкостью и силой перемещали свое тело вверх. Я запомнил одного, который поднимался на эстакаду через железнодорожные пути у вокзала, ведущую в Чётный Парк, он шёл на руках, неся своё тело без ног на весу. Он шёл боком, сначала одну руку ставил на верхнюю ступеньку, потом другую, а люди расступались, пропуская его вверх. Я и после видел его, он ездил в пригородном поезде до Новосибирска с гармошкой на груди и пел жалостливые песни:

Дорогая жена, я калека,
У меня нету правой ноги,
Нет и рук, они честно служили
Для защиты родной стороны.

На обрубках ног лежала серая в крапинку кепка, в которую сердобольные пассажиры кидали мелочь. Иногда поездной милиционер выгонял инвалида из поезда, а тот не ругался, выходил, но уже на перроне какого-нибудь полустанка, вдруг рвал меха гармоники и неистово допевал куплет:

От жены я письмо получаю,
С ней я прожил всего восемь лет.
Она только в письме написала,
Что не нужен, калека, ты мне...

Особое впечатление осталось от посещения железнодорожной бани, той, что стояла между бряцающей жидким колоколом, церковью и трудовым гулом Вагонным депо. Ведь в те времена люди массово ходили в общественную баню. Вход в женское отделение был с одного торца здания бани, а в мужское с другого. Когда я впервые зашел в моечную, то увидел просторный

зал с двумя рядами бетонных скамеек и по периметру такие же толстенные бетонные плиты, каждая скамья разделена неглубоким желобком на два места. Банная «шайка» громыхала колокольно, а по залу гоняло из угла в угол нескончаемое эхо из отрывков фраз и прочих звуков. На скамьях сидели мужики, и среди них было неожиданно много людей в шрамах. Выцветшие швы неровной резьбой впились в руки, ноги, грудь. Но больше всего меня поразили инвалиды без рук и ног. У них тоже были швы, неровно стягивающие на торцах култышек кожу – уродливые обрубки. Я смотрел во все глаза, пока отец не подтолкнул и не заставил мыться, но я все равно через мыло в глазах смотрел на изуродованных людей, и любопытство перебывало страх и брезгливую оторопь. Вот только когда я почувствовал всю беспощадность прошедшей войны.

Как в каком-то кошмарном сне, безрукие и безногие шли в парилку. Из кипящего котла с неистовым гулом стартовавшего самолета в парную врвался густой пар, из-за него ничего не было видно, один хлест и крихтение, и пери-

одически крик: «А ну-ка, поддай-ка!», «Пару! Пару, сынок, не жалей!» И кто-то вновь открывал кран, и пар с угрожающим рыком наполнял парилку нестерпимым жаром.

После бани, тут же, в предбаннике, небольшой буфет, мне покупался вкуснейший лимонад, который готовил наш Пищекомбинат на улице Водопроводной, а отцу – кружка пива из деревянной бочки, доставленной из Тогучина. В Тогучине главным пивоваром на заводе работал немец, депортированный ещё во время войны с Поволжья, он готовил лучшее в нашей области пиво.

Ненавистное спиртное продавалось везде. Я ещё не знал, что это специальная мера государства в помощь фронтовикам, я не знал, что спиртное служило успокоительным, снимало нервное напряжение у тех, кто прошёл военное поле смерти. Вино продавалось вместе с фруктовыми соками. На стойке

стояли огромные конусы с вишневым и томатным соками и вином. Я пил томатный, потому что вишневый был дороже, а отец стакан вина. Но можно было купить и рюмочку водки, но в нагрузку шёл бутерброд с подсохшим и неловко прогнувшимся сыром или с тусклой килечкой. Без закуски водку не продавали. Только в шестидесятые годы вдруг пришёл негласный запрет на свободную продажу спиртного, и конусы с вином исчезли, остались только соки. Зато появилось мороженое, по десять копеек за стаканчик. Мороженое делал наш молкомбинат, очень вкусное мороженое.

А ещё около гостиницы, недалеко от Центральной площади, был Погребок, где продавали пиво в огромных граненых кружках. Там всегда былолюдно и до потемок накурено. Мужики в полинялых гимнастерках, позвякивая орденами и медалями, стояли вокруг высоких и совершенно круглых столов, пили пиво и разговаривали. Их было много, но когда заходил колясочник, он подкатывал к стойке, голова его еле была видна продавщице, но он всегда получал свое пиво без очереди, и мужики смирялись и не мешали ему. Я ненавидел драки, потому что мужики дрались не как мы – до первой крови или «лежачего не бьют», а неистово и жестоко. Дерущихся, тут же разнимали соседи по столику, у особо ярых отбирали финки, немецкие финки с орлами и зловещей свастикой, и все возвращались к неторопливому поглощению пива. Я запомнил ещё одну удивительную особенность: фронтовики никого и ничего не боялись. Если кто-то начинал орать, безумно угрожая окружающим, никто не пасовал перед угрозой или ножом, забияку скручивали и выкидывали вон из Погребка – «освежиться». Эта смелость свойственна только тем, кто готов был к смерти и привык смотреть в её чёрные глаза. Не было страха ни за свою, ни за чужую жизнь. Страх остался там, на войне.

Разговоры шли всё о ней, о войне. Я сидел на широком подоконнике под сводчатым потолком оконного проёма в пивном полуподвале и слушал о неведомой и невиданной жизни – о войне, тогда я ещё не понимал, что глав-

ной бедой в те годы была глубокая и непрерывно саднящая душевная рана. Люди, прошедшие войну, люди, не один раз поднимавшиеся в атаку, люди, десятки раз хоронившие друзей, смотрят на жизнь и видят жизнь иначе, по-другому. Я не понимал как, но чувствовал, что по-другому. Значительно позже, уже взрослым, я понял, что в том Погребке собирались фронтовики – люди без кожи, люди с оголёнными нервами. Они убивали на войне людей и слишком часто видели смерть, чтобы скоро научиться жить мирной жизнью и бережно относиться к чужой жизни. Есть статистика Героев Советского Союза, есть данные об орденоносцах, но нет данных о тех вернувшихся с войны солдатах, которые скоро угодили в тюрьму. Они тоже жертвы войны – люди с оголёнными нервами. Много лет наши войны учились засыпать без кошмаров, без криков и стонов во сне.

Любая война – это вечно заживающая рана, и это горькое послевоенное заживление вынес наш народ, наши милые, терпеливые, неистово сильные женщины и, конечно, мужественные и героические мужчины. И не дай Бог нам оказаться в такой переделке, как война, и потерять кожу, оголить нерв, не зарастающий, не умирающий нерв скорби, горя и жестокости.

Вечная память героям.

Коля Чухов

Новосибирск

Верните мне мою Победу

Мой отец, чтобы попасть на фронт, исправил год рождения в комсомольском билете, видимо, заметно подтер цифру, а потому его прежде отправили учиться на связиста и только потом воевать с японцами. Два года в любую погоду, под свист пуль и вой снарядов бегал отец со своим другом дядей Пашей Смирновым с тяжелой катушкой для кабеля полевого телефона между частями – налаживал связь. И рассказывал иногда о тех днях:

– Ждали связистов все, молились на нас, и никого так беспощадно не материли, как нас, – смеял-

ся отец. – Мы же – связь, любой ценой – дайте связь! Мы – нервы армии! В кино правильно показывают: кто обеспечивает взаимодействие войск? – Правильно – мы. Без нас все, как котятта слепые.

В минуты доброго настроения, которое непременно случалось в День Победы, после законных фронтовых стаграммов, после обязательного дружеского разговора с дядей Пашей по телефону, который жил и работал в Москве, отец друг вспоминал боевые будни:

– Вот представь, сынок, бежишь с катушкой, десять кило, между прочим, эта катушка, тянешь связь, и не знаешь, где тут растяжка. Или провод где-то перебило. Бежишь искать порыв, а не знаешь, толи снарядом его перебило, толи специально перерезали, и тебя ждет засада, или ты уже на мушке снайпера. А японские снайпера прежде в пах стреляли, а потом, из милости, в голову. А кого-то так и оставляли умирать и истекать кровью. Трупы связистов по проводам находили. Хотя, какие трупы, если на мину налетел бедолага – кишки по березам висят, а ты скрутил провода и дальше бежишь, связь восстанавливать, потому что мы – боги войны, мы – связь, без нас никак нельзя. Поганая работа.

Но и живы мы, помню, остались благодаря случаю, бежим с Пашкой, я впереди, он на расстоянии – метров двадцать сзади, ну, это если один на растяжку напоролся, второй мог порыв найти и связь восстановить. Так вот, бежим, а и не знаем, что наших уже плотным минометным огнем накрыло, половину угробили, и всё это совершили свои же, по ошибке. Вот, такой дури у нас тоже много было, не умели мы воевать, пока с Западного фронта несколько эшелонов с опытными бойцами и офицерами не прибыло. А как те приехали, весёлые, все в орденах, так мы японцу сразу хвоста накрутили.

После войны отец окончил школу милиции и его боевой путь продолжился, но теперь он боролся с бандитами. Об этом времени он тоже рассказывал мало, но охотнее:

– Здесь, в тылу, за время войны всякий уголовный элемент голову под-

нял, безнаказанность почувствовал, ведь мужики на фронте, а эти по лесам прятались, в землянках, дезертиру что терять? Трудно было после войны милиционеру работать, огнестрельного оружия почитай у каждого фронтовика, рюмку выпил и давай палить куда не попадя. Прибежишь на вызов, машин-то не было, свяжешь стрелка, а самому его, дурака, жаль, ведь по этапу пойдет. До катушки дотащишь, мордой в воду, притопишь слегка, глотнет воды, очухается немного, на колени валится, прости, мол, солдата! Прощал я, сынок, таких дураков. Пригрозишь хорошенько, жене настраждаешь, что если опять, прям ко мне, я ему на суде и эту пальбу вспомню. Поклянется, побойится солдатик, и отпускал я фронтовиков, жалел. Лет десять мы у них оружие отбирали, правительство амнистии объявляло, тем, кто сам сдаст, потом полегче всем жить стало.

Жил мой отец до восьмидесяти двух лет, болел сильно, астма его мучала, но с того дня, когда вместо красного полотнища над страной подняли триколор, отец на парад в День Победы ходить перестал, и не от того, что душила его эта астма.

– Моя страна – Советский Союз, я ему присягал, и под чужим флагом бойцу Красной армии ходить негоже.

С тех пор будто замкнулся в себе, обиделся. Оденет свой серенький пиджачок с орденами и медалями, выйдет, около дома прогуляется. Молодежь к нему с гвоздикой, фотографироваться, а он и счастлив. А дома уже бутылочка беленькой и законные сто граммов фронтовых, а потом скупая мужицкая слеза.

– Верните мне мою Родину! Почему вы вора́м страну мою отдали?! – спрашивал меня и кричал, – Трусые! Предатели! Верните мне мою Победу!

Катились крупные слезы по глубоким морщинам, он изредка их смахивал потемневшей и костлявой рукой, и скверно ругался.

Он умер в 2009 году, и хорошо, что не дожил нескольких месяцев до того дня, когда его родную милицию переименовали в полицию.

Николай Александров

Колыванский район

Малая авиация

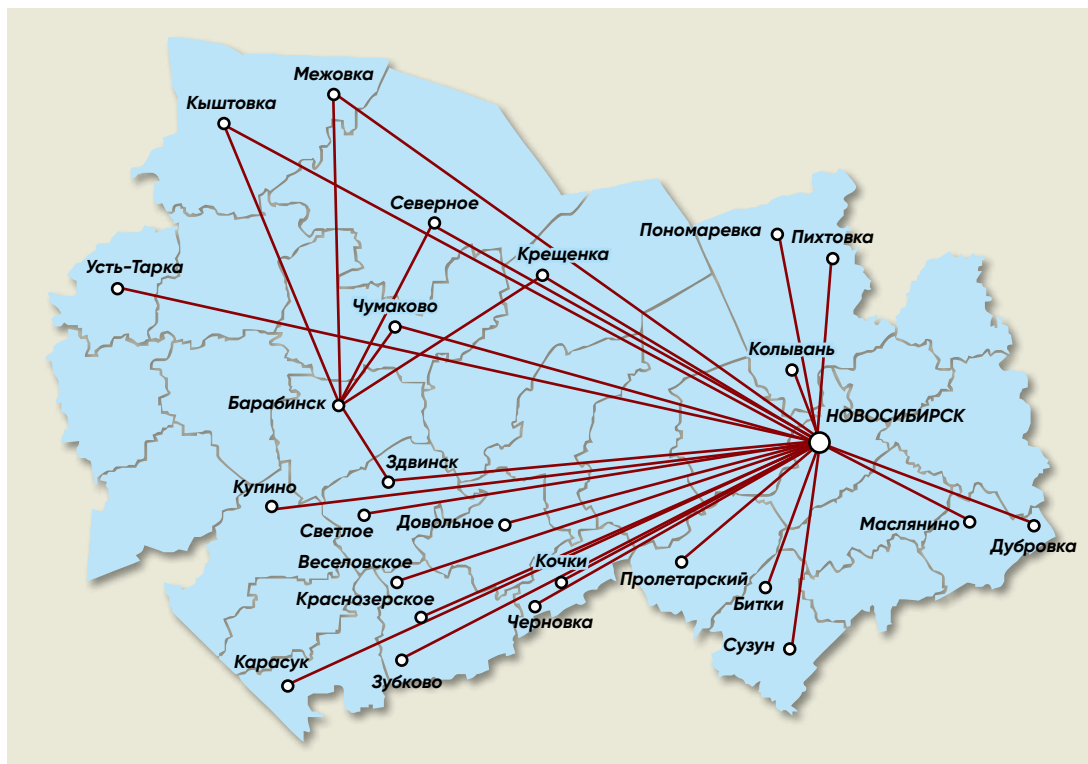
В Новосибирской области была создана целая система малой авиации. Официальной датой рождения регулярного авиасообщения в Новосибирской области принято считать 17 мая 1929 года, когда из Новосибирска в Омск впервые вылетел почтовый самолёт «Фоккер». Уже через год самолёты из столицы Сибири летали в Новокузнецк, затем воздушные мосты навели в Кемерово, Белово, Свердловск... К началу Великой Отечественной войны Новосибирский городской аэропорт был уже крупнейшим авиатранспортным узлом за Уралом. Таковым он и оставался до 1957 года, когда под Новосибирском была открыта новая большая воздушная гавань – «Толмачёво». С тех пор городской аэропорт стал обслуживать в основном местные авиалинии – область, соседние регионы, а затем ещё и нефтяные «севера» в Томской и Тюменской областях.

В 60-е годы в сельских районах Новосибирской области началось активное строительство небольших аэродро-

мов для приёма и отправки грузовых и пассажирских «кукурузников» – самолётов АН-2. Этот главный сельский воздушный «трудяга» десятилетиями возил в глубинку людей и почту, работал «скорой помощью», переправляя тяжёлых больных в новосибирские больницы, гербицидил и удобрял колхозные поля, проводил аэрофотосъёмку, боролся с вредителями леса... Трудно найти на территории области место, где бы не приземлялся «кукурузник»: для посадки ему достаточно ровной площадки длиной в пятьсот метров.

Схема местных авиалиний 1975 года

Одним из начальников Новосибирского городского аэропорта, один из самых известных и авторитетных авиаторов области был Геннадий Васильевич Куличёв. Уже к середине 70-х из городского аэропорта Новосибирска ежедневно летали самолёты в 15 населённых пунктов области. И ещё более чем в 20 городов и посёлков за пределами области – до Омска, Братска, Усть-Каменогорска, Бийска, Читы и другие города.

В нашей области в период «застоя», где-то с 1970 по 1990 годы, насчитывалось 27 аэропортов малой авиации. Парк самолётов состоял из более вместительных и комфортных АН-24 и ИЛ-14, а «кукурузник» АН-2 использовался в основном на сельхозработках. Что интересно, местная авиация в течение всей своей истории обошлась без серьёзных авиапроисшествий. Кроме перевозки грузов и пассажиров, малая авиация обрабатывала химикатами и удобрениями более полумиллиона гектаров сельхозугодий.

КОЛЫВАНСКИЙ АЭРОПОРТ

С 60-х до 90-х годов в Колыванском районе было три аэродрома: Колыванский, Пономарёвский и Пихтовский. Колыванские мальчишки с замиранием сердца бежали на аэродром, чтобы хоть одним глазком посмотреть взлёт и посадку самолётов АН-2, ЯК-12 и вертолетов всех типов. Там же была базировка сельскохозяйственных и лесообрабатывающих самолетов.

Первым и единственным начальником Колыванского аэропорта с момента его открытия и до самого закрытия был Пётр Александрович Паршин, который вспоминает, что открыли Колыванский аэропорт в 1965 году, а закрыли 1 июня 1990 года, почти в это же время закрыли Пономарёвский и Пихтовский аэропорты. Билет на самолет, кроме аэродрома, можно было купить в городе Новосибирске. Билет стоил: Колывань – Новосибирск – 1 рубль, Колывань – Пихтовка – 2 рубля, Колывань – Пономаревка – 3 рубля. Расчистку аэродрома после метелей осуществляла техника СПТУ-79 на тракторах ДТ и «Кировец». Чтобы расчистить всю террито-

Здание аэровокзала в Усть-Тарке

рию аэродрома, нужно было потратить до восьми часов времени.

В распутицу самолёты не летали, пока не высохнет поле аэродрома (а оно было травяное), в этот период вместо самолетов летали вертолёты. Летали сначала 2–3 раза в день, перед закрытием аэропортов – реже. Здание аэропорта было деревянное, состояло из нескольких комнат: пилотская (там отдыхали сотрудники, как гостиница), зал ожидания, касса. На втором этаже здания была диспетчерская. В летнее время самолёты опыляли поля, по несколько дней вахтовым методом работали пилоты, жили по три недели без отдыха.

Пётр Александрович Паршин

ПИХТОВСКИЙ АЭРОДРОМ

Второй аэропорт располагался в селе Пихтовка, когда открыли первый аэродром, точной даты нет, потом для него подобрали более удобную площадку. Но совершенно точно, что с 1960-го года из Пихтовки выполнялись регулярные рейсы в аэропорт «Северный» города Новосибирска. В начале 1970-х годов

Аэропорт Пихтовка

в Пихтовке было построено здание аэровокзала, ближе к деревне. Кроме того, можно было добраться в Пихтовку по железной дороге, а также существовало регулярное автобусное сообщение с Новосибирском и Колыванью.

Кто был первым начальником Пихтовского аэропорта, никто уже не помнит, а вот вторым стал Горбунов Михаил Трофимович, после него – Василевский Эдуард Фёдорович. Здание аэропорта было деревянное, с залом ожидания для пассажиров, кассой, комнатой радиста и начальника. Был буфет, но позже его убрали. В этом же здании некоторое время находилась метеостанция. За зданием – взлетно-посадочная полоса. За полосой вырыт котлован, в котором разводили карасей. В часы отдыха летчики ловили в нем рыбу.

Часы работы сотрудников аэропорта не нормировались – работали до последнего вылета самолета. А так как всегда требовались дополнительные рейсы и в летнее время летали пожарные вертолеты, то работали насколько позволяло светлое время суток. Позывной в Пихтовском аэропорту был «Лезгинка», «Варта» в Новосибирске, в Пономарёвке «Висмут». В Пихтовку летали самолёты АН-2 и базировались вертолёты МИ-2, МИ-8. Билеты делили пополам: 6 билетов Пихтовским и 6 билетов Пономарёвским. Билеты можно было купить только в аэропорту, при покупке билета паспорт был не нужен. В зимний период расчисткой взлётной полосы занимался совхоз. Во время

распутицы, если не летали самолёты и не ходили автобусы, то люди добирались из Пихтовки на паровозе до станции Кокошино, делали пересадку на поезд до Новосибирска. Сейчас железнодорожного сообщения нет. В 80-е годы в селе Пихтовка проживало около трёх тысяч человек, поэтому транспорт был востребован.

ПОНОМАРЕВСКИЙ АЭРОПОРТ

Третий аэропорт в селе Пономарёвка начал работать в середине 60-х годов. Первым начальником аэропорта стал Новиков Василий Павлович, после него Игонин, Валентина Николаевна Тверезовская была третьим начальником аэропорта. Четвёртым с июня 1982 года и до самого закрытия, а полностью закрыли аэропорт в 1992 году, был Владимир Георгиевич Ванюкевич.

Здание аэропорта было небольшим, всего три комнаты: зал ожидания, аппаратная, комната для вещей. Взлётная полоса хуже, чем в Пихтовке, там сетка лежала на взлётной полосе, а в Пономарёвке просто поле, которое состояло сначала из двух взлётных полос, потом одна заболотилась, и осталась одна.

На период весенней распутицы, когда взлётные полосы раскисали и АН-2 не могли приземляться, их на 1–1,5 месяца заменяли вертолётами. В связи с отсутствием в этот период дороги нередко вместе с пассажирами в вертолет грузили сливки для Пихтовского маслозавода, а обратно получали почту и хлеб.

Билеты продавали заранее, за неделю или две. В день

Пихтовка аэропорт
Горбунов

доходило до трёх – четырёх вылетов. Также можно было заказать за месяц билет в другой город страны. Когда желающих было больше запланированного, то для новых пассажиров диспетчер порта заказывал дополнительный рейс и, как правило, заказ был выполнен.

В зимнее время с совхозом Пономарёвским имелась договорённость, и по первой просьбе совхоз выделял технику. Как правило, справлялся один гусеничный трактор ДТ-75, который цеплял изготовленное приспособление, хранившееся здесь же, у края лётного поля, и производил выравнивание взлётных полос. Работа длилась 3–4 часа, всё зависело от прошедшей метели. В осенний период перерывов практически не было, в это время у населения имелось три варианта выехать из Пономаревки: первый – вертолёт вместо самолёта, второй – попутный транспорт (в основном это были автомобили совхоза) и третий вариант – до Пихтовки ехали на попутных автомобилях, от Пихтовки до Кокошино на поезде.

1 января 1971 года на территории Пономарёвского сельсовета проживало 2700 человек на сегодняшний день, не насчитывается даже 200.

НЕПРЕДВИДЕННЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Вот что рассказал нам уроженец села Пономарёвка, а ныне житель села Скала, Николай Николаевич Южиков: «Сейчас, по прошествии времени, вспоминаются ситуации, которые возникали в нашей жизни и жизни аэропорта, в которые сегодня и поверить то невозможно, но они были – полёты по заявкам...и полёты за спиртным.

Перед выходными днями, обычно это были студенты. Оторвавшись от дома и соскучившись по маминым пирожкам, троллейбусом № 5 за 5 копеек приезжали в аэропорт. Как всегда, билетов не было, уже все были проданы. Студент редко заблаговременно покупал билет, решение слетать домой в большинстве случаев возникало спонтанно, в последний момент. Что делать? Как быть? Билетов нет, а слетать домой хочется. Выручала диспетчер аэропорта. Налюбовавшись страдальческим видом молодых людей, она просила не отчаиваться и просила выявить количество желающих улететь. Если желающих улететь набиралось 6–8 человек, то она делала заявку в свои службы на дополнительный рейс. Как правило, свободный борт всегда находился, и тут же по дина-

Памятка пассажиру

Покупая билет, помните, что он годен только на тот рейс и число, на которые выдан. При утере билета он не возобновляется и стоимость его пассажиру не возвращается.

БАГАЖ Каждый пассажир имеет право провезти бесплатно 30 кг багажа на газотурбинных самолетах (Ил-18, Ту-104, Ту-114, Ту-124, Ан-10 и Ан-24), 20 кг — на двухмоторных поршневым (Ил-12, Ил-14, Ли-2) и вертолете Ми-4, 10 кг — на легких самолетах типа Як-12, Ан-2 и вертолетах. Багаж свыше этой нормы пассажир может провезти с оплатой по багажной тарифу. Рекомендуется сдавать багаж с объявленной стоимостью.

Пассажиры могут провезти при себе бесплатно дамскую сумку, пальто или плащ, плед, зонт или трость, литературу для чтения в полете, пищу для ребенка и легкую дорожную кофеварку.

Запрещается перевозка взрывчатых, легковоспламеняющихся и отравляющих веществ.

Не рекомендуется провозить в багаже документы, деньги и хрупкие предметы. Бинокли, фото-, кино- и радиопараты перевозятся только упакованными в багаж или ручную кладь. Забота о сохранности ручной клади (не сдаваемой в багаж) лежит на самом пассажире.

РЕГИСТРАЦИЯ БИЛЕТОВ Регистрация билетов и оформление и перевозке багажа начинается в аэропорту за час и заканчивается за 30 минут до отруливания самолета, а в крупных городах (Москва, Ленинград, Киев и др.) производится непосредственно в городских аэровокзалах (агентствах) за час до отправления специального автобуса, который доставляет пассажиров в аэропорт и самолету.

Пассажирам при покупке билета рекомендуется узнать о месте его регистрации.

Посадке пассажиров на реактивные и турбовентиляторные самолеты заканчивается за 15 минут, а на поршневые — за 10 минут до отруливания самолета.

В ПОЛЕТЕ Перед взлетом и посадкой самолета пассажиры должны пристегнуться ремнями к креслам. Во время взлета и посадки курить не разрешается.

В полете, вследствие разности давления, чернила из авторучек вытекают, поэтому рекомендуется воспользоваться имеющимися у бортпроводников целлофановыми пакетами.

ОСТАНОВКА В ПУТИ Пассажир может сделать остановку в промежуточном аэропорту, о чем он должен заявить при приобретении билета. В этом случае по прибытии в промежуточный аэропорт билет предъявляется в кассу для отметки об остановке.

ОТКАЗ ОТ ПОЛЕТА Если пассажир отказывается от дальнейшего полета в промежуточном аэропорту по пути следования, то в этом случае билет теряет силу и стоимость его не возвращается.

Если по каким-либо причинам пассажир решил отложить свой полет, ему предоставляется право вернуть билет в кассу по месту его приобретения. При возврате билета не позднее чем за 24 часа до вылета самолета пассажиру возвращается полная стоимость билета. При отказе от полета и возврате билета не позднее чем за 3 часа до вылета самолета с пассажира удерживается сбор в размере 10% тарифа, а при отказе менее чем за 3 часа до вылета или при опоздании к вылету — 25% тарифа.

ТРАНЗИТ Пассажиры, следующие с пересадками по нескольким воздушным линиям и имеющие гарантированную дату вылета из аэропорта пересадки, регистрируют свои билеты и багаж в течение часа по прибытии в аэропорт пересадки.

При извещении родных и знакомых о вылете следует сообщить в телеграмме дату вылета и номер рейса. Это даст возможность встречающим получить точную справку о времени прибытия самолета в пункт назначения.

**Летайте на самолетах Аэрофлота!
Желаем Вам приятного воздушного путешествия!**

микам раздавался мягкий женский голос: «Желающих вылететь дополнительным рейсом Новосибирск – Пихтовка – Пономарёвка, просим пройти в кассу № 3». Процедура продажи билетов была проста – деньги в кассу и никаких паспортов или других документов никто не требовал. Досмотра тоже не было, и вскоре счастливицы совершали радостный круг над родной деревней. Аналогичная процедура дополнительных рейсов была и обратно из Пономарёвки в Новосибирск.

Вячеслав Христьянович Четвертухин, командир эскадрильи Ил-86

Александр Ильич Третьяков

Но был у нас случай, и подозреваю я, что не единожды... На напряжённые периоды, такие, как посевная компания, уборочная страда, местные власти принимали решение – водку в селе не продавать. Сухой закон наступал на весь период страды. Чтобы не навредить себе неприятностей, торговые работники водку не завозили, поэтому даже близкие родственные, крепкие дружеские и бескорыстные кумовские связи не помогали – проси не проси продавца, всё равно не продаст, потому что продавать-то нечего. Водки нет. А самогон в деревне не только не продавали, но уже давно не гнали, это дело было подсудное. Все покупали только спиртное государственного изготовления.

Но жизнь-то не остановишь. У кого-то в этот период юбилей, у кого-то родился ребёнок, да мало ли иных причин. Большинство населения этот период стойко переживали. Нет спиртного и нет, большого расстройств тоже нет. Но вот строительная бригада «терпеть»

не могла. Они не касались полевых работ, и им запрет на продажу спиртного не указ. Выход нашли быстро, они собирали деньги, что называется «в складчину» и «откомандировывали» гонца первым же утренним рейсом в Новосибирск. После обеда, обратным рейсом, упакованный спиртным гонец уже был на месте с вытекающими отсюда последствиями. Впрочем, это было не часто и в большинстве случаев работе коллектива не мешало».

ЛЕТЧИКИ

Благодаря авиалиниям многие мальчишки Колыванского района мечтали посвятить свою жизнь авиации, и более 60 мальчишек из Колыванского района осуществили свою мечту – поступили в лётные училища: из Колывани – 10, из Пономаревки – 15, а из Пихтовки – 32!

Выпускник Колыванской школы № 1 Третьяков Александр Ильич осуществил свою мечту! Уроженец деревни Жирновка Колыванского района.

В 1960 году семья переехала в Пономарёвку, этот переезд был судьбоносным для Александра Ильича. В Пономарёвку весной прилетал маленький почтовый вертолёт. Все ребята с нетерпением ждали этого прилёта, не скрывая своего любопытства и с восхищением смотрели на лётчика в шлемофоне. Поэтому после окончания школы, как и его старшие товарищи из Пономарёвки, с которыми рос и играл, а теперь уже пилоты – братья

Майор Гладышев Александр Иванович в родной Пономарёвской школе, 1979 г.

Микрюковы, Четвертухины, Ванюкевич, успешно сдав экзамены, поступил в лётное Бугурусланское училище. В 1976 году закончил учёбу. Был направлен в Новосибирск в городской аэропорт вторым пилотом на АН-2. Освоив этот самолёт, переучился на АН-24 и был переведён в аэропорт Толмачёво. Сначала работал вторым пилотом, в 1986 году был введён командиром самолёта АН-24. В основном летал на север Сибири. Двадцать два года проработал на лётной работе. Но в июле 1989 года произошёл непредвиденный случай, об этом писали в областной газете «Советская Сибирь». Александр Ильич проявил в данной ситуации огромную выдержку, показал силу духа и глубокие знания в своей профессии. Рейс по маршруту Нефтеюганск – Новосибирск на самолёте АН-24 с бортовым номером 46321 выполнял экипаж Толмачевского авиапредприятия под командованием пилота Александра Ильича Третьякова. И вдруг на приборной доске пилотов загорелось светосигнальное табло «стружка в левом двигателе». Для экипажа было понятно, что это такое: внутри двигателя происходит разрушение. Командир корабля Третьяков дал указание бортмеханику Николаю Сергеевичу Можейко неустанно следить за параметрами левого двигателя и постоянно о них докладывать. Ещё через час упало давление масла ниже контрольной отметки, дальше могло случиться непредвиденное и самое страшное – пожар. Второй пилот Анатолий Генневич Адамов передал наземным службам о случившемся на борту их корабля, и оба они – Третьяков и Адамов – стали пилотировать АН-24 с одним двигателем. Полностью владея ситуацией, он успешно справился со своей задачей – АН-24 благополучно приземлился в аэропорту Толмачёво. А пассажиры, возможно, и не поняли, в какой экстремальной ситуации работал экипаж, выполняющий их рейс. За проявленное умение в данной ситуации Александру Ильичу было присвоено звание «Отличник аэрорфлота».

Молодые парни из Кольванского района сами шли к своей мечте, преодолевая трудности, уезжая от родителей в другие города, и своим упорством

они добивались высоких результатов. Каждый из них показал себя грамотным специалистом, и никто не изменил своей детской мечте, связав свою жизнь с авиацией.

Д.М. Смоленский,
подполковник,
выпускник Пихтовской
школы

Лилия Потеряева

Болотнинский район

На завалинке

Помню ещё с детства, жители села любили посидеть на завалинке, как на лавке. После напряжённого трудового дня они собирались, чтобы поговорить, позубоскалить или даже посплетничать чуток беззлобно, да полужгать семечки.

У моей бабушки, Марии Тихоновны Прусовой была примета: если сестра на завалинку и «сиденька» не мёрзнет, значит, пора картошку сажать.

Жители переулков, улиц «кучковались» на завалинках Ноздреватихи, деда Петрована, Прусихи.

Сначала подходили старушки и заводили разговоры:

– Сказывают, что спутник полетел в космос, с человеком на борту!?

– Восподи! Восподи! Спаси и сохрани! Уже в боженьку начали стрелять людьми.

– Как жить дальше? Когда-нибудь проснёмся, а мы уже убитые.

– Никто вас не убьёт. Вы ещё молодых переживёте! – встревал в разговор Жарков.

Бабы с ребятишками подтягивались к завалинке, они шли встречать скот с пастбища, да вот вышли пораньше.

Дед Петрован (Елгин Петр Михайлович) даёт встречающим коров дельный совет:

– Чтоб скотина после пастбища домой возвращалась сама, а не блуждала где попало, следует в Вербное воскресенье с веточками зайти в сарай и обстучать скотину. После чего вербочки воткнуть в потолок, а по весне этими веточками выгонять скотину на пастбище в первый день.

Подходит Паря-Харя (вообще-то звали его Павел Захарович Асанов). Прошёл всю Первую мировую войну. Ранение имел своеобразное. Пуля в рот влетела, сзади вышла. «Э, паря, сглотнул пулю», – часто при разговоре повторял он.

– Слушай, Паря-Харя, почему у тебя куры яйценосные ведутся?

– Всё дело в том, что первую курицу-то свою я ukrал. А если кому и продаю

яйца, то обязательно их оботру тряпочкой.

Как часы появляется Алексей в матросской форме, в широком клёше. Он служил во Владивостоке и считал себя бывалым моряком, но на самом деле дальше середины бухты не заглядывал, да и то только в качестве пассажира.

Подойдёт, старух раздвинет и обязательно скажет: «Ну-ка, пехота, подвисься!».

– Ты пошто нас пехотой зовёшь? Мы ведь в солдатах не служили, и не будем служить! – слышалось со всех сторон.

Ответа не получали. Лёшка сядет нога на ногу и лужгает семечки. Как только где-то вдалеке заслышит звук гармошки, поднимется и пойдёт своей морской походочкой. И обязательно бросит своё излюбленное: «Отдать концы!»...

Позднее всех заглядывали на завалинку мужики.

Поначалу начнут скручивать самокрутку из своего самосада. Эта процедура занимала у них несколько минут. Интересно было наблюдать. Достанут из-за голенища газетные заготовки, а то бывало, из книжки листы вырванные. Разложат на одно колено, положат щепотку табака. Одни хранили самосад в железной баночке из-под леденцов, а другие в специальном сшитом кисете. Скрутят в трубочку, языком проведут по бумажке, чтобы склеилась самокрутка.

Между этим делом они заводили обстоятельный разговор: о погоде, о сенокосе, о хлебоуборке.

– Слышь, Никита Пафанович! Скажи, где та кнопка?

– Какая ещё кнопка?

– А помнишь, когда загонял нас в колхоз, ты говорил, что придёт время, нажмёшь кнопку, и пойдёт дождь. Нажмёшь другую – будет ясно. Так вот, где-то она есть, та кнопка!

Никите Пафановичу на этот раз повезло. Внимание мужиков переключилось на торопливо семенившего кривыми ногами Арсенкина Филиппа Тимофеевича. Ох, и тот ещё был выдумщик, на лету сочинял! Как говорится, за словом в карман не лез.

– Филипп, стой.

Дом М.Н. Мельникова
на улице
Центральной

Ольга Ермолаевна
Карань с детьми

чёрт его так попутал! Не зря ж говорят, допился до чёртиков!

Хозяйки, прихватив своих детей, шли доить своих Бурёнок, Ночек, Дочек.

Мужики тоже долго не засиживались, назавтра рано вставать.

Потихоньку начали все расходиться, и завалинка опустела.

Уже за полночь соберётся молодёжь. На завалинке будут обсуждаться свежие новости, зарождаются новые чувства, надежды.

Завтра будет новый день, а значит, новые истории...

О чем шумела завалинка Прусовых

Дом Прусовых Марии Евтиховны и Осипа Тихоновича стоял в проулке, далеко от проезжей части села. Сразу за их огородом бежит река Топкая, в которой днем купались лучи знойного солнца, а вечером от неё тянуло свежестью и прохладой. С детства осталась в памяти картина: марево из маков, огромные тыквы, готовы превратиться в карету... и подсолнухи! Много подсолнухов...

Бабушка Мария говорила:

– Подсолнухи – это дети солнышка. Вот видишь, куда солнце туда и они головки свои поворачивают, так и ты, пока молода, тянись за добрыми, хорошими людьми. А когда вырастишь, обратно людям тепло отдавай, от этого жизнь хорошей становится.

Завалинка Прусовых выходила на южную сторону, и как только весной припекало солнце, она «оживала». Сидя на завалинке, дед Осип подшивал валенки, плел из лозы корзины, делал топорища, точил ножи, отбивал литовку – словом, жил. Тут же расстелив лоскутное одеяло, баба Мария приносила шляпки срезанных подсолнухов. Нам внукам, а их у неё было, как говориться «семеро по лавкам», выдавала рубель или скалку и мы, соревнуясь, выбивали семечки. Потом в железной ступке толкли мак или черемуху – начинка для пирогов. Здесь же перебирали клубнику, грибы, сушили травы. Рядом на солнцепеке стояла квашня,

– Некогда!

– Филька, иди сюда, соври что-нибудь!

– Да некогда. Вы видите, тороплюсь.

– Это куда ты торопишься?

– В магазин, туда водку завезли, будут наливать по стакану тем, кто участвовал в посевной. Но надо идти со своим стаканом.

Мужики рванули по домам за стаканами и в магазин. Пришли, а водки вообще нет.

Они к Филиппу Тимофеевичу:

– Ты почто соврал?

– Так вы просили соврать, ну я и соврал.

С тех пор прилипла к нему кличка «Филька-соври».

Между тем, стадо коров проходило мимо завалинки, от коров шёл запах свежей травы, парного молока.

Виктор по прозвищу «Телемастер» (мог починить любой телевизор, но была вредная привычка – выпивал часто) всё проспал. Когда проснулся, не мог понять, какое время дня.

– Петровна, можно вас спросить? Сейчас утро или вечер?

– Конечно, вечер, вишь, коровы идут!

– Так коровы и утром идут.

– Так сейчас они идут с поля домой!

– Восходи-Восходи! Спаси и сохрани! Это же сколько надо выпить, чтобы

накрытая рушником. Время от времени бабушка смачивала руки в лохани и помешивала тесто, от которого шел хмельной запах. Вся жизнь проходила на виду, да, и скрывать-то особо было нечего.

После обеда «слетались» по большей части соседки – старушки, бабы с «сопливой» и неугомонной детворой, а вечером, ближе к ночи, подтягивались с виду степенные и немногословные мужики.

Мария Тихоновна была хлебосольной хозяйкой. Никто не уходил, не отведав бабушкиных пирогов. Поччевала пареней в русской печи тыквой, дыней, кукурузой, калиной, бобами, горохом. И конечно, лузгали семечки: здесь тебе и подсолнечные, и тыквенные, и дынные.

Первой заглядывала на завалинку соседка Анастасия Ёлгина, тем самым оправдывая своё прозвище Настя – Победа. Она очень боялась машин, и если надо было, куда – то ехать, говорила: «А я ещё вперёд вас буду!» И ведь добиралась до места назначения первой. Как ей это удавалось, никто не знает.

Слева Прусова Мария Евтиховна и Осип Тихонович, справа Купченко Анастасия Тихоновна и Павел Павлович. 1955 год

Соседку Басалаеву Аграфену Тарасовну и мою бабушку считали «закадычными подругами». Их объединяла многолетняя дружба и фронтовое прошлое их мужей. Баба Груня была спокойной, рассудительной, умудренной жизнью женщиной. На хрупких плечах она вынесла военную пору: работа, дети, хозяйство. Легче не стало Аграфене Тарасовне и после возвращения мужа Петра Афанасьевича с фронта. Он был контужен, за ним самим нужен был уход. Её терпению можно было позавидовать, в доме прибавилось, считай, еще одно дитя.

Скоро в проулке появлялась высокая, худощавая фигура бабки Арсёничихи – Арсенкиной Анастасии Трифоновны, ее нельзя было ни с кем спутать. Она ещё издали начинала громко причитать на все село:

– Вот надо же рабончик обморался, орет, а матка все в огороде копатся, да копатся, всё не идёт и не идет. Вот пришлось с собою его прихватить.

Но, несмотря на кажущийся воинствующий вид, она была сердобольным человеком, всегда помогала водиться с соседскими детьми. И на этот раз привела уширающегося мальчика Витю.

Бабка Прусиха подсунула мальчонке чашку с пирогами:

– Кушай, милый, матке-то некогда тебя покормить, всё робит и робит. Вона, какой худющий. Зато зимой хорошо, как говорят – хворост морозу не боится!

Баба Груня видя растерянность мальчугана, советует:

– Бери любой, начинка у одних сладкая, у других с кислинкой, у третьих с горчинкой. Это как в жизни, милоч, бывает, кому как повезет! На каку бабу напорешься, така и жисть будет.

Ловко забрасывая в рот семечки и сплевывая шелуху в фартук, Настя – Победа с загадочным видом покосилась на хозяйку:

– Вот, Прусиха, скажи, почему у тебя всё хорошо родит?

– Тайна моя проста, чтоб был урожай, надо-то верхки сажать при растущей луне, а вот корешки, наоборот, при убывающей. Давеча я видела, как ты, Настасья, в огороде робыла на сле-

Первый ряд:
А.В. Кукушкин,
Т.А. Ёлгина,
О.Т. Прусов.
Второй ряд:
Д.И. Ёлгин,
П.И. Саковский,
А.И. Домрачев

дующий день после Троицы, а есть поверие – в духов день нельзя землю беспокоеить.

Аграфена Тарасовна посетовала:

– Нынче у меня огурцы будут поздние. Я, бабочки, огурчики проростила, пошла сажать, поставила на минутку тарелку на столбик, а в это время воробьи склювали всё. А духов я не трога-ла! Вот это как? Во че верить-то? Духов-то не тронула!

– Вон у меня narосли, бери скоко хошь. Первый огурец должен сорвать и съесть мужчина, у меня Тихон ох, любитель до огурчиков. А воробьи и до подсолнухов, ой, как охочи. Приходится спасаться от них, завязываю тряпкой шляпки подсолнухов. Опять-таки, нельзя лузгать семечки в огороде, урожаю не бывать.

– Это до Троицы или посла? – решила уточнить Настя-Победа.

– А никогда! Плювать на свой огород, завсегда дело поганое.

Бабка Арсенчиха продолжила огородную тему.

– Гляжу, Марья, у тебя ноне мак хорошо взошёл, а у меня хоть бы одна маковка вылезла. Посеяла, как шас помню, немного погутарили с соседкой Ульяной Мурашкевич. Жду, уже две недели почитай жду, пусто на грядке, будто не сеяла. Вот тебе и добрая соседка. Гадина и только!

– Вот, что скажу, милая моя, если ты что-то сеешь, а соседка в это время спросит: «Что ты садишь?»- не говори, не будет урожая. И – задом к ней, будто глухая.

Баба Груня поддержала разговор:

– Может ты забыла и не посеяла. Как говорится: « На берёзе – мак, под берёзой так!» Вот так и у тебя!

Настя – Победа решила реабилитироваться и показать другим, что она тоже знаток примет:

– Я вот, перед тем, как сажать тыкву за попу подержуся, чтоб крупная росла.

– На кой тебе больше-то?!

– Чаго смеётся, я в смысле, чтобы тыква росла. А когда вот сажаешь чеснок аль лук, нельзя, извините, пукать, чтоб они жгучами не выросли. Народная примета – мудрость. Да. Дух чистым должен быть.

– Милая моя! Нужно робить: полоть, поливать, рыхлить, а не верить в приметы, если посадила, а ухода никакого... то хоть держитесь за попу, хоть не держись, всё – не туды и не сюды... А вот по части пукать, то меньше надо – это верно.

– Прусиха, а ноне твои куры повыгребали всю грядку чеснока!

– Что прикажешь, на цепь их сажать?

– Но не на цепь, а на веревку можно. Ныне Ульяна Мурашкевич привязала на веревку курицу, она у соседей в огороде попортила грядку лука.

– А, мне таперича некого сажать.

– А, что так, Марья, куда подевались-то куры? Украл? – спросила баба Груня.

– Скажи, Аграфена, Анастасии нехай кур моих вернет, что унёс ночью Тихон! Иначе Канчера вызову.

– А, что сразу Канчер, Канчер! Нехай забирает, они мне не нужны! Сам принес, сам пусть и уносит.

В селе стало нарицательным слово «Канчер». Многие жители считали, что это милиционер, а не фамилия. А на самом деле Иван Иванович Канчер жил в Баратаевке, но был участковым в Кармановке, Сосновке, Корнилове.

Разрядил обстановку мальчик Витя. Почти до трех лет молчал, а потом как «прорвало», начал говорить очень быстро, сглатывая буквы, окончания и не выговаривал букву «р».

– Сейчас азьму ножичек и вашего па-а-асенка залезу этим ножом!

Все засмеялись. Ссора закончилась тем, что баба Настя пообещала вернуть кур без вмешательства Канчера.

К вечеру пришел хозяин завалинки Осип Тихонович, бабушка звала его Тихон, только по отчеству. Они прожили в браке шестьдесят девять лет. И все эти годы, несмотря на ссоры и разногласия, сохранили чувства друг к другу. Бабушка родила девять детей, последнего Михаила рожала в сорок пять лет, после возвращения деда с войны.

Мария Евтиховна
и Осип Тихонович
Прусовы. 1989 г.

Дед Осип в бога не верил, а вот в силу крепкого русского слова – да! Его любимое выражение были «попумать». Он обладал отменным здоровьем и недюжинной силой. Не имел вредных привычек. До войны работал конюхом. Был в плену. Вернувшись домой, дед замкнулся, не любил воспоминаний о времени, проведенных в концлагере. Напоминанием были рубцы и шрамы на его спине. Устроился в колхоз на скотобойню. Резал скот один: мог за день «задрать» две, а то и три головы. Был случай, когда бык, весивший чистым мясом до четырех центнеров, вырвался. Дед догнал, лихо накинул веревку, прижал голову быка к земле и удерживал до тех пор, пока не пришла подмога.

Вечером, сидя на завалинке, он доставал лист бумаги и на нем химическим карандашом делал запись:

– Драл быка два с половиной часа.

– Э, паря, а стельный то был бык?

– Вроде нет, не рассмотрел, не до этого было!

Как – то загорелась баня с крыши, баня стояла у речки. Жители села бегут с ведрами тушить. А дед Осип сидит на завалинке, смотрит на происходящее и спокойно так говорит:

– Да, попу – мать! Что её спасать, значит, время пришло ставить новую.

Сенокосная пора, у жителей села ассоциировалась с дедом Осипом. Начало июля. Каждое утро, пока ниспала роса, в своей зеленой фетровой шляпе, в не снимаемых ни зимой, ни летом кирзовых сапогах, (подарок Басалаева Петра Афанасьевича, привез с фронта) с детским рюкзачком с провиантом, с косой через плечо, он шел на покос. Дед Тихон говаривал, что надо начинать косить рано утром, пока роса.

– Что ж не взял Марию Евтиховну на покос, помогла бы?

– Попумать, як она поможет, ей уже семьдесят шастый годик! И на хрена мне старуха на покосе?

Деду было за восемьдесят, но он не знал усталости, сено заготавливал вручную. Чисто убирал покосные уголья. Ставил ровненькие, как по линейке копны, а жена всё ещё боялась забеременеть.

До сих пор жители села вспоминают случай. Чете Прусовым было под восемьдесят лет. Бабушка приревновала деда, они поссорились. Дело дошло до того, что поделили территорию в избе, условно, обозначив границу доткаными половиками. Готовили еду отдельно, в разных чугунках, правда, на одной печи. Не разговаривали друг с другом недели две. И, только, когда баба Мария упала в голбчик (подпол), старики примирились.

Умер дед Тихон, можно сказать на завалинке, ему было девяносто лет. Пошёл весной в стайку, а там пол заледенел, поскользнулся и упал. Пролежал несколько часов, пока его нашли. Всё лето проболел. В последний августовский вечер, сидя на завалинке, дед Тихон ползком добрался до огорода, и в последний раз осмотрел хозяйским взглядом свои владения. Вернувшись к завалинке, по лицу и по тому, как произнес своё любимое «попумать», все поняли, что он доволен.

– Да урожайный ноне год будет, вот только мне не перепадет. Ты, Генка, возьми хлопоты на себя. Ты знаешь, о чем гутарю. Пусть годовалый бык, из-за которого я пострадал, сослужит мне последнюю службу. Вырученных денег, думаю, должно хватить и на девять дней и на сорок.

Позже, к ночи от реки потянуло прохладой и поднимавшийся сизый туман,

окутал деревню, это вносило покой и придавало умиротворение в душах, мыслях и обретало значимость быденной земной жизни для всех жителей села. Вскоре завалинка опустела, погасли в избах огни и только звезды, до рассвета игриво подмигивали, купались в отражении реки. А где – то всю ночь выла собака...

Бабушка Мария умерла весной, пережив мужа на два года.

Последние жильцы дома были пьющими и курящими людьми. Зная отношение деда к спиртному и табачным изделиям, он бы в сердцах бросил: «Попу-мать, да гори оно все синим пламенем!». Сгорело! Летней ночью случился пожар: постояльцы в пьяном угаре уснули с горящей сигаретой, дом вспыхнул как спичка, они едва успели выскочить на улицу.

Уже четверть века не шумит завалинка Прусовых. Удивительно, но каждую весну яблоня – дичка, посаженная дедом Осипом, одевает свой белый наряд. В августе жители села собирают малину, которая разрослась на бывшей усадьбе Прусовых. Это все, что осталось в память о дедушке и бабушке.

И только, в моей памяти, собираемся мы все вместе, на завалинке деда Тихона – все от мала до велика, и смеюсь я над ними и плачу, обнимаю всех – хорошие люди, хорошая страна – мое Корнилово.

Ольга Елгина

Кыштовский район

«Деревенька моя», слова Владимира Гундарева

Гундарев Владимир Романович родился 19 июля 1944 года.

Родом он из глухих сибирских краёв, из Кыштовского района Новосибирской области. Родился он в селе Большеречье. Послевоенное детство – как и у всех из его поколения – было тяжёлым. Немного подрос, лет с 6–7 пристрастился к рыбалке.. Увлечение рыбалкой у Гундарева сохранилось навсегда. С восьмого класса он стал своим человеком в редакции районной газеты «Колхозный путь».

В сентябре 1960 года, в шестнадцать лет, он уехал из Кыштовки в Кемерово.

В марте 1963 года он стал членом Союза журналистов СССР. В 1978 году приняли в ряды Союза писателей СССР. Это разнообразно талантливый человек. Прежде всего, он поэт (8 стихотворных сборников) и прозаик-документалист (13 книг). Кроме того, он автор сценариев документальных кино и телефильмов. Много времени и сил он отдавал переводам – с казахского, украинского, туркменского, корейского, ... И его переводили – на казахский, украинский, немецкий, корейский, словацкий, французский, испанский, португальский...

Гундарев В. Р. лауреат республиканской литературной премии им. Павла Васильева.

Он поэт, который мучительно со вмещает чувство родины и чувство государства. Не с конъюнктурной целью. А с целью реализовать в действительности те первоначальные основы морали, которые были запечатлены в официальных документах, но, оставались пустой бумажкой.

О том, что ещё в шестидесятые годы характер Гундарева отличала независимость (в том числе от партийных догм), свидетельствует его замечательная «Баллада о сердце»

Экономными средствами, но с необычайно драматическим подъёмом он создаёт развёрнутую метафору:

Каждой каплей крови и пота
Я борюсь против зол и бед.
И страдает моя аорта
За страдающий белый свет.
И от боли такой – взглядеться –
Степи вздрагивают вдали –
Это бьётся больное сердце
Воспалённой моей земли...

Баллада воспринимается так, как будто она написана сегодня, а не тридцать семь лет тому назад. Тридцать семь лет! Целая пушкинская жизнь! А мир по-прежнему в состоянии гнетущей смертельной опасности

Источник нравственной бдительности Владимира Гундарева кроется прежде всего в его неотрывности от русских крестьянских корней. И понятно,

которому, он не только стал известным поэтом и уважаемым в стране человеком, но и создателем собственного журнала.

Назвал его «Нива». Журнал за два десятилетия своего существования удостаивался не только престижных наград Казахстана, но и завоевывал международные призы. Через руки В. Р. Гундарева – редактора проходит огромное число рукописей не только со всего Казахстана, но и из ближнего и дальнего зарубежья. Именно они из года в год формируют номера журнала. Так размышляет он о себе, как о редакторе:

«Свои стихи, оставив на потом,
В чужой строке искал ты самоцвет».

Его заслуги признаны не только в Казахстане, но и в России, отметившей его медалью Пушкина. Он также был членом – корреспондентом Российской академии поэзии. «Нива» была удостоена мировых наград за качество, получать которые В. Р. Гундарев ездил в Париж, Нью-Йорк, Лондон. Но, может, самое главное то, что в последние годы мы вновь услышали голос поэта Владимира Гундарева. У него как будто второе дыхание открылось: одна за другой стали выходить сборники стихов. Поэзия его обрела мудрость и глубину.

Он всегда был страстным защитником русского языка, поборником его чистоты, ведь «Нива» – это показатель профессионализма, таланта авторов, журнал, формирующий и воспитывающий литературную культуру и художественный вкус у многотысячных читателей.

У редактора осталось много учеников и последователей, посвятивших свою жизнь литературному труду. И если даже кто-то из них не стал настоящим поэтом, писателем, журналистом, навсегда сохранил любовь к искусству слова. По информации СМИ, Поэт скончался на 69-м году жизни во время отдыха в Северо-Казахстанской области.

Ольга Ядрышников

Черепановский район

Аруш

Шурочка, смуглая невысокая девушка, с тёмно-серыми глазами, которые озорно глядели из – под пушистых ресниц. Смоляные волосы были туго заплетены в две косы. Послевоенные годы, было не до украшений, но у Шурочки ленты в косах были атласные. Это отчим, Осип Кривенко, большой неуклюжий мужик – фронтовик, баловал свою смугляночку. Он появился, в домике у Шуры, в гимнастёрке, грудь в боевых наградах, за плечами солдатский вещмешок. Огромного роста, в их избёнке он головой доставал до матицы. Его кирзовые сапоги пахли дёгтем, а в вещмешке, вместе с пряниками, кусками сахара лежала красная в горох косоворотка. Увидев его первый раз, Шура оробела и быстро, серой мышкой, юркнула на печь к старой бабке. Он, потоптался у стола, выкладывая гостинцы, о чём – то пошептался с мамой и легонько, чтобы не спугнуть дитя, отодвинул занавеску и заглянул на печь. – Ну что, Шурочка, будешь звать меня папкой? В первую минуту девочка оробела, но взглянув в его глаза, синие, добрые, в которых, как туман над утренней речкой, таилось ожидание, Шура поняла – свой. Куда делась робость, и, с детской непосредственностью она выдохнула – Отдашь рубаху на платье – буду! Огромный, торопливый шаг к столу и кумачовая в белый горох рубаха в руках у Шурочки. – На, дочка! Мамка тебе платье завтра сошьёт, ты будешь у меня самая красивая на селе. С тех пор так и повелось. За свою долгую жизнь, теперь уже папка, ни разу не нарушил своего слова. У его Шурочки если платье, то с оборочками, если ленты, то атласные. А она, за это, любила его до глубины своей души. Защищала от сварливой бабки и от мамкиных упрёков. Даже повзрослев, когда понимала, что он виноват, всё равно была на его стороне. За это папка ласково гладил Шурочку по голове и тихонько говорил – Спасибо, дочка, одному мне из окружения не выбраться бы. Детство, даже голодное, по-

Александра
Васильевна
Дорцаева, моя мама

слевоенное, всё равно радостное, а уж когда девчонка подросла, да, как говорят на селе, в пору вошла, тут счастье через край. Сельские мальчишки заглядывались на Шурочку с нескрываемым восторгом. Весёлая, общительная Шура находила общий язык со всеми. Её папка Осип Петрович был назначен председателем колхоза в Ново – Воскресенке, но девчонка не возносилась, друзей и подруг у неё было много. Большой компанией ребята и девчата собирались вечером у Старого омута. Играли в игры, пели песни. Голос Шурочки выделялся своей чистотой. Лучше Шуры пела только её лучшая подруга Валя. Так, накупавшись в тёплой, как парное молоко, воде, обсушив по кустам черёмухи свои платяшки, девчата собирались у костра, который парни разжигали на глинистом берегу сразу, как только садилось солнце. Сидя на тёплой глине, не утратившей ещё ласки полуденного зноя, подставляя огню свои ладони, девчата тихонько заводили песню. Валя всегда запевала военные песни. У неё это получалось «до мурашек по коже». Если Валя пела «Синий платочек» – её голос звенел... Как, в этот миг, они все ненавидели врага и войну. А вот если про любовь, то по кругу шёл говорок – Шура, давай нашу! – Шурочка, про милёнка... Шурочка поправляла на плечах косынку, откидывала назад непослушную прядь и, глубоко вдохнув, начинала... Песня в её запевке плыла, звала за собой, приглашала петь вместе с ней. Песни плыли, летели, плясали по водной глади, купались в лунной дорожке до полуночи. Напевшись всласть, устав от музыки, кто –нибудь говорил – Ещё раз окунёмся и по домам. Вся компания прыгала в ночные воды омута. Спугнутые мириадами брызг звёзды кидались врассыпную. Накупавшись, затушив кострище, все расходились по разным сторонам. Кто помладше – шли кучкой, старшие разбредались по сонным улочкам парочками. Одни до первой скамейки у дома бабки Нюры, а кто – то дальше, через село, к поскотине. Уже третью неделю, за Шурочкой, лёгкой кошачьей посту-

пью, сбоку, чуть приотстав, ходил Керим – калмычонок, парнишка пятнадцати лет. Их с семьёй привезли в село во время войны. Всё было чужое и снега по пояс, и зима длиною в полгода. Лишь лето было чуть сродни тому, что помнил о родине Керим из детства. Он сразу заметил Шурочку, она своей смуглостью напоминала ему сестёр. Керим был влюблён в Шуру, но по – мальчишески стеснялся этого чувства. Услышав залихватистый шурочкин смех, вздрагивал, одной кожей, как степной скакун, ком подкатывал к горлу, и вырывался толи стон, толи вздох. Шурочка замечала его взгляды. Её смешила нерешительность Керима. На вечерках, глядя на него, они с Валею начинали шептаться и тихонько смеяться. Керим смущался ещё больше, казалось, огонь, вспыхнувший внутри, сжигал его. Парнишка не понимал, что эти глупые девчонки просто держали его внимание на себе. И вот уже третью неделю Шурочка «разрешала» ему себя провожать. Она шла впереди, запуская босые ноги в тёплый пушистый чернозём деревенской дороги, что – то мурлыча себе под нос. – А я могу говорить слова наоборот. вдруг ни с того ни с сего произнёс Керим. – Это как? спросила Шурочка, даже не обернувшись. – Читайте их с конца. – Шиворот на выворот?! – Пусть так, но это интересно. Не каждый это может. Шурочка остановилась и, помедлив, сказала – Ну, скажи что –нибудь. – Олес. брякнул Керим первое, что пришло на ум. – Село! Шурочка весело рассмеялась – А ещё! Керим помолчал, а потом тихо произнёс – Юлбюл – и добавил – ябет. Шурочка не сразу смогла повернуть слово, но по голосу Керима, который вдруг стал сильным, поняла что – то. Хорошо – было темно, а то Керим увидел бы, как по щекам Шурочки брызнул румянец. Его было так много, что уши и шея девушки тоже стали пунцовыми. – Дурак! крикнула Шурочка и побежала домой. А Керим, постояв немного, пошёл в другую сторону, бурча себе под нос – Каруд и есть. Они не встречались несколько дней. Керим не приходил к Старому омуту. Во вторник, Шурочка бежала к Вале, поболтать о своём, о девичьем. Навстречу ей во весь опор летел конь. Шурочка

не сразу рассмотрела всадника. Керим резко осадил коня, развернул его и поехал рядом. – Шура, я не хотел тебя обидеть. Полушёпотом, полувздохом произнёс парнишка. – А я больше обиделась, что домой одна хожу, страсть как боязно. Шурочка подняла на него свои огромные серые глаза... Ах, что творилось с Керимом. Он хотел утонуть в этих серых озёрах, ему хотелось кричать, петь, плакать и радоваться. – Э – эх! Крикнул гортанно Керим, и, ударив в бока скакуна голыми пятками, помчал через всё село. – Шальной. С теплом подумала Шурочка. И улыбаясь сама себе, пошла домой, совершенно забыв про Валю. А вечером, уходя всё дальше от костра, они шли в поля. Дорога уводила их туда, где их никто не видел. Они этого хотели. Керим рассказывал Шурочке о степных просторах Калмыкии, о том, какие там прекрасные скакуны, какие красивые, весёлые, а главное сытные праздники. – Поговори шиворот на выворот. Керим умолк, как будто чего – то ждал. Ночь была тихая. Птицы уже умолкли. Тишь пред рассветная... И вдруг, лёгкий, едва уловимый ветерок качнул травы, прошёлся по ржаным колосьям. Керим наклонился к уху девушки и выдохнул под музыку ветра – Аруш, яом Аруш. Всю дорогу назад они молчали. Минутки постояли, чуть не доходя до шурочкиных окон. Шура всегда останавливалась не доходя. Папка не спал. Он всегда ждал свою смуглянку с вечорок. И когда она с укором отчитывала его, что, мол, уже не маленькая, папка, лукавя, оправдывался. – Раны что – то болят, дочка, вот и не спится. А тебя я не караулю, я тебе верю. – Вырасту, стану доктором, я тебя, папка, вылечу. Никогда Шурочка не могла обмануть этой веры. Прощаясь, девушка нашла руку Керима и сжав её, шепнула – Всегда меня так зови... К обеду следующего дня мамка принесла из магазина новость – Ночью всех калмыков увезли. Домой отправили утренним эшеломом. В груди Шурочки всё оборвалось. Она метнулась в сени, на улицу. Не помнила, как бежала к омуту. – Знал! Как же так, знал и молчал!

Это билось в её мозгу. Слезы бежали по щекам, она их не вытирала, а стря-

живала, мотая головой. Добежав до точки, Шурочка остановилась как вкопанная. На жёлтой, утоптанной босыми ногами глине, угольками было выложено – Яом Аруш...

Прошли годы. Шурочка выросла, как обещала папке, стала врачом. Вот только вылечить папкины фронтальные раны не смогла. Только боль сама ушла, когда его смугляночка появилась в родительском доме. Шурочка не знала, как сложилась жизнь Керима. У самой Александры была семья. Теперь её звали так, или по имени отчеству. Жила не хуже других, хотя, как и у всех, бывало в семье всякое. И когда было совсем худо, Шурочка уходила в луга. Садилась в траву, чтоб никто её не видел. И слушала... Слушала и ждала, вдруг ветер оттуда принесёт лёгкое и тёплое «Яом Аруш»

Татьяна Плахотич

Искитимский район

А это дано не каждому

Учителем физики в школе села Бурмистрово Дмитрий Михайлович Гуненко проработал 37 лет. Его ученики успешно сдают экзамены, поступают в вузы и колледжи, где профильным является физика.

Он уже в 12 лет знал, кем будет по профессии. Конечно же космонавтом! Тогда весь мир заморожено следил за запуском первого спутника, за полетом Белки и Стрелки. И Митя Гуненко из деревни Чупино, как и миллионы его сверстников по всей стране, грезил звездами. А потому усиленно занимался физикой. Ведь чтобы стать космонавтом, нужно хорошо знать точные науки.

По состоянию здоровья эта мечта не могла быть претворена в жизнь. И тогда решил стать учителем физики.

В 1968 году окончил Новосибирский государственный педагогический институт с отличием и стал учителем физики. Мечтал о научной работе, но по распределению попал в далекое село Кама Куйбышевского района, в 25 лет стал директором не маленькой по сельским меркам школы – 600

Дмитрий Михайлович
Гуненко

человек, вторая по величине школа в районе. В эти же годы у Дмитрия Михайловича появилась семья. В 1979 году вернулся в родной Искитимский район, в школу села Бурмистрово. Долгое время работал директором, хотя быть администратором и учителем одновременно очень сложно. По его мнению, быть настоящим Учителем сложно. Его общий педагогический стаж – 42 года. Одним из первых в районе он защитил первую учительскую категорию. Вышедшее в свет авторское пособие – это результат его собственного педагогического опыта. В 2016 году Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования издал его книгу «Физика в системе опорных сигналов».

На стене кабинета физики висит разработанная и сделанная своими руками движущаяся модель звездного неба. Под потолком – портреты советских космонавтов. А в лаборантской стоит настоящий телескоп. Его детская мечта обрела форму авторской программы двухлетних элективных курсов по астрономии. Помимо физики он увлекается историей – это его второе хобби. Некоторые исторические события может рассказать не по учебнику, а как

живой свидетель. Бурмистровские учителя говорят о нем – «Наше солнце. Очень позитивный человек». С гордостью показывают «волшебные шторы» в кабинете физики, когда стенды, висящие на стенах между окнами, легким движением руки сдвигаются с места, создавая необходимое затемнение – это изобретение Дмитрия Михайловича. Раньше эта конструкция приводилась в движение от нажатия кнопки, чем вызывала восторг гостей. Родившись в крестьянской семье, он начал новую учительскую династию. В школе работала его жена Галина Венедиктовна. Старшая дочь Ольга преподает русский язык и литературу в школе Новосибирска. Средняя дочь Наталья – учитель начальных классов в гимназии Новосибирского Академгородка.

Он не стал космонавтом, не стал ученым, всю жизнь проработал сельским учителем. Ни о чем не жалеет, и ничего не хотел бы изменить в своей судьбе. Потому что самого высокого статуса в жизни он достиг. Он – Учитель. А это дано не каждому.

Марина Спасельникова

Ордынский район

Капитан Претцер!

Перебирая документы в нашем школьном музее, я случайно наткнулась на одну статью из газеты «Правда». Она называлась «Переправа, переправа...», автор статьи – Е. Соломенко. Я решила написать про бессменного капитана – Виктора Кондратьевича Претцера, и в своём сочинении использовала данную статью и воспоминания родных.

Я живу в селе Нижнекаменка Ордынского района Новосибирской области. Моё село расположено на правом берегу Обского водохранилища. В летнее время единственная связь с районом – паромная переправа. Все жители ждут, когда же начнёт ходить паром.

Виктор Кондратьевич Претцер был знаком не только жителям нашего села, его хорошо знали и в р. п. Ордын-

Виктор Кондратьевич
Претцер

Окончив училище, стал гонять плоты. Дело трудное. Штурвал так и гуляет взад-вперёд, еле удержи-
ваешь его. В начале навигации с непривычки распухали кисти рук. Нередко случались незапланированные остановки: заклинивало руль. Деревяха какая-нибудь забьётся и никак её не вытащить. Тогда Виктор брал ножовку, нырял с нею и под водой начинал пилить. Вынырнет, глотнёт воздуха – и опять пилит. А вода-то, между прочим, не черноморская: гра-

дусов десять всего. Минут через пять переставал чувствовать пальцы. Ребята вытаскивали его на борт, и в воду нырял следующий. Виктор не успевал по-настоящему отогреться, как вновь подходила его очередь...

А порой ночью лопались тросы. Рвутся и летят по воздуху, все в искрах, как бенгальские огни! Но весёлого мало. Потому что через минуту «расконвоированная» секция плота начинает разваливаться и сбиваться в затор. Тут счёт и вовсе на секунды идёт. Глаза боятся – руки делают...

В. К. Претцер родился в 5 июля 1937 года в посёлке Усть-Чулым Чулымского района Новосибирской области. Сколько себя помнит, он всегда жил бок о бок с рекой, в детстве, юности даже дом с ней делил. Каждую весну таёжный Чулым приходил к его порогу, стучал стужёною рукой в дверь: «Это – я, встречайте!». На месяц-полтора вода затапливала всё вокруг. Но чулымцам это было не в диковинку: загодя они перетаскивали на чердак столы, койки, домашний скарб. От дома к дому плавали на лодках. Ни дать ни взять – Венеция! Только холодная, с покачивающимися на воде голубыми льдинками. Ну где же ещё, как не в этих северных приобских сёлах, могла родиться такая примета: щука в дом заплывёт – быть беде!

Через два года команда В. К. Претцера первой в сплавконторе получила звание экипажа коммунистического труда.

Здесь и подрастал в военные годы низкорослый худощавый мальчишка – Витька Претцер. И была у него целая флотилия. Он мастерил ножиком из мягкой коры ветлы копии знакомых судов, плавающих по Оби и Чулыму.

С девяти лет начал Виктор работать. Как заправский сплавщик, бегал по плывущим стволам, разбивая багром то и дело возникающие заторы. И каждый день, раза три-четыре, ему приходилось «купаться» – падая между брёвен.

В шестом классе он считал себя уже закоренелым речником...

После школы поступил в речное училище, учился там с усердием и желанием.

Отработав в плотоводах восемь лет, Виктор как-то услышал по радио объявление: требуется капитан, чтобы перегнать теплоход вверх по Оби и Бии – на раскинувшееся в горах Алтая Телецкое озеро. Через два дня он стал капитаном этого теплохода, который потом окрестил «Александром Грином». На переход от Новосибирска до озера начальство положило две навигации: слишком быстро по весне сходит большая вода, и мелкая порожистая Бия становится несудоходной.

Он вёл судно по весенней воде вчерашних ледников и снегов, через ревущие пенистые пороги. Казалось, это прозрачная кровь гор вскипает яростной весенней силой. Двигатель работал на полных оборотах, а судно, толкаемое рекой вспять, застывало на месте.

Виктор отступал назад и искал новый манёвр. Пот с мокрых бровей падал на щёки, ел глаза, но рук от штурвала нельзя было оторвать и на секунду. И вот теплоходик всё же перевалил через «Чёртов порог». Ура! А метрах в пятидесяти уже виделись буруны нового переката.

Переход, рассчитанный на две навигации, они проделали за двенадцать дней!

Паром СП-23, на котором всю жизнь проработал капитаном В.К. Претцер

В 1969 году судьба занесла Виктора Кондратьевича в р. п. Ордынское. Старожилы вспоминают: раньше парому помогал поворачивать буксир. Паром тогда и загружался по-другому. Водители расставляли машины, как кому заблагорассудится. И вот пришёл новый капитан, Виктор Претцер, и первое, чем он удивил шофёров, – это скупыми и точными командами в мегафон. Тогда на судне грузозиков стало помещаться в два раза больше.

Его паром переплывал от берега до берега, от Ордынской пристани до Нижнекаменской только лишь девять миль, двадцать минут хода. По «Новосибирскому водохранилищу». Хотя никто не называет его иначе как «Обское море». И за время своей работы капитан Претцер самого Магеллана обставил! «Накрутил» путь, равный полутора десяткам кругосветных плаваний.

Из своего СП-23 он выжал всё возможное. Однажды собрал команду:

— Помните, в порту старая баржа, пополам переломанная? Так вот, думаю, мы одну её половину приспособим к парому. С такой приставкой сможем брать на борт не тридцать пять, а без малого сотню машин.

В следующую навигацию паром вышел на радость окрестным шофёрам. Это было уже семнадцатое рационализаторское предложение В. К. Претцера.

В отпуска он разъезжал опять же по рекам и водохранилищам: как там переправы налажены? Почти весь Союз изъездил. И вот какая арифметика получалась: такой же паром по Волге ходил почти одиннадцать месяцев в году, а дохода приносил 41 тысячу рублей. У новосибирцев же навигация чуть ли не вдвое короче, а доходы – 160 тысяч.

СП-23 – честный труженик. Его экипаж неоднократно побеждал в социалистическом соревновании. Уже давно команда занесена в «Книгу почёта» Новосибирского речного порта.

Шестнадцать капитанов вырастил в своём экипаже Виктор Кондратьевич. Один из них водит теплоход по Телецкому озеру, другой по Дунаю плавал, третий на Камчатку забрался, четверо здесь же, в Новосибирском порту. Целая «школа Претцера». Шинель кур-

санта речного училища пришлось в пору и его сыну Сергею.

Сегодня Сергей Викторович Претцер – капитан всё того же СП-23, исправно продолжает дело своего отца.

В. К. Претцер отдал любимой работе всю жизнь. Проработав 32 года, он ушёл в 2001 г. на заслуженный отдых. Но ни на день, ни на час не переставал думать о своём уже родном судне СП-23.

Виктора Кондратьевича не стало 3 июля 2013 года.

Светлая память человеку-легенде, В. К. Претцеру...

**Елена Горобченко,
Юлия Претцер**

Северный район

Голос земли

Хочу рассказать о своём прадедушке, о гордости нашей семьи – Романове Владимире Константиновиче. Родился он 15 июня 1946 года в г. Татарске Новосибирской области. В с. Северное переехал в 1953 году. В 1964 году закончил нашу Северную среднюю школу.

В 1965 году в самодеятельном ансамбле новосибирского соединения

внутренних войск появился невысокого роста паренек в огромных кирзовых сапогах.

– Рядовой Романов, – представился он звонким голосом.

– Проверим, на что ты способен, – окинул его пристальным взглядом начальник ансамбля Борис Салмин. – Пошли в оркестровую. ... В оркестровой студии, где лежали связки нотных тетрадей, стояли разные инструменты, на новичка музыканты смотрели с любопытством.

– Что можешь? – хормейстер Виктор Скребец доброжелательно улыбнулся.

– Могу спеть «Голос земли», – уверенно сказал новобранец.

– Давай, – восторженно баянист Анатолий Ушатов. – А я подыграю.

Владимир спрятал улыбку в уголках куб. Его первым аккомпаниатором был баянист, фронтовик Степан Петрович Антоненко. Тогда семья Романовых жила в селе Северном, и он частенько прибегал к соседу. «Запомни, парень, – учил его дядя Степа. – В песне короткая фраза, а ее надо прожить. Пой душой. Это главное».

Рядовой Романов спел.

– Вот это да! Это же настоящий самородок! – ликовал Ушатов.

У Романова оказались прекрасные задатки. Салмин, у которого было консерваторское образование, удивлялся, откуда у этого простого деревенского паренька способность такого грамотно прочтения подчас сложных для усвоения музыкальных произведений.

Первый концерт Владимира Романова в составе военного ансамбля прошел в Новосибирской высшей школе КГБ. Дальше последовала целая череда выступлений.

Перед армией он успел поработать учителем физкультуры, получил специальность машиниста-тракториста широкого профиля. До винтика мог разобрать трактор, и комбайн, если требовалось отыскать неисправность. А когда получил водительские права, сел за руль бензовоза. Ежедневно возил по деревням горючку. А путь неблизкий – 130 километров по тайге. Так что перед солдатской службой он прошел настоящую школу жизни. Помогла она ему и в освоении музыкальной науки.

Владимир
Константинович
Романов

Владимир не с чужих слов знал: достичь чего-то можно только большим трудом.

Со временем Борис Иванович Салмин ушел на повышение в Москву, но не забыл о своих талантливых воспитанниках. Когда в 1973 году начал создаваться ансамбль песни и пляски внутренних войск, Салмин сразу вспомнил о Володе Романове – солисте с сильным, поставленным голосом, способном стать украшением любого столичного музыкального коллектива.

В декабре 1973 года в подмосковном Звенигороде, в ведомственном санатории МВД СССР состоялся первый концерт вновь созданного коллектива, а в 1974 году в гарнизонах Сибири и Дальнего востока прошли его первые гастролы. Владимир Романов стал одним из ведущих солистов главного войскового ансамбля.

В 1978 году занял третье место Всесоюзного телевизионного конкурса «С песней по жизни», это был понастоящему звездный час.

С ансамблем он объездил весь мир. На зарубежных гастролях русский солист поет на английском, испанском, греческом, немецком языках.

Народный артист Российской Федерации Романов Владимир Константинович – солист Академического ансамбля песни и пляски войск национальной гвардии РФ. В ансамбле со дня его основания – сентябрь 1973 года. За этот период своим трудолюбием добился необычайной популярности среди военнослужащих внутренних войск. Является одним из ведущих солистов коллектива. Серьезный артист, всегда требовательный к себе. Постоянно работает над повышением своего профессионального уровня. Великолепные сценические данные сделали его выступления одними из наиболее ярких в программах Ансамбля.

Неоднократно участвовал и побеждал во всеююзных и всероссийских конкурсах вокалистов – 1971 г. «Алло, мы ищем таланты», 1978 г. «С песней

по жизни». За высокие достижения в области вокального искусства в 1981 году присвоено звание «заслуженный артист России», а в 1998 году был удостоен почетного звания «Народный артист Российской Федерации».

Сейчас мой прадедушка живёт в Москве и до сих пор продолжает радовать людей своим пением, а для меня он остаётся примером, как паренёк из «глухой» деревеньки стал известным всей стране. Романов Владимир Константинович – гордость нашей семьи, гордость нашего села.

Никита Кыштымов

Болотнинский район

Возвращение

Я родился ранним утром 2 октября 1955 года в родильном отделении Болотнинской райбольницы на улице Комитетской. И ничего бы в этом событии не было примечательного, кроме личной заинтересованности, если бы, спустя лет пятнадцать, я легкомысленно не признался маме, что помню, как я рождался. Мама поперхнулась холодным чаем, внимательно глянула на меня:

– Ты знаешь, сынок, раньше я думала, что ты отменный лгун и тебе не редко за это попадало, пока я не поняла, что это не ложь, а твои фантазии. Но, Коленька, меру и в фантазиях надо знать.

И тогда я начал рисовать на листке внутренние пределы и коридоры родильного отделения, потом палату где со мной лежала мама, расположение кроватей и окон. Мама сидела с широко распахнутыми глазами и отказывалась верить очевидному и беспощадному сходству своей памяти.

– Ты там был! – догадалась мама. – И теперь морочишь мне голову!

– Да был, мама, рожал вместе с тобой! Ты о чем? Кто бы пустил меня в родильное отделение? А знаешь, почему я заплакал, когда родился? Мне было душно, я задыхался, от обиды и от страха я заплакал. Наверное, именно поэтому всю жизнь боюсь нехватки воздуха. А потом акушерка взяла меня за ручку и ножку и показала тебе.

Мама сидела в полубморочном состоянии и сухими губами, произнесла:

– Врач приподняла тебя, держа за ручку и ножку, и сказала: «смотри, какой пионерчик родился».

Вот такая история.

В Болотном мы жили на улице Личейной 3 в квартире под номером 4, на втором этаже, это была чудесная постройка для железнодорожного персонала, и поныне хорошо сохранившаяся. У нас на втором этаже была большая русская печь с полатями, под нами на первом этаже такая же, – одна печь стояла на другой, представляете эту махину кирпича! Одна духовка выходила в коридор, и из неё по всей зиме торчали чьи-нибудь валенки. А в зале круглая финская печь, покрытая черным металлом и одним боком выходящая сквозь стену в детскую комнату. В просторном дворе – люк выгребной ямы и детская площадка, сооруженная нашими родителями, ведь в нашем четырехквартирном доме жило семь детей.

А самая большая «тайна» скрывалась на темном и пыльном чердаке с двумя окнами на фронтонах, там хранились коробки с бумагами, всякие старые вещи, трухлявая и сломанная мебель, с которыми мы охотно и затейливо играли. Мне жаль, что нынешние дети лишены той свободы передвижения по улицам, чердакам, а главное, у них нет теплой печи, на которой вкусно пахло овчинным тулупом, жареной картошкой с чесночком.

В первый класс я пошёл с восьми лет, потому что «октябрьских» в школу уже не принимали. Законы в те времена были умными и исполнялись строго. Наверное, папа мог бы договориться со школой, он работал следователем в милиции, но мама его остановила, а позже призналась мне, сказав, что я был совершенно бестолков и не годен для учебы. За последующий год, по словам мамы, я сильно изменился, посерьезнел и пошёл в школу уже осознанно.

Но и в школу я попал не сразу, а с приключением. Мама была на смене, она работала дежурным по вокзалу станции Болотная, папа тоже на рабо-

Здание школы №23, в дальнейшем — Центральная библиотека

те, а потому, отпросившись на часок, мама прибежала со станции домой, благо совсем рядом – двести метров, нарвала в своем пышно цветущем садике гладиолусов, сунула мне этот букет и мы помчались на линейку. Ранец за спиной беспощадно просил о бережном передвижении, тревожно брякая карандашами в деревянном пенале. Букет казался мне противным, потому что я стеснялся и ненароком опустил его вниз головой, за что тут же получил увесистую затрещину от скорой на расправу мамы.

Во дворе железнодорожной школы № 23 было очень многолюдно и даже тесно, но мама нашла плотную стайку моих одноклассников, я неловко вручил букет, кому было приказано, и после слов: «Вот, Коля, это твоя учительница, держись за ней, а я побежала на работу» – мама растворилась в сторону железнодорожного вокзала. Скоро залиvisto заголосил колокольчик, призывающий всех на урок. И все дружной и плотной массой ринулись в школу. Я же благополучно потерялся. Когда все расселись по классам, я остался стоять один с просторном фойе огромной школы, вертелся по сторонам, побрякивая назойливым пеналом в ранце за спиной. В классах началась переключка, это слышалось из-за всех дверей. Потом меня кто-то долго водил по классам, наконец-то, нашли мою учительницу и всё наладилось.

В школе мне очень понравилось, особенно – одна девочка, звали ее Рая Дво-

ровенко. Я влюбился. Мало кто помнит, а я помню совершенно точно, не менее точно и в подробностях, не только как я родился, но и то, как я и когда я первый раз влюбился – 1 сентября 1963 года!

Потом была жизнь, как у всех, – трудная и веселая, радостная и трагическая. Умер дед мой и покойтся на болотнинском кладбище, на том, что у Западного переезда, там и сестра моя старшая, двенадцатилетняя, умерла от порока сердца. И будто что-то проросло через мое сердце, зацепилось за родную землю, уже – навсегда, до самого последнего срока.

Учился я хорошо, но когда после третьего класса моего отца перевели на работу в Новосибирск, то все изменилось в худшую сторону. Я закончил с тройками школу № 22, сейчас Лицей 22 «Надежда Сибири» – школу, которая на мое счастье давала очень качественное образование даже троечникам! Так что, троечники, не теряйте надежду на счастливое будущее!

В Болотное я вернулся в 1975 году молодым специалистом и возглавил Районный комитет по физической культуре и спорту при Болотнинском райисполкоме. А дальше, уже в 1982 году, за строптивость и неуправляемый характер партийная власть изгнала меня из района и, казалось, уже навсегда.

Исаенко Александра
Прокопьевна,
вышивальщица
из села Ивановка

Но ошиблись они, через тридцать пять лет я вновь в Болотном – теперь уже для того, чтобы создать книги по истории родного края и писателей-земляков. Одна из них моя книга – «Я встретил себя». Эта книга об интересных событиях и удивительных людях нашего района, крутых, сильных и своенравных – таких, какими и должны быть самостоятельные и независимые люди. И о себе, потому что недавно я понял, что никогда не уезжал из родного края... Сам-то уезжал, а душа теплилась здесь, на русской печке, пахнущей теплым беленым кирпичом и парным хлебом.

Николай Александров

Баганский район

Вышивальщицы

В нашем Ивановском школьном краеведческом музее есть экспонаты, которые отражают быт наших предков. Вышивка местных мастериц представлена в экспозиции «Бабушкин сундучок» и «Волшебная нить». Это рушники, боговники, скатерти, покрывала. Мы решили встретиться с вышивальщицами, чтобы больше узнать о мастерицах нашего села.

Искусство вышивания всегда ценилось на селе. Вышитые узоры не только украшали одежду и бытовые предметы из ткани, но и служили оберегами от злых сил. Как правило, творческим процессом руководила хозяйка дома. Во время вышивания пели песни, рассказывали истории.

Исаенко Александра Прокопьевна родилась в 1936 году в с. Ивановка Баганского района. Её детство пришлось на годы Великой Отечественной войны. И хотя фронт проходил за многие тысячи километров от нашего района, однако война коснулась всех жителей нашей страны.

Несмотря на голод и трудное время, женщины в этой семье всегда занимались рукоделием. Как вспоминает Александра Прокопьевна, уже в возрасте семи лет она заинтересовалась вышивкой. Вышивали и мама и сестры долгими зимними вечерами, ино-

уже украшали ими избу. В школьный музей Надежда Кондратьевна передала бабушкину скатерть, боговник, который вышивала на холсте, и рушники.

Богомолова Надежда Кондратьевна, вышивальщица из села Ивановка

Вышивание сегодня – это не просто ремесло. Это высокое искусство, в котором каждый мастер может воплотить все свои фантазии, задумки. Это искусство, которое помогает нам развивать терпение и усидчивость, а ещё и творческие способности. Как бы строго мы ни придерживались схемы вышивки, наше изделие всё равно получится неповторимым.

гда в выходные дни. Дом всегда был украшен вышивкой, особенно «святой угол». В праздничные дни красиво застилали кровати, стол накрывали скатертью и сами наряжались в вышитые сорочки. В доме до сих пор хранится вышивка.

Силивоненко Татьяна Фёдоровна с детских лет занимается рукоделием. Становление её как мастерицы выпало на трудные послевоенные годы, когда не только одежды и обуви не хватало, но и есть-то было нечего. Вот и приходилось с малых лет трудиться, помогать взрослым. С горьким чувством вспоминает Татьяна Федоровна те далёкие годы.

С 12 лет мать приучала к труду, прививала любовь к рукоделию. Сколько изделий украсила своей вышивкой Татьяна Фёдоровна, трудно и посчитать... Её работы можно увидеть и в школьном музее.

Богомолова Надежда Кондратьевна родилась в 1934 году. Мать у неё русская, а отец украинец, родом из села Ошитки Киевской губернии.

Когда началась война, отец ушёл на фронт и вскоре погиб в Воронежской области, похоронен в братской могиле. Мама всю свою жизнь жила и работала в Ивановке. Женщины всю зиму занимались рукоделием.

У Надежды Кондратьевны бабушка по материнской линии сама ткала полотно. Ткацкий станок стоял прямо в избе. Из самотканого полотна шили рубахи, рушники, боговники, скатерти, покрывала. Все эти вещи дополняли вышивкой, кружевами, а потом

Силивоненко Татьяна Фёдоровна, вышивальщица из села Ивановка

Мастерицы передают своё искусство другим, это ремесло живёт и развивается. Вышитые своими руками предметы одежды, картины и сувениры были и до сих пор остаются желанным подарком. Сделанные с любовью, они на долгие годы сохраняют тепло сердца своего создателя.

Ольга Бухмиллер

Чистоозерный район

Генерал из Журавки

В общеобразовательной школе Филипп Алексейцев был в числе первых, среднюю милицейскую в Новосибирске и Высшую милицейскую в Омске окончил с отличием, в Московской академии МВД его фотография украсила стенд «Выпускник – отличник».

Он всегда стремился к знаниям и совершенствованию профессионального мастерства. Его служебная карьера – образец для подражания молодым сотрудникам. Начав её следователем Барабинского райотдела, в 35 лет стал начальником Железнодорожного РОВД, в 48 лет – возглавлял УВД Сахалинской области. В конце 1997 года Н. Ф. Алексейцев было присвоено звание «генерал – майор милиции».

В июне 1999 года вернулся на родину и продолжал службу в должности начальника Третьего Управления 8 ГУ МВД России. В его подчинении находилось 16 органов внутренних дел, расположенных на территории 10 краёв и областей Сибири, Дальнего Востока, Камчатки и Чукотки, в сфере обслуживания которых находились предприятия и учреждения 7 министерств и ведомств.

Прирождённый дар работы с людьми, особое умение не только слушать, но и слышать, справедливо решать судьбы и обиженных, и обижающих, держать дисциплину и порядок среди личного состава, причём не окриками да муштрой, а убеждением и личным примером, отличали его везде, где он работал. Ему не приходилось специально завоёвывать авторитет, это делали правильные решения и поступки.

Генерал-майор милиции Н. Ф. Алексейцев награждён медалями: «За безупречную службу» 1, 2, 3 степеней, «50 лет советской милиции»; нагрудными знаками: «Отличник милиции», «Почётный сотрудник МВД», «За отличную службу в МВД», «200 лет МВД», «За доблесть в службе»; именован оружием.

27 мая 2002 года Указом Президента России № 516 генерал – майору милиции Алексейцеву Николаю Филипповичу за образцовое исполнение слу-

жебного долга, мужество и самоотверженность, проявленные в борьбе с преступностью, присвоено почётное звание «Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации».

Последние годы, несмотря на свою необычную занятость, являлся бесменным руководителем Чистоозёрного землячества в Новосибирске, где был настоящим генератором идей, которые всегда воплощал в жизнь, потому, что страстно любил свою малую родину и старался всеми силами ей помочь.

В 2006 году не стало этого удивительного человека. Но журавцы всегда будут помнить о нём за его чуткое внимание, справедливые поступки и добрые дела.

Татьяна Филиппенко

Коченевский район

Герман Титов учился летать в Коченевском небе

Коченевский аэродром был построен в 1939–1940 годах для Новосибирской военной авиашколы летчиков-бомбардировщиков ВВС РККА, которая была переведена из г. Красноярск (31-я ВАШП). Использовался он как полевой запасной аэродром для самолетов СБ (АНТ-40; ДБ-3; ИЛ-4).

Самолеты облетывались, дорабатывались, доводились до установленного ресурса, проводилось испытание оружия. С этой целью был оборудован полигон для стрельб по наземным целям южнее п. Коченево – у речки Шариха. После тщательной подготовки, боевая воздушная техника отправлялась в специальных контейнерах по железной дороге на фронт. С августа 1941 года по май 1945 года было подготовлено 1107 летчиков. На фронт в год направлялось по 250–290 машин.

В 1945 году Новосибирская ВАШП и запасные полки были расформированы и с 1946 года в Коченево начали проходить летную подготовку пилоты Сталинградского (Сибирского) училища (СВАУЛ) 813 учебный полк, которое было перебазируется из г. Кустанай. Первичное обучение проводилось на винтовых самолетах Як-9, Як-11, Як-18. Обучение проходили и иностранные пилоты.

С 1951 года в СВАУЛ вели подготовку на реактивных самолетах УТИ МиГ-15. На аэродроме была сооружена металлическая взлетная полоса длиной около 2000 метров. Полеты на учебных спарках шли очень интенсивно, летом с 6 часов до 14 часов или с 14 до 20 часов. Если полетов не было – это плохая примета – значит что-то случилось. За лето падали 2–3 самолета. Многие курсанты и инструкторы были похоронены на Коченевском кладбище.

На Коченевском аэродроме учился летать выпускник СВАУЛ Титов Герман Степанович (с 1955 г. по 1957 г.) – будущий летчик-космонавт № 2, а так же космонавты Волинов Борис Валентинович (с 1953 г. по 1955 г.) и Попович Павел Романович (1952 г.).

Вот что пишет Г. Титов в своей книге: «Январь 1955 года был в Сибири, как обычно, суров морозами... Густой холодный воздух перехватывал дыхание, заледенели щеки и уши, моментально пробрался под полы курсантских шинелей, когда мы, выпускники школы первоначального обучения летчиков, вышли из вагона электрички на одной из станций недалеко от Новосибирска. С чемоданами в руках, вместили все наши нехитрые солдатские пожитки подгоняемые морозом, направились

мы к авиационному городку, где нам предстояло теперь жить, учиться, осваивать очередную ступеньку летного мастерства».

Из воспоминаний об этом времени Петра Евграфовича Плешивых, участника Великой Отечественной войны, жителя р. п. Коченево: «В апреле 1944 года я был направлен начальником аэродромно-компрессорной станции в Военное авиационное училище летчиков имени Сталинградского Краснознаменного пролетариата, которое было расположено в то время в г. Кустанае (Казахстан). В 1955 году училище летчиков-испытателей перебазировалось в Толмачево, а на естественной природной выровненной площадке, между р. п. Коченево и п. Светлый оборудуется учебный аэродром.

В то время военного городка, сельхозтехники, РАЙПО не было. Не было и улиц Ипподромской, Заводской, Чапаева, Крылова. На площади, где сегодня расположены районный отдел полиции, РТК, находились военные казармы с курсантами. Кто же предполагал, что Герман Титов станет космонавтом?!»

Петр Евграфович вспоминает, что на нашем Коченевском аэродроме учились летать и молодые мальчишки из Венгрии и Албании, они совершенствовались своё мастерство, но и допускали ошибки, и старожилы-коченевцы помнят о падении самолетов и о гибели летчиков.

Интересны и воспоминания Валентины Петровны Богомоловой (Прохоровой). В то время она работала библиотекарем, а Герман Титов с друзьями были активными читателями. Они очень любили журнал «Техника молодежи». Читали, спорили.

Позже встретилась Валентина Петровна уже с космонавтом Г. С. Титов

Герман Степанович Титов

Пётр Евграфович Плешивых

Валентина Петровна Богомолова среди делегатов съезда

Кунчурук

вым в 1962 году в г. Москве. Будучи уже первым секретарем Коченевского райкома комсомола, она была избрана делегатом на XIV съезде ВЛКСМ.

В 1960 году, в связи с сокращением численности ВВС, по указанию генерального секретаря СВАУЛ было ликвидировано. Некоторое время в Коченеве базировались самолеты-разведчики ИЛ-12 ВВС СибВО. И в 1961 году аэродром прекратил свое существование.

Елена Бунькова

Болотнинский район

Докажи, что не трус!

Эту историю мне рассказал мой друг, а ее в свою очередь, он услышал от своего отца Михайлова Алексея Феоктистовича. История эта случилась в послевоенное время. Фамилии и имени не известны, так как Алексея Феоктистовича нет в живых, да и участников той истории тоже.

А дело было так. Как-то в один из вечеров в селе Кунчурук встретились за столом друзья. Все фронтовики, орденосцы, каждый из них прошёл много военных дорог, рисковал жизнью, но вернулись живыми домой.

Тут один из друзей и говорит тому, кто был разведчиком и имел больше наград, мол, докажи, что не трус и награды твои заслуженные: «Пойди

ночью на кладбище и принеси оттуда крест! А если не принесешь, то ставишь нам «беленькую, а принесешь – мы ставим». Разведчик выпил еще одну рюмку, подумал и согласился. Они ударили по рукам и разошлись.

И всё бы закончилось хорошо, если бы друзья не спрятались на кладбище, и как только разведчик пришёл и выломал подходящий крест, выскочили из укрытия укутанные в белые простыни. Разведчик не думал, со всего маху врезал крестом по голове одному из «приведений», тот рухнул замертво.

Потом приехала милиция, но выяснив обстоятельства произошедшего, разведчика отпустили. Беленькую спорщики пили на поминках.

Не учли шутники, что война настраивает убивать не только тех, кто нападает, но и тех, кто защищается.

Николай Михайлов

Барабинский район

Дом, в котором всегда тепло

7 апреля 2017 года наши родители Обгольц Эмма Александровна и Эмануил Николаевич отметят 55-летие совместной жизни. Кажется, совсем недавно в теплый, солнечный апрельский день в Новониколаевском сельском совете был зарегистрирован их брак. А потом была настоящая деревенская свадьба: с перетягиванием дороги, «ссором», нехитрыми подарками... И вот пролетело более полувека.

Вся жизнь нашей большой семьи связана с Новосибирской областью. И хотя

Михайлов Леонид Феоктистович – участник истории

и мама, и папа родились не в Сибири, а прибыли сюда волею судьбы в эшелоне в октябре 1941, вся их трудовая биография прошла в Барабинском районе. Здесь же трудятся дети, в Новосибирске живут и учатся внуки.

Валентин Распутин, известный советский писатель писал: «Четыре подпорки у человека в жизни: дом с семьей, работа, люди, с кем вместе проводишь праздники и будни, и земля, на которой стоит твой дом. И все четыре – одна важнее другой».

Благодаря маме и папе главной подпоркой в нашей жизни является семья. Говорят, все мы родом из детства. У каждого воспоминания о детстве свои. В нашем сознании это теплое летнее утро, просторная светлая веранда, где пахнет кофе и вкусной выпечкой. Это свежевывмытые широкие половицы, по которым пробегаешь босиком. Это луч света, который пробивается сквозь прикрытые ставни, и полное ощущение счастья, защищенности и безмятежности. Сейчас, когда мы все взрослые люди, понимаем, что нас очень любили, хотя не говорили об этом.

Папа трудился с раннего утра до позднего вечера. Труд механизатора в советское время был востребован, хорошо оплачивался. По итогам соцсоревнования он, ударник нескольких пятилеток, был награжден орденом «Знак Почета» и премирован правом покупки автомобиля ВАЗ. Папу всегда отличало ответственное отношение к любому труду, честность. А еще чувство юмора. Однажды, когда я была уже студенткой и приехала на каникулы он спросил:

– А как расшифровать КИТ?

Я, конечно, ответила:

– Коллектив интенсивного труда!

– Нет – крестьянский изнурительный труд!

В совхозе тогда осваивали новые формы организации производства: изготавливали обогащенные корма. Была создана бригада, которая этот цикл проводила от поля до фермы.

Когда папе исполнилось 50 лет, директор совхоза предложил возглавить совершенно новое для него дело – на-

ладить производство мини-колбасного цеха. Нужно было освоить оборудование, познакомиться с технологией производства. В трудные 90-годы можно с уверенностью сказать, что благодаря функционированию колбасного цеха и мельницы совхоз «Береговой» не постигла участь окружающих хозяйств – банкротство и разорение.

В 60 лет папа ушел на пенсию, но не потерял интерес к жизни: много читает, смотрит телепередачи, гордится своими внуками и внучками. А еще он ровесник Новосибирской области. В декабре мы отметим его 80-летний юбилей.

Мама – настоящая хранительница домашнего очага, вечная хлопотунья, человек большой души. После окончания семилетки ее направили в Новосибирск на курсы счетоводов. Недавно мама вспоминала: «До этого я ни разу не ездила на поезде. Увидев вывеску «Булочная» с высоты пятого этажа, подумала, что это рядом, решила сходить за хлебом и заблудилась. С трудом нашла обратную дорогу!»

Обголец
Эмма Александровна
и Эммануил
Николаевич
в возрасте 25–30 лет

Быстро пролетели месяцы учебы, и вот уже молодой специалист вернулся в родной колхоз. Профессии бухгалтера мама верна всю жизнь. С детства мы помним огромные (так нам казалось) конторские книги, счета, красный и синий мягкие карандаши. Если что-то не сходилось, приходилось снова и снова пересчитывать, пока потерявшаяся копейка не была найдена.

Мама была единственным бухгалтером в Староярково и все расчеты (и за бригадира, и за учетчика) приходилось делать ей. Именно к ней направляли всех практиканток – никто так доходчиво не мог раскрыть премудрости профессии. В отличие от нас,

Родители с правнучкой
Катюшей

дочерей, сноха Елена и внучки Светлана и Кристина продолжили династию.

Мама всегда была в курсе всех наших дел: проверяла домашние задания, выписывала детские журналы от «Веселых картинок» и «Мурзилки» до «Юности» и «Роман-газеты», она помнила все даты наших экзаменов, наш дом всегда был открыт для наших друзей и подруг. Дома всегда мы находили поддержку и понимание. В свою очередь старались не огорчать родных.

Папа никогда не дарил маме дорогих подарков. Но как только на весенних проталинах появлялись белые и сиреневые соцветия сон-травы, на яру у озера Чаны распускались ковры незабудок или в Ереминой роще зацветала черемуха, в нашем доме стояли букеты полевых цветов.

Лариса Нельмаер

Кыштовский район

Дорогие мои земляки

В любой деревне жили и живут интересные люди, но кто о них знает, кроме односельчан? Они ходили по улицам, общались с другими людьми, работали, любили, страдали и радовались. Их потомки разлетелись по белу свету, многие приезжают в родную Крутиху, а некоторые, может, и забыли о маленькой глухой деревеньке, проложившей тропинку в большую жизнь.

Мои земляки приходят ко мне в воспоминаниях и снах, заставляют вер-

нуться в далёкое детство, воскрешают в памяти лучшие годы, когда мне приходилось встречаться с ними каждый день, слышать их споры, разговоры, весёлый смех, протяжные песни и заливистые переборы гармошки.

В моих зарисовках они такие, какими я их помню и люблю, но у других людей может быть о них другое мнение. Что ж, я не претендую на истину, я просто хочу, чтобы их помнили.

Олимпиада

В молодой семье Василия и Василисы рождались дети каждый год, некоторые умирали. Пятую девочку местный батюшка посоветовал назвать редким именем, вот и зовут её до сих пор просто и как-то удивительно ласково Липка. В восемь лет осталась без матери с пятью братьями, до четырнадцати лет жила в большой семье с отцом, мачехой, братьями и сестрой. Началась война, с которой отцу не суждено было вернуться. И осталась большая семья с мачехой-женщиной доброй и справедливой.

Потом замужество, рождение четверых детей, смерть мужа и долгая жизнь в маленькой деревне, ожидание приезда детей, внуков и правнуков, неизбежные болезни и неиссякаемый оптимизм, и радость от каждого прожитого дня. Она перебирает фотографии, вытирает набевашную слезинку и говорит: «Живу за маму, тятю, моих рано ушедших братьев, за мужа Алексея Петровича, и спасибо Господу Богу».

Олимпиада Васильевна удивительная рассказчица, в подробностях вспоминающая события, людей, умеющая передать характеры, интонации, придать самобытность и колорит деталям. На узенькой лавочке под старой черемухой сидит со своими давними подругами и вспоминает, как весело было в деревне лет тридцать назад, как бежали по тропинке у дома дети со всей деревни, как играла гармошка у старой мельницы. И закатное солнце согревает их своими прощальными лучами. «А пожить ещё всё же хочется», – говорит Олимпиада Васильевна.

Гришечка и Варочка

Их так и звали до конца жизни. Оба маленькие, худощавые, подвижные.

Они прожили долгую жизнь вместе, душой прикипели друг к другу, родили одиннадцать детей, но выжили не все. Своих восьмерых сыновей и дочек они тоже называли уменьшительными именами. И так повелось в деревне, что уже взрослых мужчин и женщин – их детей так и называли: Грунечка, Пашечка, Клавочка, Стёпочка...

Как водится, разъехались дети в разные места, и остались старики с семьёй младшего сына, подрастили внучат. Но как часто бывает – со снохой что-то не заладилось. Скитались Гришечка и Варочка по семьям своих детей, по городам и чужим деревням, но всё же вернулись в родное гнездо.

Жить им пришлось в избушке во дворе своего сына, на своём подворье, но трепетное отношение друг к другу сохранили до последних дней, а ещё сохранили доброе отношение ко всем людям: соседям, близким и дальним родственникам, односельчанам, за что их и любили в деревне. А сына и сноху они простили и никогда не обижались на людей. Умерли на одной неделе тихо и незаметно, вот только почти вся деревня провожала их в последний путь.

Ганна

Ей уже 97 лет. Живёт в старом, почерневшем от времени доме, где кажется, сами стены помнят каждый день её долгой и трудной жизни. Этот дом одним из первых был построен в деревне в конце 19 века для большой семьи Клинцовых. В семье её отца Никиты Калиновича было девять детей: Филимон погиб на войне, Иван пришёл искалеченный, но прожил долгую жизнь. Досталось и Ганне, жизнь не баловала.

С мужем Григорием и пожить не успели – началась война, сложил Гриша голову на полях сражений, а она осталась с двумя детьми на руках, да так больше и не вышла замуж, жила ради сына Вани и падчерицы Марусеньки. Кажется, время летело незаметно, и вот уже из молодой Ганночки она превратилась в тётку Ганну, а потом односельчане стали звать её бабкой Ганной. Улетела из родного дома дочка, а вот сын Иван был учителем в местной школе. Мать часто удивлялась, откуда у парня способности:

и рисует, и фотографирует, и на музыкальных инструментах играет.

К ней квартировать всегда ставили молодых учителей, умела она и готовить, и прибраться и просто выслушать молодёжь. Удивительно, что до сих пор бабка Ганна живёт одна, управляется со своим нехитрым хозяйством. Рано ушёл из жизни сын Иван, далеко живёт дочь, племянница, правда, хорошо помогает, но сама Ганна помнит многие события, вспоминает людей, которые жили очень давно, умеет угостить, успокоить, оказать поддержку.

«Почему долго живу – не знаю, всю жизнь работала, голодала, мёрзла, но никому и никогда не завидовала», – говорит бабка Ганна. Летом сидит на лавочке у дома сухонькая старушка с добрыми выцветшими глазами в шерстяных цветных чулках и старенькой кофте, и проходят, кланяясь ей, люди.

Баба Мачеха

Мы все называли её бабка Мачеха, а вот пятеро неродных уже взрослых детей называли только мамой. А как иначе? У Василя в 1933 году в родах умерла жена, и остался он с шестью детьми, старшей из которых было восемь лет. В своей деревне трудно было найти женщину, которая могла бы стать матерью всей ораве и хозяйкой в доме. И взял в жёны Василий женщину с двумя детьми Аксиною из другого села.

Удивлялись в деревне, как выживет такая семья, но она ещё четверых родила, правда, троих похоронила. В достатке не жили, но все трудились, без хлеба не сидели, сохраняли добрые отношения в семье. Василий ушёл на войну и погиб на родине своих предков в Белоруссии в 1943 году.

В конце войны ушли на фронт и сыновья Аксины, а она растила шестерых детей, переживала вместе с ними и голод, и холод. Удивительно, но пятеро детей Василя выросли достойными людьми. Дочь устроила свою жизнь, нашли своё место в жизни и двое сыновей, обзавелись своими семьями, уважали и ценили маму. Но мы – внуки почему-то называли её бабка Мачеха, очень любили бегать к ней в гости

(жила она с сыном Фёдором и снохой), а она угощала нас белыми булочками, конфетами и большими кусками сахара, что в нашей большой семье было лакомством.

После смерти сына и снохи баба Мачеха жила в семье дочери под Новокузнецком, но когда мы навещали её, то спрашивала почти о каждом односельчанине, знала их беды, горячо сочувствовала и передавала приветы: «Обязательно передай привет Сашке, Аринке, Варочке с Гришечкой, Мишке, Женьке, да всем, скучаю по деревне своей», – говорила она. Умерла она в глубокой старости, оставив правнучке чудесное имя, Ксюша. Откуда берутся такие женщины, с такой большой и чистой душой? Не знаю, пожалуй, и сейчас их можно найти в сибирской деревне, таких как наша любимая баба Мачеха.

Петрован

Так все в нашей деревне называли Петра Никифоровича – моего деда. Жили они большой семьёй в Быховском уезде Могилёвской губернии, но, замученные малоземельем и бедностью, решились на переселение в далёкую Сибирь. Так и выехали два брата Никифор и Калина и у каждого ещё сыновья и дочери.

Петрован был вторым сыном у Никифора, служил в Могилёвской ставке императора Николая Александровича – последнего Российского императора, а потом в 1900 году уже из Сибири ходили они в Китай по приказу царя, за что и был он награждён серебряной медалью «За поход в Китай»*. Мы – внуки не помним, чтобы он сидел без дела, курил табак или пил какое-либо спиртное.

* Ихэтуаньское восстание (Боксёрское восстание) – восстание ихэтуаней (буквально – «отряды гармонии и справедливости») против иностранного вмешательства в экономику, внутреннюю политику и религиозную жизнь Китая в 1898[3][4]–1901 годах.

Сначала власти были против повстанцев, затем перешли на их сторону, но в конце концов императрица Цыси перешла на сторону Альянса восьми держав, подавившего восстание. В результате Китай попал в ещё большую зависимость от иностранных государств, что сказалось на его политическом и экономическом развитии в первой половине XX века.

Название в России того периода: Китайский поход, Китайская война.

Одежду шил себе сам: зипуны, шапки, тулупы, бродни, умел мастерить бочки, орудия для домашнего обихода, делал нам лыжи и салазки, один пилил дрова двуручной пилой, но больше всего, кажется, любил ходить с внуками в лес, знал каждую тропинку, мог рассказать о каждом дереве, кустике.

С бабушкой Ефросиньей они прожили 63 года, но она всегда его обвиняла в каких-то давних обидах, называла «чернокнижником»**. А он молча сидел у стола и читал «Военный календарь» или забирался на огромную русскую печь, где спал, кстати, и зимой и летом, и молча смотрел в щелястый потолок, что старуху заводило ещё больше.

Мы-дети, хихикали, а бабушка говорила непонятное нам проклятие: «Кабы вас хвороба забрала». «Ну, хорош, будя уж», – говорил дед, и все, бабка замолкала, как отрезало. Он прожил более 90 лет, всего на год пережил свою жену, но надо было видеть, как он тосковал о своей сварливой старухе. Почти пятьдесят лет, как нет на земле моего деда, но вспоминаются дни, которые прожили мы рядом с удивительно добрыми умным человеком, который помогал нам смотреть на мир добрыми глазами.

Брахонька

На самом деле его звали дед Николай, но кто же в Крутихе мог прожить без прозвища? Дед Николай был старшим братом Петрована – моего деда, и его изба стояла почти напротив дедовой. Так и стоит перед глазами его высокая сутуловатая фигура с длинной окладистой бородой. Зимой и летом Брахонька ходил босым в грубой холщёвой рубахе и таких же штанах.

Никого в деревне не удивляло, когда дед отправлялся в гости к дядьке Калине на другой конец деревни в трескучий мороз босым. По дороге останавливался с бабами у колодца, с прохожими мужиками и шёл себе дальше, там выпивал стакачик – другой, обсуждал свои дела и возвращался домой, где его уже ждал крик бабушки Маланьи.

** Чернокнижник – волшебник или волшебница, присягнувшие на верность демонам, используя древние знания для черной магии и призыва призраков/сущностей/духов и используя их силу в своих целях.

Маланья была третьей женой Николая и привёз он её из другой деревни, так как вряд ли какая девка пошла бы за вдовца на четверых детей. Она вырастила их, родила ещё и в этом браке восьмерых и, не смотря на сварливый характер, прожила с ним почти 60 лет.

У их избы росла огромная черёмуха с удивительно сладкими и душистыми ягодами. Весной дерево буйно цвело, а к концу лета дед Николай разрешал нам добраться до желанных ягод, а до этого собака Лыска бдительно оберегала дерево. Великий труженик, честный и мудрый человек так и прожил до своей смерти в своей старой избе, построенной в конце 19 века, и остался в памяти односельчан-старожилов своими чудачествами.

Единоличник

Улица Матросовка могла бы стать самой широкой и красивой улицей в деревне. Но вот посредине улице почти напротив нашей новой школы стояла усадьба деда Васечки и его жены. Дети их давно разъехались, но старики держали двух коров, целую отару овец, свиней и прочую живность. Как уж так получилось, что дед Васечка так и не вступил в своё время в колхоз, не работал в колхозной бригаде, а «глядел» только своё хозяйство.

Нельзя сказать, что в деревне к нему плохо относились, просто и сам дед не очень стремился к общению. На-

верное, поэтому ближе к старости его хозяйство пришло в упадок, совсем осела в землю изба, прохудились крыши и повети, а тут ещё и жена слегла.

Как-то не припоминается, что к нему приезжали дети или внуки, но мытимуровцы почти каждый вечер приходили прибраться в избе, принести дров и воды, прокопать тропинку к калитке.

Бабка пролежала неподвижно девять лет, пришлось сбить большое хозяйство, жили скудно, но на лице деда Васечки всегда светилась улыбка, глаза излучали доброту, когда он разговаривал со своей старухой, а она молча смотрела, и слёзы текли по её щекам. После её смерти один из сыновей увёз его в какой-то город, но ещё долго вспоминали в деревне единоличника Васечку и жалели его. А избу его вскоре снесли, и улица стала действительно самой широкой и красивой в деревне.

Петушиха

Вообще-то звали её Марьей, но в деревне все называли её только Петушихой. Две её сестры тоже жили в Крутихе, они часто собирались почему-то именно у Марьи, обсуждали деревенские и домашние новости и постоянно спорили иногда на повышенных тонах.

Когда дети бабки Петушихи стали жить своими семьями, муж умер, стала она на квартиру учителей брать, оно и понятно – сельсовет привозил дрова. В крошечном домике одну комнатку за-

На празднике,
120 лет селу Крутихе

нимали квартиранты, а в другой и спала, и готовила нехитрую пищу сама хозяйка.

Она никогда не вмешивалась в дела молодых учителей, не задавала вопросов о семье, оставшейся где-то на Смоленщине или в Ивановской области. Бабка Петушиха не давала советов, не лезла с расспросами. На столе для жильцов всегда стояла сковорода жареной картошки и кружка горячего чая.

Раз-два в год баба Марья собирала посылки в город дочери Вале: сало, носки вязаные. Обязательно прилагала письмо, написанное квартирантом-учителем под её диктовку. Особенно трогательны были строчки, обращённые к внуку: «А ещё посылаю конфеток внуку Серёжу». После смерти старушки как-то незаметно развалился её домик, подворье поросло крапивой, но бывшие жильцы и односельчане добрым словом вспоминают добрую бабку Марью.

Учитель

Надо ли объяснять, каким уважением пользовался учитель в деревне. Ребяшня при встрече замирала и хором кричала: «Здравствуйте», а пожилые односельчане уважительно снимали шапку и кланялись. Нелёгкое детство, внезапный арест отца в 30-е годы, война – ничто не обошло Кузьму Ивановича.

С фронта он – молодой парень – вернулся без обеих ног, но создал крепкую семью, получил образование и стал учителем в родной деревне. Он никогда не повышал голос, только вставал из-за учительского стола и медленно, поскрипывая протезами, проходил вдоль ряда парт, и все замирали. На переме-

нах в коридоре или в школьном дворе он учил с нас народным играм, в Новый год устраивал ёлки, сажал с детворой деревья около школы.

В короткие школьные перемены мальчишки устраивали потасовки в коридоре или на улице, но только появлялся учитель, все разбегались, хотя он не говорил ни слова. Начиная с весны, Учитель ездил на работу на велосипеде, а рядом быстрой походкой шла его жена, которая работала продавцом в магазине. У Кузьмы Ивановича была пасека, он выращивал на усадьбе какие-то диковинные деревья и цветы, фотографировал всех жителей деревни. В сухую погоду выкатывал со двора старый мотоцикл с коляской и ехал со своими детьми в лес или на речку.

Учитель в деревне был больше, чем учитель. Припоминается, что за советом к нему шли все жители деревни и уходили, разрешив свои проблемы. Встречаемся с бывшими учениками Кругихинской школы и первым делом вспоминаем первого учителя Кузьму Ивановича Азарова – настоящего сельского интеллигента.

Шофёр дядя Петя

В конце 50-х годов в деревне было две грузовые машины, поэтому надо ли говорить, каким уважением пользовался шофёр дядя Петя. Весёлый балагур, неунывающий человек он привлекал и детей, и взрослых. У Макаровых было трое детей, но один уже жил своей семьёй, а две дочери собирали во дворе ребятню со всей деревни, затевали игры, но все ждали, когда приедет дядя Петя, чтобы хоть немного прокатиться в кузове старенькой полуторки.

Мог Петя, и покуролесить, и выпить с друзьями, но это было не так часто. Приедет, бывало, выпивши вечером домой, жена спит, а его голод мучает. Достанет дядя чугунок и с аппетитом всё съест. А утром тётка Праксovia ругается, на чём свет стоит, оказывается, хлебал муженёк похлёбочку, что маленьким поросёнкам была приготовлена.

Незаметно пролетели годы, разъехались дети, умерла любимая жена, пришлось и дяде Пете поменять место жительства, уехал к старшей дочери

в Ашхабад, так там и умер. И сейчас соберутся старожилы, да и вспомнят неунывающего шофёра дядю Петю добрым словом, тем более стоит ещё его домик на улице Центральной, но тихо во дворе, заросшем высокой травой, ни шагов, ни детского смеха, но ведь жил в нашей деревне хороший человек дядя Петя.

Аринка наша

Так Арину Ефимовну называл мой дядя Миша. Впрочем, по отчеству её никто и не называл, хотя отличалась она невероятным трудолюбием, простодушием и открытостью, что ей чаще мешало, чем помогало. Выросла она в большой и очень бедной семье, отец не вынес житейских трудностей и свёл счёты с жизнью.

Мать боролась с нуждой как умела, дочери рано начали работать, а тут – война. Что и говорить, все силы, здоровье и молодость были отданы непосильному труду. Вернувшиеся фронтовики женились на молоденьких девчонках, а хотелось простого женского счастья.

Родила без мужа сына, прошла через хулу и осуждение деревенских кулушек, работала в колхозе, перестроилась избушку, но жизнь была по-прежнему трудной. Никто не мог сказать, что Аринка приуныла, пела и плясала в сельском клубе и всем хвалилась, что и грибов набрала прорву, и ягод всяких натаскала, и борова на зиму здорового завалила, и сын её лучше всех, в общем, всё просто замечательно.

Родственники не особо жаловали её за такое неприкрытое хвастовство, за сына непутёвого, но прощали всё за лёгкость характера, бескорыстие и доброту. Умерла Аринка в глубокой старости, и на Радунницу чьи-то добрые руки покрывают её могилку на деревенском кладбище чистой скатёрочкой.

Дядя Женя

Из всех маминых братьев ему не повезло с самого детства – застудил ноги, да так и остался хромым. Военное детство, голод, непосильная работа научили всему. Он умел шить красивые туфли и ботинки, перешивал шинели солдатские на куртки, замечательно плёл

корзинки и лукошки, плотничал, клал самые лучшие в деревне печки. Пожалуй, не было работы, которую дядя Женя не умел бы делать.

Жизнь личную устраивал уже после войны, так что хромота не сыграла большой роли. Жена ему досталась работающая, предприимчивая, прижимистая, родила ему четверых детей, и ещё он вырастил сына жены, который относился к отчиму с большим уважением.

До всего дядя Женя доходил своим умом и трудолюбием, работал на колхозной ферме, и огромный бык-производитель подчинялся только ему. Семья дяди искала лучшей доли и в Бочкарёвке, и в Беспаловке, но всё же вернулись в родную деревню дяди, где жили его брат и сестра. Какая-то всё же нескладная была у дяди жизнь, но он не унывал, со всеми был улыбочив и доброжелателен, хотя чувствовалось его какое-то одиночество, неприкаянность. Он и умер как-то странно и нелепо, и дети редко приезжают на его могилку, где с выцветшей фотографии смотрит весёлый человек дядя Женя.

Дед Жигун

Не могу вспомнить, как звали старика, жившего бобылём на самой дальней улице села. Что-то было в нём таинственное и необыкновенное: эта прямая походка, чёрная повязка на правом глазу, суровое выражение лица. Жена его давно умерла, дети жили в городах, но он один управлялся со своим хозяйством.

Иногда он приходил в деревенский магазин, молча покупал необходимое: соль, сахар, спички и так же молча уходил не по улице, а через переулок за огородами к своему домику на окраине. Позднее я узнала, что дед Жигунов был участником русско-японской войны, что ранен в голову в боях под Порт-Артуром и что есть у него награда Георгиевский крест, который он показывал моему деду.

Я очень жалею, что не поговорила с ним тогда, когда уже почти решилась, вежливо поздоровалась с ним, а он так галантно мне раскланялся. И кто сейчас расскажет о его интересной судьбе? Пожалуй, никто.

Филиппок

Отец и мать уходили на работу на целый день, трое старших детей всё время проводили в школе, а пятилетний Вовка скитался по улице, вступал в конфликты с деревенскими собаками, но всё время приходил к дверям школы и отчаянно завидовал сестре и братьям. Учительница первоклашек как-то позвала его в класс и усадила за парту, больше он уходить не захотел, так и остался в первом классе в свои неполные шесть лет.

Всё было просто замечательно: читать научился быстро, писал чисто и аккуратно, но была одна проблема – не было в школе парты, подходящей для его маленького роста, а с обычной он постоянно сползал на пол.

И тогда учитель труда смастерил ему маленькую одноместную парту, поставил её перед средним рядом и сказал: «Ну, вот, Филиппок, получай свой рабочее место», и все в классе засмеялись.

Так и стал Вовка для всей деревни Филиппком, успешно окончил школу, потом высшее военное училище в Харькове, дослужился до звания подполковника в Подмосковье и ушёл в отставку, нашёл себе новое дело на большом стадионе под Москвой. Почти каждое лето приезжает он в родную деревню, где живёт наша старенькая мама и где все его знают и уважают, но по-прежнему шутливо называют Филиппком, а он и не обижается, здороваясь за руку с каждым.

«Бамбук»

Откуда такая кличка у деревенского мужичка никто теперь и не вспомнит. А был он маленького росточка, лохматый, коренастый, подвижный, говорливый. А вот жена у него была ростом под два метра, широка в кости, громкоголоса и носила длинную юбку непонятного цвета.

Он в строгости держал свою семью, а бывало, и жену поколачивал, взбираясь на лавку и подзывая её, чтобы двинуть кулаком по лицу. Она бежала по улице и громко выла, чтобы все слышали, как «изверг её колотит».

Жили они в соседней деревне Еланке, но иногда приходили в деревенский магазин в Крутихе, и тогда женщина

могла разыграть целый спектакль. Заходил разговор, кто и сколько чего может съесть. Тогда она заявляла: «Я вот могу кило пряников съесть и не запивать ничем». Продавец пари принимала и добавляла, что если так и произойдёт, то она отвесит целый килограмм таких же пряников и бесплатно.

Женщина принималась за дело, а Бамбук заодно её поддерживал, приплясывая рядом с прилавком. Были те прянички очень чёрствыми. Покупатели с интересом подбадривали, и она, покончив с последним, бодренько говорила: «Давай, Валя, вешай мой килограмм». И продавец выполняла условия спора.

Гордые и довольные они с мужем уходили домой за три километра, а в деревне долго обсуждали этот случай.

Их дети и внуки давно уехали в разные города, и деревенька исчезла с карты района, а старожилы нет-нет, да и вспомнят это забавное семейство из Еланки.

Прокоп

Прокопу Иоанновичу в 1897 году (год переселения в Сибирь) было 13 лет. Так и жил он в Крутихе до самой смерти в 1965 году. Старожилы до сих пор помнят высокого седого старика, который не носил бороды, был высоким и чуть сутуловатым.

В избе на самом краю деревни он жил один. Его жилище отличалось от других деревенских изб. Ну, конечно, печка, занимавшая почти четвертую часть, деревянная кровать, застеленная дерюгой, стол и лавки – это как у всех. Но на почётном месте стоял самодельный станок, на котором дед Прокоп творил чудеса.

Все прялки в деревне были сделаны его руками, он точил веретёна, мастерил разного размера кадушки и бочонки, шил обувь и шубы, делал сани и гнул дуги, был лучшим на деревне кузнецом.

Был и ещё один редкий промысел, который потом в деревне был начисто забыт – Прокоп гнал в больших корчагах из берёзовой бересты для колхоза дёготь, которым смазывали колёса у телег и ходков. Мы – дети, и зимой

по глубоким сугробам, и летом через заросли конопли пробирались к дедовой избушке, рассматривали диковинные приспособления и старинные вещи, слушали увлекательные рассказы о жизни в «Расее», а рассказчиком дед Прокоп был просто необыкновенным.

Семья деда состояла из 11 человек – людей трудолюбивых и порядочных. Они вступили в колхоз, воевали на войне, работали от зари до зари, и никогда не оставляли друг друга в беде. Дед тоже не был брошен, рядом в избушке жила его дочь со своей дочкой, которые после смерти деда уехали в город и больше в деревню не приезжали. А племянница каждый год бывает на его могилке, да и многие ещё помнят деревенского умельца деда Прокопа.

«Гармония»

Как было её настоящее имя, не знаю. Эта прозвище накрепко закрепилась за ней, потому что говорила она в нос, растягивая слова. Так и запомнилась она: высокая, в поношенной юбке и серой кофте, сидящая на высокой завалинке перед подслеповатым окном своей крошечной избушки, у которой вместо крылечка лежало толстое полено.

Ребятишки собирались возле старухи и слушали её рассказы, похожие на народные сказки. Мужа покойного всегда вспоминала со слезами и горечью: «А чем он меня только не бил: и лавкой, и поленом, и ухватом, только печкой не бил, а об печку бил». При этом она вздыхала, смахивала слезу с морщинистой щеки и надолго замолкала, добавив, «Ну, суций домовый был»...

Не помню, чтобы к ней приезжали гости из города, а вот бабы деревенские часто бегали, чтобы пожаловаться на своих жестоких мужей. И на вопрос: «Где твоя жена?», мужик неизменно отвечал: «Поскакала к Гармоне за советом». Умерла она уже в старости, и односельчане оплакали её и похоронили на деревенском кладбище, а сейчас уж и могилку её никто найти не сможет.

Бабка Олёна

Её изба стояла рядом с нашим домом, двор зарастал летом высокой травой, и мы следили, когда бабка уйдёт

к сестре на другой конец деревни, перебирались через заплот, чтобы ползать в душистом разнотравье, изображая сыщиков и шпионов.

Из всей домашней живности были у бабки серый кот и пёстрая курица, которая через день обязательно должна была снести яйцо. Гнездо несущки было прямо на крыльце у входной двери, и когда яйцо было уже на месте, пеструшка извещала об этом громким кудахтаньем.

Для одного из моих братьев это было сигналом к началу операции. В узкую щель просовывалась тонкая рука, и яйцо исчезало, чтобы через пять минут превратиться в заветные шесть копеек для вечернего кино. Но бабку Алену наши проблемы не волновали, главное – яйцо в этот день должно было лежать в гнезде, но его не было.

Вечером отец восстанавливал справедливость, мама возвращала яйцо соседке, а мы все четверо получали свою порцию ремня, кто за содеянное, а кто в воспитательных целях.

Её бывший муж с новой семьёй жил на соседней улице, но они никогда не общались, да и сын из райцентра навещал не часто. А бабка, будто со всем смирилась, ходила в гости к двум своим сёстрам, была молчалива и дружелюбна, не проклинала судьбу и дожидая до глубокой старости.

«Зазноба»

Такое часто случалось в деревне после войны: погибли на фронте молодые, неженатые парни, а девушки незаметно превратились в «перестарков». Одни решались родить ребёнка без мужа, вырастить его и дожидаться в старости внуков. Некоторые до конца дней оплакивали погибших женихов и жили одиночками. Но встречалась в деревне и долгая любовь между женатым мужем и одинокой женщиной.

Они много лет встречались тайком, он помогал ей, чем мог. Наверное, в этой связи была для них какая-то отдушина и от семейной жизни, и от долгого одиночества. Прошло много лет, его дети уехали жить в город, потом умерла жена, а она схоронила своих престарелых родителей. Теперь ничто не мешало им сойтись и жить вместе, но они

не торопились, продолжали встречаться то в его избе, то в её домике.

Потом они стали жить вместе, правда, на людях вдвоём старались не показываться. Такая идиллия продолжалась недолго. Однажды утром она всё-таки перенесла назад в свой домик нехитрые пожитки, и история их многолетних встреч продолжалась. Наверное, они так и не смогли приспособиться жить под одной крышей, или так их любовь была более крепкой, или ещё что-то – никто не знает.

Татьяна

Её так и зовут все в деревне Татьяна вот уже 93 года. Высокая, статная с величавой походкой, кажется, что она не меняется внешне вот уже лет сорок, только в крепкой руке появилась палка. Она её шутливо называет цапок.

Жить приходится у дочек: то у Лиды, то у Тони, то у Гали, и от этого живёт в душе обида, что нет своего уголка, где жила со своим беспокойным и неверным мужем. Часто вспоминает, как с младенцем на руках десять километров прошла до соседней деревни, где муж-бригадир удачно пристроился у бездетной молодухи.

«Ну, ничего, вернулся-таки и жил уже до конца дней своих в семье, куролесил, обижал, но детей-то было шестеро, надо было их на ноги поднимать», – говорила она.

У неё удивительная память, которая хранит сотни обрядовых песен, молитв и заговоров. Татьяне Бог дал удивительной красоты голос, потому она всегда пела, ездила на песенные праздники даже в областной центр, и сейчас охотно поёт, вкладывая всю душу в удивительную народную песню.

Моя деревенька исчезает, уезжают молодые семьи, дети забирают пожилых родителей на новое место жительства, зарастают поля, ветшают дома. Я давно уже живу в райцентре, но сердце моё там, на крутом берегу таёжной речки Майзасс, на широкой улице моей деревни, в нашем старом доме, где живёт моя старенькая мама Олимпиада Васильевна, и где под окном буйно растёт черёмуха, которую посадил мой отец в далёкие шестидесятые годы.

Я вожу моих внуков на деревенское кладбище на могилы моих дорогих родственников и земляков, в заросший школьный сад, на любимую земляничную поляну у разрушенной мельницы. Я хочу, чтобы мальчик и девочка знали и помнили малую родину, которая согревает в любых невзгодах и испытаниях. В краеведческом музее Кыштовской школы старые вещи хранят тепло рук мастеров, со старых фотографий смотрят прекрасные и мудрые глаза моих знакомых и соседей, оживает история моего края, моей маленькой деревеньки с названием Крутиха.

Прасковья Савинова

Кыштовский район

Душа хирурга

Районная Доска Почёта...Фотографии, надписи под ними, словно книга, знакомящая с людьми разных профессий и судеб. Вглядываешься в портреты и видишь каждого человека в деле. Вот фотография учителя. Медсестры. Водителя. Продавца. А вот девять портретов размещены на отдельном стенде. Сверху надпись «Почётные граждане Кыштовского района». С замиранием сердца, гордостью всматриваюсь в самую первую фотографию, на которой мой дедушка, первый человек в районе, который был удостоен такого высокого звания.

Имя Александра Трофимовича Дроздецкого, известно всем в нашем районе, потому что с февраля 1963 года долгие годы он работал единственным на весь район хирургом. Родился дедушка в селе Кыштовка 16 июня 1939 года в семье учителя и домохозяйки.

Отец погиб в 1942 году на фронтах Великой Отечественной войны. В семье было пятеро детей, он был младшим. Трудное военное и послевоенное детство. С детских лет мечтал стать хирургом. Его сверстники вспоминают, как дедушка тренировался делать уколы на овощах и игрушках. После окончания Кыштовской средней школы осуществил свою мечту – поступил в Новосибирский медицинский институт.

Окончив его, возвратился в родную Кыштовку, где более сорока лет проработал хирургом, двадцать один год из которых был заведующим хирургическим отделением. Хирург – это благородная профессия, ведь на его плечи возлагалась огромная ответственность за жизни людей. Про дедушку всегда говорили и до сих пор, вспоминая, говорят: «Хирург от Бога».

Тысячам людей он спас жизнь, вытаскивал «с того света», многим помог выздороветь, всегда боролся за человеческую жизнь до последнего. Очень переживал за неудачный исход, ведь, к сожалению, не все оперативные вмешательства были успешными. Он был готов оказать помощь в любое время суток, даже тогда, когда и сам был болен. Дедушка обладал всеми необходимыми качествами, которыми должен обладать настоящий хирург: ответственность, выдержка, решительность, высокий интеллект, превосходная моторика, отличное знание своего дела.

А какой физической выносливостью он обладал, ведь иногда приходилось по несколько часов проводить у операционного стола! Порой, бывало, не успеет отойти от него, а уж на очереди следующий пациент, которому требовалась хирургическая помощь. Ни днём, ни ночью, ни в будни, ни в праздники не было покоя. Ведь не зря Антон Павлович Чехов говорил: «Профессия врача – подвиг. Она требует самоотверженности, чистоты духа и чистоты помыслов».

Действительно, своим каждодневным трудом он совершал настоящий подвиг, даря людям шанс на выздоровление и жизнь. Пришлось также поработать ему и лором, и патологоанатомом, и судмедэкспертом.

Самое уникальное, я думаю, в характере дедушки было очень редкое сочетание таких качеств, как хладнокровие и высокий лиризм. Хладнокровия требовала профессия хирурга, а по натуре он был лирик, сочинял в свободное от работы время прекрасные стихи. Я думаю, это было его отдушиной после тяжёлых операций.

В своих стихах он воспевал родной край, признавался в любви к Родине,

восхищался героизмом народа в годы Великой Отечественной войны.

Его стихотворения печатаются в местных газетах, декламируются на различных торжественных мероприятиях, переключаются на песни. И самое важное, они пользуются у односельчан большой популярностью. И хотя они порой не совсем складные, не всегда в них присутствует рифма, зато есть в них главное – любовь.

Любовь ко всему: к природе, к жене, к детям, к пациентам, любовь к родной Кыштовке. «Люблю я тебя, дорогая!» – так он признавался в любви всем. Он любил свой родной край за то, что «здесь травы густые стоят все в росе, и солнце волшебное утром встает, и грозы гремят высоко в небесах, и зреют хлеба на бескрайних полях»

Когда читаешь эти строки, то и сам наполняешься любовью ко всему, что любил мой дедушка. Александр Трофимович был не только прекрасным хирургом и поэтом. Он был замечательным семьянином, мужем, отцом, дедом. ... »душа в душу» прожил он со своей женой Ниной Даниловной, работающей лаборантом в поликлинике. Воспитали достойных детей: сына и дочь. Дочь, Наталья Александровна, продолжила дело отца. Работает хирургом в нашей больнице, также спасая людей. Сын Владимир – офицер полиции. В настоящее время, работает в больнице главным инженером по охране труда. А как он любил нас, внуков!

Высокие человеческие качества, преданность своему делу, верность клятве Гипократа, многолетний трудовой и жизненный подвиг, щедрость души по достоинству были оценены Родиной. Мой дедушка награжден медалью «К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина» (1970), орденом Трудового Красного Знамени (1974), ему вручен знак «Отличник здравоохранения» (1975).

Первым в районе он удостоен звания «Почётный гражданин Кыштовского района». И я считаю, что это вполне заслуженно. Он внёс немалый вклад

Александр Трофимович Дроздецкий

в историю не только нашего района, но и области, страны в целом. К сожалению, дедушки не стало в 2012 году. Но он всегда останется в памяти родных, близких и односельчан замечательным Хирургом, Творцом, Гражданином и Человеком с большой буквы.

Виктория Дроздецкая

Болотнинский район

Евгений Шкробов, герой Афганистана

Шкробов Евгений Иванович, выпускник школы № 21 1986 года, родился 7 марта 1969 года в г. Болотное. После школы учился в Новосибирском электротехническом институте. В армию был призван 20 мая 1987 года Ленинским военкоматом г. Новосибирска. С 10 сентября 1987 года служил в Республике Афганистан разведчиком-пулемётчиком. Умер 27 мая 1988 г. от тяжёлого ранения на месте взрыва мины на дороге Газни – Гардез в провинции Кабул Республики Афганистан.

За мужество и героизм, смелость и решительность в боях награждён орденом Красной Звезды и юбилейной медалью «70 лет Вооруженных Сил СССР», посмертно. Похоронен в городе Болотное.

Учась классе в седьмом, Женя сказал своей маме Людмиле Петровне: «Мам, фамилия у нас какая-то незвучная. Но ты не волнуйся, она ещё зазвучит». И зазвучала Женина фамилия! Родина оценила его подвиг. Правда, награды вручали уже маме, Шкробовой Людмиле Петровне: юбилейную медаль «70 лет Вооруженных Сил СССР», медаль «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа» и орден Красной Звезды.

Ученики 21 школы, где Женя проучился 10 лет, написали письмо в «Комсомольскую правду», чтобы имя Евгения Ивановича Шкробова, погибшего 27 мая 1988 года, попало в «Книгу памяти».

Памятная табличка есть на парте, за которой он сидел. На табличке, что прикреплена на стене школы, – 17 фамилий выпускников школы, погибших

в годы Великой Отечественной войны, 18-я – Женина: «В нашей школе Женя учился с 1 класса».

Из его характеристики, сохранившейся в школьном архиве: «Способный, целеустремлённый юноша. По характеру живой, активный, порой нетерпеливый, общительный, дисциплинированный, в коллективе уживчив. В поведении преобладали обдуманные поступки. Работать умел хорошо и споро.

В 9 классе был ответственным за сектор порядка в учкоме школы. В 10 классе – член комитета ВЛКСМ, возглавлял военно-патриотический сектор. Был руководителем секции консультантов в военно-спортивной игре «Зарница». В военизированных играх хорошо переносил все трудности. За время прохождения НВП показал следующие результаты:

огневая подготовка – 4, строевая – 4, знание уставов ВС СССР – 5, знание стрелкового оружия – 5.

Увлекался спортом, был чемпионом школы по шахматам. Занимался в баскетбольной и волейбольной секциях. Имеет права водителя мотоцикла».

...Женя Шкробов мечтал быть лётчиком. Сначала он поступил в училище Омска, потом – в НЭТИ, на факультет самолётостроения, а оттуда ушёл добровольцем в Афганистан. Хотя мог туда и не попасть: мать одна воспитывала троих детей. Старший брат Олег уже был в армии. Дома мама и сестра. Он часто помогал им в ведении домашнего хозяйства.

Из воспоминаний Галины Геннадьевны Устиновой, школьной учительницы Е. Шкробова: «Рос Женя, как все мальчики, шустрым, непоседливым. Много читал о войне. Все тетради были изрисованы танками, пушками, самолётами. До службы, как и все мальчишки, знал о войне только по книгам, мечтал быть лётчиком. Главной чертой его характера была общительность. Из школьных предметов больше всего любил историю. Заслушивался на уроках, которые вела Зоя Владимировна Высоцкая... С болью в сердце вспоминаем, что нет с нами Жени Шкробова. В весенние дни 1989 года ему исполнилось бы 20 лет».

В своём первом письме из Афганистана он писал: «Всё не могу поверить, что нахожусь в той стране, где идёт настоящая война, хотя почувствовал это, когда сели в вертолёт, выдали парашюты, установили пулемёт с боекомплектom».

Женя был хорошим солдатом, нежным братом, заботливым и любящим сыном. В одном из писем к матери он писал: «Я хочу, чтоб тебя не коснулась беда, мама. Чтобы не слышала ты свиста пуль и разрывов гранат. Ведь не зря твои сыновья держат в руках оружие». Да, не зря.

Строки из письма командира взвода старшего лейтенанта Сабельникова Сергея Леонидовича сестре Евгения Шкробова – Марине: «...Вы просите рассказать, как жил в Афганистане ваш брат Женя. Что вам сказать? Здесь у нас все живут одинаково. И офицеры, и солдаты все вместе. В моей памяти Женя остался хорошим человеком и добросовестным солдатом. В повседневной жизни опрятен, я даже ставил его в пример солдатам. Ему легко давались знания, как положено, знал наизусть Устав. Евгений принимал участие в боевых действиях. И тут он себя показал с хорошей стороны. Вы можете гордиться своим братом. А то, что он погиб...знаете, – это несправедливость

жизни. Если бы вы знали, сколько мы отличных ребят потеряли. Это горько осознавать. Но что поделаешь, не мы придумали эту войну».

А вот строки из второго письма от командира взвода Сабельникова: «Получил ваше письмо. Ну что я вам могу рассказать о смерти Жени? Машина, на которой он ехал, шла в колонне, здесь есть такие мины, которые взрываются не сразу. Вот именно на такую и наехала машина. Взрыв пришёлся в основном на то место, где сидел Женя. После подрыва всех, кто сверху, разбрасывает на большие расстояния, все ребята получили контузии. А Женю тяжело ранило. Его сразу же отправили в госпиталь. А из госпиталя нам сообщили, что он умер. Не приходя в сознание...».

Из воспоминаний Галины Геннадьевны Устиновой, школьной учительницы Жени: «...О гибели Жени мы узнали 3 июня. Шли экзамены. 10 класс сдавал литературу. Хоронили Женю 6 июня. Столько было народу, казалось, всё Болотное собралось у дома Шкробовых. Очень много было цветов, особенно огоньков и тюльпанов. Григорий Никифорович (учитель) сделал каркас звезды, украсили её еловыми ветками и огоньками. Подошла минута прощания. Проститься с Женей пришли учителя и одноклассники. Принесли его любимые конфеты – арахис.

За гробом шли родные, солдаты, друзья, одноклассники, учителя. А на улице Московской, почти до самого кладбища по обеим сторонам, как на демонстрации, стояли люди и плакали. На похоронах звучали прощальные речи, ребята-афганцы опустили гроб, и все присутствующие кинули на него по горсти земли, как положено. И вот уже вырос бугорок. Вот и всё... На следующий день восьмиклассники писали экзаменационное сочинение. И многие ребята писали о Жене. «Голос совести слышу в себе...».

Евгений Иванович Шкробов

Мама героя Людмила Петровна Шкробова

А через несколько дней после похорон пришло запоздалое письмо из армии, написанное за два дня до гибели: «Здравствуйте, мои родные! У меня всё хорошо. Служба идёт, время летит быстро. Как там мои одноклассники? Мои друзья? Наверно, девчонки замуж повыходили. Как там наши мужики из класса? Этой осенью уже начнут из армии приходить. Вот и всё! До встречи. Целую всех».

В школе, где Женя учился, ученики и учителя всегда будут помнить о нём, в его честь открыта мемориальная доска.

Женя Шкробов мечтал о героическом, и стал героем.

Галина Шевень

Кольванский район

Его величество Футбол

Как мы пришли в футбол? А нам было с кого брать пример. Старший брат Валеры Руднева, Борис, был вратарём сборной команды Кольвани, сборной команды Новосибирской области ДСО «Урожай»; Николай Владимирович Коренюгин, фронтовик – один из основателей футбольной команды в Кольвани. (Коренюгин награждён орденом Красной Звезды за спасение своего пилота-штурмовика. Он ране-

ного пилота ползком, на своих плечах перенёс через линию фронта к своим.)

А ещё – Василий Ефимович Беляев. Он долгое время возглавлял спорт в Кольванском районе. Человек азартный, всё делал на футбольном поле весело, чем заражал команду.

Они часто после игр собирались у Рудневых. Делились впечатлениями, обсуждали удачу и промахи в игре. Они были для нас первыми тренерами.

Тренировались мы вначале в ограде дома. Благо, ограда была большая. Помню, как мы собрали металлолом и на вырученные деньги купили мяч со шнуровкой. Радости не было предела. И вот как-то бьём по воротам. И один «удачный» удар пришёлся в цель под воротами. Мяч выкатился на улицу – и единственная «полуторка», проезжавшая мимо, раздавила его. Вот было горе! Снова – металлолом и покупка нового мяча. Затем мы начали заниматься на стадионе.

Это сейчас в Кольвани стадион. А тогда это была просто поляна с двумя футбольными воротами да примитивной волейбольной площадкой. Но, несмотря на слабую материальную базу, спорт в Кольвани развивался. Играли улица на улицу, затем начала формироваться юношеская сборная Кольвани. Первыми к нам влились ребята восточной части села: Николай

Халин, Николай Лазарев, Виктор Ветров, Саша Степанов, Виктор Дьяков. Затем западной: Юра Саперов, Владимир Сажин, Валерий Стреж. Пришли в команду Виктор Ясонов, Валера Капущенко, Борис Ионычев.

Играли мы по общепринятой тогда системе «Дубль В». С пятью нападающими, двумя полузащитниками и тремя защитниками. Валерий Руднев был центральным нападающим. И, конечно, он заслуженно считался лучшим игроком, технически и тактически подготовленным футболистом, стал капитаном команды.

Тренировались мы самостоятельно, и Валера что-то выдумывал, показывал новые приёмы работы с мячом. Посмотрев на наши «мучения» и усердие, за нас взялись В. Н. Коренюгин, Б. Н. Руднев, В. Е. Беляев.

Валерий Руднев

Впервые наша сборная Колывани приняла участие в областных зональных соревнованиях в Коченево. Особенно запомнилась игра со сборной командой Новосибирского района. Взрослые дяди против нас, пацанов. Первый тайм они ведут 3:0. Сидим в перерыве под трибуной, настроение ужасное. И тут наши тренеры всячески нас тормозят, поднимают настроение. А Коренюгин говорит: «Надо поставить Валеру Стрежа вплотную к их центральному защитнику. Он не будет давать ему играть и пасы будет отдавать». Так и сделали во втором тайме. И решение тренера оказалось очень правильным. Защитники противника занервничали. Голы во втором тайме забил Валера Руднев, Виктор Шальнев, Валера Стреж! Дополнительное время. Володя Сажин с моей подачи забивает решающий гол! Мы в финале области! Едем в Куйбышев.

В Куйбышеве мы заняли четвертое место из восьми финалистов, однако получили кубок за техническую игру. В Куйбышеве произошёл забавный случай. На воротах команды Тогучина стоял друг Бориса Руднева, член сборной области Шаркань. Валера сумел забить ему гол. Шаркань вечером пришёл в нашу команду и долго не мог поверить, что гол ему забил младший Руднев.

Самым значительным событием для нас, футболистов Колывани, был финал кубка области в Краснозёрке в 1972 году. Краснозёрские футболисты – неоднократные чемпионы области. В их составе играли знаменитые братья Локтионовы. Один из них затем играл в профессиональном футбольном клубе Южной Кореи. Играли они с нами жёстко, на грани фола. Но команда выстояла, выдержала и победила. И, конечно, ведущим игроком, мозгом команды был он, Валерий Руднев.

Голы тогда забил молодой игрок Сергей Дрожжин. Мы победили 2:1 и стали чемпионами Новосибирской области.

Команда проявила в той игре самоотверженность, технику и тактическую грамотность. Несмотря на смену поколений, свой высокий уровень проявили как ветераны, так и молодые футболисты: Сергей Дрожжин, Петр Полев

и другие. Валерий Руднев, единственный из колыванцев, тренировался и играл за Новосибирский спортивный клуб Армии.

Геннадий Шальнев

Колыванский район

Улица Макарова

Уходят века, люди, события, но память о них остается в делах, воспоминаниях, в названиях городов и сел., улиц и площадей.

Наверное, каждому человеку интересно знать, как жили его далекие и близкие предки, где истоки родного

села или города. Мы имеем возможность изучать историю своего села, своей родины. Малая родина, которая есть у каждого человека, дорога каждому по-своему. Но, я расскажу историю переименования улицы Почтовой в улицу Макарова в селе Скала. Она связана с очень интересным фактом, что в простой сельской семье родился замечательный человек, Василий Иванович Макаров, заслуженный артист РСФСР, который добился

в своей жизни признания и любви миллионов зрителей.

20 марта 1981 года на заседании исполкома Скалинского сельского Совета народных депутатов было принято решение: переименовать улицу Почтовая на улицу имени В. И. Макарова.

Василий Иванович Макаров родился 12 января 1914 года в селе Скала Колыванского района Новосибирской области, в многодетной семье крестьян – рыбаков. Он был самым старшим в семье. Его детство и юность прошли в удивительно красивом селе Скала, расположенном на высоком берегу Оби. Макаров нежно и с большим уважением относился к своим родителям, сёстрам и братьям и всегда гордился ими. Его мама, Агафья Ивановна, была статная, красивая женщина, сдержанная, терпеливая, трудолюбивая и мудрая. Василий Иванович внешне был очень на нее по-

хож. А отец, Иван Николаевич, был артистичным человеком. Дед Василия, Николай Афанасьевич, был кладезем юмора и мудрости.

Определенно, чувство юмора Василию передалось от деда и отца. Природа не обидела Макарова и щедро наделила его талантом. Он умел играть на гармошке и гитаре, хотя нигде этому не учился, хорошо рисовал, прекрасно копировал других людей, был остроумным человеком. Он с детства тянулся к искусству, и эта тяга, в конце концов, привела его в Новосибирский ТЮЗ.

До 1930 года Василий Иванович жил в селе Скала, в 16 лет уехал учиться в Новосибирск. Актриса ТЮЗа, Е. Г. Агаронова вспоминала самую первую встречу с В. И. Макаровым: «Раздался робкий стук, и в дверях появились три паренька, явно из деревни, прошагавшие не один километр дороги. Они чинно выстраиваются по росту. Сразу привлекает внимание самый высокий. Ему лет 16–17. Он с рыжевато-каштановыми кудрями. У него огромные серо-голубые глаза, с опущенными, как у девушки, красивыми ресницами. Он румян, светел ликом и статен, как царевич Иван. Паренёк, улыбнувшись белозубо и ясно, сказал, что они пришли пешком из Колывани «учиться на артистов». (Один, из паренёков был Алексей Сорокин, который стал потом ведущим танцовщиком Музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко. Василий Иванович дружил с ним до конца своих дней).

В ТЮЗе у Макарова были прекрасные педагоги – Николай Фёдорович

Василий Иванович Макаров

Дом, где родился и жил В. Макаров

Михайлов и Елизавета Дмитриевна Головинская. Память и благодарность к этим людям он пронёс через всю свою жизнь. Очень много играл, его любимыми ролями были Павка Корчагин, Труффальдино в «Слуге двух господ», братья – близнецы в «Комедии ошибок». Роли играл разноплановые: от комедии до трагедии.

О своей работе в Московском Художественном Академическом театре им. М. Горького он всегда вспоминал с благоговением. Встреча с прославленными корифеями МХАТа была для него трудной, но прекрасной школой. Перед премьерой «Дней и ночей» К. М. Симонова Ольга Леонардовна Книшпер-Чехова подошла к нему, поцеловала и перекрестила перед выходом на сцену. А Борис Добронравов после выхода спектакля написал о Макарове очень теплую статью. Партнерами Макарова были такие выдающиеся актёры, как Тарасова, Ливанов, Грибов, Топорков, Гошева, а режиссёр Михаил Кедров сказал об актёре: «Это такая хорошая глина, лепи, что хочешь».

После спектакля «Дни и ночи», Василий Иванович подружился с К. М. Симоновым, и их дружеские отношения продолжались до конца его жизни. В. И. Макаров награждён орденом «Знак Почёта», ему присвоено звание лауреата Государственной премии, а в 1945 году присвоено звание «Заслуженный артист РСФСР».

Затем была работа в Театре Советской Армии и встреча с выдающимся режиссёром Алексеем Дмитриевичем Поповым. На сцене театра Макаров сыграл несколько главных ролей, он часто говорил, что роли, которые он играл во МХАТе и в Театре Советской Армии, были похожи друг на друга и малоинтересны для актёра. Лучшие свои роли он сыграл в Новосибирске.

Любимым писателем у него был А. П. Чехов. Когда под рукой не было новой интересной книги, он всегда брал с полки томик Чехова и с удовольствием перечитывал его рассказы и письма.

Его отношения к кино было двойственным. Он очень любил кино как

зритель, а зритель он был благодарный: смеялся и плакал в кино, как ребёнок. А как актёр он относился к кино как к чему-то вторичному. Он считал себя театральным актером и истинное наслаждение получал от хорошо сыгранного спектакля. Ему часто предлагали интересные и большие роли в кино, но дирекция театров, где он работал, не отпускала его на съёмки, потому что он вёл репертуар.

Самой большой и удачной его работой в кино был фильм «Бессмертный гарнизон» по сценарию К. М. Симонова. Театр Советской Армии, где он тогда работал, отпустил его на съёмки на целый год, освободив от спектаклей только потому, что Симонов, который хотел, чтобы только Макаров играл Батурина – главную роль, сделал всё возможное для этого. У Василия Ивановича было много ярко сыгранных ролей: «Высота», 1957 г. (в роли И. Р. Дерябина), «Високосный год», 1961 г. (в роли Л. Н. Куприянова), «Увольнение на берег», 1962 г., «Живые и мёртвые», 1962 г.

Всего пятьдесят лет жизни даровала ему судьба. Василий Иванович Макаров использовал это драгоценное время с пользой для отечественного театра и киноискусства.

И в семье Василий Иванович был счастливым человеком. У него была прекрасная жена Ася Тимофеевна Березовская и дочь Наташа. В селе Скала свято чтут память о своём знаменитом земляке. Они гордятся таким земляком и передают память о нём из поколения в поколение.

Лилия Потеряева

Краснозёрский район

Жизнь леса и судьба человека

С высоты птичьего полёта можно уз-
нать границы нашего Краснозёрского
района.

Внимание привлекает бархатная
строчка лесополос, расположенных
ровными квадратами на распахан-
ных хлебных полях, а также вдоль трассы
больших дорог, соединяющих сёла рай-
она.

Это и есть рукотворные леса
Краснозёрья. Район наш степ-
ной, но люди превратили степ-
ные просторы в лесостепные.

Огромная заслуга в этом
заслуженного лесовода
РСФСР – Леонида Иосифови-
ча Швадленки.

Леонид Иосифович родил-
ся 7 ноября 1921 года в семье
чешских эмигрантов, которые
приехали в Россию после ре-
волюции 1917 года строить Со-
ветскую власть. Со временем
родители вернулись на Роди-
ну, а Лёнек (это его чешское
имя) остался там, где вырос – в Сара-
товской области.

Выбрал себе самую мирную про-
фессию – стал студентом Саратовского
сельскохозяйственного института, ле-
сотехнического факультета. Но учёбу
прервала война.

Старший лейтенант Швадленка
был смелым и отважным командиром,
за что и получил две медали «За отва-
гу». После тяжёлого ранения в ногу он
попал в эвакогоспиталь города Барна-
ула.

После окончания войны он заканчи-
вает институт. Работая по специаль-
ности, посадил на Саратовщине 6 тысяч
гектаров леса. В 1964 году Леонид Ио-
сифович был награждён Значком «За
сбережение и приумножение лесных
богатств РСФСР».

Приехал он в Краснозёрский район
один, без семьи и жил только работой.
В 1967 году опытный специалист воз-
главил Краснозёрский лесхоз, получив
из техники только два трактора. С этого
времени в Краснозёрском лесхозе про-

изошли перемены, началось активное
озеленение района. Требовательный
руководитель, хороший хозяин и ду-
шевный человек, Леонид Иосифович
всех заражал своим энтузиазмом.

Он брал в руки лопату и начинал
копать первые ямы для саженцев, учил
людей правильной посадке деревьев.
Его нередко можно было видеть стоя-
щим на коленях перед посадками (так
давала о себе знать раненая нога).

Ежегодно миллионы саженцев вы-
саживались населением нашего рай-
она вдоль дорог, на улицах сёл, на при-
легающих к различным организациям
территориях, в пионерском лагере и са-
натории, на усадьбах жителей посёлка
Краснозёрское.

Лес нужен был, чтобы приостано-
вить сильные ветры, дующие из Казах-
стана.

Создаётся питомник, где выращи-
вают самые разные породы деревьев,
многие из которых краснозёрцы видели
впервые: облепиха, белая и венгерская
сирень, орех маньчжурский, барбарис,
липа, пирамидальный тополь, дуб.

Леонид Иосифович любил путеше-
ествовать и из каждой поездки по Рос-
сии привозил семена новых растений,
посадочный материал. Он эксперимен-
тировал, привлекая к работе в районе
учёных и специалистов. Лесопосадоч-
ные полосы состояли из трёх ярусов:
тополь или берёза – верхний, облепи-
ха или дикая яблоня – средний, степ-
ная вишня или серебристая смороди-
на – нижний. Более тридцати видов
редких деревьев прошли акклиматиза-
цию в местном питомнике.

В 1977 году он получает Бронзовую
медаль Выставки достижений народ-
ного хозяйства СССР «За внедрение
плантажной вспашки земли под ле-
сопосось». А это было большим нова-
торством в отрасли и заключалось оно
в том, что плодородный слой земли
опрокидывался вниз и питал корне-
вую систему, а на верхнем слое глины
рос сорняк, что освобождало лесников
от очень трудоёмкой работы по пропол-
ке.

За большую экономию от создания
лесополос в Краснозёрском районе (290
тыс. руб. в год), Указом Президиума
Верховного Совета РСФСР от 17 мая

Старший лейтенант
Швадленка

1980 года Л. И. Швадленка было присвоено звание «Заслуженный лесовод РСФСР».

В 1985 году Леонид Иосифович и три его сотрудника были отмечены Серебряной медалью Выставки достижений Народного хозяйства в Москве».

Летом 1987 года группа канадских учёных изучала опыт наших лесоводов, они были очень удивлены системой наших лесозащитных полос и масштабом этой трудоёмкой рукотворной работы.

Уже уйдя на пенсию, Леонид Иосифович создаёт у нас в районе опорный пункт ВНИАЛМИ (институт мелиорации), чтобы продолжить изучение результатов деятельности лесополос и возможности замены их другими породами деревьев. Если раньше требовались быстрорастущие деревья для защиты от ветров, то теперь их нужно было заменить на более благородные и долговечные.

Будучи пенсионером, Леонид Иосифович вёл большую работу по распространению знаний о лесе среди школьников.

Итогом деятельности Леонида Иосифовича в Краснозёрском районе осталось 5,5 тысячи гектаров лесополос, прекрасное здание конторы лесхоза, детский сад, жилые дома для сотрудников, лесопитомник, цех по переработке древесины.

Он был первым председателем районного Совета ветеранов, создал хор ветеранов и сам был его великолепным солистом. Имел 18 правительственных наград.

Он и сам был похож на большое сильное красивое дерево с голубыми как небо глазами и пышной копной седых волнистых волос. Человек очень скромный и даже скрытный, он никогда не рассказывал, почему жил один и как оказался в Сибири.

Ходили слухи о том, что во время войны погиб весь его взвод, и в память о погибших товарищах он сажал деревья.

Памятный знак

Леонид Иосифович Швадленка умер 8 ноября 2000 года.

Это он оставил после себя шуметь листвой тысячи гектаров лесополос. Это и его заслуга, что степь стала лесостепью. Это он заложил аллеи и скверы, которые украшают наш посёлок и по сегодняшний день.

Краснозёрцы уважительно отзываются о Леониде Иосифовиче. 28 июня 2008 года ему было присвоено Звание Почётного гражданина нашего р. п. Краснозёрское. В память о нём на ул. Заводской установлен памятный знак и заложен сквер его имени.

Галина Додонова

Леонид Иосифович Швадленка

Болотнинский район

Зеленый чай

Из окна моей детской комнаты, с высоты второго этажа, хорошо был виден заснеженный просторный двор, высокий сеновал напротив, а под ним теплые бревенчатые стайки, но только в нашей, самой крайней справа, жила корова Зорька. А если расплющить нос и посмотреть направо, то была видна труба Красного уголка Дистанции пути, а слева Красная и очень красивая водонапорная башня. Наступал 1961 год. На улице бушевала вечерняя и обильная метель, а в доме вихрилась и путалась своя суета – готовился новогодний стол, уже подошли первые гости с подарками и в моем укромном углу, как и у старшей сестренки, копилась конфеты и душистые апельсины. Потом пришла толпа гостей, и с клубами пара в коридор протиснулись девочка, основательно укутанная шалью и мальчишка в шапке с опущенными и завязанными под подбородком ушами. Мама начала помогать им раздеваться, а взрослым крикнула, выглянув на лестницу:

– Там веник в углу, обметайтесь.

Женщины все время смотрелись в зеркало, которое отец недавно прикрепит к стене в коридоре. Они украшали себя блесками, кокетничали и смеялись. Но вот отец пронёс в гостиную комнату огромную чашку с парящим картофелем и все, как по команде, расселись за праздничным столом.

– Наливай! – командовал отец и откупорил бутылку водки, ловко сорвав с горлышка пробку в виде металлической бескозырки.

– Хлеб! – всплеснула руками мама. – Опять про хлеб забыла!

Она умчалась на кухню, а я хочу признаться, что всю последующую жизнь она всегда забывала поставить на стол хлеб.

– А что, Тельпухова не будет?

– Никто, Ивановича редактор в Кандереп отправил, срочный репортаж в первый номер.

– А на чем он в такую метель?

– Он, на райкомовской кошёлке.*

– На кошёлке – это полегче? А что другого дня не нашлось?

– Товарищи, да что вы волнуетесь, в Кандерепе он новый год встретит, холостяку в любой деревне рады! Не дурак же он в такую метель ехать – перемело даже в Болотном.

Мы играли в детской комнате, потом в просторном коридоре, потом на печи и полатях, но самое интересное, конечно, разыгрывалось за столом. Гости уже шумели и наперебой предлагали тосты. Отец решил похвастаться новым приобретением – радиолой «Рекорд» и поставил пластинку с модной песней: «Течет река Волга, а мне семнадцать лет». Но на него нашумели и сказали убрать музыку. И опять тосты, и уверенные разговоры о новом счастье и достижениях. И вот наступил торжественный момент Нового года: включили приемник и все встали в ожидании Кремлевских курантов. Но дверь вдруг отворилась, и в дом ввалился Тельпухов, весь в снегу. Он сорвал шапку ушанку, обрызгал нас холодным снегом и закричал:

– Я приехал, ребята! Я прорвался!

– Коля! Ты?!

В это время приемник ударил куранты.

– Один! Два! Три! – считали все хором, а Тельпухов уже скидывал тулуп, под которым оказалось ещё и пальто. – Четыре! Пять! Шесть! – для его прибора разгребли место на столе, тут же шумно раздвинули стулья для табурета. – Семь! Восемь! Девять!

– Коля! Держи! – мама протянула Тельпухову фужер:

– Десять! Одиннадцать! Ура!!! – И гимн! Самый лучший гимн в мире, самой счастливой страны – Советского Союза.

Тельпухов нам очень понравился, он был самым смешным. Он бурно рассказывал, как Кандерепские мужики проводили его, пробивая, как трактором, дорогу своими тяжелыми санями, перед его легкой кошёвкой* до самой Турнаевской развилки, и только потом отпустили одного ехать в Болотное. Задание он выполнил, передовиков сфо-

* Кошёвка – легкие сани с плетеными бортами.

тографировал, интервью взял и теперь в первом Новогоднем номере газеты «Путь Ильича» будет обширный рассказ о героях труда из Кандерепа.

Мы с сестрой и малыми гостями сидели под праздничным столом и шалили. Нас пару раз уже выгоняли, но мы по-партизански пробирались опять в комнату и прятались под столом. Вдруг Тельпухов отодвинул свой табурет и сказал:

– Ребята! Я такое стихотворение сегодня написал! Хотите, прочту? – и, не дожидаясь согласия гостей, он встал на табурет и в его руке чудесным образом появился тетрадный лист бумаги, и он начал читать:

Вы пили чай
Заваренный смородиной,
Побегами почти с загаром девичьим
И листьями, как башенки,
зубчатыми,
Прохладными от утренней росы.

Николай Иванович не читал, он кричал свое стихотворение, делая удивительные акценты, то возвышая голос до громогласного, то понижая, чуть ли не до шепота:

Встревоженные,
Лягут вам в ладони,
Пахнут в лицо лесной глубинной све-
жестью.
Потом, в реке промытые, повиснут,
Покорные,
Смиренно и бессильно.

Н.И. Тельпухов
вернулся
из командировки

Я слушал и не понимал, почему если это стихотворение, то такое не складное. Я уже знал несколько и они все читались легко и в рифму:

Молитвенно сложив ладони листьев
Над котелком с клокочущей водой.
И на минуту ярь смилив кипенья,
Вдруг одарят нежнейшим ароматом,
Таким исконно русским
Что с другими
Его не перепутать никогда.

Мне показалось, что комната наполнилась запахом смородины. Тельпухов спустился с табурета со счастливым видом победителя и все разом, и вдруг захолопали в ладоши.

А я понял, что к нам домой пришел настоящий поэт.

Виктор Гонцов

Новосибирский район

Большое будущее

Вы бывали в Краснообске? Это моя малая родина, я здесь родилась и живу 14 лет. Давайте я проведу вам виртуальную экскурсию. Начнём мы знакомство с посёлком с институтской аллеи. Именно отсюда начиналось строительство. А было это в 70-е годы. Подойдём к бюсту Синягину. Ираклий Иванович приехал из Москвы и возглавил научный центр. Те, кто работал с ним, вспоминают о первом президенте ВАСХ-НИЛа, как о человеке образованном, интеллигентном, одержимом. Уникальность научного городка состояла в том, что строился он на средства, заработанные на коммунистическом субботнике.

Вдоль институтов с двух сторон – живописная аллея, она посажена жителями посёлка в честь 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина, в ней 100 деревьев: берёзы чередуются

с рябинами, и через несколько дней эта аллея преобразится под кистью художницы Осени. А как красиво здесь весной, когда яблони цветут и сирень!

Институт экономики, механизации, растениеводства, кормов, ветеринарии – все они во главе с учёными трудятся для того, чтобы поднимать сельское хозяйство страны. На опытных полях выращиваются новые сорта. В лабораториях создаются усовершенствованные приборы.

Даже на базе СОШ № 1 создали Малую академию, чтобы уже в школе ребята могли заниматься исследовательской деятельностью и готовились в будущем стать учёными. Интеллектуальное пространство ощущается во всём: от Дома учёных до учебных заведений. Их три в посёлке, все эти школы славятся профессиональными педагогами и умными учениками.

Конечно, мне хотелось бы пригласить вас в мою родную школу № 2, но отправимся на главную площадь, на которой проходят митинги. Здесь есть памятник землякам, погибшим во время Великой Отечественной войны. Ежегодно 9 мая тут собирается весь посёлок, чтобы поблагодарить живых ветеранов, вспомнить о погибших и пройти в Бессмертном полку по периметру посёлка с фотографией своего прадеда. 22 июня здесь же проходит день памяти. Напротив торгового цен-

тра подрастает именная Аллея памяти, посаженная старшекласниками и ветеранами войны.

Понятие «память» в Краснообске свято. Здесь же и центр культуры: Дом культуры, Дом детского творчества «Мастер», музыкальная школа, художественная школа, Станция юннатов. Я, например, занимаюсь вокалом в «Мастере», руководит нашим коллективом Елена Ананьевна Горская, человек тонкой и трепетной души. Я с удовольствием спешу на её занятия, радуюсь общению с друзьями.

А недалеко лес, здесь есть грибы, водятся белки, бурундуки. По тропинке можно дойти до реки. Вдоль дачных участков протекает красавица Обь. Краснообск – это райский уголок, здесь же в лесу зимой мы катаемся на лыжах.

Недалеко находится конюшня, где не только ухаживают за животными, но и разрешают кататься на лошадях в выходные дни. Рядом раньше был приют для собак и кошек, теперь его перенесли в другую часть посёлка. Администрация Краснообска приняла участие в судьбе брошенных животных и предоставила новый участок, так как старый приют сторел. Я вспоминаю, как люди откликнулись и всем миром помогали перевозить питомцев приюта, строили будки для собак, утепляли их. Наша школа ежегодно участвует

в акции «Милосердие» и обеспечивает кормами кошек и собак. Добрые люди живут в Краснообске!

Наш большой стадион находится между двумя школами, ученикам которых очень повезло. Жители посёлка приходят сюда тренироваться. Здесь проводят различные районные спортивные мероприятия. У нас строится Дворец спорта, так что молодёжь Краснообска развивается всесторонне. А это значит, что у моей малой Родины – большое будущее.

Кристина Власенко

Краснозерский район

И это всё о нём

Важное место в жизни нашего народа отведено хлебу. Это слово ассоциируется, прежде всего, с землёй, солнышком и теплом. А со всем этим связан, конечно же, хлебороб.

В историю сражений за краснозёрский хлеб вошёл и наш земляк Алексей Фёдорович Борозенец, комбайнер Курьинского совхоза.

С 1972 года Алексей Фёдорович за штурвалом комбайна. Он часто говорил: «Мне легко работается». Работалось ему и правда легко, потому что был талантлив в труде, верен себе, своему делу, земле. Ударным трудом прославлял родное Краснозерье.

Прославился своими результатами на обмолоте хлебов, работая на отечественных комбайнах, сначала на «Сибиряке», потом на «Енисее».

Уже с 1973 года начались его рекордные намолоты. За годы работы у него сложилась суть хлебородного дела: хлеб всего две недели колосится, две – наливается, ещё две – созревает, а потом, хотим мы или нет, начинает осыпаться. Поэтому надо все успеть сделать в отведённое нам природой время.

Вот что рассказывал водитель АТП-5 г. Новосибирска В. Скородубов (он был командирован на уборку урожая): «Большинство из нас ехало с удовольствием из областного центра, полагая, что на селе представится возможность передохнуть от напряжённого городского ритма. Уверенный в своих

силах, начал работать с Алексеем. Всё понял много позже. А поначалу, можно сказать, и работы-то не было: лили дожди, но Алексей каждый день спозаранку спешил к комбайну. Что-то там подтягивал, смазывал, да меня подначивал: «Спи, Михалыч, покуда время такое»... Ну-ну, думал я про себя, получается, от отдыха бока побаливать начали.

А потом я узнал, что такое страда. Установилась погода, и... смешались дни и ночи воедино. Не было больше времени на тех. уходы у Алексея. На них он урывал считанные минуты во время разгрузки бункера. Комбайн не стоял ни часа. В ту суточную смену он намолотил тысячу центнеров зерна. Но это было только начало. Через декаду Алексей выдал полторы тысячи центнеров зерна. Что это была за работа!? Борозенец, вроде, и не гнал комбайн на предельном режиме, а я едва-едва успевал увозить зерно.

Только здесь, на селе, я узнал по настоящему цену хлебу, как он добывается. Понял, что страда – это когда идёт счёт на минуты. Вдумайтесь только, Алексей за час намолачивал 63 центнера, более центнера в минуту! Рядом с ним и я почувствовал себя хлеборобом.

Для Алексея Фёдоровича жатва была своего рода сезоном счастья.

Он говорил: «Стоит ли огорчаться, если не доспишь в эту пору! Ведь мы убираем хлеб!»...

Работа на взлёте, в полном напряжении сил, когда единственная цель объединяет человека, машину и хлебное поле. И это всё о нём, об Алексее Фёдоровиче Борозенце.

За рекордами комбайнера с большим вниманием следили не только в родном хозяйстве, но и в районе, области.

В 1984 году Алексей Фёдорович намолотил за уборку более 20 000 центнеров. Даже на Красноярском комбайновом заводе не поверили таким рекордным показателям и прислали в хозяйство своих представителей посмотреть на чудо-комбайнера. Убедившись, что это талант, сделали Борозенца испытателем комбайна «Енисей», а потом отгрузили в честь рекордиста зерноуборочную машину. Слёз гордости не мог

Алексей Фёдорович
Борозенец

сдержатъ Алексей Фёдорович, когда вёл «именную награду» домой.

А. Ф. Борозенец любил и никогда не боялся попробовать себя в каком-то новом деле.

В сёлах стали появляться новые формы труда: КИТ (коллектив интенсивного труда), аренда, затем фермерство.

Новшества многих пугали, но Алексею Фёдоровичу интересно было попробовать всё самому. Взвешивая свои возможности, он постоянно делал шаг вперёд.

Легендарный комбайнер Краснозёрья стал фермером и до конца жизни бился над становлением своего хозяйства. Поднял. Укрепил. Всё в хозяйстве прошло через его руки.

На своё 60-летие крепкое фермерское хозяйство переоформил на дочерей, а сам остался в нём хлеборобом.

Но уважали Алексея Фёдоровича не только за умение работать, а за его ум, отзывчивость, за бескорыстную помощь. Двери в его дом были открыты для всех. Люди к нему шли за советом, за помощью, зная, что отказа не будет, и просто поговорить о жизни, о работе. Он был замечательным собеседником.

И хорошим семьянином. Самой верной и незаменимой помощницей, подругой его жизни была жена, Валентина Тимофеевна. Она и верный соратник, и отличный повар. На обед частенько готовила любимое блюдо мужа – жареного петуха по особому борозенцевскому рецепту.

Во время уборки Алексей Фёдорович почти не видел своих дочек Жанну и Алёну. Они скучали за ним, поэтому старшая писала папе письма-записочки: «Папа, сегодня тебя показывали по телевизору и просили рекорд поставить... Папа, когда ты сдержишь свое обещание и приедешь домой?» Прочитав такие письма, он делал ещё один шаг к своим рекордным тысячным намотам.

Свою любовь к земле и хлебу он передал детям, внукам. И они тоже знают цену хлеба...

Да, Алексей Фёдорович родился комбайнером и был благодарен своему отцу за то, что полюбил землю, труд и хлеб, за то, что любил дело, которому посвятил всю свою жизнь.

В 2000 году он был назван Человеком века.

Его награды:

«Герой жатвы» 1973, 1975, 1976, 1977, 1978, 1980, 1981, 1983, 1984 годов.

Дипломы: «Мастер уборки урожая», «Лучший по профессии», «Мастер – золотые руки».

Орден трудовой славы III степени 1976 года, Орден трудовой славы II степени 1978 года.

По условиям соревнований получал туристические путёвки в ГДР, Болгарию, Чехословакию, Югославию.

И напоследок хочется вспомнить слова «Человека-легенды Краснозёрья» А. Ф. Борозенца, пожелание молодым хлеборобам:

«Поля любят тех, кто зорям кланяется
да с луной здороваются.
Встанешь до свету да ещё ночь
прихватишь –
вот и набегают центнеры зерна».

Ирина Гожих

Северный район

История Меретского леспромхоза

Ранней весной 1961 года, на весенних каникулах, в Чувашах проходил смотр художественной самодеятельности (художественная олимпиада).

Кордоновская начальная школа предоставила три номера на олимпиаду. И наша учительница Александра Ивановна договорилась с Лушовым Наумом Ивановичем, что он отвезет нас на своей лошади.

В плетеном коробе на толстой подстилке из сена и под тулупом было тепло. Где-то в районе Михайловки, нам повстречались три трактора, груженых срубом и досками (это было удивительно, обычно только от нас иногда везли лес на конях). Наум Иванович и Александра Ивановна ничего не могли понять.

Дома нас ждала очень интересная новость. Только и разговоров было, как громко грохоча, три трактора въехали в деревню. Почти все население маленькой деревни, насчитывающей чуть больше десятка дворов, высыпало на улицу.

Взрослые гадали, что бы это могло быть? (наверное, вернули дом Кацубо Аркадию, который он прошлой весной сплавил по реке в Венгерово и там продал). Оказалось совсем другое. Трактористы объявили, что здесь будет новый леспромхоз и они были первыми переселенцами: Демчихин Иван, Довгулев Иван и Гапеев Никита, который и привез свой дом на санях из деревни Еласка, чтобы сразу его собирать на новом месте.

Так начинался Меретский леспромхоз.

Леспромхоз перевели из Сузунского района. Из Сузуна же перевелся директор леспромхоза Щучков Кирилл Евдокимович и еще девять семей, которые одними из первых, приехали с директором на новое место работы – среди них семьи Крапивинных, Калинкиных, Клычниковых, Чуваринных и другие.

Также к леспромхозу присоединили участок, который так и назывался ЛЗУ (Лесозаготовительный участок), находившийся где-то под Межовкой неподалеку от деревни Еласка. Это семьи Савицких, Иваницких, Виноградовых, Базаровых, Маковых, Балабановых и многих других. Сразу же началось строительство жилья. Рабочие приезжали семьями. Многие квартировали у местных жителей.

Перевезли из ЛЗУ два «барака» и к осени уже их установили – посере-

дине был длинный коридор и по обе стороны комнаты, разных размеров. В коридоре еще не было дверей, а в комнаты уже вселялись семьи. Так же строили небольшие одно и двух комнатные домики. Бензопил не было и все приходилось делать вручную. Бригада строителей рубила сруб, ставила его на мох, возводила крышу и выполняла все плотницкие работы.

Бригадирями строительных бригад были бывшие фронтовики – Валяев Антон Григорьевич и Николаев Алексей Васильевич. Как вспоминает Ананьева Людмила Павловна, они вселились в дом, когда настелили пол только в одной комнате, и приходилось лазить в дом через окно.

Так застроили всю улицу новыми домами и стали застраивать еще одну широкую, прямую улицу, идущую в сторону Касманки и Лосинки. Недалеке, на месте бывшей колхозной фермы, стояли две пилорамы, на которых в две смены пилили лес на доски для строительства и продажи (впоследствии пилоцах перенесли на пустырь за поселком, где было много места для складирования лесопроductии).

Вывозка леса

Дальше, за кладбищем было подготовлено место под гараж, где находились все гаражные службы. Установили высокие столбы под электричество и подключили свет, какая это была радость по сравнению с керосиновыми лампами. Электрический свет давали от автономной электростанции с шести утра до двенадцати вечера. Моторист в половине двенадцатого, предупреждая, трижды на мгновение отключал свет.

Иногда кинемеханик, Тихонов Николай, который жил в Касманке, привозил передвижное кино. Кино показывали на улице (на стене барака развешивали большую простынь и смотрели). Недалеко от строящегося барака натянули волейбольную сетку, и вечерами молодежь играла в волейбол, а как стемнеет, начинались танцы под гармонию. Комаров разгоняли дымокурором. Иногда егерь, Михайлов Геннадий Петрович, поджигал дымовую шашку, и мужики бежали с дымящейся шашкой вокруг поселка и на некоторое время комары улетали.

Приступили к строительству новой школы-восьмилетки. В отделке школы участвовали все жители. Ученики помогали как могли. Старшеклассники носили носилки с опилками по трапу на чердак школы, утепляя потолок, копали ямки под столбики для ограждения, ученики младших классов прибывали штакетник. Привезли небольшие ёлочки и посадили вокруг школы. И уже ко второй учебной четверти 1962 года школа открыла свои двери.

Классы были большие, светлые, с теплой печкой, обитой окрашенной в черный цвет жостью. Рядом построили интернат для приезжих учеников из Касманки и Степинки. Построили небольшой домик для жилья молодых учителей. Первыми учителями стали Слободчиков Иван Иванович, Никитин Данил Николаевич, Александров Юрий Васильевич, Ширяева Александра Ивановна, Лушова Татьяна Ильинична, Харитоновна Лидия Анатольевна и другие.

Контора леспромхоза находилась в Северном и это было очень неудобно для работы. Решили одно крыло новой школы отдать под контору леспромхоза, а в другом жили две се-

мьи учителей. Директор леспромхоза Щучков К. Е. по ряду причин не смог переехать в Кордон и, вынужден был уволиться. Бухгалтером в леспромхоз приняли Слинкину Ларису Николаевну, которая приехала из Курганской области, где работала бухгалтером в торговле, ее муж, Плеханов Анатолий Степанович был экспедитором в той же организации.

Своего жилья не было, и они с ребенком жили на квартире. Помог случай: к соседке приехал в отпуск сын, который работал гл. механиком в Меретском леспромхозе, он и расхвалил новый леспромхоз, обрисовал его перспективы. И молодая семья решила поменять место жительства и место работы, и, как оказалось, навсегда. Оставив сына у бабушки, они приехали в Северное. Анатолия Степановича приняли водителем на легковую машину возить директора леспромхоза. В Северном они жили на квартире, а переехав в Кордон им дали небольшое, но свое новое жилье.

С 1962–1972 гг. директором леспромхоза был назначен Кириенко Василий Григорьевич: коммунист, бывший фронтовик, уроженец здешних мест, которого перевели из Усть-Тарского района. У него была большая семья, дочери: Галина Васильевна и Светлана Васильевна работали учителями в школе. Сын Вениамин – механизатор, не отказывался ни от какой работы, работал и на машине, и на трелевочном тракторе, и на разных работах, младшая дочь училась в школе. Василий Григорьевич отработал директором около десяти лет.

При нем стали осваивать новые участки в Томской области в урочищах таежных рек Нерпша и Емельджа. Это на расстоянии более 100–150 км от Кордона по Васюганским болотам, куда можно было заехать только зимой. Поэтому заготовка и вывозка велась в зимний период, с началом устойчивых заморозков.

На участках строили временное жилье (типа вахтовых поселков), где была столовая, заправка, общежитие для отдыха трактористов (в общежитии «техничкой» много лет отработал дядя Вася Александров, зашедшие от-

дохнуть рабочие знали, что их всегда ждет натопленная комната и горячий чай – за этим строго следил дядя Вася).

Здесь же постоянно находился мастер по лесозаготовкам и десятники, которые замеряли заготовленный бригадами и погруженный на тракторные сани лес. Лес готовили приезжие бригады из хозяйств области, которые работали по договору, зарабатывая «трудонормь». Жили бригады в мобильных вагончиках, у каждой была своя повариха. Лес возили на тракторах, рейс длился трое суток: сутки ехать туда, сутки на погрузку и отдых и сутки на обратный путь.

Грузили лес погрузчиками, так называемыми «дерриками», старшим был опытный «деррикист» Яковлев Александр Васильевич и молодые парни, пришедшие из армии: Андриенко Виктор и Чуварин Александр и др. Позже «деррики» сменили тракторные погрузчики – мехлопаты. Объем заготовок достигал до 60000 м³. Большую часть леса вывозили на пилоцех для дальнейшей переработки. Всяких пиломатериалов пилили более 20000 кубометров. Остальную часть леса вывозили на берег реки, где его сплачивали в плоты и весной, по большой воде сплавляли вниз по течению.

Сплав длился недели две, а то и дольше. На моей памяти было и такое, что вода резко спала, плоты не смогли доставить к месту назначения и были вынуждены ждать осенних дождей, когда уровень воды поднимется и можно будет закончить сплав.

Сплав – это такое завораживающее зрелище. Из-за поворота реки, среди мелких и огромных белых льдин показывается первый плот, потом еще и еще и, наконец, появляется плот с избушкой (кошева), над которой обязательно развевается красный флаг, громко гремит музыка из транзистора, дымок вьется из железной трубы и горит костерок, где дежурный «кашеварит».

Остальные строго следят за прохождением плотов, не допуская заторов и направляя плоты в нужном направлении, да мало-ли работы у сплавщиков. Проходит одна партия плотов и вскоре появляются такие же плоты из другой бригады. И так до самой ночи

и ребятня весь день проводит на берегу, встречая и провожая сплавщиков.

Пиломатериал грузили на баржи и буксировали небольшими катерами. На этих же катерах завозили товар и увозили больных в период распутицы (когда разливалась река, дороги размывало и выехать можно было только на катере или моторной лодке). Был один катер с теплой каютой.

Зимой он стоял на высоком берегу и там жили люди. Одну зиму в этой каюте жила наша учительница по русскому языку и литературе, Полина Ивановна, наверное она была из ссыльных. Она постоянно ходила в длинной черной юбке и белой кофточке (мне всегда казалось, что она похожа на Надежду Константиновну Крупскую). Печурка топилась коротенькими чурочками и мальчики старших классов под руководством учителя по труду Федора Кондратьевича Белова на уроках труда готовила эти мелкие дрова.

Начали строить новые двухквартирные дома, новую контору леспромхоза, приступили к строительству нового клуба, который открыл свои двери 5 ноября 1967 года, в канун 50-летия Великого Октября. Построили новую общественную баню. Баня стояла на берегу реки. Банщицей много лет работала Шиндяйкина Александра Яковлевна, потом Базарова Нина Кузьминична и др. Топили баню два раза в неделю: пятница – женский день, суббота – мужской. Билет в баню стоил 8 копеек.

С 1975–1985г директором перевели, работавшего главным механиком, Лушова Вячеслава Наумовича. Моло-

Новый клуб.
1967 год

дой, энергичный, за все брался с азартом и, казалось, работал играючи. Лес стали возить на лесовозах, приобрели несколько «танкеток», которые промораживали с осени дорогу (зимник) и можно было бригадам заезжать раньше на работу.

Приобрели бульдозеры, на которых работали отец и сын Шурхаленко, Стриженников В. И. и др. Приступили к строительству дороги до Чувашей. Бульдозеры с утра до вечера нагребали глину на дорогу, равняли и укатывали ее. За зиму дорогу утрамбовали и теперь, можно было в любое время доехать до Чувашей (иногда, правда, только на тракторе). И, хотя большую часть прибыли забирала вышестоящая организация, построили новую контору, ряд общежитий, начали строить по проекту новые двухквартирные дома из бруса.

Прорабом много лет работал Николаев Алексей Васильевич, имея всего пять классов образования, он мог построить деревянный дом, что называется, с «нуля». Это при нем построили первую восьмилетнюю школу, контору ЛПХ, магазин (здание которого до сих пор стоит), пекарню, столовую и многое другое. Потом его сменил Карюкин Н. А., Васильев П. И., Голубев Ю. М – это были специалисты уже имеющие специальное образование. Работники переселялись из своих маленьких домиков в новые, просторные оштукатуренные дома.

Построили новый пилецех на четыре рамы, столярный цех, диспетчерскую, новую столовую, пекарню и многое другое. А какой хлеб пекли в нашей пекарне! Булка около двух кг., продавали по весу. За «кордоновским» хлебом приезжали даже жители из Северного и соседних деревень. Дорогу до Чувашей содержал тоже леспромхоз, автобус до Северного ходил ежедневно, кроме выходных.

Была разработана система премирования, условия соц. соревнования. Подекадно подводились итоги, вывешивались «боевые листки», «молнии» Существовало такое понятие «Тысячники» – это водители, вывезшие за сезон более тысячи кубометров древесины. А ведь это тяжелый труд: надо про-

снуться в четыре или пять часов утра, завести машину, приехать на участок, находящийся более, чем за 100 км. раньше, чтоб первым успеть подгрузку, приехать обратно и успеть разгрузиться. И так делали более десяти рейсов в месяц.

Простои под разгрузкой могли случиться только по причине неисправности крана. Крановщиком на разгрузке леса много лет работал Ананьев Алексей Павлович. По окончании осенне-зимнего сезона передовики премировались денежными суммами.

Заготовка леса уже велась на трех участках, количество бригад доходило до 35. На каждом участке был свой мастер и десятник. Несколько лет десятниками на верхнем складе отработали молодые девушки: Виноградова Галя, Аверченко Таня и Палкина Таня, старшим у них был Аверченко Александр.

На участки выезжала автолавка с товарами, Библиотекари Смирнова Анна Вениаминовна, Васильева В. Г., Краснова Рита и другие регулярно привозила книги. Киномеханик Тихонов Н. П. иногда привозил и показывал кино. Дважды в месяц кассир привозил зарплату.

С проверкой приезжали бухгалтера, экономист, нормировщик для проведения хронометражных наблюдений, инженер по технике безопасности регулярно проводил инструктаж, то очередной, то повторный, то внеочередной. Заработная плата работников леспромхоза была выше, чем у многих в районе. Работники имели возможность поправить свое здоровье в санаториях, домах отдыха, отправиться в круиз на теплоходе или за границу. Возможность была у всех, было бы желание.

Лично я трижды отдыхала только в санатории «Белокуриха» и других, Васильевы Вера Геннадьевна и Петр Иванович ездили во Вьетнам, в круиз по Средиземному морю, путешествовали с детьми по Оби на теплоходе. Шурхаленко Василий Антонович и Ольга Яковлевна путешествовали на поезде по городам страны. Кацубо, Никитины, Язиковы, Карпачева Н. П. Плеханова Л. Н. Карюкина Л.Б и многие другие отдыхали за границей: и в Германии, и в Чехословакии и много еще где.

Несколько лет, начиная с лета 1985 года, директором работал Осейчук Вячеслав Леонидович, главным инженером Карюкин Николай Андреевич. Под его руководством была построена двухэтажная школа. Пилоцех работал иногда в три смены, отгрузка пиломатериалов производилась по графику, чтобы не создавалось очереди. Начальником пилоцеха много лет отработал Базаров Сергей Иванович, несколько лет работал Язиков Михаил Ефремович и др.

Первым начальником пилоцеха был бывший фронтовик Виноградов Михаил Васильевич – это очень требовательный к себе, к своим родным и подчиненным, человек. Как вспоминает Лидия Никаноровна Базарова, перед праздником Победы 1970 года, он собрал всех сотрудников, поздравил с приближающимся праздником и предложил провести генеральную уборку на территории цеха: рассортировать и соштабелевать весь пиломатериал, разбросанный по территории, вынести опилки из ям, подмести полы, собрать и уложить инструменты. Что и было сделано.

А 9 мая Михаил Васильевич трагически погиб на заготовке дров для собственных нужд. Вот такие бывают судьбы – война пощадила, а в мирной жизни смерть подкараулила. После этого начальником пилоцеха поставили Базарова Сергея Ивановича. На период работы Сергея Ивановича, пришелся самый «пик» работы пилоцеха.

Чтобы было меньше задержки приехавших машин за пиломатериалом, иногда работали даже в три смены. У него был большой, ответственный штат помощников. Десятником много лет работала Рязанова Любовь Петровна, Борисенко Полина Михайловна, Плеханова Галина Николаевна, Аверченко Татьяна Андреевна – молодая девушка, только после окончания школы, но какой был у нее порядок в документации, каллиграфический почерк, у нее этому многим надо было учиться. Для работников второй и третьей смен открыли буфет, где можно было перекусить, попить чай.

Так же продолжали строить новое жилье, приступили к строитель-

Ленинский субботник

ству больницы, достроили котельную. На заготовке леса и на пилоцехе уже стали появляться наемные бригады из других республик страны.

С 1987–1994 гг. директором работал Гламаздин Петр Максимович, уже с новым взглядом в будущее. Он не боялся экспериментировать, часто не оглядываясь на вышестоящую организацию. Большое внимание уделял строительству нового жилья и ремонту старого. Иногда за летний сезон строили четыре, пять новых двухквартирных домов и капитально ремонтировали столько же.

Сделали пристройку к больнице на девять койко-мест, здание почты и телеграфа (все эти объекты с началом перестройки передали безвозмездно соответствующим организациям), теплую стоянку и ремонтно-механическую мастерскую с токарным, слесарным, сварочным и кузнечным цехами, большой кирпичный центральный склад, красивый белоснежный склад ГСМ. А какие замечательные специалисты работали в РММ (ремонтно-механическая мастерская), просто «ась» своего дела.

Много лет токарем работал Куликов Сергей Тихонович, потом Гапеев Геннадий Никитович, Лавров Александр Васильевич. Из простой болванки они могли выточить любую деталь или зап. часть. Кузнецом работал латыш из бывших ссыльных Агленекс Бронислав Юсупович, его поговорка «из-делать, так из-делать», до сих пор жива среди наших односельчан. Это означало, что сделать надо так, чтоб не к чему было придаться.

Много лет в кузнице отработал Ерохин Федор Дмитриевич. Аверченко

Петр Владимирович, Николаев Владимир Алексеевич и др. А сварщик Ананьев Алексей, Леня «Бурчик», так его все звали. Маленький, шупленький в огромной брезентовой робе, мог заварить любую вещь. Слесарь Николаев Николай Леонтьевич, казалось, это самый незаменимый работник в гараже.

Вячеслав Наумович всегда ставил в пример сторожа Евграфову Марию Никифоровну. В любое время дня и ночи, она была на своем посту, не позволяла себе ни на минуту задремать или уйти с рабочего места. А это ведь огромная территория, много десятков единиц техники и за всем надо следить. Были и, можно сказать, курьезные случаи.

Как любил рассказывать Вячеслав Наумович анекдотичный и поучительный для сторожей случай, когда он ночью пришел в гараж, завел свою машину и, только проехав несколько км. от поселка, услышал на спиной грозный окрик, «зачем ты взял машину, поставь на место». Оказывается сторож решила погреться в легковой машине и там ее сморил сон, она уснула и не слышала ничего, а проснувшись, испугалась, но виду не подала, а узнав директора, решила, наверное, его подпугнуть.

Склады были заполнены материалами, запасными частями, горюче-смазочными материалами, резиной. Расширили столярный цех, пристроили камеру для сушки пиломатериалов.

Бригада столяров могла изготовить всякую столярную продукцию: штакетник, дранку, плинтуса, обналочку, оконные и дверные блоки. Мастером столярного цеха работал Николаев Алексей Васильевич, потом Добровольский Александр Меркурьевич. Работали в столярке и женщины: Ананьева Л. П., Хилкова Е. Н., Алексеева С. М., Шинкевич Л. В. и другие.

Много лет отработал столяром Тукмаков И. Н., Николаев Н. А. и другие. Построили еще два пилоцеха, которые называли «БАМ» и «ТЫНДА» С этими названиями часто были связаны курьезные случаи: мастер отправляет приезжего водителя на погрузку на БАМ, а он стоит и не поймет, неужели он не туда заехал.

Приступили к строительству нового кирпичного дома культуры. Работникам стали выплачивать надбавку за выслугу лет и тринадцатую зарплату. Жизнь процветала. Текучести кадров не было. Молодые парни после службы в армии возвращались в родной поселок – знали, что работа им всегда будет. Часто молодые механизаторы садились на новую технику и оправдывали оказанное доверие.

Обзаводились семьями. Были целые семейные династии: Шурхаленко отец и сын – оба бульдозеристы, Аверченко отец и два сына – классные водители автомашин, Никитины отец и сыновья – трактористы, Рыльские отец и все пять сыновей работали на пилоцехе рамщиками и многие другие. Казалось, так будет всегда.

Но... Наступили перестроечные времена.

Собрание за собранием, почти принудительный переход в акционерное общество. В итоге сняли прежнего директора и с 1994–1996 гг. выбрали нового из рабочих – Ананьева Николая Павловича. Перестройка: связи потеряны, потребность в пиломатериалах резко сократилась, денег нет, реализации нет. Доходило до того, что загрузили разный пиломатериал на три машины и поехали по селам продавать поштучно.

В итоге на очередном собрании акционеров Николай Павлович передал свои полномочия молодому, энергичному, грамотному специалисту – Лушову Евгению Владиславовичу. 1997–2013 гг. – самое трудное время его работающего периода. Однако стали налаживаться связи, работали в основном по «бартеру». Это значит обмен леса на необходимый товар для жителей леспромхоза.

Зарплату не платили, но под зарплату можно было взять все: и продукты питания, и товары первой необходимости и табачные изделия, одежду, постельные принадлежности и даже фрукты. Еще несколько лет лесопродукция была востребована в больших объемах. В основном брали частные предприятия.

Заготовку леса вели своими бригадами, часть леса продавали с верхнего склада, остальной шел на переработ-

ку. Начальником пилосада стал работать Григорьев Василий Егорович, потом Балабанов Николай Павлович, начальником столярного цеха – Ананьев Николай Павлович, гл. механиком – Родиончик Василий Иосифович, мастером на лесозаготовках – Степанов Владимир Михайлович.

Постепенно спрос на лесопродукцию падал, в основном из-за высокой цены. Из-за высокой себестоимости, лес готовить стало не рентабельно. Стали изыскивать новые возможности. И нашли – заключили договор с «нефтяниками» и несколько лет работали в Томской области на устройстве «лежневок», вертолетных площадок и многого другого. Так продержались еще несколько лет.

Совсем плохо стало после болезни Евгения Владиславовича. Зарплата не выплачивалась, директора сменяли друг друга. И, в конце концов, леспромхоз постигла участь многих предприятий – банкротство. Очень и очень жаль. От бывшего величия леспромхоза остались только добротные красивые дома, которые уже тоже требуют ремонта и многие пустуют. Молодежь уезжает из поселка, а кто еще остался, работают «на северах» вахтой. Да все еще жива память.

Светлана Мордвинцева

Северный район

Командировка в прошлое

Мой прадедушка, Довгулев Егор Дмитриевич, был селькором с 40 летним стажем. Его первая заметка появилась 24 июня 1943 года. С тех пор им было написано много заметок, статей, зарисовок. В нашей семье хранится папка, в которую мы по возможности старались положить его заметки и о нем. Там лежала статья «Командировка в прошлое» из газеты «За дело Ленина» от 23 августа 1980 г. В которой корреспондент районной газеты Аркадий Шаррапинский раскрывает историю «Обязательство».

Шли бои за освобождение советской земли от фашизма. Красная Армия наносила немецким полчищам удар

Егор Дмитриевич Довгулёв (справа)

за ударом. В честь этих побед в колхозах развернулись социалистические соревнования за отличную подготовку и проведение уборки урожая. Широкий размах соревнования получило и в Северном районе. Мой прадед первым вызывает на социалистическое соревнование комбайнера Тартасской МТС Г. А. Николаева. В обязательствах соревнования говорится: «...Я, комбайнер Северной МТС Е. Д. Довгулёв, беру на себя следующие обязательства: 1) Убрать на комбайне «Коммунар» за 25 рабочих дней 500 гектаров; 2) Уборку произвести с отличным качеством, не допуская ни единого грамма потери зерна, для чего оборудовать комбайн зерноуловителем, а также соломокопнителем; 3) Сэкономить не менее 10 % горючего..... Я вызываю на социалистическое соревнование комбайнера Тартасской МТС Н. Г. Николаева».

Вызов моего прадедушки комбайнер Николаев принял. Трудовое соперничество принесло успех: оба механизатора достигли большой выработки на комбайнах, выполнили многие пункты социалистических обязательств. Мой прадед рассказывал корреспонденту А. Г. Шаррапинскому: «За сезон я убрал 450 гектаров, сэкономил 620 килограммов горючего. На 500 рублей взял билетов Четвертой денежно-вещевой лотереи (помощь фронту. Ред.) и сдал 6 пудов хлеба в фонд Красной Армии. За хорошую работу на уборке урожая я был приглашен Новосибирским облисполкомом и обкомом ВКП на Октябрьские торжества в Новосибирск».

Бабушка мне рассказывала о своем папе. Он никогда ни на кого не повышал голоса. Всегда был спокойным, доброжелательным, скромным, очень хо-

рошо разбирался в сельскохозяйственной технике. По словам его коллег, он мог по звуку определить поломку машины. Имел два средне-специальных образования, в те далекие годы это считалось хорошим образованием.

Во время войны у него была «бронь», на фронт его не взяли, так как в сельском хозяйстве нужны были специалисты, работал он в военные годы бригадиром тракторного отряда. В колхозах работали старики, подростки и женщины. Механизаторов не было. Поэтому в районе были организованы курсы, по подготовке трактористок. На этих курсах дедушка преподавал. Обучались девушки и вдовы. Здесь он и познакомился с моей прабабушкой.

Как работал прадедушка, моя бабушка подробно не знает, но об этом красноречиво говорили многочисленные правительственные награды которые, к сожалению не сохранились и подарки (патефон, часы, отрезы и т. д.).

В напряженном режиме работали вплоть до 1953 года. Дедушка в это время уже работал механиком в «Тартасской МТС» ремонтировали технику. Бабушка говорит, что домой с работы он возвращался не раньше 11 часов вечера, а то и позднее. Работали без выходных и отпусков. По гудку. Никто не возму-

щался, знали, что надо работать за себя и тех, кто не вернулся с войны.

А война и нашу семью не обошла стороной. У прабабушки погибли на войне три брата и муж. Когда я прочитала статью «Командировка в прошлое», я как бы перенеслась в те далекие, суровые времена. Узнала как жил и работал мой прадед в трудные времена для всей страны. Это статья показала его с лучшей стороны. Это важное событие из истории Северного района вызывает чувство гордости и восхищения за самоотверженный труд моего прадедушки. Поэтому статья дорога нашей семье.

Кристина Тарасенко

Баганский район

Здравствуйтесь вам!

Из воспоминаний сторожилов известно, что первая школа в селе Теренгуль была открыта в 1912 году. Школа располагалась в доме приходского священника. Многие ученики хорошо знали состояние своего хозяйства и точно могли сказать, сколько у них лошадей, коров, овец и даже поросят. Но были и такие, кто не мог назвать число больше трёх. В селе сохранилась патриархальная вежливость, приходя к учителю в школу, ученик говорил: «Здравствуйтесь вам». О родителях всегда отзывались почтительно: «Батько казаль», «Маты звелиль».

Занятия в школе проходили в две смены по двум основным причинам: во-первых, учеников было очень много, примерно по двадцать пять – тридцать человек в каждом классе, во-вторых, во многих семьях ученикам просто не в чем было пойти в школу.

Из воспоминаний Тыднева Кузьмы Петровича: «Как только старший брат мой приходил из школы, я одевал его сапоги и шёл учиться во вторую смену. Были дети, едва одетые, почти в рубищах, в больших сапогах, в женской свитке, были и такие молодцы, которые прибегали в школу зимой по снегу в черевиках».

Из воспоминаний Черепановой Марии Семёновны: «Ходили в школу, кто

Егор Дмитриевич
Довгулёв

в чём мог, лишь бы чисто было. Дома выращивали лён и коноплю, из которых на ткацких станках, которые были почти в каждом доме, изготавливали – «выбивали» полотно. Из льняного и конопляного полотна шили».

Правила поведения требовали от учеников бережного отношения к книгам и школьному имуществу, соблюдения чистоты и порядка. В то время учебников крайне не хватало. Одна книга на 10–15 человек.

Из воспоминаний Тыдневой Анны Феоктистовны: «Тетрадей не было, учитель разрежет газету на несколько частей и раздаст ученикам. Вместо чернил разводили молоком сажу и писали между газетных строк. Книг было очень мало: одна или две на весь класс».

1941 год. Война... Только подняли колхозы и люди начали жить хорошо, появилась одежда у ребятшек, наелись до сыта, учебники, тетради у каждого, но начавшаяся Великая Отечественная война оборвала мирную жизнь деревни.

Из воспоминаний Ремезовой Аграфены Ивановны: «Вместе с другими на фронт уходили и учителя. Директором школы стала Гуркова Елизавета Ивановна вместо ушедшего на фронт Гришина Ивана Ивановича».

Закончилась война, но и послевоенные годы были не лёгкими. Страна залечивала раны, детям приходилось много работать, помогать взрослым. Восстановление школьных занятий после войны легли на плечи директоров школы: Гришина И. И. (02.06.1944), Приходько Г. А. (01.08.1949), Благоразумова Ю. В. (01.08.1949), Сологуба П. А. (29.08.1953), Черноморца И. Я. (1954–1956 гг.). Возрастной состав в классах был не одинаковым. Это было связано с тем, что в годы войны и первые послевоенные годы многие ученики по разным причинам не посещали школу. Самой распространённой проблемой, из-за которой дети в войну не ходили в школу – это отсутствие обуви и одежды.

В 1950 году в Теренгульской школе работало 6 учителей, обучалось более сотни человек. Кроме детей-теренгульцев в школе обучались дети из соседних сёл: Курска, Романовки, Саратов-

Старая восьмилетняя школа в Теренгуле

ки, III Интернационала. Школа к тому времени совсем обветшала. В школе не было электричества. В тёмное время суток классы освещали керосиновыми лампами. Встала проблема с учебными площадями. На общем собрании жителей села принимается решение о строительстве новой школы.

Так в 1961 году в селе Теренгуль появилась новая восьмилетняя школа. В школе обучались до девятого класса. Ребята, которые хотели получить среднее образование должны были ещё два года учиться в Андреевской школе. Из воспоминаний Черкавской Нины Трофимовны: «Школа была большая, светлая, красивая. Но зимой в школе, которая имела печное отопление, почему-то было очень холодно. Поэтому на следующий год вновь пришлось всё переделывать». В школу пришли работать молодые педагоги: май 1965 года – Бакламенко С. А., Черкавская Н. Т., Коршак А. Е., Бабенко Н. Н., Серкова М. И., Мелентьева Н. Ф., Черкавская А. В., Красуля А. А., Бабенко В. Е., Черкавский М. А.

Черкавский М.А., директор Теренгульской школы с 1969 г. по 2004 г.

После реорганизации Андреевского Совхоза, было принято решение о строительстве в селе Теренгуль новой десятилетней школы. 1985 год – в селе Теренгуль знаменательное событие. Построено новое двухэтажное кирпичное здание школы, с центральным отоплением, водопроводом, канализацией. Двухэтажная красавица во главе с директором школы Черкавским Михаилом Алексеевичем приветливо распахнула свои двери для ребятшек. Первыми заведующими кабинетами стали: Бобровникова С. Ф. – кабинет физики, Черкавский М. А. – кабинет географии, Черкавская М. П. – кабинет биологии, Клипова И. Б. – кабинет ино-

странного языка, Долженко Н. М. – кабинет машиноведения, Скрипниченко Н. Ю. – кабинет русского языка и литературы, Мухина Н. Д. – кабинет математики.

В 2007 году школа реорганизована в муниципальное образовательное учреждение – Теренгульская средняя общеобразовательная школа.

Новая школа,
построенная
в 1985 г.

Бегут года, бегут дети в школу, весело приветствуют учителей: Здравствуйте! Но нет-нет, да и проскользнет: Здравствуйте вам!

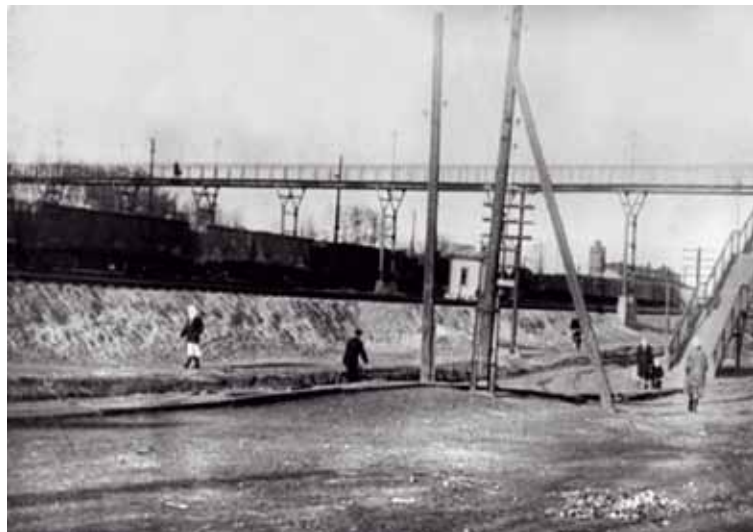
Екатерина Комик

Болотнинский район

Кулачные бои

С чего повелось и когда привязалась эта зараза, никто не помнит, но разделилась Болотная на залоговских – это те, кто за Лоханкой жил, там, где школа 4, залинейных – понятно, что за линией, и учились они в школе 21, и центральных – с центром молодёжи в шко-

Место
товарищеской
встречи

ле 2. Но не только школьники, но и молодёжь постарше принимала активное участие в беспричинных массовых драках. Зайти на чужую территорию даже среди бела дня – это значит схлопотать по сопатке. Помню, мать меня за линию отправила, забрать у знакомых старую морковку для наших поросят, так по мосту я ещё шёл, а когда ступил на залинейную землю, помчался так, что и ветер бы меня не догнал!..

Кстати сказать, железнодорожники Болотную делили по-своему на две части: чётный и нечётный парк. Иногда залинейную часть называли Чётный парк, потому что отстроилась та часть, вблизи которой формировались поезда на Новосибирск, они все имели чётные номера, а Нечётный парк – это микрорайон в противоположном направлении, ближе к школе-интернату № 16.

Итак, я ступил на опасную землю Чётного парка.

Я и пяти минут не был на залинейной земле, но на обратном бегу около моста через железнодорожные пути меня уже ждали. Я обречённо подошёл и опустил на землю мешок с морковкой.

— Слышь, Старшой, это Варламов, – сказал один из пацанов, и тонко сплюнул сквозь зубы. Видимо, он не хотел драться. – Я его знаю, слышь, Старшой.

А Старшой будто и не слышал.

– Ну, чё ты здесь забыл? – начал заводиться он.

– У него отец в милиции работает, – попытался заступиться третий пацан, и у меня родилась надежда на мирный исход товарищеской встречи.

– Ну, так это меняет дело, – развёл руками Старшой, – бить будем долго и больно.

Меня спасла поездная бригада, возвратившаяся из поездки и шагающая из подменного пункта на мост.

— Что, парень, проблемы? – с пониманием спросил мужчина в форменной фуражке железнодорожника и с шарманкой* в руке.

* Шарманка – небольшой чемоданчик, в котором машинисты и помощники машинистов носили личные вещи, необходимые в поездке.

Я обречённо молчал. Даже сейчас, в столь патовой ситуации, жаловаться было делом крайней низости.

— Ну, пошли, — машинист подхватил мой мешок, и мы зашагали по ступеням переходного моста.

— Лады, мы ещё встретимся, появись только здесь! — Старшой погрозил мне кулаком.

За линию и в залоговскую сторону я с тех пор старался даже и не смотреть.

Нет точной статистики, сколько погибло мальчишек в массовых драках: залоговские против центральных, центральные против залинейных, залинейные против залоговских. Бывало, до двухсот человек участвовало в неистовых, бессмысленных и кровавых побоищах. Но и верно то, что отцы тех мальчишек, взрослые мужчины — солдаты, вернувшиеся с войны, были неистово жестоки. Война сорвала биологический запрет на убийство и чужая жизнь не имела ценности, жалости не было и даже жены терпели неистовые побои от мужчин-фронтовиков. Что значили и что такое были кулачные бои молодых парней я не знаю. Возможно отголоски ссыльного прошлого или разгула безнаказанного бандитизма, который расцвёл во время войны, потому что все дееспособные мужчины защищали Родину? Не знаю, но без кастета или финки на улицу выйти считалось просто безрассудным. Больше тридцати лет милиция прилагала максимум усилий, но расписывалась в собственном бессилии, кулачные бои прочно вошли в болотнинский беспокойный быт. Десятки могил, сотни жизней, начатых с зоны, — но усмирить эту стихию, преодолеть авторитетом власти авторитет криминальных главарей в ту пору не мог никто. Удалось это молодому, высокому, улыбчивому лейтенанту — следователю Уголовного розыска районной милиции Андрею Ведерникову, который окончил Омскую школу милиции и вернулся на родину для несения службы. Это случилось в далёком 1978 году.

Недавно я пытался расспросить того лейтенанта, а теперь генерал-лейте-

нанта Ведерникова Андрея Павловича о кулачных боях на улицах Болотного, но тот только улыбался. Однако, хочу заметить, в процессе разговора он называл фамилии главарей и зачинщиков, даты и детали, которые запоминаются только в особых случаях. Значит, всё помнит, надеюсь, что когда-нибудь он откликнется на мою просьбу и напишет, как же это ему удалось «примирить» залоговских, центральных и залинейных?..

Сергей Варламов

Краснозёрский район

Директор Мама

В многодетной семье, в селе Комарье Доволенского района родилась боевая девочка Лида. Нелегко складывалось её детство, оно выпало на время Великой Отечественной войны. Пусть не слышала Лида ни разрывов снарядов, но она узнала как бывает голодно, холодно, трудно и страшно.

Во время войны с утра до ночи работала она вместе с другими детьми в колхозе: сеяли и убирали хлеб, ходили на сенокос, ворочали и сгребали сено, возили его на быках, готовили брынзу из овечьего молока. Дети войны, как могли, приближали Победу в меру своих невеликих сил.

После войны Лидия окончила школу и поступила в Ордынский сельскохозяйственный техникум. По окончании в 1952 году ей была присвоена квалификация младшего агронома. Получив направление в Индерскую МТС, она работала агрономом-семеноводом в двух колхозах. Все в то время были членами ВЛКСМ, то есть комсомольцами, и носили на груди комсомольский значок. Лидия, как и другие её сверстники, воспитывалась в любви к Родине, народу и родителям.

В 1955 году встретила девушка своего будущего супруга, Парамонова Сергея Ивановича. По окончании Колыванского сельскохозяйственного

Андрей Павлович
Ведерников

Лидия Григорьевна
Парамонова

техникума, в 1956 году, Сергея Ивановича перевели в Мохнатовскую МТС, где его назначили главным агрономом колхоза имени Хрущёва. Лидия Григорьевна по-прежнему трудилась агрономом-семеноводом. Работа спорилась. Очень велико было в то время патриотическое воспитание советского народа, пережившего тяготы войны. Впереди люди видели одну цель – построение коммунистического общества.

В 1963 году семья Парамоновых переехала в р. п. Краснозёрское. Лидии Григорьевне, уже опытному агроному, предложили работу в совхозе «Сибирь» по её специальности.

...Круто изменил жизнь Лидии Григорьевны первый секретарь райкома партии Краснозёрского района В. И. Коробейников, предложив ей занять место директора только что созданного плодово-ягодного хозяйства.

В 1967 году на базе Кайгородского отделения был организован новый совхоз «Юбилейный», а руководить им, по решению бюро райкома, была назначена молодой коммунист Л. Г. Парамонова.

Название «Юбилейный» совхоз получил потому, что как раз в год его «рождения» отмечалось 50-летие СССР.

За дело Лидия Григорьевна взялась решительно и со всей серьёзностью. Ведь занималась она не только садоводством, но и животноводством – в со-

вхозе держали дойный гурт молодняка, а также полеводством, выращивали зерновые и кормовые культуры; кроме того, она организовала пасеку на 250 пчелосемей.

Совхоз богател и расширялся. Был построен завод по переработке ягод и плодов, заложен сортоиспытательный участок. Садоводство было поставлено на промышленную основу: работали цехи по изготовлению ягодного сока, варенья, джема, компота, облепихового масла. Для крупного рогатого скота соорудили животноводческий комплекс на 1000 голов.

Расцвел «Юбилейный» под руководством Лидии Григорьевны! Были построены школа и детский сад, клуб, котельная. Людей заселяли в новые благоустроенные дома. Совхоз «Юбилейный» стал гордостью Краснозёрского района.

Плодово-ягодный сад на территории совхоза занимал 340 гектаров. Собирали богатые урожаи смородины, малины, черноплодной рябины, яблок. Шестая часть площади сада была отдана «сибирскому ананасу» – облепихе.

По всей Новосибирской области и за её пределами заговорили о совхозе «Юбилейный». Многие приезжали к Лидии Григорьевне перенимать опыт ведения хозяйства. Славился совхоз своими передовиками: доярками и комбайнёрами, садоводами и бригадирами, неоднократно становились они победителями соцсоревнований.

В период работы Лидия Григорьевна вела активную общественную деятельность: многократно избиралась депутатом местного и районного советов, членом райкома КПСС. Была делегатом 26 съезда КПСС, делегатом 14,16 профсоюзных съездов, заслуженно она награждена 9 орденами и медалями за трудовые успехи.

Все в округе восхищались этой женщиной, сельчане до сих пор ласково величают её Мамой. Это – добрейшей души человек, с которым очень легко и приятно общаться. Это тот человек, про которого говорят, что люди тянутся к нему. Она уважительно относится ко всем окружающим, будь то взрослый или ребёнок. Любой разговор начинается

Вручение знамени
победителю
соцсоревнования

Плодово-ягодные угодья совхоза «Юбилейный»

со слов: «Здравствуйте. Как дела?» Это не праздное любопытство, а проявление интереса и заботы о каждом близком и знакомом человеке. Всегда внимательно выслушает, подбодрит, подскажет, поможет и делом, и советом.

Лидия Григорьевна никогда не забывала и о своей семье, достойно вырастила и воспитала с мужем двоих детей: сына и дочь, внуков. Выйдя на пенсию, она не осталась в стороне от общественной жизни села. Ветеран труда, многие годы она возглавляла ветеранскую организацию в совхозе «Юбилейный».

За многолетний и добросовестный труд, за активную жизненную позицию Лидия Григорьевна Парамонова неоднократно награждалась почётными грамотами, юбилейными медалями. В 1973 году была награждена орденом Трудового Красного Знамени. В 1980 году – орденом Дружбы народов.

В свои 86 лет Лидия Григорьевна, по мере своего здоровья, продолжает сотрудничать со школьниками, ветеранами п. Кайгородский, жителями села.

Низкий вам поклон, женщина-легенда, за вашу достойную жизнь, за добро, принесённое людям, за вашу целеустремлённость и веру в будущее!

Лариса Тимохина

Кыштовский район

Был, видел...

Мальшева Андрея Аркадьевича призвали в армию в 1979 году. Был он направлен в город Чирчик, в учебную часть. Проучился три месяца. В феврале 1980 года посадили в самолёт, который пересёк государственную границу

с Афганистаном. С помощью парашютов высадились в город Кундуз. Перед ними были поставлены задачи: обосноваться, защищаться, наступать.

Спали в палатках, блиндажах и землянках не раздеваясь, про мытье горячей водой даже и не мечтали, обмыли лицо холодной привозной водой и ладно. Закалились, оборвались, ниже белье и форму не стирали, негде, да и незачем. В таких-то условиях, обшивели, но оружие держали в чистоте и полном порядке. Ко всему привыкли.

Отдых? Развлечения? Даже и не мечтай солдат. Твое развлечение – это марш-бросок по горам, твой отдых – это строительные работы. Тарелки? Не было такой роскоши. Из котелков ели. Поешь, вымоешь котелок, а хочешь и не мой, твое дело, можешь есть из грязной посуды, только не удивляйся, что тебя отдельно от остальных есть заставят. Где ели? А где хочешь! Столовой не было.

В июле в Афганистане на самом деле – пекло. В тени плюс сорок пять, на солнцепеке вода во фляжках чуть ли не закипает, пот высыхает, не успева выступить, по всей форме соляные потные пятна расползаются, подошвы ног горят в рваных армейских ботинках, иссыхает от жажды глотка, и все тяжелее и тяжелее становится тащить свой груз и оружие. Стволы автоматов и пулеметов, все металлические части оружия как раскаленные, тронь – обожжешься. Тяжелое дыхание идущих в колонну по одному солдат. Уже еле поднимаются ноги, от тяжестей ломит спину, руки безвольно обвисают. Лезет

Андрей Мальшев с друзьями

в ноздри пыль, забивает рот, кружится голова и давно уж нет сил идти, а надо. Вот и идет, сторая под беспощадным афганским солнцем неполного состава рота к заданному участку. Где противник, сколько его? Никто не знает. Войсковая разведка еще толком не работает, сведения из афганских источников доверия не вызывают. Никто не знает и не может знать, кто из афганцев на кого тут работает.

Но самое страшное, это когда провожаешь товарища в последний путь.

Под дембель Андрей Малышев получил ранение. Был отправлен в госпиталь. В 1981 году был демобилизован в звании старшина.

Получив свидетельство за успешное выполнение заданий Правительства СССР, Андрей спрятал его, стараясь забыть о нём. Он не надеялся на него, ведь впереди была вся жизнь.

Но наступили лихие девяностые. По настойчивой просьбе матери, он поплёлся со свидетельством в длинную очередь за молоком. Здесь его оскорбил ветеран Великой Отечественной войны. Не отвечая на ругань ветерана, бывший, боец разорвал своё свидетельство, стараясь порвать с военным прошлым. И вообще – не ласкова была та власть к своим защитникам...

15 октября 2018 года он получил новое удостоверение.

Ольга Ядрышникова

Кочковский район

Моё радостное детство

Мой детский мир когда-то вмещался в пространство сельской улицы. Крайняя улица села Кочек – улица Пролетарская. Всего 26 домов вразброс по двум сторонам.

Наша семья жила в доме под номером семь. В семье было трое детей. Старшие сестра Саша, брат Коля и младшая я. С нами жила бабушка. Она вместе с родителями воспитывала нас. Жили скромно, имея всё самое необходимое.

Усадьба всегда была ухожена. Летом во дворе цвели яркие георгины, под окнами дома пестрели летние разноцвет-

ты. Родители были людьми трудолюбивыми, вели домашнее хозяйство. У нас, детей были свои обязанности: полить и прополоть грядки, покормить кроликов, пригнать корову из стада.

В летнее время к домашним заботам прибавлялась сенокосная пора. У отца был мотоцикл «Иж-Планета», на котором он ездил косить сено. Покос был в пятнадцати километрах от села. Сено косили руками.

Отец был рослый, широкоплечий. Душа у него тоже была широкая. Любил пошутить, рядом с ним всегда было интересно. Добрый был человек, общительный. К покосу приучали и старшего брата Колю. Вместе с отцом тот косил, сгребал сено, складывал копны.

С покоса отец почти всегда привозил букет полевых цветов или букетик душистой красной клубники нам, девочкам. Когда ездил один, корове Белке вёз полную люльку зелёной травы. Окраска у неё была как у белки, поэтому так её звали. Привозили сено домой в августе. Насыщенный аромат лесных трав особенно чувствовался летними вечерами. Августовские вечерние росы раскрывали горький запах полыни, мятный – душицы, терпкий – тысячелистника.

Каждое лето собирали клубнику, бабушка с мамой заготавливали на зиму варенье. Ездили за ягодами с папой по очереди или сестра с братом, или мама с кем-нибудь из них. Меня брали редко, но я знала, если буду жаловаться на оводов или жару, брат будет подтрунивать надо мной. Поэтому я терпеливо набирала свой бидончик. Ягода была любимым лакомством в летнюю пору. Её ели с молоком, с ней пекли пирожки и варили кисель. Незабываем лесной аромат и вкус крупных красных ягод.

В дождливое лето лес радовал грибами. Сырой груздь с мягкой бахромой по краям, розовые волнушки... Помню, как уже вдвоём с взрослым братом набирали грузди просто в люльку мотоцикла. Таким урожайным выпал год. Какими вкусными были солёные грузди зимой с варёной картошкой!

Бабушка солила тогда всё в небольших бочонках. Подготавливала она бочонок заранее. Наливала в него воду,

раскаливала кирпич и опускала его в бочонок. Потом бочонок выскабливала, обмывала водой и высушивала на солнце. Тара была готова. В ней солили капусту, огурцы, грузди.

Летом бабушка обязательно сушила клубнику, вялила смородину. Укладывала её тонким слоем на капустный лист и чуть подвяливала в духовке. Зимой эту «лепёшку» нужно было залить кипятком, снять капустный лист, и начинка для пирогов была готова. Пирог бабушка любила печь с яблоками, творогом, ягодами.

В детский сад я не ходила, всё время проводила с бабушкой. Образование у бабушки было начальным – три класса церковно-приходской школы. Но она помнила наизусть стихи Пушкина, Лермонтова, Сурикова. В жизни бабушка была мудрой, в воспитании внуков – строгой.

Бабушка с удовольствием читала газеты. Особый интерес у неё вызвали статьи в «Комсомолке» о семье староворов Лыковых. Зимой она пряла шерсть, вязала носки и варежки внукам, летом хлопотала в доме и в огороде. Сидя за веретеном, любила петь. Обязательно смотрела фигурное катание по телевизору.

В семьдесят пятом году я пошла в школу. Это было одноэтажное деревянное здание на улице Пушкинской, в котором располагалась начальная школа. Моей первой учительницей была Семёнова Валентина Никифоровна. Она учила моего папу и старшего брата Колю. В школе учились начальные классы. В углу перед раздевалкой располагалась небольшая комната с печкой. Зимой по утрам в ней весело трещали дрова. Приветливая тётя Аня поддерживала в школе тепло и чистоту.

Всегда с нетерпением школьники ждали большую перемену, на которой нам приносили пирожки с повидлом. Стоили они пять копеек и казались удивительно вкусными.

Запомнился мне из того времени праздник «Проводы букваря». Родители устроили для нас чаепитие. Было радостно и непривычно.

В этом здании я училась всего год. Во второй класс пошла в только что построенную Кочковскую среднюю школу.

Семья Лашиных
Ивана Андреевича
и Надежды Иосифовны,
1976 г.

А потом летние каникулы...

К нам летом приезжала семья дяди из Ленинградской области.

До семьдесят восьмого года в Кочках был аэродром. Самолёты летали от Новосибирска до Кочек и обратно. Потом пустили шоссе, и необходимость в самолётах отпала. С тех пор его встречали на машине в Новосибирске. Дядя Женья – бабушкин сын и мамин младший брат, приезжал со всей семьёй.

У меня на это время появлялась обязанность няньки. Двоюродных братьев было трое. Старшего звали Миша, среднего – Рома, младшего – Серёжа. Все они были младше меня. В какое-то лето решено было строить новую баню. Старую рано утром начали разбирать. Рома был маленьким и часто говорил о себе и о Мише: «Рона с Мишей». Выйдя на улицу и увидев развалины на месте бани, он воскликнул: «Где же Рона с Мишей теперь рука, нога будет мыть?».

В следующее лето мой папа сломал ногу. Рома попросил сделать ему рогатку. Папа едва успевал отвечать на многочисленные вопросы племянника, а потом сказал:

– Готово! Теперь только резиночку из твоих штанишек вытащим, привяжем и всё.

Находчивый Ромка тут же воскликнул:

— Нет, дядя Ваня, из твоих штанишек. Ты ведь сидишь, а я бегаю.

Все от души смеялись. Ромка получил рогатку и наказ по воробушкам не стрелять.

Дяди Женина жена была родом из Мордовии. Удивительная рассказчица. Говорила немного нараспев, красиво пела. Бабушку учила солить овощи и грибы в банках.

Летом самым красивым местом в нашей округе была кочковатая ляга – небольшой водоём с прозрачной водой и кочками по берегу на окраине села. Сюда прилетали кулики, трясогузки. Перед лягой были полянки весной с цветущими одуванчиками, летом – с клевером. Дети с удовольствием здесь играли, после летних дождей собирали шампиньоны.

В семьдесят шестом году на нашу улицу приехали новые жители, Куртовы Лазарь Власович и Екатерина Никитична с сыном Александром. Он был ровесником моего брата. Люди они были радушные. Лазарь Власович занимался разведением пчёл, имел пасеку. Жена его была хорошей хозяйкой, гостеприимной и хлебосольной. Встречала семьи своих взрослых детей с внуками, делилась с соседками рецептами вкусных блинов, пирожков.

Бывая у Лазаря Власовича, пчеловодством увлёкся мой отец. Он тоже купил пчёл и учился у опытного пчеловода и соседа всем премудростям. Покупал литературу, вещи, необходимые для разведения этой «божьей работницы». У нас был небольшой сад: черёмуха, несколько яблонь, кусты смородины, крыжовника. Ранним утром отец уходил в сад, наблюдал за пчёлами, следил за роящимися семьями, готовился к сбору мёда.

Умение увидеть необычное в обычном, радоваться солнцу, дождю, птице – это передалось мне от родителей как наследство.

Первое лето пчёлы были дома в саду, на следующее их уже вывозили на пасеку. Пчёл размещали недалеко от посевов донника, сурепки, подсолнечника. Первый выкачанный мёд вобрал в себя аромат и вкус сибирского разнотравья. Ярко-жёлтый, почти янтарный, с куском белого хлеба и кружкой молока был он незабываемым лакомством.

Мой старший брат и сосед Александр стали приятелями. Им было по шестнадцать лет. Они оба оказались заядлыми мотоциклистами. У Коли был мотоцикл. Мальчишки со всей округи собирались у него. Кто-то приезжал на своём мотоцикле, кто-то приходил, чтобы прокатиться на мотоцикле товарища. Катались они лихо, с ветерком. Ещё классе в восьмом брат стал ходить в Дом пионеров в кружок автолюбителей. Первые занятия проводили на его мотоцикле. Любовь к технике он сохранил на всю свою недолгую жизнь.

Я тоже ходила в Дом пионеров в кружок мягкой игрушки, а потом в кружок выжигания. Вначале шила мишек и мышек, потом выжигала изображения котят.

Здесь были и другие кружки. Мы с удовольствием приходили в это одноэтажное здание, где нас радушно встречали Нина Васильевна Денискина и Надежда Ивановна Стрижак.

Но все эти увлечения нельзя сравнить с моим увлечением книгой. В семье все любили читать. У каждого были свои любимые книги и любимые авторы. Читали Пушкина, Шишкова, Шолохова, Джека Лондона и современных авторов. У нас была хорошая домашняя библиотека, собранная мамой. Моими любимыми детскими книгами были русские сказки, рассказы Л. Н. Толстого, А. П. Гайдара, З. Воскресенской, М. Пришвина. Больше всех в семье читала моя сестра Саша. С книгой она не расставалась ни на минуту. Брат прятал от неё книги, чтобы просто ей досадить.

Бабушка Синицына
Пелагея Фёдоровна
с дочерью Надеждой
и внучкой Лидой

В четвёртом классе моим классным руководителем стала Костина Прасковья Гавриловна – преподаватель литературы и русского языка. Она выпустила класс моей старшей сестры и взяла класс пятиклашек – среди них училась и я. Читала она нам в любую свободную минуту – на классных часах, после уроков. Вначале это были «Денискины рассказы» В. Драгунского.

На классных часах рассказывала, как школьницей читала в землянке при лучине. Детство её прошло в Прохоровке. Из тех рассказов мне запомнились неизгладимые впечатления о Великой Отечественной войне. Самой большой радостью в послевоенное детство для Прасковьи Гавриловны стала книга. Никогда я больше не встречала людей с таким трепетным отношением к книге.

Она вела в школе драматический кружок. Постановки были разными: «В степях Украины» Кречета, сказка «Золушка» Шарля Перро, «Гроза» Островского. Разный актёрский состав, по-видимому, наталкивал учителя на разные постановки. Стихи наша учительница всегда рассказывала наизусть, очень красиво пела песенную лирику многих поэтов.

С нами она тоже готовила литературные праздники. Запомнилась мне роль Хозяйки Медной горы на вечере, посвящённом П. Бажову. Мама сшила мне длинное платье из зелёного ситца. Корону мы делали с ней вместе.

В начальных классах на новый год я обязательно была в новогоднем костюме, сшитом мамой.

Четвёртый класс я закончила с одной четвёркой – все остальные были пятёрки. Папа после родительского собрания пожал мне руку за мои успехи.

Я училась в классе примерно с равным количеством девочек и мальчиков. Симпатии, возникшие в начальной школе, сохранились на протяжении всей школьной жизни. За первой партией сидел Игорь Патрай. Однажды мы с ним поставили Галочкиной Алле двойку в тетради. Она нас не выдавала тогда Валентине Никифоровне...

Семья Сеницыных

В Игоря я была тайно влюблена, потому так и не рассказала ему о своих чувствах.

У нас была яркая школьная жизнь. Сколько разных событий было кроме уроков! В начальной школе мы делали на ёлку ледяные игрушки. Вода, окрашенная акварельными красками, заливалась в стеклянную банку, в неё опускалась верёвочка... Потом воду нужно было заморозить, а утром игрушки были готовы. Их вешали на ёлку, которая стояла в центре села. Здесь же была деревянная горка, на которой мы катались на школьных портфелях.

В тёплое время года после уроков мне с подружками совершенно не хотелось расставаться. Мы встречались вновь, едва успев пообедать. Катались в парке на каруселях, прыгали с самодельной тарзанки, ходили в ближайший лес или просто друг к другу в гости. А ещё были игры – «классики», «вышибаль». С девочками мы отмечали дни рождения, ходили в кино, на дискотеки.

С пятого класса мы собирали макулатуру, металлолом, берёзовые почки. В средних классах сажали черенки тополей, убирали турнепс. В старших классах работали в «Заготзерне», переворачивая сырое зерно, и в лесхозе, продолжая высаживать «ненавистные» черенки. Сколько же мы захоронили их тогда, потому что норма посадки казалась недостижимой. Хотя в классе были девочки, ставшие лидерами посадки черенков – это Ира Жукова и Таня Актемирова.

19 мая, в День пионерии, вечером всей школой шли на луг, где разводил-

Мои старшие сестра
Саша и брат Коля,
1972 г.

ся пионерский костёр. Учитель истории Скляр Андрей Наумович с учителями физкультуры заранее устанавливали конструкцию, стараясь, чтобы костёр был высоким и ярким. Вначале проходили спортивные состязания, а потом у костра исполнялись пионерские песни «Взвейтесь кострами, синие ночи», «Орлёнок». Счастливые, пропахшие дымом костра, мы возвращались домой.

Каждый год со своей классной руководительницей мы ходили в походы. Они были с ночёвкой на берегу нашей реки Карасук. Мы варили суп на костре, заваривали чай в котелке, пекли картошку, наслаждаясь начавшимися каникулами, летним теплом и общением друг с другом.

После 8 класса мы поехали в наше первое серьёзное путешествие. Это была поездка в Волгоград. За окном пролетали станции, летние пейзажи. Нам предстояло вместе провести целых две недели! Несмотря на строгость наших учителей, мы мазали мальчишек ночью зубной пастой, а в следующую ночь старались не спать, чтобы самим не оказаться на их месте.

Волгоград встретил нас тёплым дождём, новыми знакомствами с ровесниками из разных городов, потрясающим видом на Волгу. Целая неделя в Волгограде была заполнена экскурсиями, прогулками по городу, поиском подарков для родителей.

Со многими ребятами в классе у меня были тёплые отношения, но настоящей подруга была Андреева Наташа. Её бабушка жила с нами по соседству. Мы начали дружить ещё до школы. Она училась в музыкальной школе, поэтому не всегда участвовала в общественной жизни класса. Зато на всех

концертах она обязательно выступала. В старших классах она была ещё и комсоргом класса. Её любимым уроком была математика, а у меня – литература. Я списывала у неё задачи, а она брала русскую классику того же издательства, что и я. Так было легче делать закладки по героям прочитанного романа...

В десятом классе в пору подготовки к выпускным экзаменам мы с Наташей уговорили нашего одноклассника Груздова Сашу поехать вместе на речку. Был июнь, нас ожидали 7 экзаменов, а на небе – ни облачка!.. Он подкатил за нами на отцовском «Запорожце». Поездка на отдых не задалась сразу. Водительских прав у нашего приятеля, конечно, не было, а по дороге нам встретился участковый. Он долго ругал Сашку, а потом отпустил, и мы решили сократить путь, а так как местность у нас болотистая, «Запорожец» вскоре безнадежно забуксовал. А ещё через несколько минут в машине задымились провода!.. Хорошо, что рядом оказался колодец, где легко снималось ведро с цепи. Чем закончилось возвращение одноклассника домой, мы только догадывались...

Вспоминается начало летних каникул. Ранним утром долгожданный велосипед – новенький «Орлёнок» поблещивал на солнце. Сильные руки отца были надёжны и крепки. Я не боялась упасть на пыльной сельской дороге, поэтому поехала без страха, с радостью и восторгом. Так велосипед стал моим надёжным другом. Первые поездки были к подружкам, в магазин по поручению бабушки, за коровой Белкой в стадо...

В середине июля мы с подружками и соседскими мальчишками ездили за ягодами. В нашей лесостепной зоне среди берёзовых колков много опушек, усыпанных ягодником. Душистая сочная клубника привлекала своим ароматом, незабываемым вкусом.

Иногда нас выручал мой старший брат. Он приезжал на мотоцикле, чтобы забрать наши двух-трёхлитровые бидончики с ягодами и увозил их в люльке, а мы довольные возвращались домой, успев съесть свой нехитрый завтрак из огурцов и хлеба. По дороге

мы соревновались, кто сможет ехать дольше без рук, не держась за руль.

Велосипед в летнюю пору превращался в средство для путешествий. С класса пятого у меня появился большой велосипед. На нём ездил иногда отец, но чаще я.

Природа вокруг районного центра Кочки богата берёзовыми колками, кочковатыми лягами, через него протекает река Карасук. Весной река выходила из берегов, подтапливая дома, а летом пересыхала в некоторых местах до размеров ручейка.

В десятом классе мы сдавали экзамены. Родители целый день на работе, а мы с друзьями на велосипедах ездили на песчаный плёс реки Карасук, он километров 10 от дома. Самое главное было убедить бабушку, что с подружкой вместе будем готовиться к экзаменам. А ещё успеть после купания высушить волосы и купальник, чтобы ехать домой уверенной, что обман не раскроется. Вернуться нужно до прихода родителей с работы. Главное, чтобы не подвёл велосипед и ты мог быстро домчаться с ветерком до дома.

Лидия Лунева

Искитимский район

Монумент погибшим воинам в с. Сосновке

Дорожка, ведущая в аллею, сцена для проведения митинга в честь 9 мая, справа – высокие молодые ели с сочной зелёной хвоей, слева – тополя до самых небес. За сценой, на высоком постаменте, фигура молодого солдата. Он стоит, расправив плечи, смотрит вдаль, и кажется, что солдат смотрит смерти в лицо. Рядом – молодая женщина, босая, в простом деревенском платье, она стоит, склонив голову на плечо солдата, прощаясь с ним...

А внизу, на бетонном постаменте, две даты, ставшие роковыми для нашей страны, нашей области, нашего села: 1941–1945 гг.

Невольно содрогаетесь при мысли о семьях, потерявших сыновей, братьев, мужей и отцов. Да, совсем другими глазами смотришь на этот памятник, когда задумаешься о тех, кто отдал жизнь за Родину.

Когда я решила написать историю создания этого памятника, то предполагала найти информацию в школьном или сельском архиве. Но информации о создании памятника не было нигде: ни в архиве школы и села, ни в Интернете. И тогда мы с Ольгой Васильевной Забранской, руководителем школьного музея, взяли интервью у человека, имеющего прямое отношение к истории памятника. Для этого мы отправились в село Лебедёвка Искитимского района, к Льву Генриховичу Шмидту, занимавшему в то время в Тальменском птицевосхозе пост директора. Лев Генрихович принял нас очень радушно и рассказал всё, что помнил о создании памятника.

Память его поразила меня: Лев Генрихович, несмотря на преклонный возраст, называл точные даты, имена, фамилии.

Возведение монумента относится к 1974–1975 годам. В это время Тальменскому совхозу исполнялось 25 лет. В стране тогда вошло в традицию ставить Монументы славы. Бывший фронтовик В. И. Акимов на очередном пар-

Полина Бунеева
беседует с Львом
Генриховичем

тийном собрании завёл разговор о том, что необходимо поставить в честь юбилея совхоза монумент погибшим в годы Великой Отечественной войны солдатам сёл Сосновки, Мельтюшей и Ельцовки.

Директор школы, ветеран войны А. И. Трифонов поддержал эту идею.

Сбор данных о погибших солдатах они поручили Л. Г. Шмидту, который для этой цели ездил в Искитимский военкомат и искал информацию в архивах.

Второго октября на Всесоюзной пионерской радиолинейке школьники страны получили пакеты с заданием: каждому отряду пройти по отведённой улице и составить со слов жителей списки солдат, погибших на войне.

Через полгода списки были готовы. Пора было приступать к строительству памятника. Но как должен выглядеть монумент? Где взять эскизы? Много журналов было пересмотрено, специалисты совхозного совета ездили по Искитимскому району, затем в Новосибирск: обратились в мастерскую на Красном проспекте за помощью. Им не отказали, предложили несколько эскизов. Специалисты сделали свой выбор: остановились на эскизе, изображающем солдата и женщину, провожающую его на фронт.

Фигуры изготавливали около года, неофициально, после работы.

Лев Генрихович для благого дела пользовался своими связями, своим положением. Он привлёк рабочих завода им. Кузьмина к изготовлению стел. Мужчины отливали таблички с фамилиями погибших воинов.

К осени работы были закончены.

Весной закипела работа в Сосновке. Местные жители, школьники, учителя активно работали на субботниках: расчищали площадку под фундамент, готовили территорию будущего парка на месте сгоревшего клуба, посадили сирень, ивы. За одно лето были залиты площадки для монумента и стел. Стелы и монумент (его привезли по частям), сделанный из гипсобетона, привезли вечером в один из июльских дней. Л. Г. Шмидт, его шофёр и Я. Я. Вагнер установили его втроем.

В создании монумента принимали активное участие жители Сосновки: Я. Я. Вагнер, А. Постников, В. Пустотин, Н. В. Лежнин, И. Батенёв, В. Ф. Пивоваров, М. Н. Шушаков, И. П. и Г. П. Семьяновы, механик А. К. Атаманов.

Памятник был почти готов. Но тут возникла проблема с освещением. Ведь стройка была проведена неофициально. Тогда Шмидт предложил необычное решение: электропровода провели в соседний дом. Его хозяйка Л. Жандаренко, ложась спать, включала фонари, а утром, уходя на работу, выключала.

Монумент и стелы обошлись совхозу в 10 000 рублей. В постройке значительно помогли личные связи Л. Г. Шмидта и полученный совхозом орден Ленина.

Дальнейший уход за памятником должна была осуществлять школа. По классам были распределены обязанности и участки парка. Дети посадили деревья.

Каждый год школьники убирают территорию перед Днём Победы.

Монумент стал для сосновцев символом родного села, потому что является памятником отваги, доблести и благородства наших предков в годы войны. Кроме того, он напоминает о дружном коллективном труде земляков, построивших его.

Полина Бунеева

Болотнинский район

Мудрая мама

Это было давным-давно, «когда деревья были большими», а я – маленькой, несмышлёной и очень любопытной. Шёл 1957 год...

Однажды мама купила мне детскую книжечку. Она была тоненькой, текста мало, а иллюстрации на полстраницы, и она мне сразу очень понравилась. То ли потому, что это была моя первая книжка, то ли потому, что на обложке был изображён птенец, который трогательно таращился на окружающий мир, вытянув из скворечника шею.

«Мама, это воробей?» Птицы для меня тогда делились на воробьёв и не воробьёв. «Нет, дочка, это скворчонок...». «Скво...кто?», – удивилась я.

«Сын скворца, первой весенней птицы, которая прилетает к нам», – и мама поведала мне, раскрыв книжечку, о мудрой маме-скворчихе, которая решила две проблемы, свалившиеся на неё в один день. Первая заключалась в нежелании её малыша оттолкнуться от крыши и совершить свой первый полёт, а вторая возникла в виде злой чёрной кошки, которая преследовала её единственного птенца, на защиту которого она бесстрашно кинулась и была ранена. Я так ясно представила себе эту картину, что сначала заплакала, потом долго смеялась над глупой кошкой, оставшейся ни с чем. «Мама, кто это написал?» «Семён Савельев», – прочитала мама на обложке.

Я часто возвращалась к этой книжке, учила по ней первые буквы, и она имела своё, охраняемое место. Бабушка, любившая меня без памяти, видя моё отношение к этой маленькой кни-

Обложка книги
С. Савельева
«Первый полёт»

жечке, каждый раз, протирая её фартуком, клала к себе в сундук и почему-то говорила: «Всё, милая, спрятала я твоего чижика». Она упорно не видела в нём скворца.

Прошли годы... Обстоятельства заставили нашу семью переехать на время в г. Междуреченск, где мы прожили два года, там же родилась моя сестра Ольга. Вернувшись в Болотное, меня определили учиться в школу № 21. В пятом классе началось изучение английского языка, учительницу звали Светлана Семёновна Савельева. Она уже несколько лет преподавала в нашей школе. Как-то на уроке, осмелев, я спросила: «Скажите, пожалуйста, Семён Савельев Вам, случайно, не дальний родственник?» На что Светлана Семёновна ответила: «Нет, крайне близкий. Он – мой отец...».

Это было удивительно!

Я сразу полюбила и уроки английского языка и Светлану Семёновну. Добрая и умная учительница, она тепло улыбнулась, узнав, что я бережно храню книжицу её отца.

Семья Савельевых переехала в Болотное из Томска, к сожалению, сей-

Я и моя мама
Наташа...

час трудно утверждать, когда это случилось. Отец занимался озеленением участков вдоль железной дороги, наверное, это и было причиной перевода семьи из Томска. Они поселились на улице Линеинной № 4 кв.2. Ряд крепких двухэтажных домов, построенных для железнодорожников, и сейчас находятся на этой улице, правда, сейчас она носит имя одного из Героев Советского Союза Забобонова И. С., нашего земляка.

У Светланы Семеновны был брат, который погиб в 1943 году. Иногда, когда дело касалось военной темы, она с грустью рассказывала нам о старшем брате, с которым она была очень дружна.

Позже, повзрослев, я играла с ней в народном театре, зрители обожали её характерные роли.

Однажды, сестра, которая училась тогда в первом классе, пригласила в гости свою одноклассницу. Рослая девочка с толстой косой, открыто улыбаясь, представилась: «Лена Савельева...». Девочки были младше меня лет на восемь. Хитро улыбаясь, сестричка сказала ей: «Лена, а ты знаешь, у моей сестры есть книжка-талисман, угадай какая?», – и вынесла книгу о скворце. «Спасибо, – улыбнулась она, – дедушка был бы очень рад»...

Девочки крепко дружили до выпуска из школы. Они дополняли друг

друга: резкая, импульсивная Ольга и спокойная, рассудительная Лена Савельева.

Городок наш провинциальный, в ту пору почти в каждом дворе держали скот. Моя семья не являлась исключением. Звали нашу большую пёструю корову-кормилицу Малышкой, и мы стали гонять её «в стадо».

Летом 1965 года город «посетил» ящур и неминуемо наступил карантин. Скотину не пускали в черту города, днём её охранял пастух, а ночью по очереди стадо караулили хозяева. Мама давно страдала бронхиальной астмой, отчим выздоравливал после операции, и в ночь в «караул» выпало идти мне.

Лето, ночь, костёр... Ольге и Лене это показалось заманчивым, они кругами ходили за мной, уговаривая взять их с собой. Девчонки уже научились читать и, прихватив с собой тоненькие книжки, в том числе и мой любимый «Первый полёт», двинулись за мной.

Как только коровы, шумно вздыхая, определились на покой, мы сели в кружок и по очереди стали читать вслух. Был тёплый вечер, пахло парным молоком, рядом раздавался мирный хруст пережёвываемой травы... Мы читали до полной темноты, а потом, прижавшись, крепко заснули...

Я проснулась первая и увидела, что какая-то коза заинтересованно и с аппетитом жуёт клочок травы, торчащий из-под Ольгиного уха. Та блаженно улыбалась во сне и вдруг, как-то сразу проснувшись, увидела подступавшую к ней бородатую морду с рогами. Ольга подпрыгнула, сдёрнув шуршащий брезентовый плащ с меня и Лены, и вдруг заорала так, что мы спросонья тоже громко завопили. Коровы рванули в кусты, к болоту и дальше. Стоять осталась только наглая коза!..

Мы целый час собирали в кучу наших коров и впопыхах, продираясь сквозь кусты и сухую траву, потеряли мою книгу. Когда пришёл пастух, и стадо перешло к нему, начали её искать, но не нашли.

Все в репье, в «собачках», сердитые и не выславшиеся, мы шли домой, и я горевала больше всех – потеряла мою любимую книгу!..

Её принёс через три дня па-стух – мою драгоценность, аккуратно обернутую газетой. Смущённо улыбаясь и протягивая мне «галисман», он сказал: «Нашёл я её в тот же день, прочитал своей дочке, хотел оставить ей, но, чувствую, она вам дорога...Я видел, как вы её искали».

Прошли годы... Своим детям я тоже часто читала «Первый полёт», и они бережно хранят в памяти всё, что связано с этой книжицей, а я упорно ставлю её между своими любимыми Пушкиным, Цветаевой, Булгаковым. Как же я удивилась и обрадовалась, когда, придя работать в краеведческий музей, обнаружила в фонде любимую книжку детства. Мы попытались найти еще хоть какие-то сведения о других произведениях С. Савельева, но, к сожалению, даже всемогущий интернет нам в этом не помог.

То чувство, которое питала к книжице своего земляка, я выплеснула на малышей детского сада и первоклассников. Уже как экскурсовод рассказывала им о природе родного края, о замечательных людях, живущих в нём, о моём любимом Семёне Савельеве, его потомках, о мудрой маме-скворчихе, которая под угрозой жизни отправила своего первенца в первый полёт, и тем самым спасла ему жизнь.

У птиц всё, как у людей... Но только у людей произнесенное слово остается навсегда. И вспоминая тютчевские слова «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется», понимаешь, что

Семён Савельев и не предполагал, что его единственная тоненькая книжка станет важным и нужным словом для стольких малышей и переживет его на сотню лет. Мудрое и доброе слово живет вечно.

Любовь Петрова

Чистоозерный район

На Иванах земля держится

Иван Михайлович Яровой – это имя знакомо в Чистоозёрном районе большинству жителей. А уж в селе Журавка его знают все, от мала до велика. 33 года руководил Яровой этим хозяйством,

с должности председателя ушёл на заслуженный отдых. Переехал в г. Новосибирск, поближе к детям и внукам. А дела этого замечательного человека в Журавке видны на каждом шагу.

16 км водопровода, агрономический комплекс, РТМ, склады, автогараж, столярные мастерские, кирпичный завод, звероферма, детский сад, 80 % имеющегося сегодня жилья – всё это построено, создано, отлажено, запущено в результате напористости, настойчивости, целеустремлённости Ивана Михайловича, его умения видеть настоящее и предвидеть будущее. Журавцы благодарны Ивану Михайловичу за прекрасный оздоровительный комплекс с бассейном и сауной, услугами которого пользуются не только они, но и жители всего района, за стадион, хоккейную коробку. Улицы «одетые» в асфальт – это тоже его забота.

В художественной самодеятельности, в спорте, в производственных делах – журавцы первые не только в районе, но и в области.

Так было все 33 года руководства хозяйством Иваном Михайловичем Яровым. Без его личного присутствия не проходило ни одно выступление артистов сельской самодеятельности, ни одно спортивное соревнование, будь то у себя в селе, в районном центре, или за пределами района.

Благодаря Яровому И. М., являющемуся депутатом Верховного Совета РСФСР, в посёлке Чистоозёрное появился новый железнодорожный вокзал, приятно преобразивший центр.

Иван Михайлович Яровой с ветеранами войны и труженицами тыла

Иван Михайлович Яровой

Причастен Иван Михайлович к появлению в Чистоозёрном переходного моста через железнодорожные пути.

В декабре 1972 года был награждён орденом «Трудового Красного Знамени» за достигнутые успехи в труде.

В декабре 1983 года Иван Михайлович награждён медалью «Ветеран труда». В 1985 году Яровой И. М. был избран депутатом Верховного

Совета РСФСР, в то же время он является членом бюро РК КПСС и членом областного Совета колхозов.

В 1990 году указом Президиума Верховного Совета РСФСР Яровому И. М. присвоено почётное звание «Заслуженный работник сельского хозяйства РСФСР».

Словом, это земляк, которым чистоозёрцы гордятся сегодня и будут гордиться всегда.

Портрет Ярового И. М. украшает сельскую галерею знатных людей села Журавка.

И не случайно именно он отмечен знаком отличия «За заслуги перед Новосибирской областью».

На уюрке зверобоя

Татьяна Филиппова

Мошковский район

Наш земляк Харитонов Н. М.

Был апрель 1976 года, когда Харитонova Николая Михайловича назначили директором совхоза «Галинский». Шел тогда ему 27-й год, и был он самым молодым руководителем хозяйства в Новосибирской области.

Очень энергично приступил Николай Михайлович к работе в совхозе. Под его руководством в «Галинском» велось активное строительство, населенные пункты менялись на глазах: в Обском построена двухэтажная школа, магазин, столовая, детский сад, ток, гусиная ферма с инкубатором, две улицы домов, асфальтированы дороги. В Кузнецовке построили клуб, кирпичную школу, вместительный гараж, двухквартирные дома. В хозяйстве появились новые животноводческие помещения.

В эти же годы на полях организовали правильный севооборот, посеы стали чище, и возросла урожайность зерновых культур. Было посеяно около 50 гектаров зверобоя, который поставлялся на заводы, нуждающиеся в этом сырье. Увеличилось стадо крупнорогатого скота, и в 80-е годы достигло 3500 голов.

Когда в мае 1990 года в результате пожара выгорела деревня Кузнецовка, Николай Михайлович, будучи к этому времени народным депутатом РСФСР, сделал все, чтобы уже осенью люди вселились в новые просторные квартиры и коттеджи.

Николай Михайлович всегда заботился о благополучии своих рабочих. В начале 90-х годов, когда в стране с прилавков магазинов исчезли продукты, рабочие совхоза сравнительно благополучно пережили это время. Благодаря предприимчивости и дальновидности директора совхоза Н. М. Харитонova, стали сеять гречиху, выращивать сахарную свеклу, и крестьяне получали дефицитные по тем временам сахар, гречку, с маслозавода – сгущенное молоко, масло.

В это время завезли маточное стадо гусей, построили гусятник и инкуба-

тор. Гусятами, цыплятами обеспечивали своих рабочих и жителей района.

Николай Михайлович заботливо и чутко относился к своим рабочим, знал, как дела в семье, как учатся дети.

Много внимания Николай Михайлович уделял спорту. В 1992 году в Обском открыли стадион, на котором стали проходить сельские спортивные игры. В поселке были созданы футбольная, волейбольная и лыжная секции. В 1993 году команда совхоза «Галинский» заняла первое место в Об-

ластных спортивных играх. В 1997 году был создан СК «Галинский», учредителем которого стало Новосибирское региональное отделение АПР.

Проработал у нас Николай Михайлович без малого 18 лет, и это были самые успешные годы в жизни совхоза «Галинский».

Жизнь страны, политика всегда интересовали Николая Михайловича. Неоднократно избирался он депутатом сельского, районного, областного совета депутатов. Активная жизненная позиция привела его в «большую» политику: в 1990 г. был избран народным депутатом РСФСР, а впоследствии из-

бирался депутатом Государственной Думы всех семи созывов,

В 2004 г. Харитонов Н. М. баллотировался в Президенты РФ и получил 13, 7 % голосов избирателей РФ.

Николай Михайлович не забывает ставший родным поселок. Ежегодно в летние каникулы он приезжает в Обской. Жители обращались и обращаются к Николаю Михайловичу и в горе, и в радости. И он всегда отзывается, находит время для участия и поддержки делом и словом, остается доброжелательным, отзывчивым и доступным для рабочего человека.

Надежда Соснина

Николай Михайлович Харитонов

Москва.
Н.М. Харитонов на стадионе перед встречей с командой Федерации независимых профсоюзов России

Чановский район

Одноклассники

12 декабря 1979 года в г. Москве на заседании политбюро ЦК КПСС было единогласно принято решение ввести советские войска в Афганистан. Это привело к тому, что началась необъявленная война между Демократической республикой Афганистан и Советским Союзом с одной стороны и оппозиционными силами и их союзниками извне, с другой стороны.

Десять долгих лет советские солдаты воевали в Афганистане. Более 14 тысяч человек погибшими и пропавшими без вести потеряла Советская Армия в этой войне. Многие мальчишки, вчера еще сидевшие за школьной партой, прошли испытания Афганистана. Юноши 9–10 классов Тебисской школы во главе с учителем начальной военной подготовки П. И. Криворучко каждый год весной принимали участие в районных военно-полевых сборах, где занимались строевой и огневой подготовкой, несли службу в карауле. Заканчивая школу, будущие призывники уже имели представление об армии и владели азами военного дела. Три друга одноклассника А. Суворов, О. Колотыгин и Е. Голубцов проходили службу в ограниченном контингенте советских

Александр Суворов

войск в Афганистане. Олег Колотыгин служил в военно-десантных войсках, домой вернулся с медалью «За боевые заслуги». У Александра Суворова военная служба началась в Таджикистане. Три месяца учили воевать, а после отправили в Афганистан, помогать защищать свободу народу дружеского государства. Проходил службу в пограничных войсках, в бригаде материального обеспечения. Часть располагалась в провинции Улихумри. Полтора года Александр колесил по дорогам Афганистана. Военным автомобилистам оказались по плечу самые трудные рейсы через горные хребты Гиндукуша, горячие пески пустыни Регистан. Так получилось, что военные водители оказались в условиях Афганистана на самом острие жизни. Эта профессия стала едва ли не самой героической. От водителей во многом зависела нормальная жизнь тысяч людей. В Афганистане нет железных дорог. А продовольствие, горючее, медикаменты нужны всюду. И уходили колонны в рейсы, которые длились по несколько суток и даже недель. Серая лента дороги падала под колеса, убегала вдаль, порой вилась змейкой вдоль горного ущелья, но чаще шла вдоль песков. От российской до пакистанской границы километры дорог наматывали колеса тяжелого КамАЗа рядового Суворова. На сотни километров пески, горячие, сыпучие пески. Водителям приходилось ночевать там, где их застала ночь, и кабина автомобиля для них – что стены родного дома. Порой поджидала колонну душманская засада. И тогда от военного водителя требовалось самообладание, шофёрское мастерство и личная храбрость. Душманы возникают из песков,

Евгений Голубцов

как желтые призраки. Выскочат, обстреляют и скрылись, – ни на машинах, ни пешком их здесь не взять – все ходы и тропы знают здесь эти духи. Хорошо, когда рядом надежный вертолет. В одном из рейсов, колонну, в которой шла машина Александра Суворова, обстреляли душманы, подбили головную и заблокировали выход. Колонна не могла дальше двигаться и стала мишенью для боевиков. Советский солдат Суворов в сложной ситуации не растерялся, он своей горячей машиной протаранил закрывающий путь пылающий автомобиль и сбросил его в ущелье. Дорога была свободна. Колонна, отстреливаясь, вышла из ловушки. За этот подвиг, в соответствии с указом Президиума Верховного Совета от 28 января 1988 года. Александр Павлович был награжден медалью «За отвагу». После службы в армии А. Суворов вернулся в родное село. В настоящее время работает водителем в школе.

Евгений Голубцов родом из Барабинского района, но так сложились обстоятельства, закончил Тебисскую среднюю школу. В «учебке» молодого солдата научили азам разведки и отправили в Афганистан. С честью советский солдат Е. Голубцов выполнил свой интернациональный долг перед Родиной. Домой Евгений вернулся с медалью: «За боевые заслуги». После службы работал на железной дороге, но однажды у молодого человека не выдержало сердце, Е. Голубцов трагически погиб.

По разному сложились судьбы молодых людей, которых объединил Афганистан, но неизменно, каждый из них, где бы он не был, 15 февраля в день вывода советских войск из Афганистана вспоминает своих однополчан.

Лариса Зиневич

Болотнинский район

«Олимпийский чемпион»

Новосибирское бюро международного молодежного туризма «Спутник» формировало группы для поездки представителей от районов НСО на XXII летние Олимпийские игры, которые проходили с 19 июля по 3 августа

1980 года в четырёх городах Советского Союза (главная арена находилась, конечно, в Москве).

В то время я работала первым секретарём Болотнинского райкома ВЛКСМ (Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз молодёжи) и была назначена руководителем одной из групп. В её состав входили передовики производства, новаторы, общественные активисты, творческие люди из разных районов и городов нашей области. За хорошую работу и высокие показатели наших спортсменов на областных сельских Играх бесплатную путёвку получил наш земляк, председатель Болотнинского спорткомитета – Николай Александров, активный член РК ВЛКСМ.

Каждый день Олимпиады был наполнен очень яркими, интересными мероприятиями – не только спортивными соревнованиями, но и встречами с другими делегациями в Интерклубе, экскурсиями по городу и многими другими.

Неизгладимое впечатление на нас произвели финальные старты наших легкоатлетов. Мы стали свидетелями побед нашего земляка Виктора Маркина на дистанциях 400 и 800 метров!

Но самое сильное впечатление мы получили, конечно, от церемонии закрытия Олимпиады, на которой мы присутствовали вместе с Николаем. Огромный олимпийский Мишка, символ советской Олимпиады, взмывающий в небо над стадионом в Лужниках, и песня в исполнении Льва Лещенко, Татьяны Анциферовой и ВИА «Пла-

Туристическая путевка на XXII летние Олимпийские игры в Москве (оборот)

мя», не могли оставить нас равнодушными к происходящему на большой арене. Все сидевшие на трибунах стадиона сквозь слёзы махали вслед улетавшему Мишке, ревели девчонки нашей группы, плакали даже иностранцы, так трогательна была финальная часть закрытия Олимпиады.

Но не только болельщиками и наблюдателями были мы на этом замечательном мероприятии. Для туристов организаторы Олимпиады проводили соревнования-забеги на «Олимпийскую милю» длиной 1980 метров. Старты проходили в парке Вернадского, недалеко от метро Вернадского. От нашей группы принимали участие несколько человек, в том числе и Николай. Скажу прямо, ему не очень-то хотелось бежать почти два километра и он слегка сомневался: я, мол, не бегал уже года два, и формы у меня нет, я что, в брюках побегу?

У меня же были свои доводы: кому же ещё бежать как не спортсмену?

Но когда мы пришли на старт, я поняла беспокойство Николая. В числе стартовавших были люди в спортивной форме, по виду настоящие бегуны, перед стартом они разминались, как взятые спортсмены. Впрочем, основная масса пришедших на старт была очень похожа на отступающих французов в 1812 году. Одеты они были не лучше Николая, кто в чём.

Каково же было моё удивление, когда Николай перед стартом втиснулся в первый ряд бегущих! Он что-то им сказал и застегнул ворот рубашки.

Туристическая путевка на XXII летние Олимпийские игры в Москве

Туристическая группа из Новосибирской области на Олимпиаде-80. В первом ряду третий слева – Александров Н.А., во втором ряду четвертая слева – руководитель группы Голошевская Г.М.

Раздался выстрел, и вся огромная масса участников забега рванула по аллее парка, зрители отступили на газон, пропуская бегущих. Николай ушёл со старта первым! Он промчался мимо меня, громко стуча по асфальту каблуками лакированных туфель.

Я как руководитель одной из групп, принимающей старт, стояла среди организаторов «Олимпийской мили» – сотрудников Московского БММТ «Спутник» и членами судейской коллегии. Через несколько минут, завершая первый круг, промчалась вся орава бегунов. К моему удивлению, первым бежал Николай! Он бежал с отрывом метра два, чуть прогнувшись и сильно работая руками, рубашка бабочкой летала за спиной, а за ним, преследуя рысью, гнались легкоатлеты в кроссовках, спортивных майках и атласных трусах.

– Это что за чудо такое? – спросил кто-то из изумлённых организаторов.

– Это наши, – ответила я, – из Новосибирской области.

– Сибиряк... – ответил судья, но уже уважительно и даже с почтением. – Не удержаться вашему парню, за ним чертановские бегут.

– Посмотрим, – ответила я, и в ту минуту мне очень захотелось, чтобы Николай победил, вот непременно сейчас важно было утереть всем зазнайкам нос, не дать обойти себя этим чертям чертановским! – Мы тоже не лыком шиты, – ответила я судье, – мы тоже из Болотного.

Николай не подвёл! Он первым коснулся финишной ленточки, пробежал

по инерции несколько метров и растянулся на газоне...

Потом была церемония награждения, пьедестал почёта и золотая медаль победителя «Олимпийской мили».

Николай стоял бледный и счастливый, а на следующее утро мы поехали покупать ему новые ботинки.

Вот такая история об «олимпийском чемпионе» из Болотного.

Галина Голошевская

Колыванский район

Первый глава Колыванского района

Ноздрюхин Виктор Михайлович родился 28 ноября 1938 года в селе Ново-Еловка Колыванского района Новосибирской области в крестьянской многодетной семье. Отец, Ноздрюхин Михаил Иванович, работал в колхозе конюхом, мать, Ноздрюхина Анна Ивановна, работала на разных работах, была телятницей, дояркой, заведующей на ферме. Виктор в семье был четвёртым ребёнком: сестра Антонида, братья – Тимофей, Николай, Георгий.

Семья была дружная, жили достойно, но не богато. Есть стержневые свойства личности – доброта, порядочность, честность, милосердие, трудолюбие, которые наследуют от родителей, эти свойства заложили в своих детях эти простые русские люди.

Родители были неграмотные, поэтому хотели, чтобы дети выросли образованными. Тимофей имел среднее специальное образование, Николай, Виктор, Георгий – высшее образование, только старшая сестра Антонида имела начальное образование, но закончила курсы продавцов и более 40 лет работала в магазине. Надо было помогать учить братьев, поэтому рано начала работать сначала рабочей в колхозе, а потом – продавцом.

Трудовую жизнь Виктор начал в 1956 году рабочим Пихтовского совхоза, потом трактористом, а в 1958 году комсомольцы совхоза избрали его своим освобождённым секретарём комитета ВЛКСМ Пихтовского совхоза. В это время он оканчивает Пихтовскую

среднюю школу. В 1959 году поступает в Новосибирский сельскохозяйственный институт; здесь его принимают в ряды КПСС.

В 1962 году приезжает на практику в Кандауровский совхоз Колыванского района в должности агронома и здесь остаётся работать главным агрономом, а сессии в институте сдаёт вместе со своей группой. В 1964 году получил диплом Новосибирского сельскохозяйственного института по специальности учёный агроном. В этом же 1964 году поступил в высшую партийную школу г. Новосибирска и в 1966 году окончил 2-х годичную высшую партийную школу и по её окончании назначается председателем комитета народного контроля Колыванского района.

В марте 1970 года был избран секретарём районного комитета КПСС Колыванского района. В 1977 году Виктор Михайлович избран председателем исполкома Колыванского районного Совета депутатов. 9 декабря 1991 года назначен Главой администрации Колыванского района. В марте 1997 года переведён на работу в Новосибирский областной Совет депутатов, где возглавил постоянную комиссию по вопросам экологии и рациональному использованию природных ресурсов; работал до выхода на пенсию.

Где бы он ни работал, какие бы должности ни занимал, всегда оставался самим собой – простым, добрым, скромным. Работать и не просто работать, а делать любое дело по совести, отвечать за свои поступки, любить и уважать людей. Вся жизнь Виктора Михайловича связана с Колыванским районом, много сил, энергии вложил он в его развитие. Под его руководством укреплялась материально – техническая база района, строились производственные помещения, объекты соцкультбыта, жильё.

Во время его руководства район занимал передовые позиции среди районов области, уделял большое внимание развитию сельского хозяйства: орденом Ленина и орденом Дружбы народов были награждены доярки колхоза им. Кирова Выборкина Мария Андреевна и Пряхина Мария Алексеевна, а трактористка Кандауровского совхоза

Фёдорова Мария Митрофановна удостоена звания Героя Социалистического Труда, председатель колхоза им. Кирова – за выдающиеся успехи, достигнутые во Всесоюзном социалистическом соревновании, за проявленную трудовую доблесть по увеличению производства и продажи зерна государству и области был удостоен звания Героя Социалистического Труда Громадский А. С..

Виктор Михайлович активно содействовал восстановлению Храма Александра Невского. От Новосибирской епархии был награждён памятным знаком «За усердные труды» и Благодарственными Архиерейскими грамотами за содействие в восстановлении Колыванского Храма Александра Невского.

Был заместителем председателя попечительского Совета журнала «Горница», помог талантливым людям района опубликовать свои произведения в журнале, издать поэтические сборники.

Его хорошо знали как в районе, так и в области, он пользовался авторитетом среди Глав администраций области (не случайно они избрали его старостой), был прост и доступен в общении. У него были верные друзья и товарищи в разных городах.

В канун 70-летнего юбилея собралось много людей, говорили тёплые слова, выступали главы администрации области, вручали памятные адреса. Пришла Правительственная телеграмма из Москвы: «Уважаемый Виктор Михайлович. Примите мои тёплые поздравления 70-летием со дня вашего рождения. У Вас яркая трудовая био-

графия настоящего человека, человека труженика, грамотного управленца, умелого организатора производства, профессионального руководителя исполнительной власти территории. Всё это шло на благо Колыванского района Новосибирской области. От всей души желаю Вам здоровья, активного долголетия, радостей в жизни. С глубоким уважением член Совета федерации Федерального собрания Российской Федерации» В. В. Леонов.

За время работы неоднократно награждался Почётными грамотами областного Совета депутатов и администрации области. Имеет награды: Медаль ордена «За заслуги перед Отечеством II степени», юбилейная медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», медаль «Ветеран труда», высшая награда Новосибирской области знак Отличия «За заслуги перед Новосибирской областью», памятная медаль «50 лет начала освоения целинных земель», памятная медаль «90 лет Великой Октябрьской социалистической революции», памятная медаль «90 лет Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодёжи».

В годы своего руководства районом Виктор Михайлович неоднократно избирался депутатом районного Совета и Новосибирского областного Совета народных депутатов. Страстный охотник и рыбак, любил охоту не столько за трофеи, сколько за общение с природой, с друзьями. Из трофеев сам делал отличные чучела, некоторые дарил друзьям, его гордостью стал мини музей, в котором находятся представители фауны природных зон России.

Виктор Михайлович любил и знал жизнь, много читал, обладал чувством юмора, знал массу охотничьих баек, в молодости занимался спортом, занимая 1-е, 2-е места в районных и областных соревнованиях.

Выйдя на пенсию, продолжал работать, занимался общественными делами, помогал людям во всём добрым и мудрым советом, что было в его силах. Добрый, обаятельный человек, прекрасный семьянин, вместе с женой воспитали дочь Викторию, которая работает преподавателем английского

языка в Новосибирском военном институте.

В 2003 году Виктору Михайловичу за особые заслуги и выдающийся вклад в развитие Колыванского района присвоено звание «Почётный гражданин Колыванского района». Вручено удостоверение за № 1.

В апреле 2010 года Виктора Михайловича не стало. Но земляки помнят о нём. Его именем названа одна из улиц р. п. Колывань. Постановление «Об образовании новых улиц в р. п. Колывань» от 24.10.2011 № 551 Администрация рабочего посёлка Колывань Колыванского района Новосибирской области.

Любовь Ноздрюхина

Новосибирский район

Учителя

Много профессий есть на свете, но я считаю, что самая важная и главная – это профессия учителя и воспитателя.

В моей семье мои прабабушка Присяжных Екатерина Корниловна и прадедушка Присяжных Виктор Александрович всю жизнь проработали учителями в Жеребцовской школе № 39.

А моя бабушка Адова Ирина Викторовна продолжила их династию, она воспитывала самых маленьких детей, работая воспитателем в детском саду. Когда в нашей школе в 2004 году открыли группу кратковременного пребывания для дошкольников, бабушка в течение 10 лет до ухода на заслуженный отдых трудилась воспитателем.

Я хочу рассказать о Присяжных Екатерине Корниловне, своей прабабушке. Когда началась Великая Отечественная война, ей было 18 лет. Она уже окончила педагогическое училище и стала работать учителем в селе Алфёрово Новосибирской области.

В 1945 году моя прабабушка приехала в село Жеребцово учителем начальных классов, где и проработала до конца своей жизни. Здесь же она встретила своего будущего мужа, тоже учителя, Присяжных Виктора Александровича. Присяжных Виктор Александрович пришел работать в нашу

школу в 1947 году и стал преподавателем математики и физики.

Из воспоминаний выпускника школы Зевахина Виктора: «Виктор Александрович на уроках приводил жизненные примеры из занимательной математики, физики, вызывая у нас интерес к этим наукам. Ученики вовлекались в процесс решения занимательных задач.

Виктор Александрович Присяжных был человеком активной жизненной позиции. Руководил музыкальным кружком, сам великолепно играл на гитаре и балалайке. В последующие годы вместе с Зевахиным Иваном брали призы в смотрах художественной самодеятельности за виртуозную игру на балалайках. На 1 мая 1950 года Виктор Александрович организовал парад в селе Жеребцово. У клуба построил колонну из учеников, в руках были флажки, вымпелы, шары, конечно, оформление колонны было красочно и пошло по улице.

У школы повернули вниз, прошли мимо дома сельского Совета, прошли мостик через Смородинку, поднялись на горку (справа контора колхоза), прошли небольшой ложок и дошли до Морозовского переуллка. Здесь развернулись и пошли обратно до клуба. Интересное было зрелище! Парад в деревне!

Да и потом, работая в школе, Виктор Александрович выбирался секретарем партийной организации совхоза. Ему до всего было «дело».

Мои прабабушка и прадедушка воспитали трех детей, которые стали хорошими людьми и заняли достойное место в обществе. Они были очень красивой парой, оба молодые, целеустремленные, отдавали себя любимой работе.

Из воспоминаний ученика Екатерины Корниловны Зевахина Виктора: «Когда я учился в 4 классе, к нам приехала молодая, красивая, энергичная учительница. Это была Екатерина Корниловна. У моей учительницы был очень красивый и правильный почерк. Она аккуратно выводила образец в начале строки и мы старательно писали буквы и цифры в тетрадах. Закончен 1947 учебный год. Начались каникулы, которые почему-то долго тянулись. И я не мог дождаться, когда же опять в школу, чтобы увидеть свою любимую учительницу».

Супруги
Присяжных

Моя прабабушка не только учила детей красиво писать, читать, решать примеры и задачи. Она очень много времени уделяла воспитанию детей, занимаясь с ними внеклассной работой.

Как краевед, изучая воспоминания «Школьные годы чудесные», выпускника 1959 года, Зевахина Виктора: «Екатерина Корниловна была активна и во внеклассной работе. Это утренники, пионерские костры, праздничные представления в школе и клубе с хореографическими композициями, танцами, поставленные Екатериной Корниловной подсобный собственный аккомпанемент на гитаре. Также под гитару учились танцевать «Полечку», «Краковьяк», «Вальс» и другие танцы в школе после уроков.

До сих пор я восхищаюсь Екатериной Корниловной, ее энергией, целеустремленностью. В свободную минуту она брала гитару и пела про кудрявую рябину, про голубой лен, про Невестушку, «у которой было 3 свидетеля – березонька пушистая, река голубоглазая да звонкий соловей. Уже после окончания школы мы встречались со своей любимой учительницей и с улыбкой вспоминали эпизоды из школьной жизни. Я с благоговением вспоминаю время, проведенное в стенах школы и свою первую учительницу Присяжных Екатерину Корниловну, давшую нам путевку в большую жизнь».

Все ученики моей прабабушки Присяжных Екатерины Корниловны и прадедушки Присяжных Виктора Александровича выучились, получили

профессии. Это и педагоги, врачи, фармацевты, бухгалтера, военные, штурманы, машинисты. Прошло много лет, но до сих пор можно услышать слова: «Екатерина Корниловна была моей первой учительницей».

За добросовестный многолетний труд в воспитании подрастающего поколения она неоднократно награждалась почетными грамотами. И хотя я видела свою прабабушку Присяжных Екатерину Корниловну только на фотграфиях и знаю о ней со слов родных и бывших выпускников и её коллег, я горжусь ей.

Ольга Тищенко

Доволенский район

Песни и сказки бабушки Васени из села Баклуши

Моя Родина – село Баклуши Доволенского района. Много интересных и удивительных людей живет в этом селе. Василису Лукьяновну Бибики считают старожилом Баклушей. Односельчане уважают и любят ее. Она очень приветливая и отзывчивая.

А сколько песен и сказок хранит ее память! Да и не каждый сможет так рассказать, как баба Васеня. То с усмешкой, то с печалинкой вставляет она поговорки в свою речь. Нет, не вставляет, а мастерит, ладит, как одеяло из лоскутков, подбирая, где черный, где с цветком, где в горошек, и получается теплая мозаика.

Ее ветхая избушка стояла на краю деревни, у самого леса, и манила нас в свой таинственный мир. Так и хотелось тихонько открыть скрипучую дверь и попасть в дом, где все напоминало о старине. И русская печь с заслонкой, и прятка, и святой угол с иконами, и белоснежные задержушки на окнах, и загадочный волшебный сундук. Да и само

имя у нее сказочное – Василиса. Сядет, бывало, у печки, пригорюнится и рассказывает тихо, таинственно, словно поет: «В некотором царстве, в некотором государстве...» Слушать ее хочется снова и снова, пока сон не одо-

леет. А как бабушка преображается, когда поет колыбельные песни! Речь ее становится ласковой, нежной. От нее веет настоящим материнским теплом и заботой.

Бай-бай, ты, собачка, не лай.
Ты, коровка, не мычи,
Петушок, не кричи.
Наша Катя хочет спать,
Хочет глазки закрывать.

С каким нетерпением мы, сельские ребята, ждали рождественских праздников! Вот когда можно покоядовать вволю, спеть бабушкину щедровку:

Щедровочка щедровала
Да в оконце припадала,
Что ты, тетка, наварила,
Что ты, тетка, напекла?
Неси сюда, до окна.

В такие праздники баба Васеня зажигала свечи, в комнате становилось светло, торжественно Бабушка совершала обряд, что-то тихонько бормотала, потом начинала петь. Мы с замислением сердца слушали ее старческий, с хрипотцой, голос и переносились в далекое прошлое. Особенно нас поразила одна свадебная песня, которую исполняла бабушка. Сколько было в голосе печали и тревоги.

Ой, мамочка да голубушка,
Измый мене да головочку,
Уже больше да не мытьемыш,
Белых ручек не томытымыш...

Она не смогла допеть ее до конца. Слезы текли по ее щекам. Бабушка плакала. Она плакала об ушедшей безвозвратно молодости, о прошлой жизни, о тех людях, которых нет уже рядом и о многом-многом другом... Этого понять и объяснить мы не могли. Наверное, это надо прочувствовать и пережить.

Наша семья уехала из Баклушей. Не стало бабушки Васени. А мне зачем-то очень захотелось рассказать вам об этой удивительной певунье и сказочнице, просто, чтобы помнили, чтобы не забыли:

Ангелы Богу славу запели,
Пастушкам радость благовестили,
Пастушки радость принимали,

Василиса
Лукьяновна Бибики

На колени припадали
Ще и с праздничком проздворяли:
Щедрый вечер, добрый вечер,
Добрым людям на здоровья!

Екатерина Коновалова

Чистоозерный район

Прирождённый селянин

Розенталь Василий Александрович родился в 1951 году в с. Варваровка Чистоозёрного района Новосибирской области. Закончил 8 классов Журавской школы, затем СПТУ-13, получил полное среднее образование. После службы в военно-морском флоте, вернулся в Журавку. Стаж механизатора – 20 лет, бригадира комплексной бригады – 11 лет.

С 2000 года Василий Александрович возглавил ПСК им. Мичурина. Под его руководством хозяйство стабильно занимал передовые позиции в районном соревновании. За высокие производственные показатели колхоз 5 раз награждался автомашинами УАЗ. Свои должностные обязанности председатель успешно совмещает с общественной деятельностью. Он является депутатом районного совета, председателем аграрной комиссии и председателем совета директоров ХПП.

Далеко за пределами не только области, но и страны, известны спортивные достижения Василия Александровича, мастера спорта по гиревому спорту. Участие в европейских и мировых состязаниях для него такое же привычное дело, как, к примеру, заготовка кормов или уборка зерновых культур. Он является многократным чемпионом района среди ветеранов, двукратным чемпионом России (2013 г., г. Барнаул), двукратным чемпионом Европы (2013 г., Эксфорд, Ирландия), двукратным чемпионом мира (2013 г., Загреб, Хорватия), серебряным, бронзовым призёром чемпионатов Европы (2014 г., Германия, 2014 г., Санкт-Петербург), серебряным, бронзовым призёром чемпионата России (2015 г.).

Ветеран сельского спортивного движения в области награждён Благодарственным письмом Министра Сельско-

го хозяйства Российской Федерации за активную работу и большой личный вклад в развитие физической культуры и спорта на селе, пропаганду здорового образа жизни. Учитывая большой личный вклад в развитие сельскохозяйственного производства, в развитие физической культуры и спорта, высокие спортивные достижения, Василий Александрович награждён знаком отличия «За заслуги перед Новосибирской областью».

Его имя занесено в большую международную энциклопедию «Лучшие люди» и вручена почётная медаль. Василию Александровичу присвоено звание «Почётный гражданин Чистоозёрного района», а также звание «Заслуженный работник сельского хозяйства Новосибирской области».

С 2016 года Розенталь В. А. избран депутатом Законодательного собрания Новосибирской области.

По жизни у него девиз «Кто хочет – тот добьётся».

Татьяна Филиппова

Василий Александрович Розенталь

Татарский район

Профессия, ставшая судьбой

Прозвенел звонок. Окончен шестой урок. Ребята покидают класс. Людмила Сергеевна устало опускается на учительский стул. Наконец-то можно перевести дыхание. Есть немного времени, можно проверить тетради, в три часа педсовет... От нахлынувших мыслей вдруг отвлекает чей-то голос:

– Бабушка, ты снова задержишься?

Это Даша, внучка Людмилы Сергеевны, ученица седьмого класса.

– Да, Даша, иди домой, у меня ещё много дел.

Людмила Сергеевна взглядом провозжает хрупкую девичью фигурку. Как же она похожа на меня в юности. Такая же активная, жадная до знаний...

Людмила Сергеевна
Русакова

Мысли вдруг улетают на много лет назад...

Урок немецкого языка, Люда Паруликова с восхищением смотрит на учительницу Радченко Любовь Владимировну, которая очень интересно и увлекательно ведёт урок. Строгая, элегантная, эрудированная. Именно такой ей хотелось стать, и Люда шла к своей мечте. Училась она легко, проявляла способности в изучении языков, всегда нагружена какими-то

общественными поручениями, так незаметно пролетели школьные годы.

Окончив школу, Людмила вместе с подружками отправилась в Новосибирск подавать документы в институт, но судьба распорядилась иначе: учёбу пришлось отложить. В стране не хватало учительских кадров, и зачастую в школу приходили преподавать вчерашние выпускники. Людмиле предложили поработать в сельской школе учителем немецкого языка. Так в 1973 году и началась её педагогическая деятельность.

Свой первый урок в Казаткульской средней школе Людмила Сергеевна будет помнить всю жизнь. Робкая, невысокого роста девушка даже сначала немного струсилась, когда увидела десятиклассников выше её на голову.

Её первый урок... Как старательно готовилась она к нему вместе со своим наставником Русаковой Тamarой Васильевной! Была продумана каждая минута, взвешено каждое слово. Можно было бы быть уверенной, но в самом дальнем уголке сознания затаилась крушинка сомнения и страха – как я справлюсь?

Первый урок, как первый снег, внезапный и легкий, но долгожданный. Первый урок, как первый шаг, несмелый, но самостоятельный.

Наконец, наступил этот для неё долгожданный день, долгожданный урок немецкого языка в 10 классе. Не дожидаясь звонка, Людмила Сергеевна направилась к детям в класс. Идёт по коридору и чувствует, что её охватывает

сильное волнение, трясутся руки, подкашиваются колени, пропадает голос. До сих пор помнит каждое мгновение этого события. Ведь тогда решалась её судьба, её будущее. Будет ли она Педагогом? От этого урока зависело многое.

Итак, перед детьми предстала маленькая, худенькая девушка с большими голубыми глазами. На неё смотрели любознательные, оценивающие каждый её шаг, юные лица её ровесников. Людмила Сергеевна начала урок и сразу почувствовала, как между ней и учениками потянулись невидимые нити дружелюбия, открытости. Из них не нужно было вытягивать слова, ребята легко вступали в диалог, задавали множество вопросов. Если ученик задаёт вопросы, значит, учительница смогла его заинтересовать.

Честно говоря, в деталях она не помнила, как прошёл урок. Ей хотелось так много сделать! Всё время смотрела на часы. Надо уложиться! Но вот ощущения от первого урока до сих пор с ней: смесь волнения, страха, удивления: «Неужели я настоящая учительница, а это мои ученики?». Сердце так стучало, что, казалось, выскочит. Незаметно пролетели 45 минут. Урок окончился. В голове промелькнула мысль: «Я справилась. И не так уж это страшно».

Так прошёл её первый урок. Уходя, ученики поблагодарили Людмилу Сергеевну за урок, за прекрасное владение немецким языком. Разве это ли не награда для учителя? Услышав эти слова, все сомнения по поводу правильности выбора профессии рассеялись. В её сердце зажглась искорка, которая горит и по сей день.

В Казаткуле Людмила Сергеевна встретила свою судьбу – Русакова Владимира Михайловича, в то время ещё студента сельскохозяйственного техникума. Познакомились в Доме культуры, где шла подготовка к праздничному концерту. Владимир прекрасно играл на баяне и вместе со своим другом, Красновым Геннадием, аккомпанировали хору. Людмила танцевала и пела, она имела хороший голос, который ей достался от мамы, отменной певуни, участницы Сибирского хора. Так они и познакомились, это была любовь с первого взгляда...

Через несколько лет Людмила Сергеевна окончила институт, родились две прекрасные дочери, которые большую часть времени проводили с мамой в школе. Людмила Сергеевна вела внеклассную работу с детьми, рисовали газеты, выпускали бюллетени, готовили концертные номера к праздникам, ходили на ферму с политинформацией. Активно участвовала в общественной работе: была секретарём комсомольской организации, депутатом сельсовета, агитатором, членом Всесоюзного общества «Знание», задачей которого являлось распространение политических и научных знаний среди населения.

В 1987 году муж окончил высшую партийную школу и его избрали парторгом колхоза «Сибирь». Людмила Сергеевна, как «декабристка» последовала за мужем в «Сибирь». Два года проработала в прекрасном коллективе учителей Никулинской школы. Это тоже были незабываемые годы в её жизни. И снова, конечно же, уроки, контрольные, внеклассные мероприятия, экзамены, родительские собрания и педсоветы. Новые знакомства с коллегами и учащимися, которые в дальнейшем превратились в крепкую дружбу на долгие годы.

В 1989 году снова переезд: мужа назначили председателем колхоза имени XXI съезда КПСС, а Людмилу Сергеевну перевели учителем русского языка и литературы в Казачемысскую среднюю школу. Это была одна из передовых школ района с сильным преподавательским составом. Многие педагоги начинали свою работу ещё в годы Великой Отечественной войны, имели правительственные награды, почётные звания. Работать в таком коллективе было ответственно и интересно. Людмила Сергеевна всегда творчески подходила к процессу преподавания: поиск новых технологий, форм и методов обучения. Нестандартные формы проведения уроков русского языка и литературы: урок-КВН, литературные игры «Что? Где? Когда?», уроки-путешествия, уроки-размышления, конкурсы, ролевые игры, литературный суд над героями, исследования, практикумы, интегрированные уроки – это конёк её работы. Именно по этой теме на уровне

района был обобщён её педагогический опыт и выпущен в РОНО бюллетень.

Бурная деятельность не прекращалась и после уроков: то заседания предметных объединений и месткома, профсоюзного комитета, то работа в школьной аттестационной комиссии и методическом совете школы, то участие в трудовых акциях и культурной работе среди населения. Активная жизненная позиция, преданность выбранной профессии, уравновешенность и эмоциональная устойчивость снискали ей заслуженное уважение среди педагогов школы, учащихся и родителей.

90-е годы стали тяжелым испытанием для всей страны. Школа и учителя выживали, как могли, многие ушли искать лучшей доли, в образовании остались только преданные своему делу учителя. Задержки зарплаты стали нормой, порой даже полное безденежье. Был даже такой казус: перед Новым годом учителям решили выдать зарплату вино – водочными изделиями. Приходилось учиться жить по-другому: завели своё хозяйство, научились печь хлеб. В магазинах практически ничего не покупали – все производили сами. Но, не смотря на трудности, в школе и в те времена было интересно, коллектив был относительно молодой, у всех «глаза горели», всё время что-то придумывали, школьная жизнь кипела с утра до вечера.

Так в делах и заботах проходили годы. Даже как-то не успела заметить, когда выросли её девочки, обе закончили школу с серебряными медалями. И хотя изначально выбрали иные профессии, всё же впоследствии стали учителями своей родной школы. Старшая Оксана – учитель русского языка и литературы, учитель-логопед и педагог-психолог, а младшая Ольга – учитель математики и информатики, по совместительству заместитель директора школы по воспитательной работе. Обе работают в школе уже более 10 лет.

В 1996 году горе постучалось в дом: заболел муж. Долгие годы он был прикован к постели, и Людмила Сергеевна разрывалась между работой и домом. После смерти мужа наступило какое-то опустошение. И тут снова выручила работа – Людмиле Сергеевне предло-

жили возглавить школу. В 2006 году, после назначения директором Казаче-мысской школы, начался новый этап её педагогической судьбы.

Середина двухтысячных годов – это начало реформирования образования. Старая система была сломана, а новую только предстояло построить путём проб и ошибок. В первые три-четыре месяца хотелось вообще исчезнуть: назад пути уже нет, а впереди – стена неимоверных проблем, и, как ей казалось, путей решения нет. Подбадривала себя и шла вперёд! Знала ли директор, что ей предстоит выдержать и с какими трудностями придется столкнуться? Вряд ли. До конца понять и полностью осознать, просто не было времени. Знала лишь одно: школе, коллективу, ученикам трудно сейчас, и она не вправе оставлять их. Для коллег она стала и наставником, и добрым советчиком, а иногда приходилось становиться стеной, которая защищает.

Директор сельской школы – это особая должность! Твоя жизнь, как на ладони, каждый твой шаг и движение на виду. Тебя, твою семью все знают. Даже в быту ты не можешь себе позволить вести себя некорректно. Учитель, а уж директор тем более – профессия круглосуточная.

Воспитывая учеников, ты воспитываешь всё село, от тебя зависит его будущее.

Повсюду твои выпускники: родители, приведшие в школу робких первоклашек, фельдшера местной врачебной амбулатории и районной больницы, глава сельской администрации, заведующие магазином и почтовым отделением. Трудно перечислить все профессии, которые выбрали её выпускники.

Судьбы наших учеников – это наши судьбы; моря, по которым они проплывут – это наши моря. За 45 лет педагогической деятельности Людмилой Сергеевной выпущено много медалистов, только из стен Казачемысской школы их вышло пятнадцать. Все они работают на благо своей страны.

Однажды Людмилу Сергеевну спросили:

– Скажите, трудно быть директором школы?

Она искренне ответила:

– Знаете, когда любишь своё дело, трудное становится лёгким. У нас в школе творческие педагоги, любящие своё дело, прекрасные дети. Моя школа – моя семья, как её не любить? Когда все вместе – все трудности преодолены, и путь к успеху обеспечен.

10 лет Людмила Сергеевна возглавляла школу. В 2016 году, подготовив смену в лице своей выпускницы, уступив дорогу молодости и энергии, Людмила Сергеевна стала надёжным плечом, возглавила учебно-воспитательную работу школы.

За долгие годы работы накопилось много почётных грамот и благодарностей. В 2006 году её педагогический труд отмечен Почётной грамотой Министерства образования Российской Федерации, имя занесено в Книгу почёта педагогических работников Татарского района, а в 2018 году наградили юбилейной медалью к 80-летию образования Новосибирской области за большой вклад в её развитие. Но, пожалуй, самой важной наградой были и остаются её ученики, их горящие глаза, их успех.

Работа для Людмилы Сергеевны Рукаковой давно перестала быть просто работой. Она превратилась в смысл, который каждый человек ищет в своей жизни.

Моя профессия – моя судьба...

45 лет пролетели, как один день!

В дверь постучали.

– Людмила Сергеевна, вас ждут в учительской – педсовет, будем обсуждать нововведения!

– Иду, иду.

Жизнь продолжается!

Дарья Рубан

Тогучинский район

Розовые горы

...Ах, какая красота, сердце Валентины забило ещё чаще при виде проплывающего пейзажа за окном автобуса: большие озера, огромная даль за которой виднелась длинная цепь синих гор. Сидящий рядом парень лет двадцати пяти, показал рукой вперед: – «Вон наше Степно-Гутово». Те-

перь Валя не отрывала глаз от приближающийся деревни. Со взгорка открылась панорама, дома разного размера вольно раскинулись по обе стороны извилистой реки. Даже два двух этажного здания. «Вот здесь и придется мне работать и жить. Как встретят ее люди?» – подумала она.

Приподнятость настроения у нее началось еще в Москве. «Сибирь, какая она, что ждет меня впереди?» – думала Валентина. Трудности ее не страшили. Романтика странствий, преодоление трудностей в пути она о них мечтала с самого детства. В институте на последнем курсе, большинство студентов с ужасом думали о распределении, а вдруг в Сибирь. И всеми путями старались не поехать далеко от дома. Удивлялись, когда Валентина говорила, что с радостью поедет по распределению.

За окном вагона проплывали бескрайние дали, города, таинственные ночные огни незнакомых селений то тут – то там густо скученных или вытянутых в цепочку. Валя почти не отходила от окна, ей все было интересно, ведь она впервые едет одна так далеко. Ее мысли уже были, где то там, в далекой Сибири. Она все меньше стала думать об оставшихся родных, о слезах матери, ни в какую не хотевшей отпустить ее. Отец тоже был не доволен отъездом дочери, ходил молча по комнате и хмыкал многозначительно себе под нос. Но теперь все трудности отъезда позади. Свобода взрослой жизни немного пьянила ее.

Остались дома ее школьные подружки, подруги детства .

Соседи по вагону почти все уже спят под монотонный стук колес. Молодая семья в соседнем купе, пытается, усыпит разбушевавшегося годовалого малыша, перепутавшего день с ночью. Проводница включила ночной режим света. В вагоне полумрак. Валентине спать совсем не хочется. Она всматривается в темноту за окном, в далекие мерцающие огоньки, думая о людях живущих там, наверно сидят за столом пьют чай или читают книги, а может молодая мамочка качает проснувшегося малыша. Чувство чего – то высокого и неизведанного, нахлынула при-

Валентина
Владимировна
Чугреева (Митюшова)

ятным холодком в груди. Может быть от огромной и великой страны, в которой ей довелось родиться, и быть причастной к ее трудностям и ее победам.

Соседка по купе, пожилая женщина, тронула Валу за плече: «Дочка, ложись, поспи». Валя открыла глаза, и в правду как смотрела в окно облокотившись на стол, так и заснула. На востоке уже забрезжил рассвет. В густом тумане, пролетают редкие деревца и будки обходчиков. «Тетя Поля, а где мы, вы не в курсе?» – Спросила Валентина.

– Проводница сказала, что проехали Омск. Так, что дочка скоро пребудешь в свой Новосибирск. А пока ляг, поспи, время еще есть. Валя без разговора залезла под одеяло, и с улыбкой на лице, крепко уснула.

Проснулась она от того, что в вагоне начался тихий шум. Прибывающие начали сдавать постели и укладывать чемоданы. Валя подумала о своем скарбе, сколько же его много, мама постаралась загрузить ее не только теплыми вещами, но посудой. Как не старалась она сократить поклажу, мать была непреклонна. Зная характер матери, Валя решила больше не перечить. До поезда ее проводили, а как дальше, мать кажется, это вовсе не волновало.

Огромный вокзал Новосибирск – главный, сильно поразил Валу своим величием.

Оставив вещи в камере хранения, она пошла по адресу указанному в направлении. Решила идти пешком, чтобы посмотреть город. Большие каменные дома как в Москве, но попеременно

с деревянными в два этажа. Шла долго, то и дело, спрашивая у прохожих. В «ОБЛАНО» ее встретили буднично. Молодая девушка осмотрев «Москвичку» с ног до головы, кажется с иронией в голосе, произнесла: – «что же вы ведь вам нужно было приехать неделю назад, ваше место занято». И глядя на немало растерянное лицо Валентины. Уже мягче: – «ну ничего, есть разнарядка в Тогучинский район, поедите?».

– Конечно, поеду, в принципе мне все равно. Пожав плечами, ответила Валентина.

– Ну, вот и хорошо.

В районный центр решила ехать завтра первой электричкой, так как ехать сейчас было поздно, в районе уже бы никого не застала.

Она долго бродила по центру. Внимательно осмотрела репертуар театра с необычным названием «Красный факел». Решила при ближайшей возможности, посмотреть какой ни будь из спектаклей.

Уже поздно вечером, сильно уставшая, пришла на вокзал. В буфете купила стакан чая и два песочных пирожных под названием «Кольцо». Нашла свободное сидячее место. Устроилась поудобнее.

Громкий голос диктора, вещавший о прибытии или отправлении поездов, не давал Валентине крепко заснуть. А если и засыпала то ей снилось, что она опаздывает на поезд, и не может сдвинуться с места.

Рано утром попросив вокзального носильщика перевести багаж к электричке Новосибирск – Курундус. Валентина устроилась не далеко от входа на деревянных сидениях. Вагон был почти пустой. Под полом периодически, громко включался компрессор, вагон вздрагивал и вибрировал всем телом, трр тррррр, как конь, которому не терпится бежать вперед хоть куда, лишь бы не стоять на месте. По обе стороны электрички стояли товарные поезда, заслоняя собой город. Валентина стала разглядывать пассажиров, постепенно заполнявших вагон. Народ разношерстный, не далеко от Валентины устроились три пожилые дамы с большими лукошками, наверное, за грибами едут, галдят как сороки, предвкушая удачную

охоту. Чуть дальше семейка из четырех человек тоже с ведрами и корзиной, два заспанных мальчика с мрачными лицами, видно им затея родителей, поход за грибами, не очень нравится. Рабочий люд, скорей всего после ночной смены. Лица усталые, как только сядут мгновенно засыпают.

Но вот в динамиках, что то захрипело, затрещало и спокойный, бездушный голос объявил, что электропоезд Новосибирск-Курундус отправляется. «Ну, вот и все обратно дороги нет» – подумала Валя.

Замелькали рабочие кварталы Новосибирска, крохотные дачи теснящиеся друг к другу как грибы, леса, поля до горизонта. На все это Валя смотрела, не отрываясь от окна, с возвышенными чувствами.

Опять вспомнила мать, ее давление на Валентину, туда ходи, туда не ходи.

«Свобода!» – с нескрываемым восторгом подумала она о своей дальнейшей жизни. Сюда рука матери не дотянется. Теперь я вполне взрослая и сама буду отвечать за свои поступки.

И, чтобы подтвердить свои мысли делом решила, что ни у кого не будет спрашивать, про станцию Тогучин, а сама не проедет. Что ей вздумалось таким образом начинать свою независимую жизнь?

Как гром среди ясного дня прозвучало из динамиков «Тогучин остановка две минуты». Валентина ошарашено вскочила с места и стала перетаскивать свой скарб в тамбур. Двери открылись, и если бы не соседи по вагону то половина вещей так бы и уехали дальше, с передачей последней сумки, через секунду автоматические двери с шумом закрылись. Валя с облегчением вздохнула. Вскоре радость сменилась унынием, вокруг городом даже и не пахло. Лес, будка обходчика в далек и помост с какими то бидонами. Да весело галдящие грибники, стайками по несколько человек семенящих к лесу.

Слезы отчаяния потекли по щекам, самостоятельного человека. Стайка птичек, усевшись не далеко от Валентины, на штабель деревянных шпал, весело чирикали, переговариваясь друг с другом. Радовались прекрасному, теплому утру, радовались льющимся

от солнца благодатным лучам. А Валентине казалось, что это они сибирские птицы смеются, над ней. Слезы обиды еще больше полились из глаз девушки.

Из горестных мыслей ее вывел скрип колес и фырканье лошадей. Валентина подняла голову с колен. К станции подъезжали две упряжки с бидонами. С подъехавшей повозки кряхтя, сполз старик, с реденькой бородкой и, не смотря на жару тепло одетый, а поверх одежды грубый дождевик. Вместе с пареньком, управлявшим вторую повозку, они стали снимать молочные бидоны с телег и ставить на помост.

Закончив работу, старик подошел к Валентине:

– Ну, что кукуешь?

– Да-а-а, – сквозь слезы пролепетала Валя.

– Тебя чаво, не встретили?

– Кто?

– Ну, я не знаю кто, тебе виднее. Ты дочка кудысь направляешься?

– В Тогучин. В РОНО.

– Что это такое равно?

– Не равно, а РОНО дедушка. Я учительница из Москвы. Приехала по распределению.

– Из Москвы! Надо же из самой Москвы! И непонятно было Валентине, дед восхищен ее поступку, приехать к ним в глушь, или насмеяется над незадачливой путешественницей.

Это уж потом Валентина поняла, что сибиряки сдерживают свои эмоции, не желая признавать превосходство чего либо и кого, либо над ними. Поэтому ожидать от них восхищение или тем более восторга не стоит. Станным образом вместе с этим в них нет хитрости и подлости.

– Ну, а здесь чаво? На это Валентина не чего не ответила, а только слезы снова полились.

– Ошиблась, значит? Бывает. Природная деревенская интеллигентность, помешала деду расспросить нового человека, о международном положении, о жизни в столице. А так хотелось все разузнать. Но видя, что ей не до него. Дед сказал: – Да не печалься ты так, скоро пойдут «молоканка».

– Молоканка?

– Ну да молоканка, поезд такой, который молоко собирает. И дед показал

рукой на ряд бидонов стоящих на помосте.

Уже сидя на своем багаже в полуоткрытом тамбуре поезда, состоящего из трех вагонов, Валентина с благодарностью подумала о старике и внуке, которые помогли ей сесть на поезд. «Мир не без добрых людей» – Вслух сказала она, сама себе. Еще вспомнила, как старик грозил хворостиной машинисту, который не хотел брать Валентину, мол, что: «сажать некуда, да и опасно может свалиться, кто отвечать будет, ты?» Дед в ответ кричал: – «Сашка, ты что хочешь, что бы она куковала здесь целые сутки, ты же знаешь, электричка для грибников останавливается на нашем полустанке только один раз в сутки. Машинист, конечно, понимал, что выхода все равно нет, потому и спорит сильно, не стал, а только махнул рукой и сказал: «Закидывайте в первый тамбур, а я так и быть присмотрю».

После пережитого стресса Валентину сморил сон. Голова невольно клонилась к стенке тамбура. Помощник машинист, молодой парень, видя все это, скорее из озорства, дал длинный гудок. Валентина, встрепенулась, как испуганная птичка в гнезде. Парень, засмеялся залившимся смехом и погрозил пальцем не спать мол. Через полчаса состав приковывлял на станцию Тогучин. Хотя остановка и не была запланирована, но машинист, наверное, связался со станцией, объяснил ситуацию, что мол везу: «Училку из Москвы, которая рано десантировалась на глухом полустанке».

Еще поезд не совсем остановился, помощник прыгнул с локомотива.

– Ну, подруга подавай скорей свое имущество, у нас тридцать секунд. Валя суетливо стала подавать парню свой нехитрый скарб.

Стоя на перроне возле кучи своих вещей, Валя с благодарностью смотрела на удаляющийся молоковоз.

Железнодорожный вокзал Тогучина удивил Валентину. С перрона прямо в большой зал на второй этаж. В зале пахло краской, в дальнем углу открыт киоск «СОЮЗПЕЧАТЬ». В обеденный час народу в зале ожидания было немного. Только семейка из четырех человек сидели на скамейке кушали нехитрую снедь. Черный хлеб, сало нарезанное тонкими дольками и вареные яйца, посыпая их солью из спичечного коробка. Старший из детей, мальш лет пяти, все тянулся к бутылке с газировкой под названием «Буратино». Но мама твердо отводила его руки, приговаривая: «Коленка с начало скушай яичко». Отец, из бутылочки кормил годовалого ребенка, лежащего у него на коленях. Яркое солнце, сквозь огромное окно освещало милое семейство. У Валентины возникла ассоциация с картиной Рембрандта «Святое семейство». Увиденной в Пушкинском музее Москвы.

Постепенно перенеся вещи на первый этаж в камеру хранения. У проходящего мимо неё пожилого милиционера, она спросила, как найти «РОНО». Дядечка в погонах толково объяснил Валентине, как найти этот дом. Идти было не так далеко, с начало очень высокий деревянный мост, над быстро текущей рекой, и вот он центр Тогучина.

В типовом здании районного отдела образования, суетился народ. Чувствовалось приближение начало учебного года. Из кабинета в кабинет ходил народ, то и дело хлопали двери, в ожидании очереди в тот или иной кабинет на стульях сидели посетители с кипами бумаг.

Слава богу, в тот кабинет, в которой нужно было Валентине, очереди не было. Пожилая сотрудница, похожая на учительницу, с гладко зачесанными собранными в пучок волосами. Подняла взгляд на Валентину.

– Что у вас.

Валя объяснила цель своего визита.

– А-а, вот как раз кстати. Ломаю голову где взять физика в Степно-Гутовскую школу. Поедите?

– Конечно, а как туда добраться.

– Да очень просто, с вокзала ходит автобус до деревни два раза в день.

Проведя пальцем по стеклу лежащим на столе под которым находилось расписание и посмотрев на настенные часы сказала: «Уже вот сейчас через два часа он отходит. Возьмите необходимые документы в соседнем кабинете и добрый путь».

Всю дорогу от «РОНО» до станции, Валя думала: «Ну, вот и все, наконец, то определилось место моей работы и жизни, какая она, эта деревня Степно-Гутово?».

Автобус до деревни Валя нашла быстро. За полчаса до отправления почти все места были заняты, в запыленном проходе стояли сумки, чемоданы. Валя со своим скарбом еле устроилась у задней двери. Маленький «Пазику» все плотней наполнялся. Казалось, что и мест то уже нет. Но народу ехать надо. Водитель завел двигатель. Вон бегут еще три паренка, боятся опоздать, как только они со смехом втискиваются, двери «гармошка» с шипением закрылись, прищемив последнего. Паренек завопил ой-ой. Водитель снова открыл дверь, но паренек все не как не мог втиснуться. Водитель то закрывал – то открывал дверь гармошку, пока он не влез.

Автобус дребезжа, скрипя, чадя, с забитым до отказа салоном, покатился по неровному асфальту. Людей было так много, что стоящие в проходе люди могли висеть.

Сергей Митюшов

Новосибирск

След на Земле

Листая старенький семейный альбом, я натолкнулась на фотографию неизвестного мне человека. После долгого разговора с бабушкой узнала, что это, оказывается, Лев Николаевич Беззубик, мой двоюродный дедушка – человек, прославивший своим трудом имя, которое посмертно занесено на па-

мятную плиту одного из домов города Новосибирска, в котором он жил.

Лев Николаевич Беззубик родился в 1929 году в Семипалатинске. Этот год стал переломным для Советского Союза. Именно тогда произошёл окончательный отказ от политики НЭПа и обозначен мобилизационный курс развития, благодаря которому была решена стоявшая перед страной задача индустриальной модернизации.

Для семьи Льва Николаевича это были такие же тяжёлые времена, как и для всей страны. Но молодость тревог и тягот не замечает. Лев Беззубик успешно учится в школе, но больше учёбы его привлекают мелодичные переборы гармони и песни.

Великая Отечественная война прервала учёбу, и он был вынужден пойти работать. Как работник 12-летний ребенок, несомненно, выглядел комично: росточком мал, шапка на голове больше самой головы. Измученный, худой, жалобно смотрящий на проходящих мимо людей... но кушать хотелось всем, поэтому приходилось работать.

Свою 16-ю весну Лев Беззубик встретил с великой радостью – объявлена великая Победа!

А творческая биография Льва Николаевича началась с конца 1945 года в Сибирском хоре.

География творческой деятельности Льва Николаевича многообразна. Его жизнь была тесно связана с коллективом Сибирского хора, Омского государственного русского народного хора, ансамбля песни и пляски Сибирского военного округа и Тихоокеанского военно-морского флота.

С 1958 года Лев Беззубик начинает работать в Новосибирске.

30 лет отдано Львом Николаевичем развитию культуры нашего города. За это время Новосибирск приобрёл величественную красоту культурного центра Сибири.

А как же всё начиналось? Когда-то был обыкновенный танцевальный коллектив под руководством Льва Николаевича и Ксении Игнатьевны Беззубик. И стало тесновато в их дружном танцевальном доме – очень много ребятшек хотели танцевать. Вот и придумали: часть детишек, самых непоседливых

Лев и Ксения
Беззубик

и шустрых, отправить на улицу заниматься. А на улице зима, лёд кругом. Попробовали встать на коньки – получилось. Сибиряки как-никак!..

Просто так кататься было неинтересно. Включили музыку – здорово!

Творческий путь этого известного в городе танцевального коллектива начался в 1952 году в крохотном клубе имени Горького, который находился в общежитии НЗХК. Через пять лет ансамбль танца перебрался в только что открывшийся ДК им. Горького, где и базируется последние пятьдесят лет. За эти годы множество городских самодеятельных танцевальных коллективов прекратили свое существование, а «ансамбль Беззубика», как его называют в народе, по-прежнему танцует, причём не только в родном ДК, но и на всех концертных площадках Новосибирска.

В 2017 году народному танцу «Метелица» Льва и Ксении Беззубик – 55 лет. Сколько малышей за 55 лет прошло через ансамбль, подсчитать невозможно. В одном только Калининском районе каждая вторая девочка, девушка или женщина в своё время училась здесь азам танцевального мастерства. Например, нынешний художественный руководитель коллектива, Марина Паршукова танцует в ансамбле с шести лет.

Листая старую «Вечёрку» 1971 года, я прочла статью «Гастроли на льду».

«Три года назад при Дворце культуры им. Горького был создан большой

коллектив художественной самодеятельности – балет на льду. Под руководством балетмейстера Л. С. Беззубика было поставлено много интересных танцев и спектаклей. Самый большой успех пришёл к самодеятельным артистам, когда они подготовили балет по сказке Ершова «Конёк-Горбунок». Недавно с этой работой «ледяных танцоров» познакомились наши соседи – томичи. Десять раз выступили самодеятельные артисты на ледяных сценах Томска, вызвав массу восторгов юных зрителей и прекрасные рецензии томской прессы. 19 января 1971 г.»

«В 1968 г. здесь создан первый в Советском Союзе самодеятельный коллектив «Балет на льду» – ныне это детский театр на льду и роликах «Сказка». ...Действуют и другие коллективы: народный танцевальный ансамбль имени Льва и Ксении Беззубик...

Беззубик Л. Ледовые границы новосибирцев / [Беседа с кор. газ. Красное знамя. Томск, 1972. 23 авг.]»

Имена Льва и Ксении Беззубик связаны с двумя коллективами ДК Горького, которые здравствуют и поныне, претерпев изменения в соответствии с реалиями времени. Старшую «дочку» зовут Театр народного танца «Метелица» им. Льва и Ксении Беззубик, младшую – Театр на роликовых коньках «Сказка».

Гастрольные маршруты балета на льду под руководством Л. Беззубика – Томск, Омск, Барнаул, Усть-Каменогорск, Ижевск, Глазов, Электросталь, Ташкент!

Ансамбль русской песни и танца «Ваталинка», народный молодёжный ансамбль танца ДК им. А. М. Горького и первый в нашей стране самодеятельный коллектив «Балет на льду». Эти коллективы – лауреаты многих Всесоюзных фестивалей.

Из воспоминаний Елена Рацкевич:

«Мы все родом из детства. Мои детские годы – это фигурное катание и балет на льду. Я занималась десять лет в детском коллективе в новосибирском ДК им. Горького у Льва Николаевича и Ксении Игнатьевны Беззубик. Это десять лет сложнейших тренировок, мы

постоянно участвовали в спектаклях, наш детский коллектив собирал по восемь тысяч зрителей во всех городах сибирского региона три раза в день. Это тяжелейший труд!»

«Бесспорен факт, что любой, кому суждено было в первый раз увидеть этого замечательного человека и пообщаться с ним, ощущал некое потрясение от необычной силы его личности. И это потрясение, говорят, таково, что воспринимается почти сенсационно».

Из воспоминаний дочери, Ольги Львовны:

«Папа всегда был примером добропорядочного отношения к труду, он воспитал большое количество профессиональных артистов и тех, кто сегодня продолжает его дело в клубных учреждениях города и области».

Память о Льве Николаевиче Беззубике как о балетмейстере-постановщике, режиссёре и педагоге навсегда сохранится в сердцах его учеников, родных, друзей и соратников.

К огромному сожалению, 9 ноября 1988 года перестало биться сердце моего прадедушки, Льва Николаевича Беззубика – талантливого хореографа-постановщика, заслуженного работника культуры РСФСР.

Биография Льва Николаевича говорит о его масштабном значении в сфере культуры и образования. Он лауреат премии Новосибирского комсомола, имеет множество наград.

Анастасия Прекина

Краснозерский район

Современные герои, живущие рядом с нами

С фотографии смотрят на меня глаза молодого красивого юноши в военной форме. Не по возрасту суровый взгляд. Ему 22 года, но, как говорят, – на войне ребята взрослеют быстрее. Это выпускник нашей Лотошанской школы, Степанов Александр Викторович. Он вырос в обычной семье: отец Виктор Иванович работал шофером в совхозе, а мама Галина Григорьевна – семенова-

тором. Как и все деревенские мальчишки, – в меру озорной, очень подвижный, весёлый. У него была младшая сестрёнка Алёна, которую он любил и всегда оберегал. Учился Александр в школе хорошо, был способным учеником. Как рассказывают учителя, любимым предметом у Саши была физическая культура. Он увлекался спортом: любил играть в футбол, волейбол, кататься на лыжах. Всё ему было под силу.

По характеру Саша был заводилой, очень общительным, что притягивало к нему сверстников. Но от своих сверстников, Саша отличался обостренным чувством справедливости. Как вспоминают его одноклассники, он всегда приходил на помощь тому, кому она была нужна. Он никогда не прятался за спины товарищей, таким он был в школе, таким остался до последних дней своей жизни.

После окончания 8 класса Александр поступил в Лобинское СПТУ – 80, где получил среднее образование и профессию механизатора. Вернулся в родное село Лотошное, работал в совхозе. Как и все мальчишки, он мечтал хоть немного быть героем. И эти мечты у Саши были связаны со службой в армии. В 1990 году его призвали в ряды Советской армии. Прощаясь с родителями и друзьями, говорил: «Не беспокойтесь, не подведу». Служба проходила в городе Тула, в ВДВ, чем он очень гордился. Саша окончил курсы командиров БМД и получил звание младшего сержанта. Он мог водить любую машину ВДВ, был инструктором по рукопашному бою, снайпером, 11 раз прыгал с парашютом, обучал молодых солдат. За время службы был в разных странах: Афганистане, Никарагуа. Когда объявили отбор десантников в батальон миротворческих сил ООН для службы в Югославии, Александр выдержал огромный конкурс. «Конкурс, как в престижный вуз: 8 человек на место». Так о нем писал корреспондент журнала «Советский воин». Саша пробыл в Югославии 6 месяцев и был награжден медалью ООН «Во имя мира». В 1992 году демобилизовался, вернулся домой. А потом после недолгих

раздумий решил связать свою жизнь с охраной правопорядка и пошел служить в бригаду ОМОНа на транспорте в г. Новосибирске, там же окончил школу милиции. За службу был награжден знаком «Отличник милиции».

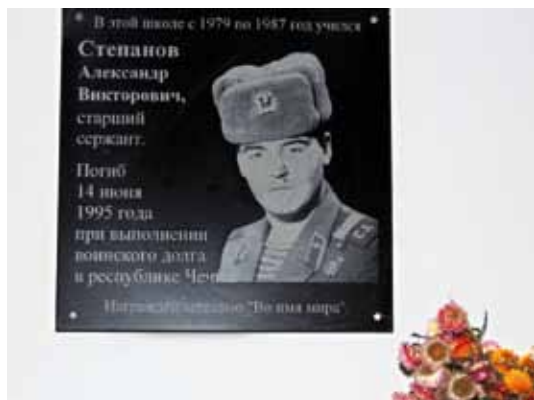
Когда начались военные действия в Чечне, Саша вместе с товарищами был направлен в командировку в «горячую точку». И таких командировок было несколько. Очередная, и последняя командировка, была 14 июня 1995 года, из которой Александр Степанов не вернулся. Похоронили Сашу в родном селе. Эта была трагедия не только для родных, но и для каждого односельчанина. Все село прощалось с Сашей.

В далеком Дагестане стоит памятник воинам, погибшим в этой локальной войне. На нем высечено имя нашего земляка Степанова Александра Викторовича. Увековечена память в Новосибирске, где он служил, а также – в нашем районном центре р. п. Краснозерское. В нашей школе установлена памятная доска нашему герою – Александру Степанову. Родители Саши передали в наш школьный

Александр Степанов (слева)

Памятная доска
на здании школы

краеведческий музей фотографии, личные вещи, некоторые документы сына. И теперь в музее есть уголок посвященный Александру.

Каждый год в праздник Защитника Отечества – 23 февраля, – в нашей школе проходит турнир по футболу на кубок посвященный памяти А. Степанова, приезжают сослуживцы Саши из ОМОНа Западно-Сибирского УВДТ. Память о нашем односельчанине не абстрактное понятие, не только – дань прошлому. Она – основа будущего, это благодарность тем, кого нет рядом с нами. Недаром говорят: «Героями не рождаются, героями – становятся!»

И таким героем для нас был и остается Степанов Александр Викторович.

Анастасия Пархоменко

Памятный уголок
в школьном музее

Чулымский район

Солдаты

Жители Чулымского района участвовали не только в Великой отечественной войне, но и во многих других военных конфликтах.

«Венгерские события». В ночь на 24 октября в Будапешт были введены около 6000 военнослужащих Советской армии, 9 из которых – ребята из Чулымского района. Потери Советской армии, по официальным данным, составили 669 человек убитыми, 51 пропавшими без вести и 1540 ранеными. Все наши солдаты вернулись живыми.

События на острове Даманский. Советско-китайский пограничный конфликт на острове Даманский – вооружённые столкновения между СССР и КНР 2 и 15 марта 1969 года в районе острова Даманский на реке Уссури в 230 км южнее Хабаровска и 35 км западнее райцентра Лучегорск.

Самый крупный советско-китайский вооружённый конфликт в современной истории России и Китая. Всего в ходе столкновений советские войска потеряли убитыми и умершими от ран 58 человек, ранеными 94 человек. С 15 марта 1969 года в военном конфликте участвовали Сотников В. Н., Передерей П. Г., Горбонос В.М. – уроженцы Чулымского района. Вернулись живыми.

Война за независимость Бангладеш – вооружённый конфликт между Западным Пакистаном, Восточным Пакистаном и Индией, в результате которого Восточный Пакистан стал независимой страной Бангладеш. По просьбе Индии на территорию Восточного Пакистана были введена советская морская пехота. Старшина 1 статьи Никишин М. Т. с 21.04.1972 по 08.07.1972 находился в гуще военного конфликта, награжден жетоном «За дальний поход».

Афганская война

Военный конфликт на территории Демократической республики Афганистан правительственных сил Афганистана и Ограниченного контингента советских войск, с одной стороны, и мно-

гочисленных вооружённых формирований афганских моджахедов («душманов»), пользующихся политической, финансовой, материальной и военной поддержкой ведущих государств НАТО и консервативного исламского мира, с другой стороны.

СССР ввёл военный контингент в Афганистан 25 декабря 1979 года и объяснил свои действия тем, что советский воинский контингент был введён по просьбе правительства Афганистана и согласно Договору о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве от 5 декабря 1978 года.

Первыми в самом пекле афганского конфликта оказались Волчек Александр, Мовшев Сергей, Носовец Александр, Чуркин Александр (декабрь 1979 г). 43 воина-интернационалиста были призваны из Чулымского района. 25.08.1980 погиб Мовшев Сергей, 17.10.1982 – Заворин Павел. Иванов Анатолий, Носовец Александр, Патрин Александр, Черненко Сергей, получив огнестрельные ранения, вернулись инвалидами. За боевые заслуги 37 человек получили государственные награды: медаль «За отвагу» – 5, «За боевые заслуги» – 3, Орден Красной Звезды – 5 и др.

Война в Персидском заливе

«Война в заливе» – война (17 января – 28 февраля 1991) между многонациональными силами во главе с США и Ираком за освобождение и восстановление независимости Кувейта. Конфликт известен невиданным доселе размахом применения авиации (не с точки зрения количества самолетов, а по влиянию на ход боевых действий), «умного» и высокоточного оружия, что, по мнению многих специалистов, знаменовало начало новой эпохи в военном искусстве (также, благодаря самому широкому освещению процесса боевых действий в СМИ, получила название «телевизионной войны»).

В коалиции приняли участие почти все бывшие союзники СССР по соцлагерю, и сам Советский Союз, уже находившийся на грани распада, впервые поддержал США. Восемь месяцев воевал в зоне Персидского залива Лопат-

Зал воинской славы. Стена памяти

кин Василий, получив за ратный труд знак «За боевое траление», «Отличник ВМФ», жетон «За дальний поход».

Военные события в Таджикистане

После распада СССР в конце 1991 г. в Таджикистане началась гражданская война. Произошел вооруженный конфликт между сторонниками центральных органов власти и различными группировками в лице Объединенной таджикской оппозиции. Наибольшей остроты вооруженный конфликт достиг в период с июля 1992 по июль 1993 годов, когда страна была разделена фактически надвое. Относительно промышленно развитый Север республики противостоял отсталому Югу. Достигнуть полного примирения враждующим сторонам удалось только в 1997 году. С 1993 по 2011 год в Таджикистане воевали 18 чулымских солдат срочной службы. Все вернулись живыми.

Мовшев Сергей

Заворин Павел

Первая и вторая чеченская война

Первая Чеченская война (другие названия Чеченский конфликт, Первая чеченская кампания) – название боевых действий на территории Чечни и приграничных регионов Северного Кавказа между во-

Павленко Иван,
погиб в Республике Чечня

Серпов Алексей,
погиб в Республике Чечня

йсками России (ВС и МВД) и непризнанной Чеченской Республикой Ичкерия с целью взятия под контроль территории Чечни, на которой в 1991 году была провозглашена Чеченская Республика Ичкерия.

Официально конфликт определялся как «меры по поддержанию конституционного порядка», военные действия назывались «первой чеченской войной», реже «российско-чеченской» или «русско-кавказской войной». Конфликт и предшествующие ему события характеризовались большим количеством жертв среди населения, военных и правоохранительных органов.

Вторая чеченская война (официально называлась контртеррористической операцией на Северном Кавказе (КТО) – название боевых действий на территории Чечни и приграничных

регионов Северного Кавказа. Началась 7 августа 1999 года (дата Вторжения боевиков в Дагестан).

Активная фаза боевых действий продолжалась с 1999 по 2000 год, затем, по мере установления контроля Вооружёнными силами России над территорией Чечни, перешла в ведение местных чеченских сил самоуправления и самообороны. С 0 часов 16 апреля 2009 года режим КТО отменён, но наши ребята до сих пор находятся в Чечне. В наш список внесены 294 человека, но по неофициальным данным их значительно больше.

Боевые действия в Северо-Кавказском регионе

Военные события в Грузии, Абхазии, Северной и Южной Осетии, Дагестане, Ингушетии с 1995 по 2010 годы потребовали присутствия российских вооружённых сил. От Чулымского района в боевых действиях приняли участие 27 человек, на этой войне наград не было, но Макушенко Сергей был награжден медалью «За боевые заслуги», а Приходько Дмитрий медалью «За отвагу».

Военные события в Югославии – Косово

Косовская война – вооружённый конфликт, вспыхнувший в феврале 1998 года между албанскимисепаратистами и Союзной Республикой Югославией. Боевые действия были

Ананьев Александр,
погиб в Республике Чечня

Пискунов Дмитрий,
погиб в Республике Чечня

Романов Андрей,
погиб в Республике Чечня

начаты косовскими албанцами, стремившимися к независимости Косова. В марте 1999 года в конфликт вмешалась НАТО, начавшая бомбардировки СРЮ. И в этой горячей точке воевали чулымские парни Романов Олег и Алабугин Андрей, награжденный медалью ООН «На службе мира».

Забытый полк

Собрать сведения от самих участников локальных войн и их родственников у меня не получилось, они не идут на контакт, не могут вспоминать страшные дни недавних событий – волнуются и плачут. Мы решили пойти по другому пути – найти списки солдат, призванных с территории Чулымского района. 20 сентября 2015 года такие списки нам предоставил В. Д. Ермолаев.

Вот здесь я и понял, что забыт не только мой папа, Хмельков Александр Александрович, но и многие другие участники военных конфликтов. В списках отдела молодежной политики и спорта числятся 190 человек, в списках участников боевых действий РВК – 233 человека, в общих списках районного военного комиссариата и пенсионного фонда – 266 человек, в списках комитета ветеранов локальных войн Чулымского района – 269 человек, в журнале «Участники боевых действий» МО РФ РВК Чулымского района – 311 человек.

Когда мы составили общую таблицу, оказалось, что о 107 участниках горячих точек кроме фамилии, ничего не известно. Тогда мы пошли в полицию с просьбой просмотреть наши списки. Может в них будут найдены те, кто выезжал в районы локальных конфликтов по линии МВД. Нам помогла Е. Н. Вострикова, подполковник внутренней службы. 44 сотрудника полиции воевали в горячих точках. Наконец-то я нашел своего папу!

№ 262 Хмельков Александр Александрович. Капитан полиции. Медаль «За службу на Северном Кавказе», Чулым, МВД

5.11.2011 скончался от огнестрельного ранения.

Нужно было найти еще 63 участника военных событий. Мы еще раз пошли

в районный военный комиссариат, нам дали учетные карточки участников локальных войн, среди которых мы нашли данные по 39 участникам чеченских событий. А еще мы нашли Алабугина Андрея, который воевал в Югославии.

Список из 24 фамилий мы поместили в Интернете. Неравнодушные чулымцы помогали нам в поисках. 24 февраля мы еще раз побывали в РВК, в новых списках участников локальных войн, стоящих на учете, мы нашли информацию на 6 человек. Сегодня у нас нет данных о 3 участниках горячих точек.

Списки разные по численности. Почему? Отвечает Ермолаев В. Д.: «В списки РВК попали те участники локальных войн, которые были призваны, служили в рядах ВС РФ, СССР и принимали участие в локальных конфликтах на территории Российской Федерации и за ее пределами. Завершив срочную службу, некоторые из них пошли на службу в милицию (полицию) и по линии МВД направлялись в горячие точки для охраны блокпостов, боевых зачисток населенных пунктов, уничтожения бандформирований.

Мы нашли в списках РВК «Участники боевых действий» бойцов Бердского ОМОНа, ОМСББР Юрги. Просто в списках вычеркивали уехавших, снявшихся с учета, умерших, но ведь они воевали и знать их фамилии нужно!

Используя данные шести списков, учетных карточек РВК и личных сведений из Интернет-сообщений, мы составили общую таблицу, в которую вошли данные о дате рождения, сроках пребывания в горячих точках, звании, наградах, адресах. Составив сводную адресную таблицу «Малая Родина участников локальных конфликтов планеты, призванных с территории Чулымского района», мы выделили три группы населенных пунктов района по числу призывников, участвовавших в локальных конфликтах.

Из Чулыма было призвано 216 человек, 183 человека призвано из 38 сели деревень Чулымского района. Мы решили показать эти населенные пункты на карте пунсонами разного цвета: красный – Чулым, оранжевый – населенные пункты, из которых было при-

звано от 10 до 20 человек (Чулым-3, Кабинетное, Серебрянское, Базово, Ужаниха), желтый – населенные пункты, из которых было призвано от 1 до 9 человек. Потом мы решили узнать, сколько участников локальных войн – выпускники нашей школы. Мы поработали с алфавитной книгой и оказалось, что 42 человека окончили школу № 4 и 1. Это целых 11 %!

Мы боялись кого-либо потерять и поэтому 18–19 февраля проверили еще раз алфавитную книгу, архивные документы школьного музея и в список выпускников добавилось 11 человек, которые обучались в нашей школе, но перевелись в другие учебные заведения. Итак, 53 учащихся школы № 1 (14 % от общего числа участников боевых действий) воевали в горячих точках.

Храбро воевали чулымцы, мы гордимся тем, что они награждены 236 государственными наградами. Только на нашу школу приходится 58 орденов и медалей, 13 ветеранов боевых действий учились в нашей школе!

Мы разговаривали с участниками локальных войн, слушали выступление гостей на встрече, которая прошла в нашей школе 17 февраля 2016 г, и еще раз убедились, что они забыты нашим государством: с 1 февраля 2016 года единая денежная выплата

ветеранам боевых действий, афганцам, инвалидам, лицам рядового и начальствующего состава органов внутренних дел и органов государственной безопасности, принимавших участие в боевых действиях на территории Российской Федерации составляет 2638 рублей 27 копеек, инвалиды локальных войн работают на низкооплачиваемой работе, обещанные государством участки под индивидуальное строительство не выдаются.

Выполняя проект, мы поняли, что чулымцы внесли свой вклад в решение проблем горячих точек планеты: с территории Чулымского района были призваны и служили в зоне локальных конфликтов 399 человек, в мирное время погибли 7 молодых парней. Вы думаете, им жить не хотелось? Их имена нам нужно помнить так же, как и имена погибших на фронтах Великой Отечественной войны. В военных действиях приняли участие рядовые (150), ефрейторы (23), младшие сержанты (34), сержанты (36), старшие сержанты (24), прапорщики (10), 2 старших лейтенанта, 1 майор, 3 капитана, 3 подполковника, 36 сотрудников МВД старшего и среднего командного состава.

Из 394 участников локальных войн, призванных с территории Чулымского района, воинское звание выше рядового имеют 232 человека. Более 150 че-

Встреча учащихся школы №1 с ветеранами и родственниками погибших участников локальных войн

люди награждены боевыми и государственными наградами, многие имеют по 2 и более наград. Выпускница нашей школы Зарубина (Русяйкина) Евгения имеет 6 наград. Сергиенко Дмитрий, Кириенко Олег и Калымов Алмаз, ученики нашей школы, находятся в Чеченской республике и сегодня. Мы должны помнить всех, кто воевал или воюет сейчас.

Результатом нашей работы стали списки участников военных конфликтов в Венгрии, на о-ве Даманском, в Персидском заливе, Афганистане, Таджикистане, Чеченской республике, Северном Кавказе, Югославии (приложения 1–8, таблицы 1–15), авторская карта «Малая Родина участников локальных конфликтов планеты, призванных с территории Чулымского района», список «Они учились в нашей школе».

Итак, мы считаем, что особый вклад в участия чулымцев в локальных войнах внесли выпускники нашей школы, вот почему Зал Воинской Славы должен располагаться в МКОУ СОШ № 1 и являться частью нашего музея.

С этой целью в нашей школе объявлен конкурс на дизайнерский проект оформления Зала Воинской Славы, получено согласие от Степанова А. Н. на помощь в его создании.

17 февраля 2016 года в кабинете № 38 школы № 1 прошла встреча с выпускниками нашей школы, воевавшими в Таджикистане, Чеченской республике и на Северном Кавказе, положившая начало встречам с участниками локальных войн и их родителями, созданию видеотеки «Память храним» (запись встреч в семейном кругу с женами, матерями, участниками боевых действий, награжденными правительственными наградами).

19 октября 2016 года в рекреации третьего этажа МКОУ СОШ № 1 города Чулыма открыт Зал Воинской Славы, в который приходят Солдаты – участники локальных конфликтов, их матери, жены, дети... приходят, чтобы знать, чтобы понять, чтобы помнить...

**Александр Хмельков,
Александра Соловьева**

Купинский район

Судьба председателя

Николай Федорович Носов был назначен председателем колхоза имени Кирова в марте 1968 года по рекомендации Райкома Партии. На первый взгляд его биография была совсем обыкновенная, как у всех, ничем не примечательная.

Родился 24 апреля 1928 года в селе Новоказарино Купинского района. В 13 лет закончилось босоное безоблачное Колькино детство. На фронте погиб отец, тяжело больная мать надолго слегла в постель. Пришла беда, открывая ворота. Умерла жена дяди Григория, брата отца, а сам он был на фронте, трое их детей остались сиротами.

А Николаю в это время исполнилось 14 лет, он уже был за старшего в семье. Погоревав, Марфа Васильевна с Колей решили забрать Сашу, Олю и Наташу к себе, пусть в нищете, да не в обиде. Так с младенчества, минуя детство, шагнул вихрастый Колька Носов во взрослую жизнь. Теперь он один на семерых зарабатывал на кусок хлеба.

Помощник токаря был маловат ростом, и чтобы работать на станке, ему подставляли большой ящик. Мал золотник, да дорог. В 15 лет он уже самостоятельно работал токарем, был умным, сметливым малым. Его заветной мечтой, как и у всех мальчишек, было желание попасть на фронт. Ему часто снились сны, как он уезжает на фронт, то вдруг он отстает от эшелона и в страхе просыпается, понимая, что не на кого ему оставить большую маму и пятерых детей.

Закончилась война. Николай хотел стать офицером, но ему не повезло, у него было повреждено плечо, и комиссию пройти он не смог. В 1948 году он женился на сельской учительнице Марии Петровне Воеводиной. И уже будучи женатым, имея семимесячную дочь Ларису, он ушел служить в армию в надежде стать военным.

Служба на острове Рыбачьем, Север, Кандалакша. С детства сильный, закаленный характер и здесь пригодился

ему. Вернувшись из армии, он пишет свои воспоминания, это живой, интересный рассказ о своих друзьях – однополчанах, об их нелегкой службе, но попытаться напечатать их он так и не решился. Читал друзьям, близким знакомым.

После армии Николай Федорович закончив Купинское ПТУ, работал в МТС, а затем поступил в Куйбышевский техникум сельского хозяйства. Работал секретарем Чаинского сельского совета, затем учителем черчения и рисования, физкультуры. В 1963 году был назначен инженером-механиком в селе Чумашки, а в 1968 году попал в председатели.

На первый взгляд все, кажется, слаженно и просто. На самом деле Носов Николай Федорович человек необыкновенной судьбы.

На пшеничном поле.
1982 год

Когда он был назначен председателем нашего колхоза имени Кирова, шел март 1968 года. Все село собралось на собрание, не терпелось увидеть нового председателя. Каждый представлял его по своему, но у всех образ сводился к одному: богато одетый, с кожаным портфелем, важный и обязательно в шляпе.

И каково же было удивление наших односельчан, когда перед нами предстал молодой мужчина лет сорока, чуть

выше среднего роста, довольно крепкого телосложения, в кепке, фуфайке, кирзовых сапогах. Мозолистые натруженные руки, умный пытливый взгляд. Непокорный чуб, волевой подбородок, выказывали его мужской характер. Одним словом богатая, широкая крестьянская натура. С ним, кажется, дела в колхозе должны пойти в гору. И действительно, ему не пришлось долго завоевывать уважение. Лучше всяких слов за человека говорят дела.

С приходом Носова в хозяйство коренным образом стала меняться вся наша жизнь. Посевная площадь составляла более 10 тыс. га. Урожайность в среднем 9,5 ц. с га, а на току было всего два склада, и на все виды культур: пшеница, овес, ячмень, просо хранились в этих двух складах. Семенной фонд вывозился в наш районный центр на Купинский элеватор, что приводило к большим затратам.

Николай Федорович на первом заседании правления колхоза поставил на повестку дня вопрос о создании собственной базы хранения зерна. Мужик – хозяин, ничего не скажешь – так оценили колхозники его первые председательские шаги. И уже в 1969 году началось строительство складов на току для хранения зерна, а всего их было построено четыре.

Много сил и энергии отдал Николай Федорович нелегкому хлеборобскому труду. Наше хозяйство первым перешло на почвозащитную систему земледелия. Николай Федорович начал внедрять безотвальную систему обработки почвы, используя методы академика Бараева из Казахстана, а так же опыт ВАСХНИЛ. На плуги стали устанавливать безотвальные стойки СИБЭМЭ, так родился у нас в хозяйстве новый плоскорез. Сорт пшеницы «Мильтурн» заменяется на более урожайный «Перотрикс – 28».

Это он непоседливая душа, с утра до ночи находился на своем боевом посту. За день его можно было увидеть на ферме и в поле, на стройке и в библиотеке, где он изучал новинки сельскохозяйственной жизни. Одним словом нелегка председательская ноша. Век живи, век учишься.

Не менее чем производственные дела, волновали Николая Федоровича вопросы досуга молодежи. Он сам приглашал в клуб артистов. А встреча с артистом Крючковым переросла в большую дружбу. После встречи в клубе он сказал: «Теперь я мечтаю сыграть председателя – Николая Носова». А какое внимание уделялось развитию художественной самодеятельности на селе, начиналась она со специалистов сельского хозяйства, учителей, а заканчивалась большим творческим коллективом. Николай Федорович пел, читал стихи, он знал всего Теркина наизусть, играл на аккордеоне, баяне.

Тянулись люди к нему, всем был нужен председательский совет, помощь и самое интересное в том, что на всех хватало его широкой Носовской щедрой души. Он мог по-отечески строго спросить и помочь, зажечь огонек надежды, был искренним другом. А сколько стихов он посвятил ветеранам Великой Отечественной войны и труда, матерям, вдовам, внукам. А потом в селе зародилась добрая традиция проведения КВНов, куда собиралось все село, как на великий праздник. Смех и аплодисменты потрясали зал. Николай Федорович в течении 10 лет был бессменным капитаном команды специалистов сельского хозяйства.

Осень 1984 года стала для него тяжелой председательской страдой. Неделями неумолимо лил дождь. Хлебные валки буквально плавали в воде. А тут еще одна беда свалилась на его голову. Молодой пастух не уследил, как на проросшие валки забрело стадо молодняка и больше ста голов откормочного скота пришлось дорезать.

Всю ночь в селе никто не спал. Сердце разрывалось от боли. А потом Бюро, оно было для Николая Федоровича Носова последним в его председательской деятельности. А какой удар был для колхозников. Почему за все людские прегрешения должен рассчитываться один Носов недоумевали колхозники? Звонили в райком, ездили к первому секретарю РК КПСС, защищали своего председателя как могли, но решение Бюро оказалось неумолимым.

И что-то сразу сломалось в этом сильном, волевом человеке, он ссутулится, поседел, увядал на глазах. Тоска и отчаяние забрались в его душу. Он как раненая птица пытался расправить крылья, взлететь, но осколок человеческого равнодушия ранил его в самое сердце. Одним словом его просто вышибли из седла. И только самому родному, самому близкому человеку он мог поведать все тайны своей душевной трагедии, Марии Петровне, своей жене, самому преданному и самому любящему человеку, которая в трудные моменты жизни всегда была рядом и как могла, помогала ему выжить, не потерять веру в себя.

Помнят Николая Федоровича в нашем селе, чтят его память. Это был человек тонкой культуры: писал стихи, рисовал на холсте, любил цитировать Твардовского, Шукшина, Шолохова, а еще очень любил играть в шахматы. Своими руками мог сделать любую вещь, от табуретки до карусели, на льду нашего озера, куда сбегалась ребятня всего села. Красивый душой человек – это обязательно личность, осознающая свое незаменимое и уникальное место в бесконечной цепочке поколений. Такой неординарной личностью и был Н. Ф. Носов.

Светлана Ткаченко

Усть-Тарский район

Толстово поле

В девяти километрах от села Камышево, по трассе Омск-Новосибирск, по левую сторону от дороги раскинулось большое поле пшеницы. Это поле имени Геннадия Толстова.

Там, где оно начинается, стоит стела с его барельефом. Кто же он, этот человек, который удостоен такой чести?

Толстов Геннадий Петрович родился в 1938 году в селе Камышево. Его отец, был призван Усть-Тарским РВК 1 июля 1941 года на фронт. А в декабре этого же года семья получила похоронку – пропал без вести.

Мать, Прасковья Ивановна, воспитывала двоих детей Леонида и Геннадия одна. Она работала на ферме дояркой.

Геннадий закончил только три класса. Сначала помогал матери на ферме, а потом работал на разных работах в колхозе «Пламя Труда».

Потом брат устроил его на курсы механизаторов в Камышевскую МТС, закончив которую, Геннадий несколько сезонов проработал прицепщиком у опытного комбайнера Сквородникова П. Затем поступил в Козинское СПТУ, стал механизатором широкого профиля. Встретил свою любовь, женился, пошли дети.

В то время лучшие люди совхоза были коммунистами. Приняли в партию и Геннадия Петровича. Так как он был человеком работающим, порядочным, примерным семьянином, его несколько раз выбирали депутатом Камышевского сельского совета. С него брали пример молодые механизаторы. Шли к нему за добрым советом. Под его наставничеством «выходили» в передовики производства.

В 1966 году за ударную работу механизатор совхоза «Пламя труда» Толстов Геннадий Петрович был награжден медалью «За трудовую должность». В 1971 году он стал Кавалером ордена «Октябрьской революции», а в 1974 – кавалером ордена «Трудового Красного Знамени».

Осенью 1984 года, работая в ночь на отдаленном поле, Геннадий Петрович заметил зарево пламени на колхозном поле. В одиночку боролся он с огнем, пожирающим выращенный

урожай. Силы были неравными, но он сумел остановить пламя. Смелчак погиб от полученных ожогов.

В самом рассвете жизни, в 46 шесть лет, Геннадий Петрович умер, оставил жену, троих детей и мать. Человеком он был трудолюбивым, безотказным, мягким и добрым. Таким и остался в воспоминаниях родных и односельчан.

В память о механизаторе руководством совхоза, партийной организацией решено было этому полю присвоить имя Геннадия Петровича Толстова и установить на нем стелу с его барельефом.

Каждый год на протяжении многих лет на этом поле проходило посвящение в механизаторы молодых людей, которые выбрали своим занятием работу хлеборобов, земледельцев. Обработать это поле, собирать урожай считалось высокой честью и доверялось только самым трудолюбивым и ответственным работникам сельского хозяйства.

По материалам музея МБУ ДО Усть-Таркского Дома детского творчества

Ольга Дахова

Куйбышевский район

Удивительный человек

Удивительный человек Чечёткин Владимир Ефремович – 45 лет жизни посвятил системе образования Куйбышевского района. Его любили все: дети, коллеги, родители.

Чечёткин Владимир Ефремович родился 9 июня 1918 года в Красноярске. В 1941 году окончил Томский государственный университет имени В. В. Куйбышева и сразу был мобилизован. Закончил Кемеровскую лётную авиашколу, затем Иркутское военное авиационное училище, служил в 15-м отдельном разведывательном полку.

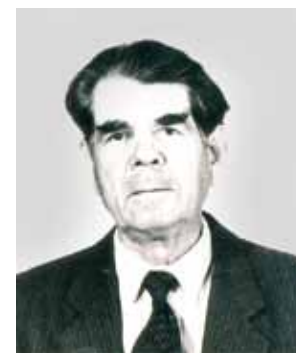
Демобилизован капитан ВВС В. А. Чечёткин в сентябре 1945 года. В феврале 1946 года по вызову университета приехал в Томск, где занимался педагогической и научной работой. Так начался трудовой путь Владимира Ефремовича. В 1952 году семья Чечеткинских переехала в Куйбышев Новосибирской области. Работал сначала директором школы № 4, затем № 10.

Из истории школы № 10: «При Владимире Ефремовиче были заложены огород и сад. Весь пришкольный земельный участок был разделен на две половины: первая половина – для огорода, вторая – сад. Огород разделили на делянки для посадки овощей, делянки были закреплены за классами. В саду были посажены деревья: груши, яблони, ранетки. Года через три-четыре стали появляться плоды. Особенно радостно было смотреть на грушевые деревья: стройные, ветвистые. Медленно поднимаешь ветку, чтоб не сломать, смотришь на чудо природы: на ветвях среди листьев висят по 5, 6, 7 маленьких плодов. Просто чудо! В один из годов собранный урожай сберегли к началу сентября и в первый день занятий угощали ребят плодами из своего сада. После экзаменов фотографировались в школьном саду.

В 1955 году Владимира Ефремовича перевели на должность заведующего городским отделом народного образования при исполнительном комитете Совета депутатов. В то время отдел об-

разования располагался в помещении вечерней школы, ютился в одной комнате, и был представлен одним заведующим. Сохранился отчет Чечеткина В. Е. о работе отдела образования за 1956/57 учебный год: в городе работали «...3 средних школы, 2 семилетних, 10 начальных..., детский дом им. Крупской школа глухонемых, заочная школа слепых, музыкальная школа, Дом пионеров, Дом работников просвещения, детский сад № 1, № 18... В средней школе рабочей молодежи обучались рабочие и служащие промышленных предприятий и учреждений города...».

Владимиру Ефремовичу приходилось работать за себя, бухгалтера, секретаря, а также осуществлять контроль за действующими и строящимися школами. Свои обязанности он выполнял добросовестно, качественно. Строгость, требовательность в сочетании с открытостью, объективностью и справедливостью в характере и деятельности Владимира Ефремовича были и остались в памяти коллег по работе главными критериями оценки труда руководителя.

Владимир Ефремович Чечеткин

В сентябре 1961, по личной просьбе, переведён заведующим заочным отделением и преподавателем анатомии и физиологии педагогического училища, затем снова вернулся в школу. Выйдя на заслуженный отдых, он не мыслил себя без работы с детьми. Вместе с супругой, Верой Павловной, органи-

Кружок полезных дел. Чечёткин Владимир Ефремович с учениками

Им инересно вместе

зовали у себя дома кружок полезных и интересных дел. Работа кружка начиналась с малого: читали сказки, играли в подвижные игры, планировали деятельность кружка на год.

Девиз кружковцев: «Все, что мы делаем, – нужно. Значит, давайте трудиться честно, усердно и дружно». Домашний кружок, по мнению В. Е. Чечеткина, предоставляет дополнительную возможность ближе узнать интересы ребенка, увлечения и способности, помочь в их развитии... Для многих выпускников школ № 4, 10, 9, педучилища Владимир Ефремович на всю жизнь остался любимым учителем.

18 августа 1997 года перестало биться сердце Владимира Ефремовича. Он был человеком высокой внутренней культуры, талантливым педагогом. И именно к нему можно с уверенностью отнести слова замечательного педагога В. А. Сухомлинского: «Самые прекрасные и в то же время самые счастливые люди – те, кто прожил свою жизнь, заботясь о счастье других».

Анна Печенова

Колыванский район

Умели радоваться жизни

«Вспоминаю свою жизнь, работу... Когда было много дел, людей, поля колосились, животноводство развивалось и всё остальное, столько всего строилось! Для меня всегда останется праздником 7 ноября, день Великой Октябрьской социалистической рево-

люции. Мы прожили с этим праздником всю свою жизнь, трудились на благо страны, давали высокие показатели, старались. Всё нам до сих пор дорого, даже и этот день 7 ноября. Нам всегда говорили: «Родина вас не забудет».

Родилась я в 1938 году в деревне Чаус Колыванского района. Папа с мамой были из тех мест, хотя всю жизнь считались переселенцами – их предки из Пермской области попали в эти края. Уже в 1939 году родители со мной, годовалой, уехали в село Новотроицк, тогда колхоз им. Кагановича.

Когда мне исполнилось два года, умерла мама. Папа женился на другой женщине, которая меня воспитывала до 10 лет. Потом и она умерла, папа остался один с двумя дочками: у меня была сестра от второго папиного брака.

Время послевоенное, 4 класса закончила, а в пятый ходили всем классом в соседнюю школу деревни Крутоборка, это 12 км от Новотроицка... Не доучилась, бросила школу и меня отдали в 11 лет в няньки в г. Новосибирск.

Учительница Пересторонина Клавдия Павловна уговаривала меня доучиться, но семейные обстоятельства не позволяли... Папа женился в третий раз на Косьяновой Прасковье, эта моя третья мама.

В Новосибирске я жила в няньках до 16 лет. Потом меня отправили на завод Сибсельмаш, где делала лущильники для комбайнов, ящики. Там я проработала год.

Домой хотелось – в родные места, к отцу поближе! Приехала, устроилась сразу работать на животноводство в колхоз им. Кагановича. Председателем тогда был Фёдоров. С 1956 года и до 1996 года проработала в животноводстве. Сорок лет. Всегда ходила в передовиках. Об этом говорят мои награды, которые я получала за высокие показатели на работе в родильном отделении.

Что такое в то время родильное отделение? Это отёл коров, раздой, надой и месяц выращивания и отпаивания телят травяными сборами. Лекарственные травы мы собирали сами по полям или нам накашивал Власюк Василий, проработавший с юности и всю жизнь скотником.

За эти годы довелось поработать с самыми замечательными людьми: председателями и директорами совхозов Рыбалко И. Т., Нюшковым В. Т., управляющим фермой Живлаковым Василием. Помню парторга Исакова Василия Ефимовича, который всегда возил передовиков на торжественные мероприятия во Выюны, Колывань.

В Колывани в ДК «Юность» мне вручили орден Красного знамени.

Каждый год мы ездили на слёт передовиков, потому что умели трудиться, отдавая всю себя работе, которая была по душе. Что там говорить, я всю жизнь помню свою любимую корову, которую звали Коза. Есть фотография – мы вместе с ней...

Замуж я вышла за тракториста Качина Ивана Ивановича. Клавдия, его родная сестра, стала моей золовкой. Она тоже работала телятницей. Всю свою жизнь она прожила с нами, в моей семье. Своей семьи у неё никогда не было.

У Клавдии тоже есть награды, ещё больше, чем у меня. В Новосибирске в Оперном театре ей вручали орден Знак Почёта. Так что у нас с ней на двоих и ордена и медали.

Рядом со мной в животноводстве работали Чухина Нина, Вахненко Александра, бригадир животноводства Итальяев Александр, Битюцкий Александр, Тихомиров Николай, ветврач Барганов Антон. Я 40 лет отработала в животноводстве, а Клавдия – больше меня. Обе мы ездили по путёвкам в дома отдыха в Бердск, Томск, Мочище. Мы с ней всю жизнь не разлей вода. И доживаем жизнь, вместе ухаживая друг за другом.

Клавдия Ивановна с передовиками

Клавдии в 2017 году исполнилось 90 лет, она часто болеет. Но мы не одни, дети помогают, присматривают за нами. Она когда-то помогала вырастить моих детей: двух дочерей, Наташу и Катю, и сына Михаила, а теперь они заботятся о нас.

Меня два раза выбирали депутатом местного совета.

За свою работу мы с Клашей получили столько наград и поощрений, что они до сих пор украшают дом; это ковры, дорожки, часы, посуда и многое другое, что нам дорого как память. Ну а медали и ордена все перейдут к детям и внукам.

Тех, с кем работали, многих уже нет, но о них всегда хочется вспомнить...

Работать было тяжело, но и весело, кругом были люди, которые трудились не покладая рук. Но про них не забывали. Всегда была премия или материальная поддержка. На работу и с работы шли с песнями!.. В общем, умели радоваться жизни.

Галина Качина

Чановский район

Учителями славится Россия

Берёзы, подёрнутые золотом, высоко протянули к ярко-голубому бездонному небу свои руки-ветви. Кружась в медленном вальсе, жёлтый берёзовый листок тихонько опустился на землю. За ним второй, третий и вот уже они ровно лежат на земле. Так хорошо бродить в осеннем лесу, любоваться красотой. Под ногами шелест увядшей листвы. Осень. В природе всё готовится

Галина Павловна в молодости с любимой коровой по имени Коза

Зиневич Александр
Алексеевич
и Валентина
Васильевна, 1967 г.

к зимнему долгому сну. Только в школе с началом осени оживление – начало учебного года, новые открытия.

Каждый год с нетерпением супруги Зиневич ждали начала нового учебного года. Их педагогический стаж – семьдесят пять лет на двоих.

С момента образования Приомской школы (в то время она была Тебисской восьмилетней) они преподавали: Александр Алексеевич – химию и биологию, Валентина Васильевна – английский язык и географию.

Учить ребятшек они сами пришли со школьной скамьи. Выпускник Тебисской средней школы Александр Зиневич поступил в сельскохозяйственный институт, но, проучившись полгода, бросил, поняв, что не его это призвание. И чтобы зря год не терять, устроился в школу, да так и остался на всю жизнь. С этого момента его жизнь неразрывно связана со школой. Позднее он заочно окончил Новосибирский педагогический институт. В конце 1971 года Александра Алексеевича назначили директором школы.

И совсем не строгий, как казалось на первый взгляд, был директор школы Александр Алексеевич Зиневич.

Валентина Васильевна приехала в эту школу на год позже своего будущего мужа. После окончания одиннадцати классов девушка поступала в педагогический институт на естественно-географический факультет, но для зачисления ей не хватило одного балла. Приехав в Чановское РОНО, попросилась на работу. Заведующая отделом Т. Петренко на выбор предложила несколько школ, Валентина выбрала маленькую, только что открывшуюся школу в селе Приомском, потому что это было рядом с родительским домом. Родом Валентина Васильевна, как и её муж, из посёлка Рождественка.

На уроках географии всегда было интересно. Валентина Васильевна так увлечённо рассказывала о других странах, государствах, городах, как будто в каждом из них побывала сама. Мы, её ученики, затаив дыхание, слушали учительницу и вместе с мореплавателем Витусом Берингом бороздили моря и океаны, помечая на карте неизвестные острова и проливы, с Христофором Колумбом открывали Америку, с путешественником Марко Поло обследовали Азию, с Михаилом Пржевальским собирали зоологические и ботанические коллекции. Её рассказ обрстал мельчайшими подробностями.

Но... на самом интересном месте звенел звонок на перемену, и путешествие заканчивалось до следующего урока.

Она и от ребятшек требовала такой же отдачи. Постоянно поддержива-

Коллектив школы
1967 г.

С нетерпением ждали старшеклассники его уроков химии, где во время лабораторных работ обыкновенный медный пятак в растворе азотнокислого серебра превращался в блестящую серебряную монетку... или прямо в классе происходило «извержение вулкана», когда горка дихромата аммония после реакции начинала выбрасывать зеленовато-серый пепел.

ла тесную связь с родителями, неуспевающих ребят контролировала, посещала семьи. За каждого своего ученика переживала. Наверное, поэтому многие выпускники до сих пор её помнят – звонят, поздравляют с праздником, интересуются самочувствием.

Валентина Васильевна и Александр Алексеевич любили свою работу, всё свободное время посвящали школе, всегда помогали начинающим педагогам устроиться на новом месте и войти в колею. Многие их выпускники выбрали этот нелёгкий путь – учить детей.

Давно уже ветераны педагогического труда на заслуженном отдыхе, но до сих пор в курсе всех школьных дел. Дадут дельный совет, подскажут, как правильно поступить в той или иной ситуации своей дочери Елене, которая десять лет возглавляет Приёмскую школу. Начала свой педагогический стаж Елена Александровна, как и её родители, сразу после окончания средней школы. В должности старшей вожатой с учениками ходила в походы, устраивала весёлые праздники, интересные соревнования. Зачно окончила Новосибирский государственный педагогический институт и вот уже четверть века преподаёт русский язык и литературу.

Каждый сентябрь школьный звонок оповещает о начале нового учебного года, незаметно отсчитывая очередные рубежи...

Лариса Зиневич

Кольванский район

Художник Павел Поротников из Кольвани

Когда приходят к нам пророки? Они приходят к нам тогда, когда мы сами приходим к ним, когда мы нуждаемся в этой встрече. Так у меня произошло с классической русской литературой, которую я двадцать лет изучала с ребятами в школе, не понимая её провидческого смысла. Этот смысл открылся мне только после трагичных (и в стране, и в моей собственной жизни) девяностых годов. Надо было счастье этих открытий заслужить, и заслужить полноценным страданием.

Так и первая встреча (было это лет 25 назад) с творчеством известного сибирского художника с кольванскими корнями стала для меня просто познавательной. Удивили мощь и ширь его картин, яркость красок, экспрессия, композиционное мастерство огромных полотен, выставленных в узкой ком-

П. Поротников.
Хлеб всему голова,
1983 г.

нате Кольванского музея, где им было тесно.

Прошло много лет... Я привела в музей своих девятиклассников. И для них картина Поротникова стала настоящим открытием. Поэтому мы попросили музейных работников рассказать о создателе картины, приносящей радость. Несущей энергетику созидания.

Как же мне горько было узнать – так поздно! – что в год моей первой встречи с творчеством художника я могла побывать на его выставке и даже поговорить с самим автором. Наверное, всё-таки картина эта писалась для нас нынешних. Ведь истинные художники всегда опережают время, недаром же Цветаева писала: «моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черёд». Настал черёд и для картин Поротникова. Настал и наш черёд, его земляков, как можно больше узнать о нём и его творчестве и поделиться своими знаниями и чувствами с другими.

Это стремление объединило нас: музейных работников, меня и несколько моих учеников – в творческую группу. Наша группа побывала на родине художника, во Вьюнах. Там мы познакомились с людьми, близко его знавшими,

побывали в средней школе, в которой он работал, сфотографировались возле дома, в котором он жил. А через месяц съездили в Художественный музей г. Новосибирска на выставку картин Поротникова, организованную его земляком и учеником, художником Анатолием Ивановым. Эта выставка так и называлась – «Земляки». Там, на выставке я увидела картину Поротникова, выражавшую, на мой взгляд, современное состояние нашего общества.

Это картина «Стога». У всех других художников стога – олицетворение покоя, гармонии. Да и у поэтов стога или дремлют или тихонько грустят. А на этой картине они совсем другие. После лихой непогоды – ветров и дождей – они почернели, закаменели... А мрачные чёрные тучи опять грозят ливнем. Ступается вечер, и темнота эта зловеща, зловещи тени, отбрасываемые стогами, зловещ холодный свет луны...

Наши великие писатели, такие как Астафьев, Распутин, Шукшин предупреждали нас о грядущих зловещих переменах. Поротников же в своих прозрениях пошёл дальше: практически

П. Поротников.
Проводы зимы, 1979 г.

всё его творчество последних лет – это зримые образы того, что может спасти русский народ, попавший в состояние бесчувственной окаменелости. Вот каково великое значение у этого не оценённого при жизни, забытого после смерти замечательного сибирского художника.

И вся его жизнь, со всеми, на первый взгляд, странными зигзагами, была путём к постижению своего великого предназначения.

Передо мной краткая биография Павла Леонтьевича, написанная его рукой: «Родился 2 августа 1922 года в селе Малая Черемшанка Кольванского района. До 1935 года жил и учился в Кандыково».

Потом Павел Леонтьевич учился во Вьюнах. Восьмой класс заканчивал уже в Новосибирске. В 16 лет пошёл работать в товарищество «Художник», отработав там два года, пошёл учиться в Омское художественное училище имени Врубеля. Учёбу прервала война. Участвовал в самых страшных переломных сражениях: на Курской дуге, на Одере, при взятии Берлина. Награждён боевыми орденами и медалями. Продолжить учебу смог только в 1948 году, поступив в Художественное училище в Костроме, которое с отличием окончил в 1951 году. Вернулся в Новосибирск. С 1956 по 1966 гг. с семьёй жил и работал во Вьюнах.

Судя по этой биографии можно понять, что Павел Леонтьевич действовал в жизни целенаправленно. Ведь мог закончить учёбу после войны в Омске, а поступает, уже достаточно взрослым человеком, на первый курс Костромского училища. Тут виден осознанный выбор человека, знающего, последователем какой художественной школы (конечно, Кустодиева) он будет. Или вот тот факт, что дипломной работой у него стала картина «Минин и Пожарский», на которой – русские герои, защитники Отечества.

И сам Поротников, защищавший Отечество в войну от врагов внешних, в мирной жизни не только оставался защитником русского народа, но и стал его певцом.

А как понять такой вот изгиб биографии, когда приехав в Кольванское

село Вьюны с группой новосибирских художников всего на месяц в творческую командировку, остался там, перевезя из города семью, на долгих десять лет.

Надо сказать, Вьюны – место уникальное. Сама читала крохотную заметку в каком-то журнале, что именно во Вьюнах – центр нашей страны.

И в творчестве художника село это стало центром его живописного мира.

У каждого художника есть любимые мотивы, темы. У Поротникова это деревенские избы. Когда мы пришли во Вьюнскую школу посмотреть на картины Поротникова, любовно собранные её учениками под руководством директора школы, Анатолия Алёхина, то просто ахнули. На одной стене коридора висело больше шестидесяти портретов земляков художника, участников Великой Отечественной войны, а на другой – примерно столько же, так и хочется сказать – портретов – вьюнских домов.

У каждого из бывших солдат он сумел показать характер, и не просто характер, а «чудинку». Кто-то из его героев простодушен, кто-то основателен, кто-то с хитринкой, а кто и с угрюминкой... И дома он пишет с той же любовью и проникновением в «характер» каждого. Вот – дом добродушный, а тот смотрит свысока, а тот простоват... Как и солдаты, они прожили трудную жизнь, много вынесли испытаний, и у тех и у других – перенесённые страдания и невзгоды оставили след: там – морщинами, а здесь – трещинками, но те и другие выполнили в жизни свой долг.

Художник совершил просто титанический труд: ведь благодаря ему село Вьюны вместе со своими жителями и домами стало бессмертным! Вы вдумайтесь: не дом и не человек, а целая деревня, вернее, село. Разве существует что-то подобное у других художников?

Но какова цель Поротникова?

Вспомним, что и портреты и дома он написал, когда жил во Вьюнах в шестидесятые годы. Но ведь здесь же прошло и его детство. Он ведь помнил Вьюны торговым селом, в котором жили купцы и зажиточные крестьяне. Те и другие были сметены во вре-

мя революционных преобразований. В те времена ориентировались на пролетариев, сейчас – на богатых. А ведь то и другое – крайность, неразумная крайность. Разумен достаток, разумен крепкий хозяин, трудолюбивый, с хозяйственной сметкой, заслуживающий уважения. Тот, кто твёрдо стоит на ногах. И дом, как и сам хозяин, у Поротникова – не какая-то развалюха, не видит он поэзии в тлене, – он тоже крепко стоит на каменном фундаменте, умело срублен из кондового леса. Тут виден характер не просто русского человека, а сибиряка, привыкшего к постоянно-умо единоборству с суровой природой.

Но дома Поротникова нельзя назвать крепостями. От кого обороняться в своей родной деревне? Деревня для крестьянина тоже дом. Ведь в самом собственно доме он только ест и спит, особенно летом. Вот картина «Вечер в деревне». Общее настроение этой картины – умиротворённое – создаётся приглушённым колоритом, в котором преобладают оттенки серого, коричневого с отдельными вкраплениями неяркого-розового платья девушки и пробивающихся сквозь тучи лучей солнца. Краски чуть размыты, поэтому кажутся мягкими очертания и домов, и животных, и людей.

Вообще картины Поротникова такие уютные! Часами бы смотрела на это стадо, спокойно бредущее мимо домов, окрашенных заходящим солнцем в тёплые золотисто-охристые тона. У Поротникова все живые, милые! Даже мотоцикл почему-то напоминает собачку.

Вообще на картинах Поротникова техника, например, трактора – живая, со своим характером. Его трактора такие озорные, немножко неуклюжие и почему-то застенчивые.

А за деревней – лес. И он часть дома деревенского человека. Но уже не такой привычный и понятный, как родная улица. Лес хранит свои тайны. Поротников учит вглядываться в эти тайны. Что за странные, диковинные деревья на картине, названной «Папоротники»? Да, конечно же, это папоротники, только глядим мы на них не привычно сверху, а снизу. Вот и чудо перед нами. А изменили всего только привычную точку зрения. Так в каждой

картине у художника: он во всех своих картинах ломает привычные стереотипы, закостенелые представления.

Поротников чувствует себя частью этого мира, вернее, крохотной частичей. В кабинете вьюнского директора школы висит картина, на которой изображён осенний октябрьский лес. Колорит картины холодновато-прозрачный. Эта хрустальная прозрачность и нежность создаёт настроение тихой грусти. Не сразу замечаешь, что возле берёзки, её шелковисто-розоватого ствола стоит, прислонившись к нему, спиной к нам и лицом к необъятному простору на той стороне реки, мужчина в ватничке, в какой-то шапчонке. И кажется, ещё минута, и он растворится в ясной свежести этого утра. «Скажите так, что роща золотая отговорила милым языком»...

Но там же, во Вьюнской школе, мы видели пейзаж с настроением не просто радости – ликования! Это картина «Кашламский бор». Этот бор художник изображает в сентябре – как я поняла, это любимое время художника, когда буйствует смешенье красок: оранжевых, жёлтых, зелёных, охристых, коричневых самых разных оттенков. Эта картина – гимн жизни: сложной и прекрасной!

Признак большого таланта – это смелость художника. Талантливый художник смело нарушает правила и каноны. Эту смелость ему даёт идея, ради которой он на это идёт. Авангардисты же, нарушая, «себя хотят показать», свою оригинальность. Так вот, на картине, «Начало зимы», которая когда-то много лет назад так поразила меня, нарушены пропорции и перспектива. В центре картины – деревенский дом. По своим размерам он много больше того, что расположено на первом плане.

Дом стоит, а вокруг него – весёлая суматоха подготовки к зиме. Кто рубит капусту, кто дрова, кто складывает поленицу, кто смолит боровы, кто топит баню, а кто-то из бани выскочил на первый снежок охолонуть! А там, в глубине картины, уже варят, пекут угощение на печке, что стоит прямо на улице, расставляют столы, накрывают их. А вот уже и пляшут под гармошку. И животные тут же рядом.

К дому, тому, что в центре, пристроен хлев и на его фоне хозяйка доит корову. Весело задрав хвосты, бегают собаки, важно вышагивают гуси, что-то клюют куры.

Перед нами целый деревенский мир. Если сосчитать людские фигурки, дома, написанные на картине, то получится, что художник совершил поистине невозможное: вся деревня, с её годовым укладом, занятиями, уместилась на картине.

Так хочется туда, в этот весёлый, добрый, такой уютный мир! Просто ощущаешь его запахи: дымка бани или палёной щетины, или распаренного венчика, или берёзового полена! Слышишь звуки гармошки, людской гомон. Вспоминаешь детство. Ноябрьские праздники. Радость, просто распирающую тебя! Как хороша жизнь «на миру». Как же хорош наш деревенский мир!

В этой картине художник поднялся до мечты, воплотив в ней представление о народном счастье: оно в гармонии – с соседями, животными, с жилищами и с природой. Вся деревня – это одна семья... Обратите внимание: никто в этой деревне не лентяйничает, все трудятся, но трудятся в охотку, азартно, вдохновенно, играючи. Трудятся как играют. То есть отдыхают в самом труде.

Сколько поколений веку было упреков русскому человеку в его лени. А всё дело в том, что у русского человека поэтическая натура: он не может трудиться из-под палки. Он не выносит бессмысленный труд. Ему нужно вдохновение. А его даёт общий труд: тут есть с кем посоревноваться. Нужен азарт! Нужен кураж! Эта картина – вызов современной психологии потребления. Только труд, труд во благо себя и во благо своей деревни, и во благо своей земли даёт человеку чувство собственного достоинства, самоуважения. Посмотрите на картину: всё здесь создано и обихожено руками самих сельчан, во всё они вложили свою душу. Вот ещё почему она так греет сердце.

Пусть кто-то там любит Сальвадора Дали. Это его право. Меня же его картины угнетают, оставляя болезненное ощущение. Мне кажется, искусство не должно угнетать нашу психику, уже

и так достаточно угнетённую.

Мы сейчас нуждаемся в искусстве, которое несёт душевное здоровье.

Ещё одна привлекательная для меня особенность творчества Павла Леонтьевича Поротникова – простодушие, детскость, те качества, что больше всего мне импонируют в людях. Ведь сейчас смеются над такими людьми, обзывая лохами, в чести хитрые и оборотистые приспособленцы. А ведь простодушие – это черта русского национального характера.

Этим простодушием буквально дышит картина. Ничего за душой не оставляет автор, влюблённый в этот мир.

За те же простодушие и детскость я люблю картины Кустодиева. Думаю, что Поротников принадлежал к продолжателям этого направления в русской живописи. В чём же он их продолжил? Это хорошо видно, если мы сравним картины Поротникова и Кустодиева, написанные на одну тему: Праздник Масленицы. У Поротникова картина называется: «Проводы зимы». Разницу я увидела вот в чём. Герои картины Кустодиева – всё-таки потребители. Они пришли на праздник, ожидая, что их будут развлекать. Они отведают разных вкусностей. Покатаются на тройках. Покрутятся на каруселях. Посетят балаган. Говоря современным языком: потребители развлечений. А ведь издавна на Руси праздники создавали сами люди: они их «играли», вовлекая всех присутствующих в это театрализованное представление, они их проживали...

У Поротникова герои и этой картины – создатели. И таким отношением художника к своим героям его картины «Начало зимы» и «Проводы зимы» перекликаются. Там («Начало зимы») они вдохновенно трудятся, как будто играют, и даже непонятно, что им больше приносит радости: труд или отдых.

И тут тоже нет ротозеев, наблюдателей. Действие захватило всех. Кто пляшет, кто поёт, кто мчит на расписной тройке. Даже дома не статичны.

Павел Леонтьевич Поротников

Кажется, они пришли с того места, где сейчас виден пустырь, полюбоваться на своих удалых хозяев. Фундаментов домов не видно из-за сугробов. Это и создаёт иллюзию того, что они просто увязли, пока шли, в сугробе.

Картина Кустодиева более статична. Его картина дарит ощущение покоя, благодати отдыха, ничегонеделания – этим и завораживает.

Картина же Поротникова «заражает» так не хватающей нам сейчас энергией, безудержной силой и напором. И этой картиной художник спорит с устоявшимся мнением о русском человеке как о лентяе. Да разве могла ленивая нация освоить такие просторы, преодолеть такие испытания? Ведь не зря гений Гоголя нашёл такой символ России, как Птица-тройка! Для нашей Кольвани, стоящей на пути сибирского тракта, это и свой собственный символ, символ удали, смётки, муже-

П. Поротников.
Зима в деревне,
1984–1985 г.

ства наших предков, живших на этой земле. Нация – это ведь весь народ в совокупности, мы, сейчас живущие, только маленькая горсточка среди составляющих её, а жизнь страны – это дорога, по которой движется нация. Умение обобщать, подняться над обыденностью и воплотить свои размышления о судьбе не отдельного человека, а всей нации – это умение дерзко и смело воплотил художник в этой картине.

Мы видим на картине в первую очередь её защитников: богатырей, стрельцов, гренадёров, пехотинца времени Великой Отечественной войны, современного солдата... На Масленицу принято «рядиться» и поэтому такое смешение не вызывает удивления. Но приглядевшись, видишь, что весь наш русский народ со всеми его сказочными и былинными героями приглашён на праздник!..

Сейчас так много «стряпаются» праздников. Почти каждый день праздничный! И их обилие лишает их смысла. А в празднике проводов зимы (понятно, что в те времена Поротников не мог назвать свою картину «Масленицей», да и была уже картина с таким названием) – великий смысл. Для сибиряка зима – тяжёлое испытание. Природа испытывает человека на выносливость, на мужество, на крепость... И это праздник победы. Победы не только над стихией, но и над своей человеческой слабостью.

Сама природа закалила характер русского человека. Смотришь на картину и думаешь: нельзя поддаваться унынию! Мы, нынешнее население, переживаем временную неудачу, ЧТО она по сравнению с великой дорогой (обозначенной на картине) русского народа?! Нельзя раскисать. Мы в ответе и перед нашими предками, и перед нашей природой, и перед этими милыми сердцу домиками, с которыми срослись душой. Все они болеют за нас, любят нас. А мы, сбившиеся с пути и заплутавшие, так в этой любви и ободрении нуждаемся!

...Большую часть своей жизни Поротников прожил всё-таки в Новосибирске. Но в его творчестве нет ни одного городского пейзажа. Нет и горо-

жан. Зато сколько картин посвящено будням деревенской жизни! Вот доярки грузят бидоны с молоком в грузовик. Вот бабушка учит внука деревенским ремёслам. Вот тракторист пашет пашню. И никакой плакатности, присущей произведениям социалистического реализма, в избытке представленным в картинных галереях. Впрочем, одно произведение мне поначалу показалось на них похожим. Эта картина занимает целую стену во Вьонском Доме культуры (там когда-то директором работала жена художника)...

Меня она озадачила своей статичностью и парадностью, так несвойственными этому художнику. Но у настоящих художников ничего случайного не бывает. Значит, статичность эта не случайна, а тоже служит идее произведения. Этой же идее служит и её композиция. В самом центре картины – комбайнёры, победители социалистического соревнования: районное начальство вручает им награды, школьники – полевые цветы. Тут же расположились на траве другие комбайнёры. Они хлопают победителям.

А за районным начальством скромно стоят, ожидая своего часа, артисты. Они тоже приехали поздравить крестьян с окончанием уборки. Что же утверждает автор этой картиной? А то, что главным в государстве должен быть человек труда.

А среди людей труда – тот, что трудится на земле, потому что именно он, говоря современным языком, создаёт стране её продовольственную безопасность. Недаром героями былин были не только воины, но и возделывающие землю... А начальники должны создавать условия человеку труда, служить ему. Так же, как и люди искусства. А подрастающее поколение именно в людях труда – видеть героев, им подражать. И так должно быть всегда. Вот и разгадка статичности картины.

Талантливых писателей, поэтов, художников много. Пророков единицы. Таким пророком-поэтом был Юрий Кузнецов, современник Павла Леонтьевича Поротникова. Он, как и Павел Леонтьевич, предчувствовал трагедию русского народа:

Всё грозней небеса, всё темней
облака.

Ой, скаженная будет погода!
К перемене погоды заныла рука,
А душа – к перемене народа.

Поротников, как и Кузнецов, предчувствовал «перемену народа». И всё его творчество – это путеводная звезда, указывающая путь из мрака, в который нас завела мещанская психология потребления последних лет, нет, не двадцати, а гораздо раньше, ещё при жизни художника начавшаяся, прозорливо увиденная им.

В Кольванском музее есть одна из немногих картин художника, посвящённых Великой Отечественной войне. Эта картина называется «Перед боем». Наверное, это самый ответственный момент в жизни солдата, когда надо сосредоточиться, собрать воедино и волю к победе и силы. На картине наши земляки-кольванцы стоят, тесно прижавшись друг к другу. Все они в касках и маскахалатах зеленоватого цвета родной земли. И эти каски на картине кажутся бугорками земли и кажется, будто сама земля поднялась на борьбу с врагом. Чтобы победить нынешнего внутреннего врага, который может хорониться в тебе самом, надо понять, что потеряно, и не просто понять, а увидеть воочию, затосковать о потерянном рае, страстно захотеть его вернуть...

Татьяна Грунэ

Краснозерский район

Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд

Простая русская женщина, как и все труженицы нашей страны. Загорелое от жаркого летнего солнца лицо с сияющей улыбкой, почти никогда не сходящей с её лица. Голубые, как речная вода, глаза. Это Соловьёва Евдокия Егоровна, всегда весёлая, готовая помочь всем, у кого появились какие-нибудь неприятности, трудности, верящая в счастливое будущее своих детей и всех людей нашей страны.

Трудным было её детство. В семье четверо детей, три сестры и братишка.

9 мая 1980 г.
Дочери возле братской
могилы отца
в Орловской области

Жили они со своей матерью в деревне. Было тяжело, ведь шла война. Не всегда приходилось поесть. Но никогда в этой семье не было ссор и обид. Трудно было их матери одной справляться с семьёй и работой, так как её муж вместе с другими ушёл на фронт.

Евдокия была в семье самая младшая. Родилась она 28 мая 1943 года. Сразу же отослали письмо на фронт, чтобы известить отца о рождении дочери. Через несколько дней пришёл ответ, в котором он писал: «Пусть моя дочка растёт большая и здоровая». Но в июне того же года в боях за Родину погиб отец четверых детей. Жить стало труднее, и через несколько лет Евдокии, пятнадцатилетней девочке, пришлось идти работать, чтобы помочь своей маме. А потом в дом принесли письмо. Адрес был незнакомый: станция Моховое, село Андреевка, Орловской области. Это писал фронтовой друг отца Евдокии. В своём письме он рассказывал, как погиб отец. Имя его высечено на плите братской могилы в селе Андреевка под Орлом.

9 мая 1980 года Евдокия Егоровна со своей старшей сестрой ездила к братской могиле отца. Стоя возле неё, две дочери будто слышали слова

погибшего отца: «36 лет ждал я вас, дорогие мои, знал, что приедете, прислушивался к вашим шагам. Верил, что вырастут из вас настоящие советские люди, борющиеся против войны, строящие хорошую, счастливую, мирную жизнь».

А было именно так: Евдокия Егоровна всю жизнь работала дояркой. Много медалей, значков и грамот получила она за свою хорошую работу. Рабочее место её всегда чистое. Никто ещё никогда не видел, чтобы она ударила хоть одну из своих коров. Когда их доила, разговаривала с ними ласково, и они её понимали.

Самым памятным днём в жизни был день, когда Евдокию Егоровну наградили орденом «Трудового Красного Знамени». И в этот день она думала об отце, который отдал жизнь за свободу народа, и она отдала свою жизнь за благо народа.

Разве не в этом заключен смысл счастливой жизни человека: менять каждый свой день на любовь и уважение людей.

Татьяна Филиппова

Болотнинский район

Вечерний звон

О Михаиле Павловиче Кубышкине я узнал ещё в раннем детстве от друга нашей семьи – журналиста и поэта Николая Ивановича Тельпухова. Тельпухов был холост, энергичен и очень громко пел романсы и арии из опер и всем очень хотелось его женить. В редакции в начале шестидесятых работали корреспондентами Олег Бочков и Ольга Теплова – по уши влюбленная в Николая Ивановича, но Тельпухов был непобедим. Именно благодаря этому обширному знакомству, я впервые увидел Кубышкина на втором этаже редакции. В тот день вся редакция светилась солнцем, люцимся сквозь многочисленные окна и молодостью, и только Кубышкин там был стариком худым и крайне строгим, его пристальный взгляд пугал. Впрочем, он имел вид довольно добродушный.

Прошло несколько лет и моего отца перевели на работу в Новосибирск. Квартиру нам выделили в удобном месте, ровно между Железнодорожным вокзалом и Оперным театром и все болотнинские знакомые непременно заглядывали к нам. В тот день Тельпухов вихрем ворвался к нам в квартиру, спросил про родителей, которые естественно были на работе. Тельпухов грустно задумался, но потом решительно рубанул:

– Колька, а Румынская есть? Грамм пятьдесят, ну, сто пятьдесят – неважно!

Николай Иванович упрямо вот уже несколько лет Посольскую водку называл Румынской. Я достал спрятанную от отца початую бутылку и Николай Иванович с удовольствием не отказался от угощения. И вдруг он всплеснул руками:

– А ну, Колька, пошли со мной! Мы с Кубышкиным договорились в Центральной гостинице встретиться! Ты знаешь, какой это поэт! Эх, Колька-Колька, и не черта ты не знаешь!

До гостиницы идти было пять минут спокойного хода, и вот в просторном холле на третьем этаже в богатом кожаном кресле я вновь увидел худого и строгого старика. Мы деловито познакомились. Я сел в сторонку на диван, Тельпухов плюхнулся в свободное кресло напротив Кубышкина и скоро у них завязался горячий спор. Кубышкин что-то втолковывал Николаю Ивановичу о стихах и литературе. Михаил Павлович много цитировал, огромные тексты наизусть, он не говорил Тельпухову хороши у того стихи или плохи, он как бы изподволь пытался подтолкнуть Николая Ивановича к очевидному и добровольному выводу. Мне показалось это крайне занудным, нет, чтобы сказать, мол, вот тут – хорошо, а вот тут – плохо – и все дела. И вдруг Кубышкин помянул Горького, а мы в школе как раз проходили Горького, и я решил встрять в разговор и со знанием дела, и на чистом глазу высказался, что Горький писатель так себе и если бы не революция, никто бы о нем и не знал. Наступила недоуменная пауза, я сидел наглый и одухотворенный, потому что на равных смог поговорить с поэтами.

– А что вы, молодой человек, читали Алексея Горького? – спокойно спросил Кубышкин.

– Ну, – я уверенно задумался, – эти, сказки старухи Изергиль и роман «Мать»!

Сказать по-честному, роман этот я начал было читать, но потом выспросил сюжет у дотошного одноклассника и на том успокоился.

– Иначе говоря, – так же спокойно продолжил Михаил Павлович, – вы мало знакомы с наследием Алексея Максимовича. Предлагаю вернуться к этому разговору, когда вы прочтете хотя бы половину собрания сочинений Горького.

Я был унижен, и мне захотелось домой. И я ушёл.

Да, я сильно обиделся на этого неуклюжего, высокого старика, но всё же, это не помешало мне прийти в библиотеку и за последующий год я прочитал практически всего Горького. И, о чудо, Горький стал моим любимым писателем.

Третья встреча с Кубышкиным состоялась через пару лет, но по дороге в Дзержинский район города Новосибирска, куда из Болотного переехал тогда Кубышкин, я узнал, что «жена его тоже писательница и автор знаменитого романа «Школа», «женщина с характером, из чистокровных дворян. Знаешь, она какая? Ух! И только держись». Что такое «ух» и почему «только держись» Николай Иванович не пояснил, а потому дальнейшее путешествие для меня прошло в тревоге.

М.П. Кубышкин
и Н.И. Тельпухов

Когда мы поднялись на третий этаж, дверь нам открыла, как мне показалось, пожилая женщина, которая, оставив дверь открытой, молча ушла в квартиру. Странная женщина, подумалось мне, и я совсем оробел. В коридоре показался высокий старик:

– О! Николай Иванович, проходи!

Мы вошли, меня, неловко представили хозяйке дома, которая, видимо, не очень довольная появлением громогласного Тельпухова, скоро оделась и покинула пределы квартиры.

Поэты и я с ними, разместились в маленькой кухонке, где уютно жарили картошку на сале и строгали салаты на электроплитке, прочно обосновавшейся на газовой плите. Пожилая чета панически боялась пользоваться газом. Впрочем, мои новые друзья, обремененные предельным возрастом, не дожидаясь картофельного деликатеса, уже начали пить Московскую, которая была добыта хозяином из тайного, но крайне остроумного места.

Меня же нетерпеливо подмывало поговорить о Горьком, но Кубышкин, видимо, забыл о том нашем разговоре, и читал наизусть Льва Толстого, целые страницы из Войны и Мира! Когда водочка, как ртутный столбик в термометре, опустилась к нулевой отметке, они запели. Господи! Какие это были чудесные голоса, как слажено они интонировали. Кубышкин пел низким третьим, неимоверно сильным голосом, Тельпухов слегка вибрировал и взял чуть выше, а потом я не выдержал и тоже вступил, но очень звонким и высоким голосом. Три голоса сплелись в тугую песню, Кубышкин удовлетворенный слегка кивнул и, из приоткрытого окна на тускнеющий проспект Дзержинского, полился «Вечерний звон», когда допели до колоколов, Михаил Павлович показал нам рукой, мы стихли и покатилося, будто каменный шар, кажется по всему Новосибирску и до самой родной Болотной, низкое, полное любви и крайне печальное: Бом-Бом!

То был чудесный день, в конце Михаил Павлович подарил мне маленькую книжечку в тонкой обложке с поэмой «Кисельные берега», которую я сохранил, но взять автограф ума не хватило.

Николай Александров

Венгеровский район

Чемодан

Эта история произошла очень давно. Мне исполнилось пять лет, когда мы с отцом отправились в большое путешествие. Отец мой был родом из деревни Арынцасс. Но прежде нужно было добраться до Голопупова – так когда-то называлось Венгерово. Он и потом часто смеялся, говорил: «Мы – Голопуповские порош нюхали, в жизни разбираемся!»

Поводом того путешествия, видимо, и было навестить своих родственников, родные места и, конечно, похвастаться мною – сыном, наследником.

Сначала мы ехали поездом из Новосибирска до станции Чаны, потом автобусом по беспощадной дороге до Венгерова, потом в грузовике по еще более жестокой дороге до Шипицина. От Шипицина шли пешком, мы шли едва ли не целый день, устал я страшно. Помню, за ради минут самого короткого отдыха я, точно собачка, обгонял отца, устраивался в сырой и не тронутый весенним солнцем траве и прислушивался к размеренному ходу отцовских шагов. Отец нес большой фанерный чемодан с подарками.

В неизвестной мне деревне оказалось много родственников, здесь я ночевал сладко в перинной постели, а утром нам выделили смиренную лошадку, запряженную в телегу, и оставшиеся километры до Арынцасса я уже нежился на подстилке из тёплого и душистого сена, разглядывая, как железный обод тележного колеса выдавливает глубокий след на сырой дороге. Иногда моё внимание и нос, исколотый пыльными травинками, привлекал чемодан, в котором – это я знал в точности – содержались жестяная баночка с разноцветными монпансье и целый и круглый килограмм конфет, обёрнутых плотной бумагой. Эти карамельки

тоже были крохотными, наподобие подушечек, присыпанных сахаром. Однако, были покрупнее бомбошек из монпансье и, что самое важное, содержали в себе малую толику повидла, при одном только виде которого не только сопливая девчужка, но и самая крепкая баба складывала оружие и делалась покладистой. Потому и называли эти подушечки «дунькина радость».

Дорогу нам преградила река. Умеренная и тихая летом, весной река превратилась в глубокий и мутный поток. Тяжелые вешние воды заполнили все русло чуть ли не до краев и так, что верхние веточки ивушек едва возвышались над водой. Отец приструнил лошадь, прогулялся по вязкому берегу, но места, подходящего для переправы, так и не обнаружил.

Раздевался отец долго, сосредоточенно, теперь-то я понимаю, что он продумывал переправу, а тогда мне было страшно и хотелось, чтобы мы поскорее переправились и всё было бы уже позади. Отец стянул комок своей одежды ремнём и, разбежавшись, перекинул его на другой берег.

– Ну, сынок, держись, поехали, – решил он и, аккуратно подёрнув поводьями, повёл лошадку к реке.

Лошадь всё глубже заходила в воду, она похрапывала, идти не хотела, но отец уверенно держал поводья и ласково приговаривал:

– Давай, давай, милая, полегонечку.

Но вот он поплыл рядом с лошадкой, а у той вода готова была уже сомкнуться над спиной, как она, вдруг зацепившись за дно, начала подниматься. А в телеге, в которой сидел я, появилась вода, чемодан всплыл и начал дрейфовать к краю. Я схватился за чемодан, и меня потянуло из телеги. Но отец уже был на берегу, помогал лошади подняться на крутой берег ручья. Он обернулся и закричал:

– Держись! Держись за телегу! Отпусти чемодан!

Правой рукой я ухватился за край телеги, а левой – упрямо тянул чемодан к себе. Мне кажется, я выл от страха, но чемодан так и не согласился отпустить.

Когда мы были уже наверху, отец передел меня в свою сухую одежду,

уложил в телегу. Он остался в нижнем белье и сапогах, пошёл рядом и всё выговаривал мне:

– Сынок, не нужно держаться за чемодан. Дело пустое, утянет, и – поминай как звали. Чемодан-то можно новый купить, а тебя не купишь. Булькнул бы в воду с этим добром, и как тебя потом выловишь в такой мутине...

А я был доволен. Отец бежал рядом с лошадкой, я захрустел «дунькиной радостью», и дразнящий аромат ванильного сахара, запахи сырой дороги и сена наконец сошлись в столь желанное для меня представление о счастливой жизни.

Я был слишком мал и впечатлителен, чтобы запомнить названия деревень и рек, через которые мы переправлялись, я не помню, что и кого мы застали на папиной родине в деревне Арынцасс. Только глядя на карту из космоса, я удивился той схожести, в памяти, будто фотокарточка запечатлелась широкая улица, убегающая по слабому склону вниз, а там – берег обрывистый и манящий сверкающей водяной чешуей реки Арынцасс. Понимаете? Я застал деревню живой, ее единственную улицу, пятистенки и дома крестовые добротные. И совсем уже взрослым, вспоминая самые яркие моменты этого путешествия, я сделал два вывода:

Нельзя жить только надеждами на будущее, нельзя чувствовать себя слабым. Нужно быть сильным и уметь бороться за своё счастье, которое питается в том числе и духовной самодостаточностью, и материальным достатком. Нужно уметь крепко держать ручку своего чемодана и не выпускать его из рук.

А второй вывод скрыт в словах отца, о том, что бывает невозможно удерживать вожделенное и нажитое – нужно иметь силы оставить всё это с тем, чтобы не погибнуть посреди собственного упрямства и алчности. Соблюдая это бесхитрое, но крайне опасное равновесие – «держат и отпускают», – возможно счастливо прожить это удивительное путешествие на телеге среди бескрайнего простора, которое и называется жизнью.

Николай Чуховской

Болотнинский район

Юность комсомольская моя

29 октября 2018 года исполнилось 100 лет Ленинскому комсомолу.

История ВЛКСМ – живой и страстный документ. Перелистывая его страницы, мы ощущаем дыхание эпохи, видим неповторимую связь времён и поколений.

Комсомольские поколения... О них сложено немало песен и стихов, написаны романы, сняты кинофильмы. Каждое из поколений внесло в историю свою неповторимый вклад, свою биографию, своё мужество.

Для одного поколения это были революция, гражданская война и первые пятилетки, для других Великая Отечественная война, юность третьих выпала на героические трудовые годы послевоенного десятилетия. Кто-то поднимал целину, открывал кладовые нефти в Тюмени, кто-то прокладывал Байкало-Амурскую Магистраль, кто-то воздвигал электростанции в Сибири, покорял высоты научно-технического прогресса, осваивал космос...

В комсомол обычно принимали в канун Дня его рождения, сначала в школе, затем в райкоме. Помню, как все мы волновались и с трепетом отвечали на задаваемые вопросы, затем нам объявляли решение... (Десять лет спустя, будучи работником и членом бюро РК комсомола, при приёме молодых людей в ряды ВЛКСМ я сама видела это волнение и трепет.)

Получив билеты, мы бережно хранили их, а комсомольские значки с гор-

достью носили на школьных фартуках и лацканах пиджаков.

В начале 80-х годов я поступила в Болотнинское педагогическое училище. После получения диплома по рекомендации райкома комсомола меня оставили руководить самой большой комсомольской организацией района. Учиться и работать в коллективе, где готовили учителей и старших пионерских вожатых, мне очень нравилось. Сама профессия, коллектив педагогов, наш молодой комсомольский возраст и время, в которое мы жили, позволяли нам интересно жить и творить, пополняя копилку добрых дел комсомолки района.

Очень хорошо помню, что как только начиналось лето, в первых числах июня отряды студентов, оглашая улицу Московскую патриотическими песнями, со знаменем в руках, отправлялись на неделю в тренировочный лагерь «Алые паруса», что долгие годы готовил вожатых для работы в летних пионерских лагерях района и области. Гимном во всё время существования тренировочного лагеря являлась песня на стихи В. Черемисина, музыку к которой написал В. Камышев. Она так и называлась – «Алые паруса»:

Посмотри, над стройными берёзами
Гордо реют в синем небе флаги,
И надолго нам на Светлом озере
Запомнится палаточный наш лагерь.

Коллектив преподавателей школьно-вожатского отделения педучилища готовил программу для вожатых, которую в течение сезонов они выполняли с ребятами в летних лагерях. Добрым словом хочется вспомнить всех, кто эту плодотворную неделю июня проводил на Светлом озере: Аксенова Н. П., Горбачеву Э. И., Марчаковскую М. И., Пупкову А. М., Борзун Л. Н., Голишеву Е. П., Перфилову М. А., Мильчевского В. А. и многих других.

С каким сожалением в нынешнее время все говорят о том, что не стало этого нужного объекта для летнего отдыха детей, где с успехом могли проходить практику и будущие педагоги!

Вскоре меня перевели в райком комсомола, где несколько лет я работала заведующей сектором учёта и фи-

нансов. В это время в ВЛКСМ случилось большое событие: был объявлен обмен комсомольских билетов. Работники райкома комсомола качественно и в срок провели эту необходимую и важную работу. В те годы районный комсомол возглавлял Сафронов В., в дружном коллективе которого были Колесников В., Голошевская Г., Ржанов В., Беленко О., Филиппова Н., Денисов Ю. и я, Л. Глушанкова.

Однажды обком комсомола предложил нашему руководителю две путёвки в ГДР, в составе группы освобождённых комсомольских работников Новосибирской области. Выбор пал на меня и О. Беленко. Так случилось, что вскоре после поездки Ольга вышла замуж за одного из парней из этой группы, а меня ребята пригласили на работу в Академгородок, в одно из профтехучилищ Сибкакадемстройа.

Работать с комсомольцами училища № 55 было очень интересно, а учитывая, что основной его контингент составляли парни, которые не хотели учиться в общеобразовательных школах, то к интересу ещё понадобились знания педагогики и психологии.

Сибкакадемстрой не жалел средств для своих будущих строителей, поэтому в ту пору училище считалось очень обеспеченным.

У ребят как-то появилась идея создать вокально-инструментальный ансамбль, руководство училища одобрило эту затею и вскоре наши мероприятия получили музыкальную окраску. По окончании учебного года ребятам, достигшим хороших результатов в учёбе и производственной практике, были вручены туристические путёвки в Таджикистан. Мне поручили стать руководителем этой группы. Уже на отдыхе мы стали очевидцами небольшого землетрясения в Душанбе, участвовали в походе по отрогам Тянь-Шаня, случались у нас и неоднократные встречи со змеями в моренах, где их невиданное количество. Купались мы также в горном озере Искандеркуль. Как гласит легенда, мимо него по пути в Индию проходила армия Александра Македонского. Вечером у костра мальчишки старательно вглядывались в туман над озером, пытаясь разглядеть в нём коня

полководца, Буцефала: говорят, его тень часто проносится над озером.

Проблем с ребятами не существовало, общий язык был найден сразу и навсегда. После моего отъезда в Иркутск они долго писали мне письма, сожалая о том, что некому рассказать свои секреты, а ещё, что меня не было при их выпуске из училища.

В эти годы страна вплотную зани-

Делегаты
18-й областной
комсомольской
конференции
Болотнинского
района. 1974 г.

малась строительством Байкало-Амурской магистрали.

Энтузиазм, с которым советская молодёжь ехала на строительство БАМа, был огромен. На эту великую стройку ехал настоящий интернационал – русские, украинцы, белорусы, армяне, грузины, казахи, литовцы – молодые люди из всех союзных республик. Посланцы из 21 страны Азии, Африки, Латинской Америки, также внесшие свою лепту в строительство магистрали, были заворожены красотой и богатством Сибири!

Где-то багульник на сопках цветёт,
Кедры вонзаются в небо.
Кажется, будто давно меня ждёт
Край, где ни разу я не был...

В 70-е годы прошлого столетия этот гимн молодых, целеустремлённых, написанный на стихи Игоря Морозова, переложённый на музыку Владимиром Шаинским, звал в дорогу тех, кто бросал насиженные места и отправлялся покорять неизведанные дали.

Я волею судьбы тоже оказалась в это время там, только не на стройке, а в кузнице кадров для будущей магистрали, в Иркутском институте инженеров железнодорожного транспорта. Будучи работником учебной части этого вуза, я иногда бывала в коман-

Райком комсомола.
Слева направо –
Филиппова Н.,
Беленко О.,
Глушанкова-Петрова О.
1976 г.

дировках, в учебно-консультационных пунктах городов, где учились студенты заочного отделения ИРИИТа, в г. Северобайкальск, например, можно было добраться, только преодолев водную гладь о. Байкал. Возраст Байкала: около 25 млн лет, длина озера – 636 км, по прозрачности воды оно не уступает Саргассову морю, которое считается эталоном. Первое, что бросалось в глаза – это величие, красота и размеры самого озера и природы, что окаймляет его берега. Одиннадцать часов «Ракета» неслась от посёлка Листвянка до Северобайкальска, поражая пассажиров красотой этого уникама.

Несколько лет, которые я прожила в Иркутске, обогатили мою память сведениями о восстании декабристов и об их жизни в ссылке в этих местах.

Они сыграли важную роль в развитии сибирского общества, организовали несколько небольших предприятий на принципах кооперации, жили дружно, несли в жизнь края культуру и науку: делились своими знаниями, организовывали домашние спектакли, заводили библиотеки, обсуждали с иркутянами злободневные вопросы российской действительности и т. д. После 1845 года в городе обосновались семьи князей С. П. Трубецкого и С. Г. Волконского. Мы не раз бывали в домах-музеях этих великих людей. Поскольку в профкоме я отвечала за культурно-массовую работу, то часто приходилось организовывать экскурсии студентов и коллектива института и на Байкал, и в Александровский централ, и в места ссылки декабристов.

Почему я решила поделиться своими воспоминаниями о комсомольской

юности в год юбилея комсомола? Да потому, что всё-таки молодёжь того времени работала, дерзала, ставя во главу угла Моральный кодекс и принципы этой организации:

- добросовестный труд на благо общества;
- забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния;
- коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый – за всех, все – за одного;
- гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку – друг, товарищ и брат;
- взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей;
- непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству;
- дружба и братство всех народов;
- нетерпимость к национальной и расовой неприязни.

А теперь, дорогие читатели, скажите, что плохого, вредного или тлетворного в вышеперечисленных постулатах? Разве, в идеале, не того же хотим мы и сегодня?

Это я к тому, что, во-первых, горжусь своей работой в комсомоле, как горжусь и комсомольским билетом, который был оставлен мне на память руководством Иркутского комсомола за достойный вклад в работу ВЛКСМ.

А во-вторых, где бы и в какое время я ни работала и ни жила, я всегда помнила, что главное в жизни – оставаться человеком, поскольку время и обстоятельства, окружающие тебя, вторичны.

Радуюсь и ныне каждому воспоминанию дню, часто и с теплотой вспоминая юность комсомольскую мою...

Людмила Петрова

ГДР. Бранденбургские
ворота.
Мы с О. Беленко.

Болотнинский район

В преддверии перемен

Кажется, ничто не предвещало беды. Только что прошла Московская Олимпиада – триумф советских спортсменов, безукоризненная организация. Американцы бойкотировали Олимпийские игры 1980 года, но на общем настроении это никак не отразилось, люди остались равнодушными к этим ожидаемым недружественным выпадам заокеанского соседа. Следующая Олимпиада проходила в Лос-Анджелесе, на неё команда СССР тоже не поехала. Теперь мы сожалеем о том, что опустились до уровня американцев, так же считаем, что нельзя было опускаться до уровня «белого флага» на Олимпийских играх 2018 года в Пхенчхане. Этот наш извечный поиск здравомысленной середины периодически оборачивался разочарованием.

Истоки очередного разочарования, начавшегося в 1985 году, надо искать в далеком 1952-м году. Только что была опубликована работа И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», в которой он размышлял о хозрасчете, о новой ценовой политике,

подводя к мысли о рыночных отношениях в стране социальной справедливости. Как известно, Сталин собственные статьи по экономике или языкознанию писал самостоятельно, при этом прояв-

лял удивительные знания предмета, а при написании стихов – литературный талант.

Он давно пришёл к очевидному выводу, что партия хороша только в кризисных ситуациях, когда требуется её идеологическая сплоченность, мобильность и высокая дисциплина. Роль партии в Гражданской войне и Великой Отечественной войне никто не оспаривает и сомнению не подвергает. Слова красноармейцев, идущих в атаку: «Прощу считать меня коммунистом!» не случайные слова.

Сталинская работа по модернизации экономики специально вышла накануне XIX партсъезда, и, собственно, съезд собирался для решения накопившихся проблем. И скажу, забегая вперед, если бы Сталину удалось провести те экономические реформы и отстранить партийную номенклатуру от руководства страной, то не было бы ни перестройки, ни приватизации, ни развала СССР.

Отношение Сталина к роли партии было достаточно умеренным, в подтверждение приведу его слова: «Товарищи забывают, что коммунистическая партия, какой бы она ни была популярной, является лишь маленькой частицей народа. Подавляющее большинство населения, народ, считают своим представительным органом правительство, поскольку оно избрано депутатами, за которых проголосовал народ».

То есть Сталин открыто говорил, что партия не есть руководитель страны. На съезде он высказался еще прямее: «Стране и партии нужны проверенные, преданные нашей идее и нашему делу люди, патриоты и профессионалы. А не те, кто с помощью членства в партии заботится о своей карьере...» Тог-

И.В. Сталин

Н.С. Хрущев

Л.И. Брежнев

М.С. Горбачев

Б.Н. Ельцин

В.В. Путин

да же Сталин высказался против роста численности членов партии. Очевидно, что Сталин считал роль партии в мирное время неэффективной. Более того, в мирное время партноменклатура стала развращаться: пьянство, материальные преференции, взяточничество, любовницы, откровенный разврат. Проще говоря, партноменклатура стала превращаться в «барствующее сословие».

В то же время наступило время диктата партийного секретаря. Очень неожиданно и ярко это проявилось в жизни Болотнинского района. В 1977 году руководители хозяйств района, возмущенные некомпетентностью и волюнтаристскими наклонностями первого секретаря райкома партии, поставили вопрос ребром: или мы, или он. Первый секретарь обкома партии, а тогда работал Горячев Ф. С., сначала наотрез отказался выслушать «забастовщиков». «Будут они мне указывать!» – возмутился Горячев, но потом остыл и в конфликте сторон поручил разобраться специальной комиссии. Комиссия скоро сформулировала рекомендации: перевести первого секретаря Болотнинского райкома партии на работу в Новосибирск, а в Болотное отправить второго секретаря райкома партии Здвинского района Бурдыко Н. Д. Что и совершилось в конце 1978 года. И уже через несколько месяцев руководители Болотнинского района поняли, как остроумно наказал их опытный партийный функционер Ф. С. Горячев: Предыдущий болтун теперь казался ангелом во плоти. С этих пор свобода, творчество, эксперимент на производстве и жизни района прекратили свое существование, новый секретарь иско-

ренил вольнодумство навсегда. Новый секретарь говорил много, изредка пугал ударения в словах, но требовал исполнения своих приказов непреклонно. Некоторые специалисты покинули район, остальным пришлось смириться и терпеть.

После войны и до самой «перестройки» повсеместно осваивалась система дипломатичного молчания – деликатной «политкорректности» и полного и безоговорочного подчинения партноменклатуре, по сути своей малограмотной, но амбициозной. И об этом когда-то говорил И. В. Сталин: «Они не хотят учиться...» Одной из самых часто употребляемых поговорок периода «застоя», стала поговорка: «Слово – серебро, молчание – золото».

С 1982 года началась череда похорон Генеральных секретарей ЦК КПСС – 1982, 1984, 1985 годы. Собственно, такой исход предположить было легко, пожилые члены Политбюро естественным путем и в глубокой старости уходили из жизни. В 1985 году избрали самого молодого среди членов Политбюро, крайне тщеславного Горбачева М. С., который был вначале принят народом с энтузиазмом, и в первые два года его правления даже намечился экономический рост. Далее пошло разрушение государства: как оказалось, предложенная перестройка не имела плана. Советский писатель Юрий Бондарев сравнил перестройку с самолетом, который подняли в воздух, не зная, построен ли аэродром в пункте назначения. Образно говоря, самолёт рухнул и раскололся на пятнадцать независимых государств. Величайшее в мире государство Союз Советских Социалистических Республик прекратило свое существование. В Беловежской пуще три бывших партноменклатурщика, а на тот момент уже руководители новообразованных «суверенных» государств подписали Беловежское соглашение, которое в народе было принято, как подписание пакта о добровольной и безоговорочной капитуляции.

Бунт председателей хозяйств на Болотнинском корабле был последней попыткой вернуться

Антиправительственные митинги 90-х годов

к коллегиальному решению вопросов жизнеустройства. Сегодня уже не секрет, что «барствующая» партийная элита при бездействии Комитета государственной безопасности совершила тот государственный переворот, который закончился стыдливым спуском советского красного флага в ночь с 25 на 26 декабря 1991 года. «Демократический» расстрел по часам Дома правительства в 1993 году завершил фазу затянувшейся интриги. Из-за спины бывшего первого секретаря Свердловского обкома партии, секретаря ЦК КПСС, а затем самого яркого антикоммуниста – Ельцина Б. Н. выглядывали молодые реформаторы, в рядах которых оказались американские консультанты из ЦРУ.

Иосиф Тэн

Новосибирск

На пороге третьего тысячелетия

НОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В ночь на 26 декабря 1991 года был спущен флаг над Домом Правительства в Москве. США и его союзники из Европы действовали не силой, а новыми информационными технологиями, и скоро изящная манипуляция сознанием – «помощь за границу», помогла новой политической поросли убедить народ в том, что свершившийся государственный переворот вовсе и не переворот, а сознательный выбор самого советского народа на пути к своему светлому будущему.

6 ноября 1991 года решением Президента России Б. Н. Ельцина была запрещена Коммунистическая партия, она распускалась, а имущество компартии национализировалось. Все ждали перехода коммунистов на нелегальное положение и партизанскую борьбу, но этого не случилось. Объявленная свобода позволяла всем заняться и реализовать свои амбиции в коммерческой деятельности, чем и занялись многие секретари комсомольских и партийных организаций.

Следом за роспуском райкомов вдруг и разом перестали выплывать

ООО «Тара»

зарплаты бюджетникам: учителям, воспитателям, врачам, библиотекарям, милиционерам и пожарным. В райисполкомы потянулись делегации с требованиями, просьбами и слезами. Но райисполком не был готов решать самостоятельно подобные вопросы, не было ресурса, и самим работникам РИКа зарплату тоже выдать было нечем. Именно в эти годы произошел отток лучших, наиболее деятельных специалистов из бюджетной системы, люди пошли искать заработок, чтобы прокормить семьи.

В 1993 году принимается новая Конституция, проходят радикальные преобразования, названные самими реформаторами «шокотерапией».

Следующая беда не заставила себя долго ждать: рухнула финансовая система, а за нею и способность вести хозяйственную деятельность. Появилось незнакомое явление – бартер. В эти же дни промышленность поразил кризис неплатежей.

Спасая предприятия, руководители вынуждены были увольнять людей, отказываться от содержания детских садов и других объектов соцкультбыта. В Новосибирске и сельских районах произошёл всплеск безработицы и сопровождающей ее преступности.

Некоторые предприятия меняли свою продукцию на все что угодно, а для реализации товаров, приобретенных по бартеру, организовали сеть магазинов. Кроме того, чтобы выжить, некоторые предприятия создали дополнительные производства: хлебопекарню, мясоперерабатывающий цех – все, что

позволяло выдавать рабочим зарплату деньгами, а не товаром. Лишь немногие предприятия, чья продукция пользовалась повышенным спросом, пошли по пути техперевооружения производства, построил новые цеха и закупил новое оборудование.

ООО «Шанс»

В эти же годы сельхозпредприятия области учились выживать без помощи государства, они начали самостоятельно заключать договоры по реализации своей продукции, но без господдержки в режиме свободных цен и инфляции 1 % в день, им выжить было нереально.

Разорение колхозов и совхозов области привело к автоматическому закрытию молкомбинатов, элеваторов, мясокомбинатов, Межколхозстроев, Мелиоводстроев, Сельхозтехник и др.

Уместно сказать, что массовое разорение сельхозпредприятий наблюдалось не только в Новосибирской области, из 89 регионов России в 86 случилось то же самое, в действительности произошло повальное уничтожение сельского хозяйства России.

Сокращения, невыплаты зарплат создали обстановку беспрецедентного психологического стресса, который стал причиной ранней смерти целого поколения людей, тех, кто родился в шестидесятые и семидесятые годы.

ПОЕЗД СЛЕДУЕТ БЕЗ ОСТАНОВКИ

С приходом к власти Б. Н. Ельцина резко упали грузоперевозки, железнодорожники перешли на бартер, началась задержка выдачи зарплат. Неко-

торые железнодорожные организации начали развивать подсобную вспомогательную деятельность: ремонт вагонов вне плана, изготовление гаражей из списанных вагонов, изготовление бань из контейнеров, на одну баню уходило два пятитонных багажных контейнера.

После объединения дорог некогда узловыми станциями в станцию, на которой перестали останавливаться поезда. Скорые поезда мчались мимо вокзалов, чуть сбросив скорость на входных и выходных стрелках. Но вот что писали сами железнодорожники: «Ликвидация междорожных стыковых пунктов Болотная, Тогучин позволила увеличить участки обращения локомотивов и работы локомотивных бригад». Теперь поезда ходят от Инской и Новосибирска-Главного до станции Тайга или Белово, без остановки, именно это дало экономический эффект.

Повсеместно произошло сокращение поездных бригад. Машинистов и помощников машинистов переучивали в сварщиков, слесарей по ремонту подвижного состава, дефектоскопистов и т. д.

На некогда узловых станциях прекратили существование железнодорожные организации: пропарочный пункт, НГЧ и СМУ. Произошло сокращение штата в организациях: ПЧ – связисты и среди энергетиков.

Новый этап перестройки 1993–1994 годов ознаменовался ваучерной приватизацией. Произошло беспрецедентное в мировой истории перераспределение бывшей общенародной собственности крупнейшего в мире государства узким кругом лиц (отечественных и зарубежных) с помощью крупномасштабной ваучерной кампании.

В 1994–1996 годах начался основной этап денежной приватизации. Большинство обладателей «ваучеров» были в полной растерянности, не знали, что с этими «ценными бумагами» делать, и практически никакого влияния на процессы перераспределения собственности оказать не могли. Некоторые остроумные люди обклеивали стены туалета ваучерами, некоторые продавали. Один ваучер стоил бутылку водки.

Началась реформа железной дороги. 19 декабря 1996 года к Западно-Сибирской железной дороге присоединили Кемеровскую железную дорогу. Обновленную дорогу возглавил В. И. Старостенко – человек высокопрофессиональный, жесткий и бескомпромиссный. В условиях рыночных отношений для железнодорожников главным приоритетом стал «не план, а прибыль». Руководство Западно-Сибирской железной дороги поставило перед собой новые задачи, и прежде всего требовалось добиться дальнейшего повышения производительности труда, наращивать темпы снижения эксплуатационных расходов, без каких-либо послаблений продолжать внедрение ресурсосберегающих технологий. Надлежало с новых позиций оценить и штатное расписание, поставив количество задействованных в трудовых процессах людей в жесткую зависимость от объема перевозок. Новые экономические условия требовали гибкой тарифной политики, комплексного развития системы связи, телекоммуникаций, вычислительной техники. Из состава дороги необходимо было вывести предприятия и подразделения непрофильной сферы деятельности. Это только беглый перечень первоочередных задач, которые поставили перед собой руководители Западно-Сибирской железной дороги. Только объединение дорог высвободило более 1400 человек и позволило получить реальный годовой эффект в размере 108 миллионов рублей.

Перестройка железной дороги велась по двум направлениям: слияния, выделение предприятий или реорганизация их в обособленные структурные подразделения с лишением статуса юридического лица.

Кроме организационных и технологических преобразований, железнодорожники поставили перед собой еще одну задачу, а именно – избавиться от «социалки». С 1997 года ЗСЖД приступила к передаче жилья, объектов коммунально-бытового назначения, здравоохранения и отделов рабочего снабжения муниципальным организациям. В итоге выгода от этих манипуляций получилась колоссальной, но ни-

щие муниципалы, получив непосильный объем вдруг свалившейся на них дополнительной социалки, вынуждены были закрывать некоторые из них, а высвободившиеся здания продавать. Из трех детских садов, принадлежащих железнодорожникам станции Болотная, остался только один. В апреле 1999 года реорганизация предприятий была завершена.

В 1999 году по результатам отраслевого соревнования за первый и четвертый кварталы Западно-Сибирской железной дороге были присуждены первые премии Министерства путей сообщения и Центрального комитета профсоюза.

С некоторым опозданием в приватизационную гонку включились директора предприятий, которые благодаря этой акции превращались из наемных работников государства в хозяев промышленных предприятий, колхозов, совхозов, а также довольно многочисленный номенклатурный слой. Они и составили социальную базу и движущую силу процесса приватизации.

Вагонное депо

В статье использованы материалы доктора экономических наук, заслуженного экономиста России, действительного члена Академии прогнозирования – Российского отделения Международной академии исследования будущего А. А. Кисельникова; доктора исторических наук, члена-корреспондента Российской академии наук В. А. Ламина.

Кирилл Вацап

Кыштовский район

Арендатор

– Время в 90-е годы было горячим. Откроешь ли газету, включишь телевизор – все о чём-нибудь спорят – вспоминает арендатор Виктор Гундарев. – И спорили не о пустяках. Мне, конечно, были ближе всего споры о том, как дальше жить и работать моей деревне.

Были КИТы (Коллектив Интенсивного Труда), благополучно исчезли. Сейчас весь упор на аренду. Где-то она пошла, где-то провалилась. Всё на опыте, всё на пробах. Вот и я подписал договор с колхозом «Ленина» на выращивание нетелей. Работал на глазах у всей деревни. Люди видели и все мои неувязки, и все успехи. Выйду я победителем у этого, прямо скажем, сражения, уверен, у меня найдутся последователи. Проиграю – аренда в нашей деревне прикажет долго жить.

До аренды ухаживали вдвоём вместе с женой Людмилой за телятами на общих условиях. Зарабатывали, в общем, неплохо, А удовлетворения не было. И нервы иногда «звенели». Хотелось получить побольше привесов, побольше заработать. Но то рацион не тот дадут, то муку могут дня три не привозить. Начались конфликты с главным зоотехником колхоза. И решил я на арендных условиях

взять на откорм в колхозе 60 тёлоч. Затем планировал оставить от растелившихся уже коров самых лучших 30 тёлочек и довести их снова до растёла и ещё 30 просто откормить. Составили с правлением колхоза договор. Пунктов там тьма. А если проще, то мне необходимо было довести телок до растёла. Раздоить их и продавать колхозу по внутривладельческим ценам. Условия таковы. Если молодая корова даёт 10 кг. молока в сутки, то цена ей 260 рублей. Если 12 и более, то 330 рублей.

Брал я на откорм 61 тёлочку, осталось 58. У троих случилось пищевое отравление, одна заболела. Надо бы её сдать. Говорил руководителям об этом. Но никто никаких мер не принимал, дескать, куда хочешь, туда и девай. Забить её не имел право. Вот такие парадоксы.

Стояли зимой коровы арендатора, как попало и где придётся. Поместили их в списанный корпус, стояли в грязи. А уж когда этот корпус от ветхости стал валиться, перевели в другой. На зимний период выделили помещение старого свинарника. Ремонтировал его сам. Заменял полы, сделал кормушки. Платили по нарядам. Председатель колхоза А. Е. Карагодин прислал шоферов, сделали транспортёр навозоудаления. Из Кыштовки специалисты оборудовали автопоилки. Не знал куда будет ставить своих, начавшихся телиться коров. Помогали арендатору жена, сыновья и дочери. Восемь детей у Гундаревых.

Оплата труда предусмотрена была такая. Существовало три категории расценок за корову. Если от неё будут надаивать больше 15кг. – 330рублей, от 10–12 кг. – 218рублей. В договоре был такой пункт: правление колхоза обязуется обеспечить учёт и отчётность по данной группе. Своевременно обеспечить необходимыми материально – техническими ресурсами, и организацию своевременной выплаты аванса. Ежемесячно выплачивалось 100 рублей аванса на одного работающего.

– В договоре было записано, что я 10 суточных телят должен был сдать в колхоз, – говорит арендатор. Молоко сдавали колхозу.

Гундаревы
Виктор Тихонович
и Людмила
Афанасьевна

Но главное корма. Стояли они недёшево, например, мука стоит тринадцать рублей за центнер, 5 рублей 20 копеек – сено, силос – 13 копеек за кормовую единицу. Всего по договору должен израсходовать на корма арендатор 22500 рублей. Стало ясно, что будет большая экономия. Выручало своё сено. Отвечено было арендатору 28 га пашни. — Видел я как-то на днях, – говорил бывший бригадир В. И. Лопухин, – люди с поля, а он на покос. Управился быстренько дома по хозяйству, да и снова за работу.

– А велико ли хозяйство?

– Три коровы, маленьких телят четыре, две нетели, овцы, да козы, свиньи, пчёллы. А вот птицы нет, – ответил, смеясь, Виктор Тихонович. – Конными граблями гребли, а металы вручную. Даже одно время хотел махнуть на всё рукой. Скосил траву, помогли сметать, кормил сеном. Положено мне было выделять в сутки 5,5 кормовых единиц, давали только 2,8. До привесов ли тут. Вот и выручало своё сено.

Приобрёл Виктор Тихонович Гундарев в колхозе за 700 рублей списанный трактор МТЗ – 80. Сам его восстанавливал.

Работали для себя. Арендатор был и механиком, и агрономом, и бухгалтером, и зоотехником. В общем, хорошая школа жизни. Но, к большому сожалению, несмотря на самоотверженный труд самих арендаторов, финансовое положение благополучным было нельзя назвать.

При сложившейся в эти годы непростой экономической ситуации, аренда, как передовой метод ведения хозяйства не оправдала надежд.

Ольга Ядрышникова

Мошковский район

Знаменитый земляк

Родился Коля в нелёгкое послевоенное время 15 марта 1949 года в сибирской глубинке – селе Новоалександровском, Болотнинского (ныне Мошковского) района, Новосибирской области. Это красивое село притаилось над прудом, среди белоствольных берёзок. Непо-

Аксёненко Н.Е. – государственный деятель, министр железнодорожного сообщения

далёку находилась железнодорожная станция Тасино. Как будто уже было известно, что судьба мальчика будет связана с железной дорогой. Отец Емельян Фёдорович работал помощником машиниста. А мать, Анна Степановна, занималась детьми и хозяйством. Коля был младшим – тринадцатым ребёнком в семье.

В 50-е годы было большой редкостью, когда первоклассниками становились в 6 лет, но этот ребёнок уже умел хорошо читать и писать и его приняли в школу. В 1951 году из Новоалександровского семья переезжает в Мошково. Дети учатся сначала в «восьмилетке». В нашу школу Коля пришел уже старшеклассником, в 1963 году.

До 1966 года Николай учился в Мошковской средней школе № 1. Учился хорошо, особенно легко давались физика, математика, химия, очень любил историю. С интересом занимался спортом: хоккеем, волейболом, баскетболом. Любовь к спорту он сохранил на долгие годы.

Из воспоминаний одноклассницы Татьяны Колесниковой: «Николай был очень спокойным мальчиком, учился хорошо, сильный был в математике, нигде, никогда не выпячивался, старался быть незаметным. Очень любил хоккей. У меня даже сейчас встает перед глазами такой сюжет: Коля наш заходит в класс с огромным фингалом под глазом! Оказывается, шайба прилетела. И было это неоднократно.

Когда пришла пора определиться со своей будущей профессией, он попытался поступить в Новосибирский электротехнический институт. Не получи-

Свято-Алексеевский
храм в Мошково –
его детище

лось... Время показало, что эта неудача возможно и стала шансом при выборе правильного пути в дальнейшем.

В 1966 году Николай работает слесарем-сборщиком Новосибирского авиационного завода. А на следующий год подает документы в Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта и проходит вступительные экзамены без всяких проблем. И здесь Николай был лидером – капитаном спортивных команд.

Одной из ценнейших наград в жизни Николая стала встреча с прекрасной девушкой Галиной. Они встретились в институте, сыграли весёлую студенческую свадьбу. У них родились дочь и сын. Встретившись однажды, они пронесли свои чувства через всю жизнь.

После окончания института, в 1972 году, Николай получает специальность: инженер путей сообщения по эксплуатации железных дорог.

Николай Емельянович шаг за шагом упорно поднимался по карьерной лестнице. Я просто хронологически перечислю ступени его карьеры. А о том каким был этот человек, сколько сил вкладывал в решение государственных дел, с какой отдачей трудился, делайте вывод сами, мои читатели.

1972–1978 годы – дежурный по станции;

1978–1984 годы – начальник станции;

1984–1994 – начальник отделения дороги, первый заместитель начальника железной дороги...

Параллельно он получает второе высшее образование в Академии народного хозяйства.

И вот сибиряк выходит на Федеральный уровень:

1994–1997 годы – заместитель министра путей сообщения страны;

1997, 1999–2002 годы – министр путей сообщения страны;

1998 год указом Президента РФ назначен на пост первого вице-премьера правительства РФ.

Аксененко Н. Е. стал символом перехода к стабильности на железной дороге. В «эпоху Аксёненко» было сделано очень многое:

- отрегулированы цены на проезд железнодорожным транспортом;

- налажено транзитное сообщение через территорию России;

- достроена железная дорога в республике Чечне;

- возведено множество локомотивных депо, цехов и вокзалов;

- преобразовался его родной институт – нынешний Сибирский государственный университет путей сообщения...

Именно в период работы Николая Емельяновича в Государственной думе у него побывал Коржаков Александр Павлович – директор нашей школы. Встретил его Николай Емельянович как родного: отложил все государственные дела, попросив секретаря не беспокоить. Александр Павлович помнит, как светились от радости встречи с земляком глаза Николая Емельяновича, как с неподдельным интересом он спрашивал о малой родине, о необходимой помощи школе...

Родина высоко оценила заслуги нашего земляка: патриот, россиянин Аксёненко Н. Е. 13.03.1999 г. был награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени.

Он первый предложил соединить остров Сахалин с Большой землей мостовым переходом или железнодорожным тоннелем. При его активном участии был реализован мегапроект – была создана компания «Транстелеком» с самым современным оборудованием опτικο-волоконных линий связи.

А самым народным проектом Аксёненко стал футбольный клуб «Локомотив». Из средней команды «Локо» стал лидером российского чемпионата и по-

лучил самый современный в России стадион.

Храмы, вокзалы по всей России – это память о его славных делах. Николай Емельянович много сделал и для своих земляков – жителей Мошковского района.

Один из красивейших вокзалов в стране – вокзал железнодорожной станции Мошково. Решение о строительстве, проект, контроль за строительством, открытие – во всё это свои силы и время, а так же частицу души вложил этот человек.

Наш Свято-Алексеевский храм – это тоже заслуга Аксененко. Он сам выбрал проект, подключил к строительству фонд Карелина. Через год новый храм был открыт!

Николай Емельянович оказывал активное содействие по направлению денежных средств на ремонт и оборудование нашей школы. Ведь спустя три десятилетия после ее окончания, он увидел хозяйским глазом школу другой: где-то двери перекошены и разбиты, стены осыпаются и рушатся, потолки крепятся подпорками. В школе он побывал 24 мая 1998 года. Это был желанный гость и как бывший выпускник, и как государственный деятель. Годы не изменили его лучшие черты характера. Отношения к бывшим педагогам, одноклассникам остались такими же теплыми, уважительными. Неподдельную доброжелательность, простоту в общении, искренность увидели его учителя и одноклассники в их бывшем Коле, а ныне уважаемом Николае Емельяновиче. Спустя 10 ме-

сяцев Мошковская школа № 1 новое десятилетие встретила капитально отремонтированной.

Тяжелый труд, немислимое напряжение буден Министра подкосили сибирского исполина. Тяжелая болезнь, длительное лечение... Последние два года Николай Емельянович провёл в клинике мюнхенского университета Гросс-Хадерн. У него была лейкемия крови. Он боролся за свою жизнь. Надеялся на выздоровление до последнего, хотя и понимал, что шансов у него немного. Немецкие врачи удивлялись силе его организма. Он перенёс две тяжелейшие операции по пересадке внутренних органов. Донором во время одной операции был его сын. Практически все двадцать два месяца, что прошли с того момента, как его доставили в Германию, он был прикован к больничной койке. В момент смерти с ним были жена и дети.

Николай Аксёненко умер 20 июля 2005 года. Похоронен в Санкт-Петербурге на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. Николаю Аксёненко было 56 лет. Он мог стать как минимум – премьер-министром, а как максимум – преемником Ельцина. А ведь действительно он мог стать президентом. Весной 1990 года действующий президент Ельцин Борис Николаевич перед телекамерами объявил об Аксёненко, как о своём возможном преемнике. Но этому помешали политические игры в «коридорах власти».

О Николае Емельяновиче помнят в России: В 2013 году спроектирован и построен автопассажирский паром

Визитная карточка Мошково: вокзал и площадь имени Аксёненко

«Николай Аксененко», который начал свой путь по линии порт «Кавказ» – порт «Крым» под флагом Российской Федерации», а сейчас в круглосуточном режиме совершает пассажирские и автоперевозки через Керченский пролив. Помнят его и в родном институте: в Сибирском университете путей сообщения открыта лаборатория «Безопасность движения» имени Н. Е. Аксененко.

на памятная стела. Через привокзальную площадь, названную его именем, проходят в день сотни людей, любящих на его детище – изумрудно-белый железнодорожный вокзал.

Более 10 лет ежегодно проводится районный турнир по боксу памяти Н. Аксененко.

Помнят и в нашей школе: с 2006 года ежегодно проводится баскетбольный турнир его памяти.

С 2012 года в школьном музее в марте стал ежегодно проходить «Урок Памяти».

Вечная память славному сыну земли Мошковской!

Яна Коноферчук

Пассажирский паром памяти Аксененко Н.Е.

15 марта 2019 года на Урок Памяти в честь 70-летия со дня рождения Аксененко, в наш музей приехали преподаватели, студенты его родного НИИЖТА (сейчас СГУПС). Это была трогательная встреча, после которой продолжается дружба школы и университета.

Урок Памяти в музее Мошковской СОШ №1, 15 марта 2019 года

Помнят и в нашем районе: 31 июля 2001 года за большой вклад в развитие социально-экономической, культурной жизни района ему присвоено звание «Почётный гражданин Мошковского района».

21 января 2006 года на здании МСОШ № 1 открыта памятная мемориальная доска.

30 сентября 2006 года в честь Николая Емельяновича Аксененко названа привокзальная площадь и установле-

на памятная стела. Через привокзальную площадь, названную его именем, проходят в день сотни людей, любящих на его детище – изумрудно-белый железнодорожный вокзал.

Мой рассказ об учреждении, которое расположено в нашем селе Кунчурук, – о детском саде. 2018 год для детсада особенный – юбилейный, он отмечал 50 лет создания в селе Кунчурук дошкольного образования. В архиве не было найдено документов, подтверждающих эту дату, но со слов старожилков села известно, что в 1968 году в центре села стояло деревянное, приспособленное под детский сад здание, сюда приводили сельчане своих ребятишек, отдавая их в надёжные, ласковые руки нянечек, а сами спешили на работу.

В начале семидесятых годов детсад расположился в другом, опять же приспособленном здании, которое было привезено из соседней деревни и установлено в центре села. В саду работала одна разновозрастная группа, которую посещали дети от годика до старшего

Болотнинский район

Детский сад выстоял!

дошкольного возраста. Вот так и жили, и воспитывались, и подрастали большим, дружным коллективом (более двадцати детей), и снова рядом были добрые и заботливые руки и сердца работников детсада.

Условия работы там даже по тем временам комфортными никто бы не назвал: не было канализации, горячей воды, не хватало мест в спальне, и каждый раз, укладывая детей спать, приходилось выставлять раскладушки, да и просто было очень тесно в маленьком помещении при таком количестве детей.

В 1981 году решили отдать под детский сад здание бывшего школьного интерната, и после косметического ремонта там организовали ясельную группу. Как же были рады родители, получившие возможность привести своих малышей в детский сад, не дожидаясь очереди, получив возможность выйти на работу после декретного отпуска!

Но это решило проблему ненадолго. В середине 80-х снова не стало хватать мест всем нуждающимся в них детям и приходилось просить мам, уходящих в декретный отпуск, забрать своих детей и уступить своё место в садике тем, кому это было остро необходимо. И тогда руководство колхоза имени Чапаева приняло решение построить в селе Кунчурук новый детский сад на 60 мест.

В 1990 году, в феврале гостеприимно распахнул двери перед кунчурукскими малышами новый детский сад и зазвенели голоса в трёх его группах: ясельной, средней и старшей. Теперь места хватало всем детям.

Ансамбль «Горошинки»

Около пятидесяти воспитанников посещали в те годы наш детский сад, но «разрушительные девяностые» внесли свои коррективы, всё меньше детей оставалось в группах, пошло сокращение штатов. И наступил такой момент, когда в детсаду не стало детей и сотрудников совсем, и остался всего один работник – заведующая...

Так уж сложилась моя трудовая биография, что в большей части истории Кунчурукского детского сада я принимаю самое непосредственное участие, так как работаю заведующей без малого тридцать лет. Именно мне довелось в течение полугода присматривать за зданием и оборудованием для того, чтобы всё было сохранено. Ведь во многих сёлах района, где были закрыты детские сады, их здания и всё имущество и оборудование были приведены в негодность, разворовано, а иногда просто уничтожено... Признаюсь, на тот момент были мысли искать другую работу, кто-то даже настоятельно советовал, вопрошая: «Ну, что ты там одна будешь делать?». Но узнав, что руководство нашего района приняло волевое решение не сокращать ставку руководителя для того, чтобы сберечь детский сад, ни секунды не сомневаясь, я решила – буду работать! В те годы возглавлял районо Владимир

Кунчурукский детский сад

Спортивная
площадка

Николаевич Карпов и однажды, приехав в наше село, он предложил мне готовить к школе детей старшего дошкольного возраста. С большим желанием откликнулись родители на предложение приводить детей в детский сад, с удовольствием пришли в него и дети, и работа закипела!

Я работала одна несколько лет, было нелегко, ведь кроме утренников, концертов и занятий с детьми, нужно было готовить им обеды, убирать помещения и самое главное – обеспечивать безопасность каждого малыша, вверенного мне родителем.

Однажды новый начальник района Владимир Сергеевич Грибовский, посетивший детский сад, увидев создавшуюся обстановку, категорично сказал: «Так работать нельзя, нужно хотя бы ещё одного человека в штат!» Я вздохнула с облегчением...

Татьяна Николаевна Теличкина была принята на работу воспитателем, мы прошли с ней самый непростой период для сада: вдвоём делали ремонт, проходили все возможные проверки и аттестации, когда получали свои небольшие зарплаты, складывались деньгами и оплачивали работу поварам, помощникам воспитателя, мамам воспитанников, которые оказывали нам помощь. Любая просьба, с которой мы обращались к родителям или бабушкам и дедушкам наших воспитанников, не оставалась без внимания и доброжелательного отклика.

Кунчурукский детский сад выстоял в те трудные времена, сохранил всё своё имущество и здание, и в течение

двух десятков лет идёт уверенными шагами, развиваясь, укрепляя свою материальную базу, утверждая и повышая свой имидж как дошкольное учреждение.

Мы участвуем в районных конкурсах среди образовательных учреждений по благоустройству, всегда занимаем призовые места. За четыре года были получены немалые деньги на приобретение оборудования игровой и спортивной площадки, детские тренажёры, мультимедийное оборудование, компьютеры, была отремонтирована изгородь детского сада. С помощью спонсорства депутатов, руководителей, местных предпринимателей в детском саду появилась бытовая техника, новые игрушки, были сшиты концертные костюмы для нашего ансамбля «Горошинки», в которых дети выступают и на районных мероприятиях, и на русских народных праздниках в детском саду – «Рождественские колядки», «Масленица», «Благовещение», «Вербное воскресенье», «Пасха», «Троица», «Покров». Но самое главное, здесь всё это время трудятся и продолжают работать неравнодушные к своему делу, любящие детей, талантливые, грамотные, трудолюбивые люди. Это делает проживание наших маленьких односельчан в саду комфортным и плодотворным, а коллективу помогает строить планы и развиваться. И очень хочется верить, что здесь всегда будут звенеть счастливые детские голоса!

Въезжая в село, внимательно посмотрите направо, и на небольшом кирпичном здании увидите, крупными буквами написано: «Кунчурук – столица мира!». Это написали наши кунчурукские дети, которые стали взрослыми, уехали в большие города получать образование, работать и строить свою жизнь, но приезжая домой, они вот таким образом признаются в любви к своему селу.

Вот в этом и заключается смысл нашей работы с детьми – посеять в их сердцах маленькие зёрнышки любви к своей малой родине, которые с годами вырастают в большое чувство любви и гордости нашей великой Державой.

Татьяна Зайцева

Тогучинский район

Есть такая профессия – Родину защищать!

Мой брат, Геннадий Яковлевич Коновалов, родился в победном 1945 году в Тогучинском районе. Отец, который вернулся с фронта с орденами и медалями, стал эталоном мужества и чести не только для него, но и для всех мальчишек того времени.

После окончания школы Геннадий окончил Челябинское высшее военное училище штурманов, затем Московскую военную академию имени Ю. А. Гагарина. Стал военным лётчиком. Служил добросовестно. Вскоре встретил свою половинку – Валентину Андреевну, поженились. Как и все семьи военнослужащих, они побывали в разных городах, куда направляли брата «по назначению». В городе Джанкой у них родился сын Александр.

В мирное время побывал в горячих точках...

В декабре 1988 года был награжден грамотой «За мужество и воинскую доблесть при выполнении интернационального долга в республике Афганистан».

У Геннадия Яковлевича 14 правительственных наград, среди которых орден «Красной Звезды».

За выдающиеся заслуги перед Советским государством в области укрепления обороноспособности страны и высокое мастерство профессиональной деятельности присвоено почетное звание «Заслуженный специалист Вооруженных сил СССР» в 1991 году.

В настоящее время находится на заслуженном отдыхе в звании полковника запаса.

Тесно сотрудничал с Фондом имени Ленина, оказывал помощь детям из малообеспеченных семей, за что имеет признательность от Фонда.

Я счастлива потому, что есть продолжатель его дела – сын Коновалов Александр Геннадьевич, который, как и отец, окончил Челябинское высшее военное авиационное училище штурманов, затем Московскую академию им. Ю. А. Гагарина, а в настоящее время

Коновалов Геннадий Яковлевич

Коновалов Александр Геннадьевич

живёт и работает в городе Щелково Московской области. Полковник. Женат. Подрастают дочь и сын.

Как не вспомнить первые строчки стиха немецкого поэта Себастьяна Бранта:

«Ребёнок учится тому,
Что видит у себя в дому,
Родители-пример ему...»

Казалось бы, мы живём в мирное время, давно отгремели звуки канонады Великой Отечественной войны. Но и в мирное время в стране должны быть защитники Отечества, продолжающие служить Родине на примерах славных традиций наших предков.

Я горжусь тем, что мои брат и племянник оказались в числе многочисленных русских военных, которые выбрали профессию – Родину защищать!

Валентина Кудрявцева

Кыштовский район

Подвиг миротворца

Районная Доска Почёта. Вглядываешься в портреты и видишь каждого человека «в деле». А вот пять портретов на отдельном стенде. Сверху надпись «Герои Кыштовского района». Наша кыштовская земля взрастила четырёх Героев Советского Союза.

На меня смотрит молодой человек... не по годам суровый взгляд. Это Константин Тимерман, удостоенный звания Героя России за боевые подвиги

в мирное время. С гордостью осознаю, что его детство и юность прошли в родной для меня Къштовке, что он, как и я, ходил по нашим сельским улицам, учился здесь в школе. На первый взгляд это, вроде бы, обычная человеческая судьба, как и у многих других. Родился 11 октября 1977 года в городе Новокузнецке Кемеровской области. Отец, Анатолий Анатольевич, работал сварщиком. Мать, Наталья Витальевна, трудилась в железнодорожной отрасли. В 1982 году семья переехала на родину отца, в Къштовский район Новосибирской области.

Увлечение Константина спортом (футболом и каратэ) закалили дух и тело, сформировали командирский характер, волю к победе. По окончании Къштовской средней школы поступил в Новосибирское высшее общевойсковое командное училище. Курсантом Тимерман был прилежным, учился хорошо. Да и в спорте не из последних. После окончания училища перед Константином открывалось много перспективных возможностей. Предлагали остаться командиром взвода в родном училище. Можно было поехать на аналогичную должность в Московское ВОКУ: чем не успешный старт служебной карьеры? Но Константин все для себя решил заранее – службу нужно начинать в «боевых» частях. Тем более, что большинство командиров их курсантских взводов прошло «первую Чечню», они часто рассказывали юным курсантам «о боях-пожарищах, о друзьях-товарищах». В числе более чем сорока сокурсников Тимерман отправился служить на Кавказ. Крепкой закалки оказались все эти парни.

Все девять лет его офицерской службы отданы Северному Кавказу. Это были многочисленные служебные командировки в Чеченскую Республику, где Константин Тимерман сначала в качестве командира мотострелкового взвода, а затем роты «гонял» по ущельям чеченских боевиков. В 2008 году получил перевод в Южную Осетию в подразделение, выполнявшее миротворческие функции. Шёл 1999 год, и холодные ветры над главным Кавказским хребтом далеко разносили запахи близкой войны. Здесь, в течение

шести месяцев, он напряженно готовил свой батальон к выполнению миротворческой миссии, а через два месяца и восемь дней...

С раннего утра 8 августа от разведчиков и постов наблюдения комбаты стали поступать доклады о продвижении к Цхинвалу грузинских войсковых колонн, грузинские войска свернули свой лагерь и покинули место дислокации. На Цхинвал двинулись грузинские танки. Война была предрешена. Она стала реальностью. Тактическая задача перед миротворцами, в лагере которых находилось всего около 220 военнослужащих, стояла одна: на своем рубеже не пропустить втрое превосходившего по численности противника на Цхинвал. К тому же, Тимерман командовал именно миротворческим батальоном, и поэтому танкам и гаубицам они могли противопоставить только пушки нескольких боевых машин пехоты да противотанковые управляемые ракеты и гранатомёты. Но, самым страшным было то, что многие миротворцы были «необстрелянными», ещё не участвовали в боевых действиях, а тут сразу навалилось такое... Грузинские войска пытались артиллерией и танками сровнять с землей позиции российских миротворцев, вооруженных преимущественно легким стрелковым оружием.

Но батальон был готов ко всему, к любым действиям. Заранее, за месяц до этого, подполковником Тимерманом были укреплены позиции базового лагеря в инженерном отношении. И все же оставалась надежда на мирный исход...

Наши миротворцы в окружении многократно превосходящих сил противника не падали духом, просто – выполняли свое предназначение. Под обстрелом грузинской артиллерии, основная масса миротворцев не покидала позиций.

В ходе боя командир батальона поднимал дух бойцов на передовой личным присутствием и примером. И люди держались, без сна и отдыха.

Получив ранение в ногу от осколка разорвавшегося танкового снаряда, Тимерман не покинул поле боя. В здании котельной, где находились ране-

ные и погибшие, комбата перевязали. Больше боли физической было видеть, как умирают тяжелораненые, ведь им почти ничем не могли помочь: операционная сгорела от прямого попадания артиллерийского снаряда.

Положение усугублялось ещё и тем, что в котельной городка нашли убежище мирные жители пригорода Цхинвала. Да своих женщин-военнослужащих было несколько человек. Превозмогая боль в раненой ноге, подполковник Тимерман организовал их эвакуацию и эвакуацию раненых. Несмотря на обстрелы машины с красным крестом, в которой находились раненые, жизни 27 человек были спасены. Также, своими действиями Тимерман спас жизни двадцати югоосетинских женщин и детей. На следующий день грузинский обстрел стал столь интенсивным, что казарму и другие здания на территории базового лагеря просто «срубили» артиллерийским огнём... А миротворцы на позициях продолжали отражать атаки грузинских войск. Неплохо повоевали прибывшие на помощь два танка из отдельного танкового батальона, потом кончились снаряды...

От пленного грузинского арткаррективовщика миротворцы узнали, что через час расположение базового лагеря накроют авиация и «Град»...

Было над чем подумать комбату Тимерману. Дополнительная помощь к базовому лагерю пробиться не смогла. Единственное надежное убежище – подвал – сгорел вместе с казармой. Максимальная вместимость котельной – десять человек... Раненая нога позволяла сносно передвигаться, и подполковник Константин Тимерман, осмотрев позиции, принял решение на выход из боя и отход подразделения. Уничтожили секретные документы и аппаратуру, взорвали уцелевшие автомобили. Отходили под огнем. Трёх раненых взяли с собой и никого не потеряли. Батальону, разделенному на шесть групп, разными маршрутами утром удалось выйти на полигон Дзари, в семи километрах от Цхинвала. Из Джавы раненых отправили в Россию, остальные миротворцы через два дня отдыха продолжили миссию. В результате первых суток боя бата-

льон подполковника Тимермана потерял около трёх десятков человек убитыми и ранеными. Но и противнику был нанесён существенный урон: уничтожено свыше полусотни грузинских военнослужащих, 6 танков, 4 бронированных машины. Бойцы восхищённо говорили о своём комбате: «Как он воевал!». На следующий день о своём герое узнала вся Россия. А как ликовали жители нашего района, что «наш кыштовчанин стал героем»!

За мужество и героизм, проявленные при исполнении воинского долга в Северо-Кавказском регионе, Константин Тимерман удостоен высокого звания Героя России. Управление пресслужбы и информации Министерства обороны России так описывает подвиг К. Тимермана:

«8 августа 2008 г. при вторжении грузинских вооруженных сил в зону ответственности батальона подполковник Тимерман Константин Анатольевич грамотно, со знанием дела, организовал несение службы на постах, разведку и управление батальоном, охрану и оборону базового лагеря в соответствии с мандатом миротворческих сил.

Руководствуясь им, до последнего момента пытался принудить грузинскую сторону к соблюдению перемирия и недопущению нарушения установленных границ. В ответ грузинская сторона открыла огонь из всех видов вооружения. Умело руководя действиями подчиненных при отражении нападения на пункт дислокации батальона, подполковник Тимерман Константин Анатольевич проявил в ходе боя мужество и героизм, лично уничтожил 6 боевиков. Несмотря на полученное ранение, он не покинул поле боя, продолжал грамотно руководить действиями подчиненных...».

Константин Тимерман

Размышляя о подвиге наших миротворцев в Цхинвали, невольно напрашивается мысль: «Неужели минувшие столетия истории не научили наших недругов: в Россию стрелять нельзя! Особенно на Кавказе!». Мужество и героизм всегда присутствовали в нашей армии в дни суровых испытаний. И главное, в ней всегда были и есть люди, которые никогда не сдаются и умеют писать историю страны своими подвигами и даже своей кровью. Такие, как наш земляк, подполковник Константин Тимерман.

Виктория Крючкова

Болотнинский район

Долгожданное возвращение Григория Климочкина

Он обещал вернуться и вернулся... Он уходил в армию, но домой попал только спустя 69 лет...

Его провожала беременная жена, а хоронила пожилая дочь.

В деревне Витебск вырос Григорий Климочкин, закончил семилетку и устроился работать счетоводом в колхозе, потом счастливая любовь и свадьба. Скоро вместе с молодой женой переехали в Болотное – Григорий нашёл хорошую работу, а жена ждала ребёнка. В феврале 40-го Григория призвали в ряды Красной Армии. Попрощавшись с родными, с любимой женой и нерождённой дочерью, он уходил, обещая скоро вернуться.

Служба проходила в предгорьях Кавказа, в 236 стрелковой дивизии. Через полгода, в августе, из письма любимой узнал, что родилась дочь. И написал в ответ: «Пусть она зовётся Людмила, и пусть она будет людям мила...».

От того, что теперь его ждут жена и дочь, Григорию ещё сильнее хотелось домой, но двадцать второго июня 1941 года на Советский Союз напали фашисты. Мужчины пошли на войну. Все взрослые мужчины в семье Климочкиных ушли защищать Родину: отец Демьян, сыновья Александр, Василий, Григорий, Иван.

В сорок втором Григорий Климочкин уже командовал взводом, тогда, в августе в горах Апшеронского района

Краснодарского края они штурмовали сопку. По найденным останкам тел и вещам – кружкам, каскам и котелкам можно судить о том бое: всё было изрешечено пулями. 26 дней шёл штурм высоты, много полегло там народу, сопку взяли, но Григорий не узнал об этом. Погиб в том бою.

Прошло много лет и вдруг:

– Люда! Люда! Нашли останки твоего отца! По телевизору сказали! – взволнованно говорила в телефонную трубку двоюродная сестра из Новосибирска. Людмила Григорьевна дождалась повтора новостей и внимательно слушала диктора, он говорил о том, что найдены останки нашего земляка. Это был её отец, которого она знала только по фото, единственной его фотокарточке.

Останки Климочкина Григория Демьяновича были найдены Усть-Лабинской поисковой экспедицией «Смена» Краснодарского края под Апшеронском. И тогда в администрации Болотнинского района было принято решение доставить останки нашего земляка на Родину. Заместитель главы Болотнинского района Вячеслав Иванович Грибовский поехал в Краснодар. Там его встретили представители поискового отряда. Уже на следующий день в Усть-Лабинске в городском парке прошёл митинг-прощание с героем-сибиряком, павшим при защите Кубани. В торжественной обстановке Григория Климочкина проводили на Родину.

Но обратная дорога домой только начиналась. «Мы на Газели добрались до Ростова, там формировался поезд до Новосибирска, – рассказывает Вячеслав Грибовский, – но билетов не было. Почти сутки мы стояли на вокзале в ожидании – а вдруг появится. Плюс ко всему вдруг возникла проблема с транспортировкой гроба. Все эти дни мы были на связи с главой района Виктором Александровичем Франком и с председателем Совета депутатов Владимиром Николаевичем Карповым. Когда появилась проблема с обратным возвращением, все звонили, вели переговоры с представителями железной дороги, выходили на начальника Западно-Сибирской железной дороги А. В. Целько. На разных уровнях решался вопрос, как добраться нам домой, потом закон-

чилились и без того маленькие командировочные. Все кассиры на вокзале уже знали, что я сопровождаю не обычный груз, и когда касса в очередной раз открылась для продажи билетов, женщина, стоящая передо мной, уступила мне билет. Владимир Карпов тоже добился положительного решения по вопросу транспортировки гроба.

Когда мы сели в поезд, весть о необычном пассажире, который везёт домой останки фронтовика, разлетелась по всему вагону и даже, наверное, по составу. Пассажиры подходили и говорили слова благодарности за то, что мы делаем. Каждый хотел как-то быть причастным к этому большому делу – расспрашивали, сочувствовали, кто-то нёс угощение в знак уважения и благодарности. Как тяжело было достать билет и как душевно реагировали на происходящее окружающие... Великая Отечественная оставила в каждой семье, боль утраты, потери, несбывшихся надежд. Тогда в поезде я почувствовал, как общее горе может объединять людей. Сегодня это происходит так же, как и тогда, в сорок первом».

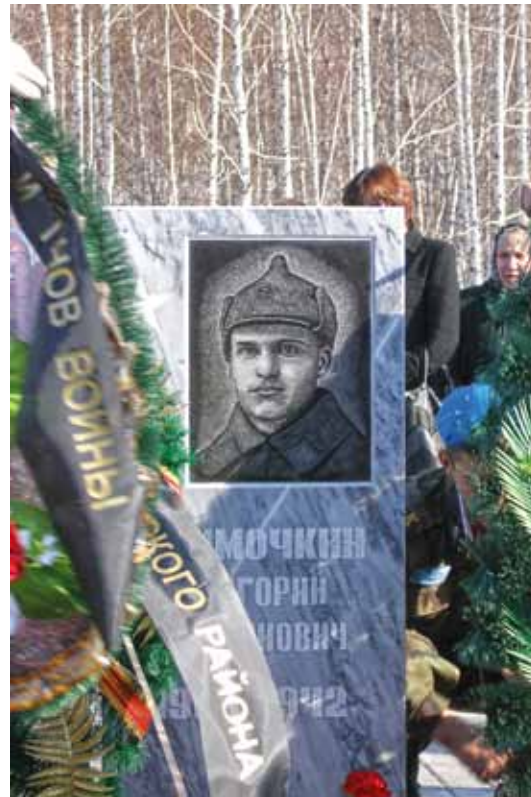
А дома, в Болотном дочь героя Людмила вспоминала, как сама провожала своего сына в армию, а потом на войну в Афганистан, как она переживала, сколько слез пролила. Сын из Афганистана вернулся. А сегодня она ждала за мать, вместо матери – гроб отца.

С той войны из рода Климочкиных вернулся только израненный брат Иван, единственный из ушедших: отец Демьян пропал без вести, брат Василий умер в плену в Освенциме, брат Александр не дожил до победы несколько месяцев – погиб в январе 1945-го в Польше. И как теперь выяснилось, «без вести пропавший» Григорий погиб при взятии высоты на Краснодарской земле.

9 октября 2009 года. Болотное. Отпевание советского солдата Климочкина, вернувшегося на Родину. Людмила плакала, она впервые встретилась с отцом... Затем в городском парке был митинг, благодарные люди пришли проститься с земляком. Почётный караул, цветы, залпы...

Похоронили Григория Климочкина на аллее Славы.

Давно прогремел салют Победы, но поисковые отряды до сих пор ведут

На аллее Славы

раскопки, находят останки бойцов. Некоторых удаётся опознать по медальону, как и случилось с Григорием Климочкиным. Среди бойцов существовало поверье, что носить медальон – к несчастью, потому что он нужен был только для опознания, и многие не надевали его. Вот почему так много братских могил.

Ребятам из поискового клуба «Смена», которые проводили полевые работы в районе посёлка Травалев Апперонского района, огромное спасибо, они не только нашли останки и медальон младшего лейтенанта Григория Климочкина, но и установили его личность и сообщили родственникам.

На месте гибели Григория были найдены простреленная каска (пулевое ранение головы совпадает), искорёженные кружка и котелок, ложка, осколки от мин, подошва от немецкого сапога – свидетельства ожесточённой рукопашной. Теперь эти вещи хранятся в Болотнинском краеведческом музее.

Пусть через 69 лет, но Григорий Климочкин сдержал слово офицера – и вернулся домой.

Ирина Таскаева

Здвинский район

Дважды два

Когда я собрался на исторический факультет пединститута, мой классный руководитель сказал, чтобы я не дурил, а шёл поступать на физмат и, как убедительный аргумент, добавил: «Сегодня красные, завтра белые, а дважды два всегда четыре». Когда выросли его две русские девочки, то уехали жить за границу и теперь у него трое немецких внуков. А у меня четверо детей и восемь русских внуков. Он как видел наперёд: пришли «белые», но у нас в семье всё по-прежнему: дважды два – Родина.

Николай Казначеев

Тогучинский район

Рождение леса

Мой дед Наумов Владимир Иванович – уникальный человек. В свои 86 лет, он с любовью ухаживает за домашними животными и его многолетним творением – садом. В саду у деда растут разные кустарники – ягодники, но впечатлили меня своей красотой и величиём редкие для нашей местности деревья – кедры. Из беседы с дедушкой о кедрах, я узнала интересную историю о достопримечательности нашего села Пойменное в Тогучинском районе – большого соснового бора.

Ещё в семидесятых годах прошлого столетия между двумя сёлами Вассино и Пойменное дорога в три километра называлась жителями «дорогой смерти». Продувалась она сибирскими ветрами насквозь, так как со всех сторон дорогу окружали пастбища, поля, болота. Сейчас все изменилось. Роскошный бор на площади пятьдесят гектар раскинулся по одну сторону дороги. Почти соединив два села – Пойменное и Вассино. По другую сторону дороги появляется молодняк – самосеянец.

А появилось это чудо в 1979 году. Два года подряд учащиеся старших классов Вассинско-Пойменной средней школы вместе с учителями и рабочими межхозяйственного лесхоза города То-

гучина сажали этот лес. А руководили этой посадкой лесники Тогучинского межхозяйственного лесхоза Лисин Михаил и мой дед Наумов Владимир Иванович. Указ о том, чтобы посадить хвойный лес на Политотдельских полях был отдан из Тогучинского межхозяйственного лесхоза во главе с Николаем Сидоренко и главным лесничим Е. А. Коноваловым. Там же выращивались саженцы сосны. Саженцы – трехлетки сажали в борозды глубиной полметра. Бурами, ломами, железными прутьями делали дырки в глинистой почве и втыкали туда прутьики сосны высотой 10–15 сантиметров. Посажено было десятки тысяч саженцев. Не верилось, что из этих прутьиков могут вырасти деревья. А еще тяжелее было охранять молодые посадки от крупного рогатого скота. Владимир Иванович Наумов всячески старался уберечь молодые прижившиеся сосенки. Он проводил беседы с населением близко расположенных поселков, объезжал на коне и сторожил лесопосадки после прогона скота с пастбища, привлекал молодежь, учащихся школ, администрацию сёл к оказанию помощи. Никто не остался равнодушным, каждый пытался внести свой вклад в помощь лесничеству. Саженцы росли на радость всем.

Сотрудничество межхозяйственного лесхоза, лесника Наумова Владимира Ивановича с Вассинско-Пойменной средней школой продолжалось многие годы. Школьники трудились на лесополосах под руководством учителя истории Пойменной школы Хитриной

Главный лесничий
Тогучинского
межхозяйственного
лесхоза Коновалов Е.А.
и лесник Тогучинского
межхозяйственного
лесхоза Наумов В.И.
знакомят учащихся
Пойменной средней
школы с правилами
работы на лесополосах.
1983 год

Валентины Васильевны. Ежегодно обрабатывали саженцы, проводили обрубку нижних ветвей у деревьев. А через десять лет проводили разрежение сосен – один ряд вырубали, два оставляли. Вырубленные сосны продавали населению сёл Вассино, Пойменное, Марай, Кадника, Каменная Гора, Вторая Пятилетка. Молодые сосёнки радовали детей и взрослых несколько лет подряд в семьях, на новогодних праздниках в школах, детских садах и клубах.

А еще через пару лет сосны начали давать свои семена. Жители сёл, и школьники собирали весной шишки, почки и сдавали Владимиру Ивановичу. Ежегодно лесничество намечало план для лесников по сбору березовых и сосновых почек, шишек, изготовлению березовых веников для реализации их населению района, области. А семена сосны служили посадочным материалом питомника Тогучинского межхозяйственного лесхоза, где помимо саженцев хвойных пород разводила саженцы черноплодной рябины Теплова Галина Михайловна.

Саженцами черноплодной рябины Владимир Иванович обеспечил школу и жителей окрестных сел, в садах кото-

рых сейчас разрослись огромные кусты рябины.

Спустя много лет лес поднялся. Сейчас он находится под охраной Мирновского лесхоза, а для жителей нашего и других сёл имеет огромную ценность – очень красивый природный ландшафт при въезде в село Пойменное. Он вдохновляет своей красотой и величием жителей сёл делать уникальные фотоснимки и отправлять их на фотоконкурсы. Так библиотекарь СКДЦ с. Пойменное Гартман А. В. неоднократно принимала участие в фотоконкурсах: «Любимый край мне дарит вдохновение», «Жизнь прекрасна и многогранна» и занимала призовые места, за которые награждена дипломом и ценными подарками. Сосновый бор обладает оздоровительной ценностью нашего края. Для многих жителей сёл является традицией посещать излюбленные места отдыха в окрестностях бора, восстанавливая физическое и психическое здоровье. Педагог дополнительного образования Хитрина В. В., учителя Пойменной средней школы и воспитатели детского сада «Белоснежка» с. Пойменное проводят тематические экскурсии для детей в хвойном лесу. Воспитанники школы совершают со своими классными руководителями походы, играют в спортивные игры. Ежегодно пенсионерка с. Пойменное Мастерова В. В. прокладывает в бору лыжню, которая привлекает большое количество лыжников. Осенью сосновый бор – место сбора грибов маслят, ягоды малины и земляники. Напротив бора тянутся первые дома улицы Центральной с. Пойменное, а между домами и лесом проходит главная дорога, по которой идёт очень часто транспорт. Так бор выполняет ещё одну немаловажную функцию – очищает от загрязнения воздух вдоль дороги, поглощает пыль и газы. Жителями с. Пойменное было замечено, что за последнее десятилетие климат села стал теплее. Сосновый бор закрывает село от преобладающих юго-западных ветров нашей местности, регулирует состояние окружающей среды и предотвращает негативные изменения климата. Спустя много лет лес в нашем сосновом бору станет строевым.

Наумов Владимир Иванович с Хитриной Валентиной Васильевной в своем саду с учащимися Пойменной школы. 2016 год

Урожай кедровых шишек из сада моего деда

Мой дед более двадцати лет находится на заслуженном отдыхе – он Ветеран труда. Всю свою жизнь он очень любил природу, любит её и сейчас. Огромный сад растёт у него дома, а главной достопримечательностью сада являются кедр, посаженные и выращенные им, его женой и их детьми. Дети и внуки всегда идут в сад, любят их, собирают ягоды малины, черноплодной рябины, клубники и уже несколько лет подряд собирают урожай кедровых шишек. Владимир Иванович очень гордится, когда делит всем внукам и детям кедровые шишки. Свою любовь к природе, растениям, саду, Владимир Иванович сумел привить и своим детям. Все они имеют дома с садом. И я надеюсь, что когда – нибудь, я посажу свой сад и, в нём вырастут большие кедр и сосны.

Регина Медведева

Барабинский район

Умирающая Круглоозёрка

Деревенька моя расположена на увале, обнимает она подковой заросшие камышом озёрка. Кругом берёзовые колки. Горка, с которой ребятня каталась зимой, имела природное про-

исхождение. Вот я в детстве, в шубке, качусь с этой горки. А вот ещё картинка: я с бабушкой на покосе, набрала в кружку ароматной клубники, и мы с молоком и хлебом обедаем под душистой свежей копной.

Опять с бабушкой. На озере зимой ловим желтеньких карасей. Большая продольная лунка, бабушка деревянной лопатой гребет воду, как будто стоит в лодке. Мелькает золотом карасик, и тут же он ловко пойман большим сачком.

А вот я на велосипеде, новом, купленном бабушкой на её пенсию. Помню, она говорила, что ей добавили пенсию до 20 рублей, и она выкроила нам с сестрой на новенький «Урал». Установив очередность кататься, я гарцевала на нём почти одна. Родная моя душа, любимая моя бабулечка! Вырастила нас, своих внуков, с рождения. Чем старше становишься, тем отчетливее ощущаешь её присутствие рядом.

Деревня, где я родилась, зовется Круглоозеркой. А бабушка звала её: «Наша Кругленька». Называлась она так, потому что была окружена озёрами. Когда-то в ней была жизнь, была работа, сеяли пшеницу, разводили скот. Помню новое зернохранилище, ток для зерна. Сейчас нет деревни, кроме нескольких дворов, замерла её душа. А может она вслед за мной потянулась, когда в 1968 году родители переехали в Барабинск? Сорок лет я не была в своей деревне. За это время пришлось пожить во многих местах.

Решение посетить родину возникло внезапно, в последний день отпуска, но мысль о поездке зрела давно, ворочалась, беспокоила, то уходила на задний план, то вновь с особой настойчивостью возникала. Встав пораньше, я оседлала двухколесного «коня», предварительно положив в багажную корзину бутылку воды, огурец с хлебом, и, не думая о своих физических возможностях (ехать-то двадцать пять километров туда и столько же обратно), закрутила педалями нового велосипеда.

Лето того года выдалось аномальным. С первых дней июня – зной, без единого дождя. Но именно в этот день с утра солнышко пряталось за душным мороком серых туч. Я крутила педали,

радуясь встречному ветерку, любуясь лесом и низкими облаками. Примерно на половине пути забрызгал бесшумный мелкий дождик. Недолго он дразнил иссохшую траву и посеревшие от пыли листочки берез: побрызгал и перестал. Большая половина пути подходила к концу. До деревни оставалось километра 4–5, когда закончился асфальт, и тут стало понятно, какую пакость сотворил мелкий сиюминутный дождик.

Колеса велосипеда тотчас намотали слой грязи, да так, что пришлось тащить его волоком. Чем ближе была деревня, тем мне скорее хотелось преодолеть этот досадный отрезок пути. Сердце мое прыгало, то ли от усталости, то ли от близости видневшихся могучих берез, которые помнили, конечно же, помнили меня!

Ближе к деревне дорога поднималась в гору, значит, обратно легче будет ехать. Наконец-то я на месте.

Дома, когда-то добротные, с резными наличниками, гляделись потускневшими окнами в землю. По всей деревне их осталось не более шести. Остальные, полуразрушенные, выглядели из буйно разросшейся крапивы.

Своего дома я не нашла. Предположительно, где он должен стоять пролегла дорога, которая поворачивала

к трассе. Ничего из детских воспоминаний не соответствовало действительности. Где большой дом, с бабушкиным фикусом и ярко желто-красным цветком, который она называла «папироска»? Где чернозёмный огород, большая ограда, в углу которого сидела собака. Помню овчарку, видимо она была у нас недавно, потому что я её очень боялась. Помню тёмный палисадник, с разросшейся сиренью. Нет ничего.

От края и до края деревни, а она имела только одну улицу, которая всегда казалась длинной и непреодолимой, проложен асфальт. Его положили в 80-х годах. Сейчас от него остались глубокие трещины, как морщины на лице старом и потемневшем от времени.

Но что удивительно: поразили меня ярко-синие, как новенькие, номера на домах. Они смотрели с полуразрушенных строений с каким-то вызовом и надменностью, как бы говоря: «Порядок должен быть везде!» Даже здесь, где хозяева давно лежат на погосте, дом тоже умер, и только ярко-синий квадратик с номером живой, пока дождь, снег или время не сотрут краску.

Медленным шагом по шербатому асфальту я прошла с одного края до другого. Напротив нашего дома должен

быть медпункт, где работала мама фельдшером на три деревни. Я узнала низкий рубленый домик, мимо которого ноги когда-то резво несли меня прямо к озеру. Купались до посинения, пока какая-нибудь пиявка не вспугнет, а уж их я боялась больше темноты. До сих пор осталось чувство испуга и брезгливости. Сейчас озеро совсем затянулось рогозой и камышом, но середина еще поблёскивает, отражая лучи полуденного солнца.

Смотря взглядом взрослого, я видела прелесть и красоту своего бывшего родового гнезда, которое хранило любовь и теплоту детства.

Отсюда далеко просматривалась окрестность. Недалеко за деревней дорога уходила под уклон и поднималась на другой увал, где находилось кладбище. Берёзы там поражали своей огромностью и величавостью, в кроне которых не прекращался птичий грай.

До революции в нашей деревне была церковь, приход которой насчитывался до четырех тысяч человек. Пришлоновое время и обезглавленная церковь стала клубом.

В надежде увидеть подобие фундамента я обошла то место, где стоял клуб, но, увы, трава за много лет переплела и сравняла все выступы. Время стирает камень, изменяет пространство. Но память неподвластна ему. Постояв у старой берёзы, росшей за бывшем клубом, где мы, девчонками, встречали Зорьку из стада, я простилась со своим родовым местом. И попросила прощения за то, что пришлось ему в такой грусти доживать последние дни.

Ещё раз окинув зеленые рощи, которые зубчиками уходили в горизонт, я отправилась в обратный путь. Душа моя пребывала в печали, но с некоей долей успокоенности. Долг свой я выполнила, простилась со своими корнями. Душа звала сюда, и я приехала.

Колеса велосипеда крутились легко пока дорога шла под уклон. Мысленно я всё ещё была там, в деревне. Какое красивое место! Ах, если бы почистить наше озерко с желтенькими карасями! Да посыпать бережок песочком? Найти спонсоров и построить пансионат для одиноких, престарелых, бездомных людей, для всех, кто хочет покоя, тишины и общения с родной природой.

И восстановить на своём месте церковь и, может быть, возродиться моя деревня «Круглоозёрка». Мечты, как сон, но пусть обратятся они в явь, кто знает?

Человек ищет где лучше, где удобнее, побогаче, подчиняясь материальному и рациональному, забывая о душе. Я вспоминаю день переезда, когда мы все искали убежавшую сестру. Ехать из деревни она категорически отказывалась, наверно бессознательно чувствуя вечную разлуку с чем-то дорогим и родным. Поднялись с родного гнезда многие семьи, и стала потихоньку умирать наша Круглоозёрка. Такова судьба многих деревень России.

В 2016 году деревне Круглоозёрка Барабинского района исполнилось 300 лет.

Галина Гостева

Кольванский район

Спортзал в огороде

У тренера спортивной школы, кандидата в мастера спорта по боксу Валерия Кремнева не было спортивного зала. Работая в спортивной школы он тренировал детей то в полуподвале, то под неотапливаемой трибуне стадиона, и все ждал, что вот еще год-два и достроят новое здание спортшколы, начатое лет десять назад. Но началась Перестройка и все мечты рухнули, здание разобрали, растащили.

Тогда он пошел по колыванским бизнесменам, владельцам пивнушек и директорам уже повсюду частных магазинов за деньгами, потом приплюсовал свои скудные запасы и построил на территории своего огорода кирпичный просторный спортзал где и по ныне бесплатно тренирует детей.

Мечтателей всегда много, но расстояние между мечтой и реальным исполнением этой мечты огромно, и кто преодолел этот путь — тот герой.

В. Л. Кремнев построил зал, подготовил семь мастеров спорта, множество чемпионов и призёров России.

У него ставил удар будущий чемпион мира по тайскому боксу Сергей Митяев.

Обижаются ли на него предприниматели Колывани, с которых он, как дань, собирал деньги на спортзал? Наверное, да, но тренера боготворят ма-

маши «трудных» мальчишек, которых, как в последнюю инстанцию, ведут в «огород» к тренеру доброму, строгому, настоящему воспитателю мужественных и честных людей.

Низкий поклон и уважение замечательному человеку – Валерию Кремневу.

Андрей Лучин

Спортзал в Колывани, построенный Валерием Львовичем Кремневым

Тогучинский район

Я каждый день слышу смех детей

Теперь я каждый день слышу смех детей, вижу в глазах своих приемных сыновей радость и спокойствие и понимаю, что ради этого стоит жить!

А началось все с пространства любви, с добрых шуток и радостного смеха.

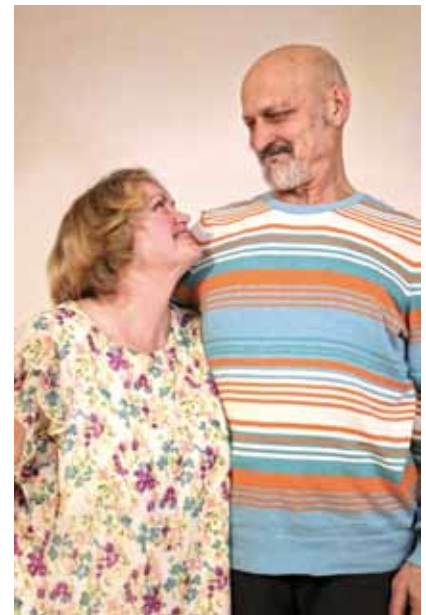
В нашу защищенную от тревог, здоровую и уютную атмосферу семейного счастья мы принимали, как новорожденного, очередного пасынка-сыночка. Проходили дни, а мы ждали заветного момента-звоночка, когда душа мальчика обретала состояние, которое мы называем «быть дома»: ребенок, никого и ничего не стесняясь, начинает «мурлыкать» песенки. Это его «душа поет»!

Многие спрашивают: «Зачем вам все это надо?» А некоторые даже сами отвечают-сплетничают: «Корысть имеют или самоутверждаются...».

Аналогично можно спросить любого родителя, имеющего собственное дитя.

Часто говорю сыновьям:

– Я так благодарен, что вы у меня есть! Мы просыпаемся и говорим друг другу «Доброе утро»! Мне хочется поваляться в постели, но вместе с вами я бегу босиком по мокрой траве на речку, мы хлопаемся-закаляемся в её живительной воде. Благодаря вам, каждый день мы вместе делаем зарядку по 2 часа, и я должен быть вам примером. У нас находится множество не-

Супруги Элиашвили

Валерий Львович Кремнев

обходимых и интересных дел и забот, которые нас сплачивают. Вы о чем-то мечтаете, и вместе мы воплощаем ваши мечты в жизнь, как настоящие волшебники! Подрастая, каждый из вас хотел иметь свою отдельную комнатку, и старый деревенский домик мы превратили в уютный двухэтажный дом со спортивным залом, большой светлой столовой, библиотекой и холлом, где играем в настольный теннис. Вы, как все дети,

любите играть, и на нашей околице мы разместили спортивно-игровую площадку с качелями, каруселью, тренажерами и мини-футбольным полем. Когда я играю с вами, то совершенно забываю о своем возрасте.

– Я так благодарен, что вы у меня есть! Вы уже учитесь в средней школе, и я вместе с вами снова переосмысливаю историю Родины, литературу, овладеваю компьютерной техникой, которой в моем детстве не было. Родительский комитет, Совет школы, собрания, кружки, праздники и даже театральные постановки -такой кипучей общественной жизни у меня не было бы, если бы не вы, мои дорогие. Вот вы уже мечтаете о своих будущих профессиях, и мы вместе готовимся к этой взрослой жизни, где пригодятся все навыки, которые появляются у вас в нашей мастерской, в нашем саду, в нашем подсобном хозяйстве, на наших домашних стройках. Все это делаете вы сами, а мы с мамой вам помогаем. И все мы счастливы, каждый из нас – часть большой семьи, мы – настоящая СЕМЬ-Я!

Владимир Элиашвили

Баганский район

Исповедь приемного сына

– Просыпайся, сынок! – слышится ласковый голос моей мамы. Я открываю глаза, потому что чувствую тепло её руки на своей руке. Из кухни доносится вкусный запах моей любимой яичницы. В доме уже потрескивает печь, завтрак готов, мама зовёт всех на кухню. Мы (я и мой младший брат Валя) встаем, идем приводить себя в порядок и спешим к завтраку, где нас уже ждут родители. Мама колдует у стола, папа пьет чай с душистым медом и смотрит «Доброе утро» по телевизору. Мы садимся за стол и дружно улетаем все, что приготовила мама.

А когда-то было иначе... Маленькая комната в городской квартире. В комнате пять человек и собака. Грязно и неудобно. Мне 6 лет, Валя еще младенец. Живем с мамой, бабушкой и дедушкой. Больше о жизни с род-

ной мамой я почему-то ничего не помню. Помню приют, в котором я находился с семи до девяти лет, а Валя был в доме малютки в городе Бердске. Каждый новый день, проведенный в приюте, был похож на предыдущий и на следующий: подъем, завтрак, потом нас развозили по школам, после школы – обед, подготовка домашнего задания и свободное время. Единственное развлечение – телевизор и игрушки в игровой комнате. Была у меня там любимая игрушка – паровозик, который, как мне мечталось, может увезти меня в другую страну – семью, где есть мама и папа, где тепло и уютно, где меня будут любить, где не будет подъема и отбоя по команде. Но он все не вез и не вез...

Когда мне исполнилось девять лет, нас с Валентином перевели в детский дом города Новосибирска. Сейчас этого детского дома уже нет, его реконструировали под детский сад. Началась другая, новая жизнь, но уж больно похожая на старую. Опять подъем, завтрак, обед, учеба, подготовка к урокам и отбой по команде воспитателя. А так хотелось засыпать и просыпаться под ласковые и нежные слова родного человека. Но, как говорят, человек ко всему привыкает. Привык и я. По тону голоса воспитателя мы с ребятами уже догадывались о том, какое у него настроение, что есть штрафники, которые должны быть готовы понести наказание. Наказывали по-разному: от беседы с директором до ремня. Я иногда тоже оказывался в этом списке, но мое наказание ограничивалось беседой с директором. В комнате нас было около пятнадцати человек. У всех все одинаковое: кровати, прикроватные тумбочки, постельное белье, покрывала. Шкафы для одежды были общие: один шкаф на пять воспитанников. В столовой, как и везде, одинаковые тарелки и стаканы. Кормили нас шесть раз в день, готовили повара очень вкусно, порции были большие, можно было брать добавку. С братом я общался каждый день. После года пребывания в детском доме нас забрали в семью в городе Новосибирске по гостевой. Помню, это было после Нового года, на каникулах.

У «новых родителей» родные дети были уже взрослыми и жили отдельно. Нам с Валею выделили отдельную комнату. Мы там прожили ровно одну неделю: в понедельник нас взяли, а в воскресенье привезли назад. Больше мы этих людей не видели. Но я, если честно, не расстроился, почему-то мне к ним не хотелось, может быть потому, что я уже привык к жизни в детском доме. А Валя хотел, наверное, потому, что он был еще совсем маленьким. Продолжалось наше пребывание в детском доме до моих одиннадцати лет.

Светлана Алексеевна Цымбал с приемными детьми

В августе 2009 года я отдыхал в лагере, а Валя находился в детском доме. Однажды меня пригласили к телефону. Звонила директор детского дома. Из разговора с ней я узнал, что меня и моего брата хотят взять в приемную семью. Уезжать мне, честно говоря, не хотелось, но директор и воспитатель меня уговорили. Знакомство с моей нынешней мамой произошло по телефону. Добрым и спокойным голосом она пригласила меня поехать к ним домой погостить и пообещала, что если мне не понравится, то я всегда смогу вернуться обратно в детский дом. Что-то ласковое и теплое было в ее голосе, я согласился. В этот же день за мной приехали мама и Римма (теперь уже моя сестра). Мы вместе поехали в детский дом и забрали Валею. Первую неделю мы провели в городе, погостили у Риммы и Оксаны (вторая сестра), познакомились со всеми близкими родственни-

ками. Потом мы поехали в Теренгуль. Дома нас встретил папа со словами: «Ну что, здорово, мужики». Его немного хитрый прищур глаз и добрая открытая улыбка подняли мне настроение. Первые два дня мне было как-то не по себе, но все же очень интересно, до этого я никогда не бывал в деревне. Впервые я увидел корову, овец, кроликов, ездил с папой на уборку зерна. Постепенно я стал привыкать и к деревне, и к родителям. Когда гостевая закончилась, я принял решение, остаться в семье, хотя некоторые сомнения все равно были: «Не получится ли так, как в первый раз? Мне-то ничего, я уже взрослый, а вот Валя будет сильно переживать.» Но мои опасения оказались напрасными. Я и сам не заметил, как еще недавно посторонние люди стали для меня родными. И уже в сентябре в 5-й класс я пошел в Теренгульскую школу. С тех самых пор, уже семь лет, мы с братом живем в семье Цымбал Светланы Алексеевны и Юрия Валентиновича. Я ни разу не пожалел о том, что тогда, в августе 2009 года, принял такое решение. Я считаю их своими настоящими родителями. Мне повезло в жизни, даже очень, я обрел не только родителей, но еще брата и сестер. Мы живем в большом уютном доме, в котором всегда чисто, тепло и пахнет вкусно приготовленной маминими руками едой. У нас большая дружная семья, в которой, я точно знаю, нас любят, заботятся о нас и никогда не обидят. Я тоже стараюсь быть хорошим и благодарным сыном, может быть, конечно, это и не всегда получается. Но я стараюсь получше учиться, помогать по дому, в основном помогаю ухаживать за хозяйством, и вообще стараюсь вести себя так, чтобы моим родителям не было стыдно за мои дела и поступки. Мне очень нравятся праздники в нашей семье. Съезжаются все родные, в доме становится весело, шумно, мама с сестрами готовят вкусные блюда. Мы все вместе собираемся за большим столом, пьем чай, разговариваем, смеемся. Я очень ценю эти моменты. Кто знает, как сложилась бы моя жизнь, если бы мне тогда не позвонили в лагерь и не пригласили в гости? Я очень

люблю своих родителей и благодарен им за все, что они сделали и продолжают делать для нас. Они сделали нам огромный, ни с чем не сравнимый подарок – они подарили нам семью, настоящую семью, в которой царит любовь, ласка и забота, в которой мы чувствуем себя нужными и любимыми!

Андрей Разумов

Чановский район

Моя многонациональная семья

У меня необычная семья, а многонациональная. Папа мой на половину русский и на половину литовец, поэтому у него такое необычное имя – Юозас. Маму мою зовут Сония, она на половину казашка и на половину чеченка. У меня есть младший братик Давид, ему всего три годика. Когда я спрашиваю у мамы кто мы с Давидом по национальности, она говорит – русские, и надо этим гордиться. Я тоже считаю, что нам с братиком повезло. Нас крестили, не смотря на то, что мама мусульманка, мы православные, потому что папа наш крещеный. А крестный наш по национальности – немец. Мне больше всего

Ева Радавичюс

нравится, что мы отмечаем все праздники. Мама нам готовит блинчика на масленицу, бешбармак на наурыз, красим яйца на пасху, а крестный нас всегда поздравляет на рождество и угощает нас «куххе» это немецкое национальное блюдо, сладкое и рассыпчатое. У меня и у Давида есть казахский национальный костюм. Я выучила песню на казахском языке «Толганай» и пела ее для своей прабабушки, и бабушка даже плакала, она у нас ветеран тыла и труда. Бабушка Зауре, все ее зовут баба Зоя плохо говорит по-русски, но я ее понимаю, когда мама с бабушкой говорит по-казахски, я стараюсь учить слова. Бабуля много рассказывала, как тяжело было в войну, как она работала. Ей тогда было всего 11 лет. Мне ее жалко, она плачет, когда вспоминает, но зато радуется когда говорит о своих детях – их у нее пятеро, о внуках – их шестеро и пока четыре правнука. Бабушка живет в нашем селе с 1956 года. Тут выросла моя бабушка и мама, они даже ходили в ту же школу, что и я. Я очень люблю свое село, когда уезжаю на каникулах, скучаю не только по родным улицам, но и по школе, по детской площадке и по одноклассникам. У нас есть асфальт и есть где на роликах кататься. На уроках нам рассказывали про города побратимы, жалко что нет сел побратимов. Еще нам рассказывали, что такое патриот, и мама, и на уроках. И я знаю что я – патриот. Я люблю свою родину, она большая и умеет дружить с другими странами. Когда вырасту и стану художником, я хочу нарисовать все вокруг, и леса и поля, и коров на лугу. Мама говорит что красиво везде, а у нас красивее от того что родное. И я с ней согласна.

Ева Радавичюс

Карасукский район

Моя семья – моё богатство

Семья для каждого человека – фундамент жизни. Именно в семье мы учимся жить, быть добрыми, ответственными, терпеливыми. Родители, дедушки и бабушки во всём подадут пример.

Моя семья

Я живу в селе Ирбизино Карасукского района, учусь в 8 классе. Мне 14 лет. С 2006 года семья Лобановых стала родной для меня и моей сестры Кристины, а через 3 года и для Зыкова Вити. В 2015 году в нашей семье произошло пополнение. Родители взяли на воспитание Данилу, Гелю и Вову Смирновых. Живём мы дружно. У нас очень дружная и большая семья. Замечательные родители, которые всегда направляют нас на правильный путь и во всём помогают. Старшие брат Александр и сестра Виолетта – родные дети мамы и папы, часто приезжают в гости, опекают нас, поддерживают. Мы очень любим и уважаем их. Как и в любой семье, у нас есть сложившиеся традиции. Например, на 8 марта всю работу, в том числе и женскую, выполняют папа и братья: готовят поздравление, накрывают праздничный стол, дарят нам подарки. На каждый день рождения мы собираемся вместе за праздничным столом и поздравляем именинника. Первой, по праву старшинства, поздравляет бабушка, после неё папа и мама, дальше каждый по очереди говорит свои пожелания. Замечательная традиция! Ещё один праздник, который мы с нетерпением ждём, – Новый Год. В преддверии этого волшебного дня мы всей семьёй украшаем ёлку, надевая игрушки на пушистые ветки, загадываем желания. Я очень люблю, когда перед праздником в доме начинается суета:

все готовят друг другу подарки, наряжаются, режут салаты. В доме царит веселье и ожидание чуда, пахнет ёлкой и мандаринами. После торжественной речи президента мы вместе выходим на улицу и пускаем салют.

Новый год – время чудес и волшебства, и все мы очень любим этот праздник. Каждый год летом наша семья ездит в лес заготавливать берёзовые веники. На полянке, рядом с лесом, расстилаем баннер и идём за папой к лесу. Он секатором срезает ветки – с каждой берёзы понемногу, чтобы не навредить дереву. Ребятишки помладше переносят веточки на баннер, старшие обрабатывают их и вяжут веники. Мы всегда берём с собой и бабушку. Она очень любит бывать на природе. Бабушка ищет и собирает разные травы, чтобы добавить в веник, говорит, что это полезно для здоровья. И зимой мы в этом убеждаемся. Понятно, ведь бабушка много знает. Наша семья любит отдыхать на природе. Мы разбиваем палатки, разжигаем костёр, жарим шашлыки. Берём с собой мяч и ракетки для бадминтона и с удовольствием играем. А ещё у нас есть большое знамя с пионерским значком, на котором написано «Будь готов!», и лозунгом: «К борьбе за дело Коммунистической партии будь готов!». Мы вешаем его высоко на дерево над нашим «лагерем», и оно красиво развеивается на ветру. Папа рассказал нам, что это знамя ему подарил на память один хороший человек, когда родители участвовали в 5-ом международном фольклорном фестивале «Живая вода». Мы бережно храним памятное знамя. Оно напоминает нашим родителям о школьной поре. Они часто на семейных посиделках рассказывают нам о том времени, поют песни под гитару. Я очень люблю такие вечера! В нашем дворе растут яблони, вишня, ирга, малина, смородина, черёмуха, облепиха, черноплодная рябина, жимолость, боярышник. За всеми этими кустарниками и деревьями мы терпеливо ухаживаем всей семьёй и каждую весну высаживаем новое деревце. Хорошая традиция. Мне кажется, что наш дом и двор – сказочный дворец! Спасибо нашим родителям, что создали такую красоту! Лето – любимое время в нашей семье.

Папа и мама устраивают для нас небольшие путешествия. Мы отдыхаем в Яровом, Новосибирске. От этих поездок у нас много фотографий – хорошая память о прекрасно проведённом времени! Самый старший член семьи – бабушка Валентина Ивановна. Я с детства помню, мы всегда любили ночевать у неё. Она перед сном часто рассказывала о том, как жили раньше, о своём трудном, но счастливым детстве. А как бабушка рассказывает сказки! Мы сейчас не так часто остаёмся у неё ночевать, но иногда я прошу её: «Расскажи мне ту сказку, помнишь, про глиняного парня!». Она посмеётся и начинает тихонько своё сказание.

Бабушке мы помогаем. Родители приучили нас уважать старших. И это очень важно!

Интересных традиций много в каждой семье. И главное, чтобы мы сохранили эти традиции в памяти, а когда придёт время, передали их своим детям и внукам.

Благодарю судьбу, что мы попали в такую замечательную семью, многому научились. Это счастье, когда тебя любят, поддерживают, учат хорошему. Теперь я точно знаю, что добрые традиции – это путеводители по жизни!

Я люблю читать, пишу стихи, участвую в конкурсах. Для меня лучший подарок – книга, энциклопедия. Мои небольшие произведения первыми читают родители и бабушка. Это уже стало традицией!

Закончить свой рассказ хочу стихотворением, которое я посвятила моей второй семье.

О СВЯТОМ

Да, у всего на свете есть начало.
С истоков реки тянутся к морям.
А каждого на свете человека
Начало главное – его семья!

Семья для каждого из нас – святое!
Здесь нам привычны нежность
и любовь.

И как бы нас судьба ни разбросала,
В семье мы соберёмся вновь и вновь.

Семья для нас – фундамент
главный в жизни.
Тебя всегда там ждут и будут ждать.
И в трудный час, в тяжёлую минуту
Семья всегда готова поддержать.

Ты ею дорожи, и каждое мгновенье
Словно зеницу ока береги,
Чтоб никогда не пересохли эти реки,
Великая надежда всей Земли!

Марина Опёнышева

Кочковский район

Наш семейный музей

Меня зовут Арипов Даурен, я учащийся шестого класса Новорешетовской средней школы Кочковского района Новосибирской области.

В нашей школе с 2002 года работает школьный музей «Истоки». Руководит музеем Татьяна Ивановна Зима. В нашем музее более пятисот экспонатов в семи экспозициях: «История рукоделия», «Предметы быта», «История села», «Школьные годы чудесные», «Старинные иконы», «Помнит мир спасённый», «Пионеры-герои». Музей работает под девизом: «Чем дальше в будущее входим, тем больше прошлым дорожим».

Я являюсь членом Совета школьного музея, всегда участвую в организации выставок, тематических уроков, классных часов, экскурсий. В составе лекторской группы мы готовим общешкольные мероприятия, участвуем в конкурсах. Мне очень нравится заниматься исследовательской работой, собирать материал, выезжать в экспедиции в близлежащие посёлки. А еще меня всегда очень интересовала история моей семьи, и сегодня я расскажу о семейных реликвиях, которые бережно хранятся в нашем доме.

Чтобы узнать точное значение понятия «реликвия», я обратился к энциклопедии. Само это слово происходит от латинского *reliquiae*, что означает «остатки, останки» – свято хранимая, почитаемая вещь, связанная с историческими или религиозными событиями прошлого. Когда я написал слово «реликвия», мама предложила мне разбить его на слоги и внимательно прочитать. У меня получилось ре-лик-ви-я. Моё внимание привлек слог «лик». Я обратился к толковому словарю В. И. Даля и узнал, что «лик» в русском языке означает «лицо, образ». Поэтому можно предположить, что семейная реликвия – это образ семьи.

Почти в каждой семье есть какая-то вещь, интересная история, а может быть тайна или предание, которые бережно хранят, передают из рук в руки, из уст в уста следующим и следующим поколениям. Такая семейная реликвия есть и в моей семье...

Главная реликвия нашей семьи – это большой (объемом в тридцать литров!) старый чугунный казан. Отец затруднился ответить на мой вопрос о возрасте этой ценности, но знаю точно, что нашей семье этот чугунный казан достался от моей прабабушки по папиной линии Ариповой Тайры. От неё мы унаследовали и пятилитровый угольный самовар из нержавеющей стали. Вся наша семья очень ценит и любит эту вещь, давно ставшую для нас необходимым предметом быта. Когда у нас собираются гости, мы дружно садимся за стол и наслаждаемся вкуснейшим горячим чаем из нашего старенького самовара.

Кроме того, наша семья передала на хранение в школьный музей «Истоки» белоснежную льняную скатерть, вышитую красными цветами. Она является результатом долгого и кропотливого труда нашей доброй прабабушки, а значит, заслуживает особой бережливости и аккуратности в использовании.

Мне очень дороги вещи, доставшиеся от предков и хранящиеся в нашей семье. Я считаю, что история семьи – это часть истории страны. С древнейших времен каждая семья из поколения в поколение несёт собственные традиции и обычаи, реликвии, дорогие сердцу воспоминания. И не стоит забывать о старшем поколении, об их ценностях, подвигах, мы должны чтить и уважать память о них. Ведь неспроста в наших семьях хранятся вещи, которые передаются из поколения в поколение как память о дорогих людях.

В заключение скажу, что очень горжусь своими предками, не остаюсь равнодушным к истории семейных ценностей и хочу, чтобы память о предках сохранялась как можно дольше, и чтобы в будущем мои дети знали и ценили историю своей семьи так же, как это делаю я.

Даурен Арипов

Баганский район

Необычный памятник – хвост разбившегося самолёта

В один из дней той прекрасной поры, именуемой в народе «бабьим летом», руководитель школьного музея собрал нас вместе для покраски необычного памятника.

Этот памятник представляет собой обломок упавшего 20 лет назад самолёта,

а точнее его хвостовую часть. Раньше я его никогда не видела, только слышала о нём. И вот мы здесь. Вокруг царит безмолвие, словно сама природа охраняет покой погибшего здесь летчика.

На самолётном хвосте заметны трещины, красная звезда со временем потускнела. Служивцы лётчика сделали вокруг памятника ограду из цепей, а сам хвост поставили на плиту.

– Это случилось в 1988 году, – начала свой рассказ наш руководитель. – Лётчика звали Кириллов Сергей Михайлович. Вот внизу его фотография.

На нас смотрело красивое и улыбающееся лицо летчика. А ещё поразил нас возраст летчика, ему было всего лишь 36 лет.

– Сергей Михайлович выполнял плановый учебный полёт из города Купино, там располагался центр полётов, – продолжала Татьяна Николаевна. – Как говорят очевидцы, горящий самолёт летел над селами Романовка и Грушевка. Видимо, управление вышло из-под контроля лётчика.

Анатолий Михайлович Симанчук, муж Татьяны Николаевны, приехавший вместе с нами, вспоминал:

– Предполагали, что Сергей Михайлович уводил самолёт от села Грушевка и не успел вовремя катапультироваться, в итоге он упал в озеро. Всё это видели местные скотники. Именно они первыми прибыли к месту происшествия и вытащили лётчика из озера в надежде на то, что он жив. Но он был мёртв.

Мы внимательно слушали. Наши сердца замирали. Казалось, их биение было таким сильным, что даже нарушало эту мёртвую тишину. Теперь я думала только о герое, который пожертвовал своей жизнью во имя спасения других людей. Страшно подумать, что было бы, если самолет упал бы на село.

Работа завершена: памятник покрашен и убрана листва. Ну вот, всё в порядке. Почему же долгое время памятник был без присмотра? Чувство вины, охватившее меня, при встрече с памятником, немного притушилось. И я молча дала себе обещание, что никогда не забуду это место на земле,

Памятник Сергею Михайловичу Кириллову в д. Грушевка Баганского района

и того лётчика, который преподнёс мне и всем нам урок мужества.

Прежде чем уехать мы снова посмотрели на фотографию лётчика. Улыбающийся молодой человек смотрел на нас, в его глазах ещё блестел огонёк жизни, которая должна была продолжиться, если бы не эта трагедия. Впервые я столкнулась с той ситуацией, которая заставила задуматься о смысле моей жизни.

Случай с лётчиком помог узнать истинную цену человеческой жизни, и может, многое придёт с годами, но уже сейчас я начинаю задумываться о том, ради чего я живу, за что борюсь, к чему стремлюсь, что ценю. Во мне пробудилось желание делать людям добро, не прося ничего взамен. Может тогда моя жизнь не пройдет даром?

Эту историю я запомню надолго и буду обязательно рассказывать её всем. А этот день останется в моём сердце навсегда.

Дарья Яценко

Северный район

Георгиевская ленточка

Сейчас День Победы трудно представить без георгиевской ленточки. Она прошла свой путь от 60-летия Победы до 72-летия и стала символом этого праздника не только у нас, но и во многих странах. Хотелось бы рассказать об одном из авторов проекта «Георгиевская ленточка», Наталье Лосевой. Наталья Лосева – журналист, живет и работает в Москве. Но ее корни у нас, в Северном. Здесь жили и трудились ее дедушка и бабушка – Анна Даниловна и Михаил Денисович Квакушонок, здесь в 1970 –х годах работал хирургом ее отец Геннадий Михайлович. Да и сама Наталья до 7 лет жила в нашем селе. Сегодня она – автор многих медиапроектов, успешных, популярных, с впечатляющей динамикой роста. Но сайт 9tau.ru среди них занимает особое место. Работа над ним привела к созданию проекта, который приобрел мировую известность, проекта, о котором знает сейчас каждый, «Георгиевская ленточка». Может быть, работая над проектом, На-

талья думала о своем деде – участнике Сталинградской битвы, или о четверых погибших братьях своей бабушки – Максиме, Петре, Дмитрие и Викторе Дьячуках?

Акция «Георгиевская лента» родилась в год 60-летия Победы. Проект вырос из интернет – проекта РИА «Новости» «Наша Победа. День за днем», на котором в течение года публиковались истории разных людей о том, как той или иной семьи коснулась Великая Отечественная война.

«Я помню!
Я горжусь!»

Как рассказывает Наталья Лосева: «Были истории и о фронтовиках, и о партизанах, и о подвигах... Сильные, гораздо сильнее любого фильма или книги о войне. Такие, которые читаешь и понимаешь, что нельзя дать забыть новым поколениям, какой ценой нам, нашей стране досталась та победа, цену этого «пункта истории». Есть вещи, которые становятся системообразующими для народа, для его самоидентификации, если хотите. У каждого из моих коллег есть своя личная причина придумывать и организовывать эту акцию. Собственно, это уже не акция, это история с совершенно очевидными признаками традиции. Так случилось, что Георгиевская ленточка не осталась разовым проектом, хотели мы того или нет. И, в общем-то, уже понятно, что не мы руководим процессом, а он нами. И сейчас мы должны понять, как из эмоциональной акции Георгиевскую ленточку превратить во что-то еще более созидательное и осознанное».

Сейчас, акция перестала быть акцией и стала традицией, наполненной спокойным и отчетливым смыслом. Те-

перь у людей 9 Мая ассоциируется с георгиевской ленточкой. Праздник был всегда, а теперь у него еще появился свой знак – символ пролитой крови русского солдата на полях сражений, символ отваги и мужества, символ победы, символ единения народа из прошлого через настоящее в будущее.

Наталья Лосева

Накануне празднования 72-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне в рамках всероссийской акции «Георгиевская ленточка», мы с ребятами кружкового объединения «Эккурсовод» побывали в гостях в Доме ветеранов с акцией «Я помню! Я горжусь!» и подарили ленточки, изготовленные педагогами и учащимися Северного Дома детского творчества. Слезы благодарности выступали на глазах ветеранов, когда внимательные чуткие детские руки прикрепляли ленточку к лацкану одежды.

Акция, задуманная РИА Новости и «Студенческой общиной», с каждым годом становится все масштабней. За 12 лет существования акции, было распространено более 100 миллионов ленточек по всему миру.

Ольга Ляхнович

Карасукский район

Две жизни – и одна любовь

Вы спрашиваете у нас, что такое Карасукский технический лицей № 176, в чем заключается его загадка и почему сегодня слава о нем идет как об одном из самых передовых образовательных учреждений области? И не только области!

Так встали звезды ...

– окончили школу более 5,5 тысяч выпускников, среди которых более 200 медалистов;

– 90 % выпускников поступают в высшие учебные заведения, из них 86 % на бюджетной основе;

– в 2006, 2008 г. лицей стал победителем конкурса образовательных учреждений, активно внедряющих инновационные образовательные программы, и получил гранты в один миллион рублей;

– в 2014 году лицей вручена Золотая медаль конкурса «100 лучших школ России»;

– в 2015 году лицей награжден орденом А. С. Макаренко Международной академии развития образования и педагогических наук;

– 2009–2019 год – 11 проектов лицея выиграли конкурс социально значимых проектов Новосибирской области;

– 2019 г. – лицей стал Центром образования цифрового и гуманитарного профилей «Точка роста» в рамках федерального проекта «Современная школа» национального проекта «Образование»;

– лицей получил статус Регионального ресурсного центра развития образования Новосибирской области;

– выигран грант в размере 6 миллионов рублей в рамках федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» среди образовательных организаций, имеющих лучшие результаты в преподавании предметных областей «Математика», «Информатика» и «Технология».

Можно еще посчитать различного уровня дипломы, сертификаты и многочисленные благодарности, а результаты выразить в метрах, килограммах, терабайтах...

А все начиналось с мечты!.. С 1960 года жила – была в далеком сибирском захолустье на станции Карасук Западно-Сибирской железной дороги хорошая восьмилетняя школа № 176, «Семка», как ласково называли её. Ещё будучи железнодорожной, она славилась крепким преподавательским составом, хорошим уровнем знаний учеников. Жизнь в школе кипела. В 1962 году здесь был открыт железнодорожный класс. Учащиеся этого класса изучали различные железнодорожные профессии. Осо-

бым шиком была железнодорожная форма, которую носили школьники. Ведь стать железнодорожником было очень престижно! В школе закладывались важнейшие человеческие качества – уважение к труду и людям-труженикам, ответственность за свои дела и поступки, стремление сделать хорошее и доброе для общества, для Родины.

И жила бы она спокойно и благополучно, если бы на Дальнем Востоке, в подобном захолустье, незадолго до этого, в 1957 году в обычной советской семье кадрового военного, бывшего фронтовика А. М. Кривушева не родился бы сын. Его назвали Сергей, что значит «высокий, ясный». Отец был очень горд, когда сыну по окончании Томского университета присвоили офицерское звание и он был направлен для прохождения службы в Ленинградский военный округ. Перед молодым математиком открывались новые перспективы! Но в вечном споре богов, кто правит миром, победу одержали числа! Урания, муза наук, ликовала: волей судьбы в 1983 году новоявленный «старлей» стал учителем математики именно в ней, только теперь уже в средней, школе № 176.

Сергей Александрович Кривушев

Быстрый новаторский ум и способность к смелому и точному решению проблем, разносторонность интересов при этом глубина знаний, мужское обаяние и, как сейчас модно говорить, «харизма» делали его в глазах учеников и коллег «пассионарием», героем своего времени.

Здесь, в школе, произошла судьбоносная встреча. Встретились и неразрывно связали свою судьбу на долгие годы точные науки. Демешкин Виктор Иванович и Кривушев Сергей Александрович создали класс с углубленным изучением физики и математики. Используя опыт учителей-новаторов, приглашая преподавателей вузов из Новосибирска и Омска, учителя добились

результатов, которых раньше никогда в Карасуке не было. Если из школы в прошлые годы в институты поступали единицы, то из этого класса – восемнадцать выпускников!

В 1992 году обычная средняя школа стала техническим лицеем № 176. Основатели лицея, видимо, обладали особым чутьём: они выбрали то направление, которое сейчас стало особенно востребованным. Была введена курсовая подготовка по экономике, программированию, эстетический цикл занятий. В лицей стали приглашать преподавателей институтов, которые вели занятия с лицеистами уже на уровне требований вузов. Лицеисты стали выезжать в институты на сессии. Школьники жили в общежитии, ходили на лекции, работали в лабораториях на новейшем оборудовании. Первый лицейский выпуск 1995 года был ошеломительно успешным: все поступили в институты.

С тех пор прошло почти 30 лет. Математика стала любимым предметом для сотен девочек и мальчишек. А для многих из них, как для Сергея Александровича, их любимого учителя, стала делом всей жизни. Став директором, он внес в жизнь лицея свежую струю. Был открыт Центр довузовской подготовки, сформировалась система работы с университетами Новосибирска, Омска и Томска. Это дало возможность проводить на базе школы всероссийские, региональные предметные межвузовские олимпиады, модернизировать учебные кабинеты. Лицей возмужал. В нем ста-

ли учиться дети из других школ Карасука, сёл, соседних районных центров, приграничного Казахстана и даже из дальнего зарубежья!

В лицее всегда думали о будущем. С тяжелым бременем разработки учебно-методического сопровождения внедрения инноваций с ювелирным изощрением и завидным постоянством справляется заместитель директора Шишкина Юлия Николаевна. И сегодня особое место в стратегическом плане развития лицея уделено формированию будущего интеллектуального потенциала страны. Эту проблему не решить без выявления и поддержки развития одарённых детей, «золотого запаса» нашей страны. Профильные смены теперь организуются с участием учащихся из Краснозёрского, Баганского, Купинского, Краснозёрского районов, приезжают дети из Алтайского края.

В 2012 году по губернаторской программе в области было открыто 23 специализированных класса с углубленным изучением физики. Один из них – в Карасукском техническом лицее. Это накладывало особую ответственность на весь учительский коллектив. В этом классе углубленно изучались физика, математика, черчение и информатика. Через два года состоялся выпуск. Девять лицеистов закончили учёбу с медалями. В вузы поступили все. Успех открыл путь к созданию в лицее инженерных классов, куратором которых была назначена Ломиковская Надежда Низаминовна. Будущие инженеры проходят дополнительную курсовую подготовку по робототехнике, 3-D моделированию, мехатронике, программированию, техническому английскому. Районная администрация передала лицее ещё одно здание, где развернулся технологический центр под руководством Суховершиной Светланы Тимофеевны.

2014 год для технического лицея стал триумфальным. Всероссийский образовательный форум «Школа будущего. Проблемы и перспективы развития современной школы России» создал государственный реестр школ. В число 100 лучших школ России вошёл Карасукский технический лицей

№ 176. Впервые лицеисты приняли участие во 2-м Национальном чемпионате сквозных рабочих профессий высокотехнологических отраслей промышленности по методике WorldSkills в Екатеринбурге. И сразу – успех! Владимир Мрих и Валентин Бурдин, учащиеся молодого преподавателя Ивана Александровича Войтова, заняли второе место, оставив позади школы Новосибирска, Санкт-Петербурга и других больших городов. Ребята вместе с педагогом были удостоены награды губернатора за то, что они доблестно сумели защитить честь Новосибирской области. И это неслучайный успех. На следующий год команда лицея во главе с преподавателем Шаравиным Александром Владимировичем, участвуя в таком же конкурсе, уступила только москвичам. Педагог ведёт курс авиамоделирования, куда нет отбоя от желающих. Мечты будущих инженеров воплощаются в крылатые модели, которые ребята учат взлетать, приземляться, делать виражи.

В этом умении зажечь детей огнем науки, творчества, вдохнуть жизнь в сухие формулы, помочь найти свой жизненный путь и заключается мастерство педагогов!

Сергей Александрович признается, что счастлив, так как работает в высокопрофессиональном коллективе, он радуется жизни, детям, внукам, гордится своими учениками. Выпускники лицея успешно работают не только в России, но и за рубежом. Среди них есть доктора и кандидаты наук, офицеры, начальники железных дорог, ведущие экономисты, редакторы столичных телеканалов и т. д. В лицее пестуется будущая инженерная элита, которая скоро станет опорой экономики нашего процветающего государства. Особое внимание директор уделяет решению проблемы сохранения и укрепления здоровья детей, педагогов и родителей. Поэтому первостепенное значение придает созданию особой экосреды на территории лицея, на основе которой также реализуется система практик для учащихся. Экосреда создана и поддерживается силами учителей и учеников, ветеранов и родителей, включает фонтанный комплекс, розарий, дендрарий,

теплицу, футбольное поле с искусственным покрытием и трибунами, спортивно-оздоровительный комплекс с тренажерным залом. Территория лицея стала достопримечательностью и любимой зоной отдыха жителей Карасука. Школа для директора С. А. Кривушева – это живой растущий организм, существующий по законам любви и доброты. Жизнь школы и жизнь ее директора наполнены любовью. Любовью к детям, коллегам, науке, жизни. И эта одна, общая, и надо сказать, взаимная любовь является моментом истины, секретом успеха деятельности муниципального бюджетного образовательного учреждения – технического лицея № 176 Карасукского района Новосибирской области!

А мечта? Он мечтает и сейчас. Мечтает открыть региональный Технопарк на базе лицея...

Ольга Грицай, Анна Доме

Болотнинский район

Мы вместе

В 2002 году на базе Болотнинского педагогического колледжа открылся спортивно-просветительский клуб «Мы вместе». Идея принадлежала директору Педколледжа Владимиру Сергеевичу Грибовскому, человеку, который посвятил спорту большую часть жизни и не понаслышке понимал сущность спорта, как объединительной силы, которая сплачивает коллектив, сливается в монолит и помогает не только научиться понимать друг друга с полуслова, но и помогает проявить себя, заявить о себе как о личности.

Его поддержали сразу и первыми членами клуба стали В. А. Франк, В. И. Ржанов, В. М. Петров, И. Д. Трушин, В. В. Щедров, В. С. Грибовский, Г. А. Сарапулов, А. И. Барсук, В. А. Мильчевский.

Время перемен и затянувшейся перестройки требовал иного подхода, нового взгляда на условия формирования команды, которая и сегодня и в будущем сыграет решающую роль в жизни района. Большинство руководителей учреждений и предприятий

района уже поняли, что совместный бизнес не столько объединяет, сколько разъединяет, деловые интересы меняются, меняются соратники, а значит, такие связи неустойчивы, вот почему спортивный клуб стал тем местом и тем условием, которое формирует безупречную команду руководителей г. Болотное и Болотнинского района. Да, цель в Уставе была провозглашена правильная: формирование навыков здорового образа жизни и пропаганда командных видов спорта. Однако, была поставлена и сверхзадача: неформальное объединение в сплоченную команду руководителей предприятий, учреждений и администрации района.

Членом клуба может быть любой руководитель, ведущий специалист предприятия, организации города и района в возрасте от 35 лет, с высшим образованием и стажем работы в должности не менее 2-х лет. Иван Дмитриевич Трушин, полковник, командир воинской части, подготовил Устав, который позже утвердили на общем собрании клуба.

В клубе «Мы вместе» занимаются спортом, но именно не в формальном общении рождается взаимопонимание, в спортивных состязаниях проявляется

характер, воля, взаимовыручка и другие нравственные способности руководителя. Не на совещаниях, планерках или сессиях, а здесь на спортплощадке шутка товарища рихтует характер, а проявление воли к победе – уважение.

В названии скрыта главная цель клуба: «Мы вместе». Наступившее время разъединяет, дробит, ослабляет, не дает развития, вот почему болотнинцы решили вопреки времени – объединиться. Созидательная сила в способности объединить усилия на общее и бескорыстное благо. Развитию этого качества способствует спорт.

Деятельность клуба «Мы вместе» ведется по двум направлениям: общение внутри клуба и просветительская работа среди молодого поколения.

Общение внутри клуба проходит два раза в неделю. За много лет уже сложились добрые традиции. После занятий члены клуба собираются за столом на чаепитие. Разговоры за столом ведутся разные, случаются и бурное обсуждение прошедшей игры, кто не доспорил на площадке, спорят за чашкой чая, иногда обсуждаются насущные вопросы, проблемы, строятся планы. Незаметно в работу объединения во-

Верхний ряд,
слева направо:
А.В. Бедарев,
В.И. Грибовский,
И.Л. Сорокин,
И.Н. Бабичев,
В.А. Франк,
Ю.В. Адам,
А.М. Юркевич,
С.А. Костыленко
Нижний ряд,
слева направо:
М.В. Ржанов,
В.М. Петров,
С.Е. Мамиконян,
В.С. Грибовский,
А.Н. Дашковский,
О.В. Баланов,
С.Э. Дашковский

шла традиция отмечать дни рождения членов Клуба. Безалкогольный подход является незыблемым законом. А вот вкусный торт к чаю – пожалуйста! В день рождения участник Клуба награждается Грамотой. Что значит эта грамота для членов клуба? Отвечает заместитель директора по административно – хозяйственной части педаколледжа А. В. Бедарев:

– Для меня Грамота – это подтверждение тому, что я победил себя. Жизнь насыщенная и сложная. Иногда хочется после работы провести вечер возле телевизора, но что там смотреть, и я мобилизую силу воли, откладываю сотовый телефон, отключаю телек, надеваю спортивную форму и иду в спортивный зал разогреться. Уходят на задний план проблемы и усталость, появляется стремление к деятельности. И так каждую неделю – борьба с собой и активный отдых. Поэтому, получив первый раз Грамоту, я дал себе обещание, что буду получать ее каждый год.

В Уставе клуба по вопросу алкоголя есть отдельный пункт: член клуба может быть отстранен от занятия, в случае появления в нетрезвом виде. Также за пропуски без уважительной причины штраф в размере месячного взноса. Как видите, подход современный, бескомпромиссный, даже, можно сказать, жестокий.

Просветительская работа среди молодого поколения – это, прежде всего, инициатива членов клуба. Каждый квартал составляется и согласовывается план работы с молодежью. Одной из ярких традиций являются товарищеские встречи со студентами педагогического колледжа. Ребята имеют возможность пообщаться с представителями власти в неформальной обстановке – вот способ формирования взаимопонимания и коллективной сплоченности, в доступности, а не в высокомерной отчужденности.

Интересно и продуктивно проходят встречи членов клуба с учащимися школ и студентами колледжа. На таких мероприятиях пламенно обсуждаются вопросы правовой грамотности, гражданской позиции, основ здорового образа жизни, а порою все заканчива-

ется разговором о жизни, что называется «по душам».

За время существования клуба состав менялся. Чаще всего это было связано с тем, что члены клуба покидали Болотнинский район, получали повышение по службе.

Что дает участие в клубе? Почему так важно два раза в неделю встречаться вечером после работы в спортивном зале Болотнинского педагогического колледжа?

Отвечает директор педколледжа Владимир Сергеевич Грибовский.:

– Мне кажется, что каждый из нас ждет понедельник и среду (дни занятий клуба) для того, чтобы отвлечься от производственных вопросов и проблем. Мы встречаемся для того, чтобы пообщаться, ведь общение и возможность поговорить, обменяться мнением, информацией, эмоциями, наконец, – это великое достояние человека, большая ценность. Более того, для меня, как руководителя педагогического колледжа, важной целью являлась возможность привлечь к профилактической, просветительской работе как можно больше специалистов. Понимаете? Ведь у педагога всегда есть «педагогическая» цель – дать детям как можно больше полезной, нужной и важной информации, а тут сразу весь цвет района, два десятка руководителей и высококлассных специалистов в своем деле! Чем не педагогический потенциал? И я его с радостью использую. Но это моя хитрость и вы ее никому не рассказывайте.

Идея клуба получила свое продолжение. На базе Спортивной школы также собралась команда единомышленников для занятий спортом. Участники объединения отмечают положительное влияние таких занятий на рабочий процесс.

В 2020 году клуб отмечает 18-летие. Совсем небольшой срок для прекрасного начинания. Сформировались традиции, сложились теплые отношения между членами клуба, проведено множество интересных мероприятий. А что же впереди? А впереди жизнь! Клуб будет существовать, пока есть желание быть «вместе». Пока в районе есть люди, влюбленные в свою Родину.

Татьяна Гусева

Чановский район

Дом, где мы живём

А я топну ногой,
Да притопну другой,
Сколько я ни топочу,
Всё равно плясать хочу.

Вот такие частушки любит петь мой дедушка Саша, он у нас балагур и весельчак. Это он сейчас немного остепенился, а раньше, по рассказам бабушки Маши, ни один праздник в деревне не обходился без его весёлой гармошки и частушек.

Мой папа унаследовал задорный нрав своего отца. Учась в пятом классе, папа самостоятельно научился играть на гармонии, а позднее освоил и гитару. В праздничные дни в нашем сельском клубе самодеятельные артисты устраивают концерты для своих односельчан, и мы всей семьёй участвуем в них. В репертуаре родителей в основном мелодичные лирические песни

Деревня моя, деревянная, дальняя...
Смотрю на тебя я, прикрывшись
рукой.
Ты в лёгком платочке июльского
облака,
В веснушках черёмух стоишь
над рекой...

Это исполняют родители, а сестре Дарье больше нравятся, как и деду, задорные частушки. У нас в семье только я не музыкальный, люблю по деревне гонять на мотоцикле!..

Поселок Приомский

Места у нас красивые, рядом озеро Карбалык, что в переводе с татарского «чёрная рыба». Оно глубокое, и рыбы в нём и в самом деле много. Озеро находится с западной стороны посёлка.

Бывает, выйдешь к озеру, вечером на закате сядешь на бугорок, глянешь кругом и такая красота – дух захватывает!.. Солнце как будто уходит в озеро. Малиновый диск с каждой минутой опускается ниже и ниже, только яркая дорожка становится всё длиннее, окрашивая озёрную воду в ярко-алый цвет. Глухо ухаёт выпь, резко рассекая воздух, криквы спешат на ночлег. А ещё озеро облюбовали лебеди. Каждую весну прилетают, чтобы вывести птенцов. Осенью, перекликаясь, делают прощальный круг над своим домом и улетают зимовать в тёплые края.

В двух километрах от посёлка протекает речка Омка. Весной она разливается так, что заливают все прилегающие к ней луга и пастбища.

Всё лето мы, мальчишки и девчонки, проводим время на речке. Купаться где попало в ней опасно, можно утонуть или затянет под корягу – не выбраться. У самого берега крутятся тёмные омуты. Омка – глубокая речка с высокими берегами и быстрым течением, но у нас есть место, называется Узкая Лука. В этом месте река делает поворот, берег пологий и песчаный, здесь мы купаемся и загораем.

В лесах, которые тесным кольцом опоясывают горсточку домов, полно грибов и ягод. Идя в лес, запросто можно встретить семейку косуль. Они мирно пасутся у колка и, даже заметив людей, не спешат убежать.

В начале тридцатых годов прошлого века несколько семей облюбовали это место, приехав из некогда большого села Кондаково, что стояло на Московском тракте. Срубили первые домишки, так образовался наш посёлок. Позднее он получил название Приомский, что означает при реке Омке.

Среди первых переселенцев была семья Вяткиных – Александра Васильевича и Прасковьи Александровны. Они вырастили девятерых детей. Самый старший сын, Григорий погиб

в первый год Великой Отечественной войны. Остальные выросли, у них появились дети, внуки, поэтому больше половины семей в посёлке – Вяткины.

Деревенька наша небольшая, около четырёх десятков дворов. Несколько домов опустели, кто-то уехал, а кто-то умер. Пока ещё есть школа, в ней учатся семнадцать учеников, но на будущий год первоклассников уже не будет. Жаль, если со временем наш посёлок исчезнет с карты Родины. Здесь родился я, мои родители, мои дедушки Александр и Анатолий и бабушки Мария и Надежда, и даже прадедушки отсюда родом.

У любимой бабы Нади в середине октября был юбилей – 60 лет. Задолго до праздника мы начали готовиться к этому торжеству. Со своими двоюродными сёстрами Алёной и Ксенией заранее составили концертную программу, подготовили весёлые конкурсы, загадки, написали поздравительные плакаты. В праздничный день разноцветные шары и красочные поздравления развесили по всему дому и в ограде. Погода благоволила бабуле в этот день. С утра светило солнце, и денёк выдался не по-осеннему тёплый. Увесистый клён у дома ярко-жёлтыми листьями дополнял наши украшения. Все наши поздравления были приятным сюрпризом для бабы Нади. В назначенное время собрались приглашённые гости. Весь вечер в честь юбилярши звучали пожелания. В перерывах между весёлыми конкурсами, которые проводили мы, её внуки, взрослые устроили бурную дискотеку. Все интересные моменты вечера я старался запечатлеть на фотоаппарат.

Давно все фотографии вклеены в наш семейный альбом. Долгими зимними вечерами мы всей семьёй устраиваемся поудобнее на диване и внимательно рассматриваем каждую фотографию, обсуждаем и заново переживаем все события нашей семьи. Тихо потрескивают сухие берёзовые поленья в печке и так хорошо, тепло и уютно нам всем вместе в нашем доме.

Егор Заворин

Татарский район

Диянин – божий человек

Понятие «Родина» у меня связано, прежде всего, с моим детством, счастливым детством. Что я помню из детства? Пасха! Рано утром мы просыпались от зычного, трубного голоса, проносящего «Христос Воскресе», на что родители отвечали «Воистину Воскресе». Далее следовал вопрос «спеть можно?», родители разрешали. Затаив дыхание мы слушали песню – молитву. Запомнились слова «в руках, ногах штыри забить». Голос был невероятно громкий, красивый, идущий из глубины. После песни родители клали человеку в мешок(!) пасхальные угощения – яйца, булочки, конфеты. Это был Диянин, божий человек, который ходит по дворам на пасху. Мы, дети, даже не задумывались, кто он, откуда, зачем ходит. Для нас это был человек, без крови и плоти, мы думали он ходит везде. Ну, Диянин и Диянин, – божий человек. Иногда выглядывали из бочковухи (так мы называли спальню), видели очень высокого, с бородой, человека. Утром, встречаясь с друзьями, спрашивали друг у друга: «У вас Диянин был? – Был, а у вас? – И у нас был. – У вас пел? – Пел. – А у нас мамка не разрешила». И забывали про него до следующей пасхи. К годам 12–13 нас постигало великое разочарование, что это был обыкновенный мужик из соседней деревни, который пешком через болото приходил к нам в деревню славить пасху. Наберет пару полных мешков подаяний, свяжет их, перекинет через плечо и тем же путем домой. Звали его Алеша по фамилии Дивянин. Отсюда и наше «Диянин». Был он два метра ростом, очень сильный и прожил девяносто лет. У себя в деревне он не пел по дворам. Говорили старшие, что его там не пускают люди.

Когда началась перестройка, Диянин ходить перестал. Зато начали по дворам ходить наши дети. Соберутся человек по шесть, пакеты в руки и из двора в двор со словами Христос Воскрес. С восьми до десяти утра человек тридцать пройдет. Всю неде-

Храм Рождества
Пресвятой
Богородицы.
д. Рождественка

лю перед пасхой готовимся, закупаем конфеты, красим яйца, печем булочки, на «раздачу» как мы говорим. Все перечисленное готовим тазами! Ходят не только деревенские, но и дети, приехавшие на выходные в гости к бабушкам. Это для них как интересное приключение, о котором они потом в городе друзьям рассказывают. В соседних деревнях не ходят, а у нас уже лет тридцать как действует этот обычай, который я очень люблю!

Ирина Котова

Новосибирск

Непростая история

На основании Императорского указа от 1883 года гомеопатия ступила на территорию России, именно в эти годы начали активно открываться гомеопатические аптеки и лечебницы, появились первые административные структуры. Её эффективность особенно ярко была проявлена в лечении «больших» эпидемий тех времён: холеры, брюшного тифа, дифтерии

На заре нового столетия гомеопатический метод успешно применял А. П. Чехов, приблизительно в эти же годы гомеопатию пропагандировал будущий святой праведный Иоанн Кронштадтский, домашние гомеопатические аптечки имели многие русские деятели. И совсем удивительно, что в советское время гомеопатия, равно как

и генетика, были запрещены, но лечебная деятельность врачей-гомеопатов не прекращалась никогда, и «сильные мира сего» зачастую имели личных врачей гомеопатов.

Возрождение гомеопатии в России началось с середины 80-х годов, после Чернобыльской катастрофы, когда стало не до кабинетных интриг, гомеопаты приняли самое активное участие в спасении людей от лучевой болезни. Результаты лечения гомеопатов поразили очевидцев и скоро вышел Правительственный Указ № 115, признающий и поддерживающий гомеопатический метод в СССР, и впервые было зарегистрировано «Российское гомеопатическое общество».

И все-таки, для тех, кто еще не сталкивался с этой методикой, хочу пояснить, что это система врачевания, основана доктором медицины, приват-доцентом Лейпцигского университета Самуелем Ганеманом еще в XVIII веке. Основопологающим законом гомеопатии является закон подобия: пациенту в малой дозе назначается лекарство, которое в большой дозе вызывает признаки, сходные с его болезнью. Все кажется просто, но все гениальное – просто. Внешняя простота гомеопатического приёма требует большого профессионализма и напряжённого труда доктора в подборе индивидуального лекарства. Лечебный арсенал гомеопатии состоит из препаратов природного происхождения, способ приготовления которых очень красив и одновременно сложен. Внешняя легкость не исключает глубоко научной основы. Гомеопатические лекарства экологически чисты, абсолютно безвредны, к ним нет

привыкания. Гомеопатия, распространенная по всему миру, но наиболее широко она используется в Индии, Греции, Франции, и Швейцарии. И главное, ее не надо противопоставлять аллопатической медицине, ведь бывают ситуации, когда показана хирургическая помощь или по жизненным показаниям приём антибиотиков. В Первую мировую войну люди умирали от заражения крови тысячами и антибиотики уже во Вторую мировую войну спасли миллионы человек. Но, например, при легкой простуде применять антибиотики крайне вредно, потому что они ослабляют иммунную систему человека. Во всем должен быть индивидуальный подход, здравомыслие и спасительная роль доктора.

Начало развития гомеопатии в Новосибирске относится к 1991 году, когда группой врачей-энтузиастов (Н М Титиева, Л В Яблонская и др.) было учреждено Новосибирское отделение Российского гомеопатического общества, целью которого стало возрождение и развитие Гомеопатии в Новосибирской области. Для реализации этой цели был создан Сибирский Центр «Гомеопатия», в структуру которого вошла первая за Уралом аптека с производственным отделом и лечебным отделением. Руководителем центра и президентом РГО стала д. м.н., заслуженный врач РФ Наталья Михайловна Титиева, отличный организатор и координатор развития гомеопатии в нашем регионе. Под её руководством и при поддержке областной администрации были разработаны и выполнены за период с 1991 по 1995 годы важнейшие социальные программы: «Гомеопатия – детям», «Гомеопатия – пожилым», «Экология и Гомеопатия». При её активном участии в городе были проведены Международный гомеопатический конгресс (1996г) и Российский гомеопатический съезд (1999г). На базе Центра началась первичная подготовка врачей методу гомеопатии. В дальнейшем, в 1997 году, Центр был переименован в Гомеопатический медико-социальный центр, руководителем которого стал К. О. Макаренко. Одновременно с СЦГ, в августе 1991 года, другой группой новосибирских врачей (И. А. Краснопольская,

А. Б. Большаков, Е. Ю. Филин, Д. А. Чабанов) была основана Медицинская научно-производственная фирма «Кантарис», а в 1997 году – Новосибирский Гомеопатический Центр (директор к. м.н. Д. А. Чабанов), ставший основой для развития классической гомеопатии в Новосибирске. В том же 1997 году специалистами НГЦ был открыт курс классической гомеопатии при ФУВ (факультет усовершенствования врачей) НГМА (ректор проф. А. В. Ефремов). Таким образом для широкого круга врачей стало возможным изучать гомеопатию в ВУЗе.

Чабанов Дмитрий Алексеевич

В то же время, наверное, ни один раздел медицинской науки не имеет столь бурной и сложной истории развития, как гомеопатия. Несмотря на успешное развитие метода гомеопатии в Новосибирске и в России были определённые сложности, касающиеся надуманной конкуренции. Вышло несколько скандальных статей, были втянуты в фейковое противостояние ученые, и общественному мнению навязано несуществующее противостояние с аллопатической медициной. Отличительная черта настоящего времени – это безнаказанная ложь, ложь – как средство борьбы. Но мы знаем, что великое не рождается без испытания, сторонники гомеопатии проявили мужество, выдержку и терпение, и не скатились до пошлой полемики с заказными провокаторами.

Следующая значимая веха в истории Гомеопатии в Новосибирской области началась в 2011 г, когда на базе

Новосибирского Гомеопатического Центра (НГЦ) совместно с греческой Международной Академией Классической Гомеопатии (МАКГ, ректор профессор Джордж Витулкас) была открыта Сибирско-Греческая Школа Классической Гомеопатии. Программа предусматривала 500 часов обучения в течение 2-х лет. Первым преподавателем Школы стал к. м.н. Д. А. Чабанов. За период с 2011 г. по настоящее время Школу прошли и успешно сдали экзамен 147 врачей из Новосибирска, Уфы, Екатеринбурга, Тюмени, Красноярска, Омска, Иркутска, и ряда других городов Сибири. На базе НГЦ с 2011 года стали проводиться ежемесячные клинические разборы сложных пациентов.

Именно Классическая Гомеопатия открыла практикующим докторам новые уникальные возможности этого удивительного метода, такие как возможность прогнозирования, глубокого анализа лечебного процесса, выбор стратегии лечения и лекарственного препарата, а также умение правильно оценить реакцию пациента на лекарство. Вот почему у Новосибирских гомеопатов столь внушительные успехи в улучшении здоровья наших земляков.

В 2015 году – новый этап развития – открыта Сибирская Гомеопатическая Ассоциация (СГА), президентом которой стал Д. А. Чабанов (вице-президенты: С. И. Герасенко, В. А. Заозёр-

нов, Л. В. Яблонская). В 2017 и 2019 годах усилиями СГА в нашем городе успешно проведены два крупных Международных Симпозиума по Классической Гомеопатии. В них приняли участие представители Министерства Здравоохранения Новосибирской области, Комитета по Охране Здоровья ГД РФ, Национальной Медицинской Палаты, ведущие зарубежные и отечественные специалисты. С 2016 года СГА был учрежден конкурс «Врач года», а редколлегия СГА (к. м.н. М. А. Литвинова и А. В. Долженкова) начала издавать альманах «Классическая Гомеопатия». Ещё одна сфера, без которой невозможна современная работа врача-гомеопата – это компьютерные программы – справочники по гомеопатии. И здесь наш новосибирец к, м, н, Е. Ю. Филин стал первопроходцем. Его компьютерные программы известны и востребованы не только в нашей стране, но и за рубежом, а его последняя программа «Радуга-6» и «ExlibRus-2» по своему объёму и возможностям не имеют аналогов в мире! Бурно развивается в Новосибирске и издательская деятельность в области Гомеопатии. Издательство Марии Сокольской «Гомеопатическая книга» стало крупнейшим в России.

Системная и высокопрофессиональная деятельность врачей-гомеопатов сделала неоценимый вклад в развитие гомеопатии в России, укрепляя её статус и улучшая здоровье людей. Уникальность гомеопатии в индивидуализированном подходе лечения и поэтому ей подвластны практически все заболевания. Даже такие тяжёлые, как бронхиальная астма, эпилепсия, аутоиммунные состояния и многие другие. Так на Международном симпозиуме в 2019 году наши доктора представили блестящий опыт излечения болезни Бехтерева, гломерулонефрита, тяжёлого нейродермита и других чудесных исцелений. Гомеопатия прекрасно подходит для лечения острых и хронических болезней, при этом являясь самой лучшей индивидуализированной системой профилактики различной патологии, позволяющей нивелировать большинство наследственных предрасположенностей, не давая им развиться

в течение жизни пациента. В повседневной практике наших врачей много примеров, когда профилактическое гомеопатическое лечение благотворно влияло на потомство. И, безусловно, гомеопатия способствует долголетию! Всё больше земляков становятся нашими пациентами. Так только в одном Новосибирском Гомеопатическом центре наблюдаются, поправляя и поддерживая здоровье свыше 20 000 пациентов!

Разве не стоило ежедневно слагать трудную, но счастливую историю нашего гомеопатического метода в Новосибирской области, если мы помогли стольким людям. Жизнь продолжается, мы усердно трудимся, деятельно повышаем свой профессиональный уровень, а значит, спасем еще многих и многих наших земляков.

Лилия Яблонская

Тогучинский район

Мечты сбываются или приключения двух подруг

То ли желание найти приключения, то ли от недостатка адреналина в крови, но, так или иначе, у нас, двух подруг – не разлей вода, двух Светлан, зародилась такая идея: совершить сплав по реке Ине. И вот настало долгожданное лето – время отпуска. Пришла пора осуществить свою мечту. А так, как мы не любим лёгких путей, то подошли к этой проблеме творчески. Мы решили взять материал, который лежит у нас под ногами – это пластиковые бутылки, и построить плот.

Бутылки, сначала, соединили между собой скотчем, затем – в блоки, а потом уже блоки соединились в одно

целое – непотопляемое сооружение. Правда, наш плот, почему-то, стал походить на вместительную двухместную пластиковую лодку. Мы не огорчились и назвали свой двухместный корабль «Девчата». На воплощение мечты, скажем сразу, затраты не велики – 12 рулонов скотча. В основном время ушло на сбор стройматериала – 222 пластиковых пяти литровых бутылок. Лодка получилась крепкой, надёжной и даже красивой. Еще до отплытия, как справедливая и дотошная комиссия, мы забрались в лодку вдвоем и испытали ее прочность тут же – на месте сборки. Что мы только не вытворяли, но наш корабль был незыблем, как пирамида Хеопса.

После мы с особым подозрением изучили маршрут сплава по реке Иня, как опытные лоцманы, определили расстояние, которое нам предстояло преодолеть, узнали скорость реки и высчитали, где у нас будет первая ночевка. Но рачительное здравомыслие подсказало нам взять «прицепом» резиновую лодку для нужных и полезных в путешествии вещей. Наконец решительно выбрали день и отправились навстречу приключениям.

Надо сказать честно, мало, кто верил в успех нашего предприятия. Многие говорили, что мы не проплывем и ста метров, кто-то посмеивался над нами. А мы не стали обижаться на завистливых людей.

Однако, испытания начались еще дома. Вещей оказалось много, и лодка для нас оказалась тяжелой, поэтому пришлось просить соседа Славика довести на машине наш корабль до берега. От волнения в этот день сердце билось с невероятной силой, адреналин зашкаливал, внимание к нам было повышенным. Мы переживали: как все пройдет, выдержит ли нас лодочка, не расклеится ли скотч в воде – не опозориться бы. Но волнения были напрасны. Все шло «как по маслу». Спустили лодку на воду, подняли флаг и под восторженные крики «Ура» друзей, которые пришли проводить нас, мы отчалили.

И вот мы достигли фарватера, наше судно легко заскользило по глади родной Ини вниз по течению, навстречу

таинственным, но желанным приключениям. Всего полчаса – и наши друзья остались за поворотом, махая нам беленьким платочком. Впереди просторы реки, нашей радости не было предела – свобода! Нас понесло по течению, и мы наслаждались местными красотами. Кстати, «Иня», в переводе с тюркского, – «Мама». Очень красивая река. По пути мы видели степенных журавлей, величественного аиста, семейство светлых уток, юрких ласточек и таинственную выдру. Пожалели, что не взяли с собой удочек, так как рыба чуть-ли не сама прыгала к нам в лодку. Но как оказалось, Иня не быстротечна и нам часто приходилось сидеть «на веслах». Река очень разнообразна: то напоминает заросшее кувшинками озеро, то стремительную горную реку со скалистыми берегами. Панорамы чудесных видов природы менялись, как в красивом кино.

Но вот, и первые проблемы, с которыми нам пришлось столкнуться:

организм-то – живой и периодически нужно было избавляться от продуктов его жизнедеятельности.

Мы стали искать место для швартовки на короткую стоянку, но кругом только обрывистый или илистый берег! Через полчаса, чтобы дело не доводить до абсурда, мы причалили наспех – в ил. Утопая в прибрежной грязи, но цепко держа лодку за швартовой конец, мы выбрались на сухой берег. Скоро, испачканные по самые уши, воняющие тухлым илом, мы вернулись в пределы нашего ковчега. Грязные, но счастливые мы поплыли дальше, благо воды кругом много, мы тут, же устроили постирушки, и скоро наш кобель походил на плавучую сушилку женского белья.

Первую свою остановку мы запланировали в с. Янченково, но так как мы плыли медленно, то вечером доплыли только до с. Гутово. По дороге нам встречались очень доброжелательные люди: приветствовали нас, не очень ловко приглашали с ними отдохнуть на берегу. Мы, как общительные девушки, соглашались и высаживались на берег, рассказывая любопытным о своём судне. Нас кормили и поили. Короче говоря, в нашем путешествии голодовать не пришлось, потому что все берега, как скоро выяснилось, кишат рыбаками. И мы поняли, что следующую остановку для биологических потребностей надо выбирать осмотрительно.

Два симпатичных, но слегка веселых рыбачка угостили нас рыбой. Большое им спасибо! Уже вечером, когда разбили лагерь для ночлега, сварили вкусную уху. Сидя у костра, делились впечатлениями от первого дня, мечтали о том, что будет завтра. А потом – здоровый богатырский сон в палатке на свежем воздухе. Итог первого дня – 18 км, немного меньше, чем планировалось.

Второй день начался, как всегда бывает на природе, с беспредельного пения птиц. Стая птиц на раскидистой берёзе громко упивалась гимном восходящему солнцу. В кустах ивняка, недалеко от нашей палатки, молодая супружеская пара неведомых нам птах ни-

как не могла что-то поделить, но более тонкий писк самки, скоро окончательно победил несговорчивого самечика. Мы слушали этот милый скандал и с восторгом вспоминали свою беспокойную юность. Но засиживаться было нельзя: нас ждали новые приключения. И мы, быстро позавтракав остатками ухи и собрав вещи, продолжили наше путешествие. И долгожданные приключения не заставили себя ждать! У нас разрядились сотовые телефоны, и мы перестали ориентироваться во времени, мы не знали, то ли сейчас раннее утро, то ли уже полдень. Как угнетают эти глупые привычки цивилизации! А мимо нас плыли живописные пейзажи, солнце поднималось над нашим, стремительно скользящем по мелкой ряби, лайнером.

Скоро в наших сердцах поселилась тревога: плывем уже пару часов, но, ни сёл, ни деревень, ни рыбаков на берегу нет! Может, что-то случилось, и все разбежались, или мы банально заблудились? Однако, как мы могли заблудиться, сплавляясь по реке? Но мы девочки, а с девочками всякое случается... И мы решили выйти на берег и осмотреться. Подплыв и выскочив на берег, моя подруга стала привязывать лодку к дереву. Одной идти на разведку ей не хотелось. Пришлось и мне выходить на берег. Ухватившись за траву и перекинув ногу за борт, я потеряла равновесие и упала в воду как раз в тот момент, когда подруга изо всех сил тянула лодку на берег. Лодка накрыла меня с головой, вещи оказались в воде. В следующий миг, подруга скинула обувь и бросилась в воду спасать уплывающую одежду, а я медленно ползала по мелководью, кропотливо изучала илистое дно и скоро подняла с куском грязи: фотоаппарат, сотовый телефон и сломанный флаг.

– Кажется, мы потерпели кораблекрушение, – весело сказала моя подруга с охапкой мокрой одежды в руках. Но мы не отчаивались, в конце концов мы нашли, что искали – приключения и адреналин, взгромоздились в сырую лодку и налегли на весла.

Нежданно за поворотом появилось вождеденное Янченково. Мы уме-

ло пришвартовались на утоптанном сельском пляже, накрепко привязали к прибрежной коряге лодку и помчались в село. Постучались в крайний дом, попросили разрешения позвонить своим родным, что бы не переживали за нас, и узнать который час. Мы думали, что никто не откликнется на нашу просьбу, потому что вид у нас был не путешественников, а разбойников: полностью отсутствовал макияж, маникюр, прически, мокрое трико неприлично прилипло к телу, а надорванные тельняшки вызывающе глазели на людей грязными пятнами.

Говорят, мир стал равнодушным, каждый сам за себя, но, наверное, это не про село Янченково, и вообще не про нашу местность: на всем протяжении пути нам встречались только доброжелательные люди и с радостью нам помогали.

Узнав время, мы отчалили. Но не тут-то было. Наша лодка отказывалась плыть, как мы ни старались грести, отталкиваться веслами от дна, нас все равно притягивало к берегу, как магнитом. С этой стихией боролись полчаса. В голову что только не лезло: сначала решили, что это водяной шутит, потом под подозрение попали мужики, которые, как известно всем девочкам, до старости – дети и пакостники. Но вот нашу лодочку понесло по течению, и мы увидели сзади себя в воде верёвку, которую отвязали от коряжного пирса, но не закрепили на флешботе. Это она, веревка, цепляясь за коряги и камни, не давала нам плыть. Зря мы так про мужиков-то... огульно.

Продолжая путешествие, когда вокруг тишина и покой, охота было развернуть свою русскую душу. Мы запели морскую песню:

А когда на море качка
И бушует ураган,
Приходи ко мне морячка,
Я любовь свою отдам.

Мы чувствовали себя настоящими морячками, которые плывут по большому морю навстречу приключениям. Напевали песни и скатывались по Ине все дальше и дальше от родного Тогучина, но вдруг заметили за бортом,

пустую запечатанную бутылку. Вот! Кто-то в беде и шлет просьбу о помощи! Мы откупорили бутылку, но, ни письма, ни другого содержимого в ней не было – выпили, запечатали и бросили в воду. Вот она тема экологии, но мы не стали эту тему развивать, написали на небольшом листе бумаги желание совершить ещё одно приключение, но только уже на катамаране, сделанном своими руками, тоже из бутылок и теперь – только в следующем году. Письмо запечатали в бутылку и бросили в воду. Эх, экология...

Около пяти вечера, наконец-то, добрались до Мезенихи. И здесь мы решаем, что на первый раз – хватит! Для дебютного сплава, приключений более, чем достаточно. Всего мы прошли целых 32 км.

И несколько выводов напоследок: сплав, пусть даже и по Ине, пусть даже и небольшой компанией, – супер: масса впечатлений и полное отрешение от повседневной жизни, незатейливый отдых и возможность доказать себе, что несмотря на возраст ты ещё молод душой. Хочется обратиться к людям, чтобы они не боялись мечтать и воплощать свои мечты в жизнь, несмотря ни на что.

Ура! Нас ждут новые приключения!

**Светлана Кутузова,
Светлана Косова**

Маслянинский район

Однофамильцы

Этот эпизод в моей жизни произошёл давно, больше двадцати лет тому назад. Заболела дочка, и нам предложили лечь в больницу. Тяжело, когда ребёнок болеет, плохо на душе, но в санпропускнике нас встретила приветливая медсестра, женщина молодая, с добрым, участливым лицом. Обычные вопросы при приёме больного:

- Фамилия?
- Коноплёва...

Голова медсестры поднимается от записей истории болезни, на лице появляется улыбка:

- И у меня такая же фамилия!

- Да это фамилия по мужу.
- А как ваше имя, отчество?
- Лариса Алексеевна.

Брови от удивления вскидываются:

- Ну надо же, точно так же, как и мою сноху!

Изрядно подивившись такому совпадению, мы вскоре разошлись: Валентина Александровна осталась принимать новых больных, а мы поднялись в детское отделение в надежде на скорую помощь врачей.

Времена наступили трудные, лекарств не хватало, поэтому нам предложили приобрести некоторые препараты за свой счёт. И тогда я заметалась в отчаянии. Дело в том, что поступающие больные зачастую свою верхнюю одежду отдавали родным. Мы поступили так же. Одним словом, нужно было срочно добираться до аптеки, а не в чем. На дворе зима, в халате не побежишь. К кому обратиться? Как назло, никого рядом из знакомых. Пометалась я, пометалась и ... спустилась в санпропускник.

- Валентина Александровна, раз уж мы однофамилицы, выручайте! Больше обратиться не к кому.

Валентина Александровна сразу всё поняла, свою одежду дала, с машиной «Скорой помощи» договорилась, чтобы меня до аптеки довезли и назад. Лекарства были куплены, а вскоре и дочка пошла на поправку.

Через несколько лет мы вновь встретились с нашей спасительницей. Оказалось, что Валентина Александровна – близкая родня нашей новой соседки! Разговорились по-соседски, и я напомнила ей давнюю историю, в которой медсестра приняла столь деятельное участие.

Но оказалось, что женщина совершенно не помнила этого эпизода! Вот уж воистину: творящие добро не помнят добрых дел своих, ибо оно бескорыстно.

Столько лет прошло с того важного для нашей семьи события: одни воспоминания накладывались на другие, и нет уже на свете Валентины Александровны, нашей однофамилицы, а память цепко держит всё произошедшее.

По-моему, иначе и быть не может, потому что счастье не в забвенье: наша память – это и есть благодарность за добро.

Оказалось, что семей с подобной фамилией в нашем районе очень много: есть Коноплёвы и в Дубровке, и в Мамоново, и в Маслянино. Даже одинокий, безымянный памятник, что стоит почти рядом с дорогой, между Малой Томкой и Елбанью, связывают с этой фамилией. О том, что здесь похоронен кто-то из Коноплёвых, я узнала ещё в молодости. Тогда особо и не задумывалась: почему так далеко от Елбани; кто именно похоронен в этой могиле; какое имеет отношение к нашему роду? Мне тогда казалось, что на отдельное захоронение были какие-то особые причины: возможно, что-то геройское совершил человек; поэтому и памятник как бы для всех. Когда я спросила об этом свекровь, она рассказала, что здесь похоронен дед моего мужа. Звали его Федот Александрович, умер он приблизительно в 1954 году (свекровь вышла замуж в 1955, его уже не было в живых). Якобы здесь было кладбище от неподалёку стоявших деревень: Томки и Сосновки. Если кладбище, то почему всего одна могилка, где остальные? Да и, если эта могилка принадлежит нашей семье, почему её никогда не посещали? Хотя ухаживать за могилками родных и близких у нас заведено обязательно. Свекровь поведала, что Федот погуливал, жену обижал. Лидия Андрияновна намного пережила мужа, получила две похоронки на сыновей, пропавших без вести на Великой Отечественной, доживала в семье младшего сына, Василия. Может, забвение могилы – как ответ на не знаемую нами обиду? Хотя, по христианским заповедям, принято прощать, да и не была никогда бабушка злопамятной. На все эти вопросы Александра Петровна только пожмала плечами...

Существует и другое объяснение появления этой могилки. Легенда рассказывает, что возвращался солдат с фронта, за плечами – вещмешок, будто бы и убили его в этом лесочке, там и похоронили.

Две истории, связанные одной фамилией. В одной – кровное родство и... безучастие; в другой – неожиданная отзывчивость и доброта от чуждого по крови человека...

Река Суенга

Вся эта история с памятником настолько задела за живое, что захотелось докопаться до истины. Еду из Елбани, выискиваю взглядом знакомую пирамидку: может, уже и нет ничего. Нет, подъезжаем к Сосновке – вот он, памятник, виднеется из-под снега. При первой возможности, прихватив конфет, заставила мужа остановить машину, проползла по пояс в снегу, добралась до цели. И оказалось, что могилка-то не одна, три их, одна даже с фотографией, но фамилия на ней незнакомой женщины. Вторая могилка в виде пирамидки (её-то с дороги и видно хорошо, потому что выше и больше других, поэтому и казалось, что она единственная), на третьей – железный крестик. Все памятники покрашены, да и не выглядят они заброшенными. Видимо, есть добрая душа, кому люди, захороненные здесь, дороги, память их священна. Скорее всего, права оказалась свекровь, говоря, что это старое кладбище заброшенных деревень. Только вот установить, сохранилась ли могилка нашего деда, мне так и не удалось.

Лариса Коноплёва

Доволенский район

Страницы школьного альбома

Вспоминая свою трудовую деятельность, я словно перелистываю в памяти страницы альбома со старыми, но очень дорогими фотографиями.

Первая страница: три девчонки – подружки мечтают, выполняя домашнее задание.

– Когда мы вырастем, обязательно станем учителями.

– Мы с Лилей будем учителями математики.

– А ты, Ира, например, учителем биологии или русского языка.

Многие в то далёкое время считали профессию учителя не только самой важной, но и романтической.

Учитель русского языка
и литературы
Шаповаленко Н.Н.

Представить себя хоть на мгновение не за партой, а за учительским столом уже вызывало радость и желание осуществить свою мечту. Учителя казались нам необыкновенными людьми, знающими всё в этом мире, поэтому мы их уважали, а к некоторым испытывали особую любовь и привязанность.

В младших классах таким «кумиром» была Тамара Александровна Карманова. Свою благодарность мы выражали в подарках, которые обязательно преподносили на 8 марта. А как мы восхищались молодыми учителями, которые приехали в нашу школу: вот Чибакова В. Ф., такая молодая, кра-

сивая с особенной причёской, Галина Афанасьевна Козловская, Нина Игнатьевна Хорина и Тамара Александровна – как они говорили, как одевались, как жили – всё было предметом нашего разговора.

Милая Тамара Александровна с ней связана особая страница моего жизненного альбома. Она не просто работала, она жила вместе с нами. Увлекла деревенских девчонок гимнастикой, купила и привезла им из города гимнастические костюмы – купальники. Мы даже сели на шпагат и выступали с представлением в клубе. Это было здорово! Гимнастика в сибирской глуши! У каждого из них по-разному сложились судьбы, но Тамара Александровна, спустя годы, нечаянно встретила нас, радовалась, расспрашивала обо всём. Теперь я понимаю, что мы для неё также стали светлой частичкой её педагогической деятельности.

Большое место в моём альбоме, конечно, занимают два человека: Фирсова Л. Ф. и Чибакоев В. Я. Ученицей я была прилежной, любила математику. Иметь «5» у Любови Фёдоровны стоит дорогого. «Преподобная Ниночка» однажды назвала меня Любовь Фёдоровна за какую-то «глупость» при решении примера. Ученики любят её по сей день не только как учителя от бога, но и как прекрасного человека, человека с открытой душой.

Класс у нас был большой: среди них и отличники и двоечники, но особым уважением пользовались спортсмены. Среди них и три подружки-одноклассницы: Лилия, Нина, Ира, поэтому Чибакоев В. Я. – это очень уважаемый ими человек.

С ним тренировались до седьмого пота в спортзале, каждый день на лыжах на уроке, а затем на тренировках, с ним на всех мыслимых и не мыслимых соревнованиях по всем видам спорта.

Именно эти прекрасные педагоги определили наш жизненный путь. Все трое стали учителями.

Только мой путь был немножко длиннее извилистее. Но детская мечта всегда вела к одной единственной цели. Электровакуумный завод в Новосибирске, сталелитейный цех в Рубцовске, бухгалтерия совхоза Индерский – и всё равно Индерская школа,

а только потом Новосибирский педагогический институт.

Перелистывая эти страницы, думаешь, что ничего случайного в этом мире нет. Если зерно посеяли, оно обязательно прорастёт.

Я не могу сказать, что я хорошо помню первый урок или первый день, или первых учеников, но я хорошо помню в осознание трудности этого труда.

Теперь ты не просто учитель, ты ещё и «вечный» ученик, без права «прогулять», «не выучить» урок».

Приходилось сидеть по ночам, чтобы прочитать то или иное произведение, написать план, проверить тетради. Да и ученики попадались не сахар. Но всё-таки всегда было больше добрых, отзывчивых, трудолюбивых, таких всегда помнишь.

Листая этот альбом, то остановишься на фотографии, где все стоят с серьёзными задумчивыми лицами – это запечатлён момент расставания. А вот палатка в лесу, тлеющий костёр, туман, поднимается солнце из-за горизонта. Картину оживляет парочка девочек, встречающих рассвет. Это незабываемые мгновения походов.

– Женя, ты почему плачешь? Ведь я только спросила, почему получил «тройку»? – это классный час по подведению итогов успеваемости за неделю. И Женя, такой маленький и робкий, не может объяснить появление «3» в классном журнале.

– Данила, это какое предложение, я что-то не пойму, сложносочинённое или сложноподчинённое.

– Это трудносочинённое, – помогает ответить Даниилу Ксюша.

А это уже урок русского языка, с находчивыми, с чувством юмора ребятами 9 класса.

Вот она школьная жизнь, моя школьная жизнь. Вот из таких прекрасных простых жизненных мгновений складывается она.

Закрываем альбом своей не педагогической деятельностью, и альбом школьной жизни, я оцениваю свой труд не великими достижениями своих учеников (это их заслуга), а количеством хороших людей, в которых есть и частица моего сердца.

Нина Шаповаленко

Болотнинский район

Волшебный камушек

1.

Шёл 1987 год. На перроне станции Болотная лежал камушек. Камень как камень, обычный кусок гранита, серый в крапинку, только одна грань срезана, как зеркало. Такими камнями была отсыпана железная дорога, на них, как на подушке лежали креозоченные деревянные шпалы и всё это служило основанием для рельс, уходящих в горизонт. Ярко рыжая с медным отливом девочка в жёлтых сандалиях собралась было пнуть одинокий камень, но увидела, как сверкнула глянцевая грань, подобрала его, машинально, просто так, на всякий случай. Камушек хорошо лежал в руке, тёплый от летнего солнца. В вокзальный рупор что-то проговорила тётенька с заложённым носом и по перрону забегали люди. Сквозь простудную гундосость, девочка поняла только одно знакомое слово – Болотное.

Мужчина в военной форме шёл размашистыми шагами, держа за руку мальчика, лет десяти, тот часто перебирал ногами, но шёл вровень с отцом. Мужчина остановился, прислушался к голосу из рупора, вздохнул и сел на лавочку. Немного погодя к ним подошла грустная, уставшая, от бессонной ночи женщина и они заговорили. Мальчик немного постоял, а потом, делая вид, что просто прогуливается, подошёл к девочке в жёлтых сандалиях и не дожидаясь вопроса сказал:

– Папу переводят в ГДР, мама переживает. Теперь я за мужика в доме.

– А мы недавно переехали в Новобибеево, – в свою очередь ответила девочка, – здесь недалеко, мама в лесхоз приехала, лекарственные травы сдавать тысячелистник, ромашку, целые мешки. Им лесникам положено, травы сдать и орехи кедровые, если есть.

Девочка протянула найденный камень и сказала:

– Держи, смотри какой красивый, отдашь папе и он обязательно вернётся и мама расстраиваться не станет. У нас в деревне его много, целые горы. Все

кто берет с собою камень, возвращается.

- Все-все?
- Да, все-все.
- А откуда ты знаешь?
- Я так загадала.

Мальчик взял камень и они, сидя на скамье ещё долго о чём-то говорили. Вокзал дышал сытным воздухом августа, народ подкапливался, уборщица протирала подоконники и что-то ворчала себе под нос, а народ всё шёл и шёл. Подошла электричка из Новосибирска, перрон встречал постриженными кустами и по обеим сторонам от входа махали пушистыми ветками молодые, зелёные ёлочки. Из вокзального буфета пахло выпечкой и котлетами, вокзал загудел пчелиным роем и разбудил притихшую было станцию. Девочка в желтых сандалиях вернулась с мамой обратно в деревню, мальчик на край Болотного в казённую квартиру военного городка, ждать отца из Германии.

2.

Прошло десять лет. Болотнинский сырой воздух, похоже, навсегда простудил динамики привокзальных громкоговорителей. Спортивная площадка клуба КОР медленно натягивала на себя вечернее одеяло, улица Вокзальная привычно маячила Красной водонапорной башней, а уставший

вечерний вокзал провожал последних пассажиров. Заросший нестриженными кустами привокзальный скверик скучал по прошлым временам, лишь две темно-зеленые ёлки торчали из зарослей. По перрону бежали тётки с авоськами в направлении автобусной остановки, натурально бежали, толкались, кричали кому-то: «Занимай место!» Все знали, что если так не сделаешь, то будешь стоять на одной ноге в старом ПАЗике и дышать в затылок соседу по консервной банке. Автобусы подъезжали к тому, что называлось почему-то остановкой, вставали у края большой чёрной лужи и народ, кто в обход, кто напрямую утрамбовывался так, что двери долго не закрывались.

Июньский вечер затягивался, воздух стал тяжелым и душным, засобирался дождь. Пришла последняя электричка, из полночной темноты, в еле освещенный вокзальный коридор ступила хрупкая медноволосая девушка в желтом платье и желтых босоножках на высоком толстом каблуке. Зал ожидания встретил запахом креозота, духов и хлорки, на засаленном вокзальном сидении старенького диванчика устраивался поспать молодой человек в форме училища МВД. Парень уютно втирался в сиденье с полной решимостью беззаботно проспать до первого шестичасового автобуса. Девушка тоже

ждала первого автобуса, но лежащий в сумочке красный диплом – гордость и волнение, отгоняли сон, так не терпелось показать его родителям. Она пробовала читать, закрывать глаза и считать овечек, но сон упорно не шёл и ночь казалась длинной. Молодой человек долго наблюдал за ней из-за сады полуприкрытых глаз, потом встал и исчез в темноте перрона, через несколько минут вернулся, держа в руках мокрую от дождя охапку духмяной сирени, молча протянул букет девушке. Сел рядом и, разжав кулак, показал маленький камень, серый в крапинку с глянцевой гранью – обычны кусок гранита, только аккуратно просверленный и на связанной цепочкой капроновой нитке. Она глянула на ладонь и осторожно взяла камушек.

– Где-то я такой видела, давно, ещё в детстве. Ты сохранил его?

Они говорили до утра, не обращая внимания на обшарпанные стены сонного вокзала и на грозу за старыми деревянными окнами и с кислым запахом, будто в старом заброшенном доме. Говорили о жизни, что прошла между теми днями как камень упал на этой станции и не было страха и сомнений, перед туманным будущим и не было ничего, кроме них.

3.

Двадцать лет спустя. Вокзал подлечил свой внешний вид, только, как и сотню лет назад, надменный шрифт с надписью «Болотная» оставался неизменным. В зале ожидания, будто повисли в воздухе новые голубенькие диванчики, рачительно и злобно поделенные подлокотниками, отчего вспоминалось то доброе время, когда стояли коричневые диваны из толстой фанеры, но с расчетом на рост человека. Вокзал занимался привычным делом – встречал и провожал пассажиров. Перрон блестел помытым асфальтом, две вечно не растущие ёлочки в скверике возвышались над клумбами, широко раскинув колючие лапы. Жизнь изменилась. Вот подходят автобусы к привокзальной площади, как солдаты, стройным рядом, никто не мечется и не кричит и все усаживаются согласно купленным билетам. Исчезла лощина напро-

тив здания, исчезла грязь и копоть, исчез тяжкий запах пропитанных шпал, на их место легли новые железобетонные, как впрочем и буфет, тоже исчез. Всё стало строго, чинно и благородно, кусты пострижены, клумбы цветут, стоят скульптуры, как в то доброе советское время.

По площади идет быстрым шагом юноша, лет пятнадцати, в кадетской форме и тянет за руку рыжеволосую девочку в желтых с блёстками сандалиях, несущую в другой руке откушенное мороженное, только что требовательно выпрошенное у брата.

– Ну, давай быстрее, мама уже билет купила, – ворчал мальчик.

На перроне их уже ждали родители, хрупкая женщина с отливающей медью копной волос и солидный, чуть полноватый мужчина, стоявший ровно, как оловянный солдатик. Рыжая девочка сосредоточенно откусывала подтаявшее мороженное и слушала как осипший женский голос откуда-то сверху вещал, что прибывает поезд, который унесет её брата в далёкую Москву. Мама склонилась над юношей и вложила ему в руку небольшой гранитный камушек с одной зеркальной гранью в немудрёной серебряной оправе и на крепкой серебряной цепочке и сказала:

– Возьми, обладатель этого талисмана всегда возвращается на эту станцию, живой и здоровый.

– Да, – согласился мужчина. – А иногда даже жену находит здесь, прямо на вокзале.

– А знаешь почему? – улыбнулась женщина и прижалась к плечу мужа.

– И почему же?

– Потому что камень наш – Бибеевский.

Вокзал с гордостью смотрел на благородное семейство и тихо про себя улыбался. Столько жизней пронесится мимо и столько судеб остаётся в долгой его памяти.

Нина Михайлова

Кольванский район

След моих дел

В логу около дома я придумал обустроить Сад, копаю в лесу сосенки, погибающие в гуще великанов Кудряшовского бора, и высаживаю в лог на лысые от солнцепека косогоры. Знаю, что все сотрется и уйдет в небытие, как забылась жизнь и дела тех, кто покоится чуть далее восточного склона на старом кладбище. Все стерлось, даже сами плиты с витиеватой вязью эпитафий еле читаются, все кануло и исчезло навсегда, все кроме тревожной любви к будущему, которой нас

напитали ушедшие поколения и прошлые заботы, и труды многих и многих людей.

Все сотрется, а Сад останется! Я знаю, что когда-то и совсем скоро здесь в Саду будут стоять разлапистые высоченные сосны, они будут гудеть вековечно и трубно на ветру или янтарно блестеть весенней смолой, а кто-то полюбуется на них и посидит под ними, задумчиво помечтает, прислушиваясь к тишине позднего вечера или к шуму дождевой капли, в которой, я знаю это точно, будут угадываться хрупкие удары моего сердца. А может, ватага мальчишек пробежит, а возможно, ребенок какой с мамкой здесь прогуляются в уютной тени будущего Сада... И все дела наши, большие и малые, обязательно прорастут во всю мощь сохраненной и заложенной в них любви к будущему. И под их сенью прорастут новые пытливые и неравнодушные умы.

Я успею посадить ещё несколько сотен сосен, и дай Бог успеть увидеть следы своих дел. Ведь так хочется верить, что каждый твой след нетленно красив.

Николай Александров

Содержание

Девочка Катя, озеро Чаны и Чудище подводное	4	Толчино	84
Дед Миша и зелёный змей	8	Топонимы посёлка Маяк	86
Певунья	9	Чулымские истории	88
Сказание о двух озерах	10	Стезя, проторенная жизнью	89
Гора Песощка	11	Семейные обычаи и традиции в селе Казачий мыс	92
Улантова гора	12	Штык	95
Наше	14	За Советску власть без коммунистов	98
Человек и Природа	17	Кому люди поклонились – тому и Бог кланяется	100
Черные березы	18	Красный Ермак	101
Тополь	20	Комсомольцы – добровольцы	104
Исследователь Сибири Мессершмидт ..	21	История семьи Жердевых	108
Тайна саман-камня	24	Какой ценой Советская власть давалась	109
Песнь о деревне Заозёрной	26	Памятник борцам за народное счастье	111
В ауле Бергуль есть улица Тукая...	28	Приехали «комиссарь»	113
Как белорусы сибиряками стали	30	Партизаны	114
Деревня Игрушка	31	Село Кундран в Гражданскую войну ..	116
Мироед или благодетель?	32	Два пятнышка	117
Егорьевское золото	36	Четыре поколения солдат	119
А было так...	39	Судьба Рыкалевых	122
Горный инженер Василий Тистров	40	Звёздочка	124
Новокузьминские старообрядцы	42	Бумеранг	125
История деревни Ерёмино	44	Вот что произошло в Арынцассе	128
История одной фотографии	46	У каждого своя правда	130
История как «Нахаловка» стала селом Новороссийским	47	Раздумья старого ларя	132
История села Зюзя	51	Ридикюль	133
История рождения села Крутологово ...	53	Рямовое	134
Такое родное и красивое	55	Белая полоса, черная полоса	147
Колбасник Журавлёв	57	Бурановский мятеж	149
Клад ждет	58	Единственное фото репрессированного прадеда	151
Бергульская земля	58	Браточка, выручи!..	153
Край родной, навек любимый!	61	Отверженный	156
Ласточки прилетели	63	Сломанная судьба	159
Мой прадедушка – ветеран двух мировых войн	66	По-русски	161
Не разрушать, сохранять и преумножать...	67	Новая жизнь	162
Оглухино нет на карте	68	Две войны и одна жизнь	165
Пари на мельнице	70	Сибирь стала родным домом	167
Переселенцы из Лосинки	70	Сапоги	172
Рыбацкие поселения Тополёвик и Орловик	72	Из детских воспоминаний Михаила Плотникова	173
Самовольные переселенцы	74	Источник из могилы	175
Село Биаза	77	Кремлёвский аэродром	177
Степанов	79	Милькины цветы самые лучшие	180
Сузунский госпиталь – первый в области	81	Тайна самолёта из тайги	183

Бронепоезд с именем гордым – «Сибиряк-барабинец»	184	Есть только – фронт	281
Антонина Афанасьева – пятиклассница 1941 года	191	Сорванная резьба	291
Боль в сердце	192	Верните мне мою Победу	294
Женская судьба	193	Малая авиация	296
Немцы Поволжья. Попытка объективного осмысления	194	На завалинке	301
Военная ложка Якова Сулемы	197	О чем шумела завалинка Прусовых ...	303
Байгу	198	«Деревенька моя», слова Владимира Гундарева	307
Чем ты сегодня помог фронту?	200	Аруш	309
Переселенцы	202	А это дано не каждому	311
Авиа	206	Капитан Претцер!	312
Чапай вернулся!	207	Голос земли	315
Под счастливой звездой	208	Возвращение	316
Катюша, война!	210	Вышивальщицы	318
Нет в России семьи такой	212	Генерал из Журавки	320
На маленьком вокзале все плакали ...	214	Герман Титов учился летать в Коченевском небе	320
Гимнастёрка ветерана	215	Докажи, что не трус!	322
Детство моей бабушки	218	Дом, в котором всегда тепло	322
Женские судьбы Вознесенки	221	Дорогие мои земляки	324
Жизненные контрасты	224	Душа хирурга	332
Одно горе на всех	227	Евгений Шкробов, герой Афганистана	334
И чтобы вновь не вспыхнула война ...	229	Его величество Футбол	336
Из воспоминаний посеvнинских ветеранов	231	Улица Макарова	338
Из сердца каждая строка	232	Жизнь леса и судьба человека	340
...И медаль		Зеленый чай	342
«За победу над Японией»	235	Большое будущее	343
Две Родины	236	И это всё о нём	345
Фронтовые весточки	238	История Меретского леспромхоза	346
Израненный, но живой	240	Командировка в прошлое	353
История трофейного чайника	241	Здравствуйте вам!	354
Как корниловские женщины приближали Победу	242	Кулачные бои	356
Мой дедушка – участник Парада Победы	245	Директор Мама	357
Не забудьте нас	246	Был, видел... ..	359
Мой День Победы	247	Моё радостное детство	360
Иде было семь лет	248	Монумент погибшим воинам в с. Сосновке	365
Он защищал Сталинград	249	Мудрая мама	367
Орден за лисиц	250	На Иванах земля держится	369
Сибирь меня спасла и сделала счастливой... ..	251	Наш земляк Харитонов Н. М.	370
Прадед-фронтовик Андрей Еланцев ..	257	Одноклассники	371
С заводом связанные судьбы	258	«Олимпийский чемпион»	372
Сашко	262	Первый глава Кольванского района	374
Герой – учитель	265	Учителя	376
Он потомок легендарных предков	267	Песни и сказки бабушки Васени из села Баклуши	378
Сила Марии Хмельковой	269	Прирождённый селянин	379
Сороковые, роковые	271	Профессия, ставшая судьбой	379
У отца с войны руки не стало... ..	272	Розовые горы	382
Бегом за свиньями	274	След на Земле	386
Улица семьи Сусловых	276	Современные герои, живущие рядом с нами	388
Хозяин земли	278	Солдаты	390
Я горжусь тобой, дед!	280	Судьба председателя	395

Толстово поле	397	Рождение леса	434
Удивительный человек	399	Умирающая Крутлоозёрка	436
Умели радоваться жизни	400	Спортзал в огороде	438
Учителями славится Россия	401	Я каждый день слышу смех детей	439
Художник Павел Поротников из Колывани	403	Исповедь приемного сына	440
Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд	409	Моя многонациональная семья	442
Вечерний звон	410	Моя семья – моё богатство	443
Чемодан	412	Наш семейный музей	445
Юность комсомольская моя	414	Необычный памятник – хвост разбившегося самолёта	446
В преддверии перемен	417	Георгиевская ленточка	447
На пороге третьего тысячелетия	419	Две жизни – и одна любовь	448
Арендатор	422	Мы вместе	451
Знаменитый земляк	423	Дом, где мы живём	454
Детский сад выстоял!	426	Диянин – божий человек	455
Есть такая профессия – Родину защищать!	429	Непростая история	456
Подвиг миротворца	429	Мечты сбываются или приключения двух подруг	459
Долгожданное возвращение Григория Климочкина	432	Однофамильцы	462
Дважды два	434	Страницы школьного альбома	464
		Волшебный камушек	465
		След моих дел	468

**НАРОДНАЯ ЛЕТОПИСЬ.
НОВОСИБИРСКАЯ ОБЛАСТЬ**

Краеведческая художественно-публицистическая хроника

Исторические статьи

Главный редактор-составитель

Н. Александров

Редакторы:

В. Васильев, Е. Васильева, В. Кирпиченко

Обложка *Е. Васильева*

Дизайн-верстка *О. Вялкова*

Корректор *Е. Михайлова*

Подписано к печати 26.05.2020. Формат 84x108¹/₁₆.

Печать офсетная. Тираж 1500 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии «Деал».

г. Новосибирск, ул. Брюллова, 6а.

Тел. (383) 3340-270.